ПРЕЗИДЕНТСКИЙ ЦЕНТР Б.Н. ЕЛЬЦИНА

ЕСЛИ БЫ ПРЕЗИДЕНТОМ БЫЛ ТЫ

ДЛЯ ТЕХ, КТО ХОЧЕТ ПОНЯТЬ
РАЗВИЛКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Авторы-составители
Филиппов П.С., Бойко Т.М., Берман В.Р.

НОРМА
Санкт-Петербург
2014

УДК 372.8:94(470)
ББК 63.3(2Рос)я7
Е84

Если бы президентом был ты / авторы-составители Филиппов П.С.,
Е84 Бойко Т.М., Берман В.Р. – СПб.: Норма, 2014. – 432 с.

ISBN 978-5-87857-223-1

Эта книга для тех, кто хочет понять развилки новейшей истории России – экономические, политические, ментальные, связанные с изменением жизненных установок населения, с развитием политических институтов, с динамикой мировых цен. Для тех, кому интересно самому оценить объективные условия, в которых принимались важнейшие политические решения, имевшиеся ресурсы, реальные цели и интересы политиков. И попробовать поставить себя на их место. Может быть, тогда многие идеологические мифы, оценки и домыслы, которыми обросли события 1980–1990-х годов, предстанут в ином свете.

Для того чтобы помочь читателю сориентироваться в исторических событиях, хитросплетениях политических интриг, настроениях различных слоев общества, описание каждой исторической развилки сопровождается врезками с более подробной информацией о событии, а ссылка на источник позволяет познакомиться с материалом целиком. Работа облегчается благодаря электронной версии книги, представленной на сайте www.ru-90.ru.

ISBN 978-5-87857-223-1

УДК 372.8:94(470)
ББК 63.3(2Рос)я7

© Филиппов П.С., Бойко Т.М., Берман В.Р., 2014
© Норма, 2014

Оглавление

Глава 1. СОВЕТСКАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ
1.1. Черты советского социализма 5
1.2. Ускоренная индустриализация за счет крестьянства 45
1.3. Нехватка продовольствия и нефтяные доходы 56

Глава 2. ПЕРЕСТРОЙКА И КРАХ СССР
2.1. Гласность 76
2.2. Политические реформы 95
2.3. Неудачные попытки экономических реформ 108
2.4. ГКЧП 119
2.5. Республики обретают независимость 133

Глава 3. ВАЛЮТНЫЙ КРИЗИС. УГРОЗА ГОЛОДА
3.1. Валютный кризис 156
3.2. Продовольственная катастрофа 166
3.3. Либерализация цен 173
3.4. Либерализация внутренней и внешней торговли 185

Глава 4. КРИЗИС ВЛАСТИ. НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ
4.1. Попытки финансовой стабилизации 198
4.2. Политическое размежевание. Двоевластие 208
4.3. Кризис власти и его разрешение 222
4.4. Конституция России 1993 года 255

Глава 5. ПРИВАТИЗАЦИЯ
5.1. Необходимость приватизации 297
5.2. Массовая бесплатная приватизация 306
5.3. Ошибки в организации и проведении массовой приватизации 326
5.4. Причины негативного отношения к массовой приватизации 331
5.5. Денежная приватизация – залоговые аукционы – выборы президента 344
5.6. Приватизация в конце 1990-х годов 360
5.7. Итоги приватизации 369

Глава 6. КРИЗИС 1998 ГОДА
6.1. Долговая яма вместо эмиссии денег 385
6.2. Бегство иностранного капитала. Дефолт 399
6.3. Коммунистическое правительство Примакова.
Лучшая политика – ничего не менять 414
6.4. Девальвация – ускоритель роста 426

Говорят, что история не знает сослагательных наклонений. Что случилось, то случилось. Но нельзя рассматривать историю как набор событий, связанных датами и именами. Такая история, даже разбавленная оценками личностей, не отличается от средневековых летописей. История — это прежде всего история развилок, связанных с принятием важнейших экономических и политических решений, с реализацией интересов и жизненных установок социальных групп.

В жизни перед каждым регулярно встает выбор: как поступить, какое решение принять? И от того, правильный ли мы сделали выбор, зависит наше будущее. В таком же положении оказываются и президент, и председатель правительства, и глава Центрального банка. Разница лишь в том, что от их решений зависит будущее целой страны.

Попробуйте поставить себя на их место, ощутите груз личной ответственности. Примите решение, стоя перед исторической развилкой. Хотя бы ретроспективно, углубляясь в недавнее прошлое страны. Это тем более полезно для молодых людей, которые не жили при советской власти и были слишком малы, чтобы помнить события 1990-х годов.

Для того чтобы помочь сориентироваться в исторических событиях, хитросплетениях политических интриг, настроениях различных слоев общества, описание каждой исторической развилки сопровождается врезками с более подробной информацией о событии, а ссылка на источник позволяет познакомиться с материалом целиком. Работа облегчается благодаря электронной версии книги, представленной на сайте www.ru-90.ru.

Глава 1.
СОВЕТСКАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ

1.1. Черты советского социализма

Предприятия и организации находились в государственной собственности, частнопредпринимательская деятельность была уголовно наказуема.

В общих чертах советская система была создана в 1918–1920 годах. Ее важнейшие институты сохранялись и в годы НЭПа. В законченном и целостном виде она сложилась в 1929–1933 годах. Суть нового строя заключалась в соединении восточной деспотии (диктатуры) большевиков в политике, государственного монополизма в экономике и коммунистической идеологии, отрицавшей частную собственность.

Негативное отношение к частной собственности в общественном сознании было рудиментом воззрений, распространенных в крестьянской общине. Оно лишь усилилось под влиянием коммунистической пропаганды.

Подробнее. **Истоки советского проекта – крестьянская община**

Было бы неверно сказать, что крестьяне в 1917 году приняли советскую власть. Напротив, сама эта власть возникла как выражение того проекта, который уже сложился и в значительной мере оформился в среде русского общинного крестьянства. И хотя в условиях революционной смуты и разрухи у каждой отдельной личности не могло не быть обид на любую власть – озлобленную, без ресурсов и без возможности воздействовать на общество посредством устоявшегося права, – в крестьянской среде возникло общее чувство, что именно советская власть выражает их чаяния…

Говоря о роли крестьянства в революции, обычно делают акцент на земельном вопросе, а в нем уделяют главное внимание экономической стороне дела. Недооценка и даже, скорее, непонимание сущности вопроса о земле

в крестьянской России и консерваторами, и либералами, и социалистами-западниками стало нашей национальной бедой. Вопрос о земле был не только экономическим и его невозможно было разрешить исходя из рационального расчета – речь шла о мировоззрении и представлении о желаемом жизнеустройстве в целом, в том числе о путях развития, модернизации России…

И тогда, и сейчас городской обыватель считает, что крестьяне России желали «отнять землю у помещиков». Это совершенно ошибочный стереотип. С момента реформы 1861 года крестьяне вовсе не требовали и не желали экспроприации земли у помещиков, они понимали национализацию как средство справедливо разделить землю согласно трудовому принципу – чтобы и помещику оставить, но столько, сколько он может возделать своим трудом…

А. Энгельгардт писал в «Письмах из деревни» в 1881 году: «Газетные корреспонденты ошибочно передавали, что в народе ходят слухи, будто с предстоящей ревизией земли от помещиков отберут и передадут крестьянам. Толковали не о том, что у одних отберут и отдадут другим, а о том, что будут равнять землю. И заметьте, что во всех этих толках дело шло только о земле и никогда не говорилось о равнении капиталов или другого какого имущества. Именно толковали о том, что будут равнять землю и каждому отрежут столько, сколько кто может обработать. Никто не будет обойден. Царь никого не выкинет и каждому даст соответствующую долю в общей земле. По понятиям мужика, каждый человек думает за себя, о своей личной пользе, каждый человек эгоист, только мир да царь думают обо всех, только мир да царь не эгоисты. Царь хочет, чтобы всем было равно, потому что всех он одинаково любит, всех ему одинаково жалко. Функция царя – всех равнять… Крестьяне, купившие землю в собственность или, как они говорят, в вечность, точно так же толковали об этом, как и все другие крестьяне, и нисколько не сомневались, что эти "законным порядком за ними укрепленные земли" могут быть у "законных владельцев" взяты и отданы другим. Да и как же мужик может в этом сомневаться, когда, по его понятиям, вся земля принадлежит царю и царь властен, если ему известное распределение земли невыгодно, распределить иначе, поравнять. И как стать на точку закона права собственности, когда население не имеет понятия о праве собственности на землю?»

Представление о земле, одинаковое для крестьянства на всей территории России, было развитым и развернутым. Оно было связано со всеми другими срезами жизнеустройства. В 1905 году на съездах Всероссийского Крестьянского Союза были определены враждебные крестьянам силы, и в этом было достигнуто убедительное согласие. «Враги» были означены в таком порядке: чиновники («народу вредные»), помещики, кулаки и местные черносотенцы. А главное, полный антагонизм с помещиками выражался во всеобщем крестьянском требовании национализации земли и непрерывно повторяемом утверждении, что «Земля – Божья». Выборы в I и II Думы рассеяли всякие сомнения – крестьяне не желали иметь помещиков своими представителями.

Собрание крестьян четырех волостей Волоколамского уезда Московской губ. в наказе, посланном в Трудовую группу I Госдумы в мае 1906 года, так обобщило представление о положении крестьянства в связи с земельным вопросом: «Земля вся нами окуплена потом и кровью в течение нескольких столетий. Ее обрабатывали мы в эпоху крепостного права и за работу получали побои и ссылки и тем обогащали помещиков. Если предъявить теперь им иск по 5 коп. на день за человека за все крепостное время, то у них не хватит расплатиться с народом всех земель и лесов и всего их имущества. Кроме того, в течение сорока лет уплачиваем мы баснословную аренду за землю от 20 до 60 руб. за десятину в лето, благодаря ложному закону 61-го года, по которому мы получили свободу с малым наделом земли, почему все трудовое крестьянство и осталось разоренным, полуголодным народом, а у тунеядцев помещиков образовались колоссальные богатства».

В приговорах и наказах 1905–1907 годов крестьяне отвергали реформу Столыпина принципиально и непримиримо… В начале приговорной кампании местные власти пытались организовать (как правило, через священников) составление верноподданических писем. Эта попытка потерпела неудачу, так как после появления такого письма сразу собирался сход, который требовал от покрививших душой отправителей письма указать фамилии тех, кто якобы одобряет политику властей и на кого они ссылались. Если таковых не было, сход требовал от авторов письма гласно в печати от него отказаться, в противном случае ставился вопрос об их исключении «из общества».

Крестьяне признавали многообразие форм землепользования (общинное, индивидуальное, артельное), но категорически требовали ликвидации помещичьего землевладения без выкупа. Общим было отрицание программы приватизации общинной земли с правом ее купли-продажи. Крестьяне Костромского уезда и губ. писали в марте 1907 года во II Госдуму об указе, вводящем в действие реформу Столыпина: «Закон 9 ноября 1906 года должен быть уничтожен окончательно. Права на земельную частную собственность не должно быть».

А в обобщенном приговоре крестьян всей Костромской губ., отправленном в Госдуму в те же дни, говорилось: «Требовать отмены закона 9 ноября 1906 года, разрешающего выход из общины и продажу надельной земли, так как закон этот через 10–15 лет может обезземелить большую часть населения и надельная земля очутится в руках купцов и состоятельных крестьян-кулаков, а вследствие этого кулацкая кабала с нас не свалится никогда»…

Довод против приватизации земли, согласно которому земля есть достояние всего народа и ее купля-продажа нарушает права будущих поколений, в разных вариациях звучит во множестве наказов и приговоров. Заметим, что в приговорах 1906–1907 годов речь идет об указе, всего лишь разрешавшем выход из общины и приватизацию надельной земли. А 14 июня 1910 года вышел жесткий антиобщинный закон, обязывающий разверстать на индивидуальные участки земли общин, в которых с 1861 года не производились переделы земли. Таких земель, по оценкам историков,

было по России примерно 40%. То есть насильно ликвидировалась почти половина общин.

В разных выражениях крестьяне требуют национализации земли (чаще всего говорится о необходимости создания Государственного фонда). Приговор волостного схода Муравьевской волости Ярославской губ. в I Госдуму (июнь 1906 года) гласил: «Мы признаем землю Божьей, которой должен пользоваться тот, кто ее работает; оградите переход земли в одни руки, ибо будет то же, что и теперь – ловкие люди будут скупать для притеснения трудового крестьянства: по нашему убеждению частной собственности на землю допустить невозможно».

В июне 1906 года в I Госдуму был направлен и приговор с. Старой Михайловки Саранского уезда Пензенской губ.: «Мы желаем, чтобы зло земельной частной собственности покончить в один раз и навсегда, как это нам показала история, что вознаграждение ведет к величайшему обнищанию страны и к непосильному гнету для нас крестьян. У нас у всех в памяти кутузки, продажа скота, заушение со стороны властей, слезы жен и детей, которые оплакивали трудами откормленную скотину и продавали с торгов кулаку за недоимки; мы знаем, что землей владеют только тысячи людей, а безземельных миллионы, а поэтому право и желание должно быть по закону на стороне большинства»…

В связи с земельным вопросом крестьяне определяли свое отношение к власти и праву. В очень большом числе наказов крестьяне подчеркивали, что свобода (или воля) для них важна в той же степени, что и земля: «без воли мы не сможем удержать за собой и землю». В наказе Иванцевского сельского общества Лукояновской вол. Нижегородской губ. во II Госдуму (апрель 1907 года) говорилось: «Мы прекрасно знаем, что даже если мы добьемся земли, подоходного налога, всеобщего обязательного дарового обучения и замены постоянного войска народным ополчением, все-таки толку будет мало, потому что правительство может все это от нас снова забрать. Поэтому нам необходима широкая возможность защищать наши права и интересы. Для этого нам надо, чтобы была предоставлена полная свобода говорить и писать в защиту своих интересов и в обличение всякой неправды властей и мошенничеств богатеев, свободно устраивать собрания для обсуждения наших нужд, составлять союзы для защиты наших прав. Требуя полной воли, мы желаем, чтобы никто в государстве не мог быть посажен в тюрьму по усмотрению властей, не мог быть подвергнут обыску без дозволения суда – словом, чтобы была полная неприкосновенность личности и жилища всех граждан. А чтобы судьи были справедливы, не потакали властям и в угоду им не притесняли граждан обысками и арестами, мы требуем, чтобы они не были подвластны начальству: пусть их выбирает весь народ и пусть за неправые дела их можно привлекать по суду».

Источник: Кара-Мурза С.Г. Неполадки в русском доме. – http://www.kara-murza.ru/referat/history/Nepoladki003.html

Но как показывает исторический опыт, именно частная собственность формирует экономические основы независимости граждан от государственной бюрократии, создает фундамент гражданских свобод. Она есть предпосылка для верховенства права, конкуренции, разделения власти и собственности. В сравнении с ней «ничейная» государственная собственность – экономический фундамент тирании. Государственная и общинная собственность не может обеспечить высокую эффективность предприятий и достойный уровень жизни широких слоев населения (достаточно сравнить уровень жизни в ГДР и ФРГ, Финляндии и Эстонии, в Северной и Южной Корее). Большевики же ради сохранения своей власти уничтожали крестьян-единоличников, боролись с «нетрудовыми доходами» предпринимателей, ограничивали кустарный и артельный промыслы. Даже НЭП рассматривался ими как временное вынужденное отступление.

Подробнее. **Советское государство – собственность бюрократии**

Вспомним две формулы Маркса: «Коммунисты уничтожают частную собственность. Государство есть частная собственность бюрократии». Они образуют жесткие логические тиски, в которых зажато общество, построенное по марксистской теории. Эти две формулы описывают самый краткий из всех, но, в принципе, полный курс истории ВКП(б). Дан логический и социально-психологический каркас истории победоносного и обреченного большевизма. Из утверждений Маркса можно вывести следствия: 1) упразднив частную собственность, коммунисты сделали всю собственность государственной; 2) государственная собственность есть коллективная собственность бюрократии; 3) каждый отдельный бюрократ, бюрократический клан стремятся превратить государственную собственность в свою частную собственность.

Экспроприация частной собственности – государственно-бюрократическая собственность – частно-бюрократическая. Вот формула развития социалистического общества от рождения до гибели. В принципе, мы здесь сталкиваемся с частным случаем общей проблемы всех восточных деспотий, – универсальным стремлением чиновников «приватизировать» свою власть, превратить ее в собственность. Залог гибели системы в неизбежности перехода от (2) к (3), в неодолимости «рефлекса приватизации» у бюрократической олигархии. Этот рефлекс мог сдерживаться верой коммунистических бюрократов в сакральную идеологию, отрицающую частную собственность, и страхом нарушить догматы этой веры.

Коммунистический строй с его претензией на научность, рациональность был с самого начала построен как спиритуалистический, оправдание

которого за гранью разума и фактов, в сфере чистой веры (в действительности веры и страха). Именно идеология, вера в нее и страх ее нарушить должны были образовать барьеры между правом распоряжаться госсобственностью и действиями по ее «приватизации» в свой карман.

Вспомним составляющие большевизма: диктатура государства – экономическая и политическая, диктатура бюрократии. Но если над самой бюрократией не будет диктата идеологии, то тогда чем тотальнее строй, чем больше власть правящей бюрократии, тем быстрее она разложится, разделит между собой госимущество, тем быстрее этот строй погибнет. Поэтому сохранность идеологии была основой строя. А важнейшим компонентом в идеологии была ее антисобственническая составляющая, только она и препятствовала перерождению коммунистического тоталитаризма «назад» в госкапитализм с номенклатурой в роли новых капиталистов. (Разумеется, антисобственнические компоненты в идеологии были внутренне противоречивыми, ведь идеология «экономического детерминизма», исторического материализма провозглашала первой целью своей политики не достижение тех или иных собственно имматериальных, духовных ценностей, а, напротив, «удовлетворение потребностей трудящихся». Тем не менее в отношении частной собственности на средства производства стояло твердое табу, а «для страховки» и личная собственность на предметы потребления для членов номенклатуры в 1920-е годы жестко регламентировалась, по крайней мере формально.)

Источник: Гайдар Е.Т. Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб.: Норма, 2009. С. 260–261.

Подробнее. **Борьба с кустарными производствами**

Русские марксисты полагали, что промышленность должна быть крупной, а потому кустарей не любили. Еще в 1908 году Ленин писал: «Поддержка кустаря, то есть мелкой собственности в промышленности, никогда не может быть делом социал-демократов, как деятельность безусловно и при всяких обстоятельствах реакционная». А позже он призывал превратить всех граждан России «в работников и служащих одного крупного синдиката», которым является государство…

Новые лидеры были уверены, что конец капиталистической эпохи означает и конец товарных отношений. Требование ликвидировать торговлю было включено в программу партии, принятую VIII съездом РКП(б) в марте 1919 года. В ней говорилось, что «задача советской власти в настоящее время состоит в том, чтобы неуклонно продолжить замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов». На практике это означало, что трудиться на благо отечества должен каждый, но произведенную продукцию следует не нести на рынок, а сдавать государству…

Уже в начале 1919 года многие кустарные производства оказались связанными с государством договорами, по которым они выполняли заказы для нужд Красной армии и различных советских организаций. Эти предприятия хорошо вписывались в тот вариант экономической политики, которую Ленин называл государственным капитализмом. Проблема заключалась лишь в том, что вождь мирового пролетариата не собирался долго терпеть у себя под боком мелких частников. Светлое будущее должен был строить вооруженный марксистской идеологией пролетариат, а не сидящие по избам деклассированные кустари.

Партийная программа ставила задачу «парализовать стремление кустарей превратиться в мелких промышленников и создать безболезненный переход этих отсталых форм производства к более высокой крупной, машинизированной индустрии». В переводе с партийного языка на русский это означало, что вся деятельность кустарей должна контролироваться государством. А вскоре ВЦИК выпустил постановление «О мерах содействия кустарной промышленности», согласно которому мелкий производитель фактически лишался права работать на рынок…

Идея «заменить кустаря фабрикой» носилась в воздухе, и к концу 1920 года было национализировано более половины мелких и средних предприятий. А тем, кого не национализировали, мягко рекомендовали вступать в кооперативы, которые быстро превращались в средство контроля за мелкими производителями. Конечно, некоторую передышку уцелевшим кустарям дал НЭП, но то была именно передышка – временное право на жизнь…

В отличие от политического подполья, существовавшего в стране в основном в представлении советских властей, подполье экономическое существовало в СССР реально и всегда. В 30-е годы теневая экономика имела уже вполне развитую инфраструктуру. Неудивительно: о смягчении государственной политики по отношению к частникам и речи не было – власти позволяли существовать кустарям лишь постольку, поскольку их деятельность затыкала дыры плановой экономики. Но личное обогащение воспринималось как безусловное зло.

Полностью уничтожить кустарное производство не удавалось, поскольку желающих подзаработать на дефиците всегда хватало. В обход всех запретов черный рынок давал возможность реализовывать нелегально изготовленные товары. Эта задача была весьма нетривиальной, поскольку на законных основаниях частник мог продавать лишь подержанные вещи, а не новые. Кроме того, кустарям категорически запрещалось работать с собственным сырьем – лицензия выдавалась лишь тем, кто работал с материалом заказчика. Смысл этого запрета вполне понятен: так кустарь не будет пытаться продать произведенную им продукцию, поскольку та фактически принадлежит не ему.

Заниматься кустарным промыслом можно было лишь в свободное от основной работы время. Но подобные проблемы советские граждане

научились решать очень быстро. В Москве, например, существовала своего рода биржа труда для спекулянтов, которых устраивали служить театральными гардеробщиками. Эта работа оставляла достаточно свободного времени для того, чтобы заниматься торговлей. Запреты множились, но параллельно росло и количество лазеек, позволяющих их обходить. Частное производство быстро адаптировалось к советским условиям…

С кустарями боролись все: милиция, фининспекторы, карикатуристы… Стоит ли говорить, что и юридическая мысль не обошла это явление своим вниманием. В 1949 году впервые был составлен перечень промыслов, заниматься которыми кустари не могли ни при каких обстоятельствах. Потом этот список то увеличивался, то сокращался. Например, в 1965 году частникам разрешили изготавливать резиновую обувь, головные уборы, ковры (только из материала заказчика) и даже бельевые прищепки (ранее выпуск прищепок рассматривался как уголовно наказуемое деяние).

Тем не менее и после 1965 года уголовное преследование угрожало тем, кто преступно изготавливал металлические кровати с шишечками, тетради, конверты, зеркала, свечи и другие предметы, бесконтрольное производство которых могло подорвать советскую экономику. Считалось, что несанкционированный выпуск товаров широкого потребления отвлекает население от строительства коммунизма и создает опасную конкуренцию государственным заводам и фабрикам. Страшно представить, какой удар по социалистической экономике могло бы нанести неконтролируемое производство бельевых прищепок!

Источник: Малахов А. Ударники подпольного труда // Деньги. 2004. № 15 (470). 19 апреля. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch= d9ab9ee7-2827-4959-97e9-2ee71dae81c1&docsid=467854

Влияние советского бюрократического государства распространилось и на науку, литературу, театр, религию, семью, проведение свободного времени.

Контролируя все и вся, советский политический режим приобрел черты тоталитарного. Его основу составляли средства массовой информации. Благодаря техническому прогрессу и распространению грамотности стал возможен тотальный охват населения коммунистической пропагандой. Постоянно работавшая радиоточка транслировала одни и те же сообщения по всей стране, чтение газет было обязательным, по крайней мере для членов партии. Но и беспартийному советскому человеку для карьеры надо было быть «идеологически подкованным и политически грамотным». Коммунистическая «единственно верная» идеология доводилась до каждого в виде отточенных формул.

Подробнее. **Цензура в СССР**

Цензура как самостоятельное госучреждение – Главное управление по делам литературы и издательств при Народном комиссариате просвещения и его местные органы при губернских отделах народного образования – была создана Декретом СНК РСФСР от 6 июня 1922 года… Этот декрет явился финальным аккордом, а за начальную точку следует принять Декрет о печати от 27 октября 1917 года. На словах Декрет не вводил цензуру, но предусматривал закрытие (временное или постоянное) органов печати, призывавших к открытому сопротивлению и неповиновению правительству, сеявших смуту путем явного клеветнического извращения фактов, призывавших к уголовно наказуемым деяниям. Позднее перечень возможных санкций расширился за счет штрафов, общественного порицания, публикации опровержения, конфискации типографии, лишения свободы, лишения всех или некоторых политических прав. В условиях «бесцензурной жизни» в первые месяцы советской власти до конца 1917 года были закрыты 92 газеты, за январь–апрель 1918 года – еще 111. Потом число закрытий пошло на убыль, поскольку независимых изданий становилось все меньше и меньше.

Институциализация цензуры состоялась. Сказались исторические традиции бюрократизации, стремление к таинственности, меньшей гласности. Откуда рукой подать и до цензуры. Как и в царской России, органы цензуры относили то к системе народного образования, то к Министерству внутренних дел либо учреждали их как самостоятельную ветвь исполнительной власти. Исторически первым общегосударственным цензурным ведомством в Советской России был Госиздат, образованный в 1919 году в Москве при Наркомпросе РСФСР путем слияния издательских отделов ВЦИК, Московского и Петроградского Советов и др. Он имел право утверждать планы любого, в том числе частного издательства, требовать рукописи для просмотра. В июне 1922 года его сменил Главлит, который и стал логовом цензуры на последующие 70 лет.

Ползучая экспансия Главлита шла одновременно по нескольким направлениям.

Во-первых, постепенно увеличивалось число изданий, попадавших под надзор цензуры. Если в 1922 году от цензуры были освобождены издания Коминтерна, партийная печать, издания Госиздата, Главполитпросвета, «Известия ВЦИК», научные труды Академии наук, то в 1931 году их обязали проходить предварительный контроль Главлита «в целях обеспечения сохранности государственных тайн». То есть на всех без исключения произведениях печати требовалась разрешительная виза Главлита. Контролировалось даже содержание этикеток. Политредакторам Главлита была установлена норма цензурирования – 35 сюжетов этикеток и товарных упаковок за смену, от выполнения которой зависела оплата их труда. Иными словами, цензура была всевидящей и всемогущей.

Во-вторых, постоянно расширялся круг контролируемых сведений. В 1920-х годах в печать не должны были попадать «сведения, не подлежащие оглашению; статьи, носящие явно враждебный по отно–шению к Коммунистической партии и советской власти характер; произведения, в которых проводится враждебная идеология в вопросах общественной жизни, религии, экономики, национальных отношений, искусства; публикации, имеющие характер бульварной прессы, порнографии, недобросовестной рекламы». В задачи цензуры входило изъятие из статей «наиболее острых мест (фактов, цифр, характеристик), компрометирующих советскую власть и Коммунистическую партию». Неопределенность формулировок допускала их толкование в самых широких пределах.

В-третьих, Главлиту добавлялись все новые и новые функции. Так, в июне 1924 года было установлено, что с ним должны были согласовываться любые изменения личного состава ответственных редакторов и редколлегий. В 1930 году без его предварительного согласия уже не могли открываться новые краевые, областные и окружные печатные органы. Даже внедрение метрической системы мер не прошло мимо Главлита. С 1933 года его виза требовалась на изготовление «значков, жетонов, эмблем, нарукавных повязок с рисунками и текстом, политической скульптуры, изображающей политических деятелей, а также лозунгов и политических рисунков на фарфоре, стекле, текстиле». На таможнях и почтамтах цензоры досматривали грузы и посылки с произведениями печати, документами, клише, рисунками, рукописями, чертежами, фото- и кинолентами, нотами. К ввозу в страну были запрещены порнографические, а также «вредные для Союза ССР в политическом и экономическом отношениях произведения», которые не уничтожались, а передавались безвозмездно органам Главлита. При этом цензоры оплачивались за счет издательств, при которых они состояли.

Таким бюрократическим монстром Главлит дожил до середины 1980-х годов. Перестройка внесла существенные коррективы в его деятельность, но еще в течение нескольких лет без штампов «разрешено в набор», «разрешено в печать», «разрешен выпуск в свет» ни одни газета, книга и журнал не могли дойти до читателя. И не было юридических гарантий, что разрешенное сегодня не будет запрещено завтра.

Источник: На карусели далеко не уедешь. Интервью с М.А. Федотовым. – www.ru-90.ru

***

Как любая бюрократическая организация, Главлит скоро начал распространять свое влияние и на другие области. С 1923 года в нем появился Главный комитет по контролю за репертуаром, так что надзор распространился на театр, музыку и кино. К примеру, в 1924 году цензоры получили циркулярное письмо Главлита о запрещении идейно порочных танцев… Чуждое влияние искоренялось и в театре. В 1925 году из репертуара сняли пьесу Оскара Уайльда «Идеальный муж» как пропагандирующую чуждый пролетариату парламентаризм. Из оперы «Евгений Онегин» изъяли «фальшивый эпизод

крестьянской идиллии» – сцену барыни с крестьянами, а в опере «Пиковая дама» впредь не должна была появляться Екатерина II… Но главной задачей цензуры оставалась помощь власти в укреплении большевистского порядка. В 1927 году, например, Главлит дополнил перечень сведений, не подлежащих разглашению: отныне запрещалось сообщать о любых выступлениях рабочих против администрации государственных заводов и фабрик, о забастовках, о столкновениях представителей власти с крестьянами, о роспуске Советов в местах, где народ не избрал коммунистов.

Источник: Кузнецова С. Положить предел публичному исполнению порнографической «эксцентрики» // Власть. 2010. № 36 (890). 13 сентября. – http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=94350659-a34d-45f7-9e72-b359db9da7a2&docsid=1495265

Рынки как регуляторы экономической деятельности отсутствовали. Их место занимала административная вертикаль — иерархия начальников, координировавших хозяйственную деятельность с помощью приказов и распоряжений. Цены, ставки заработной платы, нормы и расценки устанавливали государственные органы.

В отсутствие свободы торговли и рыночной конкуренции большевики могли координировать производство и потребление только приказами и распоряжениями. Поэтому после прихода к власти они стали создавать административную вертикаль — номенклатурную систему. Номенклатурой назывался перечень должностей на предприятиях, в министерствах и ведомствах, назначения на которые производились соответствующими партийными комитетами (фактически их секретарями). Но и сами секретари партийных комитетов входили в список номенклатуры и назначались «сверху вниз», партийная демократия была фикцией.

Подробнее. **Рождение номенклатуры в СССР**

После прихода Ленина и его соратников к власти быстро стало очевидным, что управлять страной без солидного штата чиновников невозможно. Однако кадровых революционеров даже на высокие руководящие посты попросту не хватало. А многие из тех, кто по праву считался заслуженным борцом с царизмом, оказались совершенно непригодными для руководящей работы… Ни концентрация различных обязанностей в одних руках, ни постоянная переброска с места на место немногих способных работать большевиков-управленцев не решала кадровой проблемы. Провальной оказалась и кампания по выдвижению рабочих в госаппарат на ответственные, пусть и не самые высокие, должности. Можно представить, каково приходилось рабочему с начальным образованием, назначенному инспектором вузов в Народный комиссариат просвещения… Итогом этой более

чем десятилетней кадровой суеты стал вывод о том, что крепкие и верные руководящие кадры нужно выращивать с младых ногтей. Отбирать среди самых перспективных студентов, помогать им материально, заниматься их идеологическим воспитанием в нужном для руководства страны направлении…

Казалось бы, оптимальный вариант подбора и расстановки аппаратчиков высшего и среднего звена наконец-то сложился. Но с началом репрессий кадровый голод снова обострился… Еще один удар по аппаратной кадровой системе нанесла война. И дело было не только в гибели на фронте и в прифронтовой полосе выпестованных партией кадровых аппаратчиков. Многие из них проявляли слабость, бежали с фронта, расхищали государственное имущество на огромные суммы, но их прощали и снова назначали на руководящие должности. Некоторых прощали по многу раз…

В 1946 году победу окончательно закрепило постановление ЦК о номенклатуре должностей ЦК ВКП(б). В нем говорилось, что на такие должности назначения могут производиться только решением ЦК. Оговаривалось, какие органы могут представлять кандидатов на эти должности, а также их обязанность регулярно представлять в ЦК данные о достоинствах и недостатках руководителей, занимающих номенклатурные должности. Но, как свидетельствуют документы партийных архивов, даже совершение преступления не означало автоматического выбытия из списка номенклатурных работников, если только речь не шла о покушении на власть вышестоящих товарищей. Ценного, с точки зрения руководства, но проштрафившегося управленца просто перемещали на другую номенклатурную должность.

Со временем своя номенклатура появилась у республиканских ЦК, обкомов и горкомов. А внутри ЦК КПСС сложилось деление главного списка руководящих постов на номенклатуру отделов ЦК, Секретариата ЦК и Политбюро. На Старой площади хранилась обширная картотека, где на карточках номенклатурных работников особым образом располагались отверстия, соответствующие их специальности по диплому и прочим параметрам. Так что из ящиков картотеки можно было легко извлечь всех нефтяников определенного возраста или перспективных партработников, имевших производственный опыт. Номенклатурную систему время от времени критиковали и даже высмеивали. Но она продолжала жить, поскольку абсолютно устраивала аппарат.

Источник: Жирнов Е. Горы бумаг и сотни тысяч писак // Власть. 2009. № 21 (825). 1 июня. – http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=d834d295-0f35-4291-b7df-78c06676a07e&docsid=1173073

Стимулом к исполнению приказов и распоряжений были специальные продовольственные пайки («броньпаек», «усиленный паек» и др.), положенные начальникам разного уровня. Лица, вошедшие однажды в номенклатуру, переводились с должности на должность почти

автоматически. Это противоречило официальным лозунгам внутрипартийной демократии, потому скрывалось от граждан. С 1932 года номенклатурные перечни должностей и списки людей, входивших в номенклатуру, стали государственной тайной.

Подробнее. **Автомобильные привилегии чиновникам**

Со сталинских времен любой более или менее значительный чиновник имел хорошую зарплату, большую квартиру, приличную дачу и солидный автомобиль. И к середине 1950-х годов… расходы на содержание аппаратного автотранспорта стали измеряться миллиардами рублей в год. В 1956 году в ходе реформирования структуры управления экономикой Хрущев решил одновременно с министерствами сократить число чиновников и полагающихся им благ… В постановлении говорилось о том, что все автомобили из ведомственных гаражей передаются в таксомоторные парки, откуда их могут вызывать чиновники, которым для этого будут выделены дополнительные средства… Излишки машин передавались в пользование рядовым гражданам: «Организовать в крупных городах в хозяйствах автомобильного транспорта общего пользования хозрасчетные базы (гаражи) легковых автомобилей для предоставления их населению на условиях проката (без шоферов), укомплектовать эти прокатные базы легковыми автомобилями, в том числе автомобилями ГАЗ-69, и утвердить порядок и условия предоставления легковых автомобилей на прокат».

Но на заседании Президиума ЦК возникли разногласия, разрешить которые поручили комиссии во главе с А.И. Кириченко. И в результате тяготы от потери льгот были максимально уменьшены. В постановлении, чтобы не злить самых высокопоставленных лишенцев, предусматривалась продажа им автомобилей в личную собственность без очереди. Комиссия постановила давать чиновникам рассрочку платежей на год, и утвердила список исключений из общих правил. К примеру, машины закрытых оборонных организаций передавались не в общие таксопарки, а в таксопарки при этих же «почтовых ящиках». Так что на деле произошла лишь смена вывесок. Такой же таксопарк предложили организовать при автобазе Академии наук СССР. А дальше список исключений только увеличивался. Особые права получили МИД, МВД, КГБ и атомное ведомство – Минсредмаш… Организации и ведомства стали заключать договоры с таксопарками на постоянное обслуживание. После смещения Хрущева все легально вернулось на круги своя.

Источник: Жирнов Е. Распущенность в использовании легковых автомобилей // Власть. 2008. № 26 (780). 7 июля. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=ac6a0756-2315-44bf-bd0a-67e78a67a666&docsid=909194

Считалось, что партийный контроль за назначением начальников любого ранга позволит обеспечить бесперебойное функционирование

административно-командной системы управления социалистической экономикой, якобы более прогрессивной, чем рынок. Однако дефицит, низкое качество продукции и низкая производительность труда наглядно демонстрировали, что административная номенклатурная вертикаль в СССР не может конкурировать с рыночной системой развитых стран.

Подробнее. **«Группы влияния» в высших эшелонах власти**

С приходом к власти Хрущева, а затем и группы Брежнева, наступили более «вегетарианские» времена, время репрессий в партноменклатуре ушло в прошлое, закончился и период «идейных» коммунистов. В 1970-х годах основным критерием для продвижения по службе в партийной номенклатуре стала «личная преданность Хозяину». Соответственно, передвигаясь от одной номенклатурной должности к другой, первые лица старались вести за собой наиболее знакомых и проверенных людей, желательно с первого места своей руководящей работы. Так, наиболее сильной «группой влияния» в высших эшелонах власти во времена Брежнева была «днепропетровская группировка», названная так по месту начала деятельности будущего генсека. Меньшим, но все же ощутимым влиянием, пользовались и соратники Брежнева по его работе в Молдавии и Казахстане.

Аналогичные примеры можно было найти на всех уровнях. Наличие таких анонимных групп, затрагивающих различные слои номенклатуры, приводило к тому, что реальный процесс принятия решений во властных структурах СССР отличался не только от декларируемых в Конституции, но и от негласных принципов деятельности партийно-хозяйственной номенклатуры. Интересы конкретных членов группы и, что особенно важно, интересы их клиентов на местах могли определять многие решения, которые затем оформлялись партийной бюрократией, легитимизировались через бюрократию советскую и выполнялись бюрократией хозяйственной.

Для среднеазиатских и кавказских республик, наряду с местническими и земляческими группировками, были характерны родовые кланы, члены которых принадлежали к тем или иным родоплеменным группировкам (например, большой, средний и малый казахские джузы). В этих случаях группировки отражали и неноменклатурные общности, включая «простых смертных». С другой стороны, родовая принадлежность к правящему клану могла обеспечить быстрое проникновение в номенклатуру. Зачастую в этих регионах на родоплеменную накладывалась региональная общность.

Источник: Сунгуров А.Ю. Функции политической системы: от застоя к постперестройке. СПб.: Центр «Стратегия», 1998. – http://www.strategy-spb.ru/index.php?do=biblio&doc=76

Административно-командная система в СССР со временем превратилась в бюрократический рынок, который создавал антистимулы к развитию производства и повышению качества продукции.

В отличие от обычного рынка на бюрократическом рынке происходил обмен не столько материальными ценностями, сколько властью, должностями, подчинением, правилами и исключениями из них, положением в обществе и всем тем, что имело какую-либо ценность. Например, на бюрократическом рынке устанавливались оптовые цены на продукцию предприятий. Формально их назначал Государственный комитет цен, исходя из плановой себестоимости, которая рассчитывалась на основании нормативов трудовых и материальных затрат. Но проекты нормативов разрабатывали сами предприятия, а министерство только утверждало их. Проверить нормативы, расписанные для миллионов технологических операций по сотням тысяч видов продукции, было физически невозможно. Поэтому предприятия представляли на утверждение проекты нормативов с большим запасом, то есть в проект директивной цены с лихвой закладывалась плановая прибыль.

Снижение затрат на выпуск продукции противоречило интересам руководителей. Ведь они отвечали прежде всего за выполнение плана по валовому выпуску, то есть по стоимости выпущенной продукции. Чем выше нормативы затрат – тем выше плановая себестоимость изделий и их цена, тем легче выполнить план. Зачем биться за экономию, если проще завысить проекты нормативов и «купить» чиновника в министерстве. Чем больше ресурсов в распоряжении директора предприятия, тем легче выполнить план. Ублажая министерское начальство, он старался получить дополнительные лимиты на численность персонала, оборудование и сырье. Как следствие, росла материалоемкость и трудоемкость продукции. Когда в стране все тянут ресурсы «под себя», общая потребность в них стремительно растет, а продукции производится все меньше. Дефицит господствовал не только в магазинах, но и на заводах, стройках. Дефицитными были станки, металл, лес, строительные материалы и др.

Производя давно освоенную продукцию, легче было выполнить план. Поэтому выпускались допотопные станки, примитивная бытовая техника, немодная обувь и одежда. Талант инженеров, ученых, изобретателей наталкивался на непробиваемую стену незаинтересованности и бюрократических согласований. Антистимулы к инновациям блокировали выпуск продукции, близкой по характеристикам с западными аналогами. Показательный пример: отраслевые институты Минавтопрома 20 лет разрабатывали новую модель автомобиля «Москвич», но качество машины оставалось настолько низким, что ее отказывалась закупать даже вассальная Чехословакия.

Подробнее. **Советский бюрократический рынок**

В 1970–1980-х годах административно-командная экономика в СССР в действительности уже не существовала. Функционировала другая система, основанная на ведомственных согласованиях, – административный рынок. Схема управления экономикой в брежневскую эпоху выглядела следующим образом. Предприятия делали заявки на ресурсы, которые суммировались, поднимаясь вверх по административной лестнице, пока не достигали органа власти, полномочного дать задания производителям. Затем эти задания распределялись между предприятиями-изготовителями, которые в ответ предъявляли встречные требования к поставкам входных ресурсов, так что цикл планирования повторялся снова и снова. Планирование начиналось не «сверху», как в сталинской командной системе, а «снизу» и носило не директивный, а согласующий и итеративный, повторяющийся характер. Движение заявок «вверх» и заданий «вниз» сопровождалось ожесточенными торгами начальства с подчиненными за минимальные производственные задания и максимальное ресурсное обеспечение.

Сложность управления народным хозяйством привела к тому, что в распределении ресурсов участвовала не одна, а несколько союзно-отраслевых, регионально-отраслевых, нормативных и контрольных иерархий. Окончательно согласовывала деятельность различных иерархий между собой и с «потребностями жизни» партийная иерархия. Она являлась наиболее прямым каналом доведения «вниз» решений вышестоящих органов. Коммунистическая партия в своем реальном обличье действительно была главной интегрирующей силой советского общества.

Система вертикальных торгов дополнялась нелегальными или легальными горизонтальными торгами – обменами между организациями. По мере роста и усложнения экономики и увеличения потоков заявок в верхних эшелонах власти возникла управленческая «пробка», и распределение ресурсов с помощью вертикальных торгов становилось все более затруднительным. Поэтому значение горизонтальных обменов непрерывно росло. (В перестроечные времена эти горизонтальные обмены спасли экономику от краха, породив современный советский региональный бартерный рынок.) Вертикальные и горизонтальные торги сильно зависели от бюрократического статуса партнеров. Поэтому на советском административном рынке поздней брежневской эпохи торговали не только товарами и услугами, как на Западе, но и всем, что имеет цену в иерархическом обществе: положением в обществе, властью и подчинением, законами и правами их нарушать, квалификационными дипломами… Такие обмены не являлись и не являются коррупцией (в смысле преступления)…

«Вес» участника бюрократического рынка тем выше, чем больше размер организации, которую он представляет. В результате в брежневскую эпоху организации всегда имели перевес над частными лицами, крупные организации – над мелкими. Малый размер предприятия становился

синонимом его отсталости. Поскольку вес органа власти тем больше, чем выше его иерархический уровень, решения в целом ориентировались на «верх» больше, чем на «низ». В результате система управления народным хозяйством стремилась обслуживать не его нужды, а заниматься самоублажением. Происходил отрыв системы управления от объекта управления… Общим для обычного и бюрократического рынка является то, что насилие над ними имеет разрушительные последствия для экономики.

Источник: Найшуль В.А. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М.: Прогресс, 1991. – http://www.inme.ru/previous/brez.htm

Подробнее. **Все довольны**

Отличительной особенностью советской каучуковой индустрии была непропорционально огромная доля изопреновых каучуков в общем выпуске, для производства которых требовались гигантские установки, позволявшие выделять ценные изобутан и изопентан – сырье для их производства… К концу 1980-х годов СССР был мировым лидером по выпуску каучука, имея гигантские мощности в 2,5 млн тонн. Раздувание каучуковой индустрии имело несколько причин: во-первых, за каучук, десятилетиями считавшийся стратегическим продуктом, советские плановые органы щедро платили предприятиям, что вызывало у них интерес к освоению все новых и новых мощностей. Во-вторых, гигантские ресурсы попутного газа Западной Сибири позволяли не думать о сырье. В-третьих, советская шинная индустрия, не заинтересованная в снижении ресурсоемкости и повышении срока службы своей продукции, охотно потребляла производимый каучук. Словом, довольны были абсолютно все.

Источник: Собственная гордость советских // Эксперт. 2008. № 38 (627). 29 сентября. – http://www.expert.ru/printissues/expert/2008/38/sobstvennaya_gordost_sovetskih/

Подробнее. **Мнимые успехи советской экономики в конце 1980-х годов**

А. Громыко, министр иностранных дел СССР в 1957–1985 годах, председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1985–1988 годах:

Экономическое положение страны было очень сложным. Имели место разного рода комбинации с цифрами, не отражающими истинного положения в промышленности и сельском хозяйстве. Узкие места и недостатки часто затушевывались. Всегда перед съездами партии и пленумами ее ЦК руководство проходило через мучительную стадию раздумий о том, в каком виде представить итоги развития страны. С этой же трудностью ЦК КПСС и правительство встречались каждый год при подведении итогов за минувший период. Хозяйство находилось в состоянии стагнации. Это была суровая действительность. А приходилось говорить о мнимых успехах. Полностью вся правда обнажилась позднее.

Страна тогда закупала за рубежом много промышленного оборудования. С его освоением промышленность не справлялась. Положение усугублялось тем, что импортируемое иностранное оборудование не устанавливалось в нормативные сроки. Пролежав годы, устаревало с точки зрения технологии и становилось фактически непригодным к работе еще и по этой причине… Почти систематически страна закупала и зерно. Сельское хозяйство переживало исключительно трудные времена, что еще больше отягощало экономическое положение. Все это не могло не отразиться отрицательно на жизненном уровне населения…

Не только я, но и некоторые другие члены Политбюро справедливо указывали на то, что тяжелая промышленность и гигантские стройки поглощают колоссальные средства, а отрасли, производящие предметы потребления – продовольствие, одежду, обувь и т.д., а также услуги, находятся в загоне. "Не пора ли внести коррективы в наши планы?" – спрашивали мы. Брежнев был против. Планы оставались без изменений. Диспропорция этих планов сказывалась на обстановке вплоть до конца 1980-х годов… Фактически уничтожили личное хозяйство колхозника. Крестьяне не могли себя прокормить…

Отдавал ли Брежнев себе отчет в том, что обстановка в стране чрезвычайно тяжелая и что необходимо искать пути к ее коренному изменению? Он не отдавал себе в этом полного отчета. Принимал на веру заявления работников, непосредственно отвечавших за то или иное направление в социальном и экономическом развитии страны, за выполнение намеченных планов. Был снижен уровень требовательности к этим работникам, делалось немало успокоительных докладов и речей, но обстановка в лучшую сторону не менялась. Дело осложнялось еще и тем, что само Политбюро главных внутренних проблем, стоящих перед страной, фактически серьезно не обсуждало. Как правило, принимались формальные решения, причем без обсуждений. Тексты решений готовились соответствующими ведомствами.

Источник: 30 лет без коммунизма // Власть. 2010. № 21 (875). 31 мая. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=323dc349-c283-4546-8c08-9adef8cb1525&docsid=1376677

Государство через директивные розничные цены и налоги изымало у населения большую часть доходов и направляло на цели, провозглашенные партийным руководством.

Розничные цены на товары были оторваны от оптовых за счет произвольно назначаемого налога с оборота. Устанавливая «сверху» фонд зарплаты и директивные розничные цены, советское государство могло отнять у работников сколь угодно большую часть их доходов и направлять эти средства на гонку вооружений, поворот сибирских рек, мелиорацию болот и другие цели, важные для руководителей КПСС.

Подробнее. **Бессмысленные разорительные проекты**

Идеи осуществления крупномасштабных, амбициозных и экономически не просчитанных проектов в сознании советских лидеров возникали регулярно… Многие проекты, в которые вкладывались значительные ресурсы, оказывались малоэффективными либо бессмысленными. Характерный пример – мелиоративное строительство. По объему капитальных вложений эта отрасль опережала легкую промышленность. (Доля капиталовложений в мелиорацию равнялась в 1971–1975 годах – 6,0%, в 1976–1980 – 5,6%, в 1981–1985 – 5,2%, а в легкую промышленность – 4,2, 4,3 и 4,3% соответственно. – *Ред.*)

В 1986–1990 годах для нужд мелиоративного строительства предполагалось произвести 35 тыс. экскаваторов, 32 тыс. бульдозеров, 10 тыс. тракторов типа К-700, 4,4 тыс. тракторов тяглового класса 10 тонн и выше, 22 тыс. скреперов, 6,3 тыс. автомобильных кранов. Редакциям центральных и местных газет, Государственному комитету по телевидению и радиовещанию, Государственному комитету по кинематографии было поручено обеспечить освещение в печати, средствами кино, радио и телевидения достижений в мелиоративном строительстве и эффективности мелиорации в реализации Продовольственной программы в СССР. Результаты этой циклопической деятельности были скромными. С течением времени объемы выбывающих орошаемых и осушенных площадей почти сравнялись с объемами вводимых…

Характерный пример крупномасштабного проекта, реализованного в СССР в последние десятилетия его существования, – отделение залива Кара-Богаз-Гол от Каспия. Для прекращения падения уровня воды в Каспийском море построили дамбу. Вскоре выяснилось, что уровень Каспия повышается, дамба нарушила работу важного для экономики страны предприятия «Карабогазсульфат». Дамбу разрезали, снова пустили воду в залив.

После принятия решения о прекращении работы по переброске северных и сибирских рек в южные районы страны пришлось принимать постановление о списании связанных с этим планом масштабных затрат на проектные разработки. Формально все эти расходы создавали советский ВВП.

Реальностью советской экономики были острые экологические проблемы. Характерный пример этого – многолетнее и масштабное использование в СССР ДДТ, после того как он был запрещен в развитых странах.

Программа массового применения пестицидов в советском сельском хозяйстве – характерное отражение устройства советской экономики. После подписания соглашения о запрещении химических вооружений надо было использовать созданные в 1940–1950-х годах мощности по его производству. ДДТ продолжал масштабно использоваться многие годы после того, как он был запрещен в развитых странах. Это пагубно сказалось на здоровье населения, повлияло на демографическую ситуацию в стране на десятилетия вперед. Но краткосрочных угроз стабильности режима до начала 1980-х годов такие проблемы не создавали.

Источник: Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. С. 138–141.

Основой предельно милитаризированного государства и его экономики был военно-промышленный комплекс. Чрезмерная милитаризация разоряла страну.

Все руководители СССР, за исключением М. Горбачева, воспринимали окружающий мир враждебно, не жалели средств на военно-промышленный комплекс и Вооруженные силы. СССР жил будущей войной: телевизоры, холодильники и прочие товары народного потребления собирали в мирное время на оборонных предприятиях, чтобы занять работников, поддерживать оборудование в рабочем состоянии до тех пор, пока не наступит «особый период», ради которого производственные мощности и строились. В преддверии глобальной войны с США, с их союзниками по НАТО и в Азии, на этих мощностях предполагалось начать массовое производство военной техники и вооружений. Промышленная, транспортная и социальная инфраструктура СССР создавалась не для жизни, а для неизбежной войны.

Треть всех занятых в добывающих и обрабатывающих отраслях работала непосредственно на военные нужды. На долю оборонного комплекса СССР к началу 1980-х годов приходилось 20–25% валового национального продукта (в США – 6,5%), а производство военной техники превышало 60% общего объема продукции машиностроения. Военная экономика разоряла страну.

В начале 1980-х годов советские заводы выпускали танков в 4,5 раза больше, чем США, БТР – в 5 раз, артиллерийских орудий – в 9 раз, атомных подводных лодок – в 3 раза. В советской оборонной промышленности трудилось в 2–3 раза больше работников, чем в США. Однако «умного» и высокоточного оружия предприятия ВПК производить не умели: за исключением некоторых типов самолетов и ракет, оно было морально устаревшим. СССР, один из лидеров по производству вооружений, предлагал на рынок только оружие вчерашнего дня, которое приобретали или получали в долг в основном страны Азии и Африки.

Чрезмерная централизация, крайняя секретность и полная несогласованность между военными и гражданскими секторами экономики не позволяли извлекать выгоду из достижений военных технологий, в отличие от стран Запада. Расплатой за «прорыв» на узком фронте военных технологий стало резкое снижение эффективности других сфер экономики.

К этому времени в индустриальных странах основным производителем и потребителем наукоемких технологий стали не военные, а гражданские отрасли. В Японии до половины промышленного производства приходилось на электронику, что обеспечивало самые высокие в мире качество техники и производительность труда. А информационные технологии гражданских отраслей успешно применялись и в решении оборонных задач. Неспособность СССР конкурировать по большинству параметров новейших технологий негативно отражалась и на ВПК.

Подробнее. **Милитаризация советской экономики**

Уже в годы ускоренной индустриализации промышленное производство было сориентировано в основном на самовоспроизводство и обслуживание ВПК. Перекос в сторону военного производства негативно сказался на уровне жизни населения, повлек за собой хроническую несбалансированность спроса и предложения товаров и услуг, неудовлетворенный спрос, дефицит потребительских благ.

Чтобы стимулировать развитие тяжелой индустрии и производство вооружений, власть произвольно устанавливала соотношение между заработками работников разных отраслей. Из-за перекачки рабочей силы в тяжелую индустрию и строительство стремительно рос фонд заработной платы в отраслях, не создававших потребительские товары. В первой пятилетке зарплата была резко повышена в тяжелой, а затем в оборонной промышленности. В неприоритетных отраслях (легкая промышленность, торговля, сфера обслуживания) низкие заработки были надолго заморожены, рост оплаты труда наиболее квалифицированных работников (инженерно-технический персонал, научные работники) отставал от оплаты труда менее квалифицированных. Так было положено начало отрыву оплаты труда от его количества и качества.

Синдром «осажденной крепости» и непосредственно связанная с ним дальнейшая милитаризация экономики привели к тому, что социальная сфера финансировалась по остаточному принципу. Все довоенные годы жилья строилось крайне мало. Города не справлялись с притоком новых жителей, все более обострялась жилищная проблема, которая так и не была решена за годы советской власти. Не хватало элементарной социальной инфраструктуры: например, в школах учились в три смены, недоставало садиков. Городские власти были неспособны обеспечить горожан продуктами питания (сельские жители снабжали себя сами). Поэтому, чтобы затормозить урбанизацию, особенно рост крупных городов, в 1932 году был введен строгий паспортный режим, прописка…

Поскольку СССР значительно отставал от США в области стратегических вооружений (и для США это не было секретом), брежневское руководство форсировало ядерную и ракетную программы. В рамках достижения

военно-стратегического паритета также была принята 20-летняя программа развернутого строительства океанского флота, создавались группировки морских сил для противодействия США и НАТО. Все больше финансовых и материально-технических ресурсов закачивалось в ВПК.

В 1970-е годы наиболее современные производства высокой технологии работали главным образом по военным заказам, определяя общую направленность экономических усилий СССР. Треть всех занятых в добывающих и обрабатывающих отраслях работала непосредственно на военные нужды. Долгие годы существования ВПК как сверхведомства, интересам которого была подчинена вся советская экономика, создали у военных определенный потребительский менталитет.

Чрезмерная военная нагрузка на народное хозяйство порождала колоссальные диспропорции, сдерживала развитие гражданского сектора экономики. Из-за огромной разницы издержек в разных отраслях экономики в СССР практически не было единой денежной системы. В оборонке покупательная способность рубля равнялась 4–6 долларам, в других отраслях – гораздо ниже, поэтому бюджетные методы регулирования экономики не срабатывали. Милитаризация экономики стала одной из важнейших причин искаженной и неэффективной структуры народного хозяйства. Чтобы покупать новейшие технологии и продовольствие, СССР вынужден был все больше сырья поставлять на экспорт. В 1985 году в обмен на оборудование и хлеб ушло 20% добытой в стране нефти, 11% газа, 31% калийных удобрений, 24% хлопка.

Источник: Шестаков В.А. Советский Союз к 1984 году. – http://www.ru-90.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1828

Подробнее. **Военные расходы в СССР**

Доля военных расходов в ВВП в СССР была высокой. Если страна, имеющая экономику примерно в 4 раза меньшую, чем США, поддерживает с последней и ее союзниками военный паритет и при этом финансирует содержание группировки из 40 дивизий, чтобы контролировать ситуацию на китайской границе, то на уровне здравого смысла нетрудно понять: это стоит дорого. Масштабы военных расходов сдерживали развитие гражданского сектора экономики. Но и без военной нагрузки инвестиции в экономику к 1980-м годам были малоэффективными.

Утверждения о том, что СССР начал бурно наращивать военные расходы, лишь столкнувшись с интенсификацией военного соревнования с США в начале 1980-х годов, малоубедительны. Характерная черта функционирования советского военно-промышленного комплекса – инерционность. Объемы производства вооружений определялись не военными потребностями, а тем, какие производственные мощности созданы… Начальник Генерального штаба Ахромеев: «…ценой огромных жертв мы создали первоклассные заводы, не хуже, чем у американцев. Прикажете им прекратить работу и производить кастрюли? Нет, это утопия»…

СССР в 1970-х годах производил в 20 раз больше танков, чем США. Когда после арабско-израильской войны выяснилось, что для переоснащения израильской армии необходимы крупные поставки танков, объем их производства в США за несколько лет был увеличен примерно до четверти количества, выпускаемого в СССР. А на вооружении советской армии состояло более 60 тыс. танков… В 1970-х – начале 1980-х годов… складывалось впечатление, что Советский Союз, наращивая танковую армаду, готовится к наступательной операции в Западной Европе в направлении Бискайского залива. На деле все обстояло иначе… главным аргументом в пользу продолжения производства танков в беспрецедентных для мирных условий масштабах было убеждение в том, что США имеют больше возможностей нарастить их выпуск в условиях войны… А также, что танковые заводы построены, на них работают люди. Они должны выпускать продукцию.

Источник: Гайдар Е. Уроки СССР: очерки экономической истории // Вестник Европы. 2006. № 17. – http://magazines.russ.ru/vestnik/2006/17/ga3.html

Самостоятельные крестьянские хозяйства были ликвидированы, сельскохозяйственное производство допускалось только в форме колхозов и совхозов.

В ходе коллективизации крестьяне были вновь закрепощены, до середины 1950-х годов лишены паспортов и права покидать деревню. Их труд в колхозах и совхозах оплачивался в десятки раз ниже, чем труд горожан. Неудивительно, что дети крестьян бежали в города, деревни вымирали, а выращенного хлеба и зерна не хватало для продовольственного снабжения городов.

Подробнее. **Насильственная коллективизация в СССР**

После революции… на фоне разрухи в промышленности, безработицы и голода в городах произошло массовое возвращение крестьян, включая и переквалифицировавшихся в пролетарии, к родным очагам. А некоторые из них, получив наконец-то землю, решили было навсегда вернуться к деревенской жизни, которая теперь выгодно отличалась от фабричной. Однако новая власть вскоре внесла свои коррективы, начав борьбу с классовыми врагами на селе. Самых хозяйственных и сведущих в крестьянских делах, а потому и самых зажиточных селян за саботаж мероприятий советской власти начали арестовывать поодиночке и группами, затем их стали выселять в отдаленные районы вместе с семьями, после чего перешли к ликвидации кулачества как класса. Способных сопротивляться надвигающейся коллективизации на селе практически не осталось. Как не осталось и тех, кто мог бы относительно вдумчиво и квалифицированно руководить коллективными хозяйствами…

Партия и правительство пытались поправить ситуацию с помощью проверенных и идейно преданных рабочих кадров. Для укрепления руководства колхозами в 1930 году в деревню отправили 25 тыс. коммунистов. Однако часть из них давно забыла даже азы крестьянского труда, а другие никогда не имели о нем представления. Результаты не замедлили сказаться. Из-за бездумного руководства в сочетании с нежеланием крестьян работать без ясных перспектив оплаты труда, да еще после массового забоя скота, который деревенские жители упорно не желали обобществлять, начался голод. И, как следствие, массовый выход из колхозов и столь же массовое бегство крестьян в города, где те, кто еще мог рассчитывать на свои силы, надеялись укрыться от колхозов. Их ловили на станциях, высаживали из товарных вагонов, но они пробирались сквозь все заслоны и были согласны побираться и нищенствовать, лишь бы не возвращаться к колхозной жизни.

Чтобы раз и навсегда предотвратить бегство крестьян из колхозов, в стране в 1932 году ввели паспортную систему. Крестьянам паспорта не выдавали, лишая их свободы передвижения и выбора места жительства. Уехать из колхоза теперь можно было только по делу, на отдых или в гости к родственникам, имея на руках справку, выданную правлением колхоза, в которой указывались место назначения и срок поездки. Колхозников прочно закрепили в их деревнях, что, по сути, означало возрождение порядков крепостных времен. Вот только росту государственных запасов это не способствовало. Голодные крестьяне хотели сами есть выращенный ими хлеб, что противоречило линии партии и правительства. В 1932 году был принят указ от 7 августа, более известный как закон о колосках… Но никакие репрессии не помогали поднять урожаи, а крестьяне при первом удобном случае пытались бежать в города…

В 1940 году прокурорская проверка показала… что около 70% председателей колхозов до назначения не имели ни малейшего опыта работы на земле, в колхозы направлялись любые не справляющиеся с обязанностями районные работники вплоть до проворовавшихся заведующих магазинами… масса случаев, когда председатель, развалivший и разворовавший один колхоз, тут же отправлялся руководить другим. Чтобы справиться с этой проблемой, парторганы стали отправлять на места массу подробнейших инструкций, содержавших сведения о том, что, как и когда следует делать в колхозах – начиная от сева, кончая уборкой по каждой из культур. Для проверки исполнения посылали на каждое мероприятие контролеров, разбиравшихся в сельском хозяйстве еще меньше самых неквалифицированных председателей. А на самих председателей, добиваясь выполнения всех планов и установок, давили так, что они кончали жизнь самоубийством…

Еще меньше стало желающих жить и работать в колхозах после войны, в особенности на освобожденных от немцев территориях. Оккупанты распускали колхозы, и после их изгнания колхозники крайне неохотно соглашались вновь заниматься коллективизацией… Все проблемы пытались

решить путем отправки на места огромного количества суровых и обязательных к исполнению инструкций. Однако уже в 1954 году стало очевидно, что происходит пустой бумагооборот… Считавший себя непревзойденным знатоком сельского хозяйства Хрущев настоял на принятии Президиумом ЦК КПСС решения о резком уменьшении потока бумаг. А затем выдвинул множество предложений по улучшению управления сельским хозяйством и повышению урожаев и качества работы колхозов и совхозов. В числе мер, принятых в последний год его правления, было введение надбавок к зарплатам председателей отстающих колхозов и работающих в них специалистов… Деньги эти в те времена были очень большими, но добиться существенного сдвига так и не удалось. К концу существования СССР почти повсеместно на селе не осталось ни тех, кто мог бы работать, ни тех, кто мог бы ими руководить.

Источник: Жирнов Е. Разузнают, чем в колхозе пахнет, и сматываются // Власть. 2009. № 9 (813). 9 марта. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=6a215196-b3eb-4d6b-8844-ef12eaef442b& docsid=1127678

Подробнее. **Паспорта в СССР**

Вопрос о паспортах возник в 1932 году не случайно. После сплошной коллективизации сельского хозяйства началось массовое бегство крестьян в города, что усугубило нараставшие год от года продовольственные трудности. И именно для очистки городов, прежде всего Москвы и Ленинграда, от этого пришлого элемента предназначалась новая паспортная система. Единый документ, удостоверяющий личность, вводился в городах, объявленных режимными, и паспортизация служила одновременно способом их очистки от беглых крестьян. Паспорта, правда, не выдавали не только им, а еще и недругам советской власти, лишенным избирательных прав, неоднократно судимым уголовникам, а также всем подозрительным и социально чуждым элементам. Отказ в выдаче паспорта означал автоматическое выселение из режимного города, и за первые четыре месяца 1933 года, когда проходила паспортизация двух столиц, в Москве убыль населения составила 214,7 тыс. человек, а в Ленинграде – 476,2 тыс.

В последующие годы паспортная система лишь ужесточалась. Вводились ограничения на проживание в режимных городах для всех нетрудовых элементов, за исключением пенсионеров, инвалидов и иждивенцев трудящихся, что на деле означало автоматическое лишение прописки и выселение из города любого человека, потерявшего работу и не имеющего работающих близких. Появилась практика закрепления на тяжелых работах путем изъятия паспортов. Например, с 1940 года у шахтеров в отделах кадров изымали паспорта, выдавая вместо них специальные удостоверения, обладатели которых не могли устроиться на новую работу и покинуть определенные им места проживания.

Люди искали лазейки в законах и пытались вырваться на свободу. Главным способом оставить колхоз стала вербовка на еще более тяжелые

работы – лесозаготовки, разработку торфа, строительство в отдаленных северных районах. Если сверху спускалась разнарядка на рабочую силу, председатели колхозов могли только тянуть волынку и оттягивать выдачу разрешительных документов. Правда, паспорт завербованному выдавался лишь на срок действия договора, максимум на год. После чего бывший колхозник всеми правдами и неправдами пытался продлить договор, а там и перейти в разряд постоянных работников своего нового предприятия.

Еще одним действенным способом получения паспорта стала ранняя отправка детей на учебу в фабрично-заводские училища и техникумы. В колхоз добровольно-принудительно записывали всех живущих на его территории, начиная с 16 лет. Фокус заключался в том, чтобы подросток поступил учиться в 14–15 лет, а уже в городе получил паспорт. Но самым надежным средством избавления от колхозной кабалы многие годы оставалась служба в армии. Отдав родине патриотический долг, сельские парни толпами шли на заводы, стройки, в милицию, оставались на сверхсрочную службу.

Казалось бы, конец колхозного ига должен был наступить после смерти Сталина и прихода к власти любящего и понимающего крестьянство Хрущева. Но он не сделал для изменения паспортного режима на селе ничего, видимо, понимая, что, получив свободу передвижения, крестьяне перестанут работать за гроши. Ничего не изменилось и после смещения Хрущева и перехода власти к триумвирату – Брежневу, Косыгину и Подгорному. Ведь стране по-прежнему требовалось много дешевого хлеба, а получать его иначе, как эксплуатируя крестьян, давно уже разучились… В 1974 году созданная для подготовки паспортной реформы комиссия Политбюро сочла, что для того чтобы создать более благоприятные условия для осуществления гражданами своих прав и способствовать более полному учету движения населения, надо выдавать паспорта всему населению, но для колхозников следует сохранить существующий порядок приема их на работу на предприятия и стройки при наличии справок об отпуске их правлениями колхозов.

Источник: Жирнов Е. Не имеют права на паспорт 37 процентов граждан // Власть. 2009. № 14 (818). 13 апреля. – http://www.kommersant.ru/doc.aspx? DocsID=1147485

Советы народных депутатов были лишь декорацией власти партийной бюрократии. КПСС превратилась в партию-государство.

Система Советов сохранялась 70 лет лишь потому, что за кулисами Советов правила партийная бюрократия. Партийное руководство Советами утвердилось уже к середине 1920-х годов. Одержав победу в борьбе за власть, И. Сталин сохранил Советы как символ социалистического выбора. Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов были провозглашены как органы, сочетающие достоинства представительной и непосредственной демократии. Но поскольку каждый Совет теоретически обладал всей полнотой власти на своей территории,

он неминуемо вступал в конфликт с другим Советом, чья юрисдикция распространялась на ту же территорию, то есть с Советом более высокого уровня. Слияние управления с законодательством возводило в ранг закона постановление любого Совета по любому вопросу и девальвировало само понятие «закон». Фактически страна управлялась, как армия, – приказами и распоряжениями.

С приходом к власти Л. Брежнева партийная монополия на власть была формально закреплена в статье 6 Конституции 1977 года. По Основному закону в советском обществе к концу 1980-х годов были три ветви власти – административная, представительная и судебная. Но выборы в СССР были формальными, безальтернативными, депутаты подбирались обкомами КПСС заранее, фактически назначались. Все последующие годы до краха СССР Верховный Совет существовал лишь номинально. Порядок его работы, все законодательные акты, указы и постановления предварительно прорабатывались и санкционировались в высших партийных инстанциях. Не Советы, а секретариат ЦК КПСС контролировал деятельность государственного аппарата. Они лишь делали вид, что управляют страной. Полновластие Советов, провозглашенное Конституцией, оставалось фикцией.

Подробнее. **Советы и партийная монополия на власть**

По мере усиления роли партии большевиков в управлении государством Советы окончательно превратились в декорацию. Одержав победу в борьбе за власть, Сталин фактически единолично определял курс развития общества и государства. Он сознательно создавал контролируемые механизмы власти. Этой задаче отвечало сохранение Советов как символа социалистического выбора.

Конституция СССР 1936 года упразднила областные и республиканские съезды Советов и реорганизовала ЦИК СССР в двухпалатный Верховный Совет со всеми атрибутами представительного института, хотя его истинное место в политической системе советского общества существенно не изменилось. Отразив общие тенденции концентрации власти, сталинская Конституция вновь прикрыла реальный механизм власти. Большевикам нужен был не парламент, а собор. Парламент призван осуществлять государственную власть, собор – символизировать ее.

Все последующие годы до краха СССР высший конституционный орган власти – Верховный Совет – существовал лишь номинально. Порядок его работы, все законодательные акты, указы и постановления предварительно прорабатывались и санкционировались в высших партийных инстанциях. Секретариат ЦК КПСС полностью контролировал деятельность государственного

аппарата. Показательно, что за 1937–1966 годы законодательная инициатива только в трех случаях из 140 исходила от депутатов Верховного Совета. Они лишь делали вид, что управляют страной. Ни один Совет, от сельского и поселкового до Верховного, и шага не мог сделать без соответствующего указания партийных органов. Система партийного господства обрела легитимность уже к середине 1920-х годов. К концу правления Сталина в стране отсутствовала политическая конкуренция, конкуренция внутри правящей элиты, обратная связь между государством и обществом. Успех и процветание страны зависели от воли вождя партии.

Обстановка в стране и мире, сложившаяся к 1952 году, требовала изменения сталинской политики. Но новое руководство – Н. Хрущев и его ближайшее окружение – не ставило вопрос о глубокой политической и экономической реформе, считало, что власть нуждалась лишь в оздоровлении, возрождении внутрипартийной демократии и законности. Все дискуссии в высшем руководстве сводились к десталинизации, понимаемой узко – как ликвидация крайностей сталинского правления.

Главной проблемой для преемников Сталина была политическая стабилизация. Ее проще было достичь через укрепление существовавшей политической системы, чем через ее слом. Свои главные усилия до начала 1960-х годов Хрущев направлял на борьбу с традиционным врагом – бюрократией. При этом властвующей элите нужен был политический механизм самосохранения, защиты от неограниченной власти. Отсюда создание так называемого коллективного руководства. И это вовсе не было данью демократии.

Тем не менее реформы политических институтов хрущевского периода при всей их ограниченности стали первым шагом к либерализации режима. Курс на огосударствление общества, то есть тотальное подчинение всех сторон жизни людей государственному аппарату, начавшийся еще в 1920-х годах, был на время приостановлен. 14 декабря 1959 года при обсуждении проекта Программы КПСС Хрущев впервые поднял вопрос об изменении самых одиозных черт советской политической системы: «Видимо, в программе надо бы подумать и насчет демократизации нашего общественного строя. Без этого нельзя… Взять, к примеру, наше руководство – Президиум. Мы не ограничены ни властью, ни временем».

Кошмаром для партноменклатуры стал новый Устав КПСС, принятый в октябре 1961 года на XXII съезде КПСС. Он предусматривал необходимость систематического обновления партийных органов – от Президиума ЦК КПСС до первичной организации. Низшее звено выборных органов партии на каждых выборах должно было обновляться наполовину, на республиканском и областном уровнях – на треть, состав ЦК КПСС и Президиума ЦК – на четверть. Ограничивались и возможности для конкретного человека несколько раз быть избранным в один и тот же партийный орган.

С приходом Л. Брежнева партийная монополия на власть была формально закреплена в статье 6 Конституции 1977 года: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической

системы, государственных и общественных организаций является КПСС». Вновь был провозглашен принцип «коллективного руководства», партийная и государственная власти были разделены между триумвиратом Л. Брежнев – А. Косыгин – Н. Подгорный, не состоялась официальная реабилитация Сталина.

Верховный Совет по-прежнему не имел реального влияния, лишь демонстрировал народовластие в стране. К тому же Конституция 1977 года легализовала антиконституционную практику, когда Президиум Верховного Совета принимал указы, вносившие изменения в действовавшие законы. Присвоив полномочия, отнесенные к ведению Верховного Совета, Президиум не был заинтересован в изменении порядка его работы, удлинении срока сессий, активном участии депутатов в подготовке и обсуждении проектов законов. По закону в советском обществе периода застоя вроде бы были три ветви власти – административная, представительная и судебная. Но выборы в СССР были формальными, безальтернативными, депутаты подбирались, а фактически назначались обкомами заранее. Демократические институты по-прежнему носили «демонстрационный», «пропагандистский» характер. Закрепление в Конституции прав и демократических свобод граждан оставалось декларацией: попытки высказывать свою точку зрения, отличную от официальной, неизбежно заканчивались гонениями и репрессиями. Согласно официальным нормам, советские, партийные, комсомольские, профсоюзные и иные организации в СССР строились «снизу», а фактически создавались «сверху». Даже секретаря факультетского бюро ВЛКСМ нельзя было избрать, не получив «добро» райкома. Стержнем властной вертикали по-прежнему были партийные комитеты, точнее, их аппарат, возглавляемый первыми лицами, фарисейски именуемыми «секретарями».

Внешне партийная бюрократия, «руководящая и направляющая», выступала в качестве противовеса чиновникам министерств и ведомств. Однако такое параллельное существование двух структур было глубоко порочным. Государственные органы, обязанные по закону принимать важнейшие решения в пределах своей компетенции и нести за них ответственность, их не принимали, а ждали указаний от партийных органов. Партийные же органы, фактически принимавшие решения, юридически за них не отвечали, так как формально не обладали таким правом. Кроме того, уровень квалификации партийных функционеров – инструкторов райкомов и обкомов партии, как правило, был намного ниже уровня специалистов министерств. В итоге чиновники всеми правдами и неправдами старались уйти от решения назревших проблем. Страна погружалась в застой.

Источник: Шестаков В.А. Советский Союз к 1984 году // Безбородов А.Б., Елисеева Н.В., Шестаков В.А. Перестройка и крах СССР. 1985–1993. СПб.: Норма, 2010. С. 14–20. – www.ru-90.ru

Суд имел инквизиционный характер и не защищал законные права граждан.

В сталинские времена роль суда выполняли псевдосуды – Особое совещание при МВД СССР, «тройки» и «двойки», лагерные суды и спецтрибуналы войск госбезопасности. Роль адвокатов была ничтожной, они считались пережитком капитализма. Нередко обвиняемые были лишены помощи адвоката с момента задержания и до расстрела.

В годы хрущевской оттепели десятки тысяч невинно осужденных были освобождены из лагерей. Были упразднены репрессивные псевдосуды, отменены законодательные акты, в которых было явное отступление от обычных норм судопроизводства, повышена роль прокурорского надзора. Однако специфический менталитет партийного руководства, воспитанного в обстановке принуждения, насилия, тотального уничтожения «врага», не позволял по-настоящему реформировать суд, сделать его справедливым.

После Сталина партийные лидеры пытались соединить несоединимое – законность и гарантированные ею права и свободы граждан с надзаконной экономической, политической и идеологической монополией на власть. Это означало, что права и свободы граждан должны были исключать не только любое противодействие власти, но и любое открытое проявление инакомыслия по отношению к ней.

Советский суд не мог контролировать соответствие законодательству распоряжений органов исполнительной власти. Граждане не могли обратиться в суд с иском к ним, тем более с иском о признании закона или ведомственного акта противоречащим Конституции. При этом 70% норм, на основе которых судами выносились приговоры, вообще были засекречены.

В советском уголовном суде отсутствовал принцип равноправия и состязательности обвинения и защиты на процессе. Если в Европе судья был третьей стороной в споре, то в советском суде, как в судах инквизиции, судья фактически представлял сторону обвинения. Прокурор и суд выступали единым фронтом.

Даже после принятия в 1979 году Закона «Об адвокатуре в СССР» адвокат остался слугой двух господ – нанимавшего его гражданина и Министерства юстиции, на которое было возложено руководство адвокатурой. Какой господин был главнее – очевидно. Институт частной адвокатуры отсутствовал.

В период брежневского застоя рост оппозиционного движения привел к ужесточению уголовного законодательства. Были приняты новые статьи Уголовного кодекса, позволившие арестовывать и судить

граждан за инакомыслие: в 1962 году – статья 70 о так называемой антисоветской агитации, в 1966 году – статьи 190-1 и 190-3, ограничившие права граждан.

Советские судьи полностью зависели от партийных чиновников. К ним применялись все меры партийного «воспитания». В качестве рычагов влияния на судей использовались также жилищно-бытовые и семейные условия жизни судей. Фактически свои решения по важным делам судьи принимали только после телефонного звонка секретарю партийного комитета. Подбор и расстановка судейских кадров райкомами, обкомами и ЦК КПСС не позволяли им осуществлять правосудие в собственном смысле слова. Зависимость судей от партийных органов подрывала их авторитет в глазах населения.

Задачам правосудия не отвечал и установленный порядок избрания судей. Формально он выглядел демократично: все суды избирались сроком на 5 лет, причем народные судьи – непосредственно населением в результате прямых, равных и тайных выборов. Фактически в каждый избирательный бюллетень включалась только одна кандидатура, утвержденная партийным комитетом.

Подробнее. **Судебная система в 1922–1988 годах**

Судебная реформа 1922 года закрепила сверхцентрализованную судебную систему, которую мало удалось преобразовать до сегодняшнего дня… На долгие 70 лет был закреплен состав судов, рассматривающих все без исключения дела: постоянный народный судья и два народных заседателя или постоянный народный судья. Судебная система стала трехзвенной: народные суды; губернские суды; Верховный Суд РСФСР. В 1924 году она достроена четвертым звеном – Верховным Судом…

УПК РСФСР в редакции 1923 года позволил судьям при рассмотрении уголовных дел в губернских судах и военных трибуналах: устранить стороны; не вызывать свидетелей, показания которых «не вызывают сомнений»; прекратить судебное следствие («суду все ясно»); учитывать при вынесении приговора те доказательства, которые имеются в деле, хотя бы они и не оглашались в ходе судебного следствия; устранить прения, запретив сторонам защиты и обвинения произносить речи и реплики по окончании судебного следствия…

Суды рассматривались не как органы правосудия, а как инструменты решения текущих хозяйственных и партийно-политических задач. С 1928 года, когда разбиралось Шахтинское дело о «спецах-вредителях», суды все чаще становились инструментом государственного террора. Репрессии усиливались процессуальными средствами…

С 1929 года суды и прокуратура привлекались для участия во всякого рода кампаниях, из которых в период сплошной коллективизации наиболее актуальными оказались посевные и уборочные кампании. Так, с 1 января по 15 марта 1930 года в ходе весенних посевных кампаний работники суда и прокуратуры Центрально-Черноземной области совершили 347 выездов в село и осудили к разным уголовным наказаниям 51 человека – за террор, 117 – за контрреволюционную агитацию, 1544 – за убой скота, 2115 – за невыполнение плана посевной, 753 человека – за халатность…

В 1929–1930 годах почти в 100 раз уменьшилось число отмен приговоров по «формальным основаниям» по сравнению с 1924–1925 годами. Поступила команда не обращать внимания на соблюдение процессуальной формы, и малограмотные судьи приговаривали к наказаниям людей, не соблюдая даже остатков процессуальных гарантий, отраженных в советских законах. Суды не обращали внимания и на пытки, принимали как доказательства виновности подсудимых их признания, выбитые в ходе предварительного расследования (обыкновение, дошедшее до наших дней)…

7 августа 1932 года было принято постановление «Об охране имущества государственных предприятий, совхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», прозванное в народе «закон семь-восемь» и «закон о колосках». Оно предусматривало наказание в виде смертной казни, а при смягчающих обстоятельствах в виде не менее 10 лет лагерей с конфискацией всего имущества за хищение государственного и общественного (колхозного) имущества. Первое время в 40% случаев судьи назначали наказание ниже низшего предела санкции, причем на Урале это происходило в 90% случаев. Лишь после официального запрета такой практики Наркомюстом (предписано было предварительно получать разрешение областного суда на применение нормы о наказании ниже низшего предела санкции), а главное – после погромных речей Н. Крыленко и И. Сталина либерализм сошел на нет. Официально постановление было отменено лишь 13 апреля 1959 года…

5 декабря 1934 года и 14 сентября 1937 года были приняты чрезвычайные поправки к уголовно-процессуальным кодексам союзных республик, ускорившие уголовное преследование «террористов», «диверсантов» и «вредителей», которых расстреливали немедленно по вынесению приговора или отклонения ходатайства о помиловании; кассационное обжалование приговоров, постановленных порой за 15–20 минут, не допускалось...

Суды стали придатками и заложниками чрезвычайных органов. Например, председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР тов. Ульрих докладывал… лично Л. Берии, что с 1 октября 1936 года по 30 сентября 1938 года Военной коллегией и ее выездными сессиями в 60 городах осуждено: к расстрелу – 30 514 человек, к тюремному заключению – 5643 человека. Если в конвейерном «правосудии» случался сбой, ошибку устраняли карательные органы непосредственно, не считаясь с призрачной независимостью судебных органов.

10 января 1939 года на места был разослан циркуляр: «ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод»... То есть высшая государственная инстанция – ЦК ВКП(б) – узаконила пытки. Хотя они применялись красными с первых дней захвата власти... Нормой правоприменительной практики было рассмотрение судами дел в тюрьмах, написание приговоров заранее с проставлением потом мер наказания…

В период хрущевской оттепели и брежневский застойный период не раз происходило латание советской судебной системы. Всплески активности пришлись на 1958–1960 годы, когда принимались Основы законодательства Союза ССР, союзных и автономных республик, а также новые кодексы союзных республик; на 1977–1981 годы, то есть время приведения законодательства в соответствие с Конституцией СССР 1977 года. Закон РСФСР о судоустройстве был принят в 1980 году. В 1981 году увидели свет законы о выборах и отзыве судей и народных заседателей.

20 июня 1982 года состоялись очередные выборы народных судей на пятилетний срок. Судей избирало население, опуская в ящики для голосования бюллетени с напечатанной на них единственной фамилией кандидата. В итоге было избрано 10 303 судьи. Из них 63,5% – мужчины, 36,5 – женщины, 93,1% – члены и кандидаты в члены КПСС… Высшее юридическое образование имели 99,3%, среднее – 0,5% судей. Тенденции кадрового наполнения судейского корпуса оставались прежними: росло число партийных судей и женщин. Образовательный уровень судей кажется резко возросшим, однако это образование весьма своеобразно: с одной стороны, речь идет о преподавании студентам «социалистического» права со всеми вытекающими отсюда последствиями; с другой – даже это «право» дурно усваивается заочниками и вечерниками, занимающими должности секретарей судебных заседаний и овладевающими судейской премудростью под руководством старших коллег и «вприглядку»…

Горбачевская перестройка затронула лишь небольшую часть сферы судоустройства. 1 декабря 1988 года Конституция СССР была дополнена новшествами – упразднены прямые выборы народных судей населением и срок судейских полномочий увеличен с 5 до 10 лет.

Источник: Пашин С.А. Советские судебные реформы (1922–1990) и «юридическое зазеркалье». Краткий очерк судебных реформ и революций в России // Отечественные записки. 2003. № 2 (10). – http://www.strana-oz.ru/?article=456&numid=11

Стремление граждан к обеспеченной жизни порицалось, приветствовалось равенство людей в бедности, что не исключало специальное снабжение и достаток семей партийных чиновников.

Официальной целью социалистического производства провозглашалось благо каждого человека. Однако попытки рядовых граждан

повысить свое благосостояние не только трактовались как стяжательство, буржуазное перерождение, но и нередко наказывались судом. Вводились различные ограничения, например, на размер садового домика или площадь покупаемой кооперативной квартиры.

С первой пятилетки экономический рост обеспечивался за счет наступления на благосостояние основной массы населения. Синдром «осажденной крепости» и связанная с ним милитаризация экономики привели к тому, что социальная сфера финансировалась по остаточному принципу. Все довоенные годы жилья строилось крайне мало. Города не справлялись с притоком новых жителей, все более обострялась жилищная проблема, не хватало больниц, школ и детских садов. Уровень жизни населения оставался низким. В 1952 году молока и молочных продуктов в СССР потреблялось почти в 2 раза меньше, чем в США, а мяса, рыбы, сахара – почти в 4 раза.

Подробнее. **Начало эпохи потребления**

В 1960-е годы быстрый рост объемов производства товаров массового потребления впервые достиг таких масштабов, что позволил относительно насытить потребительский рынок. Одновременно с этим советское правительство, взяв политический курс на «повышение благосостояния народа», предприняло усилия для роста денежных доходов населения, достижения «социальной однородности общества» через искусственное «подтягивание» низкооплачиваемых слоев к среднему уровню заработной платы… Произошла настоящая потребительская революция. Впрочем, рынок потребительских товаров отличался бедным выбором и слабым дизайном моделей. Он не успевал за ростом платежеспособности и формировавшейся новой потребительской культурой населения. К концу 1960-х годов возрос спрос на модные, особенно импортные джинсы, дубленки, шляпы, кофточки, косметику, музыкальные записи, позднее – на видеофильмы и технику. Франты гонялись за галстуками редкой расцветки, особого покроя костюмами и шляпами. В магазинах они не продавались – только на черном рынке, существовавшем в больших городах.

Источник: Романов П., Ярская-Смирнова Е. Фарца: подполье советского общества потребления // Неприкосновенный запас. 2005. № 5 (43). – http://magazines.russ.ru/nz/2005/43/ro12.html

***

Потребительский бум в 1960-е годы породил утопию личного вкуса: вещь должна была служить эстетике и практике коммунизма, а не безудержному «вещизму». В застойные 1970-е годы потребление сдерживалось только дефицитом, но не вкусом… Это было начало эпохи потребления. Появилась какая-то уверенность в будущем. Был рост рождаемости. Но глобального

потребления не было: каждый новый сорт колбасы был открытием. Появление в магазинах чешских шпикачек, возможность купить мяса и приготовить шашлык – вот потребление тех лет.

Источник: Тарасевич Г., Идлис Ю., Лейбин В., Торгашев А., Хестанов Р. Утопия 1960-х // Русский репортер. 2010. № 22 (150). 10–17 июня. – http://www.rusrep.ru/2010/22/shestidesyatniki/

Декларируемые принципы распределения в зависимости от трудового вклада, равенство доступа к образованию, жилью, услугам здравоохранения и т.п., которые долгие годы оправдывали политический режим внутри страны и за ее пределами, не были реализованы. В условиях всеобщего дефицита товаров (этой родовой черты советского социализма) дифференциация уровня жизни населения проходила не столько по линии официальных ведомостей выдачи зарплаты или пенсий, сколько по возможности доступа к материальным благам.

Этот доступ определялся положением в партийно-государственной структуре и принадлежностью к привилегированным слоям и группам населения. Несмотря на «равенство в бедности», было немало тех, кто кормился на дефиците. У партийной номенклатуры были статусные и материальные преимущества, открытые и завуалированные привилегии. Партийно-государственный аппарат, руководящие чиновники отраслевых наркоматов пользовались услугами спецполиклиник, «собственных» санаториев, домов отдыха. Неплохие возможности были у генералитета армии и КГБ, руководителей колхозов и совхозов, а также у работников торговли и спекулянтов, перепродававших товары, купленные из-под прилавка. Лучше других снабжалось население закрытых городков ВПК.

На рубеже 1980-х годов вопиющее социальное неравенство проявлялось и в здравоохранении, которое формально обладало рядом достоинств. Была создана широкая общегосударственная сеть районных и городских больниц для стационарного лечения, поликлиник, амбулаторных и фельдшерских пунктов на селе. Работали ведомственные медицинские учреждения при заводах, фабриках и институтах. С 1960-хгодов были введены обязательные профессиональные медосмотры работников, позволявшие выявлять заболевания на ранних стадиях. В 1986–1988 годах по числу врачей на 1000 человек СССР (43,8) опережал Японию (20,7), Францию (24,8), США (27,2) и ФРГ (32,6).

Но различия между жителями крупных городов и жителями сел, особенно в отдаленных районах, были огромными. Из-за остаточного финансирования уровень предоставляемых медицинских услуг оставлял желать лучшего, постоянно не хватало медперсонала, современного оборудования и медикаментов – не только на периферии, но и в крупных городах. С каждым годом система медицинского обслуживания становилась все более избирательной и коррупционной.

Господствовала мессианская идеология коммунизма, обещавшая светлое будущее завтра за самоотверженный труд и лишения сегодня.

Коммунистическая идеология, сулившая жителям страны удовлетворение в будущем всех их потребностей, цементировала советскую систему. До революции и сразу после нее своеобразным фильтром было само положение партийцев, сопряженное с риском полицейских преследований, тюремных застенков, каторги. В годы гражданской войны и НЭПа неодолимый рефлекс приватизации власти сдерживался верой вчерашних революционеров в свои идеалы и страхом перед возможными репрессиями за идейное предательство, «разложение».

Ментальность руководящих кадров год за годом менялась. Сталин репрессиями и подачками держал номенклатуру «в узде». В 1930–1940-е годы лишь страх чиновников за свою судьбу мешал перерождению номенклатуры, лишенной искренней веры в непогрешимость марксизма-ленинизма, хотя формально коммунистическую идеологию в СССР разделяли все члены КПСС, тем более партийные функционеры.

XX съезд КПСС стал важнейшей вехой в либерализации советской системы и одновременно открыл шлюзы для перерождения номенклатуры. Разоблачение сталинских преступлений нанесло серьезный удар по коммунистической идеологии. С приходом к власти Л. Брежнева время репрессий в партийной номенклатуре окончательно ушло в прошлое. Она освободилась от многих моральных запретов. В1970-е годы основным критерием продвижения по службе стала «личная преданность Хозяину».

Чем больше материальных возможностей появлялось у правящего слоя, тем сильнее деградировала официальная идеология. К тому же привилегии – госдачи, персональные автомашины, спецпайки – имели относительный статус: их нельзя было передать детям по наследству. Через систему привилегированного образования, а затем назначений и выдвижений по службе «новый класс» пытался создать систему передачи власти или хотя бы привилегий по наследству.

Подробнее. **Сдвиги в потребностях и интересах номенклатуры**

В рамках патерналистской системы власть являет собой сложное сочетание механизмов господства и обмена. Хотя преувеличивать роль обмена, придавая ему черты эквивалентных рыночных отношений, все же не следует, так как высшие слои имеют в этом обмене изначальные преимущества. Представители власти с легкостью и вполне сознательно закрывают глаза на многочисленные нарушения порядка. Но они сохраняют за собой неоспоримое право в любой момент вмешаться и прекратить практически любую деятельность, которую сочтут нежелательной.

Привилегированное положение партийно-государственных органов определяется уже тем, что они могут манипулировать кадрами, снимая с должности тех, кто не удовлетворяет их требованиям. На каждого имеется «личное досье». И любой директор государственного предприятия или даже обычный рабочий могут быть уволены, если отклонятся от формальных и неформальных правил, предписанных «начальством». К тому же низшие социальные группы вынуждены конкурировать за дефицитные ресурсы между собой, что ослабляет их позиции в процессе обмена.

В итоге воспроизводство социального расслоения в обществе советского типа принимает форму асимметричного социального обмена, основанного на различиях в персональных и корпоративных рангах, из которых вытекают различия в присваиваемых привилегиях. Раньше на высшие позиции выбивались партийные жрецы, способные к «истинно научному» толкованию событий. В процессе бюрократизации партийных структур произошло своеобразное оборачивание. Обладание символической властью все менее зависит от личных и профессиональных качеств, но в большей степени определяется принадлежностью к корпорации определенного ранга (горком, обком, ЦК).

Организационная структура общества становится более гибкой, а власть более фрагментарной. Собственность государства постепенно переходит в руки отраслевых и региональных корпораций, крупнейших предприятий, отвоевывающих все больше фактических распорядительских функций.

Ширятся и множатся сети неформальных обменных связей. Торговля за ресурсы принимает более открытый характер. Расцветают «черные» и «серые» рынки, через которые перекачивается возрастающая часть государственных ресурсов. Соответственно повышается материальное и социальное положение групп, причастных к распределению в сферах торговли, снабжения, транспорта.

Заканчивается эпоха полувоенного френча и казенной мебели. Элементарное разнообразие в потреблении влечет за собой развитие престижного потребления у правящих слоев. При невозможности удержать просачивающуюся неофициозную информацию допускается возникновение зачаточных контркультур и альтернативных стилей жизни и поведения.

Размывание веры в проповедуемые социалистические ценности и одновременно снижающаяся роль силового принуждения заставляют использовать более гибкие способы стимулирования – через жилье, прописку, прибавки к зарплатам и сопутствующие льготы. Все эти сдвиги и привели в конечном счете к тому, что позднее было названо «перестройкой».

Источник: Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 211–213. – http://ecsoc.hse.ru/pdf/stratif_p4.pdf

Подробнее. **Пойти в тюрьму или выразить лояльность властям**

Характерная черта брежневской эпохи – социальная стабильность. Число массовых беспорядков, вынуждающих власти применять оружие, с середины 1960-х годов начало сокращаться. В 1963–1967 годах были лишь отдельные рецидивы волнений, для подавления которых пришлось использовать вооруженную силу – например, в 1967 году в Ченгене, Фрунзе, Степанакерте. Во время расцвета брежневской эпохи власти научились минимизировать риски, связанные с антиправительственными выступлениями. 7 из 9 массовых выступлений против режима во времена правления Л. Брежнева пришлись на первые годы его прихода к власти. В 1969–1977 годах не было зафиксировано ни одного подобного эпизода. Если в годы правления Н. Хрущева в 8 случаях из 11 при подавлении беспорядков власти применяли оружие, то в брежневскую эпоху лишь в 3 случаях из 9. Начиная с 1968 года вплоть до смерти Брежнева, для подавления беспорядков оружие не применялось ни разу. Режим научился обходиться без крайних форм насилия, гасить вспыхивающие проявления недовольства без стрельбы.

Правда, массовое жилищное строительство («хрущевки»), выделение в личное пользование садовых участков быстро привели к утрате властью тотального контроля над личной жизнью человека. Путь от коммунного уклада жизни… до жизни, хотя и советской, но отделенной от государства… был пройден за десятилетие. После обретения значительной частью населения отдельной квартиры появилась территория свободной мысли – кухня. Садовый участок оторвал среднего человека от организуемой государством общинной занятости.

Между началом 1950-х и серединой 1980-х годов радикально изменилась информационная ситуация в стране. В 1950 году лишь у 2% советских граждан были радиоприемники с коротковолновым диапазоном. К 1980 году число тех, кто имел к ним доступ, возросло до половины населения. Советское руководство предприняло меры, чтобы отечественные радиоприемники плохо принимали западные радиостанции, организовало их глушение. Но полностью контролируемый информационный мир к 1980-м годам ушел в прошлое. Активная часть советских граждан получила альтернативные, по отношению к контролируемым государством каналам, сведения о происходящем.

В середине 1970-х годов КГБ сообщил ЦК КПСС о распространении ревизионистских, реформаторских идей у молодежи. В первую очередь речь шла о студентах гуманитарных вузов, было выявлено 43 группы студентов, подпавших под влияние идеологии ревизионизма и реформизма… С большей или меньшей регулярностью зарубежные радиостанции слушали 80% студентов и около 90% учащихся старших классов, ГПТУ, техникумов… «Самиздат» претерпел… качественные изменения. Если 5 лет назад отмечалось хождение по рукам главным образом идейно порочных художественных произведений, то в 1976 году все большее распространение получали документы программно-политического характера… исследования и статьи по экономическим, политическим и философским вопросам, в которых с разных сторон критиковался исторический опыт социалистического строительства… выдвигались различного рода программы оппозиционной деятельности… Среди научной, технической и части творческой интеллигенции распространялись документы, в которых проповедовались теории «демократического социализма»… Центрами распространения внецензурных материалов по-прежнему оставались Москва, Ленинград, Киев, Горький, Новосибирск, Харьков…

Однако диссидентское движение, обладавшее моральным авторитетом в среде интеллектуальной элиты, не представляло серьезной угрозы режиму. Закрытость границ, ограниченность контактов с внешним миром, гуманитарных связей, – все это позволяло обеспечивать политический контроль и, казалось бы, делало невозможной организацию опасного для власти оппозиционного движения.

За 1958–1966 годы за антисоветскую агитацию и пропаганду были осуждены 3448 человек, за 1967–1975 годы – 1583 человека. В 1971–1974 годах, если пользоваться принятой в КГБ терминологией, было «профилактировано» 63,1 тыс. человек… Этим термином власти обозначали мероприятия, проводимые с советскими гражданами, заподозренными в инакомыслии. Потенциальные диссиденты должны были осознать, что их деятельность известна органам и существует альтернатива – пойти в тюрьму или выразить лояльность властям.

Межэтнические конфликты оставались потенциально взрывоопасными. Главными точками напряжения считались Казахстан, Армения, Абхазия. В Армении 24 апреля 1965 года прошли стихийные митинги, в которых приняли участие от 3 до 8 тыс. человек. Выступавшие требовали возвращения Нагорного Карабаха в состав Армении, освобождения своих единомышленников. В Абхазии беспорядки в 1967 году продолжались в течение двух недель... Но в вооруженное межнациональное противостояние они не переходили.

Источник: Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. С. 131–135.

К началу 1980-х годов от социалистического «базиса» осталась лишь внешняя оболочка. Высшие государственные чиновники, министры,

их заместители, директора предприятий искали возможность закрепить навечно свое право владеть и управлять, мечтали о праве собственности на предприятия. Желание советской номенклатуры изменить общественное устройство в своих интересах, оформить де-юре те права, которыми они пользовались де-факто, стало осознанной потребностью, а значит, исторической необходимостью.

Подробнее. **Авторитарные режимы: причины нестабильности**

Авторитарные режимы – политические структуры, которые не опираются ни на традиционную легитимацию, ни на принятую обществом процедуру формирования правительства и парламента на основе конкурентных выборов. Их лидеры, устранившие политических конкурентов, подавившие оппозицию, поставившие под контроль средства массовой информации, нередко полагают, что пришли навсегда. Они думают, что находящиеся в их распоряжении средства принуждения достаточны, чтобы обеспечить стабильность власти. Эта иллюзия дорого стоила многим. Такие формы организации власти внутренне нестабильны. Это связано не с привходящими обстоятельствами или случайностями, а с их природой…

Отсутствие легитимности, понятного и принятого обществом объяснения, на каком основании лидеры авторитарного режима управляют страной, – причина его неустойчивости. За правительством не стоят ни традиция, переходящая из поколения в поколение, ни понятные и общепринятые процедуры подтверждения законности власти… У монарха есть наследник. Президент или премьер-министр демократической страны приходит к власти в рамках понятных, принятых обществом правил. Для подавляющего большинства авторитарных режимов установление правил преемственности невозможно. Официальный наследник – угроза автократу. Отсюда риски устойчивости режима в случае смерти или недееспособности создавшего его лидера.

Срок существования авторитарных режимов недолог. Однако период политической нестабильности, связанной с крушением старых институтов и отсутствием новых, когда на смену традиционным монархиям приходят молодые демократии, а их, в свою очередь, сменяют авторитарные режимы, может растянуться на века. Лидеры авторитарных режимов нередко искренне убеждены в том, что они пришли навсегда. Однако ощущение временности, неустойчивости – характерная черта этого способа организации власти. Даже когда подобные политические структуры формируются при поддержке общества, разочаровавшегося в некомпетентных и коррумпированных политиках, пришедших к власти на основе демократических процедур, со временем общество начинает считать их нелегитимными. Начинается обсуждение путей и сроков восстановления демократических институтов. Когда такие дискуссии становятся значимыми, выясняется,

что и лидеру режима, и его ближайшему окружению непросто выстроить «стратегию выхода» – обеспечить свободу, безопасность и благосостояние после ухода от власти.

Проблему хорошо иллюстрирует пример А. Пиночета, одного из самых эффективных диктаторов XX века, проводившего разумную экономическую политику, заложившего основы чилийского «экономического чуда». По его инициативе были внесены поправки в чилийскую Конституцию, которые должны были обеспечить его безопасность после отставки. Опыт показал: это не помогает. Пиночет был не первым диктатором, задумавшимся о том, как решать эту проблему. Осознание ее реальности стимулирует распространение коррупции в кругах, близких к верхушке авторитарного режима. Нестабильность положения, ненадежность власти заставляют правящую элиту ориентироваться на короткую перспективу. История не знает случаев, когда бы череда авторитарных правителей уважала права собственности. Статистика демонстрирует взаимосвязь между устойчивостью существования демократической системы и надежностью гарантий контрактных прав.

Авторитарные режимы выстраивают простую структуру государственной власти. Однако, как справедливо отмечал Э. Бурке, «простые формы правления фундаментально ущербны, если не сказать – хуже». Отсутствие системы сдержек и противовесов, публичной дискуссии, позволяющей сделать информацию о решениях, принятых под влиянием коррупционных интересов, общедоступной, подрывает и без того хрупкую веру общества – да и самого режима – в его право управлять страной.

Источник: Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. С. 58, 67–69.

1.2. Ускоренная индустриализация за счет крестьянства

Лидеры партии, которая официально провозгласила своей целью мировую революцию, чувствовали себя, как в осажденной крепости. Отношения с европейскими странами и США были крайне натянутыми. Чтобы на равных участвовать в гонке вооружений, нужна была ускоренная индустриализации, причем любой ценой. Ставилась задача как можно быстрее создать новые рудники, металлургические заводы и военные производства. Не только догнать Европу и США, но и перегнать!

Проведение ускоренной индустриализации требовало колоссальных средств. В 1928–1929 годах взять их решили в деревне. Но взять можно было по-разному:

- **отменить дискриминационные меры по отношению к наиболее продвинутой части крестьянства, развивать частное крестьянское хозяйство, рыночную экономику со стабильной валютой, основанной на золотом стандарте, при сохранении политического контроля коммунистической партии (позже такой путь был назван «китайским»)**
- **или демонтировать в деревне нэповские экономические институты, провести принудительную коллективизацию, то есть восстановить в новом виде крепостное право, зерно взять силой по ценам ниже тех, за которые его готовы продавать крестьяне.**

Какой вариант выбрал бы ты?

Выбор стратегического курса обсуждался на высшем уровне страны, единого мнения не было. Аргументы в пользу первого варианта были достаточно весомыми. К 1926 году новая экономическая политика, сутью которой было сочетание авторитарной власти КПСС, доминирование государственной собственности в промышленности и наличие относительно свободной торговли, устойчивой, подкрепленной золотом валюты, себя оправдывала, показала свою эффективность. После бурного восстановительного роста в 1923–1924 годах страна продолжала развиваться, хотя не столь динамично. Валовая продукция промышленности выросла за 1921–1924 годы на 45,2%, за 1925 год – на 62,2, за 1926 год – на 34,2, за 1927 год – на 13,3, за 1928 год – на 18,9%. Увеличилось производство продовольствия, народ не голодал. В крестьянской стране, где большая часть армии была крестьянской, силой брать хлеб в деревне казалось делом крайне рискованным – можно потерять власть.

В то же время получить из деревни большие объемы хлеба для экспорта было трудно. Крестьянские хозяйства, даже причисленные к «середняцким», были малопроизводительными и мелкотоварными. Бессмысленно было ожидать, что они станут наращивать инвестиции в производство в условиях, когда за это могли причислить к кулачеству, лишить избирательных прав, сослать в Сибирь. Реализация в деревне либерального экономического курса требовала хотя бы частичных

перемен политического курса – смягчения режима, возврата к осужденному партией лозунгу Бухарина «Обогащайтесь!». Политическому руководству страны решиться на это было сложно.

Многим партийным лидерам, которые недавний отказ от «военного коммунизма» воспринимали как временную тактическую уступку, идеологически ближе был предложенный Сталиным альтернативный, силовой путь. И его сторонники победили.

К тому времени, в отличие от 1921 года, крестьянство было разоружено. В невооруженной деревне даже крестьянская по составу армия послушно выполняла приказы власти при массовом изъятии хлеба. Последствия оказались катастрофическими. Крестьяне стали гражданами второго сорта с денежными доходами, многократно меньшими, чем у горожан. Их лишили социальных гарантий, пенсионного обеспечения, свободы передвижения и выбора места жительства. Колхозники работали не за вознаграждение, а за «галочки», кормились в основном за счет приусадебного хозяйства, которое облагалось высокими денежными и натуральными налогами. Все это было равносильно восстановлению крепостного права.

Принудительная работа порождала у людей соответствующее к ней отношение – как к повинности, к барщине, которую стремятся избежать. В результате продуктивность сельского хозяйства СССР за 1928–1939 годы сократилась на 15%, хотя до начала коллективизации она росла в среднем на 1% в год. Колхозники подвергались откровенной дискриминации: за год они зарабатывали примерно столько, сколько рабочий за месяц. Такая политика побуждала наиболее энергичных и грамотных любым способом перебираться в город. Каналы были: армия и ударные стройки коммунизма.

Под предлогом раскулачивания были уничтожены или сосланы в Сибирь миллионы крепких крестьян, носителей трудовой этики, которые на своем опыте убедились: чтобы стать зажиточными, надо много работать, осваивать передовые технологии и учить детей. Беспрецедентными по жестокости методами Сталин разгромил деревню, выжал из нее все, что было возможно. Массовый голод 1932–1933 годов, унесший около 6 млн жизней на Украине и в Центральной России, был устроен властью. Рыночное сельское хозяйство, которое только и могло обеспечить продовольственную безопасность державы, в России было уничтожено, а крестьянство обречено на деградацию, обусловленную полукрепостническими условиями.

Подробнее. **Крестьяне – крепостные не барские, а чиновничьи**

Чаще всего колхозников избивали и пороли председатели колхозов. К середине 1930-х годов это явление стало настолько массовым, что в стране организовали несколько показательных процессов с самыми суровыми приговорами сельским руководителям… Некоторые регионы, как, например, Чувашия, где избиения колхозников были массовыми и повсеместными, удостоились специальных постановлений партийных органов. Однако когда несколько лет спустя, в 1940 году, комиссия Совнаркома РСФСР поехала в республику, чтобы проверить исполнение постановления, оказалось, что колхозников там бьют по-прежнему…

В 1960 году отдел партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам подготовил доклад о подобных случаях, где отмечалось: «Во многих областях и республиках… председатели сельских советов, председатели и бригадиры колхозов, работники милиции и некоторые другие допускают нарушения социалистической законности и произвол в отношении советских граждан, принуждают их к продаже личного скота колхозам, насильственно изымают продукты сельского хозяйства, проводят незаконные обыски в домах, необоснованно налагают штрафы, производят аресты и привлекают граждан к судебной ответственности, избивают колхозников…» Колхозникам, лишенным паспортов и возможности уйти из колхоза, не оставалось ничего другого, как терпеть. Ведь если человек лишен собственности и элементарных прав, он – крепостной, не важно, барский или чиновничий. И его обязательно будут пороть.

Источник: Жирнов Е. О систематических порках колхозников // Власть. 2010. № 11 (865). 22 марта – http://kommersant.ru/ doc.aspx? fromsearch=d0121ed5-0033-4d59-9994-72a8d4ed7fb6&docsid=1333974

Подробнее. **Цена сталинской индустриализации**

Голод как инструмент. Ресурсы восстановительного подъема, связанного с преодолением хозяйственной разрухи после революции и гражданской войны, постепенно исчерпывались. Лишь резко увеличив объем государственных капиталовложений, можно было подстегнуть темпы развития экономики. Для этого необходимо было повысить государственные изъятия из экономики и уровень налогового бремени, демонтировать связанные с рыночными механизмами ограничители масштабов налогообложения.

Некоторые исследователи резонно считают, что последствия социально-экономической трансформации 1928–1930 годов по влиянию на развитие Советского Союза и мира превосходили то, что произошло в 1917–1921 годах. Заниженные цены и налог с оборота на потребительские товары стали важнейшим источником бюджетных поступлений. Готовность власти к неограниченному насилию, репрессиям для изъятия максимума возможного у крестьян, чтобы направить мобилизованные ресурсы на развитие промышленности, – стержень сталинской ускоренной модернизации.

В январе 1928 года Сталин подписал директиву ЦК ВКП(б) местным организациям. В ней он ориентировал их на применение жестких мер против тех, кто укрывает хлеб. Вооруженные отряды реквизировали не только излишки хлеба, но и домашний скот, сельскохозяйственный инвентарь. К кулакам применялась ст. 107 Уголовного кодекса РСФСР. Как предложил Сталин, 75% конфискованного хлеба шло в распоряжение государства, 25% распределялось среди бедноты по государственным ценам или в порядке долгосрочного кредита. Сталин был откровенен, когда в 1928 году на июльском Пленуме ЦК ВКП(б) сказал, что политика советской власти по отношению к крестьянству предполагает нечто вроде введения дани, изъятие которой необходимо для финансирования социалистической индустриализации.

В Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК от 14 декабря 1932 года к числу «злейших врагов партии, рабочего класса и колхозного крестьянства» отнесены «саботажники хлебозаготовок с партбилетом в кармане, обманывающие государство и проваливающие задания партии и правительства…» «По отношению к этим перерожденцам, врагам советской власти и колхозов, все еще имеющим партбилет, ЦК и СНК обязывают применять суровые репрессии, осуждение на 5–10 лет заключения в концлагерь, а при известных условиях – расстрел». В ходе кампании по закрепощению крестьянства в 1930 и 1931 годах были депортированы 1,8 млн человек.

За 1932–1933 годы население Украины сократилось примерно на 3 млн человек. Голодом 1932 года были охвачены Казахстан, Северный Кавказ, Дон, Кубань, бассейн Волги, некоторые регионы Западной Сибири. Оценки числа жертв голода колеблются в пределах от 6 млн до 16 млн человек. Наиболее распространенные – от 7 млн до 8 млн человек. Закон от 6 декабря 1932 года предусматривал составление списка деревень, которые признавались виновными в саботаже. 15 декабря 1932 года в него включили 88 районов Украины. Жителей этих районов выселяли. Закон от 7 августа 1932 года запрещал людям, умирающим от голода, брать зерно, гниющее на складах или сваленное у железнодорожных станций.

Законы от 13 сентября 1932 года и от 17 марта 1933 года прикрепляли крестьян к земле, запрещали искать иную работу без разрешения колхозного руководства. Крестьян, стремившихся вырваться за пределы Украины, чтобы не умереть от голода, возвращали к месту проживания. Масштабы жертв голода 1932–1933 годов мало волновали социалистическое руководство. Сформированная система политического контроля позволяла избежать массовых беспорядков, добиться того, что информация о голоде на протяжении многих лет была засекречена. Зато государственные заготовки зерна увеличились с 18,5 млн тонн в 1932 году до 22,6 млн в 1933 году.

Рабский труд. Милитаризм, приоритет развития военной промышленности, аномально высокая доля военных расходов в ВВП – именно это ставится во главу угла сталинской индустриализации. И принудительный труд заключенных играет немалую роль в выполнении этой задачи, в первую

очередь – в обеспечении трудовыми ресурсами крупных инфраструктурных проектов. По данным Главного управления лагерей, только объем капитальных работ, выполняемых заключенными, составлял 5,8% ко всему объему капитальных работ в СССР. В краткосрочной перспективе массовые репрессии могли снижать темпы экономического роста вследствие дезорганизации системы управления. Именно это произошло в 1937 году. Однако они были инструментом, укрепляющим базу режима, демонстрировали способность власти неограниченно применять насилие…

Угроза репрессий заставляет десятки миллионов людей, не находящихся в ГУЛАГе, в условиях XX века вести себя, как традиционное закрепощенное непривилегированное сословие аграрных государств, – смириться с тем, что у них нет права выбора места работы и жительства, что все произведенное сверх минимума, необходимого для обеспечения жизни, может быть изъято, что они не могут и мечтать о правах и свободах и воспринимают это как неизбежную реальность.

Экономический рост на костях. Хотя первая пятилетка была полностью провалена, в дальнейшем… этот набор институциональных инноваций работал. На ранних стадиях индустриализации (когда доля занятости вне сельского хозяйства не превышала 50%) они позволяли обеспечивать сравнительно высокие темпы индустриализации, промышленного роста. Среднегодовые темпы экономического роста в СССР (по национальному доходу) в 1920–1940 годах составили примерно 5,1% в год, прирост промышленного производства в 1928–1941 годах, по разным оценкам, от 9,9 до 17,0% в год (данные ЦСУ СССР).

Факторы, обусловившие аномально высокие темпы социалистической индустриализации – снижение уровня жизни сельского населения, масштабы перераспределения ресурсов из традиционной аграрной сферы в промышленность, – порождают и самую серьезную, затянувшуюся на десятилетия аномалию социалистического роста: расходящиеся траектории развития промышленности и сельского хозяйства. Дефицит продуктов питания становится постоянной проблемой, а их импорт – жесткой необходимостью. С 1926 по 1939 год производство продовольствия на душу населения уменьшилось примерно на 15%, что предопределило голод военных и послевоенных лет. В 1958 году импорт сельхозпродукции сравнялся с ее экспортом. В начале 1960-х годов СССР стал в крупных масштабах закупать зерно за границей и к середине 1980-х превратился в крупнейшего импортера зерна в мире. Диспропорция между развитием промышленности и сельского хозяйства сделала крах СССР неизбежным.

Источник: Гайдар Е.Т. Цена сталинской индустриализации // The New Times. 2007. № 39. 5 ноября – http://newtimes.ru/articles/detail/7771/

Ускоренная индустриализация и победа в войне. Правда, на «хлебные» деньги была проведена ускоренная индустриализация, построены

многочисленные заводы. Благодаря индустриализации страна технически подготовилась к войне. Этот аргумент при всей его жестокости не лишен убедительности. Но при анализе сложившейся альтернативы надо учитывать исторический контекст и взаимосвязанность решений того времени.

После изучения засекреченных архивных документов Е. Гайдар пришел к выводу, что перспективу Второй мировой войны не стоит считать фатальной. Во всяком случае, ни Америка, ни Франция, ни Англия, только-только оправившиеся от Первой мировой войны, нового военного конфликта не хотели. Это убедительно показала политика умиротворения, которой придерживались Франция и Англия во время событий в Австрии, а потом – в Чехословакии.

В мире имелись два других источника нестабильности: Германия, страдавшая постимперским синдромом, и Япония, которая быстро наращивала экономическую мощь и желала конвертировать ее в политическую силу. В Германии ключевым вопросом, от которого зависело, будет она воевать или нет, было создание коалиции между социал-демократами и коммунистами, которые вместе контролировали половину электората.

Для советского руководства альтернатива заключалась в следующем:

- **продолжить курс на мировую революцию, допустив войну в Европе,**
- **или отказаться от этой цели и разрешить создание в Германии коалиции коммунистов и социал-демократов, привести ее к власти.**

Какой вариант выбрал бы ты?

При выборе второго пути Германия надолго, может быть, навсегда переставала быть угрозой для нашей страны. А Советский Союз получил бы возможность проводить индустриализацию без спешки, спокойно и постепенно, не уморив голодом 6 млн человек в 1932–1933 годах. И неминуемость катастрофы Второй мировой войны исчезла бы. Но Сталин был категорическим противником любого сотрудничества коммунистов и социал-демократов и наложил табу на такое соглашение. Это помогло ему настоять на жесткой политике в отношении советской деревни.

Выбор «китайского пути», то есть политики, которую тогда в СССР предлагали Бухарин и Рыков, означал отказ от коммунистических догм, включая лозунг мировой революции. Эта тема никогда не обсуждалась открыто, как слишком деликатная. Но если бы в 1928–1929 годах в СССР взяла верх линия Бухарина и Рыкова на либерализацию политики в отношении крестьянства, а в перспективе – и на отказ от наиболее одиозных коммунистических догм, включая лозунг мировой революции, история, возможно, развивалась бы по иному сценарию.

Сталинское табу на союз социал-демократов и коммунистов в Германии, наоборот, проложило нацистам дорогу к власти. На парламентских выборах 1928 года национал-социалистическая партия получила 12 мест. Социал-демократы увеличили свое представительство в парламенте до 153 депутатов, что даже при союзе с коммунистами, которые получили 54 голоса, не дало им контроля над парламентом, но позволило сформировать коалицию меньшинства и, соответственно, социал-демократическое – коммунистическое правительство. Сталин категорически запрещал коммунистам такую коалицию.

Подробнее. **Сталин помог Гитлеру прийти к власти**

Сталин помог Гитлеру прийти к власти, запретив немецким коммунистам блокироваться с социал-демократами. Он утверждал (заметьте, еще в январе 1924 года), что в Германии «за последнее время произошла… передвижка мелкобуржуазных социал-демократических сил в сторону контрреволюции, в лагерь фашизма. Вывод: не коалиция с социал-демократией, а смертельный бой с ней как с опорой нынешней фашизированной власти». 7 ноября 1927 года Сталин выбросил лозунг: «Невозможно покончить с капитализмом, не покончив с социал-демократизмом»… В следующем году Сталин объявил борьбу с социал-демократией главной задачей коммунистов: «Во-первых, неустанная борьба с социал-демократизмом по всем линиям… включая сюда разоблачение буржуазного пацифизма»… Это «включая» очень показательно. Сталин многократно, навязчиво обличал в своих выступлениях пацифизм – в том числе и в Отчетном докладе ЦК КПСС XVI съезду партии (1930). Но ясно, что, придя к власти, пацифисты, хотя бы и «буржуазные», не стали бы развязывать войну и вся концепция о «вынужденной» подготовке Сталина к войне просто рухнула бы!

Именно Сталин писал Программу, принятую VI Конгрессом Коминтерна (1928). В ней сказано: социал-демократия есть основной противник коммунистического движения (заметьте: не фашизм, а социал-демократия признается основным противником!)

Тем временем экономический и политический кризис в Германии все более обострялся. В начале 1930-х годов в стране насчитывалось 1,5 млн

безработных, получавших чисто символическое пособие. Страна находилась в фактической готовности к гражданской войне. Основные политические силы имели свои массовые военизированные организации… В этих условиях Коммунистическая партия Германии продолжала руководствоваться сталинской формулой о необходимости «смертельного боя» с социал-демократией. Результат всего этого – итоги всегерманских выборов 12 ноября 1932 года… Нацисты завоевали наибольшее количество голосов (33,09%), и Гитлер пришел к власти законным, конституционным путем (30 января 1933 года он был назначен канцлером). Этого бы не произошло, если бы коммунисты (16,86%) и социал-демократы (20,44%) выступили единым фронтом.

Источник: Лопатников Л.И. Хуже, чем преступление: к спорам о политике Сталина в отношении гитлеровской Германии // Независимая газета. 27 января 2010 года. – http://www.ng.ru/ideas/2010-01-27/8_crime.html

Подробнее. **«Социал-фашизм» и приход Гитлера к власти**

Троцкий оказался единственным деятелем рабочего движения, который понял, что перед лицом угрозы, которую фашизм несет судьбам человечества, его цивилизации и культуре, противоречия между коммунистами и социал-демократами должны отойти на второй план… «Отождествлять социал-демократию и фашизм, в то время как социал-демократические рабочие смертельно ненавидят фашизм, а вожди столь же смертельно боятся его, значит идти наперекор реальным политическим отношениям»...

Троцкий обращал внимание на то, что социал-демократическая партия остается партией, пользующейся наибольшим влиянием в Германии (в сентябре 1930 года за нее проголосовало более 8,5 млн человек). Фашизм выступает смертельной угрозой для ее существования, поскольку он неминуемо уничтожит парламентско-демократические методы, на которых она строит свою работу. Поэтому продолжение «ложной политики компартии, нашедшей свое высшее выражение в нелепой теории социал-фашизма, может в короткий срок привести к гибельному результату. Эта политика способствует росту недоверия к коммунистам со стороны миллионов социал-демократических рабочих, их сплочению вокруг вождей социал-демократии. Политика же единого фронта с социал-демократией, борьба за защиту демократических завоеваний трудящихся не только подрывает позиции фашизма, но и открывает перед коммунистической партией огромные возможности для упрочения своего влияния в массах»...

Руководство германской компартии игнорировало все эти предостережения… В июле 1931 года ЦК ГКП обратился с ультимативными требованиями к социал-демократическому правительству Пруссии, угрожая в случае их отклонения принять участие в затеянном гитлеровцами референдуме, направленном на свержение правительства. Когда социал-демократы отклонили ультиматум, под давлением Сталина и Молотова, компартия приняла участие в референдуме… – коммунисты выступили против социал-

демократов в блоке с самой реакционной политической силой. Референдум позволил гитлеровской партии резко усилить свое влияние…

Вспоминая это время, известный советский публицист Эрнст Генри писал: «Слова Сталина были таким же приказом Коминтерну, как его указания Красной Армии или НКВД. Они разделили рабочих друг от друга как баррикадой, старые социал-демократические рабочие были не только оскорблены до глубины души, они были разъярены. Этого коммунистам они не простили. А коммунисты, стиснув зубы, выполняли приказ "о смертном бое". Приказ есть приказ, партийная дисциплина. Будто спятив с ума, социал-демократы и коммунисты неистовствовали друг против друга на глазах у фашистов. Я жил в те годы в Германии и никогда не забуду, как сжимали кулаки старые товарищи, видя, как дело идет прахом, как теория социал-фашизма прокладывает дорогу Гитлеру»…

Прошедшая в 1932 году серия выборов показала, что соотношение политических сил в Германии неустойчиво и быстро меняется, как всегда бывает в эпохи бурных политических кризисов… Троцкий продолжал доказывать, что остается последний шанс общими усилиями парламентских фракций рабочих партий преградить путь Гитлеру, что в условиях сохранения парламентской демократии исключен непрерывный рост влияния фашистов, что при отсутствии своей террористической диктатуры они неминуемо исчерпают свой социальный резервуар…

Фашизм представляет продукт не только острого социального кризиса, но и революционной слабости разобщенного германского пролетариата. Эта слабость порождена в первую очередь ошибочной политикой германской компартии, по-прежнему называющей социал-демократов фашистами, что сбивает коммунистов с толку и мешает им вступить в союз с социал-демократическими рабочими. «Сила национал-социалистов сейчас не столько в их собственной армии, сколько в расколотости армии их смертельного врага». В то время как нарастание фашистской опасности должно толкать рабочих к сплочению, руководство Коминтерна продолжает диктовать немецким коммунистам теорию социал-фашизма, которая «стала петлей на шее немецкого пролетариата. Под кнутом сталинской клики несчастный, запутанный, запуганный, задерганный ЦК германской коммунистической партии изо всех сил помогает выдать немецкий рабочий класс на распятие Гитлеру»…

Фашизм опирался на сравнительно ограниченную социальную базу. «Главной армией фашизма остается мелкая буржуазия и новое среднее сословие: мелкий ремесленный и торговый городской люд, чиновники, служащие, технический персонал, интеллигенция, разоряющиеся крестьяне». Эти социальные слои отдавали фашистам свои голоса на выборах, из них фашисты рекрутировали свои боевые кадры, ударные отряды штурмовиков. Основная часть промышленного пролетариата продолжала идти за двумя рабочими партиями. А «на весах революционной борьбы тысяча рабочих крупного предприятия представляет собою силу в сто раз большую, чем тысяча чиновников, канцеляристов, их жен и тещ»…

Если бы руководство германской компартии обладало свободой в выработке собственной политической линии, то оно под влиянием объективной обстановки в стране пришло бы к восприятию этих идей. Но оно целиком подчинено Сталину… Проблема германской революции и проблема сталинского политического и идеологического режима, перенесенного на все партии Коминтерна, оказались связаны одним узлом. Если историков исключают из партии только за то, что они не прославляли «подвиги Сталина в 1917 году», замечал Троцкий, то может ли сталинский режим «допустить признание своих ошибок, совершенных в 1931–1932 годах? Может ли он отказаться от теории социал-фашизма? Может ли он дезавуировать Сталина, который суть немецкой проблемы формулировал так: сперва пускай придут фашисты, а потом мы?»… В ответ на критику Троцкого гибельной линии Коминтерна Сталин ответил втягиванием коммунистов всех стран в новую бешеную кампанию против «троцкизма»…

30 января 1933 года рейхспрезидент Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером. После этого события стали развиваться с ошеломляющей быстротой. Гитлер немедленно распустил рейхстаг и назначил на начало марта новые выборы. 27 февраля произошел поджог здания рейхстага. На следующий день чрезвычайным декретом Гинденбург по предложению нацистского правительства отменил все статьи Веймарской Конституции, гарантировавшие свободу личности, слова, печати, собраний, союзов. По стране прокатились массовые аресты антифашистов. Даже в обстановке фашистского террора на выборах 7 марта около 5 млн избирателей проголосовали за коммунистов и более 7 млн – за социал-демократов, 5 млн – за партию католиков, находившуюся в оппозиции к Гитлеру. Нацисты собрали 17 млн голосов, или 43% от общего числа. Сразу после выборов гитлеровская власть аннулировала 81 мандат депутатов-коммунистов и добилась желаемого большинства в рейхстаге.

14 марта 1933 года коммунистическая партия была объявлена вне закона. 2 мая были разгромлены профессиональные союзы, конфисковано их имущество, а их руководители брошены в концлагеря. 22 июня пришел черед социал-демократической партии, деятельность которой также была запрещена. В течение 100 дней были уничтожены демократические права и свободы, которые германский рабочий класс завоевал на протяжении 100 лет.

Источник: Роговин В.З. Была ли альтернатива. Т. 2. Власть оппозиции. – http://web.mit.edu/people/fjk/Rogovin/volume2/xlix.html

Иной вариант был возможен и в отношении Японии. Рост ее влияния сильно беспокоил Соединенные Штаты. Если бы в 1930-х годах в СССР произошла смена политического курса в бухаринско-рыковском стиле, США могли бы стать стратегическим союзником Советского Союза — в противовес усиливавшейся милитаризации Японии. После чего

шансы Японии развязать крупномасштабную войну свелись бы практически к нулю. Разумеется, это лишь предположительные варианты, никто не знает, как развивались бы события в реальности. Но историческая развилка была именно такой.

1.3. Нехватка продовольствия и нефтяные доходы

Годовые денежные доходы колхозников, которые составляли в 1930–1950-х годах большинство населения, были близки к месячной зарплате рабочего. С конца 1940-х годов, чтобы заставить крестьян больше внимания уделять работе в колхозах, индивидуальные хозяйства обложили высокими денежными и натуральными налогами. Крестьяне стали избавляться от коров, вырубать фруктовые деревья. В 1950 году 40% крестьянских семей не держали молочного скота.

На крестьян не распространились социальные гарантии в виде пенсий, социальных пособий, возможность получить квалифицированную медицинскую помощь. В СССР действовал закон 1932 года, запрещавший крестьянам покидать деревню без специального разрешения. Хотя каналы миграции из деревни в город все же были. Но состав тех, кто оставался в деревне, и тех, кто покидал ее, был иным, чем в странах, не прошедших социалистическую индустриализацию. В странах-лидерах современного экономического роста занятие сельским хозяйством не было связано с недостатком способностей или трудолюбия. А социалистическая модель развития подталкивала наиболее грамотных, энергичных крестьянских детей любой ценой переехать в город, в деревнях оставались «двоечники». Результатом такой политики стало резкое падение продуктивности сельского хозяйства.

Подробнее. **Феномен – государственное сельское хозяйство**

В централизованно планируемой экономике Советского Союза было создано явление, до этого неизвестное мировой практике, – государственное сельское хозяйство. В различные исторические периоды в странах мог существовать мощный государственный сектор в любой отрасли, но в сельском хозяйстве такого не встречалось.

Что же такое – государственное сельское хозяйство? Это не столько высокий уровень государственного регулирования аграрного сектора, сколько непосредственное государственное управление производством. Данная система могла сопровождаться юридической национализацией сельскохозяйственных земель, как в СССР и Монголии, или земля могла оставаться де-юре в собственности крестьян, как в странах Восточной и Центральной Европы. Но в обоих случаях была экономическая монополия государства на землю. В СССР она была также и юридической монополией – вся земля принадлежала государству.

Сельскохозяйственные предприятия получали землю в бесплатное и бессрочное пользование, иначе говоря, земля передавалась им для сельскохозяйственного использования без финансовых обязательств (налога, арендной платы и других форм оплаты) на неопределенный срок. Будучи собственником земли, государство имело право перераспределять ее между предприятиями, изымать для несельскохозяйственного использования и распоряжаться иным способом.

Предприятия из предоставленных им в пользование угодий выделяли участки для ведения сельскими жителями личного подсобного хозяйства (ЛПХ) – в среднем примерно по 20 соток. При этом часть земельного надела обычно располагалась в деревне, вблизи от дома, и была стабильной. Также для посадки картофеля и овощей хозяйства предоставляли на своих полях землю на сезон, которая не закреплялась за семьями и зачастую обрабатывалась коллективно. Кроме того, существовали коллективные выгоны и сенокосы для домашнего скота. Такое подсобное хозяйство в советской деревне было весомым источником дохода семьи. Поэтому право администрации предприятий распределять землю для личных подсобных хозяйств было сильным рычагом давления на работников. ЛПХ давали до четверти валовой продукции сельского хозяйства.

Государство не только было монопольным собственником земли, но и централизованно распределяло инвестиционные ресурсы, в значительной мере оборотные средства, устанавливало производственные задания, что фиксировало отраслевую и региональную структуру сектора. В нем, как и в других отраслях, существовало «фондовое снабжение». Одновременно с плановым заданием на производство каждое предприятие получало плановую цифру разрешенной для него покупки средств производства – тракторов, сельхозтехники, удобрений, химикатов, строительных материалов. Свободного рынка ресурсов не существовало, легально приобрести ресурсы сверх «отпущенных фондов» было невозможно. Действовали специализированные государственные снабженческие, строительные и транспортные организации.

Государство занималось и распределением сельхозпродукции. Основную ее часть закупали государственные ведомства по установленным ценам (система государственных закупок). Так, для управления закупками и продвижением зерна и масличных культур было создано Министерство

хлебопродуктов, имевшее разветвленную сеть региональных организаций и предприятий. Продукцию животноводства в основном закупали сами государственные перерабатывающие предприятия (мясокомбинаты и молокозаводы). Картофель и овощи поступали на государственные овощные базы и перерабатывающие заводы (консервные, крахмальные, спиртовые и т.п.). Закупала их и потребительская кооперация, которая юридически была негосударственной организацией, но действовала в рамках единого государственного плана. Сельхозпродукция в основном поступала в государственные заготовительные организации.

Источник: Серова Е.В. Аграрная реформа в России переходного периода – http://www.ru-90.ru/index.php?option=com_content&view= rticle&id=1864

Послевоенные проблемы с продовольствием. К 1953 году стал реальностью кризис сельского хозяйства, связанный с выбранной в 1928–1929 годах политикой закабаления крестьян. Зерна заготавливалось даже меньше, чем в 1940 году (на 6 млн тонн), а потребность в нем из года в год нарастала в связи с общим ростом народного хозяйства, увеличением городского населения и реальной заработной платы. Стране остро нужна была валюта для закупок за рубежом технологий и оборудования. Основным ее источником был экспорт зерна. Однако в 1954 году для экспорта смогли выделить только 3,1 млн тонн при потребности в 4,8 млн тонн.

В это время споры в руководстве страны шли не о том, надо ли увеличить расходы на развитие сельского хозяйства. С этим соглашались все. Разногласия были в выборе приоритета расходования средств:

- **направить дополнительные ресурсы в повышение продуктивности сельского хозяйства в традиционных аграрных районах**
- **или начать масштабную программу освоения целинных и залежных земель.**

Какой вариант выбрал бы ты?

Второй вариант, на котором настаивал Н. Хрущев, был признан приоритетным. Освоение целинных земель для решения зерновой проблемы позволяло использовать методы, применявшиеся при индустриализации (концентрация ресурсов, организация производства в крупных масштабах). Можно было создать на целине совхозы и предоставить их работникам привилегии, которыми пользовались рабочие. Можно

было направить на освоение новых земель часть потока трудовых ресурсов из деревни в город, порожденного социально-экономическим неравенством рабочих и крестьян.

Подъем же Нечерноземья, разоренного десятилетиями советской аграрной политики, требовал либерализации сельской экономики, повышения материальной заинтересованности крестьян, роспуска колхозов. Это шло в разрез с принципами социалистической системы. В СССР начала 1950-х годов даже обсуждение деколлективизации было просто нереально. А без этого капиталовложения в Нечерноземье не могли дать ожидаемых результатов, что и подтвердилось на практике в 1970-х – начале 1980-х годов. Тогда, вложив в Нечерноземье огромные средства, СССР получил весьма ограниченный эффект.

В краткосрочной перспективе освоение целины дало неплохие результаты. В 1958 году по сравнению с 1953 годом в стране было произведено в 1,7 раза больше зерна. За счет освоения целины государство компенсировало сокращавшиеся поставки из традиционных аграрных регионов. Но большая часть целинных земель относилась к зоне рискованного земледелия, поэтому урожаи были неустойчивыми.

После 1958 года урожаи на целинных землях перестали расти, а в 1963 году резко упали. Урожай зерна на душу населения в 1963 году был ниже, чем в 1913 году: 483 и 540 кг соответственно. При этом кризис в сельском хозяйстве Центральной России продолжал углубляться. Потребление зерна превышало его закупки, государственные резервы сокращались.

В 1963 году на массовую закупку зерна за границей было выделено свыше трети золотого запаса СССР. Если царская Россия была крупнейшим в мире экспортером зерна, то Советский Союз к середине 1980-х годов стал одним из крупнейших его импортеров, ввозил зерна больше, чем Китай и Япония, вместе взятые. То есть вследствие низкой эффективности колхозного сельского хозяйства снабжение городов продовольствием полностью зависело от поставок зерна по импорту.

Руководство страны понимало угрозу этой фатальной зависимости. В сельское хозяйство направлялись крупные государственные капиталовложения. Но продуктивность колхозного сельского хозяйства увеличивалась крайне медленно: в 1960-е годы – на 3% в год, в 1970-е – на 1%. Такого роста было недостаточно, так как численность городского населения и спрос на продовольствие продолжали быстро расти.

Наращивать производство сельхозпродукции в нужной мере при сохранении неэффективного колхозного строя не удавалось. Стремительно рос дефицит. Нарастал и разрыв между закупочными и розничными ценами на сельхозпродукцию, что требовало все больших дотаций из бюджета. Пойти на роспуск колхозов было нельзя. Это подорвало бы устои режима, означало отказ от одной из главных догм официальной идеологии. Такой шаг был опасен и тем, что навыки самостоятельного крестьянского хозяйствования в деревне были утрачены, да и спад товарного производства в ходе реформы был неизбежен.

Либерализация режима в 1953–1957 годах (хрущевская оттепель) имела серьезные экономические последствия. Ведь нерыночная огосударствленная экономика могла результативно работать только в условиях тотального страха перед репрессиями. Но невозможно гарантировать неприкосновенность жизни и свободы начальства, не ослабив репрессии против обычных граждан. И когда страх ушел, в экономике возникли новые проблемы. Хрущев в августе 1956 года емко охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Все растаскивают».

К 1965 году стало очевидно, что в народном хозяйстве не все в порядке. Замедлились и темпы промышленного роста. Председатель правительства А. Косыгин, предложил набор осторожных мер по увеличению роли рыночных механизмов в экономике, по усилению связи прибыли с возможностями предприятий увеличивать инвестиции, по расширению права стимулировать работников при успешных результатах деятельности. При всей ограниченности этих реформ результаты были впечатляющими. Пятилетка 1966–1970 годов была одной из самых успешных в позднесоветский период.

Внешняя и внутренняя политика взаимосвязаны. Ввод войск в Чехословакию оказал влияние на то, что происходило в самом СССР. Партийное руководство укрепилось в убеждении, что все эксперименты с либерализацией режима, рыночными реформами опасны, могут привести к утрате власти. Косыгинская реформа, начатая в 1965 году, была свернута из-за опасения за устойчивость политического режима. В итоге предприятия так и не приобрели стимулов производить высококачественные товары, которые можно было продавать за рубеж за свободно конвертируемую валюту. В то же время открытие крупных нефтяных месторождений в Западной Сибири позволяло компенсировать потери, связанные с неэффективностью сельского хозяйства и вынужденным массовым импортом продовольствия.

Подробнее. **Несостоявшаяся косыгинская реформа**

Задолго до начала перестройки в СССР попытались реформировать экономическую систему. Никто не пытался отказываться от государственной собственности, демонтировать административную иерархию, но было решено заинтересовать предприятия в эффективной работе, оставлять часть прибыли в их распоряжении для поощрения работников и развития производства. Реформу начали проводить в середине 1960-х годов. Она получила неофициальное наименование косыгинской в честь А. Косыгина, который возглавлял правительство.

Увы, факты из жизни Косыгина не подтверждают представлений о его способности что-либо качественным образом изменить. Премьер однозначно придерживался принципов советской экономической системы. Со свойственным ему здравым смыслом он, с одной стороны, понимал, что нельзя с милицией гоняться за каждой бабкой, которая связала носки на продажу, с другой – уверял, что «выходить из тяжелейших кризисов нам позволяло плановое хозяйство, и, видимо, в ближайшее время никто ничего лучшего не придумает. Нашу экономическую систему надо серьезно лечить, но она есть и останется основной». Он был чисто советским хозяйственником и в рамках возможностей советской системы активно изыскивал резервы для развития. Именно ему мы во многом обязаны развитием нефтегазового промысла в Сибири, с которого и по сей день кормимся.

Что на деле вышло из косыгинской реформы? Она дала некоторый стимул развитию хозяйства, во второй половине 1960-х годов советская экономика развивалась довольно быстрыми темпами. Правда, некоторые экономисты считают это лишь статистической иллюзией. Впрочем, был тогда рост или нет, не так уж важно, поскольку вскоре самостоятельность предприятий вновь уменьшилась. Кроме того, стимулы в отсутствие рыночной конкуренции приносили не только позитивные результаты. В частности, при фиксированных государством ценах предприятие стремилось производить не то, что нужно потребителю, а что дороже. Дефицитные товары, если их в административном порядке не делают выгодными, так и остаются дефицитными. Поскольку люди в условиях реформы стали лучше зарабатывать, а дефициты не рассосались, отоваривать имеющиеся деньги становилось даже труднее. Денег больше, но объем товаров не увеличился, а значит, экономика дефицита лишь прогрессирует.

Косыгин намеревался решить проблему дефицита административными мерами, строя новые заводы по производству предметов потребления… Это не решило бы проблемы, потому что при легком доступе к деньгам дефицит активно работает на свое расширение. С дефицитом можно было бороться, развивая реформу в сторону рынка. Но этого Косыгин боялся, считая, что оставшиеся бесконтрольными директора предприятий все разворуют. А о том, чтобы бороться с воровством при помощи перехода к частной собственности, формируя хозяина, контролирующего работу своего

завода, советскому руководителю середины 1960-х годов и помыслить было страшно.

Словом, вперед Косыгин идти не мог. При этом оставлять реформирование на полдороге было нереалистично. Половинчатые реформы могли формально дать хорошие показатели, но на деле лишь осложнили жизнь людей, гонявшихся за отсутствовавшими на прилавках товарами. Поэтому партийное руководство страны активность реформатора придавило. И Косыгин приватно констатировал в беседе с чехословацким премьером Л. Штроугалом: «Все работы остановлены, а реформы попали в руки людей, которые их вообще не хотят». В итоге Косыгину приходилось руководить советской экономикой и распределять дефицитные ресурсы, используя все те инструменты бюрократического торга, от которых реформа, по идее, должна была нас увести.

Косыгинская реформа притормозилась и по политическим мотивам. В Чехословакии в 1968 году похожие экономические процессы привели к Пражской весне, к намерению политической либерализации. Такого поворота событий не желали все советские лидеры, включая Косыгина. А потому следовало, как представлялось кремлевской верхушке, отказаться от всяких реформаторских экспериментов. И от них действительно отказались практически на 20 лет, до начала горбачевской перестройки.

Источник: Травин Д.Я. Очерки новейшей истории России. Книга первая: 1985–1999. СПб.: Норма, 2010. С. 63–67. – www.ru-90.ru

Источником валюты для закупки продовольствия за рубежом стал экспорт нефти, месторождения которой были открыты в Западной Сибири в 1960 году. Позже к нему прибавились экспорт газа, необработанного круглого леса, черных и цветных металлов.

Подробнее. **Советская нефтяная отрасль**

За счет нефти Советский Союз всегда решал свои внутриэкономические и внешнеполитические задачи. Пока мировая цена на нефть была высока, социалистическая система хозяйствования держалась, хотя в ней вызревали острейшие противоречия. Но когда в 1980-х годах наступил длительный период низких цен, она развалилась. Нефтяная промышленность начала болеть задолго до распада СССР. Руководство СССР твердо верило, что нефтяная промышленность – основной источник валютных поступлений, опора бюджета и грозное оружие внешней политики – не имеет пределов роста. При этом оно не хотело видеть, что в отрасли накапливались серьезнейшие проблемы.

Еще в 1970-х годах центр нефтедобычи сместился в Западную Сибирь, но основные районы потребления находились в Европейской части страны. Неуклонно росли издержки производства, ведь работать приходилось в экстремальных условиях, а нефть перевозить на огромные расстояния. Для выполнения пятилетних планов нефтяники вели добычу на нескольких

западносибирских гигантах и почти не вводили в работу средние и мелкие месторождения. А поскольку регулярно открывались все новые богатейшие запасы, о повышении нефтеотдачи не думали… Безудержно наращивали добычу и экспорт нефти, а о геологоразведке и развитии инфраструктуры забывали. Месторождения разрабатывали недопустимо высокими темпами и ценнейшие из них загубили. У супергиганта Самотлора с начальными запасами нефти 6,5 млрд тонн пик добычи (154 млн тонн) пришелся на 1980 год. Месторождение кормило почти всю страну: на заработанные им нефтедоллары за рубежом приобретались продукты питания и потребительские товары. Потом добыча на Самотлоре стала быстро падать: до 60 млн тонн в 1990 году и 20 млн тонн в 1995 году.

Нефтяные производственные объединения сами не экспортировали добытую ими нефть. Этим занимался созданный в 1931 году монополист «Союзнефтеэкспорт» (с 1992 года – «Нафта-Москва»). А импортное оборудование для нефтяников закупал, расплачиваясь западносибирской нефтью, «Машиноимпорт», поскольку отечественное машиностроение не смогло наладить выпуск современной нефтепромысловой техники. Поэтому нефтедобывающие объединения, работавшие за «железным занавесом», не имели опыта взаимодействия с иностранными партнерами и правильных представлений о мировых рынках... Руководство страны держало нефтяную промышленность под тотальным контролем: даже начальников сибирских нефтегазодобывающих управлений назначали с разрешения ЦК КПСС. При этом не прислушивались к профессионалам-нефтяникам, предупреждавшим о грядущих бедах. И они не заставили себя ждать.

Структура новых запасов ухудшалась: нефть оказывалась все более вязкой, залегала все глубже, крупные открытия делались все реже, запуск новых месторождений обходился все дороже. Если в 1975 году новая скважина в Тюменской области давала 138 тонн нефти в сутки, то в 1994 году – лишь 10–12 тонн. Первый кризис грянул в 1977–1978 годах, когда в Западной Сибири впервые упала добыча нефти. Из спада выбрались, бросив все силы страны на развитие региона. А в 1982 году Тюмень не осилила годовой план по добыче. Застой продолжался еще четыре года. Второй кризис тоже преодолевали привычными авральными методами – мощным вливанием капиталовложений и рабочей силы. Правда, возникли и новые тенденции: часть заданий по нефтедобыче перенесли с Тюменской области на Азербайджан и Казахстан, развивали социальную инфраструктуру, укрепляли техническую базу отрасли. Титаническими усилиями падение приостановили, и в 1987–1988 годах вышли на пик в 570 млн тонн...

Скверно обстояло дело и в нефтепереработке. Когда в СССР строили нефтеперерабатывающие заводы (НПЗ), автомобили считались роскошью, качественный бензин не требовался и основным нефтепродуктом был мазут. НПЗ вводили в эксплуатацию в основном с конца 1940-х до середины 1960-х годов. После 1966 года построили всего 7 новых заводов (в РСФСР только Ачинский НПЗ, остальные 6 – на территории союзных республик). Поэтому

после распада СССР Россия унаследовала самые старые предприятия с низкой глубиной переработки – около 67% против 85–95% в развитых странах. Так что и за рубеж они поставляли первичные нефтепродукты, которые доводили до кондиции уже в странах-потребителях.

Источник: Пусенкова Н.Н. Российская нефтяная промышленность: двадцать лет, которые потрясли мир. – www.ru-90.ru

Подробнее. **Нефть в обмен на продовольствие – иллюзия спасения**

Месторождения нефти Западной Сибири, открытые в 1960-х годах, возможность их освоения, финансирования за счет экспорта нефти в развитые капиталистические страны масштабного импорта сельскохозяйственной продукции, казалось, позволили решить продовольственную проблему…

Нараставшие трудности с продовольственным снабжением подталкивали советское руководство к выбору стратегии форсированного использования месторождений. Председатель Совета Министров А. Косыгин неоднократно обращался к начальнику Главтюменьнефтегаза В. Муравленко с просьбой примерно такого содержания: «С хлебушком плохо – дай 3 млн тонн сверх плана». За 1974–1984 годы. затраты на 1 тонну прироста добычи нефти увеличились на 70%. Расходы на добычу топлива с начала 1970 года до начала 1980-х годов возросли вдвое.

Форсированное увеличение добычи нефти подталкивало к концентрации усилий на крупнейших проектах. Использование методов эксплуатации, дающих возможность быстро увеличить объем нефтедобычи, но создающих трудно прогнозируемые риски, вело к тому, что возможность сохранения достигнутых объемов производства оказалась в зависимости от того, что произойдет на нескольких уникальных месторождениях. Внешнеторговый баланс, платежный баланс, снабжение населения продовольствием, сохранение политической стабильности все в большей степени определялись тем, какой будет погода на целинных землях, как сложится ситуация в нефтедобыче. В качестве основы экономической и политической стабильности мировой сверхдержавы – это немного.

Наряду с открытием крупных нефтегазовых месторождений, сохранению стабильности советской экономики в 1970-х годах способствовало беспрецедентное повышение мировых цен на нефть в 1973–1974 годах и скачок цен в 1979–1981 годах. На фоне роста объема экспорта нефти, реализуемой за конвертируемую валюту, темпы повышения валютной выручки СССР, начиная с 1973 года, были беспрецедентными. Поток валютных ресурсов от продажи нефти позволил остановить нарастание кризиса продовольственного снабжения городов, увеличить закупки оборудования, потребительских товаров, обеспечил финансовую базу наращивания гонки вооружений, достижения ядерного паритета с США, начать такие внешнеполитические авантюры, как война в Афганистане.

К 1980 году нефть и газ составляли 67% экспорта СССР в страны ОЭСР. В это же время цены на нефть, оставаясь высокими, перестали расти. На этом фоне в стране усилился дефицит потребительских товаров, росла денежная эмиссия, повышались цены колхозного рынка. Бюджетные расходы все в большей степени финансировались за счет вкладов населения. Усиление финансовой несбалансированности народного хозяйства, рост финансовых диспропорций, дефицита на потребительском рынке побуждали компенсировать недостаток предложения продуктов питания за счет ухудшения их качества (например, увеличением доли воды и крахмала в колбасе). Начиная с середины 1970-х годов примерно половина прироста товарооборота достигалась за счет ухудшения качества и повышения цен.

Источник: Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. С. 181–186.

Нефтяная зависимость. К 1985 году страна окончательно стала сырьевым придатком высокоразвитых экономик. Однако цены на сырьевые товары крайне нестабильны, колеблются в широком диапазоне, продовольственное снабжение оказалось в зависимости от нефтяного экспорта, от «нефтедолларов».

Между августом 1985 и маем 1986 года цены на нефть снизились вдвое, быстро упали доходы от экспорта. Советское руководство вынуждено было реагировать на резко изменившуюся экономическую и финансовую ситуацию. Просматривались четыре пути:

- **первый – прекратить бартерные поставки нефти и нефтепродуктов в Восточную Европу, переадресовать их в страны, способные платить за нефть и нефтепродукты конвертируемой валютой;**
- **второй – резко повысить цены на продовольствие, сократив потребность в его импорте;**
- **третий – резко сократить государственные расходы на производство вооружений, на содержание армии и инвестиции в ВПК;**
- **четвертый – не делать ничего, брать кредиты на Западе, сохранить сложившуюся структуру импорта, надеяться, что цены на сырьевые товары вновь поднимутся.**

Какой вариант выбрал бы ты?

Стратегически, исходя из экономических соображений, можно было выбрать первый путь, а политически, в реалиях 1986 года – невозможно. Если бы Генеральный секретарь вынес на Пленум ЦК КПСС

такое предложение, то при своей должности он оттуда точно бы не вышел. Ведь это означало роспуск восточноевропейской части советской империи, отказ от результатов Второй мировой войны.

Что касается второго пути, то решение повысить внутренние цены на продовольствие, сократив потребность в его импорте, надо было принимать в условиях, когда потребление продовольствия мало зависело от уровня цен: повышение цены на мясо на 10% не гарантировало снижения его потребления. Поэтому требовалось резкое и масштабное повышение цен. При этом нарушался неписаный договор власти и населения, сложившийся после отказа от массовых репрессий: народ не спрашивает, почему вы находитесь у власти, хотя мы вас никогда не выбирали, а власть гарантирует стабильность условий жизни, важнейший элемент которой – стабильность цен на продукты.

У власти уже имелся негативный опыт начала 1960-х годов, который привел к массовым беспорядкам, а в Новочеркасске – к потере контроля над ситуацией. В случае нового повышения цен на продовольствие было неясно, удастся ли власти сохранить контроль над Москвой и Ленинградом.

Подробнее. **Расстрел протестующих в Новочеркасске в 1962 году**

С 1959 года Н. Хрущев провозгласил курс на ликвидацию личных приусадебных хозяйств. Их обложили непомерными налогами. Скотину заставляли сдавать в колхоз. А в колхозах этот дополнительный скот было негде держать и нечем кормить. Вдобавок Хрущев после поездки в Америку приказал везде сеять кукурузу: без районированных сортов, без обучения агрономов. Все это привело к тому, что из продажи исчезли не только мясо (свыше половины его ранее давали личные хозяйства колхозников), но сахар и крупы, возникли перебои с хлебом… Поэтому с 1962 года начали массированно закупать зерно за границей, прежде всего в ненавистной Америке.

Для того чтобы иметь возможность повысить закупочные цены на продукцию колхозов, с 1 июня 1962 года одновременно по всему СССР были примерно на треть повышены розничные цены на основные виды продуктов: хлеб, мясо, колбасу, масло, яйца. Граждане тогда на продукты питания тратили основную часть зарплаты. Параллельно в СССР регулярно снижали расценки по выработке продукции для рабочих. Причем далеко не всегда это было связано с внедрением новых технологий и ростом производительности труда.

В Новочеркасске (Ростовская область) эти два события совпали. В литейном цехе электровозостроительного завода в мае рабочим резко

срезали расценки. Условия работы и снабжение там и так были отвратительными. А тут с 1 июня выросли цены на все основные продукты питания. Рабочие бурно обсуждали в цехе эти новости. В цех зашел директор завода. На вопрос подошедшей к нему работницы: «Скажите, как же нам жить дальше?», – директор ответил, ничуть не смущаясь: «Ничего, проживете! Раньше ели пирожки с мясом, теперь будете есть пирожки с ливером!» Это заявление моментально разнеслось по цеху. Сталелитейщики отказались работать. К ним примкнули рабочие других цехов. Пошли к заводоуправлению. Но начальство встретиться с ними не пожелало.

Поскольку толпа забастовщиков росла по минутам и перевалила за тысячу, дирекция поставила в известность руководителей горкома и обкома партии. Те приехали, но выступили так, что в них полетели камни. А затем к забастовке примкнули рабочие более мелких предприятий Новочеркасска. К вечеру того же дня из Москвы в Ростов-на-Дону прибыли почти все члены Президиума ЦК КПСС во главе с Ф. Козловым и А. Микояном.

2 июня утром рабочие утренней и вечерней смен двинулись к городу. Весь 12-километровый путь они прошли с красными знаменами, портретами Ленина и вполне приличными призывами. Впрочем, перекрыв движение по железной дороге, написали на тепловозе лозунг «Хрущева – на мясо!»… Речку Тузлов, огражденную от процессии самоходками и пожарными машинами, колонна преодолела легко и вскоре остановилась перед атаманским дворцом, в котором размещался горком КПСС. Снова гневные выступления Козлова и Микояна, клеймившие демонстрантов по радио. А народ прибывал. На площади перед дворцом появились военные, а вслед за ними – танки, от их холостых выстрелов полетели стекла во всей округе.

До стрельбы на поражение пока не доходило. Тому предшествовали очень важные обстоятельства. Дело в том, что «операцию» по насильственному разгону митингующих поручили заместителю командующего Северо-Кавказским военным округом, Герою Советского Союза генералу М. Шапошникову. Генерал, узнав, что приданные ему части вооружены боевыми патронами, отказался от этой затеи и приказал патроны сдать. То был поистине смелый гражданский поступок, стоивший генералу карьеры и членства в КПСС.

Рядовые солдаты начали брататься с толпой. Да и милиция не проявила должной активности. Зато КГБ был «на высоте». Ночью его представители арестовали несколько десятков выявленных ими активистов. Но поскольку организованного руководства у забастовки не было, все происходило достаточно стихийно, то на рабочих эти аресты не повлияли. Командующему Северо-Кавказским военным округом генералу И. Плиеву пришлось взять всю ответственность на себя, использовав для этого другого, более «покладистого» генерала.

Собравшаяся на площади многотысячная толпа захватила горком партии и ворвалась в горотдел милиции, где пыталась освободить ранее арестованных товарищей. Члены Президиума ЦК КПСС были вынуждены принять

делегацию забастовщиков. В конце концов, они приняли решение: стрелять на поражение. Собравшиеся на площади, услышав треск автоматных очередей, решили, что стреляют холостыми. Но когда на булыжниках остались лежать убитые и закричали раненые, толпа пришла в движение: люди бежали из огневой зоны, сминая друг друга. По словам очевидцев, ужаснее зрелища они не видели. Толпу рассеяли. По официальным данным, обнародованным лишь в 1991 году, было 26 убитых, по неофициальным – намного больше. Убитых тайно похоронили на заброшенных кладбищах Ростовской области. Кровь с улиц смыли, провели судебные процессы, 7 человек расстреляли, 105 посадили на сроки 12–15 лет (только в 1966 году, при Брежневе, всех выпустили. Снабжение города улучшили).

Брожение в Новочеркасске продолжалось еще несколько дней, появлялись антисоветские листовки, отдельные листовки появились в Ростове и Донецке. Протесты и забастовки против повышения цен на продовольствие прошли тогда и в других городах СССР (Муроме, Челябинске, Тамбове).

Источник: Как и почему на самом деле распался Советский Союз. – http://newspape.livejournal.com/42720.htm

***

Из приказа председателя КГБ В. Семичастного:

В первом полугодии (1962. – *Ред.*) текущего года на территории страны было распространено 7705 антисоветских листовок и анонимных писем… в 2 раза больше, чем за тот же период 1961 года. После опубликования решений ЦК КПСС и Совета Министров СССР о повышении цен на продукты животноводства увеличился поток анонимных писем. Только за июнь месяц т.г. зарегистрировано 83 случая распространения антисоветских листовок и надписей. За это же время из партийных и советских учреждений, из редакций газет и журналов в органы КГБ поступило свыше 300 антисоветских анонимных писем, в которых выражается недовольство жизненным уровнем населения нашей страны, содержатся призывы к организации массовых выступлений, забастовок, демонстраций, митингов, бойкотов с требованиями снижения цен на продукты питания и увеличения заработной платы, распространение таких документов отмечено главным образом в промышленных центрах страны.

Источник: АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 211. Л. 259–261. Новочеркасская трагедия. 1962 // Исторический архив. 1993. № 4. С. 170.

Подробнее. **Дешевое продовольствие и рыбный день в общепите**

З. Нуриев, бывший заместитель председателя Совета Министров СССР:

Затраты на производство сельхозпродукции росли год от года. А цены не менялись годами. Я помню, к нам по приглашению Минфина прибыл

министр финансов Швеции. Первое, что он сделал, зайдя в московский гастроном, купил 25 кг сырокопченой колбасы. Она у вас, говорит, в несколько раз дешевле, чем в Швеции. Мы сделали расчеты, пытаясь изменить соотношение цен по зарубежной модели «дешевые промтовары – дорогое продовольствие». И с этими предложениями я пошел к Брежневу. Он выслушал меня и говорит: «Зия, человек покупает машину один, от силы два раза в жизни, а хлеб, мясо и молоко – каждый день. Ты что, хочешь повторения новочеркасских событий? Я на это не пойду».

Источник: 30 лет без коммунизма // Власть. 2010. № 36 (890). 13 сентября. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=13fd8c83-5a7e-44a5-a7d2-81366c41c5b1&docsid=1502657

***

Брежнев снабжение населения считал первостепенным политическим вопросом. Спрос намного опережал производство, а отрегулировать их соотношение ценами не позволяли. Брежнев на Политбюро шутил, что для решения проблемы нужно ввести в стране два постных дня в неделю. Ставший предметом многих шуток рыбный день в общепите был одной из попыток уменьшить напряжение со снабжением мясом.

Источник: Нуриев З., Жирнов Е. Брежнев предлагал ввести в стране два постных дня в неделю // Власть. 2002. № 20 (473). 28 мая. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=0e23f8bd-0ce7-40ce-8c38-22e563fb996a&docsid=323921

Третий путь – резко сократить военные расходы, срезать инвестиции в ВПК, то есть остановить там инвестиционные программы, перестать использовать никель, медь, платину, палладий, черные металлы в производстве вооружений. И все это направить на экспорт. Этот путь был чреват конфликтами с силовыми структурами и хозяйственной элитой, тяжелыми социальными проблемами в моногородах. Тем не менее эту тему «мягко» поднимали на обсуждениях в ЦК КПСС. Но было ясно, что и такое решение означало политическое самоубийство.

Подробнее. **ВПК – суперструктура в обществе**

В СССР апогей политического влияния военно-промышленного комплекса пришелся на эпоху Брежнева… 1940–1960-е годы стали ключевым периодом в отношении формирования руководящих кадров ВПК и постепенного слияния их интересов. В послевоенные годы наметилась тенденция ко все большей технократизации создания вооружений, к усилению роли внутри ВПК научно-технической и промышленной его составляющей в ущерб профессиональным военным. Внутри ядра комплекса существовал неизбежный дуализм между профессиональным «военным» началом (и военным ведомством как заказчиком продукции) и «гражданским» (научно-производственным) направлением как разработчиком-исполнителем.

Относительный вес второго направления в советском ВПК возрастал, доказательством чему было назначение главного «гражданского» руководителя ВПК Д. Устинова министром обороны и его вхождение в узкую группу вершителей высшей политики СССР в 1970–1980-е годы.

Противоречия между партийным руководством и военными периодически обострялись. В первые послевоенные годы И. Сталин ликвидировал все мнимые и подлинные ростки «военной оппозиции». После его смерти роль высших военачальников в борьбе за власть резко возросла (достаточно отметить позицию военных в устранении Л. Берии и последующих конкурировавших групп, препятствовавших приходу к власти Н. Хрущева). Хрущев, став единовластным правителем, поспешил расправиться с бывшими союзниками, ссылаясь на опасность «военного заговора». Противоречия между партийным руководством и военными стали особенно заметными. Важной причиной разногласий были попытки сокращения расходов на содержание Вооруженных сил и развитие обычных видов вооружений, усиление партийно-политического диктата в армии, волюнтаристская политика Хрущева в преддверие Карибского кризиса…

После возвращения к традиционному приоритету военных программ с середины 1960-х годов Вооруженные силы стали снова получать достаточно средств, противоречия сошли на нет. Во второй половине 1960-х и в 1970-е годы усилилось взаимодействие между различными группами внутри военно-промышленной элиты, несмотря на обычные ведомственные разногласия. ВПК приобрел черты суперструктуры – всепроникающей и играющей ведущую роль в развитии общества.

Источник: Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны, 1945–1964: Стратегические программы, институты, руководители. – http://www.dissercat.com/content/voenno-promyshlennyi-kompleks-sssr-v-gody-kholodnoi-voiny-1945–1964-gg-strategicheskie-progr

***

Ю. Костенко, заместитель председателя Военно-промышленной комиссии при Совете Министров СССР:

Брежнев выдвинул лозунг «На оборону денег не жалеть!», вот их не то что «не жалели» – танкисты деньги просто не считали. Вскоре ситуация с производством бронетехники стала абсурдной: Генштаб поставил задачу иметь в войсках примерно 60 тыс. танков. Брежневские стратеги исходили из того, что в случае войны с НАТО потери за первые месяцы составят примерно столько же, сколько в 1941 году: около 20 тыс. танков. Тогда оставшихся 40 тыс. Советской армии хватит, чтобы дойти до Ла-Манша. Планы были перевыполнены, и к 1988 году на вооружении Советской армии стояло 63,9 тыс. танков (средней стоимостью четверть миллиона рублей каждый).

Источник: Рубченко М. Заложники индустриализации // Эксперт. 2010. № 32 (716). 16 августа. – http://www.expert.ru/expert/2010/32/

В итоге предпочли четвертый путь – продолжили занимать деньги на Западе. Тем более что их пока давали. До того времени кредитная история СССР была приличной. Но рано или поздно деньги заканчиваются. Можно занимать год, два, три, потом кредиторы требуют возврата денег. Что и было заявлено советскому руководству на рубеже 1988/1989 года. Возможности привлечения коммерческих кредитов на западных финансовых рынках сократились. Вскоре их вовсе перестали предоставлять. После чего кризис советской экономики, а потом и банкротство Советского Союза стали сначала неизбежностью, а затем объективной реальностью.

Подробнее. **Выбор стратегии при падении цен на нефть**

Когда цены на нефть в 1985–1986 годах упали, у советского руководства еще был набор стратегий, дающих надежду сделать кризис управляемым. Речь могла идти о повышении розничных цен в масштабах, сопоставимых с их ростом в середине 1930-х годов, переходе к нормированному снабжению продуктами питания, сокращении выпуска в обрабатывающих отраслях, что позволило бы увеличить поставки сырья на мировой рынок, о снижении объемов поставок топлива и сырья в страны СЭВ, не приносящих конвертируемой валюты, сокращении капиталовложений и резком сокращении закупок технологического оборудования на Западе. Связанный с внешним шоком финансовый кризис можно было попытаться урегулировать, увеличив долю промышленных товаров народного потребления в импорте, на этой основе увеличить доходы бюджета. Это были бы непростые, политически рискованные, но экономически ответственные решения.

Но повышение розничных цен нарушало фундаментальный контракт между обществом и властью, сформировавшийся в конце 1950 – начале 1960-х годов, значимость которого была подтверждена трагедией в Новочеркасске в 1962 году. С точки зрения социальной политики, сохранение фиксированных цен на продовольствие в радикально изменявшихся условиях было абсурдом. Подавляющая часть продовольственных дотаций приходилась на десятую часть населения, причем наиболее обеспеченную. По данным бюджетных обследований (1989 год), семьи с доходом на одного человека менее 50 рублей в месяц платили за килограмм мяса и мясопродуктов в полтора раза дороже, чем семьи с душевым доходом свыше 200 рублей. Но речь шла не о социально-экономической целесообразности. Неизменность цен была одним из важнейших компонентов контракта власти с народом, гарантировавшего устойчивость режима в обмен на стабильные условия жизни населения.

В середине 1980-х годов советское руководство не было готово серьезно обсуждать вопрос о некомпенсируемом повышении цен. Это нетрудно понять. Спрос населения на базовые продукты питания мало эластичен по цене.

Даже при резком повышении цен, существенное сокращение закупок зерна за рубежом могло бы привести к дефициту хлеба и кормов, необходимых для производства продукции животноводства. В стране к этому времени уже сформировался крупный денежный навес. У советских граждан, не имевших возможности купить товары, пользующиеся спросом, накопились вынужденные сбережения. Даже приняв решение о проведении масштабного повышения цен, советское руководство вынуждено было бы считаться с риском того, что дефицит базовых продуктов массового потребления сохранится. Угрозы стабильности режима, связанные с реализацией такой политики, в середине 1980-х годов казались непреодолимыми…

Сократить выпуск в обрабатывающих отраслях, направить часть высвободившегося сырья на увеличение экспорта было возможно. Резкое сокращение военных расходов, производства вооружений также позволило бы высвобождать сырьевые товары, реализовать их на международных рынках, мобилизовать конвертируемую валюту. Однако, как и с гражданскими обрабатывающими производствами, рост предложения используемых в ВПК никеля, титана, стали мог дестабилизировать мировые рынки, привести к падению цен на сырьевые ресурсы. К тому же движение в этом направлении означало прямой конфликт с руководством вооруженных сил, военно-промышленным комплексом.

Очевидными были и социально-политические угрозы, связанные с сокращением производства в обрабатывающих отраслях, занятости в них. Многие военно-промышленные предприятия расположены в моногородах, где возможности альтернативной занятости ограничены. Когда в рыночных экономиках потребность в рабочей силе сокращается под влиянием конъюнктуры, это нередко приводит к волнениям. Но власти могут ссылаться на то, что они столкнулись с обстоятельствами, которыми способны управлять лишь в ограниченной степени. Руководство социалистической страны, говорящее рабочим, что завод, который был столь нужен родине, надо закрыть, должно быть готово к серьезным социально-политическим потрясениям.

Сокращение поставок нефти и нефтепродуктов социалистическим странам с середины 1980-х годов, перераспределение нефтяного экспорта в пользу импортеров, способных рассчитываться конвертируемой валютой, становилось регулярной практикой. Между тем долги социалистического лагеря росли. К 1988 году внешняя задолженность социалистических стран в свободно конвертируемой валюте Западу составила 206 млрд долларов… Для сохранения империи все в большей степени приходилось полагаться на «последний довод королей» – силу. А это в конце XX века – ненадежная основа стабильного контроля над вассальными странами.

Сокращение объема капиталовложений, отказ от масштабных закупок технологического оборудования за рубежом – с экономической точки зрения, естественный ответ на кризис, связанный с ухудшением торгового баланса, падением цен на сырье. С позиции отношения власти и общества он наименее конфликтен. Однако руководству страны приходится думать

и об отношениях с хозяйственно-политической элитой, входящей, в частности, в состав ЦК КПСС. Для последней подобные меры столь же неприемлемы, как повышение розничных цен для общества…

Сказать первым секретарям обкомов, министрам, что капиталовложения в их регионы и отрасли будут сокращены, что технологическое оборудование, которое они предполагали импортировать, не будет закуплено, – прямо нарушить принятые правила игры. При попытке двинуться в этом направлении судьба нового советского руководства, возглавляемого М. Горбачевым, отличалась бы от судьбы Н. Хрущева лишь тем, что отставка произошла бы немедленно… Политическое самоубийство было гарантированно, возможность выигрыша – сомнительна. Несмотря на нарастающие финансовые трудности, объемы начинаемого строительства продолжали расти. Даже на фоне катастрофического положения в финансовой области, сложившегося к 1989–1990 годам, правительство не решается сокращать инвестиции в агропромышленный комплекс…

Еще в сентябре 1988 года в рейтинге платежеспособности СССР рассматривался как наиболее надежный финансовый партнер из социалистических стран, опережая по этому показателю Китай. Одним из факторов, облегчавших в 1985–1988 годах доступ СССР на международные рынки кредитных ресурсов, была переоценка западными экспертами объема золотого запаса СССР. Они считали, что он составляет в долларовом эквиваленте примерно 36 млрд долларов, тогда как в действительности к этому времени в связи с масштабными закупками продовольствия он сократился до 7,6 млрд долларов… Банкиры и правительства капиталистических стран продолжали предоставлять кредиты СССР на относительно благоприятных условиях. Это позволяло продолжать прежний экономико-политический курс, откладывать конфликтные решения…

Все это демонстрировало неспособность власти даже при явно нараставших валютно-финансовых проблемах принимать ответственные решения. Сознавая риски конфликта с административно-хозяйственной элитой, советское руководство продолжало обсуждать проекты циклопического масштаба, которые предлагалось финансировать за счет новых внешних займов.

Необходимость выбора между повышением розничных цен или сокращением капиталовложений и военных расходов ставила советское руководство перед непростой дилеммой: решаться на конфликт с населением или с партийно-хозяйственной элитой. Отказ от принятия решения по этому ключевому вопросу повышал риски того, что по мере развития кризиса придется вступить в конфликт и с обществом, и с элитой.

Новое поколение руководителей этого не понимало. И неудивительно. Традиционное управление советской экономикой было ориентировано на натуральные параметры. Вопросы развития животноводства обсуждались на высшем уровне гораздо чаще, чем бюджет страны. Финансы рассматривались руководством отраслей, предприятий как элемент неизбежной,

но скучной бухгалтерии. К тому же информация о реальном состоянии бюджета, валютных резервов, внешнем долге, платежном балансе была доступна крайне узкому кругу людей, многие из которых в ней ничего не понимали.

Источник: Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. С. 220–231.

***

Из выступления председателя правительства Н. Рыжкова на Пленуме ЦК КПСС 27–28 января 1987 года:

Взять хотя бы финансы. Здесь создалось наиболее критическое положение. Страна подошла к двенадцатой пятилетке с тяжелым финансовым наследием. Мы давно уже не сводим концы с концами, живем в долг. Нарастающая несбалансированность стала приобретать хронический характер и привела на грань фактического разлада финансово-кредитной системы. Все это не получало принципиальной оценки. Финансы были прерогативой определенного узкого круга лиц и ведомств. Более того, истинное положение дел в этой сфере прикрывалось внешним благополучием и не было предметом глубокого всестороннего анализа и рассмотрения… Крайне тяжелое положение сложилось в денежном обращении… В 70-х – начале 80-х годов произошло его расстройство. Мы пришли к тому, что у нас начались инфляционные процессы… Не лучше обстоят дела с валютным положением страны… Внешняя торговля стала уязвимой к различным санкциям.

Источник: Стенографический отчет заседания Пленума ЦК КПСС. См.: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 45. Л. 22–22 об.

***

Из доклада министра финансов СССР В. Павлова о госбюджете СССР на 1990 год:

Финансовая ситуация во внешнеэкономической деятельности продолжает ухудшаться, что размывает доходную базу бюджета и серьезно ослабляет наши усилия по ликвидации его дефицита… Доля этих поступлений опускается до самой низкой точки за последние годы и составит в доходах бюджета около 14%. Возрастает и внешняя задолженность. Объем внешнего долга достиг уровня, за которым он начинает возрастать уже без новых займов лишь за счет увеличения расходов по его обслуживанию. На оплату долгов и процентов уже в 1990 г. придется израсходовать почти всю выручку от экспорта продукции топливно энергетического комплекса… В социальной переориентации бюджета ключевое место занимает увеличение централизованного финансирования агропромышленного комплекса… Это создает дополнительное напряжение в бюджете и финансах страны, но идти на эти расходы надо для ускорения решения продовольственной проблемы.

Источник: Павлов В.С. О государственном бюджете СССР на 1990 год и об исполнении государственного бюджета СССР за 1988 год. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 9, 15.

Глава 2.
ПЕРЕСТРОЙКА И КРАХ СССР

2.1. Гласность

Падение в 1985–1986 годах цен на нефть и нехватка валюты для закупки продовольствия за рубежом поставили руководство СССР перед выбором:

- **смягчить политический режим в надежде договориться с обществом, если невозможно сохранить условия действовавшего на протяжении десятилетий неявного договора о стабильности цен,**
- **или ужесточить репрессии.**

Какой вариант выбрал бы ты?

Ужесточение репрессий означало обострение конфликта с Западом, полную потерю шансов на получение западных кредитов. К тому же такая политика могла спровоцировать развитие событий по образцу начала 1917 года в России. А политическая либерализация на фоне экономического кризиса создавала серьезные риски устойчивости для самого режима.

Новый Генеральный секретарь ЦК КПСС М. Горбачев не хотел крови и репрессий и избрал вариант политической либерализации. Он признал обреченность гонки вооружений и бессмысленность ядерной войны, отказался от попыток сохранить советскую империю ценой большой крови, дал народам Восточной Европы и бывшего СССР право на свободу выбора, По сути, Горбачев демонтировал мировой коммунизм, который еще долго мог бы гнить или закончил бы жизнь в безумных конвульсиях ядерной войны. Позволив людям говорить правду, Горбачев заложил основу для формирования в России гражданского общества.

Подробнее. **Горбачев, запустивший процесс**

Есть лишь один лидер, который определил судьбу мирового порядка на долгую перспективу, – М. Горбачев… Он пришел к выводу, что сила – это опасное средство ведения политики, как внешней, так и внутренней, особенно когда у тебя в руках ядерное оружие… Он предложил свою «триаду», которая противоречила не только советским устоям. Она была непривычна для западных демократий. Горбачев признал обреченность гонки вооружений и бессмысленность ядерной войны (именно он выдвинул идею «безъядерного мира» в 1986 году – задолго до Обамы). Еще одним прорывом стала его уверенность, что каждый народ имеет право на свободу выбора. Он пришел к этой очевидной истине, когда западное сообщество с удовольствием воплощало киссинджеровскую Realpolitik – а она оправдывала раздел мира на «сферы влияния». Горбачев, провозгласив гласность и открыв форточку, создал основы для формирования в России гражданского общества – впервые в российской истории!

Случился тот редчайший общественный перелом, когда усилия одного человека вызывают лавину событий, меняющих мировую траекторию (и было ли в истории подобное?). Человеком, вызвавшим лавину, оказался Горбачев. Именно ему было суждено стать лидером, который демонтировал воинственную цивилизацию – мировой коммунизм. Причем он это сделал тогда, когда эта цивилизация была способна жить, бороться либо загнивать неопределенное время. А могла и закончить свою жизнь в безумных конвульсиях, которые бы увлекли мир в преисподнюю…

Давайте взглянем на то, что сделал Горбачев с 1985 по 1990 год. Результатом горбачевского «нового мышления» стал советско-американский диалог по ядерному разоружению и подписание (в 1987 году) Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Противоборствующие стороны решили уничтожить целый класс ядерных вооружений, которые могли в любой момент вызвать апокалипсис. Затем последовали переговоры о сокращении стратегических наступательных вооружений и обычных вооружений, о запрете химического, бактериологического и биологического оружия. Диалог Горбачева с Рейганом по вопросам безопасности был не только следствием признания Москвой своей неспособности конкурировать с Америкой в гонке вооружений. Будь на его месте другой советский лидер, он мог бы еще долго играть с американцами в «русскую рулетку». Он мог бы шантажировать Запад, как это с успехом делают северокорейские лидеры. Горбачев добровольно решился разорвать с советской парадигмой выживания за счет поддержания ядерной угрозы…

Горбачев решил не удерживать в советских объятиях Восточную Европу. Когда начались бархатные революции в Восточной Германии, Чехословакии, Венгрии и Польше, некоторые тамошние руководители надеялись на «сочувствие» Кремля. Горбачев сказал твердое «Нет!». В этих странах еще находились советские войска, и Москве только стоило отдать приказ…

Но Горбачев не хотел повторения кровопролития Пражской весны. Он дал возможность немцам объединиться в рамках одного государства (а как же этого не хотели тогда Париж и Лондон!), а бывшим сателлитам СССР вернуться в Европу. Сегодня в ответ на обвинения в «сдаче» Восточной Европы он не без сарказма говорит: «Но мы же отдали Польшу, Германию, Чехословакию полякам, немцам и чехам»…

В рамках горбачевского «нового мышления» вполне логичной была его попытка реформировать основной тоталитарный инструмент – компартию и сделать из нее что-то человекоподобное. Но ослабление железного обруча, стягивающего советскую империю, и отказ от идеологии «осажденной крепости» неизбежно означали ее демонтаж.

Видимо, Горбачев не ожидал того, что он сам же и вызвал. Он отчаянно надеялся сохранить Союз как сообщество союзнических государств. Но процесс отталкивания национальных республик от центра был настолько мощным, что дезинтеграцию было уже не остановить. Не исключено, что формирование рынка могло на время замедлить этот процесс. Но создать рынок Горбачев не успел… Ни он, ни его соратники не предвидели, что перестройка приведет к крушению государства. Лидер, начавший как реформатор, закончил как терминатор. Он сам включил закон «непреднамеренных последствий»: каждый, даже сверхосторожный шаг по разгерметизации советского пространства только ускорял его распад. Горбачев создавал новые институты и дал возможность обществу создавать свои формы активности. Все это стало способом разложения системы, которая могла существовать только в герметически закрытом пространстве… Он понял возникшую перед ним дилемму: сохранить СССР можно только ценой большой крови. И он на это не пошел.

Источник: Шевцова Л. Горбачев // Новая газета. 21 февраля 2011 года. № 19. – http://www.novayagazeta.ru/data/2011/019/00.html

В стране, где каждая печатная строчка подвергалась цензуре, случилось неслыханное: власть разрешила сообщать о дефиците товаров и продуктов питания, снижении темпов роста экономики, ее огромной материало- и энергоемкости, низкой производительности труда. Экономическая публицистика сыграла важную роль в формировании у населения антибюрократических настроений, обозначилось противоречие интересов широких слоев населения и партийно-хозяйственной номенклатуры.

Публицистика дала ясное представление о пропасти между словами и делами партии. Возникло понимание неэффективности административно-командной системы управления экономикой. Люди задумались о причинах отторжения достижений научно-технического прогресса, отсутствии стимулов к труду, низкого уровня жизни. В общественном сознании сформировалось убеждение: «Так жить нельзя!» Пришла в движение

духовная сфера еще недавно спокойного общества. В печати, на телевидении и радио стали раскрывать «белые пятна» истории, массовый террор и произвол сталинского времени. Критически анализировалась жизнь на рубеже 1970–1980-х годов, названных периодом «застоя». Происходила десакрализация большевиков-ленинцев.

Создавались дискуссионные клубы, комитеты содействия перестройке, народные фронты и другие неформальные политические объединения. В прессе открыто заговорили о многопартийности, рынке, необходимости радикальной перестройки экономических отношений. Из архивов и спецхранов библиотек извлекались труды запрещенных историков, философов, рассекречивались документы.

Весной 1987 года перестали глушить «Голос Америки», Би-би-си, «Свободу», «Немецкую волну». Освобождение мысли, слова, творчества проходило в ожесточенных столкновениях. Охранительно-патриотическое, государственническое направление преобладало в тематике журналов «Молодая гвардия» и «Наш современник». Демократическую линию проводили журналы «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Нева», «Дружба народов», «Огонек», газеты «Московские новости», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец», ленинградская «Смена».

Тогда же начался читательский бум. Тиражи литературно-художественных журналов выросли в десятки раз и достигли астрономических цифр: «Юность» – 3,1 млн, «Новый мир» – 1,6 млн, «Знамя» – 700 тыс. экземпляров. Даже научные журналы резко увеличили тиражи: «Вопросы истории» – 70 тыс., «Вопросы философии» – 52 тыс. экземпляров. В 1989 году в стране издавалось 8,8 тыс. газет общим тиражом 230 млн экземпляров и 1,6 тыс. журналов тиражом свыше 220 млн экземпляров. Через год тиражи газет выросли на 4,6%, журналов – на 4,3%.

Подробнее. **От гласности к свободе прессы**

Гласность

Именно с гласности, оплодотворившей сначала прессу, а затем и все общественное сознание, началось то, что получило название «перестройка». Слово было единственным, что лидеры перестройки могли сразу же дать народу. И хотя оно не заменяло недостающих продуктов питания и товаров, не возвращало сыновей из Афганистана, не спасало от экологических бедствий, не снимало многих других острейших проблем, но вселяло надежду на выход из тупика, давало людям возможность начитаться, наслушаться, насмотреться, выговориться – ощутить себя вполне совершеннолетними гражданами своей страны.

Горбачев, видимо, имел в виду «управляемую гласность», когда появлению публикации или телепередачи предшествовало получение санкции «с самого верха». Привилегия на гласность была, как правило, персонифицирована, то, что позволялось «Московским новостям», было абсолютно запрещено для «Московской правды». Привилегия предоставлялась в пределах определенного периода времени, кампании, темы или даже конкретного материала.

Когда в ЦК КПСС спорили, стоит ли хотя бы для проформы провозгласить отсутствие цензуры, в реальной жизни полным ходом шли неподконтрольные властям процессы. Газеты, журналы, теле- и радиопрограммы стали значительно чаще предоставлять возможность для высказывания различных, часто противоположных мнений. Особенно этому способствовал прямой эфир на телевидении и радио… Наметилась дифференциация СМИ, отразившая различия в редакционной политике изданий, которые соответствовали формировавшемуся в тот момент политическому сознанию: от максималистского подталкивания преобразований до активного им противодействия, основанного в том числе на политическом суеверии и политическом нигилизме.

Насколько редакционная политика соответствовала интересам аудитории, можно было судить по тиражу изданий. За 1985–1989 годы подписка выросла у газеты «Аргументы и факты» на 136%, у «Литературной газеты» – на 127, у «Советской культуры» – на 78, у «Известий» – на 76%. Одновременно она снизилась у «Сельской жизни» на 25%, у «Красной Звезды» – на 15%, осталась практически без изменений у «Правды». Подписка увеличилась у журналов: «Дружба народов» – на 820%, «Знамя» – на 532, «Огонек» – на 417, «Новый мир» – на 311%. А у «Агитатора», «Партийной жизни» и «Политического самообразования» снизилась на 20% и практически без изменений осталась у журналов «Коммунист» и «Здоровье».

Существенно увеличившийся общий тираж периодики отражал стремительный рост доверия к СМИ. Не случайно среди народных депутатов РСФСР, избранных в 1989 году, было много журналистов. Социологические опросы показывали, что избиратели более всего хотели видеть своими депутатами экономистов, юристов или журналистов… Произошел значительный отрыв центральной прессы от местной по уровню открытости в обсуждении насущных проблем и критике недостатков. Это было связано с большей зависимостью местных СМИ от партийных и советских органов, с меньшей компетентностью и профессиональной подготовленностью сотрудников редакций… В общем контексте изменения фактического положения СМИ в политической системе родилась «новая пресса», которую выпускали неформальные движения, объединения, клубы, кооперативы. Широкое распространение получили информационные листки, которые создавались, как правило, на принципе самоокупаемости с разрешения местных партийных и советских органов или без легитимации...

Появились первые негосударственные информационные агентства «ИНТЕРФАКС» и «Постфактум». Произошла легализация самиздата. Если раньше, скажем, самиздатская «Хроника текущих событий» существовала де-юре только как орудие преступления – уголовно наказуемого «распространения заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», то теперь она просто перестала существовать де-юре. Поэтому относительно свободно могли распространяться по Москве самиздатские газеты «Экспресс-хроника» и «Гласность». На волне возрождения гражданского общества самиздат умножился и разросся. Но, выйдя из-под дамоклова меча уголовного закона, он попал в сферу административной ответственности: его распространителей милиция задерживала и штрафовала за «торговлю в неположенном месте», конфискуя изъятые экземпляры. Из-за регулярной гибели части тиража распространители были вынуждены поднимать цены, рискуя быть обвиненными в спекуляции.

Источник: Федотов М.А. Свобода прессы и современная российская государственность обречены вместе жить или вместе сгинуть. – www.ru-90.ru

***

Горбачев хотел лишь приоткрыть шлюзы и первоначально пытался контролировать демократизацию и дозировать гласность. Временами он вел себя как типичный провинциальный партийный босс хрущевско-брежневских времен. Так было после чернобыльской катастрофы, когда власть следовала принципу: «если ничего никому не говорить, никто и не узнает». И когда он грозился уволить редактора «Аргументов и фактов», осмелившегося напечатать не очень лестный для Горбачева политический рейтинг. И когда устроил разнос «Московским новостям», опубликовавшим некролог «антисоветчику» Виктору Некрасову. Однако справляться с давлением внутри общества становилось все сложнее. Плотину прорвало.

Источник: Авдеенко С., Пинскер Д. Человек, запустивший процесс // Итоги. 2001. № 8/246. 27 февраля.

Свобода прессы

Политика гласности, объявленная М. Горбачевым, на первых порах сводилась к смягчению государственного контроля над СМИ. Появление в периодической печати еще недавно запретных тем и имен стало самым ранним признаком того, что новый советский генсек действительно затевает перемены. Горбачев едва ли был поборником гражданских свобод, свободы прессы в частности. Но он видел пропасть, разверзающуюся перед страной: катастрофическая экономическая деградация означала, что совсем скоро всесильный генсек уже не сможет поддерживать даже тот скудный уровень потребления, к которому привыкли советские люди. А идеология уже не обеспечивала лояльности населения. По-настоящему усовершенствовать управление и остановить экономический спад Горбачеву было не под силу. Но, ослабив государственный гнет, он и его союзники среди

коммунистической элиты сумели мобилизовать общественную поддержку, которая помогла им бороться против консервативных сил в ЦК КПСС и пытаться хотя бы как-то реформировать систему.

«Смелые» статьи, которые стали появляться в советских газетах и журналах, были результатом тесного сотрудничества либералов в окружении Горбачева с их единомышленниками среди редакторов газет. Последние – все поголовно члены КПСС – разделяли с либералами из партийной верхушки зыбкую надежду на построение «коммунизма с человеческим лицом». Дерзкие публикации вызывали острое возмущение «ястребов», но главные редакторы, такие как Л. Карпинский и сменивший его Е. Яковлев из «Московских новостей» или В. Коротич из «Огонька», сохраняли твердую лояльность коммунистам-реформаторам. Нараставшие трения между сторонниками молодого генсека и консерваторами еще оставались внутрипартийным делом, но скрывать раскол становилось все труднее. Наиболее зримыми признаками были публикации, кардинально расходившиеся с тем, что еще недавно было генеральной линией партии.

Гласность принесла ту самую Правду, которой так не хватало советским людям и которую они до этого искали в иностранных или подпольных источниках. Период «штучного» согласования крамольных материалов с партийным начальством длился недолго. Стихия свободного слова прорвала шлюзы, и Правда неостановимым потоком хлынула со страниц советских (других по-прежнему не было!) газет и журналов. Спрос на правду был ненасытный. Страна читала запоем, советские тиражи, и без того гигантские (не забудем, что многие в СССР были обязаны подписываться на периодическую печать, а особо сознательные выписывали несколько изданий), стремительно росли, побивая все мыслимые рекорды. Газеты шли нарасхват, кому не хватало, мог читать на уличных щитах. Эти щиты были наследием советской эпохи: человеку надлежало быть в курсе событий – не успел дома или в общежитии, прочтешь по дороге с работы или на прогулке. Вокруг стендов эпохи гласности собирались толпы. Уличное чтение перерастало в политические дебаты. Публикация в «Московских новостях» или «Известиях» становилась событием, о котором возбужденно рассказывали друзьям и коллегам…

В условиях советской цензуры газеты могли время от времени критиковать «отдельные недостатки», но сама система, компартия и ее руководство были неприкосновенны. Гласность в короткое время смела эти барьеры, поставив под сомнение идеологические и нравственные догмы, на которых основывалась легитимность советской власти. Разоблачения ниспровергали пропагандистские версии истории и современности. Откровением стали публикации о преступлениях сталинского режима – о зверствах ГУЛАГа, раскулачивании, уничтожившем российское крестьянство, о замученных и сгинувших ученых, писателях, режиссерах. Они соседствовали с описанием нищеты и отсталости советской жизни 1980-х годов: безнадежной бедности пенсионеров; существования на грани

голода и рабства в республиках Средней Азии; нижайшего качества медицинской помощи; больниц без водопровода и канализации; бедственного положения инвалидов; тотального дефицита продуктов и распределения еды по карточкам; детской смертности и детской проституции; организованной преступности. Орган ЦК КПСС газета «Правда» в октябре 1988 года назвала организованную преступность «государством в государстве».

В «толстых» журналах и в самой «серьезной» партийной печати, например в журнале «Коммунист», стали появляться жесткие публицистические статьи, чьи авторы отвергали классовую мораль и идеологию, остро критиковали социалистическую экономику, ниспровергали миф о социалистической революции и ее лидерах. Оказались совершенно безуспешными попытки поставить дискредитации некоторые пределы – к примеру, объявить злодеем Сталина, а Ленина оставить неприкосновенным, осудить отдельных деятелей партии, а саму партию не трогать. Те, кому было что сказать нации – журналисты, писатели, ученые, публицисты, больше не желали повиноваться запретам. А редакторы больше не спрашивали, что можно и что нельзя публиковать.

В мае 1988 года в «Новом мире» публицист В. Селюнин писал о том, что именно Ленин создал советские концлагеря. А в «Литературной газете» писатель-фронтовик В. Астафьев опрокинул миф о безупречной советской стратегии во Второй мировой войне, написав о том, что Красная армия не умела воевать в начале войны и так и не научилась: «Мы эту войну не выиграли, а забросали своими трупами вражеские окопы». Несколько месяцев спустя «Литературная газета» назвала пакт о ненападении с Германией «одной из самых трагических и постыдных страниц в нашей истории» и раскрыла тайну секретных протоколов к пакту Молотова–Риббентропа, существование которых официальные власти продолжали отрицать еще целый год.

Гласность не ограничивалась газетными и журнальными статьями. На советского читателя обрушился поток книг, десятилетиями остававшихся под идеологическим запретом. Журнал «Новый мир» начал печатать «Архипелаг ГУЛАГ». Вышли «Несвоевременные мысли» М. Горького, «Окаянные дни» И. Бунина, книги В. Гроссмана, А. Рыбакова, В. Шаламова.

Однако фактическое исчезновение государственного контроля над словом еще не означало возникновения прессы как института…

Журналистам перестроечного времени, оказавшимся в условиях практического отсутствия цензуры, еще только предстояло вырабатывать профессиональные стандарты и осваивать репортерские навыки – самостоятельно добывать оперативную и достоверную информацию, работать с источниками, добиваться объективности, конкурировать с другими изданиями. Коммерческий аспект СМИ в тот момент мало кого интересовал. Вся перестроечная свобода слова реализовалась в изданиях, которые финансировались советским государством. Переход к рынку был делом будущего, вокруг еще жила быстро разлагавшаяся советская экономика…

На закате советской власти, в поздние 1980-е годы, журналисты боролись с государством на его деньги и с помощью его же газет и журналов.

Источник: Липман М.А. Политический маргинал: негосударственная печать при манипулятивной власти. – www.ru-90.ru

Непривычные темы официальной печати в 1984 году

Известия, 5 октября 1984 года: на приобретение покупок население расходует 65 млрд человеко-часов, в которые не входит время на поиск нужных товаров. Это соответствует годовому фонду рабочего времени 35 млн человек, занятых в народном хозяйстве. *Известия, 12 ноября 1984 года:* в очередях в СССР «работает» столько же человек, сколько во всей промышленности, – 37,6 млн. *Литературная газета, 21 ноября 1984 года:* общие потери картофеля в период вегетации, уборки, хранения, транспортирования и реализации составляли 50–70% биологического урожая этой культуры. *Комсомольская правда, 27 ноября 1984 года:* в Туркмении хлопок – основная культура, школы, средние специальные учебные заведения и вузы останавливали учебный процесс с первой декады сентября до начала декабря, рассчитанную на 9 месяцев программу проходили за 6 месяцев. *Известия, 17 мая 1984 года:* с 1940 по 1980 год население страны увеличилось на 35%, а производство алкогольных напитков возросло в несколько раз, значит, примерно во столько же раз увеличился спрос.

Источник: Елисеева Н.В. Ускорение и перестройка. 1986–1988 // Безбородов А.Б., Елисеева Н.В., Шестаков В.А. Перестройка и крах СССР. 1985–1993. СПб.: Норма, 2010. С. 57–58. – www.ru-90.ru

Подробнее. **Кино, телевидение, публицистика – сигнал к переменам**

Поступили в кинопрокат ранее запрещенные цензурой фильмы. У касс кинотеатров выстраивались очереди, фильмы обсуждались на работе и дома. Большой интерес вызвали киноленты «Проверка на дорогах», «Мой друг Иван Лапшин», «Комиссар», телесериал «Штрихи к портрету Ленина» и др. В фильме «Покаяние» режиссер Т. Абуладзе поставил вопрос об ответственности каждого советского человека за преступления Сталина и его окружения. Картина вызвала исключительный общественный резонанс и была воспринята как сигнал к переменам. Фильм, снятый по повести М. Булгакова «Собачье сердце», вошел в золотой фонд отечественной кинематографии.

Откровением стали правда истории, трагизм сталинизма, обрисованный художественными средствами в романах М. Дудинцева «Белые одежды», Д. Гранина «Зубр», А. Бека «Новое назначение», А. Рыбакова «Дети Арбата», «Тридцать пятый и другие годы», «Страх». На волне гласности стала доступна ранее запрещенная классика русской литературы – романы В. Гроссмана «Жизнь и судьба», Б. Пастернака «Доктор Живаго», Ю. Домбровского

«Хранитель древностей», рассказы и повести Ю. Тендрякова, А. Битова, Ф. Искандера.

Духовная жизнь россиян обогатилась за счет писателей-эмигрантов – классиков русской и мировой литературы В. Набокова, М. Алданова, Е. Замятина, Н. Берберовой. Издание «Окаянных дней» И. Бунина у многих породило сомнения относительно причин Октябрьской революции и ценностей марксистско-ленинской идеологии. Публикации произведений В. Аксенова, В. Войновича, В. Максимова, С. Довлатова, А. Зиновьева, Саши Соколова, В. Некрасова, Э. Лимонова, выехавших из СССР в 1970–1980 годах, значительно расширили политический кругозор многих советских людей. Политическая мысль обогатилась благодаря публикациям работ выдающихся российских философов, высланных Лениным в 1920-е годы, – Н. Бердяева, С. Булгакова, И. Ильина, П. Сорокина и религиозного философа П. Флоренского.

Источник: Елисеева Н.В. Ускорение и перестройка. 1986–1988. – www.ru-90.ru

***

У советского зрителя середины 1980-х был весьма ограниченный выбор: главная информационная программа «Время», 90% продукции отечественного производства – в основном общественно-политических и культурно-просветительских программ; трансляции съездов, концертов к датам, хоккейных и футбольных матчей, соревнований по фигурному катанию; редкие западные фильмы, прошедшие цензуру; никакой рекламы. Центральное телевидение было воплощением авторитарного, идеологического телевидения, которое, с одной стороны, работало как государственно-монополистическое предприятие, с другой – выступало ретранслятором неидеологических высоких образцов отечественной культуры (классическая музыка, театральные постановки). Телевидение финансировалось целиком из бюджета, управлялось административными методами, 90% продукции выходило в записи. Неповоротливая махина Гостелерадио стремительно дорожала по мере увеличения объемов вещания, развития наземных и спутниковых линий связи и растущей стоимости оборудования.

Эру гласности первыми ощутили читатели периодики. В 1986–1987 годах гласность стала прорываться и на телеэкран. Первые телемосты с Америкой, молодежная программа «12-й этаж», ленинградское «Пятое колесо» (1986), программа «Взгляд» (1987), прямые эфиры утренних и ночных передач, общественные дискуссии в прямом эфире, трансляции съездов народных депутатов и альтернативная генеральной программе «Время» новая информационная передача ТСН (1989). С 1986 по 1988 год объем прямого вещания на Центральном телевидении увеличился почти в 30 раз. В 1990 году в недрах ЦТ по приказу председателя Гостелерадио было создано первое хозрасчетное предприятие с правами юридического лица – коммерческий канал «2×2». Лед тронулся.

Источник: Качкаева А.Г. История телевидения в России: между властью, свободой и собственностью. – www.ru-90.ru

Подробнее. **Развенчание Октября и Ленина**

«Огонек», журнал с миллионным тиражом, рассчитанный на советского обывателя, в 1986 году очередную годовщину Октября освещал, используя редкие и малоизвестные факты, непарадно представлявшие героев революции. Не хрестоматийно, а в духе ревизионистских интерпретаций были представлены Ленин и его соратники в пьесах М. Шатрова, которые публиковались в журнале «Новый мир» и ставились в «Ленкоме».

После XIX партийной конференции произошел глубокий идеологический переворот в общественном сознании. Осенью 1988 года в журнале «Наука и жизнь», популярном в среде технической интеллигенции и молодежи, была опубликована статья А. Ципко «Истоки сталинизма», который обосновывал представление о Сталине как продолжателе «дела Ленина». Особое значение имел тот факт, что автор был консультантом Международного отдела ЦК КПСС, поэтому многие расценили статью как «задание» Горбачева. В 1988 году дальнейшее развенчание Октября и Ленина приобрело тотальный характер. В конце 1990 года журнал «Огонек» опубликовал последние ленинские тексты под общим заголовком «Политическое завещание Ленина», включив в него 8 писем и статей конца 1922 – начала 1923 года, в которых Октябрь предстал перед читателями в виде человеческой трагедии. Ленинизм в глазах массового читателя был окончательно дискредитирован.

Источник: Елисеева Н.В. Ускорение и перестройка. 1986–1988 годы. – www.ru-90.ru

Гласность открыла дорогу демократическим преобразованиям. Но партийные чиновники, имея массу привилегий, не были заинтересованы в кардинальных переменах. А судьба реформ зависела от них. Понимая это, Горбачев и его сторонники в аппарате ЦК КПСС регулярно проводили кадровые перестановки на всех уровнях партийной вертикали. Несмотря на это, значительная часть номенклатуры игнорировала решения высшей власти. Возник «механизм торможения», заложенный в самой советской политической системе, в сознании номенклатуры.

В 1986 году в прессе появились статьи с критикой партийных чиновников, ответственных за провалы в экономике. Первыми в «показухе», «пристрастии к устаревшим методам управления», «подмене дел словами» обвинили партийных руководителей Молдавии, Украины, Казахстана. Активизировалась борьба с коррупцией, процветавшей особенно сильно в республиках Средней Азии. По стране прокатилась волна разоблачений. Были арестованы и осуждены некоторые должностные лица из МИДа, Министерства внешней торговли, Государственного комитета по внешним связям. Аресты, шумные публичные кампании

по делам коррумпированных чиновников затронули всю партийно-государственную элиту. В лексике появился термин «мафия».

Впрочем, борьба с коррупцией была способом не столько искоренения этого социального зла, сколько устранения консервативной, антиреформаторской оппозиции курсу Горбачева, в том числе в национальных республиках. Особо знаменательным стало освобождение в декабре 1986 года от обязанностей первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Д. Кунаева. На его место был назначен партаппаратчик Г. Колбин. Это назначение продемонстрировало отказ руководства СССР от традиции назначать на верховные посты в республике представителей титульной нации. Население Казахстана восприняло такое поведение союзного центра как унижение казахского народа. В Алма-Ате произошли массовые беспорядки.

Подробнее. **Антикоррупционную кампанию начали с Узбекистана**

Генеральный секретарь Ю. Андропов, бывший глава всезнающей госбезопасности, вполне представлял себе уровень коррупции, пьянства и безответственности в позднесоветском обществе, но полагал, что с этими недостатками можно справиться «подтягиванием дисциплины». Борьбу за укрепление социалистической законности решили начать со Средней Азии...

В Узбекистане всем заправляли пять региональных кланов, и каждый руководитель опирался на земляков – сверху и снизу. За продвижение по службе и награды нужно было платить по твердой таксе. Звание Героя Социалистического Труда стоило 1,5 млн рублей, пост первого секретаря райкома или ректора вуза – 200–300 тыс. Деньги отбивались быстро – за поступление в институт абитуриенты платили от 2 до 5 тыс. рублей.

Главной отраслью узбекской экономики было хлопководство. «Белое золото» считалось стратегическим продуктом, по объемам производства которого оценивалась успешность местного руководства. В реальности выращивание хлопка было формой борьбы с безработицей в трудоизбыточном регионе со стремительно растущим населением, а дотации на производство хлопка – завуалированной формой покупки лояльности местных элит. Глава республики Ш. Рашидов торжественно обещал Л. Брежневу 6 млн т узбекского хлопка. Из них 1 млн т составляли приписки. По оценке следователя по особо важным делам при Генпрокуратуре СССР В. Калиниченко, который занимался «хлопковыми» делами, с помощью приписок из союзного бюджета было украдено 3 млрд рублей. Половина этой суммы была потрачена на развитие инфраструктуры и строительство жилья (в этом секрет неувядающей популярности Рашидова в Узбекистане).

Перед следователем по особо важным делам Т. Гдляном, возглавившим следственную группу в сентябре 1983 года, была поставлена задача к концу года передать дело в суд. Тогда никто не предполагал, что эта группа разрастется до 209 следователей и будет распущена лишь в мае 1989 года. Своим заместителем Гдлян пригласил 30-летнего следователя Н. Иванова…

Материалы уголовного дела позволяют понять, как строились ключевые принципы управления системой и какую роль в этом играли неформальные связи, называемые нами коррупционными, а самим их участникам казавшиеся умением «жить по правилам». Вот В. Теребилов, сначала министр юстиции, затем – председатель Верховного суда СССР, избиравшийся депутатом Верховного Совета СССР от Узбекистана. Первый секретарь Ферганского обкома У. Хамдам рассказывал: «…Тогда остро стоял вопрос о строительстве промышленных объектов в Коканде, объектов социального, культурно-бытового назначения. Решался вопрос и о строительстве Новококандского химкомбината. Чтобы заинтересовать Теребилова в решении этих вопросов, я дал ему 15 тыс. рублей. Он "пробил" эти вопросы через Совет Министров, Госплан, ЦК»… Из показаний первого секретаря ЦК узбекской компартии И. Усманходжаева: «…Первый раз давать взятку председателю Верховного суда СССР было страшновато. Потом понял, что он такой же хапуга, коррумпированный преступник, облеченный властью, как и многие ему подобные представители из Москвы, которым я давал взятки ранее»…

В феврале 1984 года умер Андропов, к власти ненадолго пришел К. Черненко, однако отмашки прекратить дело в прокуратуру не поступило. А после того как генсеком стал Горбачев, для Гдляна с Ивановым настал звездный час… Впервые со времен сталинских репрессий следователи добились ареста первого секретаря Бухарского обкома КПСС А. Каримова. Для этого они заручились поддержкой первого секретаря узбекской компартии И. Усманходжаева, убедив его в том, что арест усилит его позиции. Когда Москва и Ташкент спохватились, прецедент уже был создан, и дальнейшие задержания прежде неприкасаемых членов ЦК были поставлены на конвейер. Одним из арестантов стал сам Усманходжаев.

Гдлян с Ивановым недолго были в фаворе. Настойчивое желание следователей перенести расследование из Ташкента в Москву, упоминание в их докладах фамилий членов ЦК КПСС стало все больше раздражать Кремль. Согласия на арест Усманходжаева Горбачев не давал больше года, несмотря на предъявление все новых доказательств его причастности к коррупции. В глазах чиновников из ЦК, курировавших прокуратуру, эта следственная группа становилась все более неуправляемой и опасной.

Следователи пошли на обострение и привлекли на свою сторону общественное мнение. 23 января 1988 года в «Правде» была опубликована статья «Кобры над золотом», в которой широко использовались материалы следственной группы и впервые писалось о размахе коррупции в Узбекистане… Вслед за «Правдой» о Гдляне с Ивановым стали писать самые популярные издания – «Огонек», «Аргументы и факты», «Московские

новости»… В апреле 1988 года следователи организовали выставку изъятых в Узбекистане ценностей в Мраморном зале Генпрокуратуры. В оцепленное автоматчиками… здание привезли золотые монеты, кольца, серьги, браслеты, цепочки с бриллиантами стоимостью в 8 млн рублей. Фотографии усадеб первых секретарей обкомов с домиками для слуг, крытыми бассейнами, теннисными кортами, саунами, гаражами, складами, винными погребами довершали картину.

Всего следственная группа успела открыть 800 уголовных дел, по которым было осуждено более 4 тыс. человек. В их числе 9 Героев Социалистического Труда, 29 руководящих работников МВД Узбекистана и СССР, 4 секретаря ЦК КП Узбекской ССР, 8 секретарей обкомов. В Политбюро разволновались не на шутку. В ноябре 1988 года в группу были введены сотрудники КГБ с исключительным правом допроса главных фигурантов. Гдлян и Иванов быстро сообразили, что задача новичков – разваливать дела. Параллельно ЦК собирал компромат на обоих следователей. Они, мол, вели следствие «бериевскими методами», любой ценой выбивая признательные показания.

Источник: Артемьев М. Кремлевское дело: чему учит опыт борьбы с коррупцией в СССР // Forbes.ru. 30 мая 2009 года. – http://www.forbes.ru/node/22677/print

1988 год стал переломным в истории перестройки. Позже М. Горбачев написал, что тогда «мы пришли к пониманию того, что надо не улучшать, а реформировать систему». Казалось бы, предприятиям было предоставлено больше экономической самостоятельности, разрешена кооперативная и индивидуальная деятельность, реорганизован управленческий аппарат, введены договорные цены. Но ожидаемого результата не последовало. Почему?

Горбачев и его сторонники озвучили главные, на их взгляд, пороки политической системы: отсутствие гласности, подмена Советов партией, партийных организаций — партийными комитетами, выборных органов — аппаратом, бюрократизация аппарата (государственного, партийного, общественных и творческих организаций). Но умолчали о том, что вся политическая система держалась на страхе перед репрессиями, строилась на монополии идеологии марксизма-ленинизма, не допускала инакомыслия и политической конкуренции.

Подробнее. **Положение в стране в 1988–1990 годах**

В. Медведев, бывший секретарь ЦК КПСС:

1988 год оказался… последним более или менее благополучным годом. Далее начались серьезнейшие осложнения, наступал настоящий экономический кризис, в первую очередь ударивший по потребительскому рынку. Его привели в такое неустойчивое состояние, при котором даже

небольшой, частный сбой вызывал серьезные последствия, всплески ажиотажного спроса. Из свободной продажи исчезали то сахар и кондитерские изделия, то зубная паста, то мыло и стиральный порошок, то школьные тетради, то батарейки, то застежки "молния", не говоря уж о мясе, обуви, меховых изделиях. Экономическая реформа завязла в бюрократической трясине. После июньского Пленума никаких крупных шагов в этом направлении так и не было сделано… Программа экономических реформ 1987 года фактически оказалась похороненной, о ней вспоминали все реже. Главное же – был выпущен из рук контроль за наличной денежной массой, за денежными доходами населения, дан сильнейший толчок раскручиванию инфляционной спирали, остановить который дальше оказалось все труднее.

Источник: Медведев В. В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М.: Былина. 1994. С. 87, 103.

***

Из доклада Госбанка СССР о социально экономическом положении страны (2 января 1990 года):

В 1989 году продолжали нарастать трудности в денежном обращении: увеличился разрыв между денежными доходами и расходами населения, возросла эмиссия денег, крайне обострилось положение с удовлетворением спроса населения на товары и услуги, снизилась покупательная сила рубля, что вызывает негативные социальные последствия. Указанные трудности обусловлены невыполнением основных заданий государственного плана и сложившимися в результате этого неблагоприятными пропорциями в развитии экономики. В 1989 году не выполнены задания по национальному доходу, производительности общественного труда, объему промышленной и сельскохозяйственной продукции, производству товаров народного потребления…

Денежные доходы населения значительно превысили план… Темп прироста денежных доходов в 1,4 раза опережал темп прироста расходов населения на покупку товаров и оплату услуг. Остаток денежных средств у населения в наличных деньгах, на вкладах, в сертификатах, в облигациях внутреннего выигрышного займа в 1989 году увеличился на 61,9 млрд рублей, что составляет 11,1% суммы денежных доходов… Высокий прирост остатка денежных средств населения является показателем нарастания неудовлетворенного спроса из-за недостатка товаров и услуг, который на начало 1990 года оценивается Госбанком СССР в сумме около 110 млрд рублей против 60 млрд на начало 1986 года…

Эмиссия денег не используется Госбанком СССР в качестве ресурса для кредитования: общая сумма кредитных вложений в хозяйство за четыре года текущей пятилетки (1986–1989 годы) сократилась на 133,5 млрд рублей, в том числе в 1989 году – на 16,7 млрд рублей. В то же время ресурсы банка продолжали направляться на покрытие дефицита государственного бюджета… Государственный внутренний долг на конец 1989 года составил 400 млрд рублей, он возрос против 1 января 1986 г. на 358 млрд рублей, в том числе в 1989 году – на 88 млрд рублей. Систематическое превышение

расходов государства над доходами является одной из главных причин обесценения рубля.

Источник: Госбанк СССР. Материал к докладу о социально-экономическом положении страны. 2 января 1990 года. РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 33. Д. 741. Л. 54–58.

***

Нараставшая волна финансового кризиса при фиксированных ценах еще не приводила к высокой открытой инфляции, а проявлялась в расстройстве потребительского рынка, остром дефиците товаров. Население не понимало логику происходившего.

Из писем трудящихся в ЦК КПСС в 1989 году:

«В нашем городе исчезли с прилавков хозяйственное и туалетное мыло, стиральный порошок. Когда возник дефицит сахара и на него ввели талоны, мы с пониманием отнеслись к этому решению. Но сейчас, когда местные власти установили столь мизерную норму отпуска мыла и порошка, мы возмущены до предела. Разъясните, пожалуйста, по чьей вине исчезли моющие средства?» (г. Александров)… «Мне нечем кормить пятимесячного Егорку. Ни соков детских, ни фруктовых пюре, ни смесей для малышей в городе нет» (г. Апатиты)».

Источник: О письмах трудящихся по некоторым вопросам осуществления радикальной экономической реформы // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 150.

***

Из записки Аграрного отдела ЦК КПСС о торговле продовольственными товарами в городе Москве 10 июля 1989 года:

За последнее время значительно ухудшилось снабжение Москвы молочными продуктами, колбасными, кондитерскими изделиями. По многим из них наблюдаются перебои в торговле по несколько дней, ассортимент узок, нарушаются графики завоза. Прилавки многих магазинов большую часть дня пустые.

Источник: Записка Аграрного отдела ЦК партии в Центральный комитет КПСС. О торговле продовольственными товарами в городе Москве. 10 июля 1989 года // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 91.

***

Из протокола заседания Президиума Совета Министров СССР от 11 октября 1989 года:

По-прежнему значительные трудности потребители испытывают в покупке мясопродуктов, животного и растительного масла, кондитерских изделий, сахара и чая. Ухудшилось снабжение мукой высшего и первого сортов, крупой, плодоовощной продукцией, рыбой и рыбопродуктами, табачными изделиями. Существенно обострилась обстановка с производством и поставкой рынку большой группы непродовольственных товаров, в том числе тканей, обуви, детских колготок, школьных тетрадей, лесных и строительных материалов, спичек».

Источник: Выписка из протокола заседания Президиума Совета Министров СССР от 11 октября 1989 года. О ходе выполнения заданий 1989 года по производству товаров первой необходимости. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 150. Д. 288. Л. 113.

***

С середины 1989 года проблемы с оплатой контрактов, заключенных советскими внешнеторговыми организациями, с задержками платежей за товары стали очевидными для крупнейших западных компаний, имевших давние торговые отношения с СССР. В сложной внешнеэкономической ситуации, казалось бы, разумно было активизировать работу по возврату кредитов, предоставленных Советским Союзом на благоприятных условиях странам-сателлитам. Вот только практически сделать это оказалось невозможно.

Из протокола заседания Политбюро ЦК КПСС от 23 августа 1989 года:

Основные интересы СССР как кредитора связаны с задолженностью развивающихся стран по государственным кредитам (официальная задолженность). Она составила на 1 января 1989 года более 61 млрд рублей (или около 85% задолженности «третьего мира» СССР), в том числе свыше 32 млрд рублей приходится на социалистические развивающиеся страны – Вьетнам. Кубу, КНДР и Монголию… Учитывая реальную ситуацию с платежеспособностью наших партнеров, СССР периодически вынужден идти на облегчение их долгового бремени. Только в последнее время был согласован перенос части причитающихся нам платежей Алжира, Анголы, Вьетнама, Ирака, Кубы, КНДР, Ливии, Монголии и Никарагуа с 1989–1990 годов на поздние сроки, всего на сумму свыше 7 млрд рублей. При этом наблюдается тенденция к тому, что наши друзья в «третьем мире» рассматривают свои платежи Западу в качестве приоритетных, полагая, что с нами они всегда договорятся. Этому в немалой степени способствовала наша готовность в прошлом идти на рефинансирование их задолженности, руководствуясь прежде всего идеологическими соображениями, без должного учета интересов развития взаимовыгодного экономического сотрудничества.

Источник: Записка в ЦК КПСС «О предложениях по урегулированию задолженности развивающихся стран (помимо наименее развитых стран – НРС) в развитие позиции, изложенной в выступлении т. Горбачева М.С. в ООН» // Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК КПСС. 23 августа 1989 года. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 9. Д. 23. Л. 3, 4.

***

Н. Рыжков, бывший председатель Совета Министров СССР, отвечавший за экономическую ситуацию в стране:

Самыми трудными были проблемы, связанные с реформой розничных цен. Здесь в тугой клубок сплелись интересы и производителей, и торговли, и каждой семьи. Деформации в этой сфере к 1990 году возникли небывалые! Если за последние 35 лет произведенный национальный доход увеличился в 6,5 раза, то государственные дотации к ценам – более чем в 30 раз!

В 1990 году дотация только на продовольственные товары составила около 100 млрд рублей, а с введением новых закупочных цен без пересмотра розничных она увеличилась бы еще на 30% и составила бы пятую часть всех расходов госбюджета.

Источник: Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. М.: Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», 1995. С. 424–425.

***

Н. Слюньков, секретарь ЦК КПСС, отвечавший за экономику, на февральском Пленуме ЦК КПСС 1990 года:

За 4 года денежные доходы превысили расходы на покупку товаров, услуг, платежей и взносов почти на 160 млрд рублей… В результате вклады населения на счетах банков выросли в 1,5 раза, а наличные деньги на руках – на одну треть. Такой наплыв денег расстроил потребительский рынок. Смел с полок, прилавков все товары, создал определенную социальную напряженность и даже посеял сомнения людей в перестройке. Из 1200 ассортиментных групп товаров около 1150 попало в разряд дефицитных. Принимаемые правительством меры были недостаточны, малоэффективны и несвоевременны.

Источник: Пленум ЦК КПСС, 5–7 февраля 1990 года. О проекте платформы ЦК КПСС к XXVIII Съезду партии. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 403. Л. 3.

***

Из тезисов к вступительному слову М. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС от 8 октября 1990 года:

И тяжелейшее положение на потребительском рынке, и серьезное расстройство хозяйственных связей, и нарушение транспортных коммуникаций, и резкое падение государственной дисциплины, и принимающие порой крайне острый характер политические столкновения вокруг вопросов собственности, суверенитета, разграничения компетенции, и продолжающийся рост преступности – все это свидетельствует, что кризис пока продолжает углубляться.

Источник: Тезисы к вступительному слову на Пленуме ЦК КПСС 8 октября 1990 г. Не позднее 18 октября 1990 г. Архив «Горбачев Фонда». Из фонда Г. Шахназарова. Арх. № 15368. С. 14.

Подробнее. **Нараставший дефицит валюты в 1989–1990 годах**

В конце 1989 – начале 1990 года советские внешнеторговые организации под влиянием нараставшего валютного кризиса все чаще и во все больших масштабах срывали сроки платежей по заключенным и исполненным контрактам.

Из письма заместителя председателя Госкомиссии по продовольствию и закупкам Ю. Борисова заместителю председателя правительства СССР С. Ситаряну:

Имеющие место в последнее время систематические задержки советской стороной платежей за отгруженные импортные товары привели к приостановке дальнейших отгрузок в СССР законтрактованных 211,6 тыс. тонн растительного масла на сумму 74,4 млн рублей, 177,1 тыс. тонн мяса и мясопродуктов на 160,9 млн рублей, 66,5 тыс. тонн какао бобов и какао продуктов на сумму 78,7 млн рублей, 45,5 тыс. тонн сливочного масла на сумму 39,4 млн рублей, 30 тыс. тонн соевого шрота на сумму 7,1 млн рублей, 20,4 тыс. тонн убойного крупного рогатого скота на сумму 14,3 млн рублей; 19,9 тыс. тонн чая на сумму 26,9 млн рублей, различных видов детского питания на сумму 69,3 млн рублей, 3 млрд. штук ацетатных фильтров для табачной промышленности на сумму 7,3 млн рублей, всего на 478,3 млн рублей… Отгрузка недопоставленных продуктов питания по подписанным контрактам на общую сумму 478,3 млн рублей может быть произведена только при условии оплаты уже поставленных в СССР продовольственных товаров в сумме 237,0 млн рублей. Таким образом, всего следует произвести платежи за импортное продовольствие в сумме 715,6 млн рублей».

Источник: Борисов Ю.А. (зам. председателя Госкомиссии по продовольствию и закупкам) Ситаряггу С.А. (зам. председателя Совмина СССР). О платежах за импортное продовольствие. 30 мая 1990 года. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 62. Д. 1495. Л. 64, 65.

***

Отечественное производство удовлетворяло потребности СССР в лекарственных средствах на 40–45%. Влияние валютного кризиса на обеспечение населения медикаментами рассматривалось советскими и зарубежными экспертами как потенциально наиболее опасная проблема. Поэтому закупки медикаментов были признаны приоритетным направлением в расходовании валютных средств. Но в условиях острого дефицита валюты это не помогало.

Из письма министра медицинской промышленности СССР В. Быкова заместителю председателя Совмина СССР С. Ситаряну:

Внешэкономбанк СССР до сих пор не обеспечивает выделение средств на оплату медикаментов и субстанций, закупаемых в странах с расчетами в свободно конвертируемой валюте. Просроченная задолженность В/О «Медэкспорт» перед иностранными фирмами, по состоянию на 1 апреля 1990 года, составляет 43 418,3 тыс. рублей в свободно конвертируемой валюте (справка прилагается). В связи с просрочками в оплате счетов, иностранные фирмы предъявляют штрафные санкции, а в настоящее время многие из них заявили, что прекратят поставку лекарственных средств по заключенным контрактам. Более того при заключении контрактов на закупку заказываемых Минздравом СССР остродефицитных медикаментов на 1990 год, иностранные фирмы требуют перехода на авансовую или аккредитивную формы расчетов либо предоставление банковской гарантии, но Внешэкономбанк СССР в этих формах оплаты отказывает.

Источник: Быков В.А. (министр Минмедпрома СССР) Ситаряну С.А. (зам. председателя Совмина СССР). Об оплате счетов за медикаменты в свободно конвертируемой валюте. 11 апреля 1990 года. ГА РФ. ф. 5446. Оп. 162. Д. 1492. Л, 32.

***

Особенно опасными стали просроченные платежи по контрактам «Экспортхлеба» из-за зависимости советской экономики от импорта зерна.

Заместитель министра внешнеэкономических связей В. Воронцов – заместителю председателя правительства СССР С. Ситаряну:

Министерство внешних экономических связей СССР информировало Вас, что ВВО «Экспортхлеб» находится в крайне затруднительном положении с оплатой счетов иностранных поставщиков… Иностранные фирмы постоянно обращаются с требованием произведи немедленную оплату за товары, поставленные в марте июне с.г., а также возмещения убытков в виде процентов за задержку в уплате, которые из-за больших неоплаченных сумм в настоящее время уже составляют около 4,5 млн рублей и увеличиваются на сумму около 16 тыс. рублей за каждый последующий день просрочки… Однако гарантии Внешэкономбанком СССР до сих пор не выданы, несмотря на поручения Правительства от 29.1.1990 г., 11.5.1990 г., 27.6.1990 г.

Источник: Воронцов В.Н. (зам. министра внешних экономических связей) Ситаряну С.А. (председателю Государственной внешнеэкономической Комиссии Совмина СССР). О платежах за импортное продовольствие, «августа 1990 г. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 162. Д. 1500. Л. 81, 82.

2.2. Политические реформы

Было предложено функцию хозяйственного управления передать от КПСС Советам народных депутатов, перейти к альтернативным выборам депутатов из нескольких кандидатов. Предстояло также обеспечить независимость судебной власти, реализовать гражданские права – свободу слова, совести, собраний. Было пересмотрено законодательство об эмиграции, что значительно облегчило возможности выезда из СССР. 23 декабря 1986 года из ссылки был возвращен и фактически реабилитирован духовный лидер советских диссидентов академик А. Сахаров. В начале 1987 года официально объявили об освобождении из мест заключения более сотни диссидентов.

Чтобы узаконить задуманную реформу политической системы, в июне–июле 1988 года прошла внеочередная XIX всесоюзная партийная конференция. На ней М. Горбачев заявил, что ни один государственный, хозяйственный или социальный вопрос не может решаться помимо Советов, формируемых на конкурентной основе. При этом партии надо рекомендовать на посты председателей Советов первых секретарей соответствующих партийных комитетов. Острота этого заявления состояла

в том, что первый секретарь в случае неизбрания на пост председателя терял право быть первым секретарем партии. Таким образом, состязательность становилась нормой не только советской, но и партийной жизни.

Конференция приняла решение о реформе политической системы СССР. Получили признание принципы разделения властей и правового государства. Высший орган партии впервые в советской истории согласился на альтернативные выборы органов власти. Тем самым конференция открыла дорогу не только формированию институтов парламентской демократии, но и будущему крушению социалистической системы и распаду СССР.

Впервые признаки социального неблагополучия вылились в забастовки. В марте 1989 года началась забастовка воркутинских шахтеров. Шахтеры Кузбасса, Донбасса, Воркуты и Караганды создавали стачечные комитеты, учредили Союз стачечных комитетов Донбасса. Шахтеры как наиболее консолидированная отраслевая группа были суперактивны. Они первыми вышли на забастовки сначала с экономическими, а затем и с политическими требованиями.

Подробнее. **Забастовки шахтеров**

Экономическое положение отрасли было катастрофическим. Многочисленные нерентабельные шахты и разрезы не имели шансов когда-либо стать рентабельными. Отрасль тащила этот невероятный груз, который требовал гигантских бюджетных дотаций, – и это на фоне сверхдефицитного бюджета.

3 апреля 1989 года на шахте имени 60-летия Ленинского комсомола ПО «Гуковуголь» произошел беспрецедентный случай: горняки участка № 6 после смены отказались выходить из забоя. Следующая смена, отработав положенные часы, присоединилась к своим коллегам, под землей остались 205 человек. Причина забастовки была весьма симптоматичной для того времени. Участок № 6 с февраля 1989 года перешел на хозрасчет. Был утвержден план ежесуточной добычи, но бригада решила, что способна на большее, и сама себе установила повышенные плановые показатели. Горняки задуманное выполнили, но потом выяснилось, что расценка за 1 тонну добытого угля заметно уменьшилась. Выходило, что в марте шахтеры выработали больше, чем в феврале, а получить должны меньше. После протестного сидения под землей рабочих участка № 6 слово «забастовка» вошло в обиход, следом были сходные случаи на других шахтах… Одной из основных движущих сил в первые годы рабочего движения стало недовольство работников неэффективным управлением предприятиями. В шахтерских городах этот

мотив усиливался тем, что от администрации угольных предприятий, у которых было огромное количество непрофильных активов, напрямую зависели условия быта в населенных пунктах. Например, «Ростовуголь» традиционно заботился об автобазе, местном молокозаводе, хлебокомбинате, школах, детских садах.

Пламя забастовочного движения, притушенное в Кузбассе, перекинулось на другие угольные бассейны… Власти не были готовы разбираться и пытаться понять, что происходит в действительности, что можно сделать, чтобы навести порядок. Реакция была такая: «раз нас здесь достали, придется дать денег, мыла, колбасы, социальных благ, привилегий»… Это было понятно, но проблему не решало. Практически каждая акция протеста заканчивалась подписанием какого-либо правительственного документа: о перечислении денег, о повышении зарплаты, о предоставлении льгот, о 36-часовой рабочей неделе вместо 40-часовой для женщин на Севере, об увеличении отпуска до трех месяцев. Но через месяц-другой материальное подкрепление подписанных обязательств заканчивалось. У шахтеров появлялся повод для очередной забастовки. Они поняли, что только с помощью таких конфликтов могут достучаться до тех, кто принимает решения.

Тогда еще доминировали экономические требования. Их провоцировал, в частности, нелепый курс рубля по отношению к доллару, который делал любой экспорт баснословно выгодным. Отсюда естественный интерес шахт, способных добывать уголь, пригодный для экспорта, получить хозяйственную самостоятельность и от производственных объединений, куда они входили, и от государства. В этом шахтеры, ИТР и директора шахт оказались единомышленниками.

Вся страна видела, как шахтеры превращались в политическую силу, требуя изменения системы хозяйствования и управления собственностью… С тех пор так и повелось: забастовки, возникавшие, казалось бы, спонтанно, сопровождались, накладывались или просто совпадали по времени с важнейшими политическими процессами в стране. Та же картина наблюдалась и собственно в угольной эпопее, основные этапы которой, подчиняясь внутренней логике, вполне увязывались с вехами российской истории… В 1991 году требования бастующих приобрели политический характер. Массовые забастовки проходили под лозунгами отставки союзного правительства и введения прямого управления отраслью российскими властями. Накануне III чрезвычайного съезда народных депутатов РСФСР в марте 1991 года в Москве началась знаменитая голодовка в гостинице «Россия», за которой, затаив дыхание, следила вся страна… Голодовка продолжалась 12 дней и была снята по просьбе депутатов-демократов, которые заверили голодавших, что непременно обсудят шахтерские требования на съезде. Однако фракция «Коммунисты России» не дала включить этот вопрос в повестку дня, как и вопрос о введении в РСФСР поста президента.

Прогрессивный порыв шахтеров активно использовали директора шахт и объединений – чтобы выбить дополнительное финансирование, региональные власти – чтобы решать за федеральный счет местные проблемы, руководство России – как таран против союзного центра. Так шахтеры превратились в важных игроков на политической сцене. Описывая переговоры в Москве в начале 1990 годов, некоторые шахтерские лидеры говорили, что они могли «открывать двери министерских кабинетов ногой».

Неудивительно, что в июне 1991 года, за два дня до выборов Президента России, Б. Ельцин, тогда председатель Верховного Совета РСФСР, побывал в Сыктывкаре и подписал документ, который расширял экономические права Республики Коми, создавал дополнительные условия для ее развития. До конца 1993 года она освобождалась от отчислений в федеральный бюджет, в ее ведение передавались вопросы эксплуатации природных ресурсов, южные районы приравнивались к северным, что позволяло всем работавшим получать зарплату с учетом северных и районных коэффициентов. В августе 1991 года шахтеры в абсолютном большинстве поддержали Ельцина и российскую демократию во время путча. Е. Гайдар подчеркивал серьезную роль шахтерских забастовок в крахе Советского Союза и всей социалистической системы.

Источник: Никитин А.И. Реструктуризация угольной промышленности. – www.ru-90.ru

В июле 1989 года в Ленинграде был создан Ленинградский народный фронт. Чуть позже в Москве учредили Московское объединение избирателей. В компартии явочным порядком возникла фракция «Демократическая платформа в КПСС». Эти неформальные объединения издавали свои газеты.

Подробнее. **Клубы «Перестройка», Ленинградский народный фронт, «Демократическая платформа в КПСС»**

П. Филиппов, один из организаторов московского и ленинградского клубов «Перестройка», лидер умеренного крыла Ленинградского народного фронта, один из основателей «Демократической платформы в КПСС» в 1987–1990 годах:

В 1987–1988 годах нашей главной задачей были поиск и объединение единомышленников. Но как объединить людей в условиях жесткого партийного контроля при явном интересе к нам со стороны КГБ? К тому времени я познакомился с А. Чубайсом. Он был доцентом Инженерно-экономического института в Ленинграде, организовал кружок молодых экономистов, придерживавшихся реформистских взглядов. В доме отдыха «Змеинка» они провели под эгидой Совета молодых специалистов полуподпольную конференцию, на которой обсуждалась стратегия назревших экономических реформ.

Появилась идея совместными усилиями ленинградского «Клуба друзей журнала “ЭКО”» и кружка молодых экономистов провести круглый стол экономистов и юристов и опубликовать статью о нем в «ЭКО». Это было важно, потому что тогда редко кто из экономистов задумывался, какие радикальные изменения потребуется внести в советское законодательство. Ведь при советской власти законы были набором общих фраз, все делалось не по законам, а по приказам. Поэтому экономисты ограничивались обсуждением принципов и направлений реформ, не слишком вдаваясь в такие «мелочи», как изменения в гражданском и налоговом законодательстве, необходимость разработки и принятия законов об акционерных обществах, ценных бумагах и многом другом. Жизненно важные для рынка правила игры юристам предстояло облечь в форму законов.

Это сейчас нет проблем с поиском места для дискуссии. А тогда под бдительным оком КГБ и райкома партии такая попытка могла иметь печальные последствия. Круглый стол провели в Москве в Центральном экономико-математическом институте (ЦЭМИ АН СССР). В нем участвовали специалисты, уже проявившие свою реформистскую позицию. Результаты были опубликованы в «ЭКО». На круглом столе Е. Гайдар предложил создавать комитеты защиты перестройки – в то время М. Горбачеву как воздух была нужна поддержка «снизу». Решили в Москве, при ЦЭМИ, учредить не комитет, а дискуссионный клуб «Перестройка». Сразу же встал вопрос: как оповестить о первой дискуссии? В условиях тотальной цензуры попытка дать объявление в газетах была обречена. Мы напечатали объявления на машинке и развесили по библиотекам и институтам. Актовый зал ЦЭМИ был полон! Яркие выступления, бурная дискуссия на тему о засилье бюрократии и необходимости рыночных экономических реформ. Так в Москве начал работать клуб «Перестройка».

После этого мы с Чубайсом отправились в Ленинградский обком партии и поставили партийных чиновников в известность о своем намерении организовать в городе такой же дискуссионный клуб… По наивности мы полагали, что, если дискуссионный клуб станет фактом, отбоя от желающих с ним сотрудничать не будет, но ошиблись. Ленинградский клуб «Перестройка» насчитывал не более 100 активных членов, стоявших на гражданских позициях. Тем не менее он способствовал консолидации сторонников рыночных реформ в городе и созданию Ленинградского народного фронта (ЛНФ). Из московского и ленинградского клубов «Перестройка» вышло немало народных депутатов России, Моссовета, Ленсовета и несколько министров российского правительства.

Подобные фронты в противовес КПСС тогда создавались в Прибалтике. Мы решили использовать эту форму. Активисты клуба «Перестройка»… проводили собрания сторонников и формировали структуру ЛНФ. Через полгода провели его учредительный съезд, в котором участвовали люди из клуба «Перестройка» и других демократических организаций.

Коллективным организатором ЛНФ должна была стать газета. Но где и как ее издавать? Реалии того времени не позволяли печатать газету в ленинградских типографиях. Каждая газета, каждый ее номер должны были проходить через Главлит, через цензуру. А в Прибалтике уже повеяло свободой. Мне в руки попался номер газеты «Тартуский курьер». Я поехал в Тарту и разыскал его редактора Р. Килька. Впоследствии он стал депутатом эстонского парламента, а тогда был предприимчивым кооператором, который сам финансировал и издавал газету, выращивая на даче розы в промышленных масштабах. Договорились, что он будет печатать вкладыш в «Тартуский курьер», который мы по аналогии назвали «Невским курьером»…Через полгода мы смогли уже самостоятельно издавать «Невский курьер».

Другим направлением работы было создание в КПСС фракции «Демократическая платформа в КПСС». Мы пытались объединить в рядах партии сторонников рынка, правового государства, демократии. Издавали одноименную газету. Члены этой фракции активно выступали на конференциях и съезде КПСС, но им не хватало сил и влияния, чтобы противостоять консерваторам и партийному аппарату. Уже после краха СССР в основном из членов фракции сформировалась Республиканская партия России.

В 1990–1993 годах заметную роль в поддержке реформ играло движение «Демократическая Россия». Первоначально оно было неформальным объединением реформистски настроенных народных депутатов РСФСР, которые поддержали избрание Ельцина на пост председателя Верховного Совета. Мы были связаны с местными клубами, неформальными объединениями, считали, что хватит лозунгов, пора предлагать, что и как следует делать – лучше в форме проектов законов и программ. Ту же конструктивную идеологию мы пытались сделать стержнем «Демократической России». Разъясняли в СМИ цели, программу, звали людей на митинги и дискуссии, разрабатывали проекты нормативных актов. Вскоре «Демократическая Россия» стала активно работать не только в Москве и Питере, но и в других городах.

Но такова уж особенность массовых демократических организаций – под их знамена собираются люди, движимые преимущественно эмоциями. Наивно ждать от них организационной и кропотливой законотворческой работы. К тому же «Демократическая Россия» представляла собой союз разношерстных организаций. Стало понятно, что если мы не преобразуем ее в партию, то политическую борьбу проиграем. Обсудили ситуацию с Е. Гайдаром, составили список примерно из 100 уважаемых, известных и конструктивно мысливших людей. Провели несколько встреч в Центре либеральной политики на улице Большая Никитская в Москве. Потом был учредительный съезд партии «Демократический выбор России».

Источник: Дорогу осилит идущий. Интервью с П.С. Филипповым. – www.ru-90.ru

Выборы на I Съезд народных депутатов СССР стали совершенно новым явлением для советских людей. Ушли в прошлое безальтернативные

«выборы без выбора», в СССР началась реальная политическая борьба. Население проявляло большой интерес к программам кандидатов, люди передавали листовки из рук в руки. Этот самиздат успешно конкурировал с официальными СМИ.

На выборах не были избраны многие высокопоставленные партийцы – 32 первых секретаря обкомов партии из 160. В Ленинграде и области не был избран ни один партийный и советский руководитель, ни один член бюро обкома и даже командующий военным округом. В Москве партийные работники также в основном потерпели поражение. Это было поражение КПСС, утрата ею властных полномочий.

Примерно четверть всех депутатов, избранных по округам, была критически настроена по отношению к КПСС. Парадокс состоял в том, что, хотя выборы были организованы и подконтрольны КПСС, выиграли на них политические конкуренты, настроенные более радикально, чем Горбачев. До выборов им были доступны только неформальные инструменты политической борьбы. Став депутатами с закрепленными законом правами, они приобрели высокий легальный статус.

Подробнее. **Свободные выборы 1989 года**

Предвыборная кампания 1989 года взбудоражила всю страну. Сегодня можно услышать: это были далеко не свободные выборы, просто разрешили слегка выпустить пар. Не согласен. Для нашей страны, для СССР, после 70 лет диктатуры это были предельно свободные выборы. Борьба между альтернативными кандидатами во многих городах развернулась жесточайшая. Штабы поддержки кандидатов работали отважно, с полной отдачей, бесплатно. Избиратели ходили на собрания, на митинги, знали всю подноготную своих кандидатов. Предвыборная кампания стала школой гласности, гражданственности. 26 марта проголосовали 90% избирателей. Мандаты народных депутатов получили около 400 человек, решительно настроенных против существующего режима. Проиграли выборы десятки больших партначальников, несколько первых секретарей обкомов, включая первого секретаря Ленинградского обкома. Это было что-то неслыханное! На этих выборах КПСС получила первый удар, после которого она уже не оправилась.

Сразу после выборов демократические депутаты стали собираться в основном в Доме кино, вырабатывали программные документы, обсуждали насущные вопросы: как относиться к перестройке, к Горбачеву, в каких случаях его поддерживать, в каких нет. Уже тогда заходила речь о необходимости объединиться в сплоченную оппозиционную группу. Та атмосфера открытости, бескомпромиссности, которая установилась на I Съезде народных депутатов СССР благодаря выступлениям А. Сахарова, Ю. Афанасьева,

Г. Попова. А. Собчака, была продолжением того накала страстей, который разгорелся во время предвыборных схваток. Выборы определили тональность съезда.

Как могло руководство КПСС инициировать выборы, которые впоследствии привели к тому, что «великая, единая, непогрешимая» потеряла власть, потеряла все? На самом деле компартия никогда не была идеологически сплоченной, единой. Серьезные разногласия внутри партии существовали всегда – поначалу инакомыслящие действовали открыто, а когда это стало опасным для жизни, затаились. Внизу, наверху и даже на самом верху были люди, которые понимали, что тоталитарный режим завел страну в тупик, нужны решительные перемены, нужна свобода. Да, эти люди сделали блестящие карьеры при советской власти, работали внутри существующего режима и тем не менее в глубине души были его убежденными противниками. Поэтому, когда М. Горбачев и А. Яковлев волею судеб оказались на вершине власти, они сразу объявили, что будут проводить политику реформ, политику перестройки.

Не знаю, кто именно предложил начать демонтаж системы с принятия нового Закона о выборах, но это была исключительно плодотворная, талантливая политическая идея. Были введены два новшества: выборы стали альтернативными, право выдвигать и выбирать депутатов дополнительно, кроме граждан по месту жительства, получили общественные, научные, творческие организации. Это были именно те две на первый взгляд скромные поправки, которые позволили выбрать в новый парламент большую группу депутатов-демократов, будущую Межрегиональную депутатскую группу (МДГ), деятельность которой в значительной мере содействовала падению коммунистического режима.

Источник: Гельман А. Незабываемый восемьдесят девятый // Огонек. 2009. № 1 (5079). 18 мая. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=4aa9b9e9-8881-4542-8299-2a6163345c7a&docsid=1171004

Подробнее. **Поражение партийной номенклатуры на выборах**

Альтернативность выборов активизировала различные политические силы – от демократов до шовинистов из общества «Память». В регионах доступ оппозиционных кандидатов на страницы газет и телевидение был ограничен, но они активно использовали митинги и встречи с избирателями.

Избирательный закон предусматривал список народных депутатов от КПСС по квоте 100 человек. Они отбирались на Пленуме ЦК КПСС в марте 1989 года. В список был внесен почти полный состав высшего партийного руководства. Хотя в нем присутствовали и представители творческой интеллигенции – писатели Д. Гранин, В. Белов, Ч. Айтматов, правовед Д. Кудрявцев, академик Л. Абалкин, кинорежиссер Т. Абуладзе, актер

М. Ульянов, а также известные рабочие, строители, работники сельского хозяйства, в народе список назвали «красной сотней».

После выборов выяснилось, что члены КПСС составили 85% депутатов. По квоте от КПСС М. Горбачеву удалось провести свой список, включив в него и реформаторов, и консерваторов. И все-таки это было поражение партии-государства, утрата ею властных полномочий. Не прошли на выборах многие высокопоставленные партийцы, 32 первых секретаря обкомов партии из 160. Более того, в Ленинграде и области не был избран ни один партийный и советский руководитель, ни один член бюро обкома и даже командующий военным округом. В Москве партийные работники также в основном потерпели поражение, но за Б. Ельцина проголосовало около 90% москвичей. Провальными для партаппарата оказались выборы и во многих крупных промышленных и научных центрах Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока, юга и востока Украины, а также в Прибалтике, Армении и Грузии. Относительно благополучно для партии выборы прошли в областях Центрально-Черноземного и Северо-Кавказского регионов, Белоруссии, Казахстане и Средней Азии.

Примерно четверть всех депутатов, избранных по округам, была критически настроена по отношению к КПСС. Многие такие депутаты прошли от общественных организаций. На I Съезд народных депутатов были избраны известные ученые, литераторы, юристы: А. Сахаров, Р. Сагдеев, Н. Шмелев, С. Аверинцев, П. Бунич, Ю. Афанасьев, Ю. Карякин, В. Гинзбург, Г. Попов, А. Собчак, Ю. Болдырев и другие…

На апрельском Пленуме ЦК КПСС обеспокоенность партийных руководителей выразилась в полной мере. На Горбачева выплеснулась вся горечь поражения на выборах, стремление свалить вину за экономический кризис социалистической системы на «разлагающую» роль средств массовой информации. Это было первое массированное наступление консервативных сил в партийном аппарате против Горбачева, против перестройки. Несмотря на это, ему удалось вывести из состава ЦК КПСС 74 члена и 24 кандидата в члены.

Источник: Елисеева Н.В. Политическая дестабилизация в СССР. 1989–1990 годы // Безбородов А.Б., Елисеева Н.В., Шестаков В.А. Перестройка и крах СССР. 1985–1993. СПб.: Норма, 2010. С. 102–104. – www.ru-90.ru

I Съезд народных депутатов СССР продолжался с 25 мая по 9 июня 1989 года. Все 16 дней под сводами Кремлевского дворца бушевали страсти, невиданные доселе советскими гражданами. Депутаты отчаянно рвались к микрофону, каждый хотел во весь голос прокричать о чем то, что казалось ему невероятно важным. Советские люди, забросив остальные дела, не отрываясь, следили за прямой (впервые!) трансляцией съезда по телевидению, за тем, как с трибуны выступали не забубенные партийные функционеры, а такие же люди, как они

сами, неформально одетые, без опыта публичного говорения, страстные и бесхитростные.

В своем докладе Горбачев уже как председатель Верховного Совета СССР заявил, что время партийной диктатуры прошло, в стране утверждается новый политический режим. Программу дальнейших действий он определил так: в экономике продвигать «полнокровный рынок», в политике реализовать лозунг «Власть Советам!», во внешней политике стремиться к ликвидации ядерного оружия и вести переговоры с целью достижения баланса интересов в международных делах.

Подробнее. **I Съезд народных депутатов СССР**

Уже с первых минут работы съезда был нарушен заготовленный сценарий. На трибуну неожиданно поднялся депутат из Риги В. Талпежников и предложил почтить память погибших в Тбилиси. Зал встал. А. Сахаров потребовал изменить повестку дня, поставив первым ее вопросом принятие декрета об исключительном праве съезда назначать высших должностных лиц СССР. Казалось бы, процедурные вопросы переходили в политическую плоскость. На первый план вышел вопрос о возможности совмещения постов Генерального секретаря ЦК КПСС и председателя Верховного Совета СССР. Решен он был в пользу М. Горбачева: он оставался Генеральным секретарем и был избран председателем Верховного Совета.

Депутаты разделились на два лагеря. Большинство, состоявшее из партхозноменклатуры, которое Ю. Афанасьев метко назвал «агрессивно-послушным большинством», поддерживало Горбачева, хотя и с оговорками. Демократы же отмечали провал экономических реформ, указывали на пагубность административно-командной системы управления. Они выдвинули лозунг отмены 6-й статьи Конституции СССР, определявшей руководящую роль КПСС в политической системе СССР. Это был принципиальный вопрос: если для Горбачева и его сторонников реформа политической системы казалась завершенной, то оппозиция требовала создания условий для многопартийности.

Съезд не только не консолидировал общество вокруг «перестроечного» руководства КПСС, но, наоборот, разделил его на сторонников и противников компартии. Он публично поднял вопрос о незаконности ее монополии на управление страной и поставил под сомнение при таком управлении реальность федеративного устройства страны. Большое значение для дальнейшего развития событий имело то, что российские демократы поддержали депутатов из Прибалтики в вопросе об экономической самостоятельности их республик.

В докладе «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР» Горбачев уже как председатель Верховного Совета СССР

подчеркнул, что время партийной диктатуры прошло, в стране утверждается новый политический режим. Программу дальнейших действий Горбачев определил так: в экономике продвигать «полнокровный рынок», в политике реализовать лозунг «Власть Советам!», во внешней политике стремиться к ликвидации ядерного оружия и вести переговоры с целью достижения баланса интересов в международных делах.

Долгое расставание с Лениным для Горбачева обернулось определением своей идеологической позиции как центристской. В идейном отношении это означало отказ от классового восприятия мира, от административно-командной экономики и признание правового государства, что было чуждо практике прошедших 70 лет. В политическом плане это выразилось в лавировании между крайностями: половинчатые экономические реформы, «сбалансированная» кадровая политика, надежды на реформируемость КПСС, примирение правых и левых и т.д.

Идеология демократов отражала взгляд на советскую историю как историю непрерывного насилия и иррационального фанатизма. Критика политики прошлых лет поставила вопрос о самой власти, который на съезде прозвучал в проекте Декрета о власти, предложенном академиком А.Д. Сахаровым. Из Декрета следовало, что КПСС нужно «уйти в отставку». Эта публично озвученная на заседании законного представительного органа власти идея объединила демократическую оппозицию, которая сформулировала экономическую перспективу как «общество с эффективной экономикой в условиях рынка».

Источник: Елисеева Н.В. Политическая дестабилизация в СССР. 1989–1990 годы // Безбородов А.Б., Елисеева Н.В., Шестаков В.А. Перестройка и крах СССР. 1985–1993. СПб.: Норма, 2010. С. 104–106. – www.ru-90.ru

После съезда между радикально настроенными демократами и сторонниками Горбачева развернулась борьба за поддержку со стороны населения. Демократы образовали Межрегиональную депутатскую группу народных депутатов СССР (МДГ), в которую вошли около 300 человек, и Координационный совет в составе более 20 человек, избрали пять его сопредседателей – Б. Ельцина, Ю. Афанасьева, Г. Попова, А. Сахарова и В. Пальма. В сентябре 1989 года МДГ сформулировала свою политическую программу. Ключевым стало требование отмены статьи 6 Конституции СССР. После скоропостижной смерти Сахарова 14 декабря 1989 года лидером МДГ стал Ельцин. У демократов была репутация противников партократов, к которым сами демократы относили не только партийных консерваторов, но и партийных реформаторов во главе с Горбачевым.

Подробнее. **Выступление Ю. Афанасьева на II Съезде народных депутатов СССР с заявлением МДГ**

Уважаемые товарищи депутаты!

Я уполномочен довести до съезда заявление, которое на данный момент подписали 140 народных депутатов СССР – членов Межрегиональной депутатской группы. Я говорю – на данный момент, потому что его подписали не все, кто изъявил такое желание. Они это сделают позже. Кроме того, балтийская группа народных депутатов также присоединяется к этому заявлению. Таким образом, в этом заявлении я выражу позицию минимум 250 народных депутатов СССР. Итак, заявление Межрегиональной депутатской группы.

Учитывая чрезвычайность нынешнего положения в стране, когда проводимые преобразования отстают от темпов распада существующей общественно-экономической системы, допуская возможность выхода страны из углубляющегося кризиса только по пути незамедлительных последовательных кардинальных реформ, осознавая свою ответственность перед избирателями, народом страны за настоящее и будущее, мы, народные депутаты СССР, на I Съезде объединившиеся в силу близости политических взглядов и основных положений предвыборных платформ в Межрегиональную депутатскую группу, вынуждены констатировать принципиальное расхождение в позициях по ряду основополагающих вопросов между нашей группой и большинством на II Съезде.

Мы против декретированной руководящей роли КПСС, то есть монопольной власти партии, власти, приведшей страну к неслыханным бедствиям. Мы против непосредственного и прямого вмешательства партийного аппарата, политбюро и ЦК КПСС в государственные, экономические и другие сферы общества, которые должны подлежать исключительно компетенции советов и регулироваться только законом. Отказавшись включить в повестку дня вопрос о 6-й статье Конституции СССР, съезд продемонстрировал не только пренебрежение к мнению миллионов граждан страны, но и встал на защиту конституционного закрепления монополии КПСС на руководство всеми сферами жизни общества, в том числе (что особенно недопустимо в преддверии выборов) средствами массовой информации. Мы за свободу объединения граждан в политические организации и за равенство этих организаций перед законом.

Мы против огосударствленной экономики и не считаем возможным остановить развал народного хозяйства при помощи одних лишь административных запретов и приказов. Крайне опасна попытка отсрочить переход к подлинно рыночному хозяйствованию и к самостоятельности предприятий еще на несколько лет.

Именно поэтому мы выступили против одобрения программы, предложенной правительством съезду, так как при всей внешней новизне мы ожидаем в результате ее осуществления усугубления кризиса и ухудшения

условий для реализации дальнейших экономических и политических реформ. Мы также исходили из идеи, что Совет Министров СССР должен иметь самостоятельность и нести полную ответственность за свои действия, не перекладывая ее на пленум ЦК КПСС, на съезд или Верховный Совет.

Мы считаем необходимым немедленно разрешить крестьянам самим выбирать любые формы хозяйствования, включая беспрепятственный выход из совхозов и колхозов со своей долей земли и имущества. Отложив рассмотрение базового вопроса об отказе от конституционно закрепленной государственной монополии на землю, недра и тому подобное, вообще на средства производства, съезд фактически санкционировал бесперспективный путь разрешения наших экономических проблем в рамках нынешних отношений собственности без их радикальных преобразований.

Мы против подчинения национальных республик сильному центру, то есть против унитарного, имперского государства, созданного Сталиным и сохраняющегося поныне. Мы считаем необходимой скорейшую выработку нового договора о Советском Союзе как свободном и добровольном объединении суверенных республик по формуле «сильные республики и созданный ими центр». В основании Советского Союза должно лежать право любого народа на самоопределение, вплоть до отделения. Проигнорировав назревший, ключевой для разрешения межнациональных конфликтов вопрос о национальном государственном устройстве СССР, съезд включил в повестку дня вопрос о создании Комитета конституционного надзора, призванного защищать положения ныне действующей Конституции СССР, препятствующие коренной реорганизации общества.

Таким образом, наша группа фактически оказалась по указанным жизненно важным вопросам в оппозиции по отношению к большинству на съезде. Наша общая цель – обеспечение эффективной парламентской деятельности, непременное ее условие – полноценная работа парламентских групп, предоставление им права изложения и защиты своей позиции по всем решаемым вопросам и ее доведение до граждан страны через свой печатный орган. В то же время Межрегиональная депутатская группа готова к конструктивному диалогу с другими парламентскими группами – аграриев, ученых, экологов, молодежи, культуры и образования, балтийской группой, украинским республиканским депутатским клубом и другими. Ответственность за судьбу страны определяет нашу позицию.

Таков текст этого заявления. И в заключение я хотел бы сказать, что выступление позавчера М. Горбачева по постановлению, в котором должны быть определены сроки принятия решений о земле, о собственности и соцпредприятии, мы расцениваем как конструктивную реакцию на предложения, разрабатываемые и Межрегиональной депутатской группой, и другими депутатами. Мы считаем это заявление весьма позитивным. Однако в интересах дела (поскольку сейчас время измеряется не на месяцы и даже не на недели) нужно определить точные сроки проведения сессии

Верховного Совета СССР, которая рассмотрела бы эти законопроекты, и съезда, а именно: сессию Верховного Совета созвать в январе, съезд народных депутатов – в феврале следующего года. Спасибо за внимание.

Источник: II Съезд народных депутатов СССР. Бюллетень № 16. Речь на II Съезде народных депутатов СССР 21 декабря 1989 года. – http://www.yuri-afanasiev.ru/afanasev/tom1/tom1_51.htm

2.3. Неудачные попытки экономических реформ

Углублявшийся экономический кризис, протекавший на фоне либерализации режима и первых относительно свободных, хотя и манипулируемых выборов 1989 года, требовал проведения экономических реформ. Мнения о том, как их проводить, резко различались.

Присутствовали три идеологические платформы:

- **первая требовала ужесточить административно-командную систему управления, навести порядок «по-сталински», посредством жестоких репрессий, или хотя бы «по-андроповски» заставить людей соблюдать дисциплину;**
- **вторая сводилась к тезису: «Ленин – хороший, Сталин – плохой». Ленинский «военный коммунизм» 1918–1920 годов рассматривался как вынужденный, а поворот к НЭПу – как «подлинно ленинский» курс. На этой платформе вырос «социализм с человеческим лицом», или рыночный социализм;**
- **третья предлагала путь развития, основанный на частной собственности, рынке и демократии, то есть капитализм.**

Какую идеологическую платформу поддержал бы ты?

За *сталинской идеологией* стояли 70 лет тотального промывания мозгов с «железным занавесом», намертво закрывшим страну от мира. Сталинисты были не только в ЦК КПСС, КГБ и военно-промышленном комплексе. С середины 1980-х годов портрет Сталина можно было видеть на лобовых стеклах многих автомашин. В политическом раскладе сил у сталинистов были серьезные позиции, что показал путч ГКЧП в 1991 году.

На стороне *рыночного социализма* были 25 лет развития и симпатии большинства интеллигенции, которая со дня смерти Сталина в своем идейном развитии прошла сложный путь – через хрущевскую оттепель и брежневский застой к горбачевской перестройке. Особую роль сыграли «шестидесятники», вобравшие в себя многое: от идей грандов художественной интеллигенции до экономических теорий рыночного социализма. За ними стояло общесоциалистическое движение, лидером которого была Чехословакия. Ввод советских танков в Прагу 21 августа 1968 года стал страшным ударом для «шестидесятников» и вылился в одно из самых ужасных моральных поражений СССР за всю его историю. Эти события привели к уходу идеологии рыночного социализма в полуподполье.

Однако лучшие интеллектуалы советской экономической науки продолжали отстаивать идеи рыночного социализма, кооперативной собственности, которые получили поддержку в правительственных кругах. В 1987–1989 годах парадигма рыночного социализма проявилась в законах «О государственном предприятии (объединении)», «О кооперации» и «Об аренде». Идеологи рыночного социализма признавали частную собственность для продовольственного ларька, но никак не для гигантов социалистической индустрии. Но опыт Югославии наглядно показал, что в производственных кооперативах собственники, они же – работники предприятия, предпочитали потреблять сегодня, чем вкладывать деньги в новые технологии, которые окупятся лишь через несколько лет. В рамках рыночного социализма это противоречие оказалось неразрешимым.

Приверженцы третьей платформы – *капитализма* – подготовили несколько программ экономических реформ, которые обсуждались на высоком уровне. В них разнились детали, последовательность действий, но суть сводилась к необходимости легализации частной собственности, приватизации государственного имущества, либерализации цен, восстановления рыночных механизмов, интеграции страны в мировую экономику, введения конвертируемости рубля, к финансовой стабилизации и демонополизации экономики.

Социологические опросы показывали, что население готово поддержать все эти меры, кроме либерализации цен. Но без нее рыночные реформы были обречены на неудачу. Советское руководство это понимало, однако, опасаясь социального взрыва, не решалось на либерализацию цен.

Подробнее. **Сигналы беды, посланные в никуда**

Из доклада первого заместителя премьер-министра СССР, министра экономики и прогнозирования СССР В. Щербакова «О неотложных мерах по нормализации финансов и денежного обращения в стране» от 16 августа 1991 года, адресованного президенту СССР М. Горбачеву под грифом «совершенно секретно»:

Страна ускоренными темпами втягивается в глубокий финансовый кризис и развал денежного обращения. Эти факторы в настоящее время в решающей степени определяют ухудшение экономической, социально-психологической и политической ситуации в стране. Более того, необходимо со всей определенностью подчеркнуть, что принимаемые меры по нормализации обстановки и выводу страны из экономического кризиса не будут иметь положительных результатов, если в кратчайший срок совместными действиями Союза ССР и суверенных республик не осуществить крупные меры, позволяющие кардинально изменить положение в области финансов и денежного обращения.

Первый вариант стратегически ориентирован на подавление инфляции с 10–12% в месяц до 2–3%. Анализ и расчеты показывают, что реализация этого сценария невозможна без практически полного возврата к командной экономике образца примерно 1978 года. Возврат к этой модели возможен только с широкомасштабным применением мер, использованных в 1929 году при сворачивании НЭПа и раскулачивании крестьянства, затем при восстановлении методов планирования, примененных в период 1940–1944 годов для перевода народного хозяйства на военный режим работы. Только после мер такого характера, проведенных в течение 3–4 месяцев, возможно «смягчение» механизма управления до модели конца 1970-х годов. Понятно, что в политической области не обойтись без применения репрессий.

Второй вариант «зеркально» отличается от первого и основывается не только на признании неизбежности инфляционных процессов, но на их активном использовании по принципу «рынок так или иначе отрегулирует пропорции». При этом сценарии силы государства на всех уровнях концентрируются прежде всего на защите от инфляции лишь ограниченного круга населения. Однако, как показывают расчеты, спад экономики достигнет 25–30%, реальной становится безработица, в пиковые периоды примерно в таких же масштабах (то есть 35–40 млн человек).

Практические меры реализации этого сценария состоят в немедленной либерализации всех цен, прежде всего на топливно-сырьевые ресурсы, тарифов на перевозки грузов, розничных цен на продовольственные и другие товары. На товары, составляющие основу прожиточного минимума (5–6 видов продовольствия, 5–6 непродовольственных), необходимо вводить карточки.

Необходимым условием оживления экономики является проведение денежной реформы рестрикционного характера и 3–4-разовой девальвации

официального курса рубля к доллару с общим его понижением примерно до уровня биржевого (30:1–35:1)… Значительно возрастет опасность введения республиками собственных денег и полного распада государства.

Этот сценарий был неоднократно отвергнут Верховным Советом СССР, Верховными Советами союзных республик, Советом Федерации. Однако развитие событий в экономике показывает, что страна все больше втягивается в этот сценарий. Вынужден со всей серьезностью и ответственностью за сказанное предупредить, что неприятие крупных, радикальных антикризисных мер антиинфляционного характера, реализуемых в короткие (2–3 месяца) сроки и при высокой скоординированности действий всех уровней власти и управления, через 3–4 месяца сделает этот ход событий уже по отношению к 1992 году безальтернативным.

Данный вывод вытекает не из желания сгустить краски, а из анализа хода реформ в восточноевропейских, латиноамериканских и азиатских странах, заключений о состоянии советской экономики Международного валютного фонда, Мирового банка, Европейского банка реконструкции и развития, из бесед с крупнейшими экономистами Запада. На это обстоятельство специально обращали внимание как главы государств, так и министры финансов стран «семерки» в Лондоне. К этому выводу практически единодушно пришли ведущие советские ученые и специалисты, его подтверждают результаты многовариантных расчетов, проведенных специалистами Минэкономики СССР, Минфина СССР, Госбанка СССР и Госкомстата СССР независимо друг от друга.

Исходя из этого в ходе разработки «Программы совместных действий правительства СССР и суверенных республик…» был подробно проработан третий вариант выхода из кризиса. Меры, предусмотренные Программой, – третий вариант – основаны на реализации сценария регулирования экономики в условиях «управляемого кризиса»… Однако по самым разным причинам, прежде всего связанным с нерешительностью в принятии непопулярных мер, с боязнью ряда руководителей укрепления роли союзного правительства, с низким уровнем скоординированности организационной и экономической работы между различными уровнями исполнительской власти и т.д., практические возможности реализации антикризисной Программы уменьшаются с каждым днем. Основные меры по стабилизации финансового положения страны должны были реализовываться с 1 июля. Однако бесконечные согласования, обсуждения и т.д. привели к тому, что потеряно уже 2 месяца…

Необходимо понять, что через 2–4 месяца для нормализации положения придется применять совсем другие меры и антикризисную программу можно будет просто выбросить в корзину. Единственным и безальтернативным станет только второй сценарий развития событий.

Источник: Доклад первого заместителя премьер-министра СССР, министра экономики и прогнозирования СССР В.И. Щербакова «О неотложных мерах по нормализации финансов и денежного обращения в стране» от 16 августа 1991 года. Архив П.101, № 5057.

***

Заместитель министра экономики СССР В. Дурасов – в Кабинет министров СССР 20 июня 1991 года:

Возникает необходимость в сложившихся чрезвычайных условиях принятия дополнительных мер. Рассмотрены два варианта выхода из создавшегося положения.

Первый вариант основывается на осуществлении жестких неэкономических методов ограничения денежных доходов населения. К их числу относятся: 1) Сокращение расходов бюджета на социальные программы… Для сокращения совокупного дефицита бюджетной системы до предусмотренного на текущий год уровня (с учетом изменения масштаба цен – около 100 млрд рублей) требуется приостановить реализацию социальных программ на 30–35 млрд рублей. 2) Заморозить заработную плату во всех сферах по состоянию на 1 июля текущего года. Это позволило бы ограничить рост денежных доходов населения примерно на 100 млрд рублей. Кроме того, необходимо в максимально возможной степени сократить затраты централизованных средств на капитальное строительство со всеми вытекающими последствиями для экономического развития народного хозяйства. Указанный вариант возможен в теоретическом плане. Однако в сложившейся социально-политической обстановке он вряд ли может быть реализован.

В нынешних условиях более обоснованным представляется второй вариант, основанный на признании неизбежности инфляционных процессов, их сознательном использовании в целях достижения макроэкономической стабилизации и защите от инфляции лишь ограниченного круга населения с фиксированным доходом, имея в виду, что работники сферы материального производства должны возмещать потери от роста цен главным образом за счет увеличения выпуска продукции и реализации ее на рынке товаров. Суть этого варианта состоит в последовательной, начиная с июля текущего (1991) года, либерализации всех цен с тем, чтобы к началу 1992 года сохранить фиксированные и регулируемые цены лишь на ограниченный перечень топливно-сырьевых ресурсов, тарифы на массовые перевозки грузов, а розничные цены – на товары, составляющие основу потребительского бюджета.

Источник: Дурасов В.А. (заместитель министра экономики СССР) в Кабинет министров СССР. Материал о комплексе осуществляемых и планируемых мер по стабилизации экономики СССР и прогноз ее развития в 1991 году. 20 июня 1991 года. ГА РФ Ф. 5446. Оп. 163. Д. 8. Л. 182, 183.

***

Пойти по второму пути мешали политические риски.

Из заметок современника о забастовках весны 1991 года в шахтерских регионах:

На улицах пикеты и патрули: крепкие рабочие парни в белых рубашках. Идеальный порядок, преступности в городе нет. Официальные власти

не у дел, добровольно сдали свои полномочия тем, кого вчера еще не пускали на порог своих кабинетов. Кировск, Снежное, Шахтерск, Торез, Донецк… Это была не забастовка – революция.

Источник: Богуславский С. Смещение пластов // Литературная газета. 20 марта 1991 года.

Отсюда череда обсуждавшихся, но нереализованных программ экономических реформ. Критической точкой стала дискуссия вокруг программы «500 дней» в середине 1990 года. В представленном виде эта программа не имела шансов на реализацию. Для условий жесткого экономического кризиса в ней было слишком много политики и популизма. Однако в ней были обозначены основные действия, необходимые для стабилизации экономики и изменения экономической системы – приватизация, финансовая стабилизация, либерализация цен, демонополизация, интеграция в глобальную экономику. Она создавала базу политического взаимодействия президента СССР М. Горбачева и наиболее популярного в России лидера – председателя Верховного Совета РСФСР Б. Ельцина.

Подробнее. **Программа «500 дней»**

Е. Гайдар о программе «500 дней»:

С конца 1989 года и вплоть до лета 1991 года начинается захватывающая история создания примерно десятка программ, которые разрабатывались специалистами, широко обсуждались, принимались на высоком уровне и при этом не оказывали практически никакого влияния на ход хозяйственных процессов, подчинявшихся совсем другой, не предусмотренной в программах реальной логике развала бюрократической экономики.

Эти документы сами по себе интересны, при их сопоставлении видно, как постепенно росло осознание необходимости масштабной программы приватизации и как авторы программ, пытаясь сочетать экономически необходимое с политически возможным, закладывали в прогнозы абсолютно нереальные расчеты. Мне приходилось принимать участие либо в написании, либо в экспертизе многих из них…

Явным исключением в ряду этих документов, правда, имевшим не экономический, а политический резонанс, без сомнения, стала программа «500 дней»… Содержательно в ней не было ничего особо нового. Она в основном повторяла логику предшествующих программных документов, включала стабилизационные мероприятия как базу, предшествующую либерализации цен, структурные реформы, приватизацию. Но одно публицистическое нововведение было, без сомнения, блестящим – раскладка

по дням. Разумеется, к экономике это никакого отношения не имело, невозможно по дням расписать такой процесс, как масштабные социально-экономические реформы, особенно в условиях распадающейся экономики. Если беспристрастным глазом специалиста перечитать программу «500 дней», то многие из ее сюжетов невозможно воспринимать без улыбки. Но дело, как я уже говорил, было не в экономике, эта программа поразительно точно накладывалась на политические потребности дня, обещая выбитому из привычной колеи российскому обществу простые рецепты создания рыночного счастья. Притом малой ценой!

Представление о том, что крушение социализма отнюдь не равнозначно появлению развитой, эффективной рыночной экономики, что родимые пятна социализма придется выводить десятилетиями, что предстоит огромная, тяжелейшая работа для того, чтобы создать хотя бы предпосылки нормально функционирующего рынка, – далеко за пределами экономических идей, доминирующих в массовом общественном сознании.

Но в политическом плане рассчитанная на короткий срок и расписанная по дням программа построения в Советском Союзе развитой рыночной экономики – это именно то, что было необходимо Ельцину и той части элиты, которая пошла за ним. Сама по себе реалистичность или нереалистичность программы с экономической точки зрения не имела никакого значения. Даже ложная идея, овладевшая массами, становится материальной силой.

Летом 1990 года и впоследствии мы неоднократно обсуждали и с самим Явлинским, и с другими соавторами этой программы – Е. Ясиным, В. Машицем, Б. Федоровым – их отношение к ней. Нет сомнения, что большинство из них ни в малой степени не сомневалось в ее утопизме. И вместе с тем в политическом ключе программа «500 дней» была в тот момент полезной, ибо она способствовала сближению Горбачева и Ельцина, создавала базу для их возможного союза и проведения согласованной линии. А следовательно – и для предотвращения разрушительной войны законов…

Увы, программе Явлинского не суждено было оправдать и свое политическое предназначение. После долгих колебаний, под мощным давлением силовых структур, консервативной части аппарата Горбачев отказался от соглашения с Ельциным и поддержки программы «500 дней». С этого момента вплоть до осени 1991 года о какой бы то ни было экономически осмысленной политике можно было забыть. Между рушащимся Союзом и Россией началась ожесточенная борьба за власть.

Любому непредвзятому наблюдателю стало ясно, что страна приближается к экономическому краху. Это было очевидно и авторам программы «500 дней», которые записали в ее преамбуле, что в случае отказа руководства Союза и России от согласованных действий по проведению рыночных реформ продолжится процесс дезинтеграции экономической системы, появятся десятки автаркий в границах областей и национально-территориальных образований. Обмен продукцией между ними примет форму бартерных сделок. В результате придется выбирать между

гиперинфляцией и прямым изъятием денежных средств у предприятий и населения. Спад производства углубится, многие крупные предприятия остановятся из-за нехватки комплектующих изделий. Острый дефицит потребительских товаров и продукции производственного назначения можно будет покрывать только за счет импорта, однако стране, вероятно, будет отказано в новых кредитах.

Начнутся упадок крупных городских центров и падение товарности наиболее урожайных сельскохозяйственных регионов. Потребительский рынок вытеснится нормированным распределением и черным рынком. Экономический крах усугубится отсутствием единой программы действий. Каждая республика, а затем каждая территория (вплоть до районов) будут пытаться выбраться из кризиса в одиночку, что губительно для интегрирования сверхмонополизированной экономической системы. Политические последствия – окончательный распад Союза, столкновения на национальной почве в этнически неоднородных регионах. Неподчинение закону будет охватывать все сферы общества.

Теперь этот сценарий становился неизбежным. Вопрос состоял только в том, что делать, как жить дальше, когда точно нарисованная картина грядущей катастрофы начнет воплощаться в реальность? Можно ли хоть как-то ограничить экономические и политические тяготы? Как попытаться повлиять на власть на уровне Союза и республик, чтобы использовать все возможности для предотвращения катастрофы или по меньшей мере – смягчения ее последствий?

Многие ждали ответа на эти вопросы от популярного Явлинского. Но он, вопреки призывам и уговорам российского руководства остаться в правительстве и продолжать работу по подготовке рыночной реформы, подал в отставку. Шаг политически выверенный, точный. Конечно, оставаясь в российском правительстве, можно было бы немало сделать для создания фундамента приватизационного процесса, формирования рыночного законодательства, правовой защиты частной собственности и многого другого. Но все это – на фоне нарастающего экономического кризиса, ответственность за который совершенно неизбежно падает на тех, кто стоит у руля. Контраст со сладкой сказкой программы «500 дней» будет слишком сильным. Политическая цена – высокой.

Источник: Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М.: ВАГРИУС, 1996. С. 64–68.

***

Из программы «500 дней»:

Главное отличие состоит в том, что программа «500 дней» опирается на принципиально новую экономическую доктрину. Движение к рынку прежде всего за счет государства, а не за счет простых людей… Программа ставит задачу: все, что возможно, взять у государства и отдать людям. Есть серьезные основания считать, что возвращение народу значительной части собственности и ресурсов на различных условиях обеспечит их гораздо

более эффективное хозяйское использование и позволит избежать многих негативных явлений в процессе перехода к рынку. Необходимо решительно сократить все государственные расходы, в том числе по скрытым от общества статьям…

Еще одна принципиальная особенность программы: люди должны не ждать чьих-то разрешений и указаний, а поступать в соответствии со своими интересами. Программа же показывает, как лучше и эффективнее действовать в этом направлении. Человек, заинтересованно читающий эту программу, может определиться, что выгодно для него лично, и заранее решить, когда и что следует делать, что, от кого, в каком объеме и на каких условиях требовать для реализации своих экономических прав и интересов…

Таким образом программу можно рассматривать как программу реализации прав граждан на лучшую, более достойную жизнь». «Главные цели реформы – экономическая свобода граждан и создание на этой основе эффективной хозяйственной системы, способная обеспечить динамичное развитие народного хозяйства и достойный уровень благосостояния гражданам страны, преодолев отставания от других стран…

Важнейшей задачей государственной власти на всех уровнях и в первую очередь на республиканском и местном является обеспечение высокой степени социальной защищенности граждан, понимаемой, с одной стороны, как предоставление всем гражданам разных возможностей в том, чтобы своим трудом обеспечить себе достойную жизнь, а с другой стороны, как государственная поддержка нетрудоспособных и социально уязвимых членов общества…

Значительно (до 20%) сокращается финансирование Министерства обороны СССР и КГБ; в частности, за счет резкого снижения закупок вооружения и военного строительства с сохранением на год средней зарплаты работникам предприятий-изготовителей. Сэкономленные материальные ресурсы направляются на свободную реализацию. Не менее 30% экономии от сокращения расходов на эти цели обращается на повышение зарплаты офицерского состава и строительство жилья для военнослужащих, в том числе передислоцируемых в СССР из других стран и уволенных в запас.

Источник: Программа «500 дней». – http://www.yabloko.ru/Publ/500/500–4.htm

Подробнее. **Чем были предопределены радикальные перемены?**

Из интервью с Е. Ясиным, министром экономики в 1994–1997 годах, научным руководителем ГУ – Высшая школа экономики, главой фонда «Либеральная миссия»:

– Признаки неэффективности советской экономики были видны задолго до перестройки. Могла ли правящая номенклатура начать назревшие рыночные реформы раньше?

– Реформировать советскую экономику пытались неоднократно. В 1965 году начинались косыгинские реформы и появилась слабая, скорее, теоретическая, но все-таки возможность постепенного перехода к рыночным отношениям. Не могу сказать, что реформы были задуманы такие уж революционные, но они предлагали новый вектор развития. И если бы, опираясь на либеральный экономический курс, туда же стала поворачиваться и политика, то постепенно в России могли бы начать вырисовываться основы рыночной экономики.

В этом направлении уже делали первые шаги Венгрия и Чехословакия, чьи экономические системы были очень похожи на советскую. К моменту «бархатных революций» в 1989 году их экономика была, в принципе, готова к более легкому переходу к рынку, была более сбалансированной. Потребовались только политические преобразования. Конечно, экономические тоже были – либерализация, приватизация, но они не были такими тяжелыми, как в России. Подобный эффект мог быть и в СССР, будь косыгинские реформы продолжены.

Однако ввод советских войск в Чехословакию остановил экономические реформы в СССР. Хотя попытки внедрения отдельных псевдорыночных элементов еще предпринимались, но это уже была только видимость. В те годы росли мировые цены на нефть, Самотлор был «в самом соку», что снимало необходимость в каких-либо переменах. Поэтому ничего и не менялось.

Очередная попытка была предпринята в 1979 году, когда появились признаки серьезного неблагополучия в экономике. Было опубликовано постановление ЦК КПСС и Совета Министров о совершенствовании управления. Причем первоначально предполагалось рассмотреть этот вопрос на партийном съезде и принять развернутую комплексную программу. Потом перенесли вопрос на пленум ЦК КПСС, и от него отказались. В итоге вся энергия ушла «в свисток»: появилось всего-навсего постановление, на этом кампания и закончилась.

Через три года к власти пришел Ю. Андропов, он поинтересовался, что наработано в этом направлении. Ему предъявили это постановление, выполненное лишь в части, которая была выгодна чиновникам. И никаких изменений в экономике. Новый генсек велел начать эксперимент по совершенствованию управления хозяйственным механизмом. Это была попытка реализовать постановление 1979 года со слегка «увеличенными» задачами. Полагаю, что отказ от реформ был первой развилкой, на которой мы повернули не туда. Хотя людям, которые профессионально занимались этим вопросом, с самого начала было ясно: добиться на этом пути существенных подвижек невозможно. Искали выходы, которые не привели бы к серьезным осложнениям. Но реально экономика не развивалась, сокращалось производство, из торговой сети один за другим пропадали товары, в отдельных регионах вводились карточки. И это при том, что страна еще получала большие нефтяные доходы. А когда в 1986 году они упали, дальше без серьезных отклонений ничего сделать было нельзя.

Другая развилка – первые решения М. Горбачева в 1985 году. Политика нового генсека-реформатора, получившая название «ускорение», была попыткой сыграть теми же картами в те же игры. Но быстро выяснилась полная бесполезность такой политики. После этого и начались подвижки.

Следующая развилка была в 1987 году, когда к очередному пленуму по запросу ЦК КПСС были подготовлены предложения о радикальном совершенствовании системы управления экономикой. Документ писали серьезные люди, в том числе академики А. Анчишкин и А. Аганбегян. Естественно, там было много «гибких» фраз, но кто хотел, тот мог понять гораздо больше, чем представлялось аппаратчикам в ЦК КПСС. В июле 1987 года к сессии Верховного Совета СССР в правительстве был подготовлен комплект документов, в котором предлагался вариант развития, опиравшийся на «социалистический выбор». Мы с Г. Явлинским участвовали в этой работе. Но общество тогда было совершенно не готово к восприятию рыночных идей, к крутому повороту, необходим был определенный период подготовки. Собственно, с этих шагов он и начался. Позже я анализировал ситуацию того времени и пришел к выводу: если бы тогда решились на меры, которые, в конце концов, пришлось реализовывать Е. Гайдару, потери были бы намного меньше.

К радикальному повороту не было готово не только общество, но и власть. Хотя тогдашний премьер Н. Рыжков был гораздо более готов к этому, чем общество. Например, он понимал, что, если не будет заниматься приватизацией, передавать предприятия в частную собственность, ему придется разбираться с забастовками, протестами и другими подобными проблемами. Во всяком случае, уже потом, в 1989 году, когда мы писали о необходимости приватизации или разгосударствления, он воспринимал это вполне адекватно. В то же время органически не мог принять идею либерализации цен. Это было сверх его способностей.

– Высшее руководство страны в 1987–1988 годах понимало, что страна неконкурентоспособна и не может создать приемлемый уровень жизни для людей?

– Ю. Андропов пришел на высший пост в стране с четким пониманием того, что мы находимся на пороге серьезнейшего кризиса. Он говорил, что мы не знаем страны, в которой живем. Но Андропов не был «несостоявшимся реформатором», как его сегодня пытаются изобразить. Это был очень неглупый человек – но из старой системы. Никаких серьезных реформ страна от него не дождалась бы. Вообще, на Старой площади было немало хорошо информированных и понимавших людей. Но они исходили из тезиса «После меня – хоть потоп». Им бы дотянуть, дожить без крутых поворотов, чтобы всё было спокойно…

Хотя в высшем руководстве были разные взгляды. Либеральный спектр представляли М. Горбачев, А. Яковлев, возможно, Р. Медведев и А. Черняев… Но для них главными, кроме Медведева, все же были не экономические проблемы – они их не так хорошо чувствовали, а задача, которую они

перед собой поставили: нельзя ничего сделать, опираясь на партаппарат. Партаппарат, номенклатура будут сопротивляться, так как предложенные перемены противоречат их интересам. Может быть, не было ясных представлений о том, что должно получиться, оставались иллюзии насчет социалистического выбора. У Горбачева они до сих пор есть, но уже на уровне социалистических взглядов, которые не определяют политики. А тогда это был вопрос политики.

Поэтому родилась идея: начинать надо с политических реформ. Здесь была еще одна развилка. Думаю, главным идеологом был А. Яковлев, который сказал: если будем опираться в реформах на первых секретарей, ничего не сделаем, они все повернут по-своему, надо поднимать массы. После этого было выдвинуто предложение о созыве Съезда народных депутатов и даже о проведении свободных выборов в одномандатных округах, что стало решающим поворотом к демократизации общества. За него мы заплатили распадом СССР, потому что получили огромную демократическую волну, которая снесла старый режим. Для меня не существенно, кто лично – Горбачев или Ельцин – сыграл в этом более важную роль. Между собой они могли спорить об этом сколько угодно, но делали одно дело. Ельцин доделал то, чего уже не мог сделать Горбачев. Они оба подвели страну к смене репрессивного режима…

Начиная перестройку, Горбачев не предполагал, во что она выльется и чем закончится. Вероятно, Яковлев представлял себе последствия и одновременно понимал, что без таких крутых политических перемен – начиная с самого «верха» – в нашей стране ничего добиться нельзя. В итоге в начале 1990-х годов мы пошли по варианту радикальной демократизации.

Источник: Сложный переход к рынку. Интервью с Е.Г. Ясиным. – www.ru-90.ru

2.4. ГКЧП

Это был последний шанс провести рыночные экономические реформы в Советском Союзе, возможно, сохранив его единство. Но большая часть партийно-хозяйственной элиты была против этой программы. Ведь она включала такие положения, как необходимость резкого снижения бюджетных расходов на оборонный комплекс. Как следствие – странные военные учения под Москвой осенью 1990 года. После них Горбачев отказался от поддержки программы экономических реформ, сделал выбор в пользу ужесточения политических репрессий.

Подробнее. **Странные военные учения под Москвой в сентябре 1990 года**

На Верховном Совете СССР прозвучал запрос народного депутата С. Белозерцева относительно «странных» передвижений воинских подразделений вблизи Москвы. 9–10 сентября 1990 года были спешно приведены в боевую готовность, а затем пришли в движение Рязанский парашютно-десантный полк и части Тульской дивизии, дивизия МВД им. Дзержинского, были переброшены части Псковской воздушно-десантной дивизии. Офицеры поначалу считали, что идет обычная подготовка, возможно, к параду или учениям. Но войска получили боеприпасы и технику. Хотя практика выдачи боевых припасов перед учениями практически не применяется: даже на учениях с боевой стрельбой боеприпасы, как правило, подвозятся на этап стрельбы.

Сами солдаты были озабочены. Курсанты не верили, что переброшенная дивизия в бронежилетах, в касках, на боевой технике прилетела убирать картошку. Российское правительство оказалось не в курсе. Никто из поехавших по частям депутатов не был допущен до личного состава. Так развивались события накануне объявленного на 16 сентября митинга в Москве. По данным народного депутата РСФСР В. Рюмина, и на самом митинге присутствовала переодетая в «гражданку» рота десантников из Подмосковья.

Министр обороны Д. Язов, выступая на сессии Верховного Совета СССР, назвал все приведенные факты вымышленными, однако подтвердил, что десантники действительно прибыли в Москву. Маршал вначале объяснил: Рязанский и Костромской полки прибыли для парада на Красной площади, а затем, не назвав больше ни одного соединения, заявил, что «действительно были учения».

Источник: Панкратов А. А кто-то подумал – учения идут… // Комсомольская правда. 26 сентября 1990 года; Панкратов А. А маршал ответил – учения идут. Только ясности в истории с маршем десантников по-прежнему нет // Комсомольская правда. 4 октября 1990 года.

Подробнее. **Правый уклон президента СССР: что теперь будет?**

В январе 1991 года окончательно определился курс центральной власти на свертывание демократических реформ в политической сфере и на установление прямого контроля над рыночными механизмами экономики. Сумма изданных президентом СССР за последнее время указов позволяет говорить о начале курса на контрреформу, то есть на постепенную «конфискацию» результатов демократического развития последних трех лет…

М. Горбачев в момент, когда для него решается принципиальный вопрос – вопрос власти, крайне ограничен в средствах. По сути, в распоряжении президента остались армия, КГБ и союзные финансовые структуры как средство воздействия на денежный оборот. Ими, собственно, президент

и пользуется за неимением другого: ввод войск в Прибалтику, денежная реформа, Указы о патрулировании и «экономическом саботаже».

Средства, естественно, определяют и политических союзников. Серьезным фактором, ориентирующим Горбачева на контрреформу, являются группы, которые на сегодняшний день стали его единственной политической опорой в соперничестве с демократами: консервативная часть партийно-государственной и военной номенклатуры, парламентская фракция «Союз» и подобные им структуры. Выразителем интересов и идеологии этих групп служит, судя по всему, нынешнее ближайшее президентское окружение – Янаев, Павлов, Маслюков, Язов, Крючков, Пуго.

Источник: Правый уклон президента: что теперь будет? // Власть. 1991. № 5 (55). 28 января. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=265845fd-b826-4010-a80a-5f9f59c8e40e&docsid=265650

Пытаясь ввести прямое президентское правление в Литве, в январе 1991 года союзный центр сделал ставку на промосковские силы внутри Компартии республики. Были инспирированы «требования с мест» о восстановлении на ее территории действия Конституции СССР. В Вильнюсе совместно с войсками Минобороны и Министерства внутренних дел СССР действовала группа спецподразделения «Альфа». С ее помощью были захвачены Дом печати и телецентр. В ответ жители Вильнюса построили баррикады для защиты Верховного Совета республики. В результате столкновений погибли 14 человек. Ситуация повторилась в Риге 20 января, когда во время штурма МВД силами просоюзно настроенного ОМОНа погибли 5 человек.

Действия силовых структур СССР в Вильнюсе и Риге вызвали большой политический резонанс в стране и в мире, испортили репутацию Горбачева-демократа. Парламенты России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Моссовет и Ленсовет осудили произошедшее в Литве. Стачкомы Кузбасса потребовали отставки президента СССР, роспуска Съезда народных депутатов. Запад публично осудил руководство СССР и пересмотрел свои договоренности о предоставлении финансовой помощи. По некоторым оценкам, события в Прибалтике стоили СССР примерно 16 млрд долларов непредоставленных кредитов.

Подробнее. **События в Вильнюсе в январе 1991 года**

В ходе столкновений погибли 13 жителей Литвы и офицер «Альфы» В. Шацких. Многие считают вильнюсские события прологом к окончательному распаду СССР… Сейчас уже все меньше людей помнят детали событий 12-летней давности и то, каким был Вильнюс в январе 1991 года. Телебашню заняли советские войска, по ее периметру стояли бронетранспортеры.

Поглазеть на солдат приходили немногочисленные интуристы и местные жители. Солдатики ежились от взглядов и холода и просили курева. Их сменяли из Северного военного городка (основной базы Вильнюсского гарнизона), комдивом в котором служил полковник А. Масхадов. Тогда он мало интересовался политикой, однако негативно оценивал распад СССР, высказывался против национализма в Литве и осуждал сепаратизм Д. Дудаева.

Северный городок был превращен в неприступную крепость. Когда же командующий гарнизоном полковник Усхопчик не смог найти общий язык с городскими властями, его сменили на генерала Фролова – считалось, что решительный Фролов в нужный момент не подведет. Вершиной этой решительности стала победа в конфликте с председателем офицерского собрания гарнизона Масхадовым – будущего президента Ичкерии сняли с должности комдива и уволили из армии в рекордные для советской военной бюрократии сроки.

Где-то в подвале расположился штаб интердвижения «Единство». Там же размещалась и Ленинская комната, стены которой были увешаны портретами Ленина и Сталина, революционными лозунгами и красными знаменами. Здесь лидер «Единства» В. Иванов принимал ходоков с дышавших на ладан союзных предприятий и иностранных корреспондентов. Рядом с Ивановым сидел А. Кондрашов, лидер рабочих дружин, сколоченных из сотни ветеранов. Это они пытались ворваться в здание Верховного Совета Литвы, чтобы спровоцировать народное восстание. Все подходы к зданию литовского парламента перегородили бетонными блоками, а подступы к кабинету председателя ВС Витаутаса Ландсбергиса защищали мешки с песком. Правда, захват парламента никогда не входил в планы военных.

На окраине столицы, в пригороде Валакампяй, ощетинившись ручными пулеметами, расположилась база вильнюсского ОМОНа. Сформированный в 1989 году в составе МВД Литовской ССР ОМОН выполнял охранные функции. Кстати, 8 января 1991 года именно ОМОН во главе с капитаном Б. Макутыновичем защищал здание ВС Литвы от дружинников. Но уже на другой день часть омоновцев, прихватив оружие и рации, перешла в оппозицию литовским властям.

Источник: Водо В. Литва отмечает годовщину своего путча // Коммерсант. 13 января 2003 года. № 2/П (2605). – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=0817eade-ad14-4473-aa08-63f091051558&docsid= 358539

***

Заведующий отделом национальной политики ЦК КПСС В. Михайлов 11 января 1991 года – в ЦК КПСС:

По сообщению ответственных работников ЦК КПСС (тт. Казюлин, Удовиченко), находящихся в Литве, 11 января с.г. в г. Вильнюсе взяты под контроль десантников здания Дома печати и ДОСААФ (в нем размещался департамент охраны края), в Каунасе – здание офицерских курсов. Эта операция прошла в целом без сильных столкновений.

Источник: Михайлов В. (зав. отделом национальной политики ЦК КПСС) – в ЦК КПСС. О событиях в Литве. 11.01.1991. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 28. Д. 31. Л. 1.

***

7 января в Литву были брошены десантные подразделения. 8 января десантники начали действовать. По выражению комментатора программы «Время», они «взяли под охрану» Дом печати и несколько других объектов в городе. Дом печати брали под охрану с применением огнестрельного оружия. Есть раненые. Сообщение с Литвой прекращено. Не работает аэропорт, не ходят поезда… 11 января председатель Гостелерадио Л. Кравченко распорядился отключить информационные каналы крупного независимого агентства новостей «Интерфакс», услугами которого пользовались многие западные журналисты в Москве.

Источник: Соколов М. Литва: Шеварднадзе, между прочим, предупреждал // Коммерсант. 14 января 1991 года. № 2.

***

Еще не утвержденный министром МВД СССР Б. Пуго не смог толком объяснить депутатам, что это за всевластный «комитет национального спасения», который способен вывести на улицы Вильнюса танки, а объяснение министра обороны СССР Д. Язова ничего, кроме оторопи, не вызвало. Сославшись на то, что он сам всех деталей не знает (так как, по его словам, «не был на месте происшествия») и никакого приказа для танково-десантной атаки не отдавал, он выдвинул свою версию вильнюсской трагедии. Она заключается в следующем: когда избитые возле парламента члены «комитета национального спасения» пришли к начальнику Вильнюсского гарнизона, то их вид так подействовал на генерала, что он отдал приказ захватить телецентр, который непрерывно транслировал «антисоветские передачи». То есть, по объяснению маршала Язова, кровавая трагедия у телецентра была вызвана эмоциональным порывом одного отдельно взятого генерала… И если трагедия в Вильнюсе вызвана действиями одного генерала, то их можно рассматривать как самодеятельный мятеж, за который – как во всяком цивилизованном обществе – военачальник должен быть наказан по закону.

Источник: Щекочихин Ю. Неуправляемая армия? // Литературная газета. 16 января 1991 года. № 2.

Летом 1991 года партийная верхушка КПСС четко осознала дилемму:

- **или ей удастся восстановить тотальный контроль над обществом с помощью репрессий и отказаться от политических и экономических реформ,**
- **или придется согласиться с изменением существующего строя, с потерей власти и предоставлением независимости республикам, с заключением нового Союзного договора.**

На какой путь решился бы ты?

Ужесточению репрессий мешали экономические реалии. Чтобы прокормить города, нужно было импортировать зерно. Чтобы не остановились заводы, производство на которых зависит от импортных комплектующих, нужны были их поставки. А валюты не было. Шансы на то, что СССР мог получить государственные кредиты на Западе, при таком варианте развития событий отсутствовали.

Горбачев весной 1991 года выбрал путь реформ в том виде, как он их представлял. Он понимал, что остро назревшая либерализация цен (половинчатая рыжковская реформа к этому времени полностью провалилась) и трансформация почти что унитарного СССР в жизнеспособную федерацию вызовут резкий взрыв консервативных настроений – не только в партийной номенклатуре, но и в народе. Получалось, что радикальные реформы неизбежно выбивали Горбачева из кресла руководителя партии. Но пересесть в кресло свободно избираемого народом президента он не мог по той же причине: население в своих антиреформаторских настроениях было не лучше аппарата.

С осени 1990 года российские власти ввели практику двусторонних договоров между республиками, они должны были договариваться между собой, тем самым нарабатывались бы реальные инструменты нового Союзного договора. Горбачев был против. Он считал, что республики должны договариваться только через союзный центр, по сути, его предложения сводились к тому, чтобы переименовать СССР в конфедерацию, а на место Политбюро поставить президента. С этим категорически были не согласны лидеры России, Белоруссии и других республик, заявивших о своей независимости. Прибалтийские республики фактически вышли из СССР, а другие союзные республики не горели желанием подписывать новый Союзный договор.

Подробнее. **Борьба вокруг нового Союзного договора**

Ярые российские сторонники сохранения СССР, да и большинство россиян, искренне голосовавших на референдуме за это (сохранение СССР. – *Ред.*), не задавались вопросом: что думают по этому поводу жители Прибалтики, Грузии, Азербайджана, Средней Азии? Как можно сохранить Союз, если они выступают против и даже не участвовали в референдуме Люди, как правило, не осознавали, что их призывы любым способом сохранить Союз по существу означали призывы к гражданской войне…

Чтобы ослабить позиции союзных республик на переговорах о Союзном договоре, М. Горбачев попытался привлечь к его подготовке не только союзные, но и автономные республики в составе союзных. Российские политики

усмотрели в этом враждебный шаг по отношению к РСФСР, потому что тем самым статус автономий поднимался до уровня республик. В результате напряжение в борьбе за суверенитет перекинулось на внутриреспубликанский уровень. В ходе обсуждения Союзного договора Б. Ельцин отстаивал независимость России как субъекта международных отношений. По сути, такой подход означал конфедеративное устройство Союза. Фактором объединения должен был стать межреспубликанский общий рынок. Ельцин соглашался передать на союзный уровень только Министерство обороны, Министерство путей сообщения и Министерство атомной энергетики.

В конце июля 1991 года Россия в числе семи союзных республик согласилась заключить новый Союзный договор. Украина ждала референдума. 23 июля 1991 года состоялось самое большое совещание по тексту договора. Обсуждение длилось 12 часов, но один из самых важных разделов – о союзных налогах – остался неурегулированным. 29 июля М. Горбачев встретился с Б. Ельциным и Н. Назарбаевым, чтобы выработать план действий после подписания договора. Они договорились о том, что пост президента будущего обновленного Союза займет Горбачев.

2 августа Горбачев выступил по телевидению с обращением к народу и объявил, что Союзный договор «открыт к подписанию». Он уверял, что «война законов» будет закончена, союзная государственность будет сохранена. 5 августа текст договора отправили в республики. На 20 августа было назначено подписание, после которого договор вступал в силу. Тщательно отработанный протокол подписания договора исключал участие и союзного, и республиканских парламентов, ни слушаний, ни голосования в парламенте не предусматривалось.

В договоре была статья о создании Союза Суверенных Республик – суверенного федеративного демократического государства как правопреемника СССР. Новая аббревиатура (ССР) принципиально меняла характер будущего Союза. Участниками договора становились государства, обладающие всей полнотой суверенной политической власти.

К полномочиям нового Союза относились внешняя политика, обеспечение государственной безопасности, защита суверенитета Союза и его субъектов, внешнеэкономическая деятельность. Для выполнения этих функций предполагалось формировать союзный бюджет. Предусматривалась следующая структура власти: глава государства – президент, обладающий высшей исполнительно-распорядительной властью и избираемый на всеобщих выборах, и двухпалатный Верховный Совет, одна палата которого – Совет Союза – избирается непосредственно населением, другая – Совет Республик – формируется высшими органами власти республик. Съезд народных депутатов не предусматривался. Должны были быть сформированы кабинет министров, Конституционный суд, прокуратура. На основе Союзного договора предстояло выработать и новую Конституцию ССР.

Проект Союзного договора был компромиссным и потому крайне противоречивым. Например, Союз создавался по «принципу матрешки», так как

включал «государства непосредственно» или в «составе других государств», при этом говорилось, что они «обладают равными правами и несут равные обязанности». Конструкция, в которой целое уравнивается с частями, крайне неустойчива. Автономная республика получала право выхода из состава Союза, но могла при этом оставаться в составе союзной республики; ее граждане являлись бы гражданами Союза, но не обязательно союзной республики. Не был решен вопрос о процедуре разрешения противоречий между союзными законами и законами автономных республик. Межгосударственный характер приобретали административные границы между республиками. Эти и многие другие противоречия проекта открывали путь к развалу союзных республик.

Достаточно сбалансированно была разведена компетенция Союза и входящих в него государств в сфере обороны, безопасности, правоохранительных органов, внешней политики, денежной эмиссии. Однако спорными оставались вопросы: сколько и каких союзных министерств должно остаться, какой должна быть налоговая система? Проект критиковали и демократы, и консерваторы. Демократы, как и национальные элиты республик, считали, что такой договор возрождал имперские традиции и ущемлял национальный суверенитет. Консерваторы, напротив, видели в нем угрозу для сохранения целостности Союза, оценивали его как «трамплин» для выхода из состава СССР большинства союзных республик. Они предлагали пересмотреть этот документ на Верховном Совете, а затем на Съезде народных депутатов.

Отсутствие согласия в обществе по поводу проекта Союзного договора предопределило ход истории. Поставить свои подписи под этим документом соглашались лидеры лишь семи республик. От любых переговоров по этому поводу отказались государства Балтии. Столь же категорично о своей независимости заявила Грузия. Центробежные тенденции были сильны в Азербайджане и Молдове. Украина ждала референдума. Активно поддерживали идею «обновленного Союза» республики Средней Азии, которые рассчитывали на сохранение традиционных финансовых вливаний из России. Союзное руководство планировало подписать договор 20 августа 1991 года.

Согласившись подписать Союзный договор, Ельцин мучился сомнениями: не станет ли он ловушкой для России? Выступая на «Радио России» 10 августа 1991 года, он заявил, что после подписания договора власти союзных ведомств придет конец, что мы, россияне, немедленно откажемся от услуг союзных министерств, все предприятия перейдут под юрисдикцию России. 16 августа «Российская газета» опубликовала заявление Координационного совета движения «Демократическая Россия», в котором звучало предостережение от подписания этого договора.

Таким образом, подписание Союзного договора оказалось в эпицентре противоборства между главными политическими силами. В зависимости от того, кто победит, должны были сложиться личные судьбы политиков союзного и республиканского уровней. Впрочем, по прошествии почти двух десятков лет стало очевидным, что подписание договора вряд ли могло

предотвратить распад СССР как единого государства. К августу 1991 года перераспределение властных полномочий в пользу республиканских элит зашло так далеко, что возврата к унитарному Союзу уже не было. У политического руководства разных союзных республик были зачастую диаметрально противоположные взгляды на пути их модернизации. Не только республики Прибалтики, но и Россию нельзя было «впрячь в одну телегу» с Туркменией и Таджикистаном. Республиканские элиты жаждали получить все атрибуты независимости, включая собственную валюту, право печатать деньги, полномочия в сфере обороны и иностранных дел.

Не работали на новый Союзный договор и перспективы общего рынка. Ведь в республиках не была еще проведена приватизация, не было частных собственников предприятий, которые могли бы получить весомые преимущества от общего рынка.

Источник: Елисеева Н.В. Крах коммунистического режима. Банкротство и распад СССР. – www.ru-90.ru

Председатель Совета Министров СССР В. Павлов, председатель КГБ СССР В. Крючков, первый заместитель председателя Совета обороны СССР О. Бакланов, министр внутренних дел Б. Пуго, председатель Крестьянского Союза СССР В. Стародубцев, президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР А. Тизяков, министр обороны СССР Д. Язов, вице-президент СССР Г. Янаев сделали ставку на реставрацию советской тоталитарной системы и попытались организовать переворот. Они воспринимали происходившее не как итог исторических процессов, а как разрушение СССР, участниками которого были М. Горбачев, Б. Ельцин, лидеры других союзных республик и все противники советской власти. 19 августа 1991 года вице-президент СССР Янаев возложил на себя обязанности президента СССР, было опубликовано заявление советского руководства, в котором говорилось об учреждении Государственного комитета по чрезвычайному положению и переходе к нему власти. Горбачев был изолирован на даче в Форосе. ГКЧП объявил о роспуске несоответствующих Конституции СССР властных структур, приостановке деятельности оппозиционных партий, запрете митингов и демонстраций.

Президент РСФСР и российское правительство оценили действия ГКЧП как реакционный антиконституционный переворот. В Москве и Ленинграде начались массовые митинги против ГКЧП. Многие тысячи москвичей 20 августа 1991 года образовали живое кольцо вокруг Белого дома – резиденции Верховного Совета и правительства РСФСР.

Подробнее. **Обращение к гражданам России. Указы Президента РСФСР от 19 и 20 августа 1991 года**

Обращение
к гражданам России!

В ночь с 18 на 19 августа 1991 года отстранен от власти законно избранный Президент страны.

Какими бы причинами ни оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правым, реакционным, антиконституционным переворотом.

При всех трудностях и тяжелейших испытаниях, переживаемых народом, демократический процесс в стране приобретает все более глубокий размах, необратимый характер. Народы России становятся хозяевами своей судьбы. Существенно ограничены бесконтрольные права неконституционных органов, включая партийные. Руководство России заняло решительную позицию по Союзному договору, стремясь к единству Советского Союза, единству России. Наша позиция по этому вопросу позволила существенно ускорить подготовку этого Договора, согласовать его со всеми республиками и определить дату его подписания – 20 августа с.г.

Такое развитие событий вызывало озлобление реакционных сил, толкало их на безответственные, авантюристические попытки решения сложнейших политических и экономических проблем силовыми методами. Ранее уже предпринимались попытки осуществления переворота.

Мы считали и считаем, что такие силовые методы неприемлемы. Они дискредитируют СССР перед всем миром, подрывают наш престиж в мировом сообществе, возвращают нас к эпохе холодной войны и изоляции Советского Союза от мирового сообщества.

Все это заставляет нас объявить незаконным пришедший к власти так называемый комитет. Соответственно, объявляем незаконными все решения и распоряжения этого комитета.

Уверены, органы местной власти будут неукоснительно следовать конституционным Законам и Указам Президента РСФСР.

Призываем граждан России дать достойный ответ путчистам и требовать вернуть страну к нормальному конституционному развитию.

Безусловно, необходимо обеспечить возможность Президенту страны Горбачеву выступить перед народом. Требуем немедленного созыва Чрезвычайного съезда народных депутатов СССР.

Мы абсолютно уверены, что наши соотечественники не дадут утвердиться произволу и беззаконию потерявших всякий стыд и совесть путчистов. Обращаемся к военнослужащим с призывом проявить высокую гражданственность и не принимать участия в реакционном перевороте.

До выполнения этих требований призываем к всеобщей бессрочной забастовке.

Не сомневаемся, что мировое сообщество даст объективную оценку циничной попытке правого переворота.

Президент РСФСР
Ельцин Б.Н.
Председатель СМ РСФСР
Силаев И.С.
И.о. председателя ВС РСФСР
Хасбулатов Р.И.
19 августа 1991 года. 9.00

Указ
Президента РСФСР
О Государственном комитете по чрезвычайному положению

В связи с действиями группы лиц, объявивших себя Государственным комитетом по чрезвычайному положению, постановляю:

1. Считать объявление комитета антиконституционным и квалифицировать действия его организаторов как государственный переворот, являющийся не чем иным, как государственным преступлением.

2. Все решения, принимаемые от имени так называемого комитета по чрезвычайному положению, считать незаконными и не имеющими силы на территории РСФСР. На территории Российской Федерации действует законно избранная власть в лице Президента, Верховного Совета и Председателя Совета Министров, всех государственных и местных органов власти и управления РСФСР.

3. Действия должностных лиц, исполняющих решения указанного комитета, подпадают под действия уголовного кодекса РСФСР и подлежат преследованию по закону.

Настоящий Указ вводится в действие с момента его подписания.

Президент РСФСР
Б. Ельцин
19 августа 1991 года № 59

Указ
Президента РСФСР
О временном переподчинении
органов исполнительной власти СССР Президенту РСФСР

Предпринята попытка государственного переворота, отстранен от должности Президент СССР, являющийся Верховным Главнокомандующим Вооруженных Сил СССР. Вице-президент СССР, Премьер-министр СССР, Председатель КГБ СССР, министры обороны и внутренних дел СССР вошли в антиконституционный орган, совершив тем самым государственное преступление. В результате этих действий деятельность законно избранной исполнительной власти Союза ССР оказалась парализованной.

В сложившейся чрезвычайной ситуации постановляю:

1. До созыва внеочередного Съезда народных депутатов СССР все органы исполнительной власти Союза ССР, включая КГБ СССР, МВД СССР,

Министерство обороны СССР, действующие на территории РСФСР, переходят в непосредственное подчинение избранного народом Президента РСФСР.

2. Комитету государственной безопасности РСФСР, Министерству внутренних дел РСФСР, Государственному комитету РСФСР по оборонным вопросам временно осуществлять функции соответствующих органов Союза ССР на территории РСФСР.

Все территориальные и иные органы МВД, КГБ и Министерства обороны на территории РСФСР обязаны немедленно исполнять указы и распоряжения Президента РСФСР, Совета Министров РСФСР, приказы КГБ РСФСР, МВД РСФСР, Государственного комитета РСФСР по оборонным вопросам.

3. Всем органам, должностным лицам, гражданам РСФСР принять незамедлительные меры к тому, чтобы исключить выполнение любых решений и распоряжений антиконституционного Комитета по чрезвычайному положению в СССР.

Должностные лица, выполняющие решения указанного комитета, отстраняются от исполнения своих обязанностей в соответствии с Конституцией РСФСР. Органам Прокуратуры РСФСР немедленно принимать меры для привлечения указанных лиц к уголовной ответственности.

Президент РСФСР
Б. Ельцин
Москва, Кремль
19 августа 1991 года № 61

Указ
Президента РСФСР
Об обеспечении функционирования предприятий и организаций в РСФСР

Проведенные 20 августа 1991 г. переговоры руководителей РСФСР с Председателем Верховного Совета СССР т. Лукьяновым А.И., по существу размежевавшимся с так называемым ГКЧП СССР, подтверждают антиконституционность образования и действий этого Комитета. С учетом результатов переговоров и предстоящим рассмотрением Верховными Советами РСФСР и СССР незаконных действий ГКЧП СССР постановляю:

1. Руководителям всех предприятий и организаций, расположенных на территории РСФСР, независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности впредь до особых распоряжений руководства РСФСР обеспечить нормальную организацию труда в соответствии с законами РСФСР и СССР.

2. Запретить на территории РСФСР действие любых хозяйственных решений и распоряжений ГКЧП СССР или других органов СССР, выполняющих его указания.

3. Трудовым коллективам предприятий и организаций в соответствии с Законом РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности»

оказать поддержку хозяйственным руководителям в выполнении настоящего Указа.

Президент РСФСР
Б. Ельцин
Москва, Кремль
20 августа 1991 года № 65

Наступила кульминация событий, реальная развилка истории:

- **найдется ли у ГКЧП полк, готовый выполнить приказ и задавить танками, перестрелять людей, собравшихся у Белого дома?**

Пошел бы ты защищать Белый дом, свободу слова и право граждан избирать власть?

Сегодня только ленивый не пишет о том, что путч был опереточным, не имел шансов на успех, достаточно увидеть, как у Янаева тряслись руки... Так ли это? За два года до этих событий, в 1989 году, китайские власти жестко, пролив много крови, подавили массовые выступления в Пекине. С площади Тяньаньмэнь трупы убирали бульдозерами. Мало что в российской истории свидетельствовало о том, что подобное не произойдет в Москве. В распоряжении организаторов путча были войска, боевая техника, части специального назначения. Министр обороны СССР отдал приказ о приведении Вооруженных сил в боевую готовность. В Москву, Ленинград и другие крупные города были направлены войска.

Дело оставалось за «малым»: кто непосредственно возьмет на себя ответственность за масштабное кровопролитие, массовые репрессии, кто организует и заставит действовать войска, посадит самого надежного, доверенного, решительного генерала на передовой танк, поручит ему лично подавить сопротивление. То есть кто сумеет переломить естественную инерцию силовых структур, не желавших оставаться крайними. Такого человека среди руководителей переворота не нашлось. Отсюда – колебания, непоследовательность, стремление переложить ответственность друг на друга, пробуксовка военной машины.

Командиры воинских частей, наученные горьким опытом Тбилиси, Вильнюса и Риги, не захотели стать «козлами отпущения» и под разными предлогами задерживали продвижение частей в города. Спецподразделение КГБ «Альфа» отказалось участвовать в штурме Белого дома.

После того как Б. Ельцин взял на себя обязанности Главнокомандующего Вооруженными силами СССР, применение оружия против Верховного Совета РСФСР, правительства и вышедших на улицы москвичей стало маловероятным. У членов ГКЧП не осталось средств для реализации своих намерений. Они пошли на попятную, 21 августа вылетели в Форос для переговоров с Горбачевым, а на следующий день были арестованы.

Подробнее. **Армия отказалась стрелять в народ**

7 июня 1991 года М. Горбачев подписал, а 8 июня направил в Верховый Совет СССР и в Верховные Советы республик проект договора «О Союзе суверенных государств». По сути радикальных изменений, последний вариант был обсужден в Ново-Огарево 23 июня 1991 года. 29–30 июня на встрече М. Горбачева, Б. Ельцина и Н. Назарбаева было принято решение о его подписании главами союзных республик 20 августа.

В канун подписания договора, оформляющего мирный, упорядоченный роспуск империи, вице-президент СССР, премьер-министр, министр обороны, председатель КГБ, руководитель ВПК, главнокомандующий сухопутными войсками, при поддержке председателя Верховного Совета СССР приняли решение сделать то, на что, на их взгляд, президент не решается из-за слабости характера – употребить силу, восстановить политический контроль, сохранить центральную власть. В течение трех дней выясняется, что дело не в Горбачеве, а в уже изменившейся стране.

19–21 августа 1991 года то, чего в течение десятилетия боялись власти, стало реальностью – армия отказалась стрелять в народ. Понадобилось лишь трое суток, чтобы социально-политическая система сверхдержавы, стержнем которой была способность и готовность в неограниченных масштабах применять насилие по отношению к собственному народу, перестала существовать.

Провалившийся путч вспоминается многими как опереточный. Между тем перед его организаторами стояли непростые задачи: в развитом урбанизированном обществе трудно найти командиров, готовых отдать приказ давить танками сограждан, так же как и солдат, которые такие приказы выполнят. Офицеры, по опыту конца 1980-х годов хорошо усвоившие, что отвечать придется им, сделали все возможное, чтобы не оказаться крайними. К тому же руководители переворота не вышли из революции и гражданской войны, за ними стояли десятилетия стабильного режима. Неудивительно, что они пытались переложить на других ответственность за применение силы…

Штурм Белого дома предполагалось начать в ночь на 21 августа. Указание о разработке его плана было дано председателем КГБ В. Крючковым в 9 утра 20 августа. Это должно было быть совместной операцией армии,

КГБ и МВД под условным наименованием «Гром». Решение обсуждалось в Генеральном штабе с середины до второй половины дня 20 августа. Генералы доложили, что с военной точки зрения взять Белый дом – не проблема. Но при этом массовые жертвы среди мирного населения неизбежны. Первоначально операция планировалась на 1 час ночи, затем была перенесена на 3 часа утра, но так и не состоялась. Главным фактором отказа от нее было нежелание лидеров переворота взять на себя ответственность за массовое кровопролитие. Армия ждала действий КГБ. КГБ – армии, а МВД – тех и других. К ночи стало известно, что подразделение КГБ «Альфа» от участия в штурме отказалось, дивизии МВД Тульская и им. Дзержинского не тронулись с мест, а бригада «Теплый Стан» куда-то пропала.

Г. Шахназаров пишет: «Если бы введенные в Москву танки открыли огонь по баррикадам и были поддержаны атакой с воздуха, почти мгновенно все было бы кончено. Покорились бы и республики, о чем свидетельствует их осторожная реакция, явно рассчитанная на то, чтобы выиграть время, посмотреть, как будут развиваться события в столице Союза…» В таких ситуациях важно не только то, отдают ли подобные приказы, но и то, есть ли части, готовые их исполнять, и нет ли тех, кто готов перейти на сторону, противостоящую существующему режиму.

Три августовских дня 1991 года показали, что М. Горбачев не применял силу для спасения режима не только потому, что не хотел, но и потому, что и при желании не мог этого сделать… Сложившаяся в СССР к августу 1991 года экономическая ситуация устанавливала жесткие рамки возможных вариантов развития событий. Даже если бы организаторы переворота смогли удержать власть, это не меняло экономического положения страны, а его контуры к этому времени были строго заданы.

Источник: Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006, С. 377–379, 380.

2.5. Республики обретают независимость

Распад СССР не был следствием «империалистического заговора» или решения президентов трех республик. Его причины следует искать в экономическом и политическом кризисах, а также в центробежных тенденциях в многонациональном советском государстве.

Возможность распада СССР была заложена в самих принципах его построения. Все входившие в него республики и автономные образования в них были сформированы по национальному признаку, даже если нация, давшая имя республике или автономной области, составляла

меньшинство. За каждой республикой признавалось право свободного выхода из Союза, чего нет ни в одной федерации в мире. Это право подтверждалось Конституцией СССР 1936 и 1977 годов, в последней к тому же провозглашался безусловный суверенитет каждой союзной республики.

Делалось это в пропагандистских целях, поскольку руководители СССР были уверены, что этим правом никто не осмелится воспользоваться. Так оно и было, партийная бюрократия держала в едином кулаке столь разные народы. Но стоило ослабить хватку (гласность, отказ от административно-командного управления народным хозяйством, исключение из Конституции статьи 6 о руководящей роли партии), как настроения изменились. К концу 1980-х годов организационно оформились и получили поддержку значительной части населения национальные движения.

Союз не выдержал первых же испытаний демократией и свободой. Как только ослабла зависимость руководителей промышленности и сельского хозяйства от центра, директивная плановая экономика оказалась дезорганизованной. Предоставленные самим себе хозяйственники вышли из-под партийно-государственного контроля, сокрушив прежнюю систему управления де-факто, еще до начала рыночных реформ. Сокращение функций министерств и лишение центрального партийного аппарата властных полномочий, возможности устанавливать директивные плановые задания, лимиты снабжения, назначать цены на продукцию разрушило «нервную систему», объединявшую экономическое, правовое и информационное пространство СССР.

Из-за низкой эффективности, непомерных военных расходов, сокращения добычи нефти и газа и падения мировых цен на них советская экономика к 1990 году прочно увязла в трясине подавленной инфляции, то есть всеобщего дефицита. Многим стало казаться, что по отдельности республики легче преодолеют кризис. Директора союзных предприятий искали помощи у республиканских партийных комитетов, которые «не шли в ногу» с Москвой и еще не растеряли своего влияния.

Подробнее. **Страна в тревожном ожидании: что будет в 1991 году?**

Ситуацию, сложившуюся в СССР в конце 1990 года, большинство наблюдателей – как политологов, так и экономистов – определяют словом

«накануне». При этом очевидно, что пока еще сохраняется определенная вариантность в выборе пути, по которому пойдет страна. Тем не менее параметры, определяющие этот выбор, носят явно объективный характер, и абстрагироваться от них не удастся никому… Страна давно не встречала Новый год в таком мрачном настроении. И дело даже не в том, что голодно и холодно. Как это ни странно, надежд на лучшее будущее не осталось почти ни у кого: либералы боятся «наведения порядка», сторонники сильной власти – «анархии и разгула сепаратизма», не говоря уже об «отказе от социалистических ценностей».

Главная проблема, не решив которую Союз не сможет сдвинуться с мертвой точки, – это отношения центра и республик. Последние события в верхнем эшелоне власти свидетельствуют о том, что, судя по всему, горбачевское руководство, избавившись от либералов и колеблющихся, приняло решение о спасении империи любой ценой (кроме, возможно, цены массового кровопролития)…

Республики, со своей стороны, готовы к открытому афронту: здесь наиболее показательно решение ВС России о формировании бюджета, вызвавшее острую реакцию президента. Если республики будут упорствовать в своих заблуждениях, то самым вероятным сценарием развития событий видится приостановка центром действий тех парламентов, которые не захотят идти на тот или иной компромисс с центром, и введение фактического военного положения. В этой ситуации прогнозируемая реакция населения и властей – широкая кампания гражданского неповиновения, забастовки, саботаж, в некоторых регионах – вспышки насилия, террор, которые будут подавляться соответствующими методами…

По оценкам экспертов «Ъ», 1991 год не принесет улучшения ситуации на потребительском рынке. Если эмиссия (используемая центром для покрытия бюджетного дефицита) не уменьшится, то в новом году рубль может потерять до 30% своей покупательной способности. В этих условиях граница прожиточного минимума к концу года поднимется в среднем до 135 рублей, а для жителей крупных городов до 180 рублей в месяц на человека. В результате за чертой бедности может оказаться более 100 млн человек – почти треть населения страны.

Чтобы защитить доходы беднейших слоев населения, потребуется индексация их доходов. Стоимость этой программы оценивается в 20 млрд рублей, которые вряд ли будут найдены в пустеющей государственной казне. По-видимому, в этих условиях власти на местах примут меры по ужесточению карточной системы, хотя вряд ли смогут обеспечить эти карточки товарными ресурсами. В лучшем случае население сможет рассчитывать на гарантированное снабжение на уровне 1,5 кг мяса, 300 г масла и 2 кг крупы в месяц на человека – для горожан это почти голод…

Источник: Что будет в 1991 году? // Власть. 1990. № 50 (50). 24 декабря. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=6dd7616d-9ae1-4c28-97c9-7665101c68c3&docsid=266946

***

Б. Гидаспов, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС:

Сейчас ситуация, конечно, очень тяжелая. Я утром еду на работу, смотрю на хвосты в сто, тысячу человек. И думаю: вот трахнет кто-нибудь по витрине, и в Ленинграде начнется контрреволюция. И мы не спасем страну.

Источник: Стенограмма заседания Политбюро ЦК КПСС 16 ноября 1990 г. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 30. Л. 16, 20.

Сохранить СССР путем политического реформирования мешали стремительное обесценивание денег и нараставший товарный дефицит, которые еще больше побуждали республики к обособлению, разрыву хозяйственных связей, введению границ и таможен.

Россия была донором практически всех других союзных республик и страдала от кризиса больше других. В российской партийной элите началось движение за укрепление республиканской власти. Коммунисты – участники Съезда народных депутатов РСФСР в июне 1991 года – почти единогласно проголосовали за Декларацию о государственном суверенитете России.

Подробнее. **Декларация о государственном суверенитете РСФСР**

Декларация
о государственном суверенитете РСФСР
от 12 июня 1990 г.

Первый Съезд народных депутатов РСФСР, сознавая историческую ответственность за судьбу России, свидетельствуя уважение к суверенным правам всех народов, входящих в Союз Советских Социалистических Республик, выражая волю народов РСФСР, торжественно провозглашает государственный суверенитет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики на всей ее территории и заявляет о решимости создать демократическое правовое государство в составе обновленного Союза ССР.

1. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика есть суверенное государство, созданное исторически объединившимися в нем народами.

2. Суверенитет РСФСР – естественное и необходимое условие существования государственности России, имеющей многовековую историю, культуру и сложившиеся традиции.

3. Носителем суверенитета и источником государственной власти в РСФСР является ее многонациональный народ. Народ осуществляет государственную власть непосредственно и через представительные органы на основе Конституции РСФСР.

4. Государственный суверенитет РСФСР провозглашается во имя высших целей – обеспечения каждому человеку неотъемлемого права на достойную жизнь, свободное развитие и пользование родным языком, а каждому народу – на самоопределение в избранных им национально-государственных и национально-культурных формах.

5. Для обеспечения политических, экономических и правовых гарантий суверенитета РСФСР устанавливается:

– полнота власти РСФСР при решении всех вопросов государственной и общественной жизни, за исключением тех, которые ею добровольно передаются в ведение Союза ССР;

– верховенство Конституции РСФСР и Законов РСФСР на всей территории РСФСР; действие актов Союза ССР, вступающих в противоречие с суверенными правами РСФСР, приостанавливается Республикой на своей территории. Разногласия между Республикой и Союзом разрешаются в порядке, устанавливаемом Союзным договором;

– исключительное право народа на владение, пользование и распоряжение национальным богатством России;

– полномочное представительство РСФСР в других союзных республиках и зарубежных странах;

– право Республики участвовать в осуществлении полномочий, переданных ею Союзу ССР.

6. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика объединяется с другими республиками в Союз на основе Договора. РСФСР признает и уважает суверенные права союзных республик и Союза ССР.

7. РСФСР сохраняет за собой право свободного выхода из СССР в порядке, устанавливаемом Союзным договором и основанным на нем законодательством.

8. Территория РСФСР не может быть изменена без волеизъявления народа, выраженного путем референдума.

9. Съезд народных депутатов РСФСР подтверждает необходимость существенного расширения прав автономных республик, автономных областей, автономных округов, равно как краев и областей РСФСР. Конкретные вопросы осуществления этих прав должны определяться законодательством РСФСР о национально-государственном и административно-территориальном устройстве Федерации.

10. Всем гражданам и лицам без гражданства, проживающим на территории РСФСР, гарантируются права и свободы, предусмотренные Конституцией РСФСР, Конституцией СССР и общепризнанными нормами международного права.

Представителям наций и народностей, проживающим в РСФСР за пределами своих национально-государственных образований или не имеющим их на территории РСФСР, обеспечиваются их законные политические, экономические, этнические и культурные права.

Граждане РСФСР за пределами Республики находятся под защитой и покровительством РСФСР.

11. На всей территории РСФСР устанавливается республиканское гражданство РСФСР. За каждым гражданином РСФСР сохраняется гражданство СССР.

12. РСФСР гарантирует всем гражданам, политическим партиям, общественным организациям, массовым движениям и религиозным организациям, действующим в рамках Конституции РСФСР, равные правовые возможности участвовать в управлении государственными и общественными делами.

13. Разделение законодательной, исполнительной и судебной властей является важнейшим принципом функционирования РСФСР как правового государства.

14. РСФСР заявляет о своей приверженности общепризнанным принципам международного права и готовности жить со всеми странами и народами в мире и согласии, принимать все меры к недопущению конфронтации в международных, межреспубликанских и межнациональных отношениях, отстаивая при этом интересы народов России.

15. Настоящая Декларация является основой для разработки новой Конституции РСФСР, заключения Союзного договора и совершенствования республиканского законодательства.

Председатель Верховного Совета РСФСР
Б.Н. Ельцин
Москва, Кремль, 12 июня 1990 года

Экономический кризис, сочетавшийся с кризисом вертикальных структур власти, усилил рост национального самосознания и стремление к самостоятельности у коренного населения республик. Национальные элиты стремились уйти из-под контроля со стороны союзного центра, а национальные лидеры – встать во главе независимых государств.

После провала путча произошло окончательное банкротство официальной коммунистической идеологии, фактически исчезла центральная власть. Произошли события, которые сыграли решающую роль в судьбе Союза. 24 августа 1991 года М. Горбачев заявил, что слагает с себя полномочия Генерального секретаря КПСС, и призвал ее к самороспуску. А другого стержня власти в стране не было. С развалом КПСС центральная власть просто рухнула. Б. Ельцин одним из последних руководителей республик, 6 ноября, подписал указ о прекращении деятельности структур КПСС на территории России.

Республиканские лидеры оказались перед выбором:

- **пытаться сформировать новый союзный центр, заключить новый Союзный договор между суверенными государствами**
- **или каждому идти своим путем.**

Какую стратегию выбрал бы ты?

Элита всех бывших союзных республик уверенно выбрала независимость, воспользовавшись статьей 73 Конституции СССР (право свободного выхода). Эта статья, как мина замедленного действия, была всегда: в Конституции и 1924-го, и 1936-го, и 1977 года. Уже 24 августа 1991 года решение о выходе из СССР приняла Украина, 25 августа – Белоруссия, 27 августа – Молдавия, 30 августа – Азербайджан, 31 августа – Узбекистан и Киргизия, 9 сентября – Таджикистан, 21 сентября – Армения, 27 октября – Туркмения, 12 декабря – Россия, 16 декабря – Казахстан (Литва сделала это еще 11 марта 1990 года, Латвия – 4 мая 1990 года, Эстония – 20 августа 1991 года, Грузия – 9 апреля 1991 года).

Уже в августе 1991 года компартии были распущены в Эстонии, Литве, Молдавии, Белоруссии, Грузии, Туркмении, Украине, Киргизии, в сентябре – в Казахстане, Латвии, Азербайджане, Узбекистане, в октябре – в Таджикистане, в ноябре – в России.

29 августа Л. Кравчук объявил командующим всех военных округов, дислоцированных на Украине, что отныне они подчиняются украинским властям. Украина подчинила себе пограничные войска на своей территории. То есть внешняя граница на этом направлении стала украинской, а внутренней не было вообще. В Прибалтике советская погранслужба тоже перестала функционировать, как и таможня.

Республики имели разное экономическое положение, но практически для всех Россия была донором. Тем не менее республиканские политические лидеры обосновывали свою линию на суверенизацию тем, что экономическому процветанию их республики якобы мешало ее положение в сложившейся системе хозяйственных связей внутри СССР. Одни говорили об эксплуатации центром природных богатств республики, другие – о необходимости избавиться от «нахлебников». В Армении, Грузии и Азербайджане политические элиты консолидировались вокруг лозунга независимости от России. Прибалтийские республики успешно

создавали свои структуры власти и быстро превращались в субъектов международных отношений. Сказались и конкретные исторические черты развития республик, уровень культуры и образования, трудовые и культурные традиции населения, религия и ментальные особенности. В условиях банкротства СССР и острого экономического кризиса они выдвинулись на первый план.

Далеко не все национальные лидеры были настроены идти вслед за Россией по пути рыночных и демократических реформ. В Узбекистане и Туркмении, где политические элиты были идейно связаны с ГКЧП, выход из СССР стал способом дистанцироваться от России, создав авторитарные режимы. Тем не менее хотя строительство новой государственности в республиках СССР шло по разным сценариям, реализовалось оно как антисоветский проект. Это касалось и политического устройства, и идеологических установок.

Подробнее. **Становление новых государств на постсоветском пространстве**

Армения и Азербайджан, формально не объявляя друг другу войну, вели полномасштабные военные действия за Нагорный Карабах. Еще в феврале 1991 года в ***Армении*** был принят радикальный закон о земле – первый такого рода закон на постсоветском пространстве: земля передавалась в частную собственность, было разрешено ее покупать и продавать, арендовать и наследовать; участок земли получали даже люди, занятые вне аграрного сектора. Приватизация земли спасла страну от массового голода в самый тяжелый период первых лет независимости. Армения была первой из неславянских республик бывшего СССР, которая заявила о готовности присоединиться к Беловежским соглашениям. Уже 29 декабря 1991 года она подписала Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности с Россией.

В ***Азербайджане*** Верховный Совет республики президентом страны назвал первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана А. Муталибова. Однако его авторитет был подорван неудачами в войне с Арменией из-за Нагорного Карабаха. Позднее, в 1992–1993 годах, при президенте А. Эльчибее внешняя политика Азербайджана стала антироссийской. Политические лидеры Нагорного Карабаха в конце 1991 года провозгласили его независимым государством. Но он не был признан международным сообществом, в том числе Россией.

В ***Грузии*** перестроечное движение изначально основывалось на программе выхода из СССР. В стране развернулось мощное антикоммунистическое движение, в результате союзная власть оказалась полностью парализованной, политическая инициатива перешла к оппозиции –

партии «Круглый стол» во главе с З. Гамсахурдиа. На парламентских выборах в октябре 1990 года эта партия под лозунгами государственной независимости, рыночной экономики, прав человека и свободы слова набрала наибольшее число голосов – 54%, а Компартия – лишь 17%. 9 апреля 1991 года Грузия провозгласила независимость. В следующем месяце состоялись президентские выборы – первые такого рода на территории СССР. Гамсахурдиа большинством голосов (87%) был избран президентом. Он выдвинул идею о переходном периоде как важнейшем этапе национально-освободительного движения в ходе восстановления полной государственной независимости Грузии.

К лету 1991 года в Грузии назрел острейший общенациональный кризис, вызванный обострением борьбы за власть в самом Тбилиси. Парламент и правительство З. Гамсахурдиа не могли реализовать свою предвыборную программу. Летом 1991 года у Дома правительства на проспекте Руставели началось противостояние сторонников Гамсахурдиа с отрядами «Мхедриони» и Национальной гвардией (военные и полувоенные образования), требовавшими «наведения порядка» в стране. В декабре все окончилось вооруженным восстанием и низложением Гамсахурдиа.

Власть перешла к Государственному совету, куда вошли руководители основных вооруженных формирований республики. Не сумев преодолеть внутренние разногласия, коалиция направила Э. Шеварднадзе приглашение возглавить Госсовет. 10 марта 1992 года недавний министр иностранных дел СССР и соратник М. Горбачева стал главой Госсовета, а в октябре Верховный Совет Грузии избрал его своим председателем. Начался сложный и длительный процесс политической стабилизации в стране. Грузинское руководство столкнулось с теми же проблемами, что и Россия: Абхазия и Южная Осетия объявили о своем выходе из Грузии.

Украина категорически отказалась от подписания нового Союзного договора в любой его форме. 13 декабря 1991 года было объявлено о переподчинении Украине всех находившихся на ее территории подразделений Сухопутных и Военно-воздушных сил, а также Черноморского флота. Практические шаги Украины по созданию собственных вооруженных сил не соответствовали Беловежским соглашениям (8 декабря 1991 года) об общем военно-стратегическом пространстве.

В ***Белоруссии*** часть Верховного Совета, поддержавшая ГКЧП, вынуждена была уйти с политической сцены. Верховный Совет приостановил деятельность Компартии Белоруссии и придал Декларации о государственном суверенитете от 27 июля 1990 года силу конституционного закона. Были приняты новые герб, флаг и наименование страны (Республика Беларусь), председателем Верховного Совета был избран С. Шушкевич – политик, близкий к Народному фронту. В отношениях с Россией серьезные противоречия обозначились в торгово-экономической области, когда по мере роста белорусской задолженности Россия начала сокращать поставки энергоносителей.

Молдавия в конце 1991 года особенно остро переживала экономический кризис. К тому же внутри республики разразился острейший политический кризис, связанный с расколом двух элит – промышленной элиты Приднестровья и национально-радикальной элиты Кишинева. В Приднестровье была сформирована Республиканская гвардия. Попытки молдавских властей силой навести порядок в Гагаузии и Приднестровье привели в марте–июле 1992 года к вооруженному столкновению между Кишиневом и Тирасполем.

В ***Средней Азии*** политическое оформление новых государств проходило более спокойно. В **Узбекистане** Декларация о независимости, принятая Верховным Советом 1 сентября 1991 года, отражала скорее политическую конъюнктуру, сложившуюся в Союзе после путча, чем политические устремления узбекского общества. Руководство республиканской компартии во главе с И. Каримовым после провала ГКЧП объявило о выходе из КПСС, затем последовал ее запрет на территории республики. Фактически же компартия была переименована в Народно-демократическую партию. В конце 1991 года официально был зарегистрирован оппозиционный Народный фронт Узбекистана – движение «Бирлик» («Единство»). На общенародных выборах И. Каримов был избран президентом страны. Небольшая и во многом самодостаточная узбекская экономика не испытала спада первых лет независимости.

В ***Киргизии*** ГКЧП был осужден уже 19 августа, а 31 августа республика провозгласила свою независимость. 12 октября в стране прошли прямые президентские выборы. Подавляющим большинством голосов (95%) победу одержал А. Акаев – член ЦК КПСС в 1990–1991 годах. Он принял на себя и руководство правительством. Новый расклад политических сил позволил на какое-то время форсировать экономические преобразования в республике. Уже в декабре 1991 года была принята программа приватизации. Распад СССР обернулся для Киргизии сложнейшими экономическими проблемами. Слишком тесными были хозяйственные связи с другими республиками, разрыв которых оказался очень болезненным.

В ***Туркмении*** руководство поддержало ГКЧП. В октябре была провозглашена независимость республики. В декабре республиканская компартия объявила о самороспуске, затем вновь организовалась под названием Демократическая партия Туркменистана. Новое государство в экономике сделало ставку на развитие своих углеводородных ресурсов. В Туркменистане сосредоточено до трети мировых запасов газа при населении в 4,6 млн человек. Политическая элита отказалась от проведения «капиталистических экспериментов», сохранила жесткое государственное регулирование экономики и относительно низкие цены в потребительском секторе за счет дотаций, получаемых от экспорта нефти и газа. В мае 1992 года Туркменистан принял новую Конституцию, предусмотревшую авторитарную президентскую систему правления.

В ***Таджикистане*** 24 ноября 1991 года состоялись президентские выборы, победа на которых большинством в 57% голосов досталась Р. Набиеву – руководителю Компартии и председателю Верховного Совета Таджикистана. В стране был установлен режим личной власти Набиева, опиравшийся на его собственную же гвардию. Началось массовое преследование оппозиции и инакомыслящих.

В ***Казахстане*** в сентябре 1991 года была распущена Компартия, на основе которой создана Социалистическая партия Казахстана. 1 декабря на общенародных выборах Н. Назарбаев 98% голосов был избран президентом. Казахстан объявил независимость последним из союзных республик – 16 декабря 1991 года. До этого руководство республики активно участвовало в поиске иных возможностей сохранить СССР. Для Казахстана, экономика которого в советские времена обеспечивала лишь 27% конечного продукта, потребляемого в республике, а за счет союзного бюджета покрывалось от 15 до 20% государственных расходов, начальный период независимости обернулся глубочайшим экономическим кризисом. Все эти события в республиках Союза свидетельствовали о фактическом распаде СССР.

Источник: Елисеева Н.В. Крах коммунистического режима. Банкротство и распад СССР. – www.ru-90.ru

Юридическое оформление распада — Беловежские соглашения

Хотя позиция республик по их независимости была вполне определенной, существовал выбор:

- **продолжать переговоры, пытаться ценой компромиссов сохранить в той или иной форме фактически не существовавший Союз, остановить процесс разбегания**
- **или признать объективным факт распада СССР и юридически оформить его роспуск.**

На что решился бы ты?

В условиях, когда Советский Союз фактически не существовал, не было ни общей идейной базы, ни результативных экономических возможностей, ни достаточной силовой системы, чтобы удержать процесс разбегания, а сжатая пружина сепаратизма и национализма в республиках расправилась, долгий поиск согласия между ними по вопросам, где их интересы противоречат друг другу, — опасная стратегия. М. Горбачев и его сторонники все еще надеялись на сохранение единого центра и подписание суверенными республиками нового Союзного договора.

Подробнее. **М. Горбачев и Дж. Буш о сохранении единого союзного центра**

М. Горбачев до последнего момента не верил в стремительный распад страны. 29 октября 1991 года, накануне подписания Беловежских соглашений, он обсуждал с президентом США Дж. Бушем-старшим в Мадриде выделение кредита на закупку продовольствия и необходимость сохранения единого центра в СССР.

Горбачев: Центральный вопрос сегодня – государственность. Не решим его – все проблемы будут упираться в это. К сожалению, Ельцин подвергается давлению определенных людей, которые навязывают ему иную концепцию. Они утверждают, что Россия должна сбросить с себя это бремя, уйти от других республик и идти вперед сама. Я разговаривал с Борисом Николаевичем, и он заверил меня, что понимает, к чему это привело бы. Но в целом мне сейчас нужно будет поддержать его. Потому что если пойдут реформы в России, то они пойдут и в других республиках.

Буш: Ключевой вопрос состоит в следующем. Считаете ли вы, что Россия, Ельцин стремятся захватить центр? Чего они хотят? Хотят ли они еще более сузить роль центра, вашу роль? Это затрудняет для нас определение позиций. Нам нелегко разобраться в ситуации.

Горбачев: Попытки, о которых вы говорите, действительно налицо. Надо признать, что сегодняшняя его (Ельцина) позиция не во всем адекватна ситуации. Россия нуждается в новом союзном центре. Это единственная законная форма для осуществления ведущей роли России в союзе республик.

Республики не примут непосредственного руководства ими со стороны России. Мне казалось, что у меня с ним было понимание на этот счет. Но последняя его речь в этом плане вызывает разочарование. Если он изолирует Россию, разрушит Союз, то это будет иметь разрушительные последствия и для России. Но надо отметить, что он все-таки заявил в своей речи о том, что будет выступать за Союз. Необходима поддержка продолжению курса реформ, ибо от этого зависит будущее Союза…

Буш: Я буду с вами предельно откровенен, Михаил. Надеюсь, вы знаете позицию нашего правительства: мы поддерживаем центр. Не отказываясь от контактов с республиками, мы выступаем в поддержку центра и вас лично. Еще до переворота (19 августа 1991 года. – «О») я выступил с речью на Украине, которая стоила мне определенных политических издержек дома. Меня критиковали за то, что я якобы «продал» Украину. Конечно, этого не было. Но я выступил против бездумного национализма.

Мы поддерживали и поддерживаем контакты с Ельциным, с руководителями других союзных республик, но делаем это не за вашей спиной. Мы считаем, что можем сейчас пойти вам навстречу по кредитам, хотя и не в полной мере. Но нам необходимо иметь уверенность, что республики полностью понимают свою ответственность. Ведь у них сейчас имеются

конкретные рычаги. Что касается продовольственной поддержки, то сейчас мы можем принять решение лишь о выделении сельскохозяйственного кредита в размере 1,5 млрд долларов, причем часть его предоставляется сейчас же, а часть – после 1 января. Мы надеемся, что это поможет вам пройти период, в ходе которого окончательно определятся отношения между центром и республиками.

Источник: «Буду откровенен, Михаил…» // Огонек. 2010. № 11 (5120). 22 марта. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=3c640d0b-63a9-45fb-8289-f20728bf7053&docsid=1337949

Последний компромиссный вариант Союзного договора был опубликован в газетах 27 ноября 1991 года. М. Горбачев и Б. Ельцин сообщили прессе, что не мыслят Союза без Украины. Однако 1 декабря 1991 года на референдуме 90,3% проголосовавшего населения высказалось за независимость Украины, Л. Кравчук был избран президентом республики. Россия признала независимость Украины. 5 декабря Верховный Совет Украины признал, что Договор об образовании СССР 1922 года утратил юридическую силу. Таким образом новый Союзный договор потерял политическую актуальность.

Нужно было что-то предпринимать, убедить президента Кравчука сохранить отношения суверенной Украины с другими республиками в рамках Союза – Ельцин был отчаянным сторонником этой идеи. Эту задачу лидеры России, Украины и Белоруссии решали, собравшись 8 декабря 1991 года под Минском, в Беловежской Пуще. Им удалось найти корректную правовую форму плавного перехода бывших союзных республик в новое качество – Содружество Независимых Государств (СНГ). Эта конструкция позволила уберечь миллионы людей от зловещих и непредсказуемых форм распада с катастрофическими последствиями, от войн на территории ядерной державы.

Подписанное президентом России Б. Ельциным, президентом Украины Л. Кравчуком и председателем Верховного Совета Беларуси С. Шушкевичем Соглашение о создании СНГ практически моментально и единодушно поддержали и ратифицировали парламенты 11 республик: в Белоруссии и Украине оно вступило в силу уже 10 декабря, Верховный Совет РСФСР ратифицировал его 12 декабря, а 21 декабря 1991 года в Алма-Ате СНГ приобрел еще восемь членов. Это опровергает бытующие наивные представления о том, будто воля нескольких политиков в одночасье смогла разрушить гигантскую страну в ее неуязвимом величии.

Подробнее. **Соглашение о создании СНГ**

Соглашение
о создании Содружества Независимых Государств

Мы, Республика Беларусь, Российская Федерация (РСФСР), Украина как государства-учредители Союза ССР, подписавшие Союзный Договор 1922 года, далее именуемые Высокими Договаривающимися Сторонами, констатируем, что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование.

Основываясь на исторической общности наших народов и сложившихся между ними связях, учитывая двусторонние договоры, заключенные между Высокими Договаривающимися Сторонами, стремясь построить демократические правовые государства, намереваясь развивать свои отношения на основе взаимного признания и уважения государственного суверенитета, неотъемлемого права на самоопределение, принципов равноправия и невмешательства во внутренние дела, отказа от применения силы, экономических или любых других методов давления, урегулирования спорных проблем согласительными средствами, других общепризнанных принципов и норм международного права, считая, что дальнейшее развитие и укрепление отношений дружбы, добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества между нашими государствами отвечают коренным национальным интересам их народов и служат делу мира и безопасности, подтверждая свою приверженность целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, Хельсинкского заключительного акта и других документов Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, обязуясь соблюдать общепризнанные международные нормы о правах человека и народов, договорились о нижеследующем:

Статья 1

Высокие Договаривающиеся Стороны образуют Содружество Независимых Государств.

Статья 2

Высокие Договаривающиеся Стороны гарантируют своим гражданам независимо от их национальности или иных различий равные права и свободы. Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон гарантирует гражданам других Сторон, а также лицам без гражданства, проживающим на ее территории, независимо от их национальной принадлежности или иных различий гражданские, политические, социальные, экономические и культурные права и свободы в соответствии с общепризнанными международными нормами о правах человека.

Статья 3

Высокие Договаривающиеся Стороны, желая способствовать выражению, сохранению и развитию этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности населяющих их территории национальных меньшинств и сложившихся уникальных этнокультурных регионов, берут их под свою защиту.

Статья 4

Высокие Договаривающиеся Стороны будут развивать равноправное и взаимовыгодное сотрудничество своих народов и государств в области политики, экономики, культуры, образования, здравоохранения, охраны окружающей среды, науки, торговли, в гуманитарной и иных областях, содействовать широкому информационному обмену, добросовестно и неукоснительно соблюдать взаимные обязательства. Стороны считают необходимым заключить соглашения о сотрудничестве в указанных областях.

Статья 5

Высокие Договаривающиеся Стороны признают и уважают территориальную целостность друг друга и неприкосновенность существующих границ в рамках Содружества. Они гарантируют открытость границ, свободу передвижения граждан и передачи информации в рамках Содружества.

Статья 6

Государства – члены Содружества будут сотрудничать в обеспечении международного мира и безопасности, осуществлении эффективных мер сокращения вооружений и военных расходов. Они стремятся к ликвидации всех ядерных вооружений, всеобщему и полному разоружению под строгим международным контролем.

Стороны будут уважать стремление друг друга к достижению статуса безъядерной зоны и нейтрального государства.

Государства – члены Содружества будут сохранять и поддерживать под объединенным командованием общее военно-стратегическое пространство, включая единый контроль над ядерным оружием, порядок осуществления которого регулируется специальным соглашением.

Они также совместно гарантируют необходимые условия размещения функционирования, материального и социального обеспечения стратегических вооруженных сил. Стороны обязуются проводить согласованную политику по вопросам социальной защиты и пенсионного обеспечения военнослужащих и их семей.

*Ст*атья 7

Высокие Договаривающиеся Стороны признают, что к сфере их совместной деятельности, реализуемой на равноправной основе через общие координирующие институты Содружества, относятся:

– координация внешнеполитической деятельности;

– сотрудничество в формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков, в области таможенной политики;

– сотрудничество в развитии систем транспорта и связи;

– сотрудничество в области охраны окружающей среды, участие в создании всеобъемлющей международной системы экологической безопасности;

– вопросы миграционной политики;

– борьба с организованной преступностью.

Статья 8

Стороны осознают планетарный характер Чернобыльской катастрофы и обязуются объединять и координировать свои усилия по минимизации и преодолению ее последствий. Они договорились заключить в этих целях специальное соглашение, учитывающее тяжесть последствий катастрофы.

Статья 9

Споры относительно толкования и применения норм настоящего Соглашения подлежат разрешению путем переговоров между соответствующими органами, а при необходимости – на уровне глав правительств и государств.

Статья 10

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон оставляет за собой право приостановить действия настоящего Соглашения или отдельных его статей, уведомив об этом участников Соглашения за год. Положения настоящего Соглашения могут быть дополнены или изменены по взаимному согласию Высоких Договаривающихся Сторон.

Статья 11

С момента подписания настоящего Соглашения на территориях подписавших его государств не допускается применение норм третьих государств, в том числе бывшего Союза ССР.

Статья 12

Высокие Договаривающиеся Стороны гарантируют выполнение международных обязательств, вытекающих для них из договоров и соглашений бывшего Союза ССР.

Статья 13

Настоящее Соглашение не затрагивает обязательств Высоких Договаривающихся Сторон в отношении третьих государств.

Настоящее Соглашение открыто для присоединения всех государств – членов бывшего Союза ССР, а также для иных государств, разделяющих цели и принципы настоящего Соглашения.

Статья 14

Официальным местом пребывания координирующих органов содружества является город Минск.

Деятельность органов бывшего Союза ССР на территориях государств – членов Содружества прекращается.

Совершено в г. Минске 8 декабря 1991 года в трех экземплярах каждый на белорусском, русском и украинском языках, причем три текста имеют одинаковую силу.

За Республику Беларусь	За РСФСР	За Украину
С. Шушкевич	Б. Ельцин	Л. Кравчук
В. Кебич	Г. Бурбулис	В. Фокин

8 декабря 1991 года, г. Минск

Источник: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР, 1991, № 51, ст. 1798.

Основной урок, который современная Россия может извлечь из ситуации осени–декабря 1991 года, заключается в том, что в истории страны и конкретных людей бывают моменты, когда задача состоит не только в том, чтобы понять, что надо делать, но и в том, чтобы решительно и своевременно сделать то, что нельзя не делать. Политики, принявшие на себя ответственность за юридическое и политическое оформление уже случившегося распада СССР, это понимали.

Еще одна опасная развилка встала перед участниками переговоров в Беловежской Пуще:

- **ставить или нет вопрос о пересмотре границ между государствами, провозгласившими себя независимыми?**

Какое решение принял бы ты?

Ельцин и Кравчук обсуждали возможности вывести вопрос о Крыме за рамки договоренностей, вернуться к нему позже. Для украинского руководства такое решение было неприемлемо. Кравчук, только что выигравший президентские выборы, не мог обсуждать вопросы территориальной целостности Украины.

Печальный опыт Югославии красноречиво говорил о том, что пересмотр даже неразумных границ ведет к войне. Участники переговоров сознавали и то, что сохранение неясно устроенных границ между республиками, изменявшихся иногда по прихоти одного человека, создаст серьезные проблемы, сделает миллионы российских граждан представителями национальных меньшинств в странах, где они живут десятилетиями. Это станет и для них, и для России серьезной долгосрочной проблемой. Однако гражданская война по югославскому сценарию в стране, обладающей ядерным оружием, стоила бы и России, и миру дороже.

Суть компромисса, не прописанного явно на бумаге, но в целом реализованного, была проста: Россия не предъявляет территориальных претензий, признает существующие границы бывших союзных республик, не поднимает вопросы о Северном Казахстане и Восточной Украине, но партнеры передадут России находящееся на их территории ядерное оружие. 30 декабря было подписано соглашение по стратегическим силам, где были зафиксированы обязательства государств-участников содействовать ликвидации ядерного оружия на Украине, в Белоруссии

и Казахстане, установлено, что к 1 июля 1992 года они обеспечат вывоз тактического ядерного оружия на центральные предзаводские базы для его разукомплектования под совместным контролем. Этот компромисс был реализован к осени 1996 года – с дополнительными усилиями и с помощью Соединенных Штатов, не заинтересованных в возникновении новых ядерных государств.

Подробнее. **Ядерное наследие СССР и территориальные притязания**

Наиболее серьезными были не проблемы, связанные со стратегическим ядерным вооружением. Оно эффективно контролировалось из Москвы. По оценкам советских военных экспертов, которых запрашивало российское правительство, для овладения новыми независимыми государствами возможностями его применения потребовалось бы немало лет.

Сложнее была ситуация с тактическими ядерными зарядами. Решение о применении некоторых из них технически могли принимать командующие округами. Если говорить точнее, они имели возможность применять по своему решению ядерные снаряды и мины. Использование тактических ракет технически контролировалось Москвой. Но и это в условиях краха территориально интегрированной империи было угрозой цивилизации. Что означают риски вооруженного конфликта между ядерными постсоветскими государствами, участники процесса принятия решений понимали.

Угроза того, что развитие событий на постсоветском пространстве пойдет по югославскому сценарию, была реальной. 26 августа 1991 года пресс-секретарь президента РСФСР П. Вощанов предупредил о возможности пересмотра границ России и тех республик (исключая Литву, Латвию, Эстонию), которые не подпишут Союзный договор. Заявление предполагало претензии на Северный Казахстан, Крым и часть Левобережной Украины. Слова П. Вощанова вызвали у руководителей Казахстана и Украины крайне болезненную реакцию: они восприняли его как шантаж. Мэр Москвы Г. Попов 27 и 28 августа 1991 года предъявил Украине еще более широкие территориальные претензии. Они распространялись не только на Крым и часть Левобережья, но и на Одесскую область и Приднестровье…

Ядерное оружие, задававшее границы возможных действий во время холодной войны, оказалось сдерживающим фактором и во время распада СССР. Руководство государств, обретающих независимость на постсоветском пространстве, оказалось достаточно зрелым, чтобы понять: когда речь заходит о границах, как бы ни были они условны и несправедливы, речь идет о войне.

Договоренности, достигнутые в Белоруссии 8 декабря и подтвержденные 21 декабря в Алма-Ате, открыли дорогу подписанию соглашения по стратегическим силам (30 декабря 1991 года). В нем были зафиксированы

обязательства государств-участников содействовать ликвидации ядерного оружия на Украине, в Белоруссии и Казахстане, установлено, что к 1 июля 1992 года эти республики обеспечат вывоз тактического ядерного оружия на центральные предзаводские базы для его разукомплектования под совместным контролем, оговорено, что стороны не видят препятствий перемещению ядерного оружия с территории республик Беларусь, республики Казахстан и Украины на территорию РСФСР.

Тактическое ядерное оружие, стоявшее на вооружении украинских ВС, было выведено в Россию к 6 мая 1992 года Стратегическое вооружение Украина готова была передать России после получения компенсаций и гарантии безопасности со стороны США и России. Соответствующее соглашение было подписано 14 января 1994 года в Москве. 3 февраля парламент Украины его ратифицировал. Вывод ядерного оружия из Украины в Россию и уничтожение пусковых шахт были завершены к 1 июня 1996 года.

Парламент Казахстана 2 июля 1992 года принял решение о ратификации Договора СНВ-1. 13 декабря 1993 года Казахстан присоединился к договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерного государства. За этот период были выведены в Россию ядерные боеголовки и взорваны пусковые шахты на территории Казахстана.

В Республике Беларусь вывод ядерных вооружений был начат в 1992 году, к концу года в Россию была переправлена подавляющая часть ядерных вооружений. 4 февраля 1993 года Верховный Совет Беларуси ратифицировал Договор СНВ-1. Официально вывод ядерных боеголовок из Беларуси в Россию был завершен 23 ноября 1996 года.

Источник: Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. С. 423, 425–426.

Подробнее. **Белоруссия без компенсаций отказалась от ядерного оружия**

С. Шушкевич, председатель Верховного Совета Беларуси с сентября 1991 по конец января 1994 года:

Процесс распада ядерного монстра – СССР – продолжался, а правила не были прописаны, их просто не было. Придерживаться старой Конституции и позиции Договора об образовании СССР было неуместно, хотя бы потому, что это были устаревшие идеологизированные позиции. И даже если в Вискулях мы составили не лучшие правила, все равно стало лучше, чем вовсе без них.

Сразу после подписания Беловежских соглашений я заявил, что Беларусь без предварительных условий и компенсаций выведет со своей территории ядерное оружие – стратегическое и тактическое. Оружием, которое тогда располагалось на нашей территории (81 межконтинентальная баллистическая ракета с ядерными боеголовками, из них 9 – с самыми современными монобоеголовками, множество тактического ядерного оружия), можно было стереть с лица земли всё живое в Европе.

Я и сегодня горжусь этим своим решением. Но за него на меня ополчился весь Верховный Совет: «Это же баснословный капитал, должна быть компенсация!» У меня был только один аргумент. Я все-таки физик, хотя и не профессионал-ядерщик, но 20 лет заведовал кафедрой ядерной физики в университете. Я хорошо понимал, что находится на поверхности моей Беларуси. Кроме того, когда-то я изучал тактику как старший лейтенант запаса и твердо усвоил, что первый превентивный удар в случае конфликта наносится по скоплениям средств связи и по наиболее опасному оружию – ядерному. То есть Беларусь могла стать первой целью для ядерного удара.

К счастью, будучи на посту спикера, я подписал все соглашения по вопросу вывода ядерного оружия из Беларуси, а в апреле 1992 года правительство официально добровольно отказалось от него. В феврале 1993 года Верховный Совет принял решение о присоединении Беларуси к Договору о нераспространении ядерного оружия. К началу 1996 года из страны вывели последнюю стратегическую ракету.

Кроме того, я полагал, что мы не имели морального права претендовать на ядерное оружие, потому что это – достижение России, ее ядерный щит, и пусть она обороняется. А нам обороняться не надо, на нас никто нападать не собирается. Я считал морально недостойным получать компенсацию за оружие уничтожения, иное дело – за последствия Чернобыльской аварии.

Я по-прежнему оцениваю отказ Беларуси иметь ядерное оружие крайне положительно. А Александр Лукашенко об этом сожалеет, считает ошибкой. Страшно предположить, что было бы, если бы ядерное оружие попало в его руки! Кстати, после ракетно-ядерных демаршей Северной Кореи в 2006 году многие сразу вспомнили об этом моем решении.

Источник: Представьте, что Лукашенко досталось ядерное оружие. Интервью с С.С. Шушкевичем. – www.ru-90.ru

***

Принципиально вопрос о денонсации Союзного договора был решен в узком кругу, где присутствовали главы России, Украины и Белоруссии, их премьеры и главы министерств иностранных дел, российский госсекретарь. Важно, что им удалось найти нужную формулировку, внесенную в Соглашение о создании СНГ: «СССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование». Слово «прекратил» им казалось оскорбительным, получалось бы, что они свергают президента СССР. Выбирая формулировку, главы трех государств давали возможность Горбачеву поступить так, как он считает нужным, но направляли его в «правильное русло». И он поступил...

25 декабря 1991 года президент СССР сложил с себя полномочия. Выступая по телевидению с заявлением, М. Горбачев сказал: «В силу сложившейся ситуации с образованием независимых государств я прекращаю свою деятельность на посту президента СССР. Принимаю это

решение по принципиальным соображениям. Я твердо выступаю за самостоятельность, независимость народов, за суверенитет республик. Но одновременно я за сохранение государства, целостности страны».

Подробнее. **Почему рухнул Советский Союз?**

В течение нескольких лет произошло крушение коммунистического режима. Советский Союз обанкротился в финансовом отношении и прекратил существование как единое государство. Получили независимость 15 союзных республик.

Почему это произошло? Прежде всего по причинам экономическим. После открытия и освоения нефтяных месторождений в Западной Сибири, окончания строительства магистральных газопроводов в Европу у СССР появился новый дешевый источник доходов – доходы от экспорта нефти и газа. Его высокая доходность сглаживала проблемы собственной экономики: неспособность сельского хозяйства обеспечить города продовольствием, низкая производительность труда, отсутствие стимулов к повышению эффективности производства, улучшению качества продукции и внедрению достижений научно-технического прогресса. Высокие доходы позволяли не только решать текущие социальные задачи, но и предпринимать авантюрные внешнеполитические акции – например, вторжение в Афганистан в декабре 1979 года.

Благодаря доходам от продажи нефти СССР мог покрывать недостаток продовольствия, закупая за рубежом огромные объемы зерна и мяса, и импортировать высокотехнологичное оборудование, которое не производилось в стране. Эти доходы шли на милитаризацию страны, на прокорм военно-промышленного комплекса и огромной армии. На эти деньги можно было покупать любовь зарубежных союзников, дотировать страны СЭВ, Кубу, Вьетнам. Можно было оплачивать и лояльность определенных «групп интересов» внутри страны: военных, оборонщиков, аграриев. Не отказываясь от провальной колхозно-совхозной системы, можно было подкармливать ее, доплачивая за каждый килограмм проданного колхозами государству мяса и зерна. Но жизнь на нефтяные доходы означала, что СССР к началу 1980-х годов оказался глубоко интегрированным в мировую экономику, его будущее попало в зависимость от цен на нефть.

Иногда высказывается мнение, что СССР погубила гонка вооружений. Это не совсем верно. Хотя точно подсчитать уровень военных расходов трудно (данные были засекречены), но ясно, что они были огромны. Ведь СССР поддерживал военный паритет не только с США, но и с их союзниками. Да еще держал 40 дивизий на границе с Китаем.

ЦРУ в докладе Конгрессу США, проанализировав производство танков в СССР, записало, что не чем иным, кроме как намерением развязать войну в Европе, такие объемы объяснить невозможно. Но из документов того времени известно, что подобных планов ни у Л. Брежнева, ни у Ю. Андропова,

ни тем более у М. Горбачева не было. Зачем же страна, имевшая экономику объемом в 4 раза меньше, чем у США, тратила такие огромные средства на армию и флот? Разумным объяснениям это не поддается. Видимо, считалось: чем больше оружия, тем лучше.

Военные расходы лежали непосильным бременем на экономике страны. Но проблема СССР как до, так и в период перестройки состояла в том, что бюджетные средства, остававшиеся на развитие гражданских отраслей, не удавалось инвестировать с должной эффективностью. Столкнувшись с продовольственной проблемой в начале 1960-х годов, советское правительство бросило огромные средства на мелиорацию, строительство в колхозах бетонных коровников и многоэтажных домов без туалетов. Но так как у колхозников отсутствовали стимулы к труду и заинтересованность в эффективности хозяйств, труд оказывался напрасным, материальные ресурсы закапывались в землю.

То же самое происходило и в промышленности. Несмотря на огромные бюджетные вливания в машиностроение, в развитие радиоэлектроники, новая продукция советских предприятий по техническим характеристикам сильно уступала зарубежным аналогам. Это касалось не только бытовой техники, автомобилей, ширпотреба, но и станков, судов, железнодорожного и авиационного транспорта. Экспортировать такую продукцию удавалось только развивающимся странам и партнерам по СЭВ, да и то с огромными трудностями. В годы перестройки из-за половинчатых и непоследовательных реформ ситуация с качеством продукции не улучшилась.

Причинами банкротства СССР стали не личные качества Горбачева и не консерватизм партноменклатуры. Они глубже. Это крайняя степень неэффективности сформировавшейся еще в 1920-х годах советской экономической и политической системы. Это индустриализация страны за счет ограбления и закрепощения крестьянства и, как следствие, превращение СССР в крупнейшего в мире импортера продовольствия. Это неподъемные для страны расходы на гонку вооружений и поддержку союзников – революционеров по всему миру. И самое главное – включение СССР в мировой рынок в качестве поставщика сырья. Без нефтяных доходов его политическая и экономическая системы уже не могли существовать. Резкое падение цен на нефть, последовавший валютно-финансовый кризис разрушили СССР и всю коммунистическую систему.

Судьба СССР оказалась предопределена, когда стало ясно, что у союзного центра нет решимости отказаться от обанкротившейся социально-политической системы, пойти на радикальные рыночные реформы, на непопулярные меры финансовой стабилизации, по существу – на смену общественного строя. СССР разрушили не М. Горбачев, Б. Ельцин и С. Шушкевич, а экономический кризис, показавший народу на примере всеобщего дефицита порочность социалистической системы хозяйствования. Надо было сокращать инвестиции, либерализовать цены, переходить к частной собственности на средства производства, которая только и может создавать

стимулы для эффективных инвестиций. Все эти меры создавали угрозу не только для Горбачева, но и для всего режима. В то же время отказ от рыночных реформ делал крах режима неизбежным.

В распаде СССР сыграла свою роль и убежденность национальных элит в том, что независимым республикам справиться с кризисом социально-экономической системы будет легче. В общественном сознании укрепилась идея суверенитета как средства разрешения экономических проблем и межнациональных конфликтов. В одних республиках ее подхватили партийные чиновники республиканских компартий. В других – выборы на альтернативной основе привели к власти национально-демократические и националистические партии. Началась «война законов»: стремившиеся к самоопределению республики игнорировали законы, принятые Верховным Советом СССР. Противопоставить этой стихии распада М. Горбачеву и его окружению было нечего. СССР потерпел крах.

Источник: Елисеева Н.В. Крах коммунистического режима. Банкротство и распад СССР. – www.ru-90.ru

Глава 3.
ВАЛЮТНЫЙ КРИЗИС. УГРОЗА ГОЛОДА

3.1. Валютный кризис

Картина экономического развала страны, которая открылась российскому правительству Ельцина–Гайдара, была ошеломляющей. В последние месяцы 1991 года инфляция носила преимущественно скрытый характер и выражалась не в прямом росте государственных цен, а в обострении тотального дефицита. Хотя цены пытались как-то контролировать, в октябре 1991 года, по официальным данным, они выросли на 12,8%, в ноябре – на 24,1, в декабре – на 32,4%. А с учетом Павловской денежной реформы цены за 1991 год выросли в прямой или скрытой форме в 7–8 раз.

Подробнее. **Павловская денежная реформа**

Актуальность предстоявшей реформы цен была общепризнанной. В основу перестройки системы ценообразования была положена идея повышения цен с учетом себестоимости. Издержки производства предлагалось считать общественно необходимыми затратами.

В СССР за 1985–1991 годы розничные цены выросли примерно в 3 раза, из ассортимента вымывались дешевые товары. Денежный механизм СССР функционировал в условиях падения производства. В это время на территории СССР имели хождение безналичный рубль, наличный внутренний рубль, наличный инвалютный рубль (в 4,6 раза больше внутреннего рубля), переводной рубль системы СЭВ, сертификатные рубли Внешэкономбанка, боны союзного Министерства морского флота. На рубеже 1990-х годов внутренний рубль стоил 42 копейки 1961 года.

Летом 1990 года министр финансов В. Павлов секретной запиской довел до сведения президента СССР М. Горбачева и председателя

Совета Министров СССР Н. Рыжкова свои соображения в пользу обмена 50- и 100-рублевых купюр образца 1961 года. По его сведениям, крупнокупюрные советские денежные знаки в большом количестве сконцентрировались за рубежом и в руках теневого капитала. Правда, в ответ на запрос Рыжкова главное таможенное управление сообщило, что за рубеж нелегально уходят в основном 10-рублевые купюры.

14 января 1991 года В. Павлов сменил на посту премьера Н. Рыжкова. Председатель правления Госбанка СССР В. Геращенко публично опровергал слухи о предстоящей реформе. Тем не менее 21 января 1991 года Горбачев подписал указ об обмене в трехдневный срок 50- и 100-рублевых купюр образца 1991 года и о замораживании вкладов граждан в сберкассах – выдача наличности с них ограничивалась 500 рублями.

Поскольку обмен проводился в сжатые сроки, в сберкассах моментально выстроились длинные очереди. Обмен был организован также по месту работы граждан и на почте. Итогом нескольких дней паники стало изъятие из оборота небольшого количества банкнот – вместо планируемых 20 млрд рублей правительство получило от этой операции только 10 млрд. После завершения обмена крупных денег Павлов выступил в печати с обвинениями в адрес западных банков в скоординированной деятельности по дезорганизации денежного обращения в СССР.

Обмен денег был характерен для послевоенного времени: Сталин, например, провел такую реформу в 1947 году вслед за многими европейскими странами. Обмен носил конфискационный характер: до определенного минимума деньги менялись из расчета 1:1, а далее в пропорциях вплоть до 1:10. При Хрущеве в 1961 году придумали выражение «изменение масштаба цен», за которым скрывалась та же конфискация, но в более мягком варианте (при этом монеты в 1, 2 и 3 рубля остались в обращении и поднялись в цене в 10 раз).

2 апреля 1991 года были в 2–4 раза повышены цены на продовольствие, транспорт, коммунальные услуги. Упал уровень жизни населения, появились безработица, рэкет, возросла преступность. Реформа ударила по людям, державшим рубли «в чулке» и в Сбербанке. Рухнули состояния в 15–30 тысяч, копившиеся десятилетиями.

Источник: Личные деньги. 22 января 2007 года. – http://www.systema.biz/622.html?action=print

***

С полуночи 22 января 1991 года в СССР прекратили хождение 50- и 100-рублевые банкноты образца 1961 года. Сообщение об этом прозвучало в программе «Время», то есть после 21 часа, когда сберкассы и магазины уже были закрыты. Наличные надо было сдавать в кассы предприятий, спорные случаи рассматривали комиссии по месту работы или проживания – всем было понятно, что всё не обменяют. Самые находчивые успевали разменять доживавшие свои часы бумажки на вокзалах и у таксистов,

посылали переводы с круглосуточных железнодорожных почт. Остальные несколько дней доказывали «трудовое происхождение» своих купюр.

Расчет очевиден: изъять у населения хотя бы часть гигантских сумм, не обеспеченных товарами. Успешные в новых условиях люди действительно имели на руках многие тысячи рублей в крупных купюрах, считая это солидной «заначкой». Вклады в сберкассах были «приторможены»: разрешалось снимать только 500 рублей в месяц.

Павлов говорил, будто правительство упреждает западный заговор против денежного обращения в СССР и таким образом пытается бороться с теневой экономикой. Но она с небольшим дисконтом легко обновила всю свою наличность. Павловский обмен никакого видимого эффекта финансового оздоровления не имел. Население еще больше озлобилось на союзную власть и ждало новых подвохов. Через два месяца были повышены цены, регулируемые сложной системой «предельных уровней и компенсаций». Результат тоже нулевой: колбасы не было по 2,2 рубля, нет ее и по 8 рублей за килограмм. Павлов изрек: порок не в системе, порок в людях.

Источник: Парфенов Л. Намедни. Наша эра. 1991–2000. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2010. С. 20.

Подробнее. **Ажиотажный спрос, бегство от денег**

Из доклада ВЦИОМ руководству СССР:

Потребительское поведение всех без исключения слоев населения характеризуются: ажиотажным спросом, бегством от денег, созданием товарных запасов (продовольствия, предметов одежды домашнего обихода и т.п.). Судя по данным опроса, проведенного в августе 1991 года, в среднем почти треть населения стремится скупать все дефицитные товары, вне зависимости от того, нужны они респонденту или нет. Половина опрошенных выразила готовность переплатить при покупке того или иного товара.

Недоверие к деньгам, стремление избавиться от них проявляется не только в покупках товаров впрок (на что пока в первую очередь потребителей толкает дефицит), но и в формировании стратегии сбережений, характерных для кризисной экономики. Наибольшей популярностью у населения пользуется покупка изделий из драгоценных металлов (38% респондентов ответили, что сейчас подходящее время для их покупки), чуть меньшей – свободно конвертируемая валюта (33% опрошенных считают, что сейчас подходящее время для ее приобретения). Недоверие к правительству проявляется в низком рейтинге вкладов в сберегательные банки, облигаций и др. государственных ценных бумаг.

Источник: Шпилько С.П., Хахулина Л.А., Куприянова З.В., Бодрова В.В., Зубова Л.Г., Ковалева Н.Л., Красильникова М.Д., Авдеенко Т.В. Оценка населением социально экономической ситуации в стране (по результатам социологических опросов 1991 г.). Научный доклад. М.: ВЦИОМ, 1991. С. 55, 56.

Союзный бюджет разваливался, ведь ни одна республика, кроме России, денег в него практически не перечисляла. Финансовая система СССР была разрушена. Быстро нарастал паралич хозяйственных связей, товарный рынок умирал. Имевшиеся товарные запасы придерживались их владельцами в ожидании еще большего повышения цен, что обостряло дефицит. Пытаясь вырваться из его тисков, руководители местных администраций препятствовали движению товаров, переводили на бартер отношения с другими областями. Несмотря на то, что Указом Президента РСФСР «О едином экономическом пространстве РСФСР» от 12 декабря 1991 года было запрещено вводить ограничения на межрегиональное перемещение зерна, продуктов питания и других товаров, помешать окончательному развалу товарного рынка не удалось.

Уже в первом полугодии 1991 года, еще до августовского путча, Россия получила из других республик лишь 22% запланированных поставок сахара, 30% чая, 19% крупы, 22% мыла. Все республики, кроме России, ввели таможни на своих границах, чтобы ограничить вывоз товаров соседям – в частности, в Россию. Таможни работали в одну сторону – вывозить товары в Россию было нельзя, ввозить оттуда можно.

Централизованное снабжение многими потребительскими товарами опиралось только на импорт, завозившийся в счет иностранных кредитов и остатков золотовалютных резервов. К моменту распада СССР почти вся экономика страны была сориентирована на западные кредиты. От внешних займов зависело снабжение крупных городов продовольствием и товарами, а животноводства – кормами. До августа 1991 года использовались крупные кредитные линии из Италии, Германии, Франции, США и даже из арабских стран. Степень заинтересованности советского руководства в кредитах видна из попыток получить хотя бы небольшие политические кредиты: 500 млн долларов от Южной Кореи за восстановление дипломатических отношений и 200 млн долларов от Кувейта как награду за позицию, занятую СССР в ходе конфликта в Персидском заливе в 1989–1990 годах. Без согласия клиентов были изъяты 6 млрд долларов хранившихся во Внешэкономбанке средств советских организаций и граждан.

Подробнее. **Просьбы советского руководства о помощи**

А. Черняев, помощник президента СССР М. Горбачева:

Вечером я сел писать письмо Горбачева к Колю. По телефону он не стал ему говорить о своей просьбе, а это «SOS», ибо наступает голод в некоторых областях, забастовал Кузбасс, тоже «Долой президента!». В магазинах

больших городов полки пустуют абсолютно, в буквальном смысле. М.С. просит Коля срочно помочь – заставить банки открыть кредит, а также дать деньги вперед под заклад военного имущества, оставляемого нашими уходящими из Германии войсками.

Источник: Черняев А.С. 1991 год: Дневник помощника президента СССР. М.: ТЕРРА, Республика. 1997. С. 115.

***

Заместитель председателя правительства СССР С. Ситарян – М. Горбачеву:

Делегации ФРГ были переданы сводные предложения советской стороны в осуществлении первоочередных мер помощи по поставке в Советский Союз с начала 1991 г. продовольствия, медикаментов, потребительских товаров первой необходимости. При этом мы хотели получить из Германии и других стран Европейского Сообщества в форме такой помощи продовольствия на сумму 1,1 млрд руб., медикаментов – на 0,4 млн руб., медицинской техники – 0,2 млрд руб., товаров народного потребления и повседневного спроса – 0,5 млрд руб. С нашей стороны было высказано пожелание, чтобы часть указанных товаров поставлялись в виде безвозмездной помощи, часть на благоприятных коммерческих условиях с использованием льготных товарных кредитов с последующим погашением после 1995 г. традиционными товарами советского экспорта… Конкретно на данной встрече договорились о поставках на безвозмездной основе продовольственных и потребительских товаров на сумму 415 млн марок из резервов Федерального правительства ФРГ и сената Западного Берлина (для Москвы).

Источник: Ситарян С.А. Президенту СССР тов. Горбачеву М.С. О переговорах с заведующим внешнеэкономическим отделом Ведомства федерального канцлера Х. Тельчиком (27–28 ноября 1990 г. в Москве). 7 декабря 1990 г. ГА ОФ. Ф. 5446. Оп. 163. Д. 1192. Л. 113.

***

Из Резолюции Европарламента «О предоставлении продовольственной и медицинской помощи Советскому Союзу»:

Принимая во внимание растущие призывы Советского Союза к европейскому сообществу через средства массовой информации и по дипломатическим каналам помочь в облегчении ситуации с нехватками продовольствия и медикаментов путем принятия срочных мер по оказанию помощи… Призывает комиссию в кратчайшие сроки обеспечить срочную продовольственную помощь Советскому Союзу путем использования имеющихся фондов… Выражает пожелание, чтобы распределение помощи осуществлялось под контролем Комиссии, которая должна будет представить Европейскому парламенту отчет по этому вопросу.

Источник: Резолюция «О предоставлении продовольственной и медицинской помощи Советскому Союзу». Принята Европарламентом 13 декабря 1990 г. ГА РФ. Ф. 5446. Он. 163. Д. 1028. Л. 25–27.

***

Министр внешнеэкономических связей СССР К. Катушев 26 июня 1991 г. – премьер-министру СССР В. Павлову о греческом кредите:

…Если в конце прошлого года греческая сторона сама проявляла инициативу в оказании нам финансовой поддержки, то в июне с.г. с трудом удалось согласовать с ней сроки официальных переговоров, при этом из-за неготовности греков переговоры были перенесены с начала на конец июня…

Источник: Катушев К.Ф. (министр внешнеэкономических связей СССР) – премьер-министру СССР тов. Павлову В.С. Об оплате долгов греческим фирмам. 26 июня 1991 г. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. Ю3. Д. 1504. Л. 82.

***

Заместитель председателя правления Внешэкономбанка СССР Ю. Полетаев – руководителю Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР И. Силаеву:

В связи с решением Президента США в конце августа с.г. (1991. – *Ред.*) об ускорении предоставления СССР гарантий в рамках программы Министерства сельского хозяйства США докладываем, что Внешэкономбанк СССР через свое Представительство в Нью-Йорке провел переговоры с рядом американских банков. Однако ни один из этих банков не намерен в настоящее время участвовать в предоставлении кредитов СССР. Позиция американских банков объясняется нежеланием принятия на себя какого-либо советского риска в связи с нестабильностью и неясностью экономического и политического положения СССР, т.к. по условиям программы гарантируется только 98% от основной суммы кредита и часть процентных платежей. Возможным вариантом, предлагаемым американскими банками и фирмами-экспортерами, является изменение одного из основных положений гарантий с целью гарантирования 100% основной суммы кредита.

Источник: Полетаев Ю.В. (зам. председателя правления Внешэкономбанка СССР) – руководителю Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР тов. Силаеву И.С. О финансировании закупок зерна в США под гарантию Минсельхоза США. 11 сентября 1991 г. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 163. Д. 1436. Л. 12.

Риск потерять даже 2% предоставленных кредитных ресурсов в случае непредвиденного развития событий в СССР представлялся американским банкирам чрезмерным.

После путча основные кредитные линии были заморожены, поставки за счет кредитов постепенно прекратились, весь этот поток иссяк в IV квартале 1991 года. Полученные советским правительством гигантские кредиты были израсходованы, а внешний долг с 1988 года вырос почти в 3 раза. При этом огромные платежи по внешним долгам, включая проценты, приходились уже на 1992—1993 годы. России

в 1992 году предстояло выплатить около 20 млрд долларов. Средств на обслуживание внешнего долга не было, не осталось на это и золотовалютных резервов.

Только за 1990–1991 годы советское правительство вывезло из страны 800 тонн золота. В конце 1991 года золотой запас составлял примерно 240 тонн. Обязательства Внешэкономбанка, который обеспечивал внешнеэкономическую деятельность страны, оценивались в 87 млрд долларов. Валютные резервы Госбанка колебались в пределах 26–100 млн долларов (сумма, которой сегодня располагает средняя торговая фирма или небольшой банк).

Подробнее. **Золотые резервы, дефицит валюты**

Председатель правления Госбанка СССР В. Геращенко – М. Горбачеву:

В октябре с.г. (1991. – *Ред.*) было заявлено, что официальные золотые резервы страны составляют всего около 240 тонн. Объявленный уровень официальных золотых резервов, являющихся одним из важнейших показателей кредитоспособности страны, по мнению специалистов, не соответствует статусу великой державы и ведущей золотодобывающей страны. Сообщение о величине золотых резервов СССР вызвало недоумение среди специалистов на рынке золота, которые ранее оценивали их в 1000–1300 тонн.

Источник: Геращенко В.В. Президенту СССР тов. Горбачеву М.С. О золотом запасе Госбанка СССР. 15 ноября 1991 г. РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 32. Д. 4006. Л. 90, 91.

***

Из обращения Верховного Совета СССР к советскому народу:

В обеспечении населения страны хлебом и хлебопродуктами сложилось критическое положение… В 1989 г. около 40% потребности страны в зерне покрыты путем завоза его из-за рубежа. Это означает, что в каждом килограмме потребленного хлеба треть его стоимости приходится на затраты валюты.

Источник: Верховный Совет СССР. Обращение к советскому народу по поводу повышения розничных цен. 12 июня 1990 г. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 162. Д. 777. Л. 83.

***

В конце 1989 – начале 1990 года советские внешнеторговые организации под влиянием нараставшего валютного кризиса все чаще срывали сроки платежей по заключенным и исполненным контрактам.

Заместитель председателя Госкомиссии по продовольствию и закупкам Ю. Борисов – заместителю председателя правительства СССР С. Ситаряну:

Имеющие место в последнее время систематические задержки советской стороной платежей за отгруженные импортные товары привели к приостановке дальнейших отгрузок в СССР законтрактованных 211,6 тыс. тонн растительного масла на сумму 74,4 млн рублей, 177,1 тыс. тонн мяса и мясопродуктов на 160,9 млн рублей, 66,5 тыс. тонн какао-бобов и какаопродуктов на сумму 78,7 млн рублей, 45,5 тыс. тонн сливочного масла на сумму 39,4 млн рублей, 30 тыс. тонн соевого шрота на сумму 7,1 млн рублей, 20,4 тыс. тонн убойного крупного рогатого скота на сумму 14,3 млн рублей, 19,9 тыс. тонн чая на сумму 26,9 млн рублей, различных видов детского питания на сумму 69,3 млн рублей, 3 млрд штук ацетатных фильтров для табачной промышленности на сумму 7,3 млн рублей, всего на 478,3 млн рублей… Отгрузка недопоставленных продуктов питания по подписанным контрактам на общую сумму 478,3 млн рублей может быть произведена только при условии оплаты уже поставленных в СССР продовольственных товаров в сумме 237,0 млн рублей. Таким образом, всего следует произвести платежи за импортное продовольствие в сумме 715,6 млн рублей.

Источник: Борисов Ю.А. (зам. председателя Госкомиссии по продовольствию и закупкам) Ситаряну С.А. (зам. председателя правительства СССР). О платежах за импортное продовольствие. 30 мая 1990 г. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 62. Д. 1495. Л. 64, 65.

Заместитель министра внешнеэкономических связей В. Воронцов – заместителю председателя правительства СССР С. Ситаряну:

Министерство внешних экономических связей СССР информировало Вас, что ВВО «Экспортхлеб» находится в крайне затруднительном положении с оплатой счетов иностранных поставщиков… Иностранные фирмы постоянно обращаются с требованием произвести немедленную оплату за товары, поставленные в марте–июне с.г. (1990. – *Ред.*), а также возмещение убытков в виде процентов за задержку в уплате, которые из-за больших неоплаченных сумм в настоящее время уже составляют около 4,5 млн руб. и увеличиваются на сумму около 16 тыс. руб. за каждый последующий день просрочки… Однако гарантии Внешэкономбанком СССР до сих пор не выданы, несмотря на поручения Правительства от 29.1.90 г., 11.5.90 г., 27.6.90 г.».

Источник: Воронцов В.Н. (зам. министра внешнеэкономических связей) Ситаряну С.А. (председателю Государственной внешнеэкономической Комиссии Совмина СССР). О платежах за импортное продовольствие, 2 августа 1990 г. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 162. Д. 1500. Л. 81, 82.

***

Отечественное производство удовлетворяло потребности Советского Союза в лекарственных средствах примерно на 40–45%. Влияние валютного кризиса на обеспечение населения медикаментами советские и зарубежные эксперты считали потенциально наиболее опасной проблемой. Поэтому в расходовании валютных средств закупки медикаментов были признаны приоритетным направлением. Но в условиях нараставшего дефицита валюты и это не помогало.

Министр медицинской промышленности СССР В. Быков – заместителю председателя правительства СССР С. Ситаряну:

В соответствии с решением Совета Министров СССР от 10 марта 1990 года об определении приоритетности в оплате Счетов иностранных фирм внешнеторговыми организациями Минмедпром СССР докладывает, что Внешэкономбанк СССР до сих пор не обеспечивает выделение средств на оплату медикаментов и субстанций, закупаемых в странах с расчетами в свободно конвертируемой валюте. Просроченная задолженность В/О «Медэкспорт» перед иностранными фирмами, по состоянию на 1 апреля 1990 года, составляет 43 418,3 тыс. рублей в свободно конвертируемой валюте (справка прилагается). В связи с просрочками в оплате счетов, иностранные фирмы предъявляют штрафные санкции, а в настоящее время многие из них заявили, что прекратят поставку лекарственных средств по заключенным контрактам. Более того, при заключении контрактов на закупку заказываемых Минздравом СССР остродефицитных медикаментов на 1990 год, иностранные фирмы требуют перехода на авансовую или аккредитивную формы расчетов, либо предоставление банковской гарантии, но Внешэкономбанк СССР в этих формах оплаты отказывает.

Источник: Быков В.А. (министр Минмедпрома СССР) – Ситаряну С.А. (зам. председателя правительства СССР). Об оплате счетов за медикаменты в свободно конвертируемой валюте. 11 апреля 1990 г. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 162. Д. 1492. Л. 32.

Союзные власти не только сделали неплатежеспособным само государство, но и растратили валютные средства российских предприятий, хранившиеся во Внешэкономбанке. А проценты по взятым ранее кредитам выплачивали за счет получения новых кредитов — по схеме финансовой пирамиды. Но такая самоубийственная политика в конце 1991 года была уже невозможна.

Перед российским правительством встала дилемма:

- **или объявить банкротом Внешэкономбанк – главный валютный банк страны, благо некоторые займы были оформлены непосредственно на него без формальных гарантий правительства,**
- **или резко сократить валютные расходы государства, дать предприятиям возможность самим зарабатывать валюту, находить средства для импорта, то есть максимально либерализовать внешнеэкономические связи.**

Что предпочел бы ты?

В ***случае банкротства*** Внешэкономбанк лишился бы собственности за рубежом, которая пошла бы с молотка. Это было бы равносильно объявлению финансового банкротства государства со всеми тяжелейшими последствиями.

Правительство выбрало второй вариант. Была создана Валютно-экономическая комиссия при председателе российского правительства, в которую вошли представители Минэкономики, Минфина, МВЭС, Внешэкономбанка и других ведомств. Она рассматривала все вопросы, связанные с расходованием республиканского валютного резерва, привлечением и использованием иностранных кредитов, выделением валюты предприятиям, организациям и федеральным органам.

В январе 1992 года с подачи правительства решением Верховного Совета все счета во Внешэкономбанке были заморожены. Воспользоваться деньгами можно было только с разрешения Валютно-экономической комиссии. Вкладчики не могли получить свои доллары и дойчмарки, потому что их фактически не было – они существовали только в виде записей по счетам. Комиссия распределяла скудные остатки валюты на самые неотложные нужды – на медикаменты, на инсулин, который в России не производился, на детское питание. Через два года частным лицам замороженные деньги были выплачены полностью, а долги юридическим лицам стали погашать валютными облигациями Министерства финансов (облигациями внутреннего валютного займа), которые до их погашения много лет активно ходили на финансовом рынке, включая международный. Так был создан первый относительно цивилизованный инструмент решения долговой проблемы. Расплата облигациями, которые с первого дня можно было продать на рынке по текущему курсу и по которым выплачивался доход 3% годовых, была значительно лучше отказа государства погашать свой долг перед предприятиями и гражданами, что неоднократно практиковалось в СССР.

15 ноября 1991 года вышел Указ Президента РСФСР «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР», который разрешил всем предприятиям и объединениям внешнеэкономическую деятельность без специальной регистрации и открыл доступ любому хозяйствующему субъекту на внешний рынок, снял ограничения на вывоз наличной валюты физическими лицами. Учитывая разницу во внутренних и мировых ценах, с 31 декабря 1991 года был введен экспортный тариф на отдельные товары, вывозимые из России. Были

сняты ограничения на экспорт готовой продукции при сохранении жестких количественных и тарифных ограничений на вывоз топливно-сырьевых товаров, отменены ограничения на импорт. Была проведена частичная либерализация валютного курса при установлении особого курса для расчетов с бюджетом и сохранении дотаций по критическому импорту. Во втором полугодии 1992 года был установлен особый порядок экспорта стратегически важных сырьевых товаров, контроль за вывозом которых охватывал до 70% российского экспорта. В ноябре 1992 года было введено лицензирование и квотирование экспорта и импорта товаров (работ, услуг) на территории России. В 1993–1994 годах перешли на тарифные методы регулирования, постепенно была снижена роль количественных ограничений, вступили в силу Таможенный кодекс и Закон «О таможенном тарифе».

3.2. Продовольственная катастрофа

Советское государство строилось на идее безграничного всевластия центра. Стоило центру ослабеть – система перестала функционировать. Прошел страх, и на следующей неделе после августовского путча практически остановились заготовки зерна. Зачем председатель колхоза будет поставлять зерно государству, если знает, что за непоставку его не снимут с работы, не посадят в тюрьму? А других стимулов не было. Нельзя же было всерьез считать стимулом деньги, которые ничего не стоили, за что их называли «деревянными».

С приближением зимы 1991/1992 года над страной все отчетливее нависала угроза голода и холода, особенно в индустриальных центрах, а с ней – и угроза массовых социальных потрясений. Отовсюду поступали сообщения о перебоях с самыми необходимыми продуктами, за хлебом и молоком выстраивались многочасовые очереди. В магазинах за ненадобностью закрылись пустые мясные и гастрономические отделы. Продажа колбасы, которая была символом благополучия в советском «развитом социализме», снизилась за 1991 год на 24%, молокопродуктов – на 41%. Если товарные запасы в розничной торговле составляли (на конец года) в 1985 году 93 дня товарооборота,

то в 1990 году – 44, а в 1991 году – лишь 39 дней. Нормы отпуска продуктов по карточкам в большинстве регионов к концу 1991 года составляли: сахар – 1 кг на человека в месяц, мясопродукты – 0,5 кг (с костями), масло животное – 0,2 кг. Часть продовольствия поступала в виде гуманитарной помощи стран Запада.

При потребности в продовольственном зерне 5 млн тонн в месяц в январе 1992 года было в наличии лишь 3 млн тонн. По расчетам Росхлебопродукта, дефицит зерна по импорту составлял 17,4 млн тонн. Чтобы закупить такое количество зерна, требовалось около 3 млрд долларов. В кредит уже никто не поставлял. По самым оптимистичным прогнозам запасов зерна в стране хватало примерно до февраля–марта 1992 года. Драматическим было положение и с запасами топлива.

В городах вспыхивали стихийные «табачные бунты». В отдельных регионах продовольствия оставалось на считанные дни. К примеру, в Санкт-Петербурге запасов муки оставалось на неделю, а резервов кормового зерна – на 2–3 дня. Снабжение города мясом, не считая импорта, в основном базировалось на продукции местных птицекомбинатов. Сама Ленинградская область зерно практически не производила, снабжение мукой и кормами было ориентировано на централизованные поставки, которые прекратились. Импорт почти остановился из-за замораживания кредитов. Без корма дохли куры...

Мэр Москвы Ю. Лужков в ноябре 1991 года докладывал правительству о том, что в январе 1992 года столица может остаться без продовольствия, масла животного уже не было, его прекратили поставлять Украина, Эстония, Латвия и Молдавия. В Читинской области выделяли по 260 граммов муки на человека – это ниже нормы военного времени, ситуация с обеспечением хлебом стала критической.

Подробнее. **Критическая ситуация с продовольствием в СССР и РСФСР**

Председатель Государственного комитета СССР по закупкам продовольственных ресурсов М. Тимошишин – в правительство СССР (май 1991 года):

В настоящее время запасы хлебопродуктов крайне ограничены. Остаток муки по состоянию на 21 мая с.г. в целом по Союзу составил 1,5 млн тонн, или на 15 дней обеспечения потребностей страны.

Источник: Тимошишин М.Л. (председатель Государственного комитета СССР по закупкам продовольственных ресурсов) – Сенько Ф.П. Об увеличении рыночных фондов муки и крупы на май–июнь 1991 г. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 163. Д. 562. Л. 97.

***

В. Акулинин (Отдел агропромышленных отраслей) – В. Павлову:

В стране в ближайшее время может сложиться чрезвычайная ситуация со снабжением населения хлебопродуктами, а животноводства – концентрированными кормами. Ежемесячно на эти цели расходуется около 8 млн тонн продовольственного и фуражного зерна. По состоянию на 1 марта с.г. остатки его в государственных ресурсах (без учета семян) оцениваются по расчетам специалистов в количестве около 13 млн тонн, из них почти половина находится в Казахской ССР. Это означает, что запасы продовольственного зерна (кроме Казахстана, где его хватит до нового урожая) будут исчерпаны в конце марта. Уже сегодня крайне тревожное положение с обеспеченностью мукой. При необходимых нормативных ее запасах в 30 дней в Азербайджанской ССР и Армянской ССР они составляют 6 дней, Грузинской ССР – 7, Таджикской ССР – 8, ССР Молдова, и Киргизской ССР – 9 дней. Менее чем на 10 суток запасы муки в г. Москве, Ивановской, Тульской, Нижегородской, Тюменской, Свердловской, Читинской, Камчатской и некоторых других областях.

Не решают хлебную проблему поступления зерна по импорту. В январе – марте с.г. завезено импортного зерна только 3,7 млн тонн при намечавшихся поставках 12,4 млн тонн. Неоднократные поручения руководства страны по усилению отгрузки товарного зерна из Казахской ССР, а также ускорению поставок его по импорту ощутимого влияния на изменение ситуации не оказали.

Источник: Акулинин В. (Отдел агропромышленных отраслей) – тов. Павлову В.С. О возможности чрезвычайной ситуации со снабжением населения хлебопродуктами, а животноводства – концентрированными кормами. 18.03.1991. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 163. Д. 560. Л. 16.

***

А. Черняев, помощник президента СССР М. Горбачева (31 марта 1991 года, воскресенье):

Вчера был Совет безопасности. Проблема продовольствия… Но теперь уже конкретнее – хлеб. Не хватает 6 миллионов тонн до средней нормы. В Москве, по городам уже очереди такие, как года два назад за колбасой. Если не добыть где-то, к июню может наступить голод. Из республик только Казахстан и Украина (едва-едва) сами себя кормят. Что в стране есть хлеб, оказалось мифом. Скребли по сусекам, чтоб достать валюту и кредиты и закупить за границей. Но мы уже неплатежеспособны. Кредиты никто не дает: надежда на Ро Дэ У (М.С. согласился на пути из Японии остановиться на о. Чеджудо, чтоб поговорить с президентом Южной Кореи о 3 миллиардах кредита)… И еще есть надежда на Саудовскую Аравию. Кувейт вроде отказывается, хотя Фейсал обещал, выражал М.С. всякую благодарность за поддержку против Ирака. (…) Поехал к Н.Н., она еще болеет. Просила купить хлеба. Объехал с Михаилом Михайловичем всю Москву, начиная

с Марьиной Рощи: на булочных либо замки, либо ужасающая абсолютная пустота. Такого Москва не видела, наверное, за всю историю – даже в самые голодные годы.

Источник: Черняев А.С. Дневник помощника президента СССР. М.: ТЕРРА. Республика, 1997. С. 124–126.

***

Премьер правительства Москвы Ю. Лужков – первому заместителю председателя правительства РСФСР Г. Бурбулису:

Правительство Москвы доводит до Вашего сведения, что снабжение населения продовольственными товарами продолжает оставаться критическим… Из-за недостаточности ресурсов в объеме 40 тыс. тонн и прекращения отгрузки масла животного с Украины, Эстонии, Латвии и Молдовы торговля им осуществляется периодически, остатки масла животного отсутствуют. По союзному контракту закуплено по импорту 20 тыс. тонн масла животного. Необходимо весь закупленный объем направить в Москву… В январе 1992 г. Москва может остаться без продовольствия.

Источник: Лужков Ю.М. (премьер правительства Москвы) – Бурбулису Г.Э. (первому зам. председателя правительства РСФСР). ГАРФ. Ф. 410 Оп. 1. Д. 4818. 22.11.1991 г. Л. 197–198).

Подробнее. **Продовольствие в обмен на тракторы, холодильники и гвозди**

Петербургская товарно-фондовая биржа совместно с оперативным штабом мэрии по обеспечению города продовольствием 27–28 декабря провела открытые бартерные торги. В обмен на продовольствие на торгах предлагалась продукция петербургских предприятий из регионального бартерного фонда… По схеме… 15% товаров, производимых на предприятиях города, можно обменять на любые виды продовольствия. При этом 30% полученного продовольствия предприятие может забрать себе, а 70% обязано отдать в городские магазины для реализации по коммерческим ценам.

Как сообщил исполнительный директор биржи О. Романенко, таблица меновых соотношений для бартерных торгов составлена на основе анализа бартерных сделок на 70 биржах различных регионов страны. Например, за 3 стиральных машины «Вятка» можно было взять 1 т говядины, за две машины – 1 т свинины или 1 т сахара, за одну – 2,5 т картофеля или 1,54 т гвоздей (в силу дефицитности приравненных к продовольствию); за один трактор «Кировец» – 7,14 т говядины, 10 т свинины, 10 т сахара, 50 т картофеля, 30,8 т гвоздей; за 9,3 т бензина А-76 – 1 т говядины; за 1 т меди – 2,9 т говядины, 4 т свинины, 4 т сахара, 20 т картофеля, 12 т гвоздей. Заключена всего одна сделка: 10 т красной рыбы были отданы за 100 холодильников «Ладога».

По сведениям из неофициальных источников, явное нежелание многих петербургских предприятий участвовать в бартерных торгах объясняется

тем, что им пока выгодно действовать без посредников и не отдавать городу 70% полученного продовольствия. Однако, по словам председателя биржевого комитета Алексея Коновалова, в этом году под угрозой голодных бунтов питерские производители станут сговорчивее и следующие торги, которые состоятся 8 января, должны пройти более удачно.

Источник: Тверитина В. Биржи: Питерским предложили платить за еду натурой. Питерские пока не хотят // Коммерсант. 6 января 1992 года. № 101 (101). – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=79dbb090-7979-470c-8409-748272cdee52&docsid=2300

Перед российским правительством встал выбор:

- **или реализовать вариант «военного коммунизма»: принудительное изъятие зерна у сельхозпроизводителей, уполномоченные с особыми правами на заводах, тотальная система государственного распределения, карточки для населения,**
- **или запустить саморегулирующиеся рыночные механизмы экономического развития, пробудить инициативу людей, заставить зашевелиться предприятия, стимулировать извлечение из закромов запасов сырья, материалов, товаров, активизировать внутреннюю и внешнюю торговлю.**

Какой курс выбрал бы ты?

Попытаться отобрать хлеб силой значило повторить путь, выбранный царским правительством в 1915–1916 годах в условиях острого кризиса зернового снабжения городов и армии. В 1917 году его продолжило Временное правительство и затем с большей жесткостью большевики. Этот путь продразверстки Ленин называл «героическим походом за хлебом с пулеметами». Результаты известны: отобрать хлеб не удалось. Если в IV квартале 1916/1917 сельскохозяйственного года заготовки зерна достигали примерно 100 млн пудов, то в соответствующем периоде следующего года они упали практически до нуля.

Разница между 1917 и 1991 годами была в духе времени. В 1917 году в мире доминировало представление о том, что усиление влияния государства на экономическую жизнь – благо. Базой таких убеждений были социальные проблемы, порожденные началом современного экономического роста, индустриализацией. В благотворность прямого государственного регулирования в начале XX века верили все: эксперты, высокопоставленные чиновники, политики. Без учета этого трудно понять,

почему царское правительство, Временное правительство и правительство большевиков с разной эффективностью и жестокостью проводили продовольственную политику, в основе которой лежало принудительное изъятие зерна у крестьян по ценам, не соответствовавшим условиям рынка. На этом интеллектуальном фоне идея Ленина «героического похода в деревню за хлебом с пулеметами» не представлялась чем-то экзотическим. Он лишь доводил до логического завершения то, о чем думали квалифицированные специалисты того времени по продовольственному делу.

Осенью 1991 года, когда Россия столкнулась со схожими проблемами продовольственного снабжения городов, с угрозой голода, интеллектуальная атмосфера в мире была иной. Убеждение в благотворности государственного регулирования экономики перестало быть символом веры. В России убеждение в том, что государственные органы способны эффективно решать проблемы, встающие перед страной в условиях кризиса, было подорвано 70-летним всевластием государства.

Возможность послать вооруженные отряды в регионы за хлебом российское правительство всерьез не обсуждало. В 1991–1992 годах такой путь был не только неприемлем по идейным соображениям, но и неосуществим на практике. Действенных и одновременно поддерживаемых обществом административных рычагов изменения ситуации уже не было. Старая административная система управления, базировавшаяся на тотальном партийном и гэбэшном контроле, была разрушена. Новая российская государственная машина и система управления только создавались и были слишком слабы для реализации такого подхода.

Ситуация была парадоксальной. Россия после принятия Декларации о независимости 12 июня 1991 года де-юре, а после провала августовского путча и де-факто обрела политическую независимость от союзного центра, но не имела ключевых атрибутов государственности – собственной валюты, государственного банка, таможни, армии.

К ноябрю 1991 года рычаги экономической власти формально находились в руках не российских, а союзных ведомств. Союзные органы контролировали ключевые секторы экономики: всю оборонную и почти всю тяжелую промышленность, топливно-энергетический комплекс, подавляющую часть транспорта и связи, внешнеэкономическую сферу. В их ведении были золотовалютные запасы страны, финансы, печатный станок Гознака и таможня. Так сложилось исторически.

В то же время республиканские министерства были «легковесными», от них мало что зависело. Скажем, российское Министерство экономики (ранее Госплан РСФСР) в основном контролировало лишь часть строительства и производства стройматериалов, легкой промышленности, АПК, местной промышленности.

При этом в конце 1991 года органы союзной власти были парализованы, деморализованы и беспомощны. Аппарат многих ведомств разваливался и все больше утрачивал способность осознанно распоряжаться предметами своего ведения. Союзный центр не имел ни идей, ни стратегии, ни способности использовать формально находившуюся в его руках, но реально ускользавшую власть. А Россия была лишена реальных рычагов и инструментов реализации своей возросшей политической силы.

Отношения с другими советскими республиками, хозяйственные связи с которыми имели существенное значение для российской экономики, было уже невозможно поддерживать административно-принудительными методами. Как и реализовать китайский вариант постепенных реформ под жестким административным контролем. Разницу в ситуации двух стран того времени наглядно демонстрируют драматические события на площади Тяньаньмэнь в Пекине, когда китайская армия по приказу высшего государственно-партийного руководства подавила танками выступление оппозиционной молодежи. Советская армия и даже спецслужбы в августе 1991 года в Москве, слава богу, стрелять в людей отказались.

К тому же вариант насильственного изъятия зерна у сельхозпроизводителей, при котором точно не обошлось бы без крови – и это в стране, начиненной ядерным оружием, прочно и надолго перекрыл бы кредитную помощь от развитых стран.

Оставался шанс побудить экономических субъектов действовать не из-под палки, а потому что им это выгодно или дает надежду на выживание. Для этого надо было либерализовать экономические отношения, дать свободу производителю, поставщику, торговцу, экспортеру и импортеру, финансовому сектору.

Осенью 1991 года российские власти приняли решение не посылать продотряды в деревню, а формировать свободный рынок продовольствия, не имея гарантий, что денежное предложение удастся удержать под контролем, инфляция не достигнет уровня, при котором производители зерна откажутся продавать хлеб городу.

3.3. Либерализация цен

Либерализация цен позволяла в кратчайшие сроки хотя бы частично насытить рынок товарами. В то же время она была вынужденной реакцией на сложившуюся ситуацию. Дело в том, что частичная либерализация цен началась еще при последнем премьере союзного правительства В. Павлове. Были отпущены оптовые цены, почти треть розничных цен на товары не первой необходимости (эксклюзивные, категории «люкс», ювелирные изделия и т.п.), не регулировались цены в кооперативном секторе и на колхозных рынках. Появился огромный псевдокооперативный рынок. При заводах создавались кооперативы из 3—5 человек — как правило, родственников и друзей директора. Через них реализовалась значительная часть продукции предприятия по нерегулируемым государством ценам.

Подробнее. **Ценовые диспропорции в 1991 году**

В январе 1991 года в значительной степени были отпущены оптовые, но не розничные цены. Таким образом, цены производителей, в отличие от потребительских цен, могли расти. По эластичным «договорным» ценам продавалось 40% общего объема товаров легкой промышленности, 50% – машин и оборудования и 25% – сырья. В апреле 1991 года правительство, наконец, пересмотрело розничные цены, их общий уровень поднялся почти на 70%. Доля фиксированных цен сократилась до 55% объема розничных товаров, регулируемые цены составляли 15%, а договорные – 30%. Возник и свободный коммерческий сектор с нерегулируемыми и очень высокими ценами, который поглотил часть избыточного спроса. В результате ценовые диспропорции еще больше увеличились. Такая социалистическая система цен имела единственное рациональное объяснение – политическая слабость государства.

Источник: Ослунд А. Россия: рождение рыночной экономики / пер. с англ. М.: Республика, 1996. С. 174.

Чтобы держать розничные цены, когда оптовые отпущены, нужны такие субсидии, каких и в лучшие времена у страны не было. Все это определяло резкий рост скрытой инфляции. Скрытой, потому что формально государственные цены как будто существовали и оставались на прежнем уровне, но товаров по ним в торговле не было. В дефицитной экономике при пустых прилавках человеку безразлично, по какой цене нет товаров, главное — по какой цене их можно достать. Кроме

того, в условиях паралича управления огромная часть товаров, цены на которые формально были регулируемыми, перетекала на черный рынок, и цены на них становились бесконтрольными. Тем самым скрытая инфляция переходила в открытую форму.

В такой ситуации российскому правительству оставалось признать, что удержать цены оно просто не может: у него для этого нет ни финансовых, ни административных возможностей. Решение о либерализации цен было лишь честной констатацией сложившегося положения. Правда, на такую констатацию не решился ни один союзный премьер.

Подробнее. **Альтернативы либерализации цен не было**

Форсированная либерализация цен была первым пунктом озвученных Б. Ельциным 28 октября 1991 года на V Съезде народных депутатов РСФСР основных принципов радикальной экономической реформы, одобренных 876 (!) голосами, лишь 16 депутатов проголосовали против. Об альтернативных предложениях не было и речи. И все это – более чем за неделю до назначения в правительство Гайдара и его команды (назначения состоялись 6 ноября). Либерализация цен на тот момент была консенсусом всех политических сил, что бы кто сейчас ни говорил.

Почему все депутаты, включая коммунистов, практически единогласно голосовали в октябре 1991 года за либерализацию цен? Потому что она на тот момент была безальтернативным выходом из «ножниц» между оптовыми и розничными ценами, в которые страну завели безответственные действия союзных властей – они повышали оптовые цены, но сдерживали розничные. С 1 января 1991 года указом Горбачева оптовые цены были повышены более чем на 50%, а розничные оставались фиксированными – это требовало дотаций из госбюджета, в результате нарастал дефицит бюджета. В 1991 году дефицит той части союзного бюджета, которая приходилась на РСФСР, составил 32% ВВП России. Дефицит покрывали кредитами Госбанка – печатанием денег. В результате мы имели бесконтрольный рост денежной эмиссии и скрытую гиперинфляцию («подавленную инфляцию»), огромный неудовлетворенный спрос, отсутствие товаров в магазинах.

Именно это уничтожило сбережения населения, основные потери вкладчиков пришлись на 1991 год, когда цены выросли на 150% (прежде всего после повышения Горбачевым розничных цен со 2 апреля 1991 года), а покупательная способность сбережений упала в 1991 году на 60% (еще до появления в правительстве Гайдара). Сбербанк уже к началу 1992 года был банкротом, выдав все привлеченные средства Госбанку СССР, который, в свою очередь, кредитовал дефицитный союзный бюджет.

Власть потеряла контроль над денежным обращением, товаров в магазинах не было, занимать деньги дальше было некуда: к концу 1991 года

внутренний госдолг составил около 1 трлн рублей, внешний долг – 47 млрд инвалютных рублей. После этого либерализация розничных цен была предопределена – с Гайдаром или без. Такой нарыв можно было только вскрывать.

Говорят, в момент прихода Гайдара в правительство были какие-то альтернативы. Да, были. Например, пунктом 4 Постановления Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР от 31 августа 1991 года «О неотложных мерах по обеспечению населения продовольствием» предлагалось «ввести временно порядок, в соответствии с которым указания Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР о поставках зерна и продовольствия общесоюзным потребителям, по межреспубликанским поставкам и об отгрузке продовольствия в районы Крайнего Севера являются обязательными для исполнения». Фактически речь шла о введении в стране натуральной продразверстки, экспроприации зерна у собственников – «другое» решение проблемы дефицита… Встань во главе правительства Силаев и Лужков с их идеями продразверстки – и получилась бы гражданская война.

Источник: Пост Милова В. на сайте радиостанции «Эхо Москвы». 28 января 2010 года. – http://echo.msk.ru/blog/milov/652255-echo/

В то же время в освобождении цен заключался важный стратегический смысл. Оно имело огромное значение для создания механизмов рыночной экономики, в которой свободные цены играют колоссальную роль, давая производителю и потребителю информацию о реальных потребностях рынка.

До сих пор правительство Ельцина–Гайдара упрекают в том, что оно пошло на либерализацию цен до того, как была создана конкурентная среда:

- **дескать, нужно было сначала заняться демонополизацией экономики, приватизацией, аграрной реформой и только после этого освобождать цены.**

Как поступил бы ты?

Действительно, абстрактно такая последовательность выглядит привлекательно: лучше сначала демонополизировать экономику, взрастить эффективного собственника, поместить его в конкурентную среду, а затем отпустить цены. Причем отпустить все и сразу и быть уверенным, что выше определенного предела подскочить им не позволят законы свободного рынка, конкуренция.

Но на практике получается по-другому. Не может быть частного собственника в магазине или ресторане, где цены устанавливает чиновник. Как невозможно добиться конкуренции при одной и той же директивной цене на товар. К тому же без свободных цен производитель не получает сигналы рынка, главными из которых являются складывающиеся на нем цены.

Мало кто из реальных политиков (за исключением диктаторов) может позволить себе проводить институциональные реформы в условиях обвального ухудшения экономической ситуации. Правительство обязано было действовать быстро и решительно. Оно понимало, что приватизация – процесс длительный. Между формальной приватизацией и появлением конкурентной среды и эффективных собственников проходят годы. Даже российская так называемая обвальная приватизация с ее сверхвысокими темпами потребовала нескольких лет. И сегодня не завершена демонополизация экономики, уровень конкуренции еще низок. Поэтому в конце 1991 года рассчитывать на то, что можно постепенно готовить экономику страны к либерализации цен, не приходилось.

Следует также учесть, что когда в странах с рыночной экономикой приватизируются малоэффективные государственные компании, то инвестор руководствуется информацией, позволяющей ему объективно оценить реальное положение дел, спрогнозировать перспективы вложения денег в компанию. Если бы реформы в России начались с приватизации, то потенциальные инвесторы не имели бы возможности принимать осознанные решения. Ни в одной отрасли нельзя было спрогнозировать реальные перспективы предприятий, оценить их экономические показатели после того, как перестанут искусственно сдерживаться цены на сырье и энергию, исчезнет занижение или завышение цен на потребительские товары. Из каких соображений должен исходить потенциальный инвестор? При перекошенной системе цен и экономические критерии для инвестиций искажены. Иными словами, без свободных цен невозможно провести экономически обоснованную приватизацию для появления эффективных собственников.

Прессинг крайне жесткого лимита времени усугублялся тем, что запас терпения народа был на исходе. Он был исчерпан многолетними горбачевскими разговорами об экономической реформе, не подкрепленными реальными переменами. Провал путча и обретение Россией самостоятельности дали россиянам новый импульс надежды. Этот кредит доверия требовал от российских властей быстрых и радикальных шагов.

15 эмиссионных центров. В истории известны случаи кризиса снабжения продовольствием городов и при свободных ценах – если деньги слишком быстро обесцениваются. При гиперинфляции деньгами оклеивают стены вместо обоев, крестьяне не продают продовольствие, сколько денег им ни предложи, потому что знают: через день-два цена будет еще выше. Поэтому нужно было сразу после освобождения цен хотя бы на несколько месяцев, пока не спадет первая инфляционная волна и мнимые сбережения трансформируются в реальные, почти полностью отказаться от эмиссионного пополнения бюджета, предельно скупо относиться к государственным расходам. Остановить гиперинфляцию несложно, если есть политическая воля: нужно просто перестать печатать деньги.

Однако новое российское государство оказалось в ситуации, похожей на ту, что возникла после краха Австро-Венгерской монархии. Тогда в Австрии и Венгрии появились два эмиссионных центра, которые соревновались в том, кто больше напечатает денег. Это привело к гиперинфляции. А Чехословакия, также отколовшаяся от экс-империи, ввела собственную валюту и избежала гиперинфляции.

В распадавшемся СССР положение было еще хуже: в 15 бывших союзных республиках появилось 15 эмиссионных центров, каждый из которых имел возможность вводить в обращение безналичные рубли – уже без контроля со стороны союзного Госбанка.

Дело в том, что советская денежная система была устроена иначе, чем денежная система рыночных экономик. Ее основой были так называемые межфилиальные обороты. Было не важно, какое учреждение общесоюзной банковской системы какому предприятию предоставит кредиты. Взаиморасчеты уточнялись к концу года, и при необходимости накопленная задолженность списывалась. Такая система работоспособна только при жестком политическом контроле, когда ни одному из руководителей центральных банков союзных республик и в голову не придет, что можно без согласования с Госбанком СССР, без учета установленных им лимитов предоставить кому-то кредит.

После августа 1991 года сохранить такую систему в условиях политической либерализации и экономического кризиса было невозможно. Центральные банки республик игнорировали указания Госбанка СССР, кредитовали республиканские правительство и крупные предприятия, лоббировавшие такие займы. Эти деньги, хотя и безналичные, имели хождение по всей территории СССР. Для лучшего понимания представьте,

что Россия и США оказались в общей долларовой зоне. Российский Центробанк эмитирует безналичные доллары в любом количестве и переводит их на банковские счета отечественных предприятий и российских граждан. На эти доллары они могут скупить всю Америку.

Точно так же в распадавшемся СССР каждая республика получила возможность скупить материальные блага всех остальных на деньги, которые сама же «рисовала». Наиболее сильные стимулы эмитировать крупные суммы появляются у небольших республик, входивших в рублевую зону. Они начали паразитировать на ситуации, экспортируя инфляцию в Россию, на долю которой в 1990 году приходилось около 60% промышленного производства, 60% национального дохода, почти 63% капиталовложений и свыше 68% союзного экспорта. Контролировать эмиссию других республик в такой ситуации было невозможно. Потоки рублей из них изливались в Россию, денежная масса только в 1991 году выросла в 4,4 раза, подконтрольные цены – в 2 раза. Получалось, чтобы избежать гиперинфляции, надо было сначала разделить денежные системы. А на это требовалось время.

Подробнее. **Денежная эмиссия в рублевой зоне**

В первом полугодии 1992 года вся эта широкая совокупность стран с резко различающимися курсами еще использует общий союзный рубль, причем по-прежнему все соседи по рублевой зоне имеют практически неограниченные эмиссионные возможности. За пять месяцев 1992 года их общая эмиссия на российском рынке составила 232 млрд рублей, в то время как кредиты российского Центрального банка своему правительству – 90 млрд. Предвиденная нами (первым российским правительством. – *Ред.*) опасность – денежная экспансия других государств СНГ за счет России – подтверждалась в полной мере.

Стратегия многих государств Содружества – максимальное переключение поставок экспортных товаров на дальнее зарубежье за конвертируемую валюту при всемерном ограничении экспорта в Россию. Это наносит дополнительный удар по российской промышленности, потреблявшей узбекский, таджикский, туркменский хлопок, казахские цветные металлы, продукцию украинских металлургов. Таможни еще условны, рынок прозрачен и проницаем. На нем складывается предельно неприятная неустойчивая ситуация. В России, как и в Балтии, ограничительная денежная политика, торможение роста цен, особенно оптовых, начинают давать плоды. Потребители думают о деньгах, отказываются брать продукцию по предельно завышенным, не соответствующим платежеспособному спросу ценам. Зато в республиках, где денежная политика мягкая, податливая, продукцию берут, не торгуясь и не скупясь, – денег не жалко, еще напечатаем.

Здесь в полную силу действуют стереотипы дефицитной, бартерной экономики. В результате действенность ограничительной денежной политики в России оказывается подорванной. В такой ситуации ее ужесточение социально конфликтно и бесплодно. Постепенно становится ясно, что, пока правительство торгуется за каждую копейку, урезает все виды расходов и создает себе врагов, республики спокойно и без счета печатают деньги. Характерный пример – ситуация с финансированием Черноморского флота. Весной 1992 года разворачивается ожесточенная дискуссия между российскими и украинскими властями о его принадлежности. Главный аргумент Украины: пока Москва жмотничает, мы даем деньги на флот и на Крым, не считая.

Источник: Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1996. С. 165–166.

***

В мае–июне 1992 года развал рублевой зоны вошел в заключительную стадию. Об этом свидетельствуют прежде всего переход Эстонии на свою валюту, призыв ЦБР к парламенту России и предприятиям фактически прекратить безналичные расчеты с Украиной, запрет на участие нерезидентов в торгах на российских валютных биржах…

Во второй половине июня Центральный банк и правительство России предприняли меры для того, чтобы в одиночестве остаться в рублевой зоне. 17 июня ЦБ в жесткой форме сформулировал свои претензии к Украине, по существу, ультимативно потребовав отказаться от планов кредитования своих предприятий для санации кризиса неплатежей в республике. Таким образом, ЦБ повернул один из главных аргументов в противостоянии банков (обвинение в несогласованной кредитной эмиссии) против основного лидера оппозиции – Украины. При этом ЦБ рекомендовал российским предприятиям прервать отношения с украинскими контрагентами при том, что около 70% неплатежей на Украине приходится на долю именно российских предприятий.

Разрыв прямых расчетов между предприятиями Украины и России фактически означает, что при формальном сохранении одного (пока) названия для денежной единицы двух сторон единого денежного обращения на их территории существовать не будет. Все расчеты будут перенесены на межгосударственный уровень с оплатой сальдо через корреспондентские счета национальных банков. Инициатива разрушения рублевого пространства перешла к России. Незаинтересованность в сохранении единой валюты прямо связана с регулярными неудачами попыток поднять биржевой курс рубля для последующего перехода к его внутренней конвертируемости и замедлить темпы инфляции на внутреннем рынке.

Источник: Кириченко Н., Шпагина М. Раздел рублевой зоны: осталось выяснить, кто кого раздел // Коммерсант. 22 июня 1992 года. № 125 (125). – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=c27c80b9-ec87-470d-91c2-cae7c07b3951&docsid=5425

Положение было хуже некуда. России нужен был рынок продовольствия, но он оказывался невозможен без устойчивых денег, а их не имелось. Мало того что в наследство от Советского Союза России достался солидный «денежный навес», российское правительство не знало, сколько необеспеченных денег вбросят в ее экономику другие республики. Расчеты показывали, что для введения новых, собственно российских денег потребуется 9 месяцев.

Надо было выбирать:

- **освободить цены, не имея надежного контроля над денежным обращением,**
- **или отложить либерализацию цен до введения российской национальной валюты.**

Какое решение принял бы ты?

Очевидного решения не было. В октябре 1991 года будущие члены первого российского правительства, а тогда еще просто экономисты группы Е. Гайдара, предлагали такой вариант: с 1 января 1992 года «приотпустить» цены, большую их часть оставить контролируемыми и существенно увеличить долю свободных цен. Примерно с 1 июля 1992 года, когда это технически станет возможно, перейти на российскую национальную валюту и перевести отношения с центральными банками суверенных республик на корреспондентские счета. После этого полностью либерализовать цены и ввести конвертируемость рубля по текущим операциям.

Но в ноябре 1991 года, когда было сформировано первое российское правительство, его члены проанализировали катастрофическую ситуацию с продовольственным снабжением и отказались от этой стратегии. Страна не дожила бы ни до новых денег, ни до нового урожая. Пришлось идти на предельно рискованный вариант: размораживать цены в условиях, когда российское правительство не контролировало денежную массу.

Оно рассчитывало, во-первых, на инерцию – на то, что у руководителей центральных банков республик есть представления об ответственной финансовой политике, исходя из которых они сами будут ограничивать себя в «рисовании» рублей. Во-вторых, была надежда договориться с ними о том, чтобы они эмитировали рубли осторожнее,

«помягче». В-третьих, российскому правительству нужно было самому проводить предельно жесткую бюджетную политику. Все-таки на Россию приходилось свыше 62% советской экономики, и если резко сократить основные направления расходов (оборона, инвестиции, сельскохозяйственные субсидии, даже образование со здравоохранением), то можно было надеяться на успех.

Обособление российской денежно-кредитной и валютной систем было проведено в несколько этапов. С 1 июля 1992 года ЦБ РФ перевел расчеты с банками стран рублевой зоны на систему корреспондентских счетов, благодаря чему безналичный рублевый оборот России отделился от оборота других республик. Затем Верховный Совет РФ принял постановление, в соответствии с которым ЦБ прекратил с 1 июля 1993 года предоставлять так называемые технические кредиты странам СНГ, вся накопленная ими к тому времени задолженность была переоформлена в государственный долг по отношению к России. В июле 1993 года была проведена денежная реформа: с 26 июля на территории России законными стали только рубли образца 1993 года – национальная российская валюта.

Освобожденные цены и инфляция. Со 2 января 1992 года свободными стали 80% оптовых и 90% розничных цен, которые до этого еще оставались под контролем. Сохранился контроль за ценами на хлеб, молоко, кефир, творог, детское питание, соль, сахар, растительное масло, водку, спички, лекарства (цены повышены в 3 раза), а также на электроэнергию, городской транспорт, квартплату и плату за коммунальные услуги. С марта по май контроль за ценами и на эти товары был снят или передан на уровень регионов.

В административном порядке с сохранением государственного контроля были повышены цены: на нефть – в 5 раз, на газ и электроэнергию для производственного потребления – в 4,7 раза, на уголь – в 5,5 раза. Это неудачное решение во многом обусловило колоссальный рост цен в 1992 году. Повышение цен на нефть и нефтепродукты в 5 раз задало нижнюю планку повышения всех остальных цен. Цены на нефть либерализовали в мае 1992 года, убедившись, что трудности возникали именно там, где сохранялся контроль за ценами. В 1993 году освободили цены и на уголь. После этого под контролем федерального правительства остались только цены и тарифы на продукцию естественных монополий (газ, электроэнергия, железнодорожные перевозки, транспортировка нефти и т.п.).

Но удержать в узде инфляцию не удалось. Реформаторы ожидали, что потребительские цены в январе—феврале 1992 года вырастут в 2—2,5 раза, но только за январь они подскочили в 3,5 раза. Сопротивление жесткой финансово-кредитной политике было отчаянным, объективно обусловленным глубокими структурными деформациями. Инфляционный навес оказался слишком большим. Инфляция выражалась в двузначных цифрах в месяц. К счастью, дело не дошло до гиперинфляции, порогом которой считается уровень в 50% роста цен в месяц. Правда, населению от этого было не намного легче.

Подробнее. **Цены в начале 1992 года**

Хорошо, что 1991 год закончился плохо. В декабре 1991 года аналитическая группа «Ъ» зафиксировала на потребительском рынке ситуацию крайнего ажиотажа, не имевшего аналогов за все 20 месяцев регистрации цен. В декабре прирост потребительских цен составил в среднем 32,4%, в том числе в коммерческой торговле – 97,6%. Эксперты связывают это с обвальным падением курса рубля на валютном рынке в середине месяца, и с изматывающим покупателей ожиданием либерализации цен. При этом за последнюю неделю декабря (как всегда в период резкого ускорения инфляции – до 30–40% в неделю) разброс цен вокруг среднего значения достиг беспрецедентного размаха. По товарам инфляционного спроса он составил ±50%...

С учетом павловской реформы, цены за 1991 год выросли в 7,8 раза. При этом наибольший вклад в ценовую гонку внесли отнюдь не рыночные факторы, а различные форс-мажорные обстоятельства, такие как обмен купюр и официальные заявления о предстоящих катаклизмах в денежном обращении. Однако регистрация цен, проведенная в первых числах января после либерализации цен, показала, что инфляция еще только набирает обороты. Хотя из-за товарного дефицита еще невозможно полностью оценить масштаб повышения цен, предварительные расчеты показывают, что в государственной торговле цены выросли в среднем в 4,7 раза, а с учетом других секторов торговли, где цены и раньше устанавливались по рыночным законам, – в 3,6 раза.

Источник: Кириченко Н., Шмаров А. Хорошо, что 1991 год кончился, плохо – что 1992-й начался // Коммерсант. 6 января 1992 года. № 101 (101). – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=44a286ca-e4b2-4349-a172-38b6baa1ff73&docsid=2318

***

Цены потребительского рынка. В марте 1992 года цены росли в среднем на 8,0–8,5% в неделю, в том числе на продукты питания – на 6,5–7,0%. В целом за месяц цены выросли, по оценкам, на 37–38%. При этом потребительский спрос вновь (накануне нового витка либерализации цен) приобрел уже знакомые черты тотального ажиотажа. Волны спроса вывели

из равновесия даже относительно благополучные секторы рынка – торговлю мясом, колбасой, животным маслом, крупами. В валютной торговле общий уровень цен снизился в связи с открытием новых и сравнительно дешевых валютных магазинов, специализирующихся на торговле продуктами питания, а также в связи с проведением весенних распродаж одежды и обуви.

Источник: Кириченко Н., Шмаров А. Цены потребительского рынка // Коммерсант. 6 апреля 1992 года. № 114 (114). – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=9913bfa1-52fe-4009-b82e-5014a3838545&docsid=4065

***

Платонический шопинг. День 2 января 1992 года мало чем отличался от 30 декабря 1991 года (это из января 2002 года кажется, что товары в пустых магазинах появились на следующий день после либерализации цен). Товары появлялись постепенно, рывками и толчками, существенные перемены стали заметны к марту 1992 года, а по-настоящему российский рынок насытился лишь через несколько лет. Но тогда неспешность наполнения рынка была на руку реформаторам: шоковую дозу терапии россияне принимали «в рассрочку» – по мере появления на полках магазинов все новых и новых товаров и продуктов. Рискну даже предположить, что первый шок смягчало свойственное людям любопытство: а что появится завтра и сколько оно будет стоить? (…)

В 1992 году в ГУМе толпилось гораздо больше народу, чем в 2002 году, в открывшиеся валютные секции надо было выстоять очередь. Покупали мало, ходили, как на экскурсию, – в общеобразовательных и психотерапевтических целях. После лютого товарного голода времен перестройки материализация давно исчезнувших из природы или виденных только на картинках вещей странным образом успокаивала, хотя и стоили эти вещи по меркам большинства немыслимо дорого. И этот «платонический», без покупок, шопинг стал для многих первичным стимулом крутиться и зарабатывать. Словом, не было бы счастья, да несчастье помогло: тотальный дефицит конца 1980-х годов психологически амортизировал «шоковую терапию»: когда нечто возникает из ничего, большинство нормальных людей осознает этот процесс как позитивный.

Источник: Агеев А. Десять лет при деньгах // Профиль. 2002. № 1(271). 14 января. – http://www.profile.ru/items/?item=8589

В первый год после либерализации цены существенно выросли не только в России, но и во всех странах с переходной экономикой: в Венгрии (1991) — на 33%, в Чехословакии (1991) — на 54, в Польше (1990) — на 249, в Румынии (1991) — на 252, в Болгарии (1991) — на 457, в России (1992) — на 2508,8%. Россия оказалась безусловным лидером, в 1993 году рост цен оставался в нашей стране чрезвычайно большим — 844%, только

в 1994 году он снизился до 215%. Почему именно в России произошел столь взрывной рост цен?

Бывшие соцстраны в гораздо большей степени были готовы к рыночным преобразованиям и либерализации цен. Самые низкие темпы инфляции демонстрировала Венгрия, поскольку в ее розничном товарообороте доля свободных цен уже в 1989 году достигла 80% (в 1986 году – 55%). А фондированное распределение сырья, материалов, средств производства было заменено оптовой торговлей на базе прямых связей еще в 1968 году. То же было и в Польше: к середине 1989 года свыше 70% потребительских товаров и услуг реализовывалось по свободным ценам. То есть эти страны давно постепенно и поэтапно отпускали цены. А принятые в 1989–1990 годах решения о либерализации цен стали заключительным аккордом. В отличие от СССР, где коммунистические лидеры не хотели брать на себя ответственность за непопулярные решения.

Кроме непоследовательности и нерешительности, сказалось и то, что не удалось сократить инфляционный навес до либерализации цен. Это привело к бегству от денег. Люди избавлялись от них, несмотря на то, что реальная зарплата в промышленности, к примеру, в январе 1992 года снизилась на 60% (при росте номинальной на 40%).

Существенную роль в раскручивании инфляционной спирали сыграли высокий уровень монополизации экономики (несмотря на принятый в 1991 году Закон «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках») и искусственные преграды перемещению товаров по регионам.

Отсутствовала элементарная деловая культура эффективного рыночного хозяйствования. К увеличению прибыли за счет снижения издержек производства еще предстояло прийти. В 1992 году при пустых прилавках о снижении себестоимости никто не задумывался. Зачем? И так купят. Экономическое поведение определялось объективными обстоятельствами. Повышение цен на нефть моментально подтолкнуло директоров предприятий вздуть цены на продукцию в 10–15 раз. Так, до либерализации трактор, который выпускал один из оборонных заводов, стоил 21 тыс. рублей, а спустя три месяца, в конце марта 1992 года, – уже 600 тыс.

***

Либерализация цен позволила дожить до нового урожая, до момента, когда правительство технически смогло контролировать приток в Россию рублей, эмитированных в бывших союзных республиках.

Когда проблема товарного дефицита была в основном решена, население все равно отрицательно относилось к свободным ценам, не признавая связи между ними и наполнившимися прилавками. Либерализация цен оказалась в России крайне непопулярным шагом. После нее рухнула былая готовность народа двигаться к рынку. Из привлекательной перспективы, в противовес социалистической действительности, рынок превратился в жестокую реальность, не имевшую ничего общего с мечтой. Рост антирыночных настроений серьезно сказался на всей последующей политической и экономической жизни страны.

Реализация мер по предотвращению продовольственной катастрофы стала возможна благодаря тому, что Ельцин конвертировал в них свою популярность. Хотя вряд ли он в полной мере понимал, насколько это будет тяжело ему лично. Будучи в Нижнем Новгороде в январе 1992 года, он зашел в магазин, где на него обрушился шквал недовольства ростом цен. Президент пытался объяснить – бесполезно. Он вышел, сел в машину и сказал: «Господи! Что же я наделал!» Тем не менее он не отрекся от сделанного, продолжал поддерживать рыночные реформы.

До сих пор объективная тяжесть реформ ассоциируется у россиян с Е. Гайдаром и его командой. Значительно реже о ней вспоминают, когда люди пользуются плодами заложенных тогда основ рыночного хозяйства: широким выбором товаров и услуг вместо тотального их дефицита, возможностью создания собственного бизнеса, реальным шансом при успешной работе иметь свой дом, машину и любые иные потребительские товары, возможностью поехать на отдых, работу или учебу за рубеж. Таковы парадоксы общественного сознания.

3.4. Либерализация внутренней и внешней торговли

Вскоре после либерализации цен выяснилось, что рыночный механизм преодоления дефицита заблокирован, так как сохранялись ограничения в торговле. Ведь при советской власти любая несанкционированная торговля товарами, даже бывшими в употреблении, рассматривалась как фарцовка, как преступление, за которое УК РСФСР предусматривал суровое наказание. Товарообмен между гражданами,

имевшими что-то лишнее в семье, был почти невозможен. Тем более под запретом находился торговый бизнес как профессия. Затруднена была и реализация в городах сельхозпродуктов, привозимых колхозниками из деревень.

В Санкт-Петербурге раньше других осознали эту проблему. Ленсовет отменил запрет на частную торговлю. Но проблему надо было решать в масштабах России:

- **отдать ее на откуп регионам, надеясь, что жизнь возьмет свое,**
- **или из центра гарантировать свободу торговли всем, в любых местах и в любой форме.**

Какое решение принял бы ты?

29 января 1992 года Б. Ельцин подписал Указ Президента РФ «О свободе торговли», который ликвидировал монополию государства на торговлю.

Подробнее. **Указ Президента РФ «О свободе торговли»**

Указ
Президента Российской Федерации
О свободе торговли
от 29 января 1992 года № 65

В целях развития потребительского рынка, стимулирования конкуренции, преодоления монополизма в сфере розничной торговли и создания условий для быстрого развития торговой и посреднической сети в условиях либерализации цен постановляю:

1. Предоставить предприятиям независимо от форм собственности, а также гражданам право осуществлять торговую, посредническую и закупочную деятельность (в том числе за наличный расчет) без специальных разрешений, за исключением торговли оружием, боеприпасами, взрывчатыми, ядовитыми и радиоактивными веществами, наркотиками, лекарственными средствами и другими товарами, реализация которых запрещена или ограничена действующим законодательством.

2. Установить, что товары, ввозимые гражданами на территорию Российской Федерации или пересылаемые в их адрес, таможенными пошлинами не облагаются.

3. Установить, что трудовым коллективам предприятий, получивших права юридического лица в соответствии с Указом Президента РСФСР от 25 ноября 1991 г. № 232 «О коммерциализации деятельности предприятий

торговли в РСФСР», а также гражданам продажа имущества государственных и муниципальных предприятий торговли и общественного питания, переданного им на основании договоров аренды с правом последующего выкупа, заключенных до 17 июля 1991 г., производится в срок не позднее 14 дней с момента подачи заявки.

Государственному комитету Российской Федерации по управлению государственным имуществом определить до 10 февраля 1992 г. порядок выкупа указанного имущества.

4. Установить, что предприятия и граждане осуществляют торговлю (в том числе с рук, лотков и автомашин) в любых удобных для них местах, за исключением проезжей части улиц, станций метрополитена и территорий, прилегающих к зданиям государственных органов власти и управления. Предприятия и граждане, осуществляющие торговлю, несут ответственность за качество реализуемых товаров в соответствии с действующим законодательством.

5. Местным органам власти и управления:

– содействовать свободной торговле предприятий и граждан, обратив особое внимание на оборудование мест торговли, поддержание в них общественного порядка и соблюдение санитарных норм и правил;

– принять меры к организации оптовых рынков в городах и районных центрах. В этих целях до 15 февраля 1992 г. определить территории для их размещения, приспособленные для стоянки грузового транспорта, обеспеченные охраной и подъездными путями;

– обеспечить свободное перемещение товаров на территории Российской Федерации, предусмотренное Указом Президента РСФСР от 12 декабря 1991 г. № 269 «О едином экономическом пространстве РСФСР», запретить задержание и изъятие любых грузов, перевозимых транспортными и иными средствами, а также истребование каких-либо документов на эти грузы, за исключением случаев, предусмотренных действующим законодательством.

6. Правительству Российской Федерации в трехдневный срок подготовить для внесения в Верховный Совет Российской Федерации предложения по введению прогрессивного налогообложения прибыли предприятий оптовой и розничной торговли, превышающей 50 процентов уровня рентабельности.

7. Правительству Российской Федерации привести ранее принятые решения в соответствие с настоящим Указом.

8. Контроль за исполнением настоящего Указа возложить на органы исполнительной власти республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономных образований, городов Москвы и Санкт-Петербурга.

9. Настоящий Указ вступает в силу с момента его подписания.

Президент Российской Федерации

Б.Н. Ельцин

29 января 1992 года

№ 65

На следующий день, казалось, вся страна вышла на улицу продавать или покупать. Указ разрешил предприятиям и гражданам торговую, посредническую и закупочную деятельность (в том числе за наличный расчет) без специальных разрешений и в любых удобных местах. Такие места нашлись повсюду: на площадях, бульварах, вдоль трасс, у остановок транспорта, перед магазинами, в подземных переходах. Лотки ставили в холлах кинотеатров, учреждений, больниц и вузов, в аренду брались торговые места на рынках и секции прежних универмагов. Под магазины-лавки годились любые полуподвалы, павильоны, ларьки. Мелкая торговля захватила стадионы и Дворцы спорта.

Подробнее. **Гайдар о реакции на Указ Президента РФ «О свободе торговли»**

На следующий день, проезжая через Лубянскую площадь, я увидел что-то вроде длинной очереди, вытянувшейся вдоль магазина «Детский мир». Все предыдущие дни здесь было довольно безлюдно. «Очередь, – привычно решил я. – Видимо, какой-то товар выкинули». Каково же было мое изумление, когда я узнал, что это вовсе не покупатели. Зажав в руках несколько пачек сигарет или пару банок консервов, шерстяные носки и варежки, бутылку водки или детскую кофточку, прикрепив булавочкой к своей одежде вырезанный из газеты указ о свободе торговли, люди предлагали всяческий мелкий товар… Неэстетично? Неблагородно? Нецивилизованно? Пусть так. Но насколько мне известно, младенцы не появляются на свет такими уж раскрасавцами… Если у меня и были сомнения – выжил ли после 70 лет коммунизма дух предпринимательства в российском народе, то с этого дня они исчезли.

Пришлось выдержать тяжелейшую борьбу за сохранение режима свободной торговли. Особенно в первые месяцы, пока еще не сложились частные торговые структуры, не появились хорошие приватизированные магазины и не сформировалась сеть торговых палаток. Особенно недовольны указом были некоторые сотрудники милиции и районных администраций, потерявшие возможность заниматься привычным лихоимством. Подчас они намеренно старались придать местам концентрации частной торговли возможно более неприглядный вид. Но стало ясно, что основная задача – ликвидация дефицита и изменение отношения людей к частной торговле – начала успешно осуществляться.

Как следовало ожидать, наиболее серьезные проблемы обозначились с теми продуктами, цены на которые оставались под централизованным контролем, – хлебом, водкой, молоком, подсолнечным маслом, сахаром. Выработать единый порядок их дотирования, который бы устраивал все регионы, невозможно. В начале января подписал распоряжение о передаче решений

по контролю большей части этих цен на места. В зависимости от конкретных условий предоставили право местным властям отказываться от дотирования, давая импульс рыночному ценообразованию, чтобы быстрее расстаться с дефицитом, ликвидировать очереди. Руководители регионов откликнулись на это по-разному. Челябинск, Нижний Новгород быстро использовали предоставленные им права, и положение со снабжением населения стало там улучшаться. Но были регионы, упорно проводившие политику «регулируемого вхождения в рынок» – с талонами, очередями, обильным дотированием и соответствующей всему этому дальнейшей деградацией недофинансированной социальной сферы.

Источник: Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М.: Евразия, 1997. С. 333–334. – http://www.iet.ru/files/persona/gaidar/Gosudarstvo/7.pdf

Не обошлось без недовольных: «Мы за рынок, но не за такой базар», «нецивилизованно», «позор страны», «деградация интеллигенции» — последнее относилось к врачам, учителям, инженерам, которые, преодолев сословный стыд, массово примкнули к «челнокам». Свобода торговли вовлекала средства населения в предпринимательский оборот, так или иначе формировалась торгово-сбытовая инфраструктура. «Невидимая рука рынка» покончила с дефицитом, во всяком случае, в границах осознанных потребностей.

Подробнее. **Страна поделилась на продавцов и покупателей**

В сознании народа были легализованы понятия «спекуляция» и «фарцовка», за которые при советской власти можно было угодить в тюрьму. Многие, несмотря на острую неприязнь к «торгашам», пошли в торговлю – от безысходности, потому что работать было негде, а кормить семью надо. «Железный занавес» упал, и наши сограждане осознали, как бедно они живут по сравнению с населением западных стран. Они жаждали скорее утолить товарный голод, мучивший людей в условиях тотального дефицита 1980-х годов. С прилавков сметали все.

Появились мелкооптовые, вещевые и продовольственные розничные рынки, где купить можно было практически все. В 1994 году место на открытом вещевом рынке в Москве стоило 10–30 долларов в день, оборот одной торговой точки составлял в среднем 17,5 тыс. долларов в месяц, в регионах – около 7 тыс. Наценка не опускалась ниже 100–200%. Процветали коммерческие палатки («комки») площадью не более 12 кв. м с ассортиментом от шариковых ручек до бытовой техники и цветов. Они размещались на любых свободных местах в зонах максимального людского потока. А полки государственных магазинов, привыкших к распределительной системе, оставались преимущественно пустыми или ассортимент в них был весьма бедный.

Цены росли, но деньги у населения были. Рынок требовал товарного наполнения. И только быстрый оборот способен был принести начинавшим капиталистам стартовый капитал. Для многих ныне успешных предпринимателей опыт и связи тех времен определили формат их будущего бизнеса. Промышленность была еще не способна производить современные товары. Положительное влияние оказали две законодательные новации: свобода выезда за рубеж и возможность свободного ввоза товаров на сумму до 5 тыс. долларов. Людям дали возможность самим позаботиться о своем спасении. Формально таможенными пошлинами не облагались только товары, ввозимые для «личного потребления», но за весьма умеренную плату эта льгота открыла канал для беспошлинного коммерческого импорта.

В 1992–1994 годах появились «челноки», которые возили товары из Турции, Польши, Финляндии, Китая. Они не регистрировали свою предпринимательскую деятельность, не платили налогов, только сбор за право торговли. Многие «челноки» сами не торговали на рынке, а сдавали товар коллегам, имевшим несколько торговых точек. Норма прибыли не опускалась ниже 100% за одну поездку, что позволяло начинать бизнес даже при закупках всего на 500–600 долларов.

По расчетам Института экономики переходного периода, в 1995–1999 годах стоимость ввозимых «челноками» из дальнего зарубежья товаров достигала 2,5–3 млрд долларов в квартал, что составляло примерно треть всего российского импорта (без учета импорта из других стран СНГ). При этом официально зарегистрированный импорт одежды, обуви, бытовой техники, тканей, парфюмерии в 1995 году составлял около 1,5 млрд долларов.

Благодаря высокой рентабельности вокруг «челночного» бизнеса развивалась инфраструктура, включавшая оптовые рынки, туристические и транспортные компании в России, а также отели, магазины, склады и фабрики в странах – поставщиках товаров, которые специализировались на обслуживании российских клиентов. Одни торговали по-крупному, другие занимались мелким производством, а кое-кто стремился контролировать рынки. Ведь большая часть оборачивавшихся там денег оставалась «в тени» от налогового контроля и учета. Кассовых аппаратов не было ни на рынках, ни в ларьках.

Магазины, рестораны, предприятия общепита и бытового обслуживания находились в муниципальной собственности и подлежали в 1992 году обязательной приватизации. Чаще всего коллективы магазинов сами выкупали бизнес. Но далеко не всегда директорам приватизированных магазинов удавалось удержать их на плаву. На помощь пришло первое поколение российских предпринимателей, освоивших начальные премудрости торговли на рынках. Самые продвинутые бизнесмены имели к тому времени в управлении несколько точек на продовольственном рынке или мелкооптовый бизнес. У них были деньги, опыт, желание расширять бизнес, а главное – выглядеть цивилизованно. Приватизированные магазины давали им шанс реализовать свои мечты. Выкуп у коллективов торговых площадей

позволял перейти от «комков» к более прогрессивной форме торговли – мини-маркетам – маленьким магазинчикам с большим ассортиментом товаров, в основном импортных.

«Челноки» к тому времени ознакомились с работой магазинов в Турции, Польше, Финляндии, куда ездили за товаром, и, получив большую торговую площадь (по сравнению с их прежними 12 кв. м), смело копировали зарубежных коллег. Их опыт говорил о том, что отказ от прилавка и выкладка товара в торговом зале позволяют увеличивать оборот примерно на 50%.

Существенным конкурентным преимуществом была и круглосуточная торговля. Для получения разрешения приходилось обивать пороги местного начальства, «кормить» стражей порядка, нанимать охранников, но дело того стоило. Светящиеся вывески «24 часа» стали приметой времени. Большой ассортимент алкоголя, сопутствующих товаров удовлетворял спрос широких слоев: от простых работяг, желавших выпить бутылочку после смены, до джентльменов, направлявшихся к даме с хорошим коньяком и конфетами. Привлекали яркие вывески и представителей криминального мира – через мини-маркет можно было легализовать деньги, заработанные рэкетом и другими противозаконными операциями. О нравах тех времен красноречиво рассказывают многочисленные сериалы.

В новом качестве воскресли универсамы, которые стали называть супермаркетами. Они значительно расширили ассортимент не только продовольствия, но и непродовольственных товаров, пользуясь большими площадями и более плотной выкладкой. В настоящее время к супермаркетам относят магазины самообслуживания площадью от 1000 до 5000 кв. м, где на непродовольственные товары может приходиться 20–35% ассортимента, насчитывающего 10–25 тыс. наименований.

К 1994 году наши сограждане уже привыкли к постоянному росту цен, поучаствовали в приватизации. Многие специалисты, ушедшие в начале 1990-х годов с заводов и НИИ, сколотили немалый капитал на высоких оборотах торговли. В стране витал запах шальных денег. Люди, научившиеся тем или иным способом получать не фиксированный оклад, а весьма приличные суммы, стремились к хорошей жизни, атрибуты которой – импортная одежда, качественная бытовая техника, хорошая еда.

В 1993–1994 годах по всей стране стали открываться магазины мелкооптовой торговли формата cash & carry. Товар в них продавался только упаковками, а не штучно. Успех магазинов нового формата в 1995 году породил бум мелкооптовых рынков. Только в Москве за год их стало в 10 раз больше. Люди с удовольствием стали затариваться продуктами на неделю вперед. В дальнейшем эта привычка позволила гипермаркетам быстро стать популярными.

1994-й стал годом массового расцвета вещевых рынков. Многочисленные «челноки» обильно снабжали нас китайским текстилем, турецкими кожаными куртками, кроссовками Abibas неизвестного происхождения,

популярными в то время спортивными костюмами, джинсами, секонд-хендом из Европы. Цивилизованно одежный рынок начал развиваться позднее – в 1997–1998 годах, с началом строительства торговых центров.

На базе советских универсамов зародилась продовольственная сетевая розница. Первым стал «Седьмой континент», он открыл в апреле 1994 года в Москве три магазина, которые работали круглосуточно и поддерживали максимально возможный ассортимент.

В Москве, где концентрировалась большая часть денежного оборота страны, начался строительный бум. С огромным спросом на материалы для ремонта и строительства возникли и стали разрастаться строительные рынки. Размах строек отражал внутреннюю потребность и мечту о хорошей жизни. Среди грязных и неухоженных рынков выделялись магазины сети «Старик Хоттабыч»: чистота, сервис, удобство выбора – через несколько лет они уведут народ с рынков.

В 1993–1994 годах открывали свои первые магазины и нынешние лидеры торговли бытовой техникой: «М.Видео», «Мир», «Техносила», «Эльдорадо». Формат узкоспециализированной торговли позволял квалифицированно разъяснять покупателям особенности техники. Кроме того, магазины вызывали больше доверия и давали гарантию, что было важно при покупке дорогого холодильника, телевизора, видеомагнитофона.

Существенные преимущества имели крупные города-миллионники, где был готовый покупательский спрос и обеспечен выход на зарубежные рынки, поскольку импортные товары составляли основу успешной торговли. На северо-западе страны центром развития розничной торговли стал Санкт-Петербург как морской порт и первый город-миллионник перед финской границей, откуда шел транзит грузов автотранспортом. В нем раньше, чем в других городах, начала развиваться сетевая торговля компьютерной техникой. Другими центрами развития сетевой торговли стали Владивосток как морской порт на Дальнем Востоке, Ростов-на-Дону, Краснодар и Новороссийск, имеющие выход к Черному морю; Москва – «порт семи морей» и авиационный хаб.

Источник: Монин А.А. История развития торговли в России. – www.ru-90.ru

Либерализация внешней торговли и валютного режима. Преодолеть жестокий товарный дефицит было невозможно и без либерализации внешней торговли. При советской власти на внешний рынок разрешено было выходить только специальным ведомствам, но не предприятиям и гражданам. В 1991 году государство решилось отойти от валютной монополии. В Законе СССР «О валютном регулировании» от 1 марта 1991 года и письме Госбанка СССР от 24 мая 1991 года был принят сравнительно радикальный вариант реформирования валютных отношений. Но реализовать их уже не пришлось...

Принятый 15 ноября 1991 года Указ Президента РСФСР «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР» разрешил всем предприятиям и объединениям внешнеэкономическую деятельность без специальной регистрации и открыл доступ любого хозяйствующего субъекта на внешний рынок, снял ограничения на вывоз наличной валюты из страны физическими лицами.

Либерализация внешней торговли оставалась бы пустым звуком без введения режима свободного обращения валюты, то есть обмена рубля на доллары, открытия обменных пунктов. В Законе «О валютном регулировании и валютном контроле» от 9 октября 1992 года было подтверждено право Центрального банка определять правила рыночной «игры», покупать и продавать иностранную валюту разрешалось только через уполномоченные банки. С разрешения Центробанка российские предприятия могли открывать валютные счета в этих банках и за пределами России. Иностранным фирмам также разрешили иметь валютные и рублевые счета в уполномоченных российских банках, участвовать в операциях на валютном рынке, свободно ввозить валюту и вывозить ее в пределах ранее ввезенных или приобретенных на рынке сумм.

Чтобы поддержать валютный рынок, экспортеров обязали продавать на валютной бирже всю валюту, полученную в качестве выручки. Это позволяло предприятиям-импортерам и «челнокам» иметь доллары для закупки товаров за рубежом. При этом использовать доллар внутри российских сделок формально было запрещено. «Челночный» бизнес стал народной школой российского капитализма, спасательным кругом для миллионов россиян в трудные годы структурных реформ. До августовского кризиса 1998 года насчитывалось около 10 млн «челноков», а вместе с членами семей – свыше 30 млн. Городские рынки, товарооборот которых составил около 30% общего товарооборота в стране, стал спасением для безработных.

Довольно быстро внутренний рынок заполнили иностранные товары пусть и не совсем высокого качества. Упал спрос на отечественную продукцию. Перенасыщение рынка импортными товарами привело в последующие годы к массовому закрытию предприятий легкой, электронной и других отраслей промышленности. А объемы ввоза новых технологий, оборудования и особенно наукоемкой продукции оставались незначительными.

Свободное обращение долларов создавало проблемы. При неуклонном росте внутренних цен на протяжении первого года реформ доверие

населения к рублю уменьшилось: стремясь сохранить свои сбережения в условиях высокой инфляции, население переводило их в доллары, что подстегивало инфляцию. А попытки фиксировать курс рубля к доллару оборачивались снижением эффективности экспортных операций, что негативно отражалось на платежном балансе страны.

В то время на либерализацию внешней торговли пошли лишь Россия и государства Прибалтики. Сохранение государственной монополии на внешнюю торговлю в странах СНГ и единого рублевого пространства, отсутствие единых обменных курсов, «размытость» отношений и границ между ними и Россией создавали серьезные трудности во взаимной торговле. Россия имела большие запасы газа, нефти, угля, в которых нуждались бывшие братские республики. Продолжались поставки неоплаченного сырья и энергоресурсов в страны СНГ, росла их внешняя задолженность. Россия фактически субсидировала их.

В духе либерализации внешней торговли в России вводился единый порядок лицензирования и квотирования экспорта и импорта товаров, распространенный на торговлю со всеми государствами и на все субъекты хозяйственной деятельности. Казалось, это положит конец льготам, привилегиям и другим исключениям из правил и законов. Но по усмотрению властей отдельным юридическим лицам по-прежнему предоставлялись таможенные льготы, сохранялись спецэкспортеры, имевшие право на вывоз стратегически важных сырьевых товаров (согласно утвержденному правительством списку). До марта 1995 года было принято около 60 решений президента о предоставлении различных таможенных льгот: Национальному фонду спорта, Фонду ветеранов войны в Афганистане, Фонду инвалидов, Главному управлению охраны и органов внутренних дел, «Газпрому», АвтоВАЗу и др. За счет этих льгот государство рассчитывало дополнительно получить до 2 трлн рублей доходов. За получение льгот, перераспределение в свою пользу государственного дохода шла острая борьба узкого круга лиц. Так, освобожденный от импортных пошлин Национальный фонд спорта стал практически монопольным поставщиком импортных алкогольных напитков на российский рынок. На официально декларируемые цели эти фонды направляли не более 30% средств, полученных в результате выделенных им государственных льгот.

Только на четвертом году реформ власти объявили о ликвидации всех ранее предоставленных льгот и отмене спецэкспортеров. Но и после этого делались исключения. Спецэкспортерство, нетарифное ограничение

экспорта и импорта, приоритетность поставок для «государственных нужд» и др. позволяли захватить внешний и внутренний рынки с помощью власти и различных бюрократических процедур.

Подробнее. **Либерализация внешней торговли нефтью**

Экспорт нефти всегда был для России основным источником валютных поступлений. Все бывшие советские республики, кроме богатых углеводородами Казахстана, Туркмении и Азербайджана, зависели от российской нефти. Но после 1992 года экспорт в ближнее зарубежье постоянно сокращался. Сохраняли его по политическим, а не коммерческим соображениям: мало кто из тех потребителей мог покупать нефть по мировым ценам, да и вовремя платить они не любили.

Либерализация внешней торговли была основой основ экономических реформ 1991–1992 годов. Чтобы приостановить падение нефтедобычи, право экспорта нефти и нефтепродуктов передали нефтедобывающим компаниям, геологическим предприятиям, НПЗ, трейдерам – всего более чем 120 организациям. Между ними разгорелась жесткая конкуренция, из-за явного демпинга в 1992 году цена на российскую нефть упала на 20%. Тогда экспорт был рекордно мал – лишь 65 млн тонн.

Вошло в моду освобождение от уплаты экспортных пошлин. По данным МВД, в 1992 году без пошлин было вывезено 67% нефти, в результате бюджет недобрал 2 млрд долларов. Поначалу нефтяные компании могли экспортировать нефть, только получив экспортные квоты от Минтопэнерго, Минэкономики и Министерства внешнеэкономических связей. В 1993–1994 годах нефтяникам выдавали квоты на 10–15% общей добычи, в 1998 году – в среднем уже на 34%. Но реально квоты зависели от лоббистской мощи компаний. К примеру, в 1994 году «Сургутнефтегаз» экспортировал 18% своей нефти, а «Черногорнефть» – только 9%.

В 1992 году правительство ввело регистрацию спецэкспортеров – предприятий, обладавших правом экспорта стратегически важных сырьевых товаров. Зачастую они не имели прямого отношения ни к экспорту, ни к нефти. Один из крупнейших трейдеров – «Международное экономическое сотрудничество» – был создан в 1990 году колхозом «Путь к коммунизму» (15% акций) и сельскохозяйственным кооперативом «Феникс» (15% акций). В число акционеров вошли финансово-хозяйственное управление Московской патриархии (15%), ГлавУпДК (15%) и Ассоциация «Мост» (7%). Благодаря спецэкспортерам экспорт увеличился до 80 млн тонн в 1993 году, цена на нефть выросла, приток валюты в страну стал возрастать.

Спецэкспортеры, которым покровительствовали высокопоставленные чиновники, вызывали массу претензий у Минтопэнерго, представлявшего интересы нефтяников, и у Минэкономики, которое отражало точку зрения Международного валютного фонда. Фонд в качестве одного из условий предоставления стабилизационного кредита России требовал отменить квоты,

лицензии и спецэкспортеров. В результате их век оказался недолгим. Хотя они и увеличили экспортные доходы, России очень были нужны 6 млрд долларов от МВФ. 31 декабря 1994 года Постановлением Правительства РФ «О вывозе нефти и нефтепродуктов за пределы таможенной территории Российской Федерации с 1 января 1995 года» экспортные квоты и лицензии были отменены, право экспортировать нефть получали добывающие предприятия пропорционально добыче. В марте 1995 года институт спецэкспортеров был упразднен. И через пять дней было заключено соглашение с МВФ о выдаче России кредита на 6 млрд долларов.

Источник: Пусенкова Н.Н. Российская нефтяная промышленность: двадцать лет, которые потрясли мир. – www.ru-90.ru

Граждане и юридические лица в условиях политической нестабильности старались перевести полученные ими доходы в долларовом выражении в зарубежные банки. В офшорах прятали и уворованное. При этом государство не только не пыталось нейтрализовать отток капитала, но фактически под лозунгами интеграции России в мировую экономику и продвижения российских товаров на внешние рынки в течение почти двух лет ничего не сделало для того, чтобы хозяйствующие субъекты ограничили вывод своих активов за границу. В результате либерализации внешнеэкономической деятельности невозврат валютной выручки в 1992–1993 годах, по экспертным оценкам, составлял 50% стоимости экспортированных товаров.

Наиболее распространенным был перевод денег по фиктивному договору на счета зарубежных фирм-однодневок. Договор не исполнялся, а доллары оседали на личном банковском счете россиянина. Чтобы пресечь это нелегальное бегство капитала, лишавшее экономику средств для структурной перестройки, был введен режим залога при внешнеторговых сделках. Любое предприятие при банковском переводе средств в зарубежный банк обязано было зарезервировать такую же сумму на специальном счете в банке-отправителе. Если сделка срывалась, сумма залога переводилась в бюджет.

В 1993–1995 годах Центральный банк создавал систему валютного регулирования и валютного контроля, которая обеспечивала полноту и своевременность возврата в Россию экспортной валютной выручки и предотвращала (уменьшала) утечку валюты за границу. Совместно с Государственным таможенным комитетом была создана система таможенно-банковского контроля за экспортно-импортными операциями резидентов, построенная на стыковке по срокам и объемам

стоимости перемещаемых через границу товаров и произведенных платежей. Эта система охватила в 1999 году 70% российского экспорта и 65% импорта и позволила сократить невозврат валютной выручки от экспорта до 5% в 1998 году.

Подобные меры помогли затормозить, но не остановить бегство капитала из страны. В условиях развитого рынка всегда есть возможность перевести часть капитала хотя бы за счет игры цен. Остановить же бегство отечественного капитала из страны и привлечь в нее зарубежный можно, только создав благоприятный климат для бизнеса и обеспечив политическую стабильность. Даже спустя два десятилетия сделать этого не удалось.

В либерализации валютного режима и сегодня многие усматривают создание лазейки для богатых людей, сколотивших свое состояние в России и уехавших в Европу. Они забывают, что наша Конституция гарантирует защиту частной собственности, право граждан ею распоряжаться и свободу выбора страны проживания. Люди со своей собственностью потянутся в Россию, если условия жизни и бизнеса в ней станут не менее привлекательными, чем в Европе.

Глава 4.
КРИЗИС ВЛАСТИ. НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ

4.1. Попытки финансовой стабилизации

Мировой опыт показывает, что одним из важнейших условий эффективности рыночного механизма является стабильная национальная валюта. Обуздание инфляции, то есть финансовая стабилизация, создает фундамент для приватизации и демонополизации. Но если создание конкурентной среды и появление эффективных собственников предприятий – процесс долгий, то обуздать инфляцию можно в короткие сроки, правда, при наличии политической воли властей, слаженности их действий и профессионализма исполнителей.

Подробнее. **Денежная стабилизация**

Необходимой предпосылкой выхода из постсоциалистического кризиса является денежная стабилизация, снижение темпов инфляции до уровней, совместимых с экономическим ростом. От национальных элит зависит выбор времени дезинфляции, но отказаться от нее они не могут.

Отсрочка денежной стабилизации прокладывает дорогу длительному периоду экстремально высокой инфляции. В течение этого периода падают доля денег в экономике и доля доходов бюджета в ВВП.

Когда политические элиты осознают, что откладывать стабилизацию далее нельзя, сокращать государственные расходы приходится наиболее резко, до существенно более низкого уровня, чем в странах, осуществивших быструю дезинфляцию. Острый бюджетный кризис, совпадающий по времени с реализацией программы денежной стабилизации, становится неизбежной расплатой за предшествующую «мягкую» денежную политику.

Происшедшие за годы высокой инфляции изменения денежной и бюджетной системы (падение доли денежной массы в ВВП, сокращение доходной базы бюджета) носят устойчивый характер и лишь в ограниченной мере обратимы в среднесрочной перспективе. Они будут определять «область допустимых значений» в аспекте формирования экономической политики на ближайшие годы после достижения денежной стабилизации.

В странах, осуществивших быструю дезинфляцию, адаптация к постсоциалистической реальности оказывается более мягкой, но совокупные государственные расходы стабилизируются на необычайно высоком для рыночных экономик уровне. В странах, где период инфляции оказался растянутым, вынужденное резкое сокращение социальных расходов является непосредственным следствием избранного пути реформ. Адаптация общества к постсоциалистическим условиям здесь носит более жесткий, социально-конфликтный характер, сокращение государственной нагрузки на экономику более радикально.

Отсрочка в урегулировании бюджетного кризиса на основе реалистичного пересмотра бюджетных обязательств приводит к последствиям, сходным с теми, которые характерны для медленной дезинфляции. Государственные расходы и обязательства приходится приспосабливать к еще более низкому уровню доходов.

Источник: Гайдар Е.Т. «Детские болезни» постсоциализма // Вопросы экономики. 1997. № 4. С. 4–25. – http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/Ve/1997/97-4gaydar/97-4gaydar000.htm

При социалистическом плановом хозяйстве инфляция присутствовала в скрытой форме, когда установленные государством цены считались формально неизменными, но товары исчезали с прилавков и существенно дороже продавались «из-под полы». С либерализацией цен инфляция вырвалась на волю. Легкая инфляция – вроде смазочного масла для экономики, она помогает приводить внутренние цены к мировому уровню, что необходимо для развития внешней торговли. Уровень такой инфляции – не более 5–6% в год.

Но в России в 1992 году инфляция составила 2508,8%, в 1993 году – 844%. Такая инфляция стремительно обесценивала сбережения. Повышение процентов на вклады эти потери не компенсировало. Инфляция снижала уровень жизни, облагая граждан дополнительным инфляционным налогом. В условиях высокой инфляции резко возросла социальная дифференциация. Страдали прежде всего те, чьи доходы были зафиксированы, – пенсионеры, служащие, студенты.

Хозяйственники теряли стимулы к расширению производства, неопределенность с ростом цен делала сомнительными любые бизнес-

планы. При высокой инфляции банки вынуждены устанавливать такие ставки кредитов, которые неприемлемы и предпринимателям, и гражданам. Предприятия не могли развивать производство, строить, осваивать новые технологии. Люди не могли покупать в кредит автомашины, бытовую технику, строить жилье. Соответственно падал спрос, стагнировало производство.

Торговый сектор с коротким циклом оборота средств легче переносил высокую инфляцию. Терпима она была и для банков, которые собирают деньги сегодня, а отдают завтра, когда они уже значительно подешевели. Разумеется, заемщики возвращают банкам тоже обесцененные деньги, но главный принцип банкиров «купить деньги дешевле, чем продать» позволял им держаться на плаву и при высокой инфляции.

При любом неосторожном повороте экономической и финансово-кредитной политики страна могла сорваться в разрушительную гиперинфляцию, когда цены растут уже в тысячи раз, а порой и в миллионы. При гиперинфляции в России в начале 1920-х годов зарплату выдавали мешками, крестьяне отказывались продавать продукты за стремительно обесценивавшиеся деньги, взаиморасчеты в промышленности стали невозможны. Гиперинфляция парализует производство и торговлю.

Уровень инфляции определяется количеством денег в экономике. Главный источник инфляции – покрытие дефицита бюджета (то есть компенсация превышения расходов государства над его доходами) за счет эмиссии денег. В IV квартале 1991 года в СССР дефицит госбюджета достиг астрономической суммы – 22% валового национального продукта. Он покрывался за счет, с одной стороны, иностранных займов, которые к тому времени были истрачены, с другой – безудержной денежной эмиссии, печатания огромной массы не обеспеченных товарами денег.

Подробнее. **Причины инфляции**

В отличие от открытой инфляции в развитых странах Запада, инфляция в СССР до конца 1980-х годов носила скрытый характер. Это означало, что государство не признавало роста цен, а в условиях острого дефицита качественных товаров и услуг за них надо было переплачивать чиновникам аппарата, торговой мафии или дополнительно к цене предоставлять другие услуги. В результате скрытого роста цен в СССР один рубль 1960 года обесценился в 1988 году до 42 копеек.

Важнейшие причины инфляции в СССР и России:

– *тотальное огосударствление советской экономики;*

– *глубокая деформация основных пропорций народного хозяйства,* прежде всего соотношений между группой «А» и группой «Б», а также отраслевая несбалансированность. Так, если в 1928 году в СССР доля продукции группы «Б», производящей предметы потребления, в общем объеме промышленной продукции составляла 60,5%, то в 1940 году – 39%, в 1985 году – 30%. В России с 1990 по 1999 год доля продукции этой группы снизилась с 30 до 23,6%, соответственно увеличивалась доля продукции группы «А», производящей в основном средства производства (станки, оборудование и др.). Росла численность занятых в отраслях этой группы, а следовательно – и масса выплачиваемой им зарплаты. Это приводило к росту платежеспособного спроса населения, который не удовлетворялся, увеличивая оборот денежной массы;

– *чрезмерная милитаризация экономики.* По оценкам западных экспертов, в СССР на военные цели в конце 1980-х годов тратилось 250–300 млрд рублей, а не 70 млрд, как отмечали официальные источники. Такая разница обусловлена тем, что в объемы военных затрат раньше не включали затраты на производство оборудования для военных заводов, на металл, энергию, комплектующие изделия, а также затраты в смежных отраслях (например, на добычу руды, из которой выплавляли металл для военных нужд). После распада СССР на территории России осталось 60% военно-промышленного комплекса Советского Союза, почти 60% промышленности России было ориентировано на нужды ВПК, а на занятую в ней рабочую силу приходилось свыше 40% трудоспособного населения. Чрезмерные затраты на военные цели приводили к дефициту госбюджета, который обусловливал рост госдолга и выпуск в обращение лишней массы денег;

– *монополизация экономики.* Так, в 1994 году в России свыше 1200 промышленных предприятий были монополистами в производстве наиболее важной промышленной продукции (более 65% ее общего объема). При этом 270 предприятий были единственными производителями 1100 видов продукции;

– *дотирование государством нерентабельных предприятий, колхозов и совхозов, неэффективного строительства.* Инфляционный рост цен был связан и с разрушением старой денежно-кредитной и финансовой системы, запоздалым формированием новой, к тому же малоэффективной, разладом системы безналичных расчетов, чрезмерным налоговым прессом, политикой дешевых денег Центрального банка РФ в 1992 году;

– *популистские и экономически недостаточно обоснованные постановления Госдумы* в 1992–1993 годах, которые наращивали дефицит госбюджета. В 1992 году ничем не обеспеченная эмиссия денег достигла 30% валового национального продукта (финансово-кредитная система считается здоровой, если этот показатель не превышает 5%);

– значительные и постоянно растущие расходы правительства на управление.

Источник: Рыночная экономика. Основные этапы становления и развития. – http://ekonomy.info/2009-01-17-21-31-38/64-2009-01-23-12-37-30.html?showall=1

Чтобы обуздать инфляцию, надо сократить дефицит госбюджета, а для этого:

- **резко урезать расходы бюджета, сократив расходы на оборону, социальные пособия и выплаты бюджетникам,**
- **повысить доходы бюджета, введя новые налоги или повышая имеющиеся,**
- **занять средства на внутреннем и/или внешних рынках для неэмиссионного покрытия дефицита бюджета.**

Как поступил бы ты?

Сокращение расходов госбюджета. После распада СССР Россия стала его правопреемником, то есть приняла на себя бремя союзных обязательств, в том числе долгов перед зарубежными и отечественными кредиторами. Правительству Ельцина–Гайдара надо было содержать госаппарат на гораздо более скромные средства, предстояло разработать реалистичный бюджет, который учитывал бы, с одной стороны, расходы на содержание Вооруженных сил, обслуживание внешнего долга, внешнеполитическую деятельность, инвестиции, с другой – ограниченные источники доходов внутри России. Проще говоря, нужно было в расходной части российского бюджета взять на себя многое из обязательств СССР, а в доходной – рассчитывать лишь на российские поступления.

Министерство экономики и финансов подготовило общий прогноз объемов производства и доходов госбюджета и, исходя из него, определило допустимый уровень дефицита госбюджета в 10% ВВП. Правительство урезало расходную часть, оставив тот минимум, который Россия была в состоянии взять на себя. В Государственной инвестиционной программе на 1992 год были пересмотрены все позиции, проанализированы возможные технологические, социальные и политические последствия закрытия начатых строек. На 1992 год деньги выделялись только

по принципу «куда нельзя не дать». В результате удалось урезать централизованные капиталовложения в 1,5 раза, а расходы на дотации розничных цен – почти в 3 раза. Прекратилось безвозмездное финансирование бывших социалистических стран, за исключением стран СНГ.

В СССР расходы на оборону с учетом фактических затрат на производство вооружений достигали 15% ВВП. При этом если советская армия составляла примерно 1% населения, то в России, которая отказалась от политики холодной войны, ее численность в 1992 году приблизилась к 1,5% населения. При таких масштабах страна не могла в полном объеме профинансировать расходы на оборону.

Если по расходам на текущее содержание армии без сокращения ее численности снижать было особенно нечего, то в закупках вооружений оказались немалые резервы. Правительство искало возможность производить военную технику в таких объемах, при которых удастся и расходы минимизировать, и технологии сохранить. Закупку танков сократили кардинально – буквально до нескольких штук, потому что тогда танки выводили из ГДР, да и на некоторых заводах скопилось огромное их количество. Число ядерных подводных лодок, которые строились в Северодвинске, уменьшили до одной в каждой серии. Закупки серийных вооружений были жестко сокращены – на 80%, а расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в оборонном комплексе – щадяще уменьшены.

Лишившимся оборонного заказа предприятиям правительство предоставило государственные конверсионные кредиты на предельно льготных условиях – под 8% годовых при ставках коммерческого кредита более 100%. Было понятно, что далеко не все директора рационально воспользуются этим кредитом, часть его уйдет на выплату зарплаты, чтобы не было массового оттока кадров или даже социального взрыва. Но и такое «нецелевое использование» было для страны экономически выгоднее, чем производство никому не нужных дорогих железок, которые потом еще надо было перевозить и охранять.

Конверсионные кредиты давали предприятиям шанс выжить, и многие им воспользовались, начали реализовываться конверсионные программы. Так, крупный омский оборонный завод «Полет», производивший спутники, уже в 1992 году имел программу выпуска грузовых АНов. Тульский завод «Штамп», выпускавший корпусы снарядов, ракет и имевший налаженную трубную технологию, с помощью конверсионного кредита перешел на производство бытовых труб и изделий из них, насосов,

бытовой техники, газовых плит. В Новгороде оборонный завод стал по «отверточной технологии» делать видеомагнитофоны «Самсунг».

Важно было помочь российским производителям вооружений найти новые зарубежные рынки сбыта, поскольку традиционные партнеры из стран Варшавского договора отпали. Причем найти покупателей, которые будут платить деньги, а не брать военную технику даром или в счет невозвратных советских кредитов в рамках «поддержки социализма и национально-освободительных движений». В 1990-е годы многие оборонные предприятия получили право самостоятельно торговать военной техникой.

Сокращение военных расходов проходило крайне тяжело, военные и директора ВПК оказывали сильное противодействие. И неудивительно, ведь никто и никогда в СССР не посягал на финансирование армии и ВПК.

Подробнее. **Сокращение военной нагрузки на бюджет**

А. Нечаев, министр экономики в первом российском правительстве:

Мы твердо нацелились жить по средствам, поэтому резко сокращали оборонные расходы бюджета, проявляя гибкость, искали возможность производить военную технику в таких объемах, чтобы и технологию сохранить, и минимизировать производственные издержки. Директора оборонных предприятий сначала намекали нам, что мы ничего не понимаем в этом деле, а кто-то считал нас агентами Буша и врагами нации. Но мы старались помочь им перезагрузить мощности, занять их гражданской продукцией, переводили заказы из других бывших советских республик на российские заводы…

Помню первое совещание по оборонному заказу с многочисленными генералами – руководством Минобороны, проходившее у меня в кабинете. Они запросили на закупку вооружений 46 млрд рублей, а готовы были согласиться, по сведениям моих информаторов, на 21 млрд. Я же мог предложить лишь 5 млрд рублей. Удар для генералов оказался настолько неожиданным и сильным, что они были просто не в состоянии обсуждать конкретные детали. Что можно закупить на столь мизерную, по их понятиям, сумму? Мы расстались, ни о чем конкретно не договорившись, даже не обсудив всесторонне тему. Ни меня, ни все «правительство реформаторов» генералы всерьез не воспринимали: слишком высоко было влияние военных в СССР даже после горбачевских реформ. До сих пор удивляюсь, как нам тогда удалось провести такое решение. Конечно, нас прикрывал президент, но все же… Закупка вооружений была сокращена на 67%.

Источник: Нечаев А.А. Сокращение военной нагрузки на бюджет. – http://www.ru-90.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=368

Пополнение доходов госбюджета. В советское время в условиях жесткого административного контроля государственные предприятия платили налоги «автоматически». Но уже при союзном правительстве В. Павлова в связи с расширением самостоятельности предприятий дисциплина налогоплательщиков резко упала. Налоговые органы собирали налоги с большими трудностями, уровень недоимок был высоким.

Основным советским налогом был налог на прибыль. Предприятия легко могли его минимизировать, причем платился он задним числом. Высокая инфляция обесценивала средства бюджета каждый день, а ежедневно взимать налог на прибыль было невозможно. Так же обстояло дело и с налогом на имущество, размер которого нельзя было индексировать ежемесячно в соответствии с инфляцией.

Нужен был налог, который обеспечивал бы поступление доходов в бюджет в соответствии с ростом цен, «автоматически» улавливая их повышение. Теоретически им мог быть налог с продаж, введенный в СССР в 1991 году. Платить его обязали только предприятия розничной торговли. Однако налоговые органы были не в состоянии проконтролировать налогообложение всей розницы – на рынке уже присутствовало огромное число продавцов – частных лиц. Поэтому правительство Ельцина–Гайдара решило ввести налог на добавленную стоимость (НДС), которым облагался каждый акт продажи сырья, полуфабрикатов, готовой продукции по всей технологической цепочке. Поскольку этот налог предусматривал взаимозачет уплаченных ранее взносов по НДС (фактически взаимоконтроль продавцов и покупателей), уклониться от него было труднее, чем от других налогов.

НДС был введен в России с 1992 года. Первоначальная его ставка в 28% оказалась тяжелой для предприятий. Под давлением Верховного Совета уже к концу года она была снижена до 20%, а по товарам детского ассортимента, лекарствам и некоторым продовольственным товарам – до 10%. НДС обеспечил более половины всех бюджетных поступлений. Он и поныне остается одним из ключевых налогов.

Займы на внутреннем и внешних рынках. В отличие от эмиссии денег покрытие дефицита бюджета за счет заимствования недостающих средств на рынке не ведет к росту инфляции, хотя чревато другими опасностями. Возможности получения займов от западных стран и по линии МВФ в 1992–1993 годах были крайне ограничены. Тем не менее 5 августа 1992 года правительство достигло соглашения с МВФ о предоставлении резервного кредита (стэнд-бай). Его первый транш

в 1 млрд долларов был предоставлен при условии удержания дефицита госбюджета на уровне 5% ВВП, контроля за приростом денежной массы и темпа инфляции в пределах 10% в месяц. Этот кредит предстояло погасить в течение 5 лет.

6 июля 1993 года был одобрен кредит МВФ на финансирование системных преобразований. Его первый транш в 1,5 млрд долларов МВФ предоставил при условии сокращения дефицита бюджета наполовину (до10% ВВП), контроля прироста денежной массы в несколько смягченном по сравнению с предыдущим кредитом варианте и темпа инфляции не выше 7–9% в месяц. Был установлен 10-летний срок его погашения.

Для уменьшения дефицита бюджета стали использовать и внутренние займы в виде продажи государственных ценных бумаг – государственных краткосрочных бескупонных облигаций (ГКО) и облигаций федеральных займов (ОФЗ). Источником дохода по ГКО является разница между их номинальной стоимостью при погашении и аукционной ценой продажи. Рынок ГКО возник в России в мае 1993 года и бурно развивался до 1998 года, когда его общий номинальный объем достиг 436 млрд рублей. Так, в 1994 году размещение на внутреннем рынке государственных ценных бумаг позволило покрыть 19,4% дефицита федерального бюджета.

Несмотря на принятые правительством Ельцина–Гайдара меры, в 1992–1993 годах достичь финансовой стабилизации не удалось. Мешала позиция Верховного Совета и подчиненного ему Центрального банка.

Подробнее. **Неудачи финансовой стабилизации**

Накануне своей отставки Гайдар столкнулся с мощным и непреодолимым проинфляционным консенсусом: и простые граждане, и большинство экономистов, и подавляющее большинство политиков были убеждены в том, что печатание денег и обещание «бесплатного завтрака» всему населению – самый разумный путь выхода из кризиса. Цена этой стратегии известна: мы заплатили за нее дефолтом 1998 года и гораздо более глубоким спадом, чем могло быть в ином случае. Страны, завершившие финансовую стабилизацию на более раннем этапе, имели спад 15–20%, а в России он достиг 40%. Экономический рост в нашей стране начался после финансовой стабилизации, после существенного снижения темпов инфляции и устранения большого бюджетного дефицита – в 1999 году. Только в 2007 году мы вышли на уровень 1991 года – после 8 лет быстрого экономического

роста. Это та цена, которую страна заплатила за слепую веру в магическую силу безудержной денежной эмиссии.

Источник: Именно в этой среде выковывается будущая экономическая политика России. Интервью с М. Дмитриевым. Часть 2 // Polit.ru. 21 мая 2007 года. – http://www.polit.ru/analytics/2007/05/21/zmeinkadva.htm

***

В марте 1992 года ситуация в наличном обращении продолжает стремительно ухудшаться. При сохранении в марте роста цен на уровне февраля (38–40% в месяц) прирост неотоваренных денег на руках у населения увеличился в 1,7 раза по сравнению с февралем. Объемы наличной эмиссии в марте достигли 37,4 млрд рублей, более чем на треть превысив февральские масштабы. В результате сводный индекс инфляции в марте составил 57% против 51% в феврале. В целом за I квартал 1992 года, по оценкам аналитиков «Коммерсанта», индекс инфляции в наличном обороте превысил 1350%. Это более чем в 2 раза превосходит суммарное обесценивание рубля за весь прошлый год. При этом дефицит республиканского бюджета в первом квартале сложился на уровне 30% его расходной части, то есть доля дефицита в бюджетных расходах I квартала выросла на три пункта по сравнению с 1991 годом.

Источник: Кириченко Н., Шмаров А. Финансовая стабилизация: над вымыслом слезами обольюсь // Коммерсант. 27 апреля 1992 года. № 117 (117). – http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=fa6b37c8-bde7-45b2-9a38-05c903f2d456&docsid=4362

***

Снижение масштабов наличной эмиссии в мае 1992 года, которого правительству удалось добиться за счет беспрецедентного замораживания выплат населению, не привело к общей стабилизации денежного оборота. В июне инфляция получила новый импульс. По сравнению с маем масштабы выпуска денег в обращение почти удвоились, а темпы инфляции выросли на 11 пунктов и составили 52% – рекордную величину за все время наблюдений. Продолжает нарастать инфляционная напряженность и в безналичном обороте. Об этом свидетельствуют ускоряющийся рост цен и начавшееся во II квартале падение ежемесячных объемов балансовой прибыли предприятий и налоговых поступлений в бюджет. В течение последних трех месяцев почти в 4 раза выросли взаимные неплатежи предприятий. Эксперты прогнозируют, что Центральный банк в ближайшее время будет вынужден пойти на значительную эскалацию кредитной эмиссии для покрытия дефицита бюджета и оборотных средств предприятий. Неудача жесткой антиинфляционной политики может побудить правительство и ЦБ вернуться к предшествовавшему реформам инфляционному оживлению в экономике.

Источник: Кириченко Н., Шмаров А. Деньги: Обзор инфляционных процессов // Коммерсант. 27 июля 1992 года. № 130 (130). – http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=2661829e-c3df-4724-86af-ebef34a88c49&docsid=5925

4.2. Политическое размежевание. Двоевластие

После подавления путча в августе 1991 года исполнительная власть в России перешла в руки демократических, реформаторских сил. Но среди народных депутатов, избранных еще в условиях политического контроля КПСС, влияние реформаторов было слабым, что отрицательно сказывалось на проведении реформ. Высказывались предложения провести досрочные парламентские выборы. Взвесив все «за» и «против», команда Ельцина их отвергла.

К лету 1992 года произошло размежевание политической элиты по отношению к проводимым экономическим реформам.

На *одном фланге* находилось демократическое движение, поддерживавшее правительство реформ и президента. Оно было представлено относительно небольшим числом народных депутатов России, либеральной интеллигенцией, некоторыми чиновниками разного уровня власти и продвинутыми директорами предприятий. Эта часть политической элиты выступала за продолжение «шоковой терапии», вхождение России в мировой рынок, привлечение в экономику иностранного капитала с целью внедрения высоких технологий и скорейшего доведения отечественной промышленности до мирового уровня. Демократы рассчитывали, что главным движущим фактором преобразований станут экономические интересы граждан и фирм, желание больше зарабатывать, лучше жить, получать прибыль.

На *другом фланге* была оппозиция, состоявшая из неокоммунистических и ура-патриотических партий и движений, партийной номенклатуры и «красных директоров», которые не видели для себя перспектив в условиях рыночной конкуренции. Оппозицию поддерживала значительная часть населения, жаждущая возврата к привычным порядкам эпохи застоя. Лидеры оппозиции проклинали правительство, предсказывали экономическую катастрофу, требовали отставки президента и правительства, твердили об «особом пути» России, для которой не подходит западная демократия, а рыночные отношения убийственны. Оппозиция ратовала за возврат к фиксированным государственным ценам, восстановление в полном объеме государственных субсидий предприятиям, увеличение социальных выплат населению. Где взять для этого средства – она не обсуждала,

рассчитывая на печатный станок. А для наведения порядка ей нужна была власть, которая «метлой» репрессий вымела бы всех этих «бизнесменов, кооператоров и спекулянтов».

Между этими флангами располагалось «болото», гордо именовавшее себя «центристами», – большинство чиновничества, часть директорского корпуса и регионального руководства. Здесь превалировало желание соединить несоединимое. Сохранить рыночные цены для предприятий, но так, чтобы сырье и топливо им поставлялись по фиксированным государственным ценам. Обуздать инфляцию – но предоставлять льготные кредиты предприятиям. Обеспечить изобилие продуктов – но высокими таможенными барьерами отгородиться от импорта. Именно в среде «болота» пышным цветом расцветали мечты о безболезненном «эволюционном пути» выхода из кризиса. В условиях фактического развала старых органов власти и еще не сформировавшихся новых «болото» тоже ратовало за сильную власть и восстановление регулирующей роли государства, но «без репрессий».

Подробнее. **Безмерно завышенные ожидания**

Фундаментальная проблема постсоциалистической политики – безмерно завышенные детские ожидания поздней социалистической эпохи. Разрыв между ними и реально достижимыми на протяжении 5–7 лет результатами остается огромным даже при впечатляющих успехах экономического развития… Люди с инфантильным сознанием составляют большую часть избирателей в молодых постсоциалистических государствах. Их политическое поведение иногда до боли напоминает семейные игры в демократию, где дети регулярно голосуют за новую порцию мороженого. Большинство участников политического процесса твердо уверены, что государство может и обязано давать, а если не дает, то исключительно по злобе и жадности. Обороты типа «почему государство не заботится о…», «государство обязано найти средства на…», «государство пытается решить эти проблемы за счет народа» доминируют в политических дискуссиях. Использующим эти обороты политикам и журналистам совершенно неинтересно, что государство если и может о чем-то позаботиться, то исключительно за счет народа, у него просто нет никакого другого счета.

Плаксивый тон большинства средств массовой информации, считающийся почти столь же обязательным, как бодрые рапорты периода развитого социализма, и дежурные формулировки типа «сейчас, в это ужасное время» или «в условиях углубляющегося кризиса» – отнюдь не результат сознательной манипуляции общественным сознанием. Постсоциалистический ребенок хочет, чтобы его пожалели, поплакали с ним вместе

над разбитыми иллюзиями и трудностями адаптации к взрослой жизни, – пресса лишь выполняет социальный заказ. Общественное сознание предъявляет спрос на политические силы, готовые быть ретранслятором обид и разочарований, способные покарать обидчиков («обманщики», «воры», «геноцид»), пообещать конфетку («мы не дадим переносить эти проблемы на плечи народа») и, главное, пожалеть, вместе погоревать.

Источник: Гайдар Е.Т. Детские болезни постсоциализма // Иностранная литература. 1998. № 10. – http://magazines.russ.ru/inostran/1998/10/gaidar.html

К середине 1992 года в стране оформились два центра власти: президент–правительство и Верховный Совет. Это не было классическое разделение властей, когда каждая ветвь власти обладает своими полномочиями, а вместе они создают систему сдержек и противовесов. Между Верховным Советом и президентом–правительством шла борьба за всю полноту власти в стране, за тот вариант реформ, который они считали приемлемым.

Двоевластие было порождено тем, что множество поправок, принятых в 1990–1992 годах, сделали действовавшую тогда Конституцию 1978 года противоречивой. Принятая еще во времена застоя, она раньше служила ширмой для власти партийных комитетов – точнее, аппарата КПСС. После провала путча в августе 1991 года и запрета деятельности КПСС все противоречия Конституции вышли наружу.

В ней декларировалось разделение властей, то есть исполнительная и законодательная ветви власти имели разную компетенцию и не должны были подменять друг друга, но полномочия президента и Верховного Совета не были четко прописаны. Съезд народных депутатов (в перерывах между съездами – Верховный Совет) мог рассматривать и решать любые вопросы, фактически подменяя исполнительную власть. Съезд имел право блокировать решения президента. В компетенции парламента было принятие законов, в том числе закона о государственном бюджете, ему напрямую подчинялся Центральный банк. Поэтому фактически Верховный Совет мог определять все аспекты экономической политики.

Но избранный на всеобщих выборах 12 июня 1991 года президент также имел мандат от избирателей на проведение экономической политики. На V Съезде народных депутатов президент получил право издавать указы, которые становились законами, если в течение недели не оспаривались Верховным Советом.

Подробнее. **Конституционная ловушка**

Промедление смерти подобно. Главной ошибкой Ельцина… многие считают то, что он не добился окончательного запрета компартии во всех ее вариантах… В результате вместо того, чтобы сконцентрировать свои силы на реформах, он почти весь свой президентский срок… вынужден был отбиваться от наскоков верных последователей Маркса–Энгельса, Ленина–Сталина, идти на компромиссы, на уступки, подчас принципиальные, искажающие суть реформ.

Однако не меньшей ошибкой на начальном этапе реформ было и то, что Ельцин промедлил с принятием новой Конституции. Он должен был вплотную заняться этим сразу после 12 июня 1991 года, когда был избран президентом. У него было 6–7 месяцев, чтобы в относительно спокойной (если исключить несколько дней августовского путча) обстановке – пока еще не возникла жесткая конфронтация между ним и депутатами-противниками начавшихся реформ – подготовить и принять Основной закон, где были бы четко прописаны полномочия каждой ветви власти и механизм взаимодействия между ними. Главное же – где не давалось бы полное законодательное преимущество Съезду и Верховному Совету…

Работа над новой Конституцией началась еще в июне 1990 года. На I Съезде народных депутатов РСФСР 16 июня была образована Конституционная комиссия во главе с Ельциным, тогда председателем ВС, которой поручили подготовить проект новой Конституции РСФСР… Дело двигалось ни шатко ни валко. Сам Ельцин не проявлял особенной настойчивости, не пытался его ускорить, а ВС и Съезд… не были заинтересованы в том, чтобы расставаться со старым Основным законом, который ставил их в привилегированное положение. В результате в 12-месячное жесткое противоборство с командой Хасбулатова–Руцкого Ельцин вступил на невыгоднейших условиях, когда продолжавшую действовать брежневскую Конституцию РСФСР 1978 года… его противники… подгоняли «под себя», использовали как главный инструмент для борьбы с президентом…

Мальчик на побегушках. Любопытно проследить, как депутаты «опускали» роль президента, стремясь свести ее к роли английской королевы. Они начали это делать еще до того, как был избран первый президент… В ту пору модными были разговоры о балансе властей, о равномерном распределении полномочий между ветвями власти, однако под сурдинку навязывалась схема парламентской республики как наиболее подходящая для России в ее тогдашнем состоянии…

Пост президента был введен 24 апреля 1991 года специальным законом «О президенте РСФСР». Основанием послужили результаты референдума, состоявшегося 17 марта. 24 мая 1991 года законом «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) РСФСР» этот пост включили в Конституцию. Депутаты сразу поставили президента в подчиненное положение по отношению к Съезду нардепов и Верховному

Совету: президент – не глава государства, а лишь высшее должностное лицо и глава исполнительной власти; он издает указы и распоряжения «на основе и во исполнение» Конституции, законов и постановлений Съезда и Верховного Совета... В обязанности президента среди прочего входит не реже одного раза в год представлять Съезду доклады о выполнении «социально-экономических и иных программ», принятых Съездом и Верховным Советом. Этой статьей депутаты присваивали себе право определять социально-экономическую и «иную» политику государства, а обязанность президента – …выполнять намеченные ими «программы» и отчитываться перед ними… Впрочем, в другой статье говорилось о том, что президент вносит на рассмотрение Верховного Совета Государственный план экономического и социального развития РСФСР. Тот его обсуждает и утверждает или не утверждает. В результате неясно, кто же играет первую скрипку в проведении социально-экономической политики – президент или депутаты. Такая нечеткость вскоре станет одной из причин того, что Съезд и Верховный Совет будут постоянно вмешиваться в ход экономических реформ, искажать и корежить замыслы реформаторов, не неся ответственности за последствия своего вмешательства.

По закону от 24 мая 1991 года президент не имеет права распустить Съезд, Верховный Совет и любой другой «законно избранный орган власти». Депутаты с самого начала подстраховались на случай, если у президента появится такое желание (в дальнейшем оно неоднократно у него появлялось, но он терпел до тех пор, когда терпеть уже стало невозможно). Поправки к Конституции наделили Съезд правом принимать к рассмотрению и решать «любой вопрос, отнесенный к компетенции РСФСР», отменять указы и распоряжения президента, отправлять в отставку правительство, назначать референдумы, отстранять президента от должности в случае заключения Конституционного суда о том, что президент нарушил Конституцию, законы РСФСР или присягу… Процедура отстранения была простой: достаточно, чтобы «за» проголосовали две трети списочного состава нардепов. Поскольку вскоре после начала реформ их противники без труда набрали такое большинство на Съезде, Ельцину около 20 месяцев пришлось ходить под дамокловым мечом: отстранить его от власти могли в любую минуту.

Еще проще депутаты могли разогнать правительство. Недоверие ему мог выразить не только Съезд, но и Верховный Совет. После чего кабинет отправлялся в отставку. Для выражения недоверия правительству достаточно было, чтобы «черные шары» опустило простое большинство общего состава нардепов, в случае ВС – большинство общего состава каждой палаты. Отсюда ясно, сколь шатким было положение правительств Гайдара, а затем Черномырдина – вплоть до октября 1993 года, сколько сил требовалось от президента, чтобы уберечь его от разгона.

Усиливают свое верховенство. После начала реформ стремление депутатов перекроить Конституцию, подогнать ее «под себя» стало вполне

осознанным и последовательным: Конституция стала рассматриваться как главное оружие в борьбе с реформами и вообще с «антинародным режимом». В апреле 1992 года VI Съезд народных депутатов внесли… в Конституцию положение, согласно которому Съезд и Верховный Совет решают «важнейшие вопросы, имеющие значение для всей Российской Федерации», на долю президента остаются «вопросы, отнесенные к его ведению». По этому кругу вопросов президент издает указы и положения, которые занимают заведомо подчиненное положение по отношению к законам, составляющим предмет творчества депутатов.

Съезду предоставлялось исключительное право изменять и дополнять Конституцию, приостанавливать действие двумя третями голосов. Они у противников Ельцина имелись. При необходимости Съезд мог делегировать свои полномочия Верховному Совету. Столь простая процедура изменения Конституции делала президента почти полностью беззащитным перед депутатским произволом. Право изменять Основной закон (по крайней мере его ключевые положения) должно принадлежать народу – единственному источнику власти. Он должен иметь возможность реализовать это право на референдумах… Страна попала в ловушку конституционного всевластия законодателей. Если бы они пожелали, то могли принять любую поправку к Конституции. Например, ликвидировать пост президента или лет до десяти продлить свое депутатство.

Источник: Мороз О. Так кто же расстрелял парламент. М.: Олимп, 2007. – http://www.olegmoroz.ru/parlament1-3.html#1

Но главная причина двоевластия – различие в политической ориентации двух ветвей власти. Президент и правительство были нацелены на быстрое проведение рыночных реформ, преодоление трудностей переходного периода, утверждение в России рынка, открывающего перспективу повышения уровня жизни народа.

А Верховный Совет, в котором преобладали сторонники оппозиции и «болото», считал проводимую политику антигуманной и к лету 1992 года фактически стал тормозом рыночных реформ. Сказывалось непонимание депутатами логики макроэкономической стабилизации и структурной перестройки экономики, факторов, влияющих на темп инфляции. Для усиления своей поддержки депутаты использовали недовольство населения тяготами реформ. Ведь сокращение военных расходов привело к закрытию многих оборонных предприятий и сделало безработными сотни тысяч людей. Инфляция съедала сбережения и снижала реальные доходы.

Подробнее. **Противодействие реформам**

Резкий подскок цен – основание более чем достаточное, чтобы вызвать всенародную ненависть и всеобщий протест. А то, что прилавки мало-помалу стали наполняться, – это вовсе не оправдание. Ситуация в самом деле была тяжелая. Надо учесть и психологический момент: к пустым прилавкам, к километровым очередям за годы советской власти люди успели привыкнуть, а к росту цен все относились резко негативно. Нет худшего преступления, чем их взвинтить.

Первое с начала реформ массовое выступление против президента, против правительства, против реформ – митинг на Манежной площади – состоялось 9 февраля 1992 года. Участвовало в нем около 100 тысяч человек. Главным организатором была РКРП под руководством В. Тюлькина. Митингующие потребовали возродить СССР, КПСС, освободить гэкачеписта Лукьянова и поставить его во главе Съезда нардепов, сформировать новое правительство… В тот же день возле Белого дома прошел не менее многолюдный альтернативный митинг – в поддержку властей… В дальнейшем оппозиционеры взяли для себя за правило организовывать массовые выступления в памятные советские даты… К митингующим и шествующим в колоннах антиправительственных демонстраций стали примешиваться профессиональные боевики, подчас прибывшие из неблизких краев. Они придавали митингам и демонстрациям дополнительный импульс агрессивности. При всем том, что оппозиции удавалось выводить на улицу довольно много протестующего народа, опросы социологов показывали: большинство не на стороне оппозиции.

Самые тяжелые, самые концентрированные удары по президенту, правительству, реформам оппозиция наносила на депутатских съездах. На 6 апреля 1992 года был намечен VI Съезд народных депутатов. Предполагая, что ничего хорошего для президента и правительства на нем не будет, демократические организации… провели 5 апреля в концертном зале гостиницы «Россия» «Собрание граждан Российской Федерации». Туда были приглашены не только демократы, но и представители других политических направлений из различных регионов России – в надежде добиться хотя бы минимального согласия. Ельцин выступил с развернутой программной речью. Он предупредил, что на депутатском съезде будет предпринята попытка реванша, и призвал сограждан дать отпор этим попыткам, «защитить радикальные преобразования, твердо поддержать тех, кто проводит их в жизнь, и прежде всего – правительство реформ»… «Мы слишком долго жили в перевернутом мире, чтобы реформы пошли гладко и безболезненно, – сказал президент. – Главная задача сейчас – запустить хотя бы элементарные рыночные механизмы. Все мы видим, что на нынешнем этапе это порождает острые проблемы. Социальное расслоение приобретает уродливые формы… Ограничены возможности социальной защиты. Но если не пойти на это сегодня, завтра не будет ни активного предпринимательства, ни надежной

социальной защиты… Жизненно необходимо преодолеть инерцию покоя, как говорят, сдвинуть воз с места. Только в этом случае можно будет сказать: экономическая основа тоталитаризма в России уничтожена навсегда, его восстановление невозможно».

Ельцин напомнил, что ни он, ни правительство не обещали, что реформы будут легкими. Трудности, проблемы были ожидаемы: «Первые месяцы преобразований вызвали существенное падение доходов граждан. К сожалению, оно было неизбежно. Мы честно сказали об этом заранее и благодарны людям за то, что они, хотя и стиснув зубы, проявляют величайшие терпение и выдержку в это труднейшее для России время. Еще раз хочу подтвердить: либерализация цен, стабилизация финансов, структурная реконструкция – это средства для достижения главной цели наших реформ. Она состоит в том, чтобы изменить роль человека в обществе, создать условия для производительной, эффективной, качественной работы на себя и свою семью».

Ельцин не обещал близкие златые горы, хотя кому-то хотелось бы именно таких обещаний. В качестве самой важной цели реформ он назвал не скорое обилие материальных благ, а создание условий для эффективного труда. Совковая, десятилетиями сформированная психология, конечно, не возрадуется такой подмене, но переломить ее необходимо: «Добиться перелома неимоверно трудно. Не прошли бесследно времена многомиллионного ГУЛАГа. Дает о себе знать превращение народа в крепостных государства».

В наследство реформаторам досталась поставленная с ног на голову, изуродованная, искаженная, абсурдная экономика: «Страна утратила естественные источники своего развития. В течение последних десятилетий ее жизнеспособность поддерживалась за счет невосполнимых ресурсов природы, прежде всего российской, за счет благополучия следующих поколений. Обанкротившаяся экономика обрекала нас проедать, проживать достояние, не нами созданное и не нам одним предназначенное. Вся более или менее современная и значимая часть технологических мощностей работала на военные цели, производила средства уничтожения. Государственная политика привела к тому, что производство товаров для народа и продовольствия попало в жесткую зависимость от импорта».

Ельцин четко обозначил тех, кто противостоит реформам, открыто и тайно. Тут есть активисты и, так сказать, «массовка»: «Выявились политические интересы конкретных лиц и политических группировок, которые пытаются сформировать жесткий блок для организованного противодействия реформам… Но противники реформ есть в каждой социальной группе населения. Еще немало тех, кто предпочитает слепо подчиняться сильным мира сего ради полунищенского, но спокойного существования. Они не хотят перемен или даже пытаются повернуть преобразования вспять. Это те, кто стоит или стоял при входе в это здание и размахивал красными флагами»…

Участники собрания обсудили ход реформ и, в свою очередь, обратились к Съезду и гражданам России с призывом поддержать проводимый правительством курс экономических преобразований. Было предложено

создать объединение гражданских, демократических, патриотических сил в поддержку гражданского согласия и российских реформ. В принятом обращении «К власти и народу» делегаты заявили о своей поддержке президентской республики, сильной государственной демократической власти, единого демократического федеративного государства с приоритетом прав человека, высказались за ускорение структурной перестройки хозяйства, аграрной реформы, конверсии, потребовали поставить под контроль новую государственную бюрократию и бывшую номенклатуру, немедленно передать землю и основные промышленные фонды в руки тех, кто способен обеспечить высокую эффективность их использования. Но не все подписались под этим обращением. Ряд участников, в основном представлявших коммунистические и «патриотические» организации (НПСР, РПРФ, Союз промышленников и предпринимателей, «Гражданское собрание» и др.), покинули зал до принятия итогового обращения – по их словам, в знак протеста против попыток руководства «ДемРоссии» «навязать Собранию решения, фактически дестабилизирующие общественно-политическую обстановку в России и открывающие возможность подрыва существующего конституционного строя».

В этот же день в Москве прошел митинг сторонников оппозиции. На нем было выражено недоверие политическому и экономическому курсу правительства. Митингующие обратились к депутатскому Съезду с призывом прекратить «чудовищный эксперимент над народом», не допустить принятия новой конституции, добиваться отставки российского руководства.

VI Съезд открылся 6 апреля 1992 года и длился более двух недель. На нем произошло первое серьезное лобовое столкновение парламента с президентом и правительством. Чтобы получить представление, какой состав депутатов противостоял кабинету министров и президенту, достаточно посмотреть… на итоги голосования в первый день Съезда: полностью поддерживали правительство 130 депутатов, частично – 266, не поддерживали – 653 депутата (483 из них занимали непримиримую позицию по отношению к кабинету). На Съезде сложился оппозиционный блок «Российское единство», объединивший противников правительственного курса реформ.

Источник: Мороз О. Хроника либеральной революции. Как удалось отстоять реформы. М.: Радуга, 2005.

В этом противостоянии и президент, и Верховный Совет стремились заручиться поддержкой региональных элит (знаменитые слова Ельцина: «Берите суверенитета столько, сколько сможете»), что усиливало их сепаратистские настроения. В условиях тяжелейшего экономического кризиса, когда многие жители регионов видели выход в самостоятельном решении накопившихся проблем, такая политика была чревата распадом государства.

Подробнее. **Регионы поддержат более сильного и щедрого**

Децентрализация в России достигла той степени, когда победа в Кремле или Белом доме не может быть достигнута без поддержки республиканских и региональных властей: в конечном итоге победит тот, чьи законы (указы, постановления) будут выполняться в регионах. Патовая ситуация, в которой оказался федеральный центр, превратила российские регионы в фактических арбитров состязания законодательной и исполнительной властей. До сих пор степень политизации в регионах в целом была ниже, чем в Москве, и региональные власти в своем большинстве по известной российской традиции занимали выжидательную позицию, предполагая в случае чего (как это уже показал август 1991 года) примкнуть к победителю.

В этих условиях парламент и президент пытались вывести регионы из состояния нейтралитета, добиваясь для себя более массовой поддержки. В соответствии с уже сложившейся системой приоритетов, каждый из них сделал акцент либо на политических, либо на экономических интересах субъектов Федерации. Верховный Совет выступил с инициативой… уровнять статус краев и областей с республиками в составе России в вопросах бюджета, налогов, распоряжения имуществом и ресурсами. А президент предложил образовать принципиально новый орган власти – Совет Федерации, который, как и германский Бундесрат, формировался бы из представителей субъектов Федерации, самостоятельно делегирующих в него по два своих представителя.

Источник: Регионы поддержат самого сильного. И самого щедрого // Коммерсант. 17 августа 1993 года. № 155 (378). – http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=4f8693c0-4df9-480a-82cc-9ed17625367f&docsid=56726

Пользуясь ситуацией, руководство Верховного Совета присваивало себе все больше полномочий исполнительной власти. Верный по существу принцип контроля парламента за государственными финансами подменили неограниченным вмешательством в исполнение бюджета. Депутаты пересматривали его показатели даже на стадии исполнения, нередко принимая поправки «с голоса», без необходимых расчетов и анализа. Так, в июне 1992 года Верховный Совет в течение нескольких минут проголосовал за удвоение расходов федерального бюджета, не указав источников доходов для покрытия неизбежного дефицита.

Председатель Верховного Совета и президент принимали разные решения по одним и тем же вопросам экономической политики. Особенно пагубным было то, что Центральному банку давались противоречивые указания относительно политики учетных ставок, денежной эмиссии, номинации денежных знаков и отношений со странами СНГ.

Двоевластие сказывалось на возможности правительства проводить финансовую стабилизацию. Что было делать президенту и правительству:

- **пытаться переубеждать депутатов, искать способы влияния на них**
- **или пойти на уступки популистам и смягчить бюджетную политику, чтобы совсем не сорвать реформы.**

Твой выбор?

Переубедить депутатов не удавалось. Президент, анализируя ход экономической реформы, предупреждал: «Реформа еще не стала необратимой, ее нетрудно сорвать. Но если мы потеряем несколько месяцев, то только усилим испытания нашего многострадального народа. И все равно рано или поздно вернемся на тот путь, которым идем сегодня». Депутаты не вняли предупреждению. В начале апреля 1992 года на VI Съезде народных депутатов они предложили увеличить зарплату, компенсировать обесценившиеся вклады, сократить налоги, поддержать субсидиями предприятия, не находившие сбыта своей продукции. Все это можно было сделать только за счет эмиссии денег.

Правительство, понимая пагубность такого пути, вынуждено было смягчить денежную политику. Оно стало оказывать финансовую поддержку предприятиям, которые испытывали естественные для переходного периода трудности. С мая по август 1992 года было принято около 20 законов, указов президента и постановлений правительства о дополнительном финансировании, которые увеличили расходы годового бюджета на 2,5% ВВП.

Центральный банк под давлением Верховного Совета начал выдавать предприятиям льготные кредиты на пополнение оборотных средств и на инвестиции по низким, а иногда и нулевым ставкам. В конце весны он выделил огромные суммы сельхозпредприятиям и компаниям, которые завозили товары на Крайний Север. Выданные в июле–сентябре 1992 года льготные кредиты отраслям превысили 8% ВВП. В условиях высокой инфляции банки, через которые эти деньги проходили, многократно их «прокручивали», прежде чем они поступали к получателям. Кампания по взаимному погашению долгов предприятий потребовала

колоссальных кредитов Центробанка, значительная часть которых, по существу, представляла собой бюджетные дотации.

Поскольку денег на реализацию этих решений не было, пришлось вновь запускать печатный станок, подстегивая инфляцию. То есть парламентарии фактически заблокировали жесткую финансовую стабилизацию, «шоковая терапия» в России, в отличие от восточноевропейских стран, не состоялась.

Накачка экономики деньгами принесла лишь временное облегчение. Прекратился спад промышленного производства, снизилась взаимная задолженность предприятий, уменьшились ставшие к тому времени массовыми задержки зарплаты. Но вскоре все вернулось на прежний уровень. Более того, ситуация ухудшилась, потому что увеличение дефицита бюджета привело к всплеску инфляции.

В июле дефицит достиг 8,2%, за восемь месяцев – 10,8% ВВП. К тому же в июле парламент принял «Закон о бюджетной системе РФ на 1992 год», в котором по сравнению с представленным правительством вариантом доходы бюджета были увеличены на 4%, а расходы – на 10%. Это еще больше подстегнуло инфляцию.

Добиться финансовой стабилизации правительству мешало и то, что директора российских предприятий реагировали на либерализацию цен не так, как ожидалось. Если фирмы, привыкшие работать в условиях рынка, никогда не будут выпускать продукцию, не пользующуюся спросом, то наши предприятия, получив право устанавливать цены на свою продукцию, просто их поднимали. Потребители отказывались от их продукции, началось затоваривание. По укоренившейся советской традиции производители продолжали отгружать продукцию, не заботясь о том, оплатят ли ее потребители. Ведь государственные предприятия могли стать убыточными, но банкротство им не грозило. Возникла проблема неплатежей, которая несколько лет терзала российскую экономику.

***

В 1992–1993 годах в России параллельно проводились две социально-экономические политики: реформаторская политика президента и правительства и популистская политика Верховного Совета. Поэтому за все происходившее в стране в те годы должны нести ответственность и исполнительная, и законодательная ветви власти. Но последняя, будучи вполне реальной, действовавшей властью, называла себя «оппозицией» и всю ответственность за происходившее сваливала на президента

и правительство. А ведь депутаты утверждали бюджет и законы, по которым работало правительство и жила страна.

Восточноевропейские постсоциалистические страны, которым удалось сразу после либерализации цен провести политику жесткой финансовой стабилизации, в короткие сроки преодолели спад и обеспечили рост экономики. В России для этого не хватило политической воли, да и просто понимания политической элитой последствий безответственной популистской финансовой политики.

Подробнее. **Эстония и Россия**

Эстония, как и другие бывшие советские республики, в полной мере испытала трудности, связанные с переходом от социалистического хозяйства к рынку. На ее долю к тому же выпали испытания, вызванные отлучением от традиционных источников сырья, особенно энергоносителей. Разрыв хозяйственных связей куда больнее отзывался в малых странах, чем в России… В холодную и голодную зиму 1991/1992 года в домах не работало отопление. Многие уезжали из Таллинна в деревню, где можно было топить печку дровами. В магазинах были пустые полки, а старики неделями дежурили у почтовых отделений, дожидаясь скудной пенсии…

Как и в России, в Эстонии бушевала инфляция. Только за январь 1992 года цены выросли почти вдвое, хотя они и без того были высокими – их начали освобождать раньше, чем в России, еще с 1989 года. В таких условиях было принято смелое решение: в кратчайшие сроки, без промежуточных этапов покончить с инфляцией, для чего провести денежную реформу и восстановить собственную валюту – эстонскую крону… Был избран вариант предельно жесткой кредитно-финансовой политики – аналогичный тому, что на первом этапе пыталось проводить в России правительство Ельцина–Гайдара. Такой курс серьезно сказался на жизненном уровне, но люди держались. И главное – правительство, парламент и Центральный банк действовали согласованно. Комиссия по денежной реформе во главе с премьер-министром обладала чрезвычайными полномочиями. Было принято конституционное решение: запретить принятие дефицитных бюджетов. 20 июня 1992 года начался обмен рублей на кроны – событие, круто изменившее жизнь страны. Крона была… привязана к немецкой марке. Это повысило авторитет и надежность новой валюты. Банк эмитировал строго ограниченное количество денег – в меру имевшихся золотовалютных запасов, ни кроной больше.

В отличие от Центрального банка РФ, Банк Эстонии работал только с коммерческими банками, отказался от прямого кредитования предприятий, в том числе аграрного сектора. Государство не предоставляло кредиты и дотации предприятиям, невзирая на их требования и жалобы. Резкий спад производства, достигший 40%, вскоре прекратился. Замедлился,

а потом и прекратился рост оптовых цен. Быстро стала расти зарплата. Была проведена приватизация государственного сектора, многие крупные нерентабельные предприятия бывшего союзного значения перестали существовать. Самый большой завод в Таллинне «Двигатель», в советское время выпускавший атомные силовые установки и другую военную продукцию, был разделен на 13 предприятий, часть из них была приватизирована, часть ликвидирована.

Старт реформ был решительным, и последствия были в точности такие, какие описываются в учебниках: сначала была укрощена инфляция, спад производства замедлился, а с 1995 года возобновился экономический рост. В отличие от России, в Эстонии розничные цены на основные товары не росли на протяжении десятка лет. Сравните: в России рост ВВП фактически возобновился только с начала 1999 года, хотя реформы начинались в обеих странах одновременно. В начале нового столетия средняя зарплата в Эстонии превысила 600 долларов в месяц (в 2 раза выше, чем в России), а дифференциация доходов в Эстонии оказалась существенно меньше.

Таблица. *Валовой внутренний продукт на душу населения (по паритету покупательной способности), доллары*

	1993	**1996**	**1999**	**2002**
Россия	4950	6742	6067	7924
Эстония	3803	6645	6519	10 320

Источник: Российский статистический ежегодник. 2004. С. 685, 687, 689, 693.

По данным справочника «Мир в цифрах» (издание британского журнала «Экономист») за 2009 год, в тот год ВВП на душу населения составил в России 6930 долларов, в Эстонии – 12 620. Эти данные не включены в таблицу, поскольку Роскомстат и журнал «Экономист» могут использовать разные методологии расчетов. Но главное соотношение очевидно: в 1993 году Эстония отставала от России примерно на 23%, а в 2009 году опережала в 1,8 раза!

В России, в отличие от Эстонии, «шоковая терапия» была прервана в результате противостояния властей, двоевластия. Поэтому события 1990-х годов у нас до сих пор вызывают неутихающие дискуссии. Если бы мы действовали, как наши соседи, все споры остались бы только историкам.

Источник: Лопатников Л.И. От плана к рынку. Очерки новейшей экономической истории. СПб.: Норма, 2010. С. 93–94, 99. – www.ru-90.ru

4.3. Кризис власти и его разрешение

Политическая борьба между президентом и большинством депутатов обострялась. В декабре 1992 года на VII Съезде народных депутатов парламентарии возложили на президента вину за спад производства и обнищание народа. Были приняты новые поправки к Конституции, согласно которым правительство должно было подчиняться прежде всего парламенту, а затем президенту.

Ельцин выступил против. Для разрешения конфликта между ветвями власти президент обратился к народу как к высшему арбитру, предложил провести референдум, который определил бы быть России президентской или советской республикой. Если Россия останется советской республикой, то действовавшую Конституцию 1978 года достаточно обновить, приняв необходимые поправки. Если она станет президентской республикой, потребуется подготовить и принять новую Конституцию.

Конфликт еще более обострился, когда VII Съезд не утвердил на пост председателя правительства Е. Гайдара, исполнявшего обязанности премьера. Председатель Конституционного суда В. Зорькин поинтересовался у Гайдара, готов ли он добровольно пожертвовать креслом премьера для того, чтобы ликвидировать политический кризис. Гайдар согласился. Он сам вел переговоры с депутатами (при посредничестве Зорькина) по выработке соглашения о конституционной стабилизации. Удалось выйти на приемлемую формулу компромисса, которая на бумаге выглядела витиеватой, а фактически сводилась к отставке Гайдара в обмен на согласие депутатов принять новую Конституцию. Президент и Верховный Совет до 31 марта 1993 года должны были выработать совместный вариант Конституции или два варианта и вынести их на референдум. Новым премьером был назначен В. Черномырдин. Казалось, был найден хороший выход из политического кризиса – без крови, без гражданской войны.

Но в марте 1993 года на VIII Съезде народных депутатов председатель Верховного Совета Р. Хасбулатов заявил, что при заключении соглашения о конституционной стабилизации через референдум его «бес попутал», это была политическая ошибка. К тому времени депутаты отставку Гайдара уже получили – и соблюдать договоренность им было «ни к чему». Съезд приостановил действие соглашения, запретил проведение референдума и включил в действовавшую Конституцию новые поправки, серьезно ограничившие права президента. В итоге все

ветви власти фактически были подчинены Съезду и Верховному Совету. Ситуация обострилась до предела.

20 марта 1993 года в телевизионном обращении к гражданам России Ельцин заявил о неконституционном характере действий Верховного Совета и Съезда народных депутатов, квалифицировал их как попытку политического реванша партийной номенклатуры. Он взял на себя ответственность за развитие политической ситуации и объявил о предстоящем референдуме по вопросу о доверии президенту. «Меня избирал не Съезд, не Верховный Совет, а народ, ему и решать: должен ли я дальше выполнять свои обязанности и кому руководить страной – президенту и вице-президенту или Съезду народных депутатов». В ответ 26 марта собрался IX (внеочередной) Съезд народных депутатов, на котором была предпринята попытка отрешить Ельцина от власти. По итогам голосования это не удалось. Съезд принял решение о проведении всенародного референдума 25 апреля 1993 года.

Результат референдума оказался неожиданным для всех, антиреформаторские силы потерпели поражение. 58,7% проголосовавших высказали доверие президенту, 53,0% одобрили социально-экономическую политику президента и правительства, 67,2% посчитали необходимым провести досрочные выборы депутатов. Сразу после оглашения результатов референдума Хасбулатов и Руцкой заговорили о том, что за Ельцина голосовали «одни алкаши и наркоманы». Своими высказываниями они дезавуировали результаты референдума. Оппозиция не признала победы Ельцина на том основании, что 38 млн человек не участвовали в референдуме. Эта позиция представительной власти (да еще в союзе с вице-президентом) вдохновила «непримиримую оппозицию» на выступление с антипрезидентскими лозунгами и на столкновение с ОМОНом во время первомайской демонстрации в Москве. Грузовым автомобилем, за рулем которого находился один из демонстрантов, был раздавлен милиционер.

Перед президентом стоял принципиальный выбор:

- **продолжать поиск компромисса**
- **или волевым решением разрешить конституционный кризис, распустить Съезд народных депутатов и Верховный Совет, объявить новые выборы.**

Как поступил бы ты?

Людям, близко не знавшим Ельцина, нелегко поверить, что в трудных ситуациях он всегда сначала искал компромиссное решение, а «буйствовать» начинал только тогда, когда заходил в полный тупик. Летом 1993 года вместо того, чтобы распустить Съезд, как дезавуировавший результаты референдума и идущий против воли народа, президент не отказался от поиска компромисса в конституционном процессе. 20 мая было созвано Конституционное совещание для выработки окончательного варианта Конституции. Но оппозиция отказывалась признать его легитимность, считая его деятельность пропрезидентской. Конституционная комиссия Верховного Совета разработала свой проект Конституции. Были и другие проекты.

Президент отказался распускать Съезд и Верховный Совет, потому что опасался гражданской войны (хотя проект указа о их роспуске он с мая носил во внутреннем кармане пиджака). Экономическая ситуация в стране была сложная. В последнюю декаду декабря 1992 года цены выросли более чем на 10% – это почти соответствовало тому уровню, за которым начинается разрушительная гиперинфляция. В конце января 1993 года резко упал обменный курс рубля.

Инфляцию подстегивала и сохранявшаяся после распада СССР единая валюта (советский рубль) в бывших союзных республиках. Их центральные банки выпускали в обращение безналичные рубли, в огромных количествах перетекавшие в Россию. За эти «нарисованные» деньги в России покупались нефть, лес и другие товары. Такая эмиссия денег приносила республикам очевидную выгоду, а Россия импортировала инфляцию. Избавиться от рублевой зоны удалось лишь к осени 1993 года.

Несмотря на конфронтацию между правительством и парламентом, которому был подчинен Центральный банк, в марте 1993 года Центральный банк и правительство приняли совместное заявление о согласованной деятельности в сфере денежной политики. Предусмотренные в нем стабилизационные меры ограничивали бюджетный дефицит, темпы роста денежной массы, объемы кредитования банком народного хозяйства и расходы правительства. Но цены продолжали неумолимо расти (на 840% за 1993 год). Получая зарплату, граждане стремились скорее избавиться от рублей, пока они еще не обесценились, меняли их на доллары.

В правительстве Черномырдина обозначились два крыла: консервативное во главе с вице-премьером и министром экономики О. Лобовым

и реформаторское, в котором большую роль играл министр финансов Б. Федоров. С одной стороны, правительство соревновалось с парламентом в раздаче популистских обещаний и принятии многочисленных решений о бюджетных расходах, не подкрепленных доходами, с другой – Минфин держался за каждый рубль и проводил относительно независимую жесткую бюджетную политику. Указом Президента РФ «О некоторых мерах по сдерживанию инфляции» от 3 июня 1993 года был введен мораторий на увеличение расходов бюджета, не обеспеченных доходами. Важным достижением было и то, что с мая 1993 года Россия прекратила техническое кредитование бывших союзных республик, стала фиксировать долларовый эквивалент межгосударственных кредитов и устанавливать конкретные сроки их погашения. Однако положения это не спасало, потому что общий настрой правительства допускать рост дефицита бюджета был существенно ближе к настрою парламента, чем в 1992 году. К тому же Верховный Совет отклонил предложения правительства о введении новых налоговых платежей, в результате доходы бюджета сократились, а план по расходам депутаты увеличили еще на 5% ВВП.

В конфликте между законодательной и исполнительной властью столкнулись люди, ставившие перед собой противоположные цели. Политики, отстаивавшие интересы номенклатуры, стремились любой ценой сохранить государственные дотации предприятиям, преференции и прочие льготы «влиятельным директорам». Реформаторы пытались заставить предприятия жить по средствам, рационализировать производство, менять ассортимент продукции в соответствии с запросами потребителей. Они стремились закрыть «бюджетные кормушки» для тех, кто не хотел приспосабливаться к требованиям рынка, понимая, что только снижение инфляции может облегчить положение малообеспеченных слоев населения, способствовать возобновлению экономического роста.

24 июля 1993 года Центральный банк неожиданно объявил, что все советские и российские банкноты образца 1961–1992 годов с 26 июля (с понедельника) изымаются из обращения, до 27 июля их можно обменять на новые – образца 1993 года. Лимит обмена был установлен в 35 тыс. неденоминированных рублей (в то время примерно 35 долларов) на человека. Официально это делалось для того, чтобы избавить российский денежный рынок от наличности, в избытке и неконтролируемо поступавшей из бывших союзных республик. Но то, как

это было обставлено, говорило о том, что Верховный Совет, который формально не участвовал в этой акции, хотел подорвать политические позиции президента и правительства. Сообщение было сделано в субботу (в воскресенье все банки закрыты), и обменять разрешалось лишь ограниченную сумму – то есть реформа носила явно конфискационный характер.

В стране немедленно началась паника. Люди прекрасно помнили денежную реформу, проведенную тем же В. Геращенко в 1991 году в СССР. В магазинах выстроились гигантские очереди, сметавшие с полок всё подряд. Стремительно нарастало социальное напряжение.

Что было делать президенту в такой чреватой серьезными последствиями ситуации:

- **ничего не делать, считая, что чем меньше денег у населения, тем ниже инфляция,**
- **или срочно свести на нет конфискационный характер денежной реформы, издав указ.**

Что предпринял бы ты?

Ельцин выбрал второй путь и в понедельник 26 июля издал указ, которым срок обмена был продлен до конца августа 1993 года, лимит обмена повышен до 100 тыс. рублей на человека, при этом тысячные купюры было разрешено менять без ограничений, а все остальные – только до 100 тыс. рублей. Паника прекратилась. Позже аналитики назвали действия председателя Центрального банка В. Геращенко началом консервативного реванша, который продолжался до роспуска парламента 21 сентября 1993 года.

Подробнее. **Реакция властей на объявление Центральным банком денежной реформы**

6 августа 1993 года премьер-министр В. Черномырдин попытался на специально созванной пресс-конференции объяснить, как и кем готовилась денежная реформа, зачем она нужна и какую пользу принесет гражданам. Но поскольку исполнительной власти к этому времени уже никто не верил, его красноречие и доводы никого не убедили и не успокоили. Единственное, что навсегда осталось у россиян в памяти от этого

выступления, – горькое признание: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Многие наивно ожидали, что по поводу «своеволия» Центрального банка, подотчетного Верховному Совету, а не правительству, гневно выступит президент. Но Б. Ельцин предпочел отмолчаться.

Зато спустя два дня после начала паники на руководство ЦБ с резкой критикой обрушился председатель Верховного Совета Р. Хасбулатов, одновременно метавший громы и молнии в адрес президента, правительства и министра финансов Б. Федорова. Спикер пригрозил всех снять с работы, а все решения ЦБ и правительства отменить, запретить и вообще навести в стране должный порядок. Однако меньше чем через неделю, так никого и не сняв с должности, забыв об «экономической и политической бессмысленности» изъятия денег у населения, Хасбулатов утвердил Постановление Верховного Совета «О решении Банка России об изъятии из оборота казначейских и банковских билетов образца 1961–1992 годов». В нем вместо грозных слов было написано, что «установленный механизм изъятия из оборота казначейских и банковских билетов образца 1961–1992 годов не был согласован с Верховным Советом». И только! Был согласован – иначе и быть не могло, поскольку Центробанк был подотчетен Верховному Совету и нарушать Конституцию и Закон «О Центральном банке» даже такой смелый человек, как Геращенко, без поддержки Верховного Совета (во всяком случае, без заверений в поддержке со стороны спикера) не посмел бы.

Выступая по телевидению, спикер, мягко говоря, «играл» на публику. Он прекрасно всё знал, но, узнав о резко негативной реакции населения на такую денежную реформу, попытался отмежеваться от непопулярной акции, с наигранным пафосом обличая всех и отводя подозрения от Президиума Верховного Совета. Когда гроза миновала, спикер подтвердил свою лояльность руководству ЦБ: в упомянутое постановление был вписан скромный, но очень важный пункт о нецелесообразности включения председателя Центробанка в состав правительства.

Вот только о главном никто не обмолвился: эта плохо подготовленная, недостаточно просчитанная и не слишком своевременная денежная реформа не решила ни одной задачи по стабилизации финансово-экономического положения страны, зато нанесла серьезный удар по материальному положению многих россиян, по их здоровью. То, как она была проведена, подорвало у народа остатки доверия к руководству страны.

Источник: Финансовый контроль. 2006. № 12 (61). – http://prosto-vezunchik.narod.ru/fincontrol.ru

Противостояние дошло до логического конца в августе 1993 года, когда председатель Верховного Совета Р. Хасбулатов открыто призвал руководителей субъектов Федерации прекратить перечислять налоги «антинародному правительству». Это означало призыв к свержению исполнительной власти, к революции.

Конституционный компромисс провалился. Президент окончательно убедился в невозможности сотрудничать с Верховным Советом. Получив информацию о том, что оппозиция собирает оружие, Ельцин перешел в контрнаступление. Позже он писал: «Мне всегда было важно только одно: политическая стабильность, ясность, определенность. Хватит уловок с законами. Закон должен быть один для всех. И одно на всех правительство. Не выдержит Россия больше наших драк на съезде, и придет российский новый Сталин, который захочет всю эту интеллигентскую возню с демократией – к ногтю. Я выбрал свой вариант стабилизации».

21 сентября он подписал Указ Президента РФ «О поэтапной конституционной реформе в РФ» № 1400, которым распустил Съезд народных депутатов и Верховный Совет. Указ предписывал завершить работу над проектом новой Конституции, провести выборы в Госдуму 11–12 декабря 1993 года. Центральный банк и генпрокурор были переподчинены президенту и правительству.

В своем телевизионном обращении в 20.00 к народу Б. Ельцин сказал: «До сих пор не отменены решения Верховного Совета и съезда, которые противоречат результатам апрельского референдума. И сегодня можно уверенно сказать – не будут отменены. Наоборот, за последние месяцы подготовлены и приняты десятки новых антинародных решений. Многие из них целенаправленно спланированы на ухудшение ситуации в России. Наиболее вопиющей является так называемая экономическая политика Верховного Совета по бюджету, приватизации, многие другие усугубляют кризис, наносят огромный вред стране. Все усилия правительства хоть как-то облегчить экономическую ситуацию наталкиваются на глухую стену непонимания. Не наберется и нескольких дней, когда Совет Министров не дергали, не выкручивали руки. И это в условиях острейшего экономического кризиса. Верховный Совет перестал считаться с указами президента, с его поправками к законопроектам, даже с конституционным правом вето. При этом непрерывно клянутся в верности Конституции и законности». А уже в 22.15 спикер Верховного Совета Р. Хасбулатов объявил о том, что А. Руцкой в ближайшие дни будет приведен к президентской присяге, и о созыве внеочередного съезда для вынесения импичмента президенту. Сторонники Верховного Совета стали собираться у Белого дома и возводить баррикады.

Два десятилетия не стихают споры о законности Указа Президента РФ № 1400. Формально решения президента, как и решения Верховного

Совета, выходили за рамки противоречивой Конституции 1978 года. Но в условиях двоевластия никакие законы уже не соблюдались. Однако действия президента были легитимными, так как опирались на выраженную на апрельском референдуме волю народа.

Подробнее. **О конституционности Указа Президента РФ «О поэтапной конституционной реформе» № 1400 от 21 сентября 1993 года**

Г. Бурбулис, секретарь Государственного совета при президенте в 1991–1992 годах:

Мы знали, что Б. Ельцин готовит некий чрезвычайный документ (Указ № 1400. – *Ред.*). Удержать его от такого шага пытались В. Черномырдин, С. Филатов, Е. Гайдар. И я добивался личной встречи, надеясь, что смогу убедить его продолжить поиск компромисса. Но после выхода этого Указа я понял, что любая неопределенность грозит стране непоправимой катастрофой… Не оправдывая появление Указа № 1400, надо признать, что могло произойти худшее, если бы Руцкой и Хасбулатов возглавили страну. Это тот случай, когда Ельцин оказался исторически более прав, чем все остальные.

Была ли тогда возможность мирно решить конфликт путем переговоров? Ключевой в этой ситуации стала позиция Конституционного суда. Поскольку в Указе № 1400 оказался пункт о том, что полномочия Конституционного суда временно прекращаются, он в тот же день принял решение об отрешении президента от власти. Это был мощный сигнал для группы депутатов Верховного Совета, которая назначила А. Руцкого президентом. Поэтому переговоры со стороны Верховного Совета имели под собой определенное политическое лукавство: можно поговорить недели три-четыре, а за это время накопить силы. Эта часть Верховного Совета и Руцкой наблюдали за ошибками и слабостями Ельцина, получали политическое удовлетворение от его трудностей. За то, что произошла эта кровавая трагедия, отвечают и те, и другие. Но вины больше на тех, кто, считая Ельцина ослабленным, старался воплотить все это в решительную акцию.

Источник: Переломный момент истории. Интервью с Г.Э. Бурбулисом. – www.ru-90.ru

***

Т. Морщакова, судья Конституционного суда, о конституционности Указа № 1400 на совещании в суде в разгар событий 1993 года:

Конечно, если мы будем оценивать Указ Президента РФ № 1400 с чисто юридической точки зрения, то, безусловно, найдем массу оснований для того, чтобы можно было признать его тотально неконституционным… Настаивать сейчас на конституционных шагах, чьих, простите, – президента, Верховного Совета, когда давным-давно никакие законодательные власти,

никакие конституции не соблюдаются… Настаивать на конституционных шагах в условиях, когда органы власти на местах не то что конституционных, никаких законов не признают и делают, что хотят… Это было бы аморально, означало бы, что мы закрываем глаза на то, что реально происходит, и только от одной власти требуем того, что можно было бы соизмерить с Основным законом государства. Нет у нас сейчас в государстве таких властей, действия которых можно было бы соизмерить с каким-то законом, ибо масштаб этот уже ни для чего не годится. Не потому что он негоден, а потому что само состояние не то что конституционной, но и общей законности находится на таком уровне, что решения наши кажутся мне просто пустой бумажкой.

Источник: Выдержка из стенограммы. Опубликовано: Дорофеев Н. Бунт не бессмысленный, но беспощадный // Парламентская газета. 8 октября 2010 года.

Верховный Совет счел действия Ельцина противоречащими Конституции и квалифицировал их как государственный переворот. Президиум Верховного Совета принял постановление о назначении президентом Руцкого.

В ответ на это в ночь на 22 сентября в здании Белого дома была прервана правительственная связь, заблокирован транспорт, отключено электричество. Исполнительная власть пыталась не применять силу, не втягивать в конфликт регионы страны, старалась «не замечать Верховный Совет» и демонстрировала свою уверенность в правоте действий, ссылаясь на результаты референдума.

23 сентября 1993 года состоялся последний Съезд народных депутатов. Он объявил о незаконности «режима Ельцина», поручил исполнять обязанности президента Руцкому, утвердил силовых министров. Противостояние стало открытым.

Подробнее. **Ельцин дезорганизует ряды депутатов**

Верховный Совет, распущенный Б. Ельциным, продолжал вчера (23 сентября 1993 года. – *Ред.*) сопротивляться президентскому правлению. Делал он это способом, единственно доступным парламенту, – обсуждая создавшуюся ситуацию и изыскивая способы добиться поддержки населения и армии. Никаких заметных результатов по сравнению со средой депутаты при этом не достигли. В 22.00 набрался кворум, и в Белом доме открылся внеочередной съезд, который, очевидно, продолжит обсуждение ситуации. Между тем Кремль, не теряя времени, активно действовал по всем направлениям. Еще утром был обнародован указ Ельцина, назначающий президентские выборы на 12 июня 1994 года. Это, очевидно, должно успокоить тех, кто опасался перерастания президентского правления в диктатуру, и привлечь на сторону Ельцина колеблющихся. (…)

Президентской команде до вчерашнего вечера не было нужды прибегать к экстраординарным методам для того, чтобы оказать давление на обитателей Белого дома. Кремль действовал привычным для себя способом, правда, уже не отбирая дачи, лечащих врачей и кабинеты. С 11.00 на Краснопресненской набережной были отключены телефоны и электроснабжение. Усиленно циркулировали слухи о том, что Белый дом может быть отрезан от водопровода – видимо, предполагалось, что это заставит депутатов покинуть здание, поскольку без телефона страной еще можно руководить, а без канализации уже нет. Одновременно президентская сторона предприняла и более серьезные действия, призванные дезорганизовать депутатские ряды. Пресс-служба Ельцина постаралась довести до сведения парламентариев очередной указ, согласно которому за депутатами сохраняются отдельные льготы и им гарантируется социальная защита…

Тем временем депутатский корпус понес заметные потери. Подал в отставку с поста зампреда ВС Н. Рябов. Парламентарии единодушно ее утвердили. На его место пока никто не назначен, но сам Рябов президентским указом уже назначен председателем Центризбиркома… Объявил себя «бывшим депутатом» и покинул бюджетный комитет А. Починок, сложил полномочия руководителя Комитета по обороне и безопасности С. Степашин… Неожиданный удар нанес депутатам В. Степанков, которого многие парламентарии считали своим человеком. Генпрокурор, оставленный на этом посту президентом, сообщил депутатам, что действия парламента по отрешению от должности Ельцина и назначению Руцкого и.о. президента незаконны. По мнению Степанкова, такие шаги может предпринять только съезд.

Съезд при кворуме в 638 депутатов вчера вечером начал работу и, вероятно, не задержится с утверждением перемен в Кремле. Он начался под шум автономной электростанции, обслуживающей Белый дом, но свет подавался не во все помещения, так как неизвестно, на сколько времени хватит топлива для движка станции. Однако электроэнергии не жалеют для пишущих машинок: они стрекочут на всех этажах, выдавая указания, обращения, решения и постановления, довести которые до сведения избирателей у ВС практически нет возможности – ведь решением правительства приостановлено издание «Российской газеты». У депутатов, которые в перерывах между разработкой мер противодействия президенту и тревожным сном на стульях и раскладушках, настроение скорее оптимистическое. Некоторое раздражение у них вызывает то, что президент покусился на имущество ВС. Они также побаиваются, что такая же участь ожидает и депутатские квартиры.

Источник: Погорелый В. Поредели ряды депутатов // Коммерсант. 24 сентября 1993 года. – http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=00714afe-6611-43ba-8fe0-9bb258a8fb48&docsid=60397

Подробнее. **Верховный Совет вооружил 7000 резервистов**

Политическая ситуация в стране по-прежнему остается нестабильной. Двоевластие привело к появлению не только двух президентов, но и двух министров обороны, безопасности и внутренних дел… Несмотря на то что Хасбулатов вчера утром опроверг сообщения о выдаче ВС оружия своим защитникам, можно все же считать эти сведения достоверными. По сведениям информатора «Ъ» из числа «резервистов», еще в ночь с 21 на 22 сентября из бункера, расположенного во флигеле у Белого дома со стороны Рочдельской улицы, в здание ВС было перенесено большое количество стрелкового оружия и боеприпасов, в том числе гранатометы и пулеметы. Военные эксперты «Ъ» отметили, что вооруженные люди у здания ВС имеют при себе абсолютно новые автоматы, что косвенно подрывает доверие к заявлениям Департамента охраны ВС о том, что на площади находятся сотрудники охраны с табельным оружием, часть которых якобы несет службу на улице в штатском… Да и внешний вид небритых автоматчиков в потертых джинсовках вызывает сомнение в их принадлежности Департаменту охраны.

Защитники парламента организованы по принципу «резервистов». Непосредственно на площади находится несколько сотен человек, несущих «караульную службу». В случае обострения ситуации они по известным телефонам должны в течение нескольких минут объявить сбор основных сил. Разработан четкий план занятия заранее подготовленных позиций прибывшими бойцами-резервистами. Всего их (хотя количество держится в секрете) сформировано около 70 рот (стандартных, по 100 человек, разбитых на десятки). Боеспособность и выучку бойцов можно оценить как весьма профессиональную (несмотря на то что обладатели автоматов позволили себе ночью употребление спиртных напитков, что стало поводом для распоряжения Руслана Хасбулатова устранить с площади нетрезвых сторонников): их костяк составляют кадровые отставники, среди командиров рот есть бывшие генералы.

Источник: Верховный Совет вооружил 7000 резервистов // Коммерсант. 24 сентября 1993 года. № 183 (406). – http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=6c04b0b9-d7cf-461c-8031-a0569c293ad7&docsid=60392

На разрешение кризиса повлияли позиция российских регионов и силовых ведомств (армии, МВД). На региональном уровне большинство глав администраций поддерживали Ельцина, но значительная часть представительных органов областей и автономий была на стороне Верховного Совета. 25 сентября в Петербурге начало работу совещание глав субъектов Федерации. Парадокс состоял в том, что, выступив против Ельцина, представители 41 субъекта Федерации приняли решение об одновременных перевыборах и президента, и депутатов Верховного Совета.

Так возникла «третья сила» – «регионалы», которые в данной ситуации, устранив и Хасбулатова, и Ельцина, могли бы заменить высшие звенья исполнительной и законодательной ветвей власти. Их позицию разделяли и высшие иерархи Русской православной церкви. Впрочем, как обычно происходит в период смут и революций, все решалось в столице.

В Москву из соседних областей шли колонны автобусов со сторонниками Верховного Совета, вокруг Белого дома собрались толпы его защитников. Многие из них были вооружены. Газеты и телевидение рассказывали о том, что среди них были русские фашисты, бойцы рижского ОМОНа. В одном строю среди мятежников были коммунисты Зюганова, наемники из Приднестровья и нацисты Баркашова. На весь мир с экранов телевизоров звучала матерщина генерала-антисемита Макашова, посылавшего их на штурм телецентра. Чтобы оценить их решимость, достаточно вспомнить, что они приняли «указы», в которых приговорили к расстрелу полтора десятка людей, от президента и членов правительства до видных журналистов.

Подробнее. **Блокада Белого дома привела к серьезным столкновениям**

Если в минувший уик-энд сборище у здания ВС напоминало плохо разыгранный фарс, то вчера вечером (29 сентября 1993 года. – *Ред.*) оно стало похоже на довольно успешную попытку организовать массовые беспорядки. По данным МВД, в течение минувших суток у Белого дома находилось около 500 защитников парламента. На площади Свободной России перманентно проходил митинг, на котором периодически выступали бывшие депутаты СССР: С. Умалатова и В. Алкснис, священник отец Арсений, а также представители Урала и Сибири. Так как российских журналистов на территорию, прилегающую к зданию ВС, по-прежнему не допускают, то независимых оценок количественного и качественного состава сторонников парламента, а также числа упомянутых представителей нет.

До этого события развивались следующим образом. К вечеру 28 сентября ситуация в центре города резко обострилась. Как и предполагал «Ъ», блокада Белого дома не принесла москвичам обещанной безопасности, а лишь расширила границы конфликта, дезорганизовала жизнь в центре города и привела к периодически возникавшим столкновениям между довольно большими группами граждан, пытавшихся прорваться на площадь Свободной России, и силами МВД. В 18.45 в районе Конюшковского переулка группа до 1 тыс. человек пыталась прорвать оцепление, но была рассеяна сотрудниками милиции. Наиболее серьезную атаку на оцепление примерно 3 тыс. защитников ВС предприняли в 19.00 у метро «Баррикадная». Вооруженные

кольями, дубинами и заточками, они напали на милиционеров. Жертв, по данным ГУВД Москвы, на тот момент еще не было. В полночь милиционерам удалось загнать демонстрантов с площади Восстания на станцию метро «Баррикадная», и там, на эскалаторе, столкновение переросло в настоящую драку, в результате которой наверняка пострадали абсолютно непричастные к событиям у Белого дома люди…

Днем 29 сентября ситуация в Москве оставалась спокойной, но к вечеру вновь обострилась. К 19.00 на площадях Восстания и Белорусского вокзала появились группы сторонников парламента (общей численностью свыше 400 человек). Собравшиеся у Белорусского вокзала, завидев появившихся милиционеров, побежали в сторону площади Восстания, где уже захватили плацдарм их единомышленники. В 19.30 к «Баррикадной» был подтянут милицейский резерв, но ситуация оставалась неопределенной… К вечеру 29 сентября сторонники парламента начали возводить баррикады практически во всем центре Москвы. По некоторым данным, в ход пошли даже перевернутые троллейбусы. Похоже, ситуация в Москве может выйти из-под контроля.

Источник: Левко Б., Санин Г., Алехин Д. Блокада Белого дома привела к серьезным столкновениям // Коммерсант. 30 сентября 1993 года. № 187 (410). – http://www.kommersant.ru/doc-rss.aspx? DocsID=60882

***

Вдруг какая-то беготня и голос Анпилова в мегафон: «Товарищи, здесь Илья Константинов, собирайтесь вокруг Константинова, он знает, куда идти». «У-у-у! – отвечают товарищи. – Покажем, б…, демократам, кто хозяин». Константинов в белом плаще, заметном отовсюду, ведет толпу к Садовому. На Садовом молодежь догоняют старики со знаменами, старухи с авоськами. Начинается строительство баррикад… На часах 21.00. Толпа звереет сильней, заворачивает троллейбусы, водителей и пассажиров выгоняет на улицу. «У, суки, – кричат им, – Родина в опасности, а вы тут…»

Источник: Московский комсомолец. 30 сентября 1993 года.

30 сентября состоялись переговоры между представителями президента и Съезда. В результате был подписан Протокол № 1, в соответствии с которым нужно было взять под контроль оружие в Белом доме, ликвидировать блокаду и силовое противостояние. Однако Военный совет обороны Белого дома, созданный накануне, отверг соглашения по Протоколу № 1. Новые переговоры не привели к позитивным результатам, Верховный Совет требовал вернуться к политической ситуации, существовавшей накануне начала блокады Белого дома, что означало отказ от признания правомочности президента Ельцина и правительства.

2 октября экстремистски настроенные сторонники Верховного Совета перешли к активным боевым действиям. Блокада Белого дома была прорвана. Начались беспорядки на Смоленской площади, сторонники парламента захватили здание мэрии на Новом Арбате, гостиницу «Мир», здание ИТАР-ТАСС, Краснопресненское УВД, блокировали здание Министерства обороны, пытались штурмовать телецентр «Останкино». В результате пролилась кровь, были убитые и раненые.

По призыву Е. Гайдара у здания бывшего Моссовета на Тверской улице собрались сторонники либерального, демократического развития России. Стало ясно, что у президента есть массовая поддержка, что режим устойчив.

Подробнее. **Драматическое окончание переходного периода**

Вне конституционного поля. За конституционные рамки вышли обе стороны конфликта. Новую фазу противостояния, своего рода игры без правил, открыл президент. Однако он предложил выход в новое правовое пространство – выборы. Их результат не был предопределен. Свои возможности Ельцин, вероятно, переоценивал. Но еще более переоценили свои силы его противники, возомнившие, что их решительная победа достижима до всяких выборов и вместо них. Отвечая на пресс-конференции на вопрос о возможности компромисса, Хасбулатов взорвался: «Осуществлен государственный переворот, его надо подавить, вот в этом весь компромисс». Можно ли было при ориентации обеих сторон на решительную победу избежать кровавого столкновения?

Последнее слово в споре не было сказано до 1 октября. Накануне ночью представители президента (Филатов, Лужков, Сосковец) и парламента (Абдулатипов, Соколов) подписали Протокол № 1, предусматривавший сбор и передачу под охрану совместных контрольных групп оружия, скопившегося в Белом доме, а взамен частичное деблокирование здания (к чему 1 октября приступила президентская сторона)… Но, как только посланцы парламента вернулись с переговоров, на авансцену вышел и объявил свою волю Военный совет обороны Дома Советов, который возглавляли Ачалов, Баранников и Дунаев. Новоназначенные министры потребовали немедленно денонсировать протокол. Это был неприкрытый ультиматум – теперь уже депутатам… Протокол № 1 был денонсирован, но переговоры утром 1 октября возобновились в Свято-Даниловом монастыре при посредничестве Патриарха… В итоге многочасовых дискуссий 1 и 2 октября стал вырисовываться компромисс по оружию и разблокированию Белого дома. Но 3 октября Воронин огласил заявление съезда, которое не оставляло сомнений в том, что никакие переговоры белодомовцам больше не нужны, их требования – немедленная односторонняя отмена указа № 1400 и сложение Ельциным

своих полномочий. Срыв переговоров объяснялся просто: блокады Белого дома к этому часу не существовало.

Возбужденная призывами к насилию пестрая толпа днем 2 октября учинила беспорядки на Смоленской площади. Группы провокаторов принесли паклю, бутылки с бензином, зажигательной смесью. В безоружных милиционеров полетели куски арматуры, покатились подожженные автомобильные покрышки. Силы правопорядка дрогнули. Продолжавшиеся несколько часов бесчинства вдохновили их организаторов на провокации еще большего масштаба и ничему не научили власти, застигнутые врасплох тем, что повторилось на следующий день. 3 октября собравшиеся на Калужской площади демонстранты, сметая милицейские кордоны, подошли к Белому дому. Воссоединившись с собравшимися там людьми, они деблокировали здание, захватив при этом у обращенных в бегство омоновцев каски, бронежилеты, дубинки, а также автомобили и автобусы. Камеры зафиксировали эпизоды… один из лидеров Фронта национального спасения И. Константинов вышагивает по вестибюлю московской мэрии, как пахан во главе банды, творившей здесь погром, суд и расправу, генерал А. Макашов, возглавивший налет на здания в Останкине, изрыгает команды наскоро сколоченному бандформированию на матерном языке. Выступая на импровизированном митинге, А. Руцкой призвал штурмом взять мэрию и «Останкино», а Р. Хасбулатов – взять Кремль и заключить «узурпатора, преступника Ельцина в “Матросскую тишину”». Это была новая ступень эскалации… Не надо обладать большим воображением, чтобы представить, что стали бы творить эти люди, если бы им удалось дорваться до власти. 3 октября в Белом доме царила эйфория близкой победы…

Отчаяние и ответственность. С безответственностью лидеров оппозиции, призвавших своих сторонников на вооруженный мятеж, сопоставима безответственность власти, решившейся направить ход событий по рискованному руслу, но не оценившей силы сопротивления противника. О том, что в Кремле и на Старой площади царила растерянность, свидетельствуют все, на ком лежала громадная ответственность за сделанный выбор безотносительно к тому, одобряли они его или нет: Гайдар, Филатов, Чубайс и другие. Улицы и площади Москвы на несколько часов оказались под ударом погромщиков. И если они не натворили больших бед, то только потому, что на стороне оппозиции сражались не столь уж многочисленные отряды волонтеров, а хвастливые заявления новоназначенных министров о сотнях и тысячах обученных военных, перешедших якобы на сторону «защитников Конституции», были предназначены для взбадривания депутатов.

У оппозиции не хватило сил, чтобы переломить неустойчивое соотношение сил в свою пользу в ночь с 3 на 4 октября. Но выяснилось это позже, а тогда все решали три обстоятельства. Во-первых, исход боя за телевидение. Выход в эфир лидеров и ораторов оппозиции на центральных каналах должен был стать ясным сигналом и для поддерживавшего ее активного меньшинства, и для колеблющегося, выжидающего пассивного

большинства. Но даже экран, погасший на время, необходимое, чтобы перекоммутировать трансляцию, свидетельствовал о серьезности положения. Во-вторых, позиция армии. Уже к вечеру 3 октября стало ясно, что сил милиции и внутренних войск, верных президенту, не хватает, чтобы справиться с мятежом. В-третьих, от способности лидеров Кремля преодолеть замешательство и продемонстрировать обществу волю к победе – во всяком случае, не меньшую, чем у вождей оппозиции.

Во второй половине дня 3 октября счет пошел уже не на часы – на минуты. Президент еще летел на вертолете в Кремль из своей загородной резиденции, а по коридорам правительственных зданий покатилась паника. Следует ли удивляться, что на разных уровнях ощущалось желание снять с себя ответственность, сказаться больным, оказаться вне досягаемости? И вот тут выяснилось, что не растерялись те самые «завлабы», ученые, журналисты, о непригодности которых к государственной работе произнесено было немало речей.

Управления телеканалами из «Останкино» в резервную студию было передано за 14 минут. Информационный коллапс не наступил, но это было полдела. Люди, напряженно всматривавшиеся и вслушивавшиеся в передачи радио и телевидения, понимали: инициатива в руках белодомовских формирований, милиция спряталась, войска где-то застряли. Президент на исходе дня прибыл в Кремль, но не поступало никакой информации о том, чем он занимается, чего добился. Помощники уговаривали президента выступить по телевидению, но он, «чувствуя себя не в лучшей форме, оттягивал этот момент» и появился на экранах ТВ лишь утром следующего дня.

Такова была ситуация, когда в 20.40 по телевидению выступил Гайдар. Речь его была короткой и жесткой. Сегодня, говорил он, мы не можем передоверить ответственность за судьбу демократии, России и свободы только милиции или армии. Тех, кто не хочет, чтобы наша страна на десятилетия превратилась опять в огромный концентрационный лагерь, он призвал собраться на площади у Моссовета, продемонстрировать свою решимость отбить атаку реакции. Ход был рискованный, можно даже сказать – отчаянный. Политик, которого большинство демократов считали своим лидером, брал на себя колоссальную, невыносимую ответственность. Его вины в издании указа № 1400 не было: он вернулся в правительство, когда решение о том было принято и механизм запущен. Он сделал попытку отговорить Ельцина, считая акцию несвоевременной. Но теперь он призывал своих сторонников, которым еще только предполагалось раздать оружие, преградить путь вооруженным людям, уже показавшим, на что они способны.

Это была политическая игра ва-банк, которая вполне могла привести к событиям страшным. Но поскольку до вооруженной схватки демонстрантов с боевиками дело, к счастью, не дошло, многотысячный митинг у Моссовета, продолжавшийся всю ночь, помог выиграть решающую партию политически. Колеблющимся генералам было наглядно продемонстрирова-

но, что в стране есть другое, «небелодомовское» активное меньшинство – демократов, тогда еще связывавших свои надежды с Ельциным и одобрявших его действия. Это было, однако, условие необходимое, но недостаточное.

Атака на «Останкино» была отбита, ее участники и командиры вернулись в Белый дом, но теперь уже не оставалось сомнений: отсюда исходила вооруженная агрессия. Трудно сказать, насколько обоснованны были опасения, что у порога стоит гражданская война, но в те часы это казалось непреложным. Переговоры в Свято-Даниловом монастыре еще днем были сорваны руководителями ВС, выстрелы у телебашни гремели до утра, около 2 часов ночи Хасбулатов заявлял журналистам, что гражданская война уже началась, а в 5 часов утра Воронин, встретившийся с Сосковцом, вел себя вызывающе и отверг все инициативы президентской стороны, так как полагал, что сотни тысяч москвичей идут на выручку Белому дому.

Спорное и бесспорное: альтернатива тех дней. Было ясно, что без армии с ее бронетехникой милиция не справится, а спецподразделения не пойдут на штурм Белого дома. А в армии, в частности, среди высшего генералитета, не без влияния демократов еще с августа 1991 года было исключительно сильно убеждение, что она при любых обстоятельствах должна оставаться вне политики. Отсюда – невнятные объяснения Грачева в ответ на вопросы президента: почему медлят войска? Многим запомнилась картинка: Ельцин на танке в августе 1991 года призывает войска и граждан к сопротивлению путчистам. То был символ перелома в истории страны. Вероятно, не меньшие последствия имело появление Ельцина в Министерстве обороны глубокой ночью 4 октября. Это было, конечно, не столь эффектно и театрально, да и не было тех, кто мог бы запечатлеть на пленку, как он преодолевал вязкое сопротивление генералов. Но именно в этот ночной час была подведена черта под историей не только первого постсоветского парламента, но и всего переходного периода.

Конечно, обстрел здания собственного парламента из танковых орудий на виду у страны и всего мира – операторы американской CNN работали высокопрофессионально – скверный символ Конституции, которая вслед за тем была введена, и демократии, которую таким способом защищали. Можно ли было действовать как-то иначе? Отчего не был приведен в действие предложенный специалистом на встрече Ельцина с генералами план ночного овладения зданием, если и не совсем бескровный, то с меньшим числом жертв? Из-за нераспорядительности власти и сбоев в управлении силовыми структурами или для того, чтобы преподать урок не желавшим сдаваться противникам?

У меня нет ответа на эти вопросы. Как бы то ни было, в те драматические часы власть должна была осознать свою ответственность за то, что сначала своей ковбойской попыткой разрешения кризиса, а затем явленной в течение двух недель беспомощностью она подвела страну к очень опасной грани. И она решилась на то, к чему ее в ту ночь призывали многие лидеры отечественной интеллигенции и ведущие политики. В студии телевидения,

перенесенной из «Останкино» на радиостанцию «Эхо Москвы», один за другим выходили к микрофонам М. Горбачев, А. Яковлев, Е. Гайдар, Ю. Лужков, А. Адамович, Б. Окуджава, Л. Ахеджакова, И. Смоктуновский, В. Селюнин и многие другие. По-разному видели они причины событий, не обошлось без критики власти, но согласны все были в одном: сегодня ночью силы правопорядка должны остановить насилие, удержать столицу, завтра уже может быть поздно.

С призывами к решительным действиям выступили политики, которых нельзя было заподозрить в чрезмерной благожелательности к Ельцину, к его поступку. Упраздненный Верховный Совет и его сторонники, гласило заявление Гражданского союза, перешли грань, отделяющую политическую борьбу от преступления. Г. Явлинский в сентябре предпринял не одну попытку изыскать компромиссное решение на основе возврата к ситуации, существовавшей до издания указа № 1400. Теперь он призвал президента проявить максимальную твердость и жесткость. Главная задача Ельцина в эту ночь, говорил Явлинский, – применить все доступные средства «для подавления фашиствующих, экстремистских, бандитских формирований, собранных под эгидой Белого дома». Если для этого сил правопорядка «будет недостаточно, необходимо рассмотреть вопрос об использовании регулярных вооруженных сил».

Источник: Шейнис В.Л. Октябрь 1993-го: конец переходной эпохи // Независимая газета. 7 октября 2003 года. – http://www.ng.ru/printed/42635

Подробнее. **Гайдар о решающих моментах октября 1993 года**

В Белом доме – большое количество оружия. Его раздают щедро, кому попало, но прежде всего стягивающимся сюда с разных концов страны боевикам. И вот наконец желанная цель отчасти достигнута, первая кровь пролита. Попытка захвата штаба Объединенных вооруженных сил на Ленинградском проспекте. Двое убитых и раненые.

Правительство принимает контрмеры, усиливает оцепление вокруг Белого дома, подтягивает дополнительные силы ОМОНа и милиции. Но вынужденная днем и ночью мокнуть под дождем в оцеплении милиция – прекрасный объект для работы агитаторов оппозиции и для провокаций. Теперь правительство – в положении обороняющейся стороны, ему приходится менять войска, обеспечивать порядок. Возможность активными действиями переломить ситуацию в свою пользу пока еще не созрела… Серьезной поддержки в регионах, на которую могло бы опереться парламентское большинство, нет. Вопреки повторяющемуся почти во всех комментариях утверждению о том, что исход противостояния решится в регионах, укрепляюсь в своем убеждении: в России судьба выборов и войн действительно решается в регионах, но судьба революций и переворотов – в столице…

Соглашение о подключении Белому дому воды, электроэнергии и связи в обмен на сдачу находящегося там оружия парламентом сорвано. Но…

сам факт достижения такого соглашения воодушевил оппозицию. Она воспринимает это как признак слабости президентской стороны и наращивает требования. Попытки переговоров при посредничестве патриарха ни к чему не приводят. На Смоленском бульваре – баррикады. Все равно не вижу (Е. Гайдар. – *Ред.*) иной разумной тактики, кроме той, которая избрана с самого начала: избегать провокаций, настаивать на выборах. Но заполненное вооруженными боевиками здание Верховного Совета похоже на заложенную в центре гигантскую мину, способную разрушить государство. Из отрывочных сведений складывается картина, что теперь именно боевики, а не официальные парламентские руководители – ключевая сила в Белом доме…

Случилось то, чего так опасались. Оппозиции все же удалось перевести ситуацию противостояния в открытую борьбу, в силовое русло. Значит, время политических маневров кончилось. Теперь все решат собранность, организованность, воля к действию, натиск. Сполохи новой гражданской войны, казалось, уже лизали небо над столицей России. Позвонил В. Брагин, председатель телерадиокомпании «Останкино», сказал, что, по его сведениям, колонна грузовиков и автобусов с боевиками направилась от Белого дома к телецентру. Просит организовать оборону. На этот раз моя (Е. Гайдар. – *Ред.*) сфера в правительстве – только экономика. Находящиеся в моем распоряжении вооруженные силы – три охранника, работавшие со мной еще во время премьерства. Четвертый, только что назначенный их новый начальник, уже с середины дня провалился, как сквозь землю. Сообразить нетрудно: сегодня даже приказы прямых начальников если и будут выполняться, то в лучшем случае как в замедленной киносъемке.

А между тем телефон буквально раскалился. От меня требуют действий, помощи, защиты. Звоню Ерину, передаю просьбу Брагина о поддержке. Виктор Федорович заверяет, что команда уже дана, силы направлены, все будет в порядке… Из данных, которые теперь начинают поступать по разным каналам, складывается тяжелая картина. Усилия министра внутренних дел, явно пытающегося сделать все возможное, пока не дают ощутимых результатов. Мэрия сдана, ОМОН деморализован, милиции в городе не видно. Боевики оппозиции действуют нахраписто и решительно, все увереннее овладевая ситуацией.

Приходит информация, что началась атака на здание Министерства обороны. Не могу дозвониться до Грачева… Общее ощущение хаоса и нерешительности только усиливается. Прекрасно понимаю, насколько трудно в сложившейся ситуации задействовать армию. На протяжении последних лет мы много раз повторяли, что армия вне политики, ее нельзя привлекать для решения внутриполитических конфликтов. Это стало в некотором смысле символом веры, убедительно подтвержденным в августе 1991 года. Никто из нас никогда и не обсуждал возможность использовать армию во внутриполитической борьбе. При любых, самых крайних вариантах мог

дискутироваться только вопрос о привлечении внутренних войск, милиции, управления охраны. Однако развитие событий 3-го числа показало, что деморализованная милиция и внутренние войска не способны отстоять порядок в Москве, а вооруженные отряды, выставленные оппозицией, вот-вот проложат дорогу к власти в России безответственным и опасным экстремистам. Необходимость спокойно поднять армейские части стала очевидной. Но дойдут ли теперь приказы, будут ли они выполнены, не получится ли, как в августе 1991 года, что армейская машина просто откажется сдвинуться с места, будут лишь рапорты и показная активность? Уверенно ответить на такой вопрос не мог тогда никто, думаю, включая министра обороны и президента.

Оппозиция метко выбрала точку главного удара. Ее лидеры правильно оценили потенциал телевидения, самого мощного в складывающейся обстановке средства воздействия на ситуацию. Захват «Останкино», обращение Руцкого с телеэкрана создали бы атмосферу, в которой колеблющиеся и в Москве, и в регионах могли поспешить присягнуть победителю. И от всего страшного, что могло произойти вслед за этим, Россию отделяла лишь горстка бойцов «Витязя». И вот телеэкран «Останкино» гаснет. Значит, дела совсем плохи… Больше всего удивился сообщению о захвате Государственного таможенного комитета. Подумал: это зачем? Только позже узнал о «Списке Руцкого». Именно на таможенников он возлагал задачу задержать на границе членов правительства, которые, по его представлению, конечно же, должны были ринуться за рубеж. Арестовать и немедленно доставить на суд и расправу в Белый дом. Впрочем, хотя список, начиная с председателя Совета Министров, был весьма обширным и включал в себя многих заметных деятелей, фамилии президента, министра обороны и моя в нем не значились. Видимо, эту троицу везти далеко не предполагалось…

20 часов. Штурм «Останкино» продолжается, боевики оппозиции захватывают новые объекты. Силы МВД деморализованы, армейские части на помощь не подходят. Оппозиции почти удалось убедить население в масштабности своего движения и в изоляции президента. Все это дезорганизует тех, кто готов прийти на помощь. Принимаю решение о необходимости обратиться к москвичам за поддержкой… Москва пустая – ни милиции, ни войск, ни прохожих. В машине слушаем по радио победные реляции оппозиции: побеждаем, точнее, уже победили, теперь никаких компромиссов, Россия обойдется без президента, пришел последний час ельциноидов…

Подъезжаем к российскому телевидению. Вход забаррикадирован. После долгих и настороженных переговоров моей охраны и охраны телевидения нас наконец пропускают. Попцов очень нервничает. После штурма «Останкино» ждет нападения боевиков. Не может понять, почему не присылают солдат для защиты. Ведь здесь больше нескольких минут не продержаться. Пока разговариваем, проходит информация, что занято

здание ИТАР-ТАСС. Еще раз связываюсь с Ериным, прошу хоть как-то прикрыть российское телевидение. Теперь и сам вижу, что обороны никакой. Обещает помочь.

Уже перед объективом телекамеры попросил на минутку оставить меня в студии одного. Как-то вдруг схлынула горячка и навалилась на душу тревога за тех, кого вот сейчас позову из тихих квартир на московские улицы. Нетрудно понять, какую страшную ответственность за их жизни беру на себя. И все же выхода нет. Много раз перечитывая документы и мемуары о 1917 годе, ловил себя на мысли о том, что не понимаю, как могли десятки тысяч интеллигентных, честнейших петербуржцев, в том числе многие офицеры, так легко позволить захватить власть не слишком большой группе экстремистов? Почему все ждали спасения от кого-то другого: от Временного правительства, Керенского, Корнилова, Краснова? Чем все это кончилось, известно. Наверное, эта мысль – главное, что перевешивает все сомнения и колебания. И потому выступаю без колебаний, с сознанием полной своей правоты.

После телеобращения едем к Моссовету. Еще недавно, проезжая мимо, видели у подъезда маленькую кучку дружинников. Теперь набухающими людскими ручейками, а вскоре и потоками сверху от Пушкинской, снизу от гостиницы «Москва» площадь заполняется народом. Вот они – здесь! И уже строят баррикады, разжигают костры. Знают, что происходит в городе, только что видели на экранах телевизоров бой у «Останкино». Костерят власть, демократов, наверное – и меня, ругают за то, что не сумели, не подвергая людей опасности, не отрывая их от семьи и тепла, сами справиться с подонками. Справедливо ругают. Но идут и идут к Моссовету. Да, они готовы потом разбираться, кто в чем виноват, кто чего не сделал или сделал не так, как надо. А сейчас идут, безоружные, прикрыть собой будущее страны, своих детей. Не дать авантюристам опять прорваться к власти.

Офицерские десятки, готовые в случае нужды взять оружие в руки, уже строятся возле памятника Юрию Долгорукому. Но это – на крайний случай. Крепко надеюсь, что оружие не понадобится. Толпа напоминает ту, в которой стоял в августе 1991 года, заслоняя Белый дом. Те же глаза. Добрые, интеллигентные лица. Но, пожалуй, настроение еще более суровое, напряженное. Где-то среди них мой отец, брат, племянник. Наверняка знаю, здесь множество друзей, соратников, однокашников. Выступаю перед собравшимися, сообщаю, что от «Останкино» боевики отброшены. Призываю оставаться на месте не рассредотачиваясь, начать формирование дружин, быть готовыми при необходимости поддержать верные президенту силы.

Главный вход в Моссовет закрыт. С трудом, в обход, перелезая через баррикады, пробираемся в здание. Еще недавно его частично контролировала оппозиция. Группа депутатов Моссовета пыталась организовать здесь один из ее штабов, но теперь здание очищено людьми Ю. Лужкова.

Сам он оживлен, возбужден, даже весел. Прошу Мурашева наладить связь между нашими дружинниками и милицией. Созваниваюсь с В. Черномырдиным, рассказываю об обстановке в центре столицы, спрашиваю, что известно о подходе войск. В целом картина неопределенно-тягучая, но порыв оппозиции, кажется, начинает выдыхаться.

Еще раз выступаю у Моссовета и на машине – к Спасской башне. Там еще одно место сбора. Из окна машины вижу, как пробудилась, преобразилась Москва. Множество народа, полыхают костры, кое-где звучат песни, видны шеренги дружин. Собравшись вместе, люди ощутили свою силу, почувствовали уверенность. У Спасской башни на Красной площади, где люди собрались по своей собственной инициативе, настроение более тревожное, плохо с организацией. Ко мне подходит военный, представляется полковником в отставке, просит указаний, помощи. Там, у Моссовета, – сплочение. Здесь – пожалуй, наше уязвимое место…

Около полуночи ситуация в городе наконец начала меняться. Иллюзия, что речь идет о восстании против вражеского, не имеющего поддержки режима, развеялась. Сторонники президента выходят из состояния оцепенения и растерянности. К этому времени абсолютно уверен, что власть в России в руки анпиловцев и баркашовцев не отдадим. Даже если к утру руководству МВД не удастся привести в порядок свои силы, а армия останется пассивной. Тогда раздадим оружие дружинникам и будем действовать сами. В том, что сможем это делать, сомнений нет…

Около двух ночи. Говорим по телефону с Б. Ельциным. Голос у него усталый, даже охрипший, но гораздо более уверенный, чем раньше: войска будут! Двинулись! Идут к Москве! Догадываюсь, что ему недешево стоило добиться такого поворота событий. Говорю, что, по моему мнению, президенту надо бы встретиться с военными, даже еще до вступления их подразделений в Москву. Они должны видеть его и лично от него получить приказ. В противном случае остается риск, что армия так и не начнет действовать. Победа все равно будет наша, но прольется больше крови. В половине шестого утра президент перезвонил, сказал, что эту мою просьбу он выполнил.

Тем, кто не пережил вечер 3 октября, не видел нависшей над страной страшной опасности, не звал людей на площадь, непросто понять мои чувства, когда раздался первый танковый выстрел по Белому дому. Как ни парадоксально, первое, что я испытал, было огромное облегчение: не придется раздавать оружие поверившим мне людям, посылать их в бой. 5 октября. Порядок в Москве восстановлен, регионы демонстрируют подчеркнутую лояльность, угрозы гражданской войны больше нет. Но политические проблемы, конечно же, не решены, кое в чем они даже усугубились.

Источник: Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1996. С. 282–293.

Подробнее. **Отряд специального назначения «Витязь» 3 октября 1993 года**

С. Лысюк, командовавший 6-м отрядом специального назначения «Витязь», полковник внутренних войск, за охрану «Останкино» получивший звезду Героя России:

Две недели до этого нас регулярно направляли в Москву из Балашихи, где была база «Витязь», но эти наезды носили скорее патрульный характер. Солдаты и милиционеры, стоявшие в оцеплении у Белого дома, были безоружными, а мы и ребята из Софринской бригады являлись вооруженным резервом. 3 октября, когда ситуация резко обострилась, мы получили приказ выдвинуться к мэрии. Там оказалось несколько наших бэтээров, причем в ходе боя два из них были подожжены, однако бойцы маневром сумели пламя сбить, и вышли мы оттуда без потерь.

Как получилось, что толпа с легкостью завладела грузовиками внутренних войск? Все водители были безоружными, их просто выкинули из кабин… Затем мы получили команду перекрыть Садовое кольцо в районе гостиницы «Пекин», чтобы не допустить прорыва вооруженных людей в город и обеспечить отход милиционеров от здания парламента и мэрии. Только приступили к выполнению, как министр Куликов приказал двигаться к пункту постоянной дислокации. Но километра не проехали, как поступила новая вводная: взять под охрану телецентр «Останкино».

На проспекте Мира нас обогнала колонна ЗИЛов с эмблемами внутренних войск, это к телецентру ехали мятежники. Я запросил по радио руководство: что нам делать? «Следовать в Останкино». – «А если они откроют огонь?» – «Отвечать огнем». Я переспросил 2 раза – специально, чтобы окружавшие меня люди слышали. Командование подтвердило: «Отвечать огнем». Это был приказ.

Благополучно достигнув телецентра, рассредоточились и взяли под охрану здания. Прибыл зам. командующего ВВ генерал Голубец и принял на себя общее руководство операцией. Стали подходить подкрепления. Когда я ставил задачу отряду ОМОН на транспорте, прогремели два взрыва снаружи и один внутри. Выстрелом из гранатомета был убит наш боец рядовой Ситников.

Источник: Снегирев В. Осеннее обострение: октябрьские столкновения в Москве глазами их непосредственных участников // Российская газета. 3 октября 2003 года. № 3312. – http://www.rg.ru/2003/10/03/Osenneeobostrenie.html

Стремясь избежать дальнейшего кровопролития, президент оказался перед тяжелым выбором:

- **отдать парламентариям всю власть**
- **или применить оружие против мятежного Верховного Совета.**

На что решился бы ты?

4 октября в 5.00 Ельцин подписал Указ Президента РФ «О неотложных мерах по обеспечению режима чрезвычайного положения в городе Москве». В столицу были введены десантные части. С 6.45 начался обстрел Белого дома, по нему было выпущено 12 танковых снарядов – 10 болванок, 2 зажигательных. В 16.00 после проникновения в здание сотрудников спецподразделения «Альфа» стрельба была прекращена.

О том, насколько оправданным было применение Вооруженных сил 4 октября, говорит информация о количестве оружия: после освобождения здания Верховного Совета в нем было изъято 643 единицы огнестрельного оружия и 308 взрывных устройств. При этом невозможно подсчитать, сколько боеприпасов было израсходовано и сколько оружия вынесли боевики, прорвавшиеся через оцепление. Согласно официальным данным, подтвержденным 27 июля 1994 года Генеральной прокуратурой, погибло 147 человек. Оппозиция утверждала, что убиты 1500 человек и сотни ранены. По данным Центра экстренной медицинской помощи, 3–4 октября в Москве пострадал 691 человек, из них 123 погибли.

Никто из вождей радикальной оппозиции и депутатов не пострадал. Больше всех опозорился А.В. Руцкой, который сначала призывал летчиков бомбить Кремль, потом иностранных послов – гарантировать его драгоценную жизнь, в качестве алиби демонстрировал свой автомат в смазке. После ареста лидеров Верховного Совета в Москве были проведены аресты членов левых и националистических организаций, на многих заведены уголовные дела. Были распущены политические партии, которые выступали на стороне Верховного Совета, закрыты их печатные органы. Среди них – Фронт национального спасения, движение «Трудовая Россия», Русское национальное единство, Объединенный фронт трудящихся и др. Но после отмены в Москве чрезвычайного положения почти все перечисленные организации, за исключением ФНС, возобновили свою деятельность.

Октябрьские события были началом едва не разгоревшейся гражданской войны, их развязка, при всей ее трагичности, войну предотвратила. Эти события имели важное политическое значение. Они подвели черту под советским периодом истории России. Была ликвидирована система Советов, которая не предусматривала разделение властей и доказала свою неэффективность в условиях, когда нет партийной вертикали.

Сами Советы разного уровня, избранные еще в 1990 году, в основном состояли из представителей старой советской элиты и не могли не быть консервативными. Их компетентность в вопросах финансовой стабилизации, приватизации, правового регулирования рыночных отношений была крайне низка.

Преодоление двоевластия объективно положило конец сепаратистским тенденциям в России – таким, как провозглашение Уральской республики или требования казачьей автономии в Ростовской области. Но главным итогом стало принятие на референдуме 12 декабря 1993 года новой Конституции России.

Подробнее. **Политические последствия осени 1993 года**

Мятеж был подавлен. Очаг, из которого летели искры, грозившие если не пламенем гражданской войны, то локальными пожарами, был потушен… Но когда шок миновал, оценки общества стали смещаться не в пользу победителей. Жертвы среди гражданского населения, среди ослепленных людей, взявших оружие (или даже не бравших его), были велики – особенно на фоне почти бескровного августа 1991 года. По данным Генеральной прокуратуры, погибли или умерли от ранений, полученных в октябре 1993 года, 123 человека. А пир победителей – унизительное обращение со сдавшимися, угрозы, избиения, это бессудное и неразборчивое торжество мести было отвратительным. Способ разрешения и особенно завершения схватки нанес тяжкие потери всем – побежденным, победителям, обществу. Но не произошло самого худшего – гражданской войны и перехода власти к коммунистическим и национал-державническим силам. Однако этим последствия горячей осени 1993 года не исчерпывались. Они были противоречивы, многообразны и долговременны.

В конце 1993 года было покончено с разламыванием России на куски. Соревнуясь друг с другом, законодательная и исполнительная власти вели игру в поддавки с региональными политическими кланами: кто быстрее сдаст позиции, без которых единое государство существовать не может. Обессиливая друг друга и апеллируя к «третьей силе», стремясь склонить ее на свою сторону, две ветви власти, сознавая это или нет, вели дело либо к прямому распаду России, как это произошло с СССР, либо к замещению централизованного государства рыхлым конфедеративным образованием, наподобие Союза германских государств до Бисмарка. Победа президента остановила эти угрожающие процессы. Заигрывания с региональными, в особенности с республиканскими, элитами еще какое-то время продолжались, но им был поставлен предел.

В октябре 1993 года коалиция, объединившая демократов и новую бюрократию, победила другую, не менее разнородную коалицию, в которой к тому времени доминировали националисты и державники.

В государственно-правовом плане это была победа исполнительной власти над законодательной. Коалиции вскоре рассыпались, а доминирование исполнительной власти над законодательной сохраняется по сей день. Президент отвоевал неоспоримое право формировать высший эшелон власти и заменять высших чиновников, никому не давая объяснений. Таким правом он стал пользоваться произвольно, поражая общество и свое ближайшее окружение кадровыми «рокировочками»… Начала складываться политическая система – далекая от того, к чему звали политики и идеологи, инициировавшие перестройку и реформы начала 1990-х годов. Но она оказалась более устойчивой и способной к саморазвитию, менее репрессивной, чем могло казаться в 1993 году.

Источник: Шейнис В.Л. Октябрь 1993-го: конец переходной эпохи // Независимая газета. 7 октября 2003 года. – http://www.ng.ru/printed/42635

Подробнее. **После октября 1993 года произошла смена исторических вех**

Значение вооруженного мятежа 3–4 октября 1993 года выходит за рамки политического путча. Это была развилка истории. Россия могла вернуться на советский путь, но после подавления мятежа наступил новый период в ее истории – постсоветский. Советская власть была уничтожена, но полноценная демократия не установлена. Даже после выхода Указа № 1400 распущенный Верховный Совет и поддержавшие его подавляющим большинством региональные Советы имели основания претендовать на право говорить от имени избирателей и делали это. После этих событий оппозиция потеряла даже относительную легитимность. Весы качнулись в пользу президента. Так происходила смена исторических вех.

Президент хотел, чтобы в 1994 год страна вступила с новой Конституцией. Несколько предшествующих месяцев жизнь проходила практически в правовом вакууме. Это привело к всплеску… презрения к праву, что в значительной мере было следствием Указа № 1400: победа над противником не только вызвала в лагере победителей эйфорию, но и породила ощущение вседозволенности. Раз нарушив, как остановить поток подобного? Президенту со всех сторон в огромных количествах стали поступать проекты абсолютно незаконных документов… Воспользовавшись ситуацией, политические группировки, ведомства, региональные администрации пытались в обход закона решать свои корпоративные, ведомственные, региональные и даже личные проблемы. «Свои люди» массово назначались в исполнительную власть, раздувался аппарат… Существовавшие «фильтры», на предварительных этапах отсекавшие проекты заведомо незаконных решений, не справлялись, тем более что поток документов был пущен и в обход их. Нередко Ельцин подписывал документы без необходимых виз – во время личных встреч с ходатаем… Правда, он осознавал опасность затягивания периода «революционной

целесообразности», понимал, что страна, желающая быть демократическим государством, не может долго обходиться без цивилизованного парламента и других демократических институтов, поэтому сократил сроки избирательной кампании.

Источник: Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М.: Вагриус, 2001. С. 370–372.

Подробнее. **Ельцин: «Я не изменил своему выбору – выбору в пользу демократического развития»**

Ответы Б. Ельцина на вопросы «Новой ежедневной газеты» 20 октября 1993 года:

– Господин президент, можно ли утверждать, что Вы лично сделали выбор в пользу установления более жесткой, авторитарной власти, посчитав демократический путь реформирования страны более невозможным?

– …Ленин постоянно повторял в своих работах, что большевики должны использовать завоевания демократии для установления так называемой диктатуры пролетариата. А что за этим кроется, мы все очень хорошо знаем. Это режим всевластия вождя и номенклатуры, режим репрессий, режим циничной лжи и презрения к тем, от имени которых властвует номенклатура. Демократический политик не может действовать такими методами. И никто не может упрекнуть меня в том, что я изменил своему выбору. Выбору в пользу демократического развития России. Ни разу я не высказывался и тем более не действовал как диктатор.

К сожалению, президента лишили возможности действовать «по сценарию» классической демократии. Если бы большинство бывших российских депутатов были искренне заинтересованы в спокойном реформировании нашей экономической и политической системы, они обязаны были сами принять решение о досрочных выборах в совершенно новый парламент по совершенно новым избирательным правилам. Этого не произошло. И как президент я не мог просто умыть руки, безучастно наблюдая, как силы реванша, отвергнутые народом, все откровеннее ведут дело к восстановлению старых порядков. Сожалею, что не все разглядели коварство их замысла – использовать в своих целях демократические институты: представительную власть, Конституционный суд, Конституцию.

Сегодня речь идет не о прерывании демократического пути, а о расчистке места для свободного выбора народа в пользу той или иной модели развития. Свободные выборы – нож острый для противников демократии. Не случайно ими выдвинут сейчас такой аргумент: выборы-де незаконны. Но этим аргументом они, может быть, не сознавая того, самым наглядным образом обнажают свою суть. Как может быть незаконной свободно выражаемая воля народа? Ведь именно для такого свободного волеизъявления я вынужден был взять на себя огромную политическую ответственность. Разделить эту ответственность бывший Верховный Совет попросту отказался.

…Посмотрите на действия руководителей бывшего парламента. Где, в какой стране политическое противостояние совершается с накоплением огромного количества огнестрельного оружия? Для чего? И когда возникла опасность распространения этого оружия в Москве, тогда было принято решение пресечь эти действия. Я понимаю, что нахождение вооруженных людей вокруг Белого дома в несколько колец, конечно, вызвало раздражение у части людей и, конечно, у тех, кто был в Белом доме. Но необходимость этого объясняется исключительно одним: не допустить расползания вооруженных столкновений за пределы этой территории.

…Задумайтесь. Во имя чего пролита кровь? Во имя того, чтобы народ имел возможность свободно избрать себе нормальный парламент, который в зависимости от расклада в нем политических сил и сформирует правительство? Нет. Только во имя продолжения деятельности депутатов и некоторых дискредитировавших себя руководителей. Государство обязано было в тех условиях силой остановить вал насилия, который грозил раздавить всех несогласных, вновь залить страну морями крови.

…Были обнаружены списки людей, которые должны быть арестованы после захвата власти мятежниками. К слову, по составу они очень похожи на те, которые были подготовлены пресловутым ГКЧП в августе 1991 года. В Доме Советов было обнаружено большое количество бланков, изданных массовым тиражом, куда достаточно вписать фамилию и адрес человека, который подлежит аресту. В изобилии там находились также ксерокопии бланков с подписью Руцкого, которые давали его обладателям фактически чрезвычайные полномочия. Достаточно вписать фамилию, и вы становитесь так называемым полномочным представителем так называемого чрезвычайного съезда. Нетрудно догадаться, какое «восстановление» демократии нас ожидало, если бы развитие событий пошло по такому сценарию. Октябрь 1917 года получил бы прямое продолжение в наши дни.

Источник: Ответы президента РФ Б. Ельцина на вопросы «Новой ежедневной газеты». 20.10.1993. № 44.

Подробнее. **Обращение демократической общественности к Ельцину 5 октября 1993 года**

Вечером 4 октября 1993 года Общественный комитет демократических организаций России призвал Б. Ельцина в полной мере реализовать политические преимущества, которые он получил после подавления мятежа, и навсегда покончить с прокоммунистической оппозицией. С подобными требованиями выступили тогда многие.

Писатели требуют от правительства решительных действий

Нет ни желания, ни необходимости подробно комментировать то, что случилось в Москве 3 октября. Произошло то, что не могло не произойти из-за наших с вами беспечности и глупости, – фашисты взялись за оружие,

пытаясь захватить власть. Слава Богу, армия и правоохранительные органы оказались с народом, не раскололись, не позволили перерасти кровавой авантюре в гибельную гражданскую войну, ну, а если бы вдруг?.. Нам некого было бы винить, кроме самих себя. Мы «жалостливо» умоляли после августовского путча не «мстить», не «наказывать», не «запрещать», не «закрывать», не «заниматься поисками ведьм». Нам очень хотелось быть добрыми, великодушными, терпимыми. Добрыми… К кому? К убийцам? Терпимыми… К чему? К фашизму?

И «ведьмы», а вернее – красно-коричневые оборотни, наглея от безнаказанности, оклеивали на глазах милиции стены своими ядовитыми листками, грязно оскорбляя народ, государство, его законных руководителей, сладострастно объясняя, как именно они будут всех нас вешать… Что тут говорить? Хватит говорить… Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу. Так не пора ли ее продемонстрировать нашей юной, но уже, как мы вновь с радостным удивлением убедились, достаточно окрепшей демократии?

Мы не призываем ни к мести, ни к жестокости, хотя скорбь о новых невинных жертвах и гнев к хладнокровным их палачам переполняет наши (как, наверное, и ваши) сердца. Но… хватит! Мы не можем позволить, чтобы судьба народа, судьба демократии и дальше зависела от воли кучки идеологических пройдох и политических авантюристов. Мы должны на этот раз жестко потребовать от правительства и президента то, что они должны были (вместе с нами) сделать давно, но не сделали:

1. Все виды коммунистических и националистических партий, фронтов и объединений должны быть распущены и запрещены указом президента.

2. Все незаконные военизированные, а тем более вооруженные объединения и группы должны быть выявлены и разогнаны (с привлечением к уголовной ответственности, когда к этому обязывает закон).

3. Законодательство, предусматривающее жесткие санкции за пропаганду фашизма, шовинизма, расовой ненависти, за призывы к насилию и жестокости, должно наконец заработать. Прокуроры, следователи и судьи, покровительствующие такого рода общественно опасным преступлениям, должны незамедлительно отстраняться от работы.

4. Органы печати, изо дня в день возбуждавшие ненависть, призывавшие к насилию и являющиеся, на наш взгляд, одними из главных организаторов и виновников происшедшей трагедии (и потенциальными виновниками множества будущих), такие как «День», «Правда», «Советская Россия», «Литературная Россия» (а также телепрограмма «600 секунд») и ряд других, должны быть впредь до судебного разбирательства закрыты.

5. Деятельность органов советской власти, отказавшихся подчиняться законной власти России, должна быть приостановлена.

6. Мы все сообща должны не допустить, чтобы суд над организаторами и участниками кровавой драмы в Москве не стал похожим на тот позорный фарс, который именуют «судом над ГКЧП».

7. Признать нелегитимными не только съезд народных депутатов, Верховный Совет, но и все образованные ими органы (в том числе и Конституционный суд).

История еще раз предоставила нам шанс сделать широкий шаг к демократии и цивилизованности. Не упустим же такой шанс еще раз, как это было уже не однажды!

Алесь Адамович,
Анатолий Ананьев,
Артем Анфиногенов,
Белла Ахмадулина,
Григорий Бакланов,
Зорий Балаян,
Татьяна Бек,
Александр Борщаговский,
Василь Быков,
Борис Васильев,
Александр Гельман,
Даниил Гранин,
Юрий Давыдов,
Даниил Данин,
Андрей Дементьев,
Михаил Дудин,
Александр Иванов,
Эдмунд Иодковский,
Римма Казакова,
Сергей Каледин,
Юрий Карякин,
Яков Костюковский,
Татьяна Кузовлева,
Александр Кушнер,
Юрий Левитанский,
академик Д.С. Лихачев,
Юрий Нагибин,
Андрей Нуйкин,
Булат Окуджава,
Валентин Оскоцкий,
Григорий Поженян,
Анатолий Приставкин,
Лев Разгон,
Александр Рекемчук,
Роберт Рождественский,
Владимир Савельев,
Василий Селюнин,
Юрий Черниченко,
Андрей Чернов,
Мариэтта Чудакова,
Михаил Чулаки,
Виктор Астафьев

Источник: Известия. 5 октября 1993 года.

Когда ушло напряжение реальной схватки, мучительное беспокойство, охватившее миллионы людей в России и в мире вечером 3 октября, пока исход противоборства был неясен, многие из тех, кто заклинал президента действовать самым решительным образом, поспешили возложить на него всю ответственность за случившееся.

Непосредственно после октябрьских событий большинство граждан (65%) осудило действия мятежников, заявило, что те должны понести наказание за содеянное. Сочувствовали мятежникам лишь 22%. Социологические исследования показывали, что россияне оценили эти события как «долгожданный прорыв к установлению порядка и прекращению

сползания страны в хаос и анархию». В народе нарастало ощущение беспредела: в декабре 1992 года так оценивали ситуацию 46% опрошенных, в июне 1993 года – 56%, а после 3–4 октября – 25%. В октябре 1993 года роспуск Верховного Совета одобрили 55% опрошенных, запрет коммунистических и националистических организаций – 50%, закрытие «непримиримых» газет – 45%, смещение не подчинившихся президенту глав местных администраций – 42%. Однако только 15% россиян считали, что Ельцин хорошо справляется со своими обязанностями, 75% – отрицательно оценивали деятельность президента или затруднялись ответить.

Через 20 лет соцопрос «Левада-центра», проведенный в сентябре 2013 года, выявил диаметрально противоположное представление масс о противостоянии властей. Оказалось, что 30% респондентов винят в событиях октября 1993 года «общий развал, начатый Горбачевым», лишь 10% видят причину противостояния в стремлении Хасбулатова и Руцкого сохранить власть и только 7% считают, что сторонники Ельцина были правы. Образ танков, стреляющих по Белому дому, надолго остался в общественной памяти, порождая сомнение в стабильности российских демократических институтов.

Подробнее. **Никто не хотел разделения властей**

Трагические события 1993 года представляли собой борьбу двух сторон конфликта за абсолютное доминирование в политическом пространстве страны. Ни президента, ни депутатов не устраивало разделение властей на исполнительную и законодательную. Каждая сторона желала иметь всю полноту власти, чтобы противоположная сторона существовала лишь формально, не могла бы блокировать принципиальные решения, принимаемые абсолютным властителем. Ни та, ни другая стороны не хотели в тот момент формирования демократии западного образца. Яркое свидетельство этого – печальная судьба апрельского референдума, который стал бессмысленной попыткой применить нормальный демократический подход для разрешения конфликта, в котором не было демократов…

Народ в целом поддержал Ельцина и его политику (58 и 53% соответственно), однако не потребовал однозначно перевыборов парламента. Точнее, 67% пришедших на референдум этого хотели, но поскольку Конституционный суд решил, что считать надо от общего числа избирателей, сторонников смены депутатского корпуса оказалось менее половины (42%). Корпус, естественно, никакого намерения переизбираться не продемонстрировал…

Для того чтобы понять, насколько в апреле 1993 года проявились недемократические устремления обеих сторон конфликта, надо сказать о том,

как работает демократия. В демократической стране референдум о доверии представителям власти или даже досрочные выборы – нормальный элемент политики. Смысл состоит не в том, чтобы одна сторона политического конфликта устранила другую, а в том, чтобы понять, кто в данный момент действительно пользуется поддержкой общества. Демократия основана на согласии элит относительно того, что страной проще управлять, если у власти стоят люди, которым в данный момент верит большинство. Проигрывающим в борьбе за поддержку избирателя политикам выгоднее уходить в оппозицию, чем вступать с победителем в «последний и решительный бой». Ведь сегодняшняя оппозиция завтра опять встанет у руля. А если вместо терпеливого ожидания она затеет схватку за власть не по правилам, то в конечном счете проиграют все…

Фактически референдум показал, что общество в тот момент поддерживало Ельцина. Если бы руководство Верховного Совета размышляло в демократических категориях, то не стало бы цепляться за формальные моменты, которые юридически давали ему возможность остаться во власти. Хасбулатову со товарищи следовало бы уйти в отставку с руководящих постов, перейти в открытую оппозицию Ельцину и сказать народу: «Смотрите, к чему приведет курс наших противников, вспомните про нас на следующих выборах». Если бы эти люди были демократами и верили в работоспособность демократического механизма, то сделали бы ставку на возвращение к власти в будущем. Примерно так вела себя левая оппозиция во многих странах Восточной Европы – ей действительно удавалось приходить к власти через некоторое время после начала реформ, когда избиратель разочаровывался в правых…

Руцкой, Хасбулатов и прочие лидеры антиельцинской оппозиции (включая одиозных вожаков уличной толпы Макашова и Константинова) не являлись демократами-идеалистами. Боролись они не за права законодательной ветви власти, а за всю полноту власти над Россией, которой желали не меньше Ельцина. Может быть, объективные обстоятельства заставили бы их вырабатывать демократические правила игры? Ведь одно дело, когда в схватке выявляется единственный победитель (Ельцин), другое – когда группа совершенно разных людей временно объединяется для борьбы с сильным противником. Победа… заставляет их как-то улаживать отношения между собой. Факты нашей истории не подтверждают предположение, будто Руцкой-Хасбулатов-Макашов-Константинов могли стать отцами русской демократии на манер Вашингтона-Адамса-Джефферсона-Гамильтона, которые цивилизованно улаживали противоречия, возникавшие в среде победителей американской революции.

Во-первых, всё известное про Руцкого наводит на мысль о том, что, став главой государства вместо Ельцина, он вряд ли позволил бы принять конституцию, ограничивавшую его полномочия. Если в биографии Ельцина еще встречаются признаки некоторого демократизма (например, досрочная отставка и согласие не идти на третий срок), то в биографии Руцкого их найти

трудно. *Во-вторых*, в России на рубеже XX–XXI веков сложилась ситуация, когда примерно равные по силе элиты боролись между собой за власть. К демократии это не привело. Напротив, после успеха группировки Путина-Березовского-Волошина группировка Примакова-Лужкова-Гусинского была вынуждена сдаться на милость победителя. Затем в среде победителей была проведена чистка, а из среды побежденных (также после серьезной чистки) некоторые рекрутировали во власть, причем лишь на вторые роли. *В-третьих*, в истории нашей страны и раньше были случаи, когда группа товарищей объединялась для того, чтобы «завалить» сильного авторитарного лидера. Самые известные – победа над Троцким и свержение Хрущева. Демократии из этих побед не вышло. В 1930-х годах после длинной череды репрессий власть захватил Сталин, а в 1960-х восторжествовало брежневское Политбюро.

Источник: Травин Д.Я. Горячий апрель 1993-го // Росбалт. 25.04.2013; Травин Д. Всегда ли хороша демократия? // Росбалт. 04.06.2013; Травин Д. Если бы победил Руцкой // Росбалт. 04.03.2013.

Подробнее. **Ельцин – не Пиночет:**

Нелепо и гротескно выглядят попытки представить действия российского президента в октябре 1993 года переворотом или сравнения с хунтой Пиночета, ликвидировавшей демократические свободы и на многие годы установившей в Чили военную диктатуру. Сравнение верно с точностью до наоборот: подавление силового мятежа коммунистов, националистов и разношерстных радикалов, грезивших кто о восстановлении СССР, кто – о национал-диктатуре, а все вместе – о сворачивании только начавшегося движения страны к демократии, позволило сохранить в России (еще на несколько лет) гражданские свободы, многопартийный плюрализм, демократические выборы, независимые СМИ.

12 декабря 1993 года в России прошли первые с ноября 1917 года многопартийные парламентские выборы, закончившиеся победой оппозиции. Еще более оппозиционный Ельцину парламент был избран в декабре 1995 года. Весной 1999 года ему не хватило лишь 17 голосов для вынесения президенту импичмента. Показательна судьба представителей побежденной стороны. Бывшие народные депутаты, в том числе активные участники октябрьских событий со стороны Белого дома (С. Бабурин, Ю. Воронин, Н. Павлов, Н. Харитонов и др.), заняли места в новой Госдуме. Заседал в двух созывах Думы и генерал А. Макашов, чья парламентская деятельность запомнилась главным образом обещанием «забрать на тот свет десять жидов». Лидеры мятежа, призывавшие формировать вооруженные отряды для штурма Кремля, вышли на свободу по парламентской амнистии уже в феврале 1994 года. В 1996 году А. Руцкой был избран губернатором Курской области (в 1999 году он стал одним из соучредителей блока «Единство» – сегодняшней «Единой России»). Никто не препятствовал возвращению в политику

Р. Хасбулатова: в 1999 году он баллотировался в Госдуму по одномандатному округу в Хабаровском крае, правда, набрал лишь 5,85% голосов. Что стало бы со сторонниками Б. Ельцина в случае победы в октябре 1993 года другой стороны – вопрос риторический.

Источник: Кара-Мурза В. «Расстрел парламента»: мифы и факты октября 1993 года // Институт современной России. 03.10.2013.

4.4. Конституция России 1993 года

За неспособность политических элит найти компромисс, избежать силового решения пришлось дорого заплатить. Если 3 октября президент Б. Ельцин был лишь одним из многих игроков на российской сцене, первый среди равных, ведущий сложные переговоры, чтобы найти выход из политического тупика, то 5 октября в его руках оказалась вся полнота власти. Из киселеобразного двоевластия страна угодила в авторитарный режим, который поддержала немалая часть народа, уставшая от политического противостояния, от роста преступности и мечтавшая о восстановлении нормального порядка. Изменение положения Ельцина внешне сразу почувствовалось по поведению окружающих его людей, по тому, как вели с ним себя лидеры московской и региональных элит, главы государств СНГ.

В октябре 1993 года именно от Ельцина зависел выбор:

- **быть России парламентской или президентской республикой.**

Твой выбор?

И Ельцин его сделал. В радикально изменившейся ситуации на референдум был вынесен уже не относительно сбалансированный компромиссный вариант новой Конституции, выработанный летом на Конституционном совещании, а гораздо более жесткий, типично президентский. Многие эксперты – даже демократических убеждений – выражали недоумение по поводу откровенно несбалансированных положений. Но их мнение не было учтено. Президенту нужны были сильные властные рычаги, чтобы проводить реформы.

Подробнее. **Позиция Ельцина относительно президентской республики**

Из выступления Б. Ельцина 5 апреля 1993 года в концертном зале гостиницы «Россия» на «Собрании граждан РФ»:

«На первый план вышел вопрос: какой быть России – президентской или парламентской республикой? В республике парламентского типа президент – не более чем декоративная фигура. Правительство формируется парламентским большинством и смещается им. При нынешней расстановке политических сил, в том числе в парламенте, пока еще зачаточном состоянии многопартийности в России, да еще в условиях глубокого кризиса, переход к парламентской форме правления был бы, конечно, крайне трудным, нежелательным, я думаю, что просто недопустимым.

Постоянная внутрипарламентская борьба на фоне неблагоприятных социально-экономических условий будет приводить к правительственной чехарде. Это заблокирует работу исполнительной власти, и она вообще не сможет провести никаких реформ в этих условиях. Это путь, который в последнее время усиленно навязывается нам частью депутатов Верховного Совета. Считаю его неприемлемым. Он вновь обрекает на блуждание в потемках и постоянное запаздывание. Снова начнутся бесконечные разговоры и политические игры с псевдодемократическими ритуалами. В условиях кризиса такая политика равносильна самоубийству. Я, как президент, никогда на этот вариант не соглашусь.

Именно в нынешней ситуации, может быть в течение двух-трех лет, речь может идти только о президентской республике. Это, разумеется, не означает наделения президента неограниченными правами. Он должен исполнять свои обязанности по защите конституционного строя, демократического порядка, прав человека, целостности страны – России. Президент должен иметь возможность в полной мере нести ответственность перед избравшим его народом за судьбу России и реализовывать свою программу».

Цитируется по: Мороз О. Хроника либеральной революции. Как удалось отстоять реформы. М.: Радуга, 2005.

Подробнее. **Всегда ли хороша демократия?**

Стремление Ельцина максимизировать личную власть вряд ли вызывает сомнение. Однако 20 лет назад многие умные и квалифицированные люди, не имевшие выгоды от расширения президентских полномочий, поддерживали ельцинский подход к Конституции. Это не объяснить ссылками на одну лишь борьбу за власть. Было еще нечто важное, что определяло характер борьбы вокруг новой Конституции.

1993 год был годом тяжелейших экономических проблем. Годом высокой инфляции, полностью парализовавшей развитие страны. Годом

панического бегства капитала, не желавшего работать в условиях политической и финансовой нестабильности. Нормализация законодательства рассматривалась тогда, в первую очередь, в качестве базы для принятия срочных решений, которые могли бы остановить спад в экономике и способствовать росту ВВП в обозримой перспективе…

В демократических условиях трудно принимать непопулярные, но важные для развития страны решения, потому что приходится учитывать, во-первых, влияние различных групп интересов, каждая из которых может ослабить или даже парализовать власть, если ей не пойдут навстречу, во-вторых, мнение широких масс, далеко не всегда способных понять, почему в экономике порой необходимо идти на болезненные меры.

Вся история ранних этапов экономической модернизации стран – это история монархических и авторитарных режимов, принимавших необходимые для развития решения, которые трудно было бы провести в жизнь демократическим путем… Из этого не надо делать примитивный вывод, будто авторитаризм лучше демократии. На одного эффективного авторитарного лидера в мировой истории приходится несколько десятков тиранов и клептократов. Однако игнорировать эффективность, которую иногда демонстрирует авторитаризм, значит игнорировать историю.

Демократия при решении экономических проблем, бесспорно, эффективнее авторитаризма в стабильном обществе с устоявшимися правовыми нормами. В частности, парламентская республика оказывается хорошим антикоррупционным инструментом, поскольку обладающая значительными правами оппозиция заинтересована контролировать действия чиновников, которых назначили ее политические противники. Борьба различных групп интересов (связанных с властью и с оппозицией) минимизирует злоупотребления, препятствует принятию наглых решений по «распилу бюджета». Но если, скажем, для финансовой стабилизации нужны наглые решения, сворачивающие традиционное финансирование предприятий ВПК или ЖКХ, борьба групп интересов их точно так же заблокирует…

К середине 1993 года вопрос о Конституции стал для российского общества во многом вопросом о том, способны ли мы преодолеть экономический кризис, принимая разумные, эффективные решения, или государство будет парализовано борьбой группировок и действиями популистов. Соответственно, принятие ельцинской Конституции было связано с возможностью оперативно управлять обществом в кратко- и среднесрочном плане, а не с намерением раз и навсегда соорудить эффективный юридический каркас демократии. Если бы такой каркас случайно все же соорудился, он быстро пал бы под давлением обстоятельств. Вряд ли его стали бы защищать влиятельные политические силы, точнее, они защищали бы до тех пор, пока им это было выгодно.

Источник: Травин Д.Я. Всегда ли хороша демократия? // Росбалт. 04.06.2013.

Подробнее. **Идея парламентской республики становится популярной в России**

Идея парламентской республики становится все более популярной в нашей стране. Парламентская форма правления надежнее, чем любая другая, застрахована от авторитарного перерождения. Но сначала она должна утвердиться, что не везде и не всегда возможно. Она требует согласия в обществе относительно базовых ценностей и общего вектора развития страны. В России сегодня этого нет. Она требует наличия сильных и влиятельных партий, способных брать на себя государственную ответственность. И этого нет: наши партии никогда ни за что не отвечали и соответствующий опыт приобрести не могли.

В начале 1960-х годов после падения авторитарного режима парламентская республика возникла в Южной Корее, но просуществовала полгода, приведя к военному перевороту и диктатуре. Во Франции парламентское правление до де Голля работало плохо, развитие не обеспечивало и сменилось конституционной «выборной монархией», которая впоследствии эволюционировала в нынешнюю премьерско-президентскую форму правления. Что-то похожее нужно и нам. Причем, учитывая неукорененность в России правовой культуры, на президента следует возложить функцию гаранта конституционного строя и правового порядка…

В парламентской республике президент лишен реальных властных полномочий и влияния на политику или отсутствует вообще. Главным политическим игроком является правительство, формируемое по результатам парламентских выборов. При определенной политической культуре, даже более высокой, чем у нас, на роль самодержца может претендовать премьер-министр, а его партия – на роль монопольно правящей. Нашим сторонникам парламентской республики предстоит ответить на важные вопросы. Если президент станет символической безвластной фигурой, избираемой не населением, а парламентом, как избежать кризисов в случае неспособности парламента сформировать правительство? Или в случае неспособности избрать президента? Как застраховаться от превращения премьер-министра в пожизненного самодержца? Ведь право партии, которую он представляет, побеждать на выборах нельзя ограничить двумя сроками – будь то «подряд» или «не подряд».

Должность президента следует сохранить как противовес правительству, но полномочия существенно ограничить. Президент должен быть лишен нынешнего конституционного права «определять основные направления внутренней и внешней политики», равно как и права формировать правительство и немотивированно отправлять его в отставку. Оно должно формироваться парламентом и нести перед ним ответственность. А главной функцией президента становится защита конституционного строя и правопорядка в широком смысле слова, для чего его предстоит

наделить существенными полномочиями. Без политического института, ответственного за правопорядок, нам из коррупционно-криминальной ямы не выбраться.

Источник: Клямкин И. Безальтернативное прошлое и альтернативное настоящее. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2013.

Президент отказался от резкого поворота в сторону авторитаризма. Чрезвычайное положение вскоре было отменено. Явно оппозиционные газеты «Правда» и «Советская Россия» продолжили выходить. Не была введена цензура. Сразу был назначен срок референдума по новой Конституции и выборы парламента – 12 декабря 1993 года.

Новшества Конституции 1993 года

Конституционный строй. Несмотря на «всенародное» обсуждение и торжественное принятие нескольких советских конституций, конституционный строй ни в одной из них не был определен. Эти конституции многое декларировали, но, не будучи законами прямого действия, не обеспечивали соблюдение прав и свобод граждан, разделение властей и независимость суда. В СССР преследовались правозащитники, которые требовали всего лишь соблюдения ценностей и принципов, содержавшихся в советской Конституции, – свободы слова, печати и собраний, права быть выдвинутым кандидатом в народные депутаты без санкций райкома и других прав.

В Конституции 1993 года были зафиксированы основы конституционного строя России (статьи 1–15) и оговорено, что никакие другие ее положения не могут им противоречить (статья 16).

Подробнее. **Конституция. Глава 1. Основы конституционного строя**

Конституция Российской Федерации

Раздел первый

Статья 1

1. Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления.

2. Наименования Российская Федерация и Россия равнозначны.

Статья 2

Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

Статья 3

1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ.

2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

3. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы.

4. Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону.

Статья 4

1. Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию.

2. Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации.

3. Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории.

Статья 5

1. Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации.

2. Республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство. Край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ имеет свой устав и законодательство.

3. Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации.

4. Во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты Российской Федерации между собой равноправны.

Статья 6

1. Гражданство Российской Федерации приобретается и прекращается в соответствии с федеральным законом, является единым и равным независимо от оснований приобретения.

2. Каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации.

3. Гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его.

Статья 7

1. Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

2. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты.

Статья 8

1. В Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности.

2. В Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности.

Статья 9

1. Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.

2. Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности.

Статья 10

Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны.

Статья 11

1. Государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации.

2. Государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти.

3. Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется настоящей Конституцией, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий.

Статья 12

В Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.

Статья 13

1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие.

2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

3. В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность.

4. Общественные объединения равны перед законом.

5. Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Статья 14

1. Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

Статья 15

1. Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации.

2. Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы.

3. Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

4. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Статья 16

1. Положения настоящей главы Конституции составляют основы конституционного строя Российской Федерации и не могут быть изменены иначе как в порядке, установленном настоящей Конституцией.

2. Никакие другие положения настоящей Конституции не могут противоречить основам конституционного строя Российской Федерации.

В Конституции Россия названа демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления (статья 1).

Демократическое государство. В демократическом государстве последовательно реализуются конституционные принципы суверенитета народа (народовластия), разделения властей, плюрализма, федерализма. Чтобы они не оставались благими пожеланиями, требуется реальная

политическая свобода гражданина, соблюдение неотъемлемых прав человека, наличие политических и правовых институтов, позволяющих ему участвовать в управлении государством и обществом. А для этого нужны:

– свобода мысли и слова, право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, свобода массовой информации (статья 29),

– право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов, свобода деятельности общественных объединений (статья 30),

– право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (статья 31),

– равенство всех перед законом и судом, равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям (статья 19),

– защита человека от злоупотреблений со стороны органов власти (статья 46),

– защита экономической свободы (статьи 34 п. 1, статья 35 п. 1, статья 36 п. 2),

– справедливость в уголовном судопроизводстве (статьи 49–54).

Правовое государство. Важнейшим признаком правового государства провозглашено верховенство права, равенство всех перед законом. Конкретно это выражается в верховенстве Конституции по отношению к другим законам (статья 15 п. 1), а также в установлении обязанности государственных и негосударственных органов действовать строго в рамках Конституции и законов. В правовом государстве действует принцип приоритета норм международного права перед нормами национального права (статья 15 п. 4). Впервые конституционно закреплено, что в России признаются и гарантируются права и свободы согласно общепринятым принципам и нормам международного права. Важно, что соответствующие статьи являются непосредственно действующими нормами права, то есть при их нарушении гражданин может обратиться в суд, и суд обязан опираться непосредственно на них при разрешении дела.

В правовом государстве обеспечивается не просто соблюдение законов, но сами они выражают справедливость, в соответствии с которой высшая ценность – человеческая личность. «Основные права и свободы

человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (статья 17 п. 2). И гарантируются права и свободы граждан, в том числе:

– каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов (статья 22);

– каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения (статья 23);

– сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (статья 24);

– каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого (статья 49).

Решающая роль в защите прав личности принадлежит судебным органам. Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суде (статья 46). Если исчерпаны все внутригосударственные средства правовой защиты, гражданин вправе обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод.

Нет правового государства без независимости суда: судьи должны быть независимы и подчиняться только Конституции и федеральному закону (статья 120 п. 1), судьи должны быть несменяемыми (статья 121 п. 1) и неприкосновенными (статья 122 п. 1), суды должны финансироваться только из федерального бюджета, что обеспечит независимое осуществление правосудия в соответствии с федеральным законом (статья 124).

Федеративное государство. Федеративное устройство России основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной

власти субъектов Федерации, равноправии и самоопределении народов (статья 5 п. 3).

Субъекты Федерации имеют собственную территорию, конституции или уставы, органы власти. В их ведении находится широкий круг вопросов, не требующих единого регулирования. В отличие от конфедерации субъекты Федерации не обладают суверенитетом, лишены права на свободный, односторонний выход из состава Российского государства. Они не обладают верховенством своего законодательства на их территории, то есть действие федеральных законов распространяется на всю Федерацию и субъекты не вправе им препятствовать.

При этом от субъектов Федерации требуется лишь соблюдать республиканскую форму правления, соответствовать основам конституционного строя и общим принципам организации представительных и исполнительных органов государственной власти, местного самоуправления (статья 77 п. 1). Конституция заложила правовую основу демократического управления государством. Децентрализация государственной власти, перемещение ее в значительной части из центра на места позволила органам власти субъектов Федерации учитывать местные особенности и интересы.

Социальное государство. Россия объявлена социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 7 п. 1). В основе социального государства лежат принципы социального равенства, партнерства, солидарности и взаимной ответственности. Конституция установила обязанность государства обеспечивать человеку достойные условия существования: здравоохранение (статья 41), образование (статья 43), жилище (статья 40), трудоустройство (статья 37), поддержка семьи, материнства, отцовства, детства, инвалидов, пожилых людей (статья 7), условия для культурного развития человека и общества (статья 44).

Впрочем, Конституция лишила государство части его патерналистских, «отеческих» функций: роль государственных органов сводится к созданию условий, обеспечивающих свободное развитие человека. Все остальное зависит от него самого, от его способностей и умения обеспечить себе достойную жизнь.

Разделение властей. Разделение властей предполагает независимость и разграничение функций трех ветвей государственной власти – законодательной, исполнительной и судебной, которое сопровождается системой

сдержек и противовесов. Исторический опыт показывает, что если в одном органе или у одного лица концентрируется вся полнота власти, то неминуемо возникает тирания. Поэтому власть необходимо разделить между ее ветвями так, чтобы они контролировали и сдерживали друг друга. Если они вынуждены соблюдать установленные законом правила взаимодействия, верховенствует закон, а не главный чиновник.

В СССР теория разделения властей считалась буржуазной, реакционной, поэтому отрицалась. Государственная власть реализовывалась как единое целое (единая компетенция Советов и их органов), фактически вся полнота власти была сосредоточена в руках партийного аппарата, ее узурпировала небольшая группа номенклатуры.

В Конституции 1993 года механизм государственной власти на высшем уровне был разделен и представлен президентом, двухпалатным парламентом – Федеральным Собранием (Государственная Дума и Совет Федерации) и судами – Конституционным, Верховным и Высшим Арбитражным.

Государство с республиканской формой правления. Республика – форма правления, при которой все высшие органы государственной власти избираются прямо или формируются парламентом. Глава государства (президент) выборный, сменяемый, его власть исходит от избирателей.

Известны две основные разновидности республиканской формы правления – парламентская и президентская. В парламентской обеспечивается верховенство парламента, перед которым правительство несет политическую ответственность за свою деятельность. Должность президента символическая, он не влияет на формирование правительства. Президент как глава государства избирается парламентом. В президентской республике полномочия главы государства и главы правительства сосредоточены в руках президента, должность премьер-министра отсутствует. Президент избирается непосредственно населением. Он формирует правительство и, как правило, не вправе распустить парламент. В чистом виде эти формы, пожалуй, нигде не реализуются.

Конституцией 1993 года в России установлена президентская форма, при которой президент избирается населением всеобщим голосованием, является главой государства, с согласия Госдумы назначает председателя правительства и принимает решение об отставке правительства, назначает и освобождает от должности заместителей премьер-министра и министров, представляет нижней палате парламента кандидатуру председателя Центрального банка и ставит вопрос об освобождении

его от должности, представляет Совету Федерации кандидатуры судей Конституционного, Верховного и Высшего Арбитражного судов, Генерального прокурора, назначает и освобождает высшее командование Вооруженных сил (статья 83).

По Конституции президент больше не руководит деятельностью правительства, но за ним сохранено право присутствовать на его заседаниях. Новшеством стало право президента отправлять правительство в отставку, ранее на это требовалось согласие Верховного Совета.

Президент может распустить Госдуму: после трехкратного отклонения ею представленных кандидатур премьер-министра (статья 111); после двукратного выражения ею недоверия правительству, с которым не согласен президент (статья 117 п. 3); после постановки премьер-министром перед Госдумой вопроса о доверии правительству, когда она в доверии отказывает (статья 117 п. 4).

Президент может использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов Федерации, а также между органами государственной власти субъектов Федерации. Если согласованное решение не найдено, он может передать разрешение спора на рассмотрение соответствующего суда. Президент вправе приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов Федерации, если они противоречат Конституции, федеральным законам, международным обязательствам России или нарушают права и свободы гражданина, до решения этого вопроса судом (статья 85).

Рыночный характер российской экономики. При советской власти за предпринимательскую деятельность законом предусматривался немалый тюремный срок. Новая Конституция закрепила право каждого на использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной, не запрещенной законом экономической деятельности, при этом не допускается монополизация и недобросовестная конкуренция (статья 34).

Частная собственность. Для России историческое значение имеет статья 35, которая узаконила частную собственность. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда, а если имущество принудительно изымается для государственных нужд (в определенных ситуациях это случается в любом государстве), то Конституция требует предварительного и равноценного возмещения. Гарантируется право наследования.

Местное самоуправление. В условиях господства КПСС местное самоуправление было звеном государственного механизма. Районные, городские, поселковые, сельские Советы народных депутатов были представительными органами власти. Конституция 1993 года провозгласила автономию местного самоуправления, установив, что его органы не входят в структуру государственной власти, самостоятельны в пределах их полномочий (статья 12).

Предусмотрены гарантии местного самоуправления. Конституция признала наряду с частной и государственной собственностью муниципальную собственность. Органы местного самоуправления управляют муниципальной собственностью самостоятельно. А также они самостоятельно формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, решают все вопросы местного значения, обеспечения ежедневной жизнедеятельности жителей (образование, здравоохранение, благоустройство, социальная сфера, городская инфраструктура и др.). Границы территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, могут быть изменены только с учетом мнения населения (статья 131 п. 1). Местному самоуправлению гарантируется право на судебную защиту, на компенсацию дополнительных расходов, возникших в результате решений органов государственной власти (статья 133).

Подробнее. **Начало постсоветского преобразования местного самоуправления в России**

Точка отсчета. С 1930-х годов в СССР установилась классическая советская модель местного самоуправления, с модификациями просуществовавшая до конца 1980-х годов. Ее главные характеристики:

– КПСС руководила всем и вся, ее иерархическая структура пронизывала все уровни управления страной и принятия политических решений;

– местные органы власти формально были разделены на представительные (Советы, которые избирались от сельского до областного уровня на безальтернативной основе по 25–300 депутатов) и исполнительные (исполкомы Советов, избиравшиеся из депутатов). Деятельность исполкомов контролировали органы КПСС соответствующего уровня;

– местные органы власти юридически и фактически обладали лишь теми полномочиями, которые им делегировали вышестоящие органы власти;

– в централизованной плановой экономике экономические и финансовые ресурсы (включая бюджетные средства и инвестиции) распределялись сверху вниз, от центра к республикам, регионам и муниципалитетам на основе единых централизованно установленных нормативов. Эта «веерная»

схема местных финансов номинально включала в себя местные налоги и сборы, а по сути, не предполагала экономической и финансовой автономии местного самоуправления, хотя на местные бюджеты в 1970-е годы приходилась почти пятая часть бюджета страны.

Источник: Гельман В.Я. Политические аспекты реформы местного самоуправления. – www.ru-90.ru

Местное самоуправление в 1990–1992 годах. В 1990 году прошли первые свободные выборы на Съезд народных депутатов РСФСР и в местные Советы. В апреле 1990 года Законом СССР «Об общих принципах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» местным Советам были даны чрезвычайно широкие полномочия, они были наделены собственной компетенцией. Закон реализовал лозунг большевиков «Вся власть Советам!».

К сожалению, вместо управления местным хозяйством Советы стали делить между собой государственную собственность. Так, некоторые московские районные Советы объявляли своей собственностью воздушный столб над их территорией и недра земли, куда попала ветка метрополитена, а ленинградские районные Советы – часть Невского проспекта, форты и акваторию Финского залива. Советы высшего уровня отменяли подобные решения, но в целом местное хозяйство управлялось крайне неэффективно. В полной мере проявился главный недостаток советской власти: Советы и их президиумы подменяли профессионалов-управленцев исполнительной власти, постоянно вмешивались в их деятельность (благо партия теперь не мешала), решали открытым голосованием вопросы, составлявшие суть оперативного управления территорией: кому передать объект недвижимости, где сделать остановку городского транспорта. Ситуация стала неуправляемой. В 1991 году в России в систему местных органов власти были внесены коренные изменения, сделавшие ее похожей на систему МСУ. Вместо исполкомов были образованы местные администрации, которые не подчинялись Советам, в систему органов исполнительной власти был введен принцип единоначалия…

6 июля 1991 года был принят Закон «О местном самоуправлении в РСФСР». Он исключил из органов местной власти краевые и областные органы, отнеся их к государственной власти. Были четко определены предметы ведения и полномочия Совета и администрации на уровне города, района, района в городе, поселка. Администрация была выведена из подчинения Совету. Он лишился права приказывать ей, но по-прежнему мог отменять ее решения и отрешать ее главу от должности. Закон ввел должность единоличного главы администрации. Он избирался всем населением (правда, большинство первых глав местных администраций было назначено руководителями регионов), был подотчетен Совету и обладал правом вето на решения Совета, которое преодолевалось 2/3 голосов депутатов. Закон оставил за Советами высшего уровня право отменять решения Советов

низшего, но уже не позволял навязывать им свои решения. То есть в систему исполнительной власти были введены принципы разделения властей и единоначалия, частично устранены недостатки системы советской власти и повышена эффективность управления.

К концу 1991 года практически повсеместно были упразднены президиумы Советов. Вместо них в 1992 году большие Советы стали избирать малые Советы. Они увеличили эффективность работы представительных органов, хотя и снизили их «представительность». В малых Советах было существенно меньше депутатов. Так, в Санкт-Петербурге горсовет состоял из 400 депутатов, малый Совет – из 35. Малый Совет работал постоянно (заседания проводились каждую неделю) и решал все вопросы ведения большого Совета, за исключением кадровых и бюджетных. Решения малого Совета затем утверждались или отклонялись большим Советом. Аналогичные принципы были введены в систему органов государственной власти в краях и областях (…) 5 марта 1992 года.

Советы решали вопросы местного значения, а администрации исполняли решения в рамках своей компетенции. Для решения общегородских вопросов местного значения в составе городской администрации имелись гороно (образование), горздрав (здравоохранение), горсобес (социальная сфера), подразделения, отвечающие за благоустройство, содержание и управление тепло-, электро- и газосетями, за работу транспорта, систем связи, за обеспечение ритуальными услугами и др. Для решения вопросов местного значения в районах в городе в их администрациях имелись районо (образование), райздрав (здравоохранение), райсобес (социальная сфера), подразделения, отвечающие за благоустройство.

В то время система органов местной власти развивалась в направлении, которое позволяло эффективно решать местные вопросы: децентрализация, четкое разграничение компетенции. Баланс между управлением и демократией сместился в сторону демократии, но в дальнейшем вмешалась высокая политика, и… управление стало превалировать над демократией…

Федеральные власти имеют различные рычаги воздействия на местное самоуправление: силовые, правовые (устанавливают законы, по которым формируется и действует МСУ), и экономические (предоставляют финансовую помощь из федеральных фондов выравнивания и компенсации, передают объекты в муниципальную собственность). А региональные власти контролируют органы местного самоуправления, адаптируют федеральные законы о МСУ к особенностям региона, регулируют избирательный процесс, предоставляют финансовую помощь из региональных фондов выравнивания и компенсации, передают объекты в муниципальную собственность из собственности субъекта Федерации.

Муниципалы в деятельности федеральных властей участвуют через федеральных депутатов, избранных на территории муниципального образования, через Российский союз муниципальных образований, Союз российских

городов, Союз малых городов, Союз городов Северо-Запада России и группы давления. А в деятельности региональных властей они участвуют через региональных депутатов, избранных на территории муниципального образования, ассоциации регионального уровня и группы давления, через право законодательной инициативы в законодательном органе субъекта Федерации. Здесь муниципалы более или менее успешно представляют и отстаивают свои интересы.

В стабильной ситуации органы местного самоуправления стремятся иметь как можно больше прав, самостоятельности, полномочий, собственности, финансов. Региональные же власти заинтересованы в том, чтобы отдать МСУ как можно меньше, а если и отдавать, то самое невыгодное (дошкольное образование, ЖКХ). У федеральных властей свой интерес: использовать МСУ в качестве противовеса региональным властям, чтобы не допустить их чрезмерного усиления и развития регионализма. Но и федеральным, и региональным властям важно, чтобы местное самоуправление было действенным. Иначе им самим придется обеспечивать жизнедеятельность населения, чтобы избежать социальной напряженности, представляющей угрозу для власти. Налицо сложная система отношений между органами власти разных уровней, при которой сохраняется баланс между ними и обеспечивается устойчивость МСУ. Органы государственной власти принимают решения, исходя из своих интересов, сил и ресурсов, в определенной мере учитывая интересы местного самоуправления.

Источник: Горный М.Б. Местная власть в Санкт-Петербурге. – http://www.ru-90.ru/node/616

Влияние политического противостояния на нормы Конституции

В 1992–1993 годах основной помехой президенту в проведении реформ был Верховный Совет. Реакцией на это стало вполне понятное желание сделать так, чтобы у парламента не было возможности диктовать свою волю президенту. Ответ на вопрос: кто главнее – президент или парламент? – во многом зависел от того, в чьих руках правительство. Поэтому было важно лишить Госдуму права формировать правительство, а значит, и отвечать за проводимую им политику.

Но был выбор:

- **лишить парламент права формировать правительство навсегда**
- **или на несколько лет, пока не завершатся рыночные реформы.**

Как поступил бы ты?

Авторы Конституции стремились закрепить за президентом сильные властные рычаги. Это стремление соединилось у них с идеей создать Основной закон на века. Примером была американская Конституция, которой уже более 200 лет. Но вряд ли нам стоило повторять американский опыт. Мы ведь не свободные колонисты, а люди, вышедшие из тоталитарного строя. У нашего народа не было опыта самоуправления и настоящего парламентаризма, зато укоренился патернализм. Государственная бюрократия воспринимается в России как реальная власть, а представительные органы и суд – как подчиненные. Поэтому Конституцию следовало бы принять на определенный период, как переходную. А ее сделали неприкосновенной.

В Конституцию заложили дисбаланс в системе сдержек и противовесов. Президенту были предоставлены чрезвычайно большие полномочия. Но полномочия предполагают, что есть ограничения. В наших условиях дело даже не в их объеме, а в том, что президенту практически никто (другие ветви власти) ничего не может противопоставить.

По Конституции президент не входит ни в одну из ветвей власти, является арбитром над ними. Но фактически он играет на стороне исполнительной власти. Это исключило реальное разделение властей. Под угрозой роспуска Госдума не может высказать недоверие правительству. Правительство полностью подчинено президенту, поэтому политическая конкуренция и парламентские выборы со временем превратились в фикцию. Госдума, не имея возможности влиять на проводимый курс, не стала полноценным парламентом. Не появился парламентский контроль. Нет и независимой судебной власти.

В первые годы после принятия новой Конституции президент и правительство еще сталкивались с фантомами разделения властей. Например, Госдума, вопреки позиции президента, объявила амнистию арестованным лидерам вооруженного выступления в октябре 1993 года, в том числе руководителям Верховного Совета. Позже Совет Федерации отказался утвердить снятие президентом с должности Генерального прокурора Ю. Скуратова. В. Черномырдин не был утвержден в должности премьер-министра при повторном назначении. До 2000 года законопроекты, представленные президентом на рассмотрение Госдумы, депутаты изучали и вносили поправки, что повышало качество законов. В дальнейшем Госдума, по выражению ее председателя, стала уже «не местом для дискуссий».

Подробнее. **Мнимое разделение властей. Дисбаланс в системе сдержек и противовесов**

Из интервью с М. Красновым, референтом помощника президента РФ по национальной безопасности в 1993–1995 годах, помощником Б. Ельцина по правовым вопросам в 1995–1998 годах:

– Конституция 1993 года и сегодня определяет нашу жизнь – с ее гигантским произволом государства, отсутствием разделения властей. Что было «не так» в Конституции, принятой «на высокой демократической волне»?

– Не только на демократической волне, но и в результате наступившей у демократов эйфории, появления чувства победителя, который теперь определяет правила игры и которому уже никто не мешает. Эти правила гласили – «победитель получает всё»… Конституция содержала и содержит серьезные пороки, прежде всего дисбаланс в системе сдержек и противовесов. Вскоре после 1993 года Г. Зюганов сказал, что у президента России полномочий больше, чем у египетского фараона, русского царя и арабского шейха, вместе взятых. Простим ему непонимание, что к абсолютному монарху вообще не применимо понятие «полномочия». Абсолютная власть и есть абсолютная власть. Полномочия предполагают, что есть ограничения. Поэтому дело не в количестве полномочий (какие-то я бы даже добавил президенту), а в том, что ему практически никто ничего не может противопоставить. Покажу на примерах.

Начну с порядка назначения правительства, ибо именно оно проводит политический курс. Но чей курс? Исключительно президентский. В полном соответствии с нашей Конституцией российское правительство всегда будет «карманным», полностью подчиняющимся президенту (сегодняшняя ситуация «дуумвирата» парадоксальным образом лишь подтверждает это). Следовательно, парламентские выборы становятся фикцией. Ибо парламент, не имеющий возможности влиять на проводимый курс, – это не парламент. Это даже не законосовещательный орган, каким была Госдума до 1917 года. А все из-за того, что фактически полностью отсутствует политическая конкуренция. Правда, нельзя сказать, что нормальная конкуренция существовала и до 2000 года.

Представим, что в России проведены действительно свободные, демократические выборы, и в Госдуме появились депутаты, представляющие реальные политические силы, конкурирующие партии. Все равно этот парламент будет отстранен от формирования правительства, следовательно, и от определения внутренней и внешней политики. Разговоры о том, что в будущем в России появится правительство партийного большинства, ни на чем не основаны. Имитация – да, возможна. Но в реальности при нынешней конструкции ни одна партия не сможет сформировать правительство и нести за свой курс ответственность.

– Хотя, казалось бы, по Конституции у парламента для этого есть все возможности: президент лишь вносит кандидатуру председателя правительства, а Госдума может согласиться или отказать.

– На поверхностный взгляд вроде бы вполне нормально и демократично. Но, если Госдума три раза не согласится с кандидатурой, предложенной президентом, он обязан ее распустить. Не пойти на компромисс, не представить другую кандидатуру, а распустить! Только потому, что она не согласилась с «высочайшим повелением» утвердить именно эту кандидатуру главы правительства. Мало того, президент обязан не просто распустить Думу, но и назначить даже не исполняющего обязанности, а полноценного премьера. Конституция издевательски говорит депутатам: согласны вы или нет, а премьером будет тот, кого желает видеть глава государства.

Получается: чтобы не уходить досрочно, Дума обязана утвердить выбор президента, что и происходит у нас регулярно. Было лишь одно подобие компромисса, когда в 1998 году после увольнения С. Кириенко с должности премьера Госдума заспорила по кандидатуре ранее уволенного В. Черномырдина, которого Б. Ельцин опять предложил в премьеры. Но тогда ситуация в стране была настолько накалена, что президент не решился настаивать, в итоге появилась кандидатура Е. Примакова.

Теоретически у Госдумы есть право позже выразить недоверие правительству. Но практически она не может этого сделать – опять же в целях самосохранения. Ведь согласно Конституции, если такое недоверие будет выражено, президент не обязан, как во многих других странах, отправить правительство в отставку, а только вправе либо сделать это, либо распустить саму Думу. Ясно, что он выберет второй вариант, так как правительство создано им, а не его политическими противниками.

По Конституции президент у нас не входит ни в одну из ветвей власти, описан как арбитр. В Конституции Франции, которая по модели близка нашей, прямо говорится, что президент – арбитр. И это хорошо. Причем президент не должен быть слабым, парламентская республика при всех ее плюсах в России в те годы вряд ли бы сработала – скорее, привела бы к хаосу. То есть президент должен быть сильным – но именно сильным арбитром: иметь силовые рычаги, но не быть активным политическим игроком, каким является сегодня. А у нас получается, что судья на поле одновременно играет за одну из команд. Поэтому политической конкуренции нет не из-за того, что практически нет нормальных партий, а есть группы беспринципных политических деятелей. Наоборот, цивилизованная партийная система с ответственными политиками не формируется как раз из-за того, что ни одна партия еще не получала (и при нынешней системе не получит) мандат на проведение собственного курса, за который она сама или вместе с партнерами по коалиции будет нести полную ответственность. Без политической конкуренции бессмысленно надеяться и на создание системы независимого правосудия, и на подконтрольность правоохранительных служб, и на преодоление масштабной коррупции.

Существует еще одна уникальная особенность в нашем политическом устройстве. В Европе, без учета СНГ, по моим подсчетам, у восьми стран, в том числе у Франции, Португалии, Словении, Болгарии, конституции схожи с российской. Но ни в одной из них у президента нет права отправлять правительство в отставку без повода. У нашего президента такое право есть, хотя это нонсенс. Впервые оно было реализовано весной 1998 года, когда Б. Ельцин уволил В. Черномырдина. Далее это стало обычной практикой.

Зародилась даже такая традиция: глава правительства отстраняется от должности, отправляется в отставку, при этом президент выступает по телевидению и объясняет, что в целом работой правительства доволен. Если доволен – почему увольняешь? Общество должно знать, почему отправляется в отставку правительство. Премьер-министр становится марионеткой в руках главы государства, если его можно уволить не за конкретные ошибки и просчеты, а просто так… Вот такое негативное следствие конституционной статьи.

– Как это прошло в Конституцию? Ведь ее предварительный вариант, подготовленный в начале 1993 года, был более сбалансированным и более либеральным.

– Вариантов было много… Трудно сказать, какой из проектов был более сбалансированным и более либеральным, ведь дело не в том, как описываются общие принципы, права и свободы. При всех различиях в формулировках эти положения почти не отличались. Главная борьба велась вокруг вопроса: кто главнее – президент или парламент? А это во многом зависело от того, в чьих руках окажется правительство.

У венгерского исследователя Андроша Шайо есть хорошее высказывание: конституции рождаются как отражение наших былых страхов… А «страхи» экспертов президентской стороны заключались в том, что основной помехой президенту в проведении реформ стал Верховный Совет. Такое отношение перенесли на будущий парламент: надо сделать так, чтобы у него не было возможности что-то диктовать президенту, это президент должен диктовать парламенту. Вполне рациональная в той ситуации позиция, хотя, как оказалось, недальновидная. Она была заложена в июльский (1993 года) проект, подготовленный Конституционным совещанием, которое было созвано Ельциным и проходило под его патронатом. И само это совещание, и его проект стали противовесом проекту, который поддерживал Верховный Совет, хотя оттуда были взяты многие положения.

Поскольку проект разрабатывался не Учредительным собранием (что надо было бы сделать), а только одной стороной в том драматическом конфликте, он и получился перекошенным в пользу президентских прерогатив. Но в этом проекте дисбаланс в системе власти был еще не такой сильный. После октябрьских событий 1993 года проект дорабатывался. Если летом еще требовалось оглядываться на Верховный Совет, то потом этого «контрагента» уже не было…

Президенту нужны были сильные, властные рычаги, потому что он был олицетворением и движителем реформ, которые просто необходимо было проводить. И это соединилось с идеей, что мы должны создать Конституцию на века! А следовало бы делать временную, переходную Конституцию… Не продумали, что будет, когда закончатся два срока президентства Ельцина? Можем ли мы гарантировать, что его сменит мировоззренческий единомышленник? Подобные вопросы не приходили в голову разработчикам, видимо, потому, что все были охвачены эйфорией и считали: если будем иметь власть, то выберем того президента, который нужен для реформ. Думали: переломим ситуацию, и процесс будет необратимым – реванша ни коммунизма, ни тоталитаризма уже не будет…

– В Восточной Европе большинство посткоммунистических стран избрало парламентскую форму правления. Потому там больше демократии и гораздо жестче относятся к коррупции. Может быть, и нам последовать их примеру?

– Я – сторонник парламентской республики, если говорить абстрактно. По оценкам специалистов, она, как ни странно, более устойчива (хотя правительства, например, в Италии падали после войны чуть ли не два раза в год) и больше обеспечивает демократию – не в аппаратном смысле, а как волю народа, реализуемую через властные органы. Однако созрела ли нынешняя Россия для парламентской демократии? Мы с коллегой проанализировали, могли ли партии, представленные в Госдуме первого созыва (1993–1995 годы), договариваться между собой хотя бы по ключевым вопросам? И пришли к отрицательному выводу… Президентская республика могла бы помочь вырасти партиям.

– Почему же партии не выросли, а, наоборот, началось их разложение?

– Купите чистокровных арабских скакунов и поставьте их в стойло. Кормите, чистите, но не выпускайте на скачки. Через год вы получите ленивых, ожиревших, дряблых животных, не способных пробежать даже один круг. То же самое у нас с партиями: не имея стимулов к политической борьбе, они не получают главного – возможности проводить свой политический курс, который заявляют перед гражданами. А потому максимум, за что борются политики, – получить побольше мест в Думе, хотя от числа депутатских мест почти не зависит проводимая в стране политика. Это влияет только на «аппаратный вес» партийных функционеров.

В соответствии с Конституцией в России вся власть и все политическое влияние отданы президенту, он определяет основные направления внутренней и внешней политики. А какое может быть разделение властей, если один субъект определяет всю политику? Его обязаны слушать и слушаться беспрекословно хотя бы потому, что судьба любого министра, тем более премьера и вице-премьера, зависит исключительно от президента. На самом деле кадровая судьба гораздо более широкого числа должностных лиц зависит от главы государства. Я задумал написать статью на тему «Чья кадровая судьба зависит от президента». Прямо или косвенно – фактически

всех деятелей федерального и регионального уровней, отчасти и муниципального. Поэтому как же не соглашаться с основными направлениями внутренней и внешней политики, определяемыми президентом? А тут еще и Конституционный суд в 1999 году вынес вердикт, что эти основные направления обязательны для правительства.

С Госдумой сложнее – она часто составляла некую фронду Ельцину. Но не более того. Потому что законы, которые она пыталась принимать в пику президенту, он просто отклонял или они «умирали» в Совете Федерации (например, законопроект об индексации дореформенных вкладов в Сбербанке). Сейчас такое даже трудно себе представить. Но мало кто знает, что полной лояльности парламента способствуют не только множество аппаратных рычагов, но и опять же юридическое решение. Немыслимо, но в 2002 году Конституционный суд провозгласил, что направления политики, которые определяет президент, обязательны и для Госдумы. Надо ли удивляться, что нынешняя Дума с неприличной скоростью штампует любые решения, которые поступают из Кремля? Так, в мае 2009 года она сразу в трех чтениях одобрила президентские поправки в законы «О статусе судей в РФ» и «О Конституционном суде РФ», изменившие процедуру назначения председателя Конституционного суда и его заместителей. Хотя даже эстетически это выглядит неприлично.

– Законопроект можно похоронить не только на уровне парламента. Достаточно не заложить необходимые средства в федеральный бюджет, не выделить их на реализацию, что было со многими законами, принятыми Госдумой. Сегодня она не может вынести на голосование статьи бюджета, не получив одобрения правительства. А оно не может выступать против основных направлений, которые определил президент. Три контура, которые отсекают всё…

– Мало того, есть и менее публичные рычаги – номенклатурные привилегии, предоставляемые через Управление делами президента. До событий сентября 1993 года у Верховного Совета и президента были отдельные Управления делами, затем их объединили. Управление делами президента стало обеспечивать все ветви власти. Это – страшная вещь для разделения властей, потому что там работают живые люди, они хотят получать новые квартиры в определенных домах и районах Москвы, ездить на престижных машинах, отдыхать на определенных дачах. Эти житейские соблазны Кремль использует весьма активно.

Источник: Власть для общества, а не общество для власти. Интервью с М.А. Красновым. – www.ru-90.ru

С принятием Конституции в стране была достигнута политическая стабилизация. Прошли выборы в Грсударственную Думу первого созыва. Но их результаты оказались неожиданными. В тот период президент и правительство находились под впечатлением итогов апрельского

референдума, на котором избиратели высказались в поддержку проводимого исполнительной властью политического курса и социально-экономической политики. У них сохранялась иллюзия устойчивой популярности реформаторского правительства. Но оказалось, что после «расстрела» Белого дома оно ее лишилось.

Благодаря личной популярности экстравагантного и агрессивного популиста В. Жириновского фракция ЛДПР стала крупнейшей в Госдуме (23% голосов). Коммунисты вместе со своими союзниками – аграриями – составили самый большой парламентский блок. При этом пропрезидентская партия «Выбор России» вышла на второе место, набрав лишь 15,4% голосов избирателей. В Госдуме было сформировано 15 фракций и групп. Спикером стал избранный по спискам Аграрной партии И.П. Рыбкин.

Сложившееся в Госдуме оппозиционное президенту большинство в условиях политической стабилизации было вынуждено действовать в рамках закона, могло принимать или отклонять законопроекты, утверждать или не утверждать бюджет. Закрепленные в Конституции большие полномочия президента лишили возможности оппозицию блокировать проведение реформ.

Были сделаны выводы и из печального опыта принятия Верховным Советом дефицитных бюджетов. Для того чтобы ограничить возможности депутатов принимать популистские бюджеты, нужно было:

- **установить, что поправки к законам, требующие расходов из бюджета, рассматриваются только при наличии заключения правительства**
- **либо непосредственно в Конституции зафиксировать допустимый дефицит бюджета или уровень инфляции и соответствующие санкции за их превышение.**

Какой вариант выбрал бы ты?

В Конституции было закреплено, что законопроекты о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты, выпуске госзаймов и другие, если они требуют бюджетных расходов, могут вноситься только при наличии заключения правительства. Это существенно ограничило возможности Госдумы принимать неисполнимые бюджеты. Второй

вариант, не столь ущемляющий права депутатов при формировании бюджета, используемый в некоторых странах, в тех конкретных исторических условиях даже не рассматривался.

Радикальное изменение политического баланса после роспуска Верховного Совета позволило правительству ужесточить бюджетную политику. Появилась реальная возможность привести расходную часть бюджета в соответствие с поступлением доходов и установленными лимитами кредитования правительства Центральным банком. Были сокращены непосильные для государства расходы: индексация цен на зерно и другие сельскохозяйственные культуры, поставляемые государству, дотации на хлеб (одновременно с введением пособия на хлеб малообеспеченным гражданам), субсидирование импорта, льготные кредиты Центрального банка, серьезно сокращены государственные капиталовложения.

Расходы федерального бюджета на IV квартал 1993 года сократились на 20%, была повышена ставка рефинансирования ЦБ, пенсионный и другие внебюджетные фонды были подчинены правительству. Благодаря сокращению заведомо невыполнимых обязательств дефицит федерального бюджета в 1993 году удалось удержать на уровне 7,8% ВВП, что позволило не допустить финансовой катастрофы и заложить основы для постепенного снижения инфляции.

Что получили?

Приходится признать, что спустя почти два десятилетия многие положения Конституции 1993 года остались декларацией о намерениях. Права собственности в России плохо защищены, право на проведение собраний, демонстраций и забастовок искусственно ограничено. Доверие к полиции и правоохранительным органам в целом крайне низкое. Суды зависят от исполнительной власти и не пользуются уважением.

Подробнее. **Независимого и справедливого суда в России нет:**

Из интервью с Т. Морщаковой, судьей Конституционного суда в 1991–2002 годах, заместителем председателя Конституционного суда в 1995–2002 годах:

– Система разделения властей существует исключительно для того, чтобы обеспечивать защиту прав и свобод людей в государстве и от государства. Разделение властей диктуется стремлением не допустить узурпации власти

в одних руках. Неограниченная власть небезопасна с позиции защиты человека и общества от власти. Для того чтобы избежать такой угрозы, и существуют судебная власть и правосудие. Правосудие обеспечивает охрану прав и свобод – это конституционная норма. Повторяю, основной целью правосудия является именно это, а не защита государственной безопасности или государственного суверенитета. Государственная безопасность, государственный суверенитет и само государство оправданны и существуют только потому, что на них возлагаются обязанности по защите прав людей. Все качества правосудия, которые могут обеспечить достижение этой цели, провозглашены, закреплены и гарантированы Конституцией РФ. Другое дело – как эти конституционные требования воплощаются в законодательстве, регулирующем конкретную деятельность судов и судей…

– Чтобы стать независимым, суд должен был обрести возможность противостоять и исполнительной, и законодательной власти, по своему статусу быть в состоянии оспаривать их решения. В советском суде это трудно было даже представить. В новой России предстояло отделить судебную власть от других ветвей в организационном, процессуальном и иных отношениях. Как это делалось и что не удалось?

– Статус самостоятельной судебной системы и связанный с этим статус судей имеют определенные характеристики. Речь идет о трех классических «не» судейского статуса – независимость, несменяемость, неприкосновенность. Они провозглашены Конституцией РФ и не были предметом спора среди разработчиков Концепции судебной реформы. Но, к сожалению, судебная реформа в духе Концепции развивалась только до конца 1990-х годов. Позже появилось желание откорректировать ее направление, что реализовано в законах, проекты которых исходили от исполнительной власти.

Наглядно это видно на примере судейского статуса. Первоначально в соответствии с Концепцией он был заявлен как равный чуть ли не поднебесной мощи: судьи обрели несменяемость даже без возраста отставки. В 1995 году в Закон «О статусе судей» внесли поправки, согласно которым судья назначается на должность только на три года, если это назначение происходит впервые, – якобы для проверки, подходит ли человек для судейской деятельности. Это новшество несколько раз было обжаловано в Конституционном суде. Его вердикт: трехлетний срок может существовать лишь в качестве испытательного срока при условии, что, если через три года судье предъявят решение о его профессиональной непригодности, оно должно быть мотивированным – с письменно изложенными фактами, подтверждающими непригодность, а судья будет иметь возможность обжаловать это решение, чтобы приведенные в нем факты были проверены в судебном порядке.

Испытательный срок существует во многих странах и всегда связан с проверкой результатов деятельности, которая основана не на оценках начальства и не на том, что какие-то решения судьи отменены, а на конкретных фактах, подтверждающих профессиональную непригодность. Она проверяется в судебном порядке по установленным правилам.

Ничего подобного в нашей судебной системе не было, а мнение Конституционного суда никем не учитывалось: через три года в связи с истечением срока полномочий судью с должности удаляли легко – просто не переназначали. Понятно, что в первые три года судья никакой независимостью не мог обладать, да и не стремился к ней. Наоборот, чтобы заслужить пожизненное назначение (то есть на весь срок до возраста отставки), он приучал себя к полному подчинению, изо всех сил старался приспособиться к конформистскому поведению, учитывать любые пожелания судейского начальства, не раздражать его. А оно привыкало командовать и получать положительную реакцию на свои команды. Замкнутый круг. Судья становился послушным, и, когда его потом назначали на должность пожизненно, он работал так, как от него требовали. Конечно, речь идет о наиболее распространенном стереотипе поведения. Даже инстанции, уполномоченные властью на разработку изменений в судебной системе, соглашались, что нужно трехлетний срок убрать и готовить судей к пожизненному назначению на должность путем стажировки кандидатов в судах до назначения…

– По Конституции каждый может претендовать на пересмотр решения по его делу в вышестоящем суде, то есть дело может быть рассмотрено по его желанию первой и второй инстанциями. При этом вторая должна действовать по правилам суда первой инстанции. Считается, что суд первой инстанции может ошибиться, если два суда по одним и тем же правилам рассмотрят дело, то ошибка менее вероятна. А реально принятое судебное решение практически невозможно изменить. Почему?

– Потому что в России по всем гражданским и уголовным делам, кроме решений и приговоров, выносимых мировыми судьями, нет апелляционной инстанции, которая рассматривала бы дело заново по правилам суда первой инстанции. Она существует только в арбитражном судопроизводстве. Вторая инстанция у нас кассационная. Мосгорсуд адвокаты называют «Мосгорштампом». Он и любой вышестоящий тратит на рассмотрение многотомного дела максимум 20 минут и, естественно, не успевает выслушать стороны, тем более свидетелей. Рассматриваются только письменные материалы, не исследуются доказательства. Более того, процессуальный закон позволяет судам, проверяющим судебные решения, поступать по собственному произволу, потому что в законе написано, что суд «может проверить», «имеет право исследовать доказательства», «может привлечь новые материалы». Но нигде не написано «обязан»… Мы не имеем системы выявления и исправления судебных ошибок – и это страшно! После второй инстанции решение вступает в законную силу.

– У недовольного остается последняя надежда на надзорную инстанцию.

– Компенсировать отсутствие апелляционной инстанции надзор не может, потому что осуществляется по относительно небольшому числу дел. Кроме того, будет там рассмотрено дело или нет, зависит не от гражданина, а от должностных лиц высших судов. В последнее время это усмотрение закон старался ограничить, но оно все равно есть. Но отказаться в России

от надзора на фоне того, что внизу никто не выявляет ошибок, пока нельзя, несмотря на то что надзорная инстанция может ухудшить положение подсудимого. По закону ухудшить положение подсудимого может только та инстанция, которая фактически исследует доказательства по делу. Надзорная инстанция этим не занимается. Но ее указание о том, что нужно ухудшить положение подсудимого, обязательно для нижестоящих судов при вторичном рассмотрении ими уголовного дела. Это противоречит конституционному принципу независимости суда, да и фундаментальному принципиальному положению о принятии судом решения только на основе внутреннего судейского убеждения.

Поэтому Конституционный суд расценил ухудшение положения подсудимого в ходе надзорного производства как повторное осуждение за одно и то же и исключил это. Законодатели учли его позицию при принятии нового Уголовно-процессуального кодекса. Однако в дальнейшем по инициативе Уполномоченного по правам человека в РФ Конституционный суд откорректировал эту норму, указав, что если при рассмотрении дела допущены существенные (фундаментальные) нарушения и если это необходимо для обеспечения интересов потерпевшего, то в надзорном порядке можно отменить судебный приговор, ухудшив положение осужденного или оправданного.

Тем самым оказались искажены цели и способы защиты прав потерпевшего, не говоря уже о правах осужденных или оправданных. Получается, что наш закон мотивирует потерпевшего всегда стремиться к возмездию. Он может рассчитывать взыскать ущерб только с осужденного, значит, этого последнего надо осудить «по полной программе» даже за преступление, которое не доказано. Иначе ничего не взыщешь. Это абсолютно неверный подход. Государство должно иметь специальные фонды для полного восстановления прав потерпевших, чтобы их законное желание получить возмещение не могло отрицательно влиять на законность в уголовном преследовании. Потерпевшему должно быть выплачено все, что необходимо для возмещения морального и материального ущерба, восстановления здоровья и имущественного положения, для обеспечения его безопасности. Если ему опасно оставаться там, где он живет, из-за возможности отмщения, он должен жить в другом месте, под другими именем и фамилией. Все это предусматривается международными соглашениями о защите жертв преступлений и реализуется в практике развитых стран. И почти ничего из этого не делает наше государство…

– Как обстоят дела с социальным контролем над правосудием?

– В действующих российских законах провозглашается, что рассмотрение дел судами происходит в открытых заседаниях с участием заинтересованных лиц на основе состязательности и равноправия сторон. Присутствие публики обеспечивает социальный контроль над правосудием. Общество должно иметь возможность контролировать, что в судебных залах творится не расправа, а справедливое разбирательство. Такой контроль заставляет

суд вести себя должным образом, соблюдая установленные процедуры… К сожалению, эти принципы зачастую остаются декларациями, их разрушают многочисленные нормативные правила и практика.

Судьи позволяют себе необоснованно закрывать заседания, а реакции на эти нарушения нет, хотя в законе она предусмотрена. Закрытие судебного заседания, не отвечающее требованиям закона, рассматривается в процессуальных кодексах как основание для отмены судебных решений. В законодательстве определен список условий, когда судья вправе закрыть слушание. У нас он даже более ограничен, чем в законодательстве европейских стран, где допускается закрывать заседание в интересах правосудия. Ссылаясь на международные стандарты, российские судьи закрывают судебные заседания. Но международное сообщество трактует интересы правосудия как необходимость закрыть заседание лишь в интересах защиты обратившихся в суд людей. У нас напротив: мешает суду публика в зале – удалим ее. Поэтому для нас важно, чтобы принимались меры для того, чтобы залы судебных заседаний были открыты для всех желающих и входить в них можно было не по пропускам, а просто удовлетворив требования металлоискателя…

Сегодня же по материалам дела никто не может реально проверить, что происходило в судебном заседании, возможна фальсификация, потому что даже протокол в ходе заседания не ведется, хотя его неведение является основанием для отмены принятого акта – это пока чисто декоративная норма закона. Протокол составляется секретарем после того, как решение вынесено, и фиксирует только то, на что оно опирается. И ничего более. А должно быть наоборот: судебный акт должен вытекать из протокола, быть основан на подтвержденных им обстоятельствах. В результате вышестоящий суд лишен возможности проверить качество разбирательства. Вывод печальный: справедливого суда в России нет!

Вспоминаю неловкую для себя ситуацию в американском суде штата. Судья рассказывал нам о суде присяжных… Я поинтересовалась, насколько быстро присяжные могут получить протокол судебного заседания. Удивленно посмотрев на меня, он ответил, что в первой половине дня заканчивается заседание, а после обеда присяжные могут получить протокол. Всё просто: на судейском столе стоит микрофон, запись транслируется в комнату для секретарей-машинисток. Или аппаратура с голоса переводит информацию в текст. Даже если такой аппаратуры нет, машинистке достаточно аудиозаписи.

Просто поставьте в наших судах микрофоны! Микрофоны, аудиозапись, интернет, компьютеры – это проблема не техническая, не финансовая, а политическая… Наше общество не готово противостоять тем, кто добивается послушного правосудия. Но тогда суды обречены быть частью механизма всевластия государства, которое рассматривает личность не как равноправного субъекта во взаимоотношениях с государственными структурами, а исключительно как объект своей деятельности. В России ни государство,

ни общество, к сожалению, пока не проявляют своей приверженности идеям самостоятельности и независимости судебной власти.

Нереализованные конституционные обязательства по формированию независимой судебной власти фактически привели к тому, что опять вернулись отвергнутые Концепцией судебной реформы и Конституцией советские цели деятельности судов и судей. Их мобилизуют на проведение различных кампаний, на борьбу с коррупцией, терроризмом и другой преступностью, на ограничение деятельности различных институтов гражданского общества (например, некоммерческих организаций), на повышение собираемости налогов и штрафов, используют для передела собственности. В спорах гражданина с органами государства уже дежурно звучит, что у суда нет оснований не доверять должностным лицам. Движущим мотивом в судопроизводстве не стало обеспечение правосудием прав и свобод – и решения, и поведение судей диктуются целью самосохранения, выживания в системе. Общество, высказывая обоснованные претензии к качеству правосудия, вряд ли осознает, что суды вновь рассматриваются как элемент политической власти, но не как ее противовес. Предназначение правосудия в том, чтобы суд вершил, «озвучивал» право, обеспечивал его верховенство. Если это не состоится, то не состоятся ни правосудие, ни правовое государство.

Источник: Правосудие или инструмент в руках власти? Интервью с Т.Г. Морщаковой. – www.ru-90.ru

Насколько демократична страна (общество, государство), можно оценить по таким критериям:

- **не сведена ли избирательная система к формальному большинству, без учета прав личности и меньшинства;**
- **соблюдается ли принцип равенства, действительно ли обеспечиваются равные возможности, созданы ли условия, позволяющие использовать эти возможности независимо от социального положения, образования, здоровья граждан;**
- **гарантированы ли все гражданские права не только большинству, но и отдельным гражданам, меньшинству, включая лиц, находящихся в оппозиции к власти;**
- **существуют ли равные права для меньшинств, связанных общим языком, этническим характером, религией, культурой, политическими взглядами;**
- **в каком положении находятся наименее благополучные слои общества;**

- **могут ли граждане непосредственно участвовать в принятии касающихся их решений;**
- **реально ли обеспечивается свобода слова, информации, мнений, объединений;**
- **действует ли власть права, а не чиновников;**
- **насколько народ доверяет власти;**
- **гарантируется ли частная жизнь граждан;**
- **способны ли государственная и политическая системы исправлять допущенные ошибки, откликаются ли они на запросы, потребности и инициативы социальных групп.**

Как эти критерии оцениваешь ты?

Согласно социологическим опросам, почти 85% граждан не верят, что их позиция может влиять на положение дел в стране, что они сами что-то могут изменить. Это значит, что народ, который по Конституции является источником власти в стране, таковым себя не осознает.

Нет у граждан чувства хозяина и на уровне местного самоуправления. Разработчики Конституции не понимали важности того, что автономия местного самоуправления изменяет всю систему управления в государстве. Конституция не определила систему власти в государстве как комплекс, образуемый двумя частями. Первая служит потребностям всего государства в охране границ, стабильности национальной денежной системы, организации Вооруженных сил и т.п. Вторая – это местное самоуправление, которое регулирует удовлетворение насущных потребностей населения (транспорт, градостроительство, ЖКХ, здравоохранение, охрана правопорядка и др.). В результате получилось, что и законодатели, и правоприменительная практика стали трактовать местное самоуправление как производную от государственной власти. Следовательно, она может делать с ним все что угодно.

Подробнее. **Становление местного самоуправления с 1993 года**

В условиях господства КПСС местное самоуправление было лишь нижним звеном государственного механизма. Конституция 1993 года провозгласила автономию местного самоуправления, установив, что органы МСУ не входят в структуру государственной власти. В 1996 году Россия присоединилась

к Европейской хартии местного самоуправления, одобренной в 1985 году Советом Европы и принятой к исполнению большинством европейских государств (ратифицирована в 1998 году). Почти во всех регионах России были избраны муниципальные представительные органы, а в большинстве регионов – мэры городов и главы районных администраций…

Становление местного самоуправления в постсоветской России пришлось на глубокий налоговый и бюджетный кризис. Новым муниципальным органам катастрофически не хватало ресурсов, в 1990-е годы федеральные власти скорее затыкали дыры в бюджете страны, чем заботились о развитии финансовой базы муниципалитетов. После распада СССР в российском государстве произошла обвальная децентрализации, многие ресурсы и полномочия центра оказались у региональных властей, которые произвольно исполняли или не исполняли федеральные законы. А центр фактически не имел средств для их принуждения, в том числе в сфере местного самоуправления.

В результате наиболее важные решения по реформе местного самоуправления принимались в борьбе «идеологических коалиций» – пестрых конгломератов политиков и чиновников, объединенных общими представлениями о целях и средствах реформ. Так, «управленцы» рассматривали МСУ как нижнее звено общероссийской пирамиды управления государством и были не склонны терпеть местную автономию. «Утилитаристы» ориентировались на повышение эффективности управления государством и экономикой и полагали, что местная автономия поможет в ее достижении. «Самоуправленцы» стремились к достижению нормативных идеалов местной автономии и местной демократии в рамках проекта либеральной модернизации России. Тактический альянс «утилитаристов» и «самоуправленцев» позволил принять важные законы «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 28 августа 1995 года, «Об обеспечении конституционных прав граждан избирать и быть избранными в органы местного самоуправления в РФ» от 26 ноября 1996 года, «О финансовых основах местного самоуправления в РФ» от 25 сентября 1997 года.

Но реализовывалась муниципальная политика крайне селективно, трудности экономических реформ 1990-х годов оставляли мало возможностей для становления местной автономии в городах. К 2001 году 95% муниципальных образований были убыточными. Исключение составляли крупные города с высоким экономическим потенциалом и значительной налоговой базой, а также монопрофильные города вокруг немногих успешных предприятий, преимущественно сырьевых отраслей, которые зачастую оказывались заложниками их собственников.

«Игра в местное самоуправление» стала инструментом в сложных взаимоотношениях федерального центра и региональных лидеров: федеральные власти подчас поддерживали мэров городов из тактических соображений, стремясь ослабить господство влиятельных губернаторов, которые, в свою очередь, были заинтересованы свести на нет местную автономию.

Отсюда многочисленные компромиссы: власти по умолчанию предполагали, что нормы закона будут работать как предписано, а существующий на бумаге правовой порядок станет естественным костяком реализации законов, несмотря на отсутствие формальных и неформальных санкций.

В такой ситуации во второй половине 1990-х годов регионы устанавливали собственные правила игры, выходившие за рамки, определенные федеральными законами, а то и прямо им противоречившие. Поэтому муниципальная политика существенно различалась по регионам и зависела от расстановки сил в них. Острые конфликты зачастую блокировали деятельность местных органов власти (красноречивый пример – Владивосток), мэрами избирались деятели с криминальным прошлым, как в Ленинске-Кузнецком в 1997 году и Нижнем Новгороде в 1998 году. Поэтому местная автономия развивалась лишь там, где мэры городов и муниципальные советы смогли добиться принятия эффективных правил игры на уровне регионов. А там, где политические условия, сложившиеся еще в советский период, были неблагоприятны для местной автономии, самоуправление, как правило, находилось под жестким контролем региональных властей. Поскольку на федеральном и региональном уровнях отсутствовали четкие правила, при распределении ресурсов и ответственности между муниципалитетами и региональными властями происходили конфликты. Нередко на органы местного самоуправления возлагался груз «нефинансируемых мандатов» – невыполнимых государственных социальных обязательств. Росли муниципальные долги предприятиям ЖКХ и энергетики, втягивая города в порочный круг коммунальных кризисов...

В 2000-е годы вопреки декларациям российское государство не только не предоставило органам местного самоуправления финансовые и экономические ресурсы, но и восстановило централизованный контроль над ними. Политическая и экономическая рецентрализация управления страной, деградация демократических институтов выхолостили суть местной автономии и местной демократии. МСУ оказалось встроенным в качестве нижнего звена (не располагающего большими полномочиями и слабо подотчетного гражданам) в иерархию вертикали власти во главе с президентом. Явно намечается частичная реставрация практики местного самоуправления советского периода.

Источник: Гельман В.Я. Политические аспекты реформы местного самоуправления. – www.ru-90.ru

Подробнее. **Сделать самоуправление равноправной системой власти**

Б. Минц, начальник управления администрации президента по вопросам местного самоуправления в 1996–2000 годах:

В Западной Европе существуют две равноправные системы власти, которые составляют систему сдержек и противовесов. Например,

в Скандинавских странах правительство вправе вынести бюджет на утверждение парламента только после согласования с Конгрессом муниципальных образований. Без такого порядка органы самоуправления – пасынки в сообществе управленцев, а не реальные игроки, имеющие полномочия, ограничивающие действия федеральной власти и власти субъектов Федерации…

Независимо от религии, обычаев населения человечество развивалось одним и тем же путем. Государств еще не было, были поселения, племена, централизованная государственная власть возникала обычно тогда, когда местные сообщества соглашались делегировать полномочия снизу вверх, рассчитывая на защиту от нашествий… как показывает мировой опыт, без создания эффективной системы местного самоуправления построить демократическое общество, решить проблемы управления в стране, гарантировать социальную стабильность, обеспечить развитие экономики невозможно. Это не удалось ни Японии, ни Сингапуру, ни Великобритании, ни США, ни Канаде, ни Бразилии, ни Испании. Намеренно назвал страны с совершенно разными культурами.

Общепризнанно, что Германия после поражения во Второй мировой войне поднялась не столько благодаря «плану Маршалла», сколько вследствие эффективно проведенной реформы местного самоуправления. И это при том что органы МСУ в Германии даже в конце войны, когда Берлин и всю страну бомбили, фактически при полном отсутствии работы федеральных и земельных органов выполняли свои функции по жизнеобеспечению населения. Органам МСУ удалось избежать социальных катастроф – население знало, что делать, к кому обращаться. Противоположный пример продемонстрировала Россия в 1917 году, когда федеральная, государственная власть рухнула, а реального местного самоуправления не было. В городах и поселениях началась социальная катастрофа. Вся инфраструктура в одночасье распалась, была парализована работа транспорта, нечем было топить, мусор не вывозился. Обезумевшие люди верили всему, чему в нормальном состоянии поверить было просто невозможно. И большевики смогли реализовать свою безумную идею…

В целом наиболее распространены две основные системы организации местного самоуправления.

«Бюргерская система»: бургомистр избирается депутатами из своего состава, а депутаты избираются непосредственно населением. Бургомистр, являясь главой города, отчитывается перед горожанами за свою деятельность в рамках тех обещаний и той политики, которые были поддержаны населением, не отвечает за управление городским хозяйством, а организовывает работу представительного органа местного самоуправления, в том числе по контролю за работой городского директора (он в этом случае является нанятым менеджером) и иных исполнительных органов местного самоуправления (например, муниципальной полиции), задает установки и требует исполнения принятых решений, вправе поставить вопрос

об изменении системы управления, о снятии с должности, например, главного полицейского чина в городе. (В США бюргерская система называется «системой слабого мэра»).

«Система сильного мэра»: мэр избирается всем населением (поэтому он сильный), является главой города, хотя и подотчетен представительному органу. С одной стороны, он является политическим деятелем, а с другой – отвечает за управление городским хозяйством и службами. Система сдержек и противовесов обеспечивается благодаря выборности. Без нее глава города может игнорировать интересы горожан. Для него всегда будет главным – угодить вышестоящему начальнику. Могут или не могут жители отправить мэра, бургомистра в отставку – суть в этом.…

О самоуправлении говорить не приходится без финансовой самостоятельности поселений… Я убежден, что подоходный налог должен браться по месту жительства и поступать в местный бюджет… тогда местная власть будет нацелена на то, чтобы привлекать как можно больше людей, создавать рабочие места, обеспечивать благоприятные условия для развития малого и среднего бизнеса. Она от этого зависит напрямую. Чем больше успехов – тем больше налоговая масса. Конечно, государство может пересмотреть нормативы местных бюджетов (один раз в пять лет), если видит, что скапливаются избыточные средства. Однако должна действовать достаточно жесткая процедура, не унизительная для органов местного самоуправления и позволяющая им реально защищать свои интересы. Федеральные власти или власти субъекта Федерации не забирают избыточные средства, а предлагают органам местного самоуправления совместно реализовать социальные или иные программы (например, построить мост или объездную дорогу для разгрузки транспортных потоков, идущих через город). Предлагаются программы, которые повышают качество жизни в данном городе и одновременно улучшают инфраструктуру региона. Жители реально участвуют в обсуждении предложенных проектов, получают всю необходимую информацию… и выбирают конкретный проект с учетом своих интересов. Когда люди видят, что проекты действительно реализуются, улучшая их жизнь, они сознательно поддерживают органы местного самоуправления, охотно приходят на обсуждения и собрания.

Я знаю городок в Швейцарии с населением лишь 16 тысяч человек, где построено великолепное современное здание мэрии. Поинтересовался у мэра: откуда такие бюджетные деньги на постройку? Оказалось, что бюджетные средства не использовались. Прежнее здание было очень неудобным для посетителей Провели референдум, в котором приняли участие 92% жителей, и решили, что горожане сами сдадут деньги на постройку нового здания – сколько каждый посчитает возможным. Была создана общественная организация для сбора средств. Их получили столько, что хватило еще и на ремонт всех муниципальных учебных заведений. Это факт доверия и понимания эффективности местной власти.

Наших эмигрантов, живущих в США или Англии, поражает отношение местных чиновников к проблемам населения. Скажем, вы являетесь владельцем дома или арендатором квартиры, и возникла проблема, с которой вы обратились к муниципальным властям. Они встречают вас с участием… и сделают все возможное для ее решения, потому что понимают, что в противном случае на следующих выборах их лидера не изберут и они могут стать безработными.

На скорое внедрение такого опыта в наших условиях надеяться не приходится. Население слишком индифферентно к политике, многие считают, что даже местная политика их не касается. Людей не удается собрать в ТСЖ или другое территориальное местное самоуправление, потому что они не верят в такие институты… Если горожане не понимают, зачем им избирать органы, у которых нет реальных полномочий, они не идут на выборы и не удается сформировать полноценные органы МСУ в округах. Однако если мы хотим, чтобы отношение российских чиновников к жителям было таким же, как в европейских странах, придется учиться отстаивать свои интересы – на выборах, в суде, с помощью партий и профсоюзов… И расширить права активных граждан по контролю за органами местного самоуправления – в форме исков в защиту неопределенного круга лиц или частного обвинения.

Источник: Сделать самоуправление равноправной системой власти. Интервью с Б.И. Минцем. – www.ru-90.ru

Подробнее. **«Понятийная» конституция современной России**

В России писаные и неписаные законы постоянно конкурируют друг с другом. Но если писаным законам посвящены десятки томов юридических исследований, то неписаные законы остаются в тени. В. Пастухов, доктор политических наук, восполнил этот пробел и воссоздал «понятийную» конституцию, по которой на самом деле живут почти 150 млн человек. В отличие от официальной Конституции РФ, эту «понятийную» конституцию российские власти блюдут неукоснительно. Близка и понятна она и миллионам граждан. В уважении к ней проявляется сегодня единство власти и народа. В. Пастухов представил первый раздел основного закона современной России.

Раздел I. Понятийные основы конституционного строя.

Статья 1. Сильный может все. Вся власть в России принадлежит сильным, власть сильных не может быть ограничена ничем, кроме силы.

Статья 2. Закон существует для слабых. Слабые обязаны исполнять законы, которые написаны сильными. Сильные не обязаны исполнять законы, которые они пишут для слабых.

Статья 3. Сильный не равен слабому. У сильного всегда виноват слабый. В отношении сильных действует презумпция невинности.

Статья 4. Сильные имеют права, слабые имеют обязанности. Сильные могут нарушать закон. Слабые тоже могут нарушать закон, но только в отдельных случаях и если это не наносит ущерба сильным.

Статья 5. Сильные не могут злоупотреблять своими правами в отношении более сильных, чем они сами. Если сильный злоупотребил правом в отношении более сильного, чем он сам, он считается слабым, и к нему применяется закон.

Статья 6. Ни один сильный не может быть привлечен к ответственности за преступление, которое он совершил, за исключением случаев, когда он нарушил право более сильного, чем он сам.

Статья 7. Слабые могут быть привлечены к ответственности за преступления, которые они совершили, за преступления, которые совершили сильные, и даже за преступления, которые вообще никто не совершал.

Статья 8. Слабый не имеет права на защиту от сильного. Слабый является сильным по отношению к более слабому, чем он сам. Попытка слабого защититься от сильного является преступлением.

Статья 9. Собственность принадлежит сильным. Сильные владеют собственностью с разрешения самого сильного. Слабые обязаны отдать свою собственность сильному по его первому требованию. Право сильного на собственность слабого защищено государством.

Статья 10. Реальным гражданством обладают сильные. Сильные рождаются от сильных, либо становятся сильными в силу родства или знакомства, а также в случае признания таковым другими сильными.

Статья 11. Споры между сильными разрешаются по понятиям. Понятия имеют силу традиции. Понятия выше законов. В случае если понятия и законы противоречат друг другу, законы применяются в той части, в которой они не противоречат понятиям.

Статья 12. Власть сильных от Бога. Монопольное право объяснять, почему властью должны обладать сильные, принадлежит Церкви. Церковь принадлежит сильным – наряду с государством. Слабые должны ходить в Церковь.

Статья 13. Сильными руководит самый сильный. Самый сильный не избирается и не назначается, а самоопределяется. Выборы необходимы для того, чтобы заранее известный результат выглядел правдоподобным.

Статья 14. Сильные на местах сами управляются со слабыми. Одни сильные не вмешиваются в дела других сильных, если соблюдаются приличия. Вмешательство в дела других сильных допускается в пределах, необходимых для восстановления приличий. Пока сильные разбираются между собой, слабые обязаны молчать.

Статья 15. Право сильных распространяется на всю территорию России. Слабые могут съехать, если успеют. Кто не успел, тот опоздал.

Статья 16. Законы сильных действуют до тех пор, пока слабые сами не станут сильными.

Источник: Пастухов В. Основные понятия Российской Федерации // Новая газета. 4 мая 2012 года. № 49. – http://www.novayagazeta.ru/blogs/111/52378.html?p=2

В начале 1990-х годов в России отсутствовал креативный средний класс – мелкие и средние предприниматели, менеджеры частных предприятий, заинтересованные в правовом демократическом государстве. Зато был огромный слой рабочих вчерашних советских предприятий, не способных выдержать конкуренцию с частными фирмами развитых стран. Были колхозники из убыточных колхозов. Им не было дела, почему их предприятия и колхозы неконкурентоспособны, они требовали денег и социальной защиты. О верховенстве права, правах человека, разделении властей, независимости суда и контроле над бюрократией – обо всем том, что составляет суть демократии, они не помышляли. Жаждали доброго царя или президента, который «сделает им хорошо».

Другую группу интересов, малочисленную, но более влиятельную, составляла вчерашняя партийная номенклатура – «красные директора», руководящие работники министерств и ведомств. Они стремились перейти из назначенцев в статус частных собственников. Поддерживали приватизацию, но хотели такого государственного устройства, которое позволило бы им использовать связи и положение, получать от государства субсидии, льготные кредиты и госзаказы, «пилить» бюджет. Именно ради этой группы печатали необеспеченные товарами деньги, разгоняя инфляцию, вводили различные льготы и преференции. Эта группа в 1990-е годы обменяла свой статус на собственность, позже ее обналичила и вывела капитал за рубеж. А электорату объясняла: во всем виноваты демократы. И во многом была права, потому что за экономическую политику по Конституции 1993 года отвечают президент и его правительство.

Ни рабочие и колхозники, ни вчерашняя номенклатура (новые собственники предприятий) не ждали от президента правового государства, верховенства закона и реальной борьбы с коррупцией. Им казалось естественным, что главными в жизни оставались личные связи, что приказ начальства выше закона, а закон – «что дышло». Взятки, откаты, подкуп – привычные средства достижения цели.

Как показывает мировой опыт, чтобы превратить страну в современное правовое демократическое государство, необходимо:

- **создать политическую партию сторонников европейского пути развития;**
- **провести глубокую реформу правоохранительных органов (как в Эстонии);**

- **довести до конца судебную реформу, обновив судейский корпус (как в бывшей ГДР);**
- **развернуть непримиримую борьбу с коррупцией в среде чиновников и предпринимателей (как в Сингапуре).**

Решился бы ты на реализацию этих мер, не имея поддержки «снизу»?

Ельцин не пошел на эти меры. Какими бы извращенными не были установки и представления социальных групп, президент не мог ими пренебречь. Он понимал, насколько вероятен его импичмент, если он пойдет против их интересов.

Подробнее. **Нельзя получить то, чего не хочет народ и элита**

Мы получили именно ту политическую систему, которую хотели. Во главе нее мог оказаться Б. Ельцин, а мог А. Руцкой… Если бы кто-то из влиятельных персон недавнего прошлого искренне попытался выстроить демократию, «продавить» соответствующий текст Конституции и обеспечить баланс сил, который гарантировал бы ее соблюдение, неясно, на какие силы он смог бы опереться. На рубеже 1980–1990-х годов народ желал севрюжины с хреном, а вовсе не конституции. Наполнение товарами прилавков было актуально для каждой советской семьи за исключением узкого слоя столичной номенклатуры…

Убежденных сторонников демократии как ценности, важной для общества независимо от наличия колбасы, в СССР было немного. Однако на какое-то время сознание широких масс стало увязывать между собой демократизацию и наполнение прилавков, поскольку то и другое имелось на Западе, который на рубеже 1980–1990-х годов представлялся образцом для подражания. Демократию мы взяли в придачу к позаимствованному у Запада обществу потребления… Интерес к демократии возрастал, поскольку первые съезды народных депутатов представляли собой потрясающее шоу… Практически одновременно на телеэкранах появились нецензурируемые политические дискуссии… и латиноамериканские «мылодрамы»… интерес к ним был примерно одинаков. Сказать, что наше общество тогда хотело стать демократическим, все равно что сказать, будто мы хотели стать латиноамериканцами… По мере того как выяснялось, что демократия не трансформируется автоматически в рост благосостояния, интерес к ней стал пропадать…

В этом причина того, как легко у нас побеждала авторитарная власть. Поначалу, когда наполненные прилавки сочетались с низким уровнем благосостояния, общество искало властителя, который благосостояние повысит. А когда благодаря притоку нефтедолларов реальные доходы стали

расти, электорат удовлетворился тем лидером, который имелся в данный момент. То есть Путиным.

Иными словами, общество получило именно то, что хотело, – возможность поднять уровень потребления. Демократии же не получило, поскольку к ней и не стремилось. Нельзя получить то, чего не хотят ни влиятельные представители элит, делящие между собой власть, ни широкие массы, имеющие сегодня для развлечения более совершенные шоу, чем съезды народных депутатов.

Источник: Травин Д.Я. Истоки «просвещенного вертикализма» // Росбалт. 21.02.2013.

Подробнее. **Ожидали скатерти-самобранки**

Никто в мире до нас не переходил от коммунизма… обратно к капитализму. Между тем транзитный период от тоталитаризма к демократии, в котором, похоже, до сих пор находится страна, делая шаг вперед, два назад, полон драматических моментов, личностных отношений тогдашних «вождей», которые наряду с общей политико-экономической ситуацией и стали катализатором октября 1993 года, определившим нынешнее состояние и вектор развития страны.

В конце 1991 – начале 1992 года… в обществе накапливалась критическая масса нетерпеливого ожидания манны небесной после свержения коммунистического режима, продолжались почти всеобщее ликование и эйфория… Свободные цены стали холодным душем для населения. Массы не ожидали, что концепция рыночной экономики, введенная в действие распоряжениями и указами ими же свободно избранного российского президента и постановлениями либерального правительства, так сильно отличается от содержания русских сказок о скатерти-самобранке. Для масс это было тяжелым ударом: за что боролись?! Цены на проезд по железной дороге выросли в 5 раз, плата на городском транспорте в Москве увеличилась вдвое. Курс доллара составил более 160 рублей. Канада отказалась поставлять в Россию зерно из-за задолженности. После либерализации цен 90% населения в одночасье оказалось за чертой бедности. Уровень инфляции составлял 1% ежедневно и со временем достиг катастрофических 1500%. В 5–6 раз увеличились цены на энергоносители…

В то время еще никто не знал, что… госсобственность скоро окажется в руках «красных директоров» и криминальных паханов, которые уже через пару лет будут покупать виллы на Кипре и в Майами, поражая воображение западных миллионеров размахом «новых» русских. А члены трудовых коллективов, оставшись без зарплат и социальных гарантий, станут митинговать и бастовать, проклиная демократов и демократию, Запад и рынок. Это будет очень скоро, а пока (1993 год. – *Ред.*) узел ожесточенной борьбы за власть… между теми, кто пришел, и теми, кто не хотел ее упустить, затягивался все туже, делая нестерпимо больно всей стране.

К тому же новая демократическая власть оказалась на поверку «голым королем». У нее не было опыта и готовых рецептов перехода от коммунизма

к рыночным устоям, не хватало не обремененных большевистскими догмами кадров, а старые коммунисты, которые ради сохранения своих кресел были готовы стать не только новыми демократами, но и чертом-дьяволом, тихо превратились в «пятую колонну» в администрации президента и правительстве. Вокруг демократически избранного президента Ельцина все чаще появлялись бывшие партийцы, еще недавно выступавшие против него. Люди же, которые «сделали» его первым лицом новой России, постепенно оттирались мастерами подковерных интриг, а затем и вовсе изгонялись из ближайшего круга… Десятки миллионов рядовых граждан… просто не понимали, что происходит. Те же, кто понимал (в основном бывшая партийно-хозяйственная номенклатура), правдами и неправдами искали доступ к вожделенному государственному пирогу.

Источник: Ярошинская А. Никто не хотел уступать // Росбалт. 12.03.2013.

Подробнее. **Не соединили романтику с демократическими институтами**

Данные «Левада-центра» стабильно показывают, что понимание политического смысла демократическо-правового государства есть только у 13–15% россиян. Но эти данные не говорят о том, что люди отвергнут такое государство, будь оно им предложено… Вместе с тем наивно полагать, что масса населения сама родит запрос на качественно новое жизнеустройство. Требовать демократии люди в массе своей не будут просто потому, что плохо представляют ее смысл и пользу для себя. Кроме того, наше население – жертва советского типа урбанизации, когда государство старательно уничтожало все самоорганизующиеся городские объединения, вплоть до кружков краеведов, оставляя человека один на один со своей громадой. Поэтому россияне испытывают большие трудности с выработкой общего интереса и консолидированных позиций. Но заявлять, что народ «до демократии не дозрел», – это откровенный обман, на который властвующие группы идут, чтобы удержать свою монополию…

В начале 1990-х годов люди поверили в свободу и демократию – при том, что в их представлениях было мало конкретики… Романтический подъем не воплотился в то, во что он воплотился в Восточной Европе, потому что там были другие элиты, которые смогли соединить романтику с созданием европейских демократических институтов. Политики там сразу договорились: если вы выигрываете выборы, мы уходим; если мы выигрываем – вы уходите. А у нас договариваться не хотели, каждая группа претендовала на борьбу до победного конца и установление своей монополии. После того как одна из них в 1993 году победила, снова использовав силу, монополия в очередной раз стала фактом.

Источник: Клямкин И. Безальтернативное прошлое и альтернативное настоящее. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2013.

Подробнее. **Власть такая, какой ей позволяет быть народ**

Российское общество много веков зиждется на пассивности людей, управляемых своекорыстной элитой. Те, кто пытался отстоять свои интересы, в глазах современников выглядели опасными смутьянами: что господам можно, то холопам запрещено… При этом царь хорош, а бояре плохие. В России люди привыкли ругать власть на кухнях и писать царю челобитные… Но власть такая, какой ей позволяет быть народ. Не стоит думать, что люди во власти какие-то особенные – разве что пошустрее и понахальнее. Все – не святые, все гребут под себя, и министры тоже. Если народ не хочет контролировать свою власть, не способен утвердить порядки, при которых не будет произвола и воровства, то получает, что заслужил.

Источник: Гражданский долг по-российски и по-европейски. Дорожная карта реформ. – http://www.ru-90.ru/node/1418

Глава 5. ПРИВАТИЗАЦИЯ

5.1. Необходимость приватизации

Один из главных лозунгов марксизма – требование национализации средств производства якобы «для уничтожения эксплуатации человека человеком». В СССР это вылилось в то, что коммунистическая власть допускала единственную форму частной экономической деятельности – индивидуальную работу без применения наемного труда и при ограниченном размере капитала. Впрочем, и она не поощрялась.

Директивные планы предприятиям по выпуску продукции и устанавливаемые «сверху» оптовые цены на нее свели на нет конкуренцию, лишили предприятия стимулов к техническому прогрессу, снижению затрат и повышению производительности труда. Но главное, что неэффективность социалистической экономики определялась самой государственной формой собственности на предприятия.

Людвиг фон Мизес еще в начале XX века писал: «Если история и может что-либо доказать и чему-нибудь нас научить, то только лишь тому, что частная собственность на средства производства есть необходимая предпосылка цивилизации и материального благосостояния. Только народы, приверженные принципу частной собственности, вырвались из нищеты... Не существует свидетельств тому, что любое другое устройство общества могло бы одарить человечество плодами цивилизации» [Людвиг фон Мизес. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: Дело, 1993. С. 154].

Опыт СССР и других социалистических стран полностью подтвердил слова Мизеса. Как бы ни надеялись граждане на государство, на государственные предприятия и государственную собственность, их надежды не оправдываются. Потому что чиновники, которые ею распоряжаются, относятся к ней как к ничейной. И сколько бы прокуроров ни надзирало за ее использованием, управленцы будут ее расхищать

или разбазаривать. Потому что сами прокуроры — чиновники. Если нет настоящего хозяина, то предприятие — сирота.

Подробнее. **Частная собственность: свобода, справедливость, мир и процветание**

Право частной собственности – право человека добровольно по своему собственному усмотрению владеть, распоряжаться, дарить, продавать, закладывать свой капитал при условии, что эти действия не нарушают аналогичные права других экономических субъектов. Исторически дискуссия по поводу собственности со времен Платона и Аристотеля концентрировалась вокруг четырех аргументов.

Политический аргумент *за:* собственность (если только не распределена явно несправедливо) обеспечивает стабильность и ограничивает власть государства; *против:* неравенство, которое обязательно сопровождает собственность, порождает социальные волнения.

Моральный аргумент *за:* собственность легитимна, потому что каждый имеет право владеть результатами своего труда; *против:* многие собственники не приложили никаких усилий, чтобы получить собственность, а необходимо обеспечить равные возможности каждому для приобретения собственности.

Экономический аргумент *за:* собственность – самый эффективный способ производства богатства; *против:* экономическая деятельность, движимая желанием обогатиться, ведет к расточительной конкуренции.

Психологический аргумент *за:* собственность усиливает чувство собственной идентичности человека и его уровень самоуважения.

В обществе, в котором не гарантирована частная собственность на товары и средства производства, не могут быть реализованы свобода, справедливость и процветание. Частная собственность – своеобразный компромисс между нашими желаниями неограниченной свободы и признанием права других людей иметь такие же желания и права. Это способ быть свободным и защитить себя от свободы других. Права собственности защищают слабых от сильных… Идея собственности заложена на уровне инстинкта. Животные, которые метят территорию, определяют свои права собственности…

Последствия племенной собственности: «Член племени не свободен и не защищен. Он раб каждого члена племени, который сильнее его. Он может пасть жертвой его желания, гнева или мести. Средства к существованию (пища, одежда и жилье) точно так же нестабильны, как свобода и безопасность. Если не признаются права собственности, то никто не может назвать некую вещь своей. Если он возделывает землю, он не может быть уверен, что ему удастся собрать урожай. Если человек работает много и проявляет смекалку, накапливает запас товаров, он не может быть уверен, что его не заставят поделиться с другими. При племенной собственности захват

имущества – это не грабеж. Это партнерство. Удовлетворение насущных текущих нужд – это единственная цель труда. Все, что выходит за пределы этой цели, нецелесообразно».

Первые переселенцы в Америку умирали от голода, потому что права собственности не были определены… «У поселенцев не было никакого интереса заниматься земледелием, потому что они не владели землей. Все, что они производили, отправлялось в общий магазин. Колонисты бесцельно шатались, не работали. Те, кто был честным и энергичным, находили всякие причины не участвовать в коллективных работах». Т. Дейл ввел институт частной собственности. Он ввел flat tax в виде определенного объема зерна. Каждый человек получил 3 акра земли.

Британия – первая страна в Европе, которая развила правильную систему, основанную на системе стимулов, заложенных в природу частной собственности. Голландия на некоторое время опередила Британию, но высокие налоги сделали ее производителей неконкурентными. Гены низких каст в Индии не мешают индийцам получать высокий доход в странах с другими политико-правовыми институтами. А. Смит писал о Европе XVIII века: «В настоящее время в Европе собственник одного акра земли так же защищен, как и собственник 100 тысяч акров». Англичане пошли дальше: «Права нанимателя равны правам собственника», в то время как в других частях Европы арендаторы могли быть законно согнаны с занимаемого участка. Когда Вольтер приехал в Англию и ознакомился с работой ее судебной системы, он сказал: «Я вырвался из страны деспотизма и приехал на землю, где закон может быть суров, но люди здесь живут по закону, а не по капризу».

Источник: Научно-исследовательский центр Мизеса. – http://liberty-belarus.info

Банкротство советской административно-командной системы поставило на повестку дня приватизацию, то есть передачу или продажу гражданам или негосударственным юридическим лицам имущества государственных предприятий. Приватизация предприятий позволяла отказаться от государственных инвестиций в промышленность, которые, как показывает мировой опыт, всегда малоэффективны. Ведь положение чиновника практически не зависит от окупаемости приобретаемого им оборудования для госпредприятия. Эффект проявится лишь через много лет, а чиновник на своей должности — лицо временное. Рискованные проекты, дорогостоящие прорывные и затратные научно-технические разработки ставят под угрозу его карьеру, а личного интереса в долгосрочной прибыльности предприятия у него, в отличие от частного собственника, нет. Об этом свидетельствует тот факт, что все социалистические страны за десятилетия при обильном государственном финансировании

не смогли наладить выпуск на государственных предприятиях конкурентоспособных автомобилей, пылесосов, телевизоров. Как показывает практика, государственные предприятия, даже сравнявшись с частными в текущей производственной деятельности, всегда проигрывают им в эффективности долгосрочных инвестиций.

Приватизация давала возможность, опираясь на интересы частных собственников, увеличить отдачу от производственных мощностей, а главное – повысить эффективность новых инвестиций, перестроить структуру промышленности под требования рынка, отказаться от бюджетных дотаций убыточным государственным предприятиям. Ведь государственные предприятия могли рассчитывать на поддержку государства-собственника, а частные должны были решать свои проблемы сами. Иными словами, приватизация позволяла ввести предприятия в рамки жестких финансовых ограничений, а значит, снизить нагрузку на бюджет, имевший в те годы огромный дефицит, направить высвободившиеся средства на зарплату бюджетникам и пенсии.

Даже в нефтяной и газовой промышленности приватизация была выгодна всем. Естественное требование, чтобы доходы от добычи полезных ископаемых шли на пользу всему народу, а не только добывающим компаниям, можно реализовать через высокие налоги на добычу полезных ископаемых. А то, что заниматься этой добычей будут частные, а не государственные фирмы, гарантирует низкие затраты и высокую производительность труда.

Возрождение в России частной собственности было необходимо еще и потому, что оно обеспечивало сохранение политических свобод, обретенных россиянами на рубеже 1990-х годов. Лауреат Нобелевской премии по экономике Фридрих Хайек еще в начале XX века писал: «Наше поколение напрочь забыло простую истину, что частная собственность является главной гарантией свободы, причем не только для тех, кто владеет этой собственностью, но и для тех, кто ею не владеет. Лишь потому, что контроль над средствами производства распределен между многими не связанными между собой собственниками, никто не имеет над ними безраздельной власти, и мы, как индивиды, можем принимать решения и действовать самостоятельно. Но если сосредоточить все средства производства в одних руках, будь то диктатор или номинальные “представители всего общества“, мы тут же попадем под ярмо всеобщей зависимости» [Фридрих Хайек. Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992. С. 83].

Подробнее. **Мы приватизируем не станки и магазины, а право разбогатеть и право разориться**

Когда рассуждают о том, что частный собственник бережет копейку, не терпит бездельников и улыбается клиентам, то часто заблуждаются в объяснении такого замечательного экономического поведения. Это текущее, краткосрочное приспособление к экономической реальности, к спросу, объясняется не формой собственности, его причина – в жестком бюджетном ограничении. Когда менеджер знает, что убытков ему никто не покроет, когда работники знают, что в случае потери рынка сбыта государство денег не подкинет – в таких условиях частные, кооперативные и государственные предприятия ведут себя одинаково. Наоборот, при гарантированном выживании, при неограниченном спросе самое частное предприятие теряет энергию, жиреет, расслабляется.

Наполнение магазинных полок, ликвидация очередей, быстрое выполнение пожеланий потребителя зависят не от манипуляций с собственностью, а от финансовой политики государства. Здесь приватизация – не лекарство. Может быть, она нужна из бюджетных, фискальных соображений? Тоже не лучший вариант. Ведь поступления от приватизации будут носить в лучшем случае прогнозный характер (купят, не купят, сколько дадут). Поступления будут не постоянными, а разовыми; хотя, конечно, советская власть может продать, отобрать и пустить в продажу снова, но покупатели уже будут сдержаннее… Разумнее и эффективнее строить расчеты государственного бюджета на основе налогов.

Все же, в чем приватизация нужна и неизбежна? Чем свободный частный предприниматель кардинально отличается от государственного? Готовность к риску, как и совесть, не может быть коллективной. Она персонифицирована. Ее можно перераспределять – в капитализме для этого создано множество механизмов: страхование, биржи, инвестиционные фонды, пенсии, банки. Но кто-то, в конце концов, берет риск на себя. Не случайно финансовая деятельность, непосредственно оперирующая с риском, наиболее высоко оплачивается на Западе.

Государство не сводимо к личностям в экономическом плане. Нет того субъекта, который бы нес адекватную ответственность за перспективные решения. Именно поэтому государственные инвестиции, государственное планирование всегда неэффективны. Именно поэтому государственное предприятие, сравнявшись с частным в текущем расчете, проиграет ему в долгосрочном.

Наши беды происходят от такого неэффективного государственного инвестирования. Диагноз звучит: «структурный кризис». С огромными усилиями наш народ, недоедая уже в прямом смысле слова, создал, сохраняет и развивает целые отрасли и производства без настоящего и будущего. Но вылечить эту болезнь в одночасье не удастся. Повседневно же мы мучаемся от других бед, происхождением обязанных этому структурному

кризису, но уже оторвавшихся от него, – открытой (рост цен) и подавленной (очереди, дефицит) инфляции, налогового и законодательного произвола государства, чувства беспомощности и неуверенности, убивающих даже текущую (не говоря о перспективной) хозяйственную активность.

Вот где действительно поле деятельности для реформаторов! *Мы приватизируем не право собственности на станки и магазинные полки, а право рассчитывать на самого себя. Право делать надежные сбережения. Право действовать по правилам, установленным, если и не раз навсегда, то, во всяком случае, с прогнозируемыми изменениями. Право разбогатеть и право разориться.* Такая приватизация будет означать резкое, почти полное исчезновение государства из сферы управления экономикой – оттуда, где его неэффективность нагляднее и болезненнее всего.

Действительность, которая откроется нам, когда падет завеса пустых денег, галопирующих законов, глупой секретности, после стабилизационной реформы и коммерциализации будет иметь мало общего с нынешними иллюзиями. Среди первых претендентов на банкротство окажется Волжский автозавод; предложение жилья резко превысит спрос; розничная торговля потеряет привлекательность сферы немедленного обогащения; грозная конкуренция ударит по большей части аграрного сектора… Мы увидим нашу экономику такой, какова она в действительности, и только тогда граждане смогут принимать рисковые решения под свою трезвую ответственность, тогда начнется действительная структурная перестройка. Тогда пробьет час приватизации.

Источник: Львин Б. Приватизация: телега впереди лошади // Час Пик. 8 июля 1991 года.

Любая рыночная экономика опирается на три фундаментальных принципа — экономическую свободу, договорные отношения и частную собственность. Поэтому, признавая важность приватизации, нельзя было недооценивать значение самого рынка. Без рыночных отношений формальные права собственности оказываются крайне ограниченными. Трудно представить себе гражданина, согласного приватизировать магазин, товары в котором будут продаваться по установленным государством заниженным ценам. Нацисты, придя к власти в Германии, формально не отменяли частную собственность, но ввели государственные цены. Реакцией частных собственников было бегство из страны, от своих предприятий.

Подробнее. **Разочарование предпринимателей в Гитлере**

Заваленные горами бумаг, постоянно получающие указания от государства, что, сколько и по какой цене производить, отягощенные растущими налогами, облагаемые нескончаемыми крупными специальными

отчислениями на партию, промышленники и коммерсанты, которые с таким энтузиазмом приветствовали установление гитлеровского режима, поскольку рассчитывали, что он уничтожит профсоюзы и позволит им беспрепятственно заниматься свободным предпринимательством, теперь ощутили глубокое разочарование. Одним из них был Фриц Тиссен, который в числе первых сделал наиболее щедрые отчисления в кассу партии. Бежав из Германии накануне войны, он признал, что «нацистский режим разрушил немецкую промышленность», и всем, кого встречал за рубежом, говорил: «Ну и дурак же я был!»… Многие мелкие предприниматели, первоначально являвшиеся одной из главных опор партии и многого ожидавшие от канцлера Гитлера, вскоре обнаружили, что их постепенно ликвидируют и вынуждают влиться в ряды тех, кто живет на зарплату. После принятия законов в октябре 1937 года все корпорации с капиталом менее 40 тыс. долларов просто распустили, запретив создавать новые с капиталом менее 200 тыс. долларов. Это сразу привело к сокращению числа мелких фирм на одну пятую.

Источник: Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Т. 1. М.: Воениздат, 1991. – http://lib.ru/MEMUARY/GERM/shirer1.txt

Простые люди в начале 1990-х годов не проявляли к приватизации предприятий должного интереса, хотя обретение заводами и фабриками рачительных хозяев должно было привести к повышению уровня жизни всего народа. В приватизации были заинтересованы прежде всего чиновники, партийная номенклатура. Они были не против сменить кресла назначенцев на статус собственников. А поскольку именно у них были реальные рычаги управления, они ими пользовались для овладения собственностью. Это стало массовым явлением – номенклатурной приватизацией. Надо учесть, что разгосударствление экономики в СССР фактически началось еще в 1987–1988 годах. Большинство коммерческих банков было создано в 1988–1990 годах. Первые крупные объекты приватизировались на основании специальных постановлений Совета Министров СССР. Но никакой узаконенной общей модели приватизации тогда не было, зато был простор для всяческих злоупотреблений.

Кооперативное, а затем и мелкое частное производство в СССР было легализовано во второй половине 1980-х годов. Но коммерциализация госпредприятий, включение их в рыночные отношения тормозилось. Отношений между государственным и негосударственными секторами экономики были совершенно не упорядочены. Рыночная инфраструктура вырастала отнюдь не на почве частного предпринимательства, ведь учредителями большинства коммерческих банков и бирж

были государственные предприятия. Эти банки, биржи и кооперативы полулегально перекачивали государственные капиталы в активы частных предприятий и кооперативов. Кооперативы работали на сырье и оборудовании госпредприятий – других попросту не было. Главное преимущество кооперативов было в том, что они могли продавать по договорным ценам, а госпредприятия – только по государственным. Естественно, что в таких условиях кооперативы при предприятиях превращались в торговых посредников, а вся их прибыль шла в карманы администрации госпредприятий.

При номенклатурной приватизация использовались различные финансово-юридические технологии, самая «честная» из которых – аренда с выкупом. Директор предприятия как частное лицо учреждал товарищество с уставным капиталом в пару тысяч рублей, сдавал ему в аренду оборудование предприятия с правом выкупа по балансовой стоимости, то есть за копейки. Далее оформлялся выкуп в строгом соответствии с договором и действующим законодательством.

Еще один вариант – аренда предприятия трудовым коллективом с выкупом за счет прибыли госпредприятия, разрешенная Законом «Об аренде». Этим способом еще до начала массовой приватизации была приватизирована значительная часть российской промышленности, в том числе вся легкая и текстильная. То была именно номенклатурная приватизация, потому что собственность вроде бы обретали трудовые коллективы, но юридически работники не были собственниками (то есть пайщиками или акционерами), полный контроль над предприятием оставался у директора. Позже многие директора таких арендных предприятия переоформили права собственности на себя и членов своей семьи.

Подробнее. **У истоков приватизации**

Б. Минц, с 1991 года – заместитель главы администрации города Иванова, председатель Комитета по управлению имуществом, в 1994–1996 годах – начальник главка Госкомимущества:

Понятие «коммерческая жилка» в советском и в рыночном понимании различно. Директора магазинов, предприятий общественного питания и бытового обслуживания имели навыки купли-продажи. Даже если работали в ресторане, они должны были уметь закупить нужный товар, правильно его преподнести и продать. А «красные директора», хотя и возглавляли коммерчески обособленные предприятия, оставались по духу советскими инженерами, для которых самое главное – произвести соответствующую

ГОСТу продукцию, выполнить план. Характерный пример: приватизируя обувную фабрику, мы обнаружили там запас детских сандалий года на два. Трудно было объяснить директору, что самое главное – произвести не просто продукцию, а именно ту, которую можно продать, получив доход.

А торговля жила с оборота. Здесь директора понимали: непроданный товар пропадает вместе с доходом. Особенно это касается скоропортящихся овощей и фруктов. Можно, конечно, списать гниль, но дохода не будет… В этом смысле они были коммерчески подкованы, но с «советской» окраской, которая не имела ничего общего с подлинным предпринимательским подходом. Подворовывали с потока, выстраивали хитроумные схемы. Традиционно около мешков с сахаром ставились ведра с водой – влажный сахар тяжелее на 3–7%, на каждой проданной тонне «навар» был вполне ощутимым. Люди с такой «коммерческой жилкой», попавшие в ходе приватизации в бизнес, как правило, не удерживались на плаву.

Уже через несколько лет директорами предприятий торговли и общественного питания стали преимущественно бывшие заместители по финансам, по экономике, которые по формальным показателям советской номенклатуры не проходили в первые лица. Они осознали рыночную ситуацию: нужно выстроить бизнес для легального получения дохода, без воровства с оборота. Бизнес и воровство несовместимы.

Многие директора сопротивлялись спущенным сверху приватизационным начинаниям в надежде, что они заглохнут, «рассосутся» – и все вернется на круги своя. Важнейшим и тяжелейшим делом было разделение собственности по уровням власти – между муниципалитетами и субъектами Федерации. Особую сложность представляли крупные города. Я хорошо это знаю по работе Ассоциации председателей комитетов и фондов России.

В разных городах использовалась примерно одна и та же технология затягивания: решения переносились с заседания городской думы на заседание областного совета, областной совет пенял на городскую думу… Во всех думах и советах заседала все та же советская номенклатура, «красные директора» предприятий, которые не были заинтересованы в переменах, в формировании программ приватизации, разделении собственности, составлении ее реестров. Десятилетиями они сидели в своих креслах, им шла неплохая зарплата, для них были спецпайки, спецбуфеты, спецтранспорт и путевки в особые дома отдыха. Они привыкли к такой жизни и ничего не хотели менять. Понимая, что теперь потеряют свои привилегии, они искали пути обхода, тянули время. А Комитет по управлению имуществом, кроме всего прочего, проверял законность ранее проведенных сделок, в том числе по аренде: правильно ли они заключены, все ли процедуры выполнены.

Но были директора и чиновники, которые быстро сориентировались, увидели возможности, которые открывались перед теми, кто реально владел предприятием. И вцепились в собственность, начали ее делить – еще до выхода закона о приватизации. Совершенно диким образом. Царило

форменное беззаконие – в прямом и переносном смысле. И было что делить – тысячи предприятий! Скажем, предприятий торговли в городе N-ске было 400, а стало 700! Представляете, сколько претендентов на эти сладкие куски пирога! Столкновение интересов, характеров, психологий.

В этом сложность. Промедление было сродни попаданию в трясину, которая, если ничего не предпринимать, засасывает. Нужно было действовать очень жестко. Я прекрасно понимал, что если затяну с разделением собственности, с оформлением документов, с коммерциализацией, то не выполню программу приватизации по городу Иванову. Такой ход событий, конечно, исключался. То есть фактор времени играл исключительно важную роль.

Источник: У истоков приватизации. Интервью с Б.И. Минцем. – www.ru-90.ru

5.2. Массовая бесплатная приватизация

Перед правительством реформ стояла задача ввести незаконную и неуправляемую приватизацию в законные рамки. Но реально провести можно было только такую приватизацию, которая вписывалась в существовавший расклад политических сил, отвечала балансу интересов разных социальных групп. Не издавать указы и постановления, которые верны по существу, но не будут исполняться, а принять такую концепцию приватизации, которая будет наверняка реализована. И при этом не упустить главную цель – создание в России института частной собственности. Сделать это надо было в условиях, когда способность государства принуждать граждан и предприятия исполнять законы и постановления органов федеральной власти была близка к нулю.

Важнейшая развилка того времени:

- **массовая бесплатная приватизация**
- **или приватизация за деньги.**

Что предпочел бы ты?

Схема бесплатной ваучерной приватизации, предложенная В. Найшулем еще в 1987 году, воспринималась экономистами как слишком простая для решения такой сверхсложной задачи. Она не делала разницы между гигантами химической промышленности, макаронными

фабриками и колхозами, не учитывала реальное состояние предприятий. Приватизация за деньги имела неоспоримые преимущества. Она не только позволяла передать предприятия в руки эффективных собственников, то есть тех, кто доказал свой предпринимательский талант, но и помогала сократить дефицит госбюджета. Вырученные средства могли пойти на выплату задолженности по зарплате бюджетникам, на помощь социально незащищенным людям. Предоставление иностранным инвесторам права участвовать в приватизации за деньги позволило бы привлечь высокие технологии, столь необходимые для повышения конкурентоспособности российской продукции на мировом рынке.

Но скоро стало понятно, что в тех конкретных исторических условиях приватизация за деньги не вписывалась в политическое окно возможностей. Для того чтобы достичь точки невозврата к социализму, реформаторы, пришедшие к власти после краха СССР, должны были провести быструю и массовую приватизацию. Перед ними возникла невиданная ранее в истории задача: приватизировать «сразу и все». Осенью 1992 года решить эту задачу президент Б. Ельцин поручил новому главе Госкомимущества А. Чубайсу.

В начале переходного периода от социализма к капитализму государству формально принадлежало примерно 250 тыс. предприятий, или более 90%. Такое огромное число предприятий, подлежащих приватизации, не позволяло приватизировать их в ручном режиме, по индивидуальным схемам, как это делалось, например, в Великобритании. Нужны были типовые стандартные процедуры. Причем, чтобы заблокировать нелегальную номенклатурную приватизацию, необходимо было обеспечить высокие темпы легальной приватизации.

Массовый характер предстоявшей приватизации накладывал на нее политические ограничения: реализована могла быть только такая программа, которая отвечала народным представлениям о справедливости. Для большинства жителей прибалтийских республик справедливость заключалась в реституции, то есть восстановлении их нарушенных прав собственности. В России же она понималась иначе: люди хотели «отнять и разделить», только теперь уже не у буржуа, как в 1917 году, а у коммунистической номенклатуры. Именно поэтому такой популярностью пользовалась идея бесплатной приватизации. Граждане расходились в частностях: между кем и как делить? Между работниками предприятий или между всеми? Кому и какие льготы предоставлять? Было ясно, что каждый участник приватизации (рабочие, администрация, местная

власть) захочет извлечь в ходе массовой бесплатной приватизации выгоду для себя.

Необходимость бесплатной приватизации (за специальные средства платежа) была связана еще и с тем, что у населения не было денег в объемах, сопоставимых с совокупной стоимостью всей государственной собственности в стране. Граждане не понимали природы акций и не готовы были вкладывать в них свои сбережения. А иностранные инвесторы доверия к российской власти не испытывали и заинтересованности в приобретении российских предприятий не проявляли.

Принцип бесплатного раздела государственной собственности между всеми россиянами был заложен в разработанный депутатом П. Филипповым и его коллегами Закон «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР». Российский парламент, избранный на первых свободных альтернативных выборах, отражал настроения электората. Лозунг бесплатной приватизации пользовался популярностью среди его демократических фракций. Но его поддерживали также фракции коммунистов и промышленников, члены которых надеялись продолжить номенклатурную приватизацию законным путем – манипулируя акциями членов трудовых коллективов. Закон был принят Верховным Советом РСФСР в июле 1991 года – еще до путча ГКЧП и назначения первого правительства реформаторов.

Авторы этого закона понимали: или будет проведена массовая бесплатная приватизация, или не будет никакой. По этому закону после принятия программы приватизации с осени 1992 года началось массовое преобразование средних и крупных государственных предприятий в акционерные общества с последующей продажей их акций за специальное средство платежа.

Подробнее. **Денежная или бесплатная массовая приватизация?**

А. Чубайс, председатель Госкомимущества в 1991–1994 годах:

В 1987 году, когда В. Найшуль изложил на нашем семинаре в Репино концепцию ваучерной приватизации, мы с Е. Гайдаром разгромили ее до основания. Еще бы: слишком простая схема для сверхсложной задачи. Неизбежно будут миллионы обиженных и недовольных. Нет понимания разницы между химической промышленностью, макаронной фабрикой и сельским хозяйством, не учитывается их состояние. В общем, всё – кони, люди – смешано в кучу, налицо грубость и очевидная примитивность подхода и как неизбежное следствие самое ужасное для нашего народа – несправедливость.

Мы были горячими оппонентами ваучерной приватизации и сторонниками более разумной, справедливой и последовательной денежной приватизации. Собственно, с этого мы и начали: в начале 1992 года запустили ее в розничной торговле, применительно к магазинам. Только на этом маленьком кусочке госсобственности тогда и можно было реализовать денежную схему.

Но уже весной 1992 года стало понятно, что в тех конкретных условиях денежные схемы, пусть объективные и справедливые, просто не впишутся в реальный расклад социально-политических сил в стране и не сработают. По сути, тогда сформировавшееся политическое окно возможностей выглядело просто: реальную большую приватизацию можно было разворачивать в 1992 году только на основе безденежной схемы. Можно привести фундаментальные аргументы в обоснование этой позиции. Упомяну лишь самый очевидный и бытовой: у людей просто не было денег – в объемах, хотя бы сколько-нибудь сопоставимых с совокупной стоимостью всей государственной собственности в стране. Поэтому я вынужден был признать, что прав не я, а Найшуль.

Источник. Россия: трудный путь к частной собственности. Интервью с А.Б. Чубайсом. – www.ru-90.ru

***

Д. Васильев, заместитель председателя Госкомимущества в 1991–1994 годах:

Предприятие стоит столько, сколько за него готовы заплатить потенциальные покупатели в конкретный исторический момент. Эту главную проблему у нас многие не понимают до сих пор. Одно и то же предприятие в 1992, 1995 и 1997 годах могло стоить совсем разные деньги, потому что инвесторов ожидали совсем разные риски, все зависело от конкретной экономической и политической ситуации. Правило «предприятие стоит столько, сколько за него готовы платить» работает вне зависимости от того, чем платят – деньгами или чеками. Преимущество чеков было в том, что они оказались распределены среди населения более равномерно, чем деньги. Основные деньги были сосредоточены у 5% населения, поэтому приватизация за деньги оказалась бы социально совершенно неприемлемой. Она просто не пошла бы. Странно, что таких очевидных вещей не видят политики, которые продолжают утверждать, что денежная приватизация в той ситуации была бы гораздо лучше ваучерной.

Источник: Васильев Д. Как мы проводили чековую приватизацию // Приватизация по-российски / под ред. А.Б. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 137.

***

Приватизация и рынок

Плохое управление государственными предприятиями, дезорганизация, изношенность оборудования и избыток рабочей силы вели к тому, что многие предприятия явно недооценивались, но лишь некоторые специалисты понимали это. И уж совсем немногие понимали значение крупных

финансовых потоков, мигрировавших со счета на счет, поскольку марксизм оставил в наследство фетишизацию собственности и явную недооценку роли финансов…

Многие преувеличивали важность приватизации и недооценивали значение рынка, не понимая, сколь ограничены формальные права собственности без либерализации рынка. Ни одна из социалистических стран не допускала развития рынка капитала. Если не существовало рынков, не существовало и рыночных цен на активы. Их отсутствие заставляло использовать в качестве действующих ценовых параметров балансовые цены или исторические издержки, хотя последние были далеки и от реальных издержек, и от реальных рыночных цен. Не существовало ни правил, ни институтов для продажи собственности или предприятий… При громадном предложении собственности и нехватке средств на ее покупку собственность неминуемо должна была быть продана дешево, принося дополнительную выгоду тем, кто столь удачно в нужное время оказался при деньгах. Приватизация крупных предприятий являлась предварительным условием развития настоящего рынка капитала и более рационального размещения капитала.

Не многие питали иллюзии об эффективной структуре собственности на ранних этапах реформ. Более широкая экономическая задача, чем реструктуризация предприятий, заключалась в том, чтобы облегчить уход с рынка устаревших предприятий и выход на рынок новых фирм, то есть стимулировать процесс, который Й. Шумпетер называл созидательным разрушением. Подобное разрушение могло принимать много форм, но не могло произойти без жестких бюджетных ограничений и проведения процедуры банкротства как окончательного вердикта о судьбе предприятия. В дальнейшем крайне мало компаний были признаны банкротами, но многие были вынуждены продавать неиспользуемые активы, создавая тем самым рынок активов и закладывая основу новых предприятий.

Источник: Ослунд Андерс. Строительство капитализма: Рыночная трансформация стран бывшего советского блока / пер. с англ. М.: Логос, 2003. С. 378–388.

Предстояло выбрать средство платежа:

- **безналичные приватизационные счета и вклады**
- **или наличные приватизационные чеки (ваучеры).**

Какой вариант выбрал бы ты?

Но возникла проблема: какие специальные средства платежа лучше использовать? Вместе с Законом «О приватизации» Верховный Совет РСФСР принял Закон «Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР». В соответствии с ним каждому гражданину страны в Сбербанке должен был быть открыт именной приватизационный

счет и на него положен вклад в специальных средствах платежа, который нельзя было ни передать, ни продать. Оборот акций, приобретаемых за счет приватизационного вклада, был ограничен. Это была, несомненно, ошибка. Такая конструкция лишала именные банковские вклады и приобретенные на них акции важнейшего качества – ликвидности. Тем самым рушились надежды на зарождение в стране фондового рынка, на появление эффективных частных собственников, владельцев контрольных пакетов акций.

Кроме того, схема приватизационных счетов (вкладов) обрекала граждан на большие неудобства. Каждому жителю и большого города, и глухой деревни предстояло не только открыть специальный счет в банке, но и многократно делать переводы брокерам на приобретение пакетов акций тех или иных предприятий. Схема была трудно реализуема организационно, могла привести к техническому коллапсу, который заблокировал бы процесс приватизации. Неудивительно, что руководители Сбербанка отказывались заниматься таким рискованным проектом.

Поэтому Указом Президента РФ от 14 августа 1992 года вместо приватизационных счетов (вкладов) были введены приватизационные чеки, названные журналистами ваучерами. Каждый гражданин России получил право на один приватизационный чек номинальной стоимостью 10 тыс. рублей. Чеки находились в обращении с 1 октября 1992 года по 1 июля 1994 года.

Тот, кто не хотел инвестировать свою долю госсобственности в акции, мог продать приватизационные чеки на рынке. Свободно обращаясь, чеки создали не только спрос на акции приватизируемых предприятий, но и заложили основу для становления институтов фондового рынка. Ваучеры стали котироваться на биржах, дав серьезный импульс их развитию. Курс ваучера отслеживался населением вместе с курсом доллара. Возникли инвестиционные фонды, появились тысячи профессионалов российского фондового рынка. Этот рынок стал самым развитым на всем пространстве СНГ.

Подробнее. **Сколько реально стоил ваучер в 1992 году?**

Принятые в последнее время (1992 год. – *Ред.*) указы президента России резко увеличивают объем вовлекаемых в ваучерную приватизацию активов. Теперь сюда включена земля под приватизируемыми предприятиями, до 80% расширена доля продаваемых за ваучеры фондов. Кроме того, в результате переоценки цена фондов многократно увеличена. В среднем

по России расчетная рыночная котировка ваучера с учетом вновь открывшихся обстоятельств составит около 1600–1700 рублей.

Ликвидность приобретенных за ваучеры акций предприятий – это возможность быстро такую акцию продать. Высокая ликвидность важна для всех инвесторов, а особенно для тех, кто занимается фондовыми операциями: игрой на повышение (приобретением акций с целью их последующей перепродажи) и аквизицией (скупкой контрольного пакета для его дробления и выгодной продажи по частям). Ясно, что в различных отраслях уровень ликвидности неодинаков: при прочих равных он выше там, где в расчете на инвестируемый ваучер приходится больше фондов, причем в их реальной экономической оценке. Иными словами, на инвестированный в эти отрасли ваучер может быть получена большая по номиналу сумма акций, что на первых порах и будет означать большую ликвидность.

Последнее особенно важно. Обозначенная на ваучере сумма в 10 тыс. рублей сегодня вряд ли может кого-либо ввести в заблуждение. Общеизвестно, что изначально за ней стояла балансовая стоимость приватизируемых фондов в старых ценах, а экономика уже давно освоилась в новых ценовых масштабах. Поэтому реальная оценка фондов, так называемая восстановительная стоимость, должна учитывать по меньшей мере два обстоятельства: уровень износа и размер переоценки в соответствии с недавним президентским указом.

Расчеты показывают, что «наполнение» государственной собственностью одного направляемого в производство чека (после переоценки фондов и с учетом их износа) возрастет в среднем в 15–16 раз. При этом больше всего подорожают вложения в транспорт, торговлю, пищевую промышленность, связь и промышленность стройматериалов. В наименьшей степени окажутся обеспеченными фондами ваучеры, инвестированные в нефтепереработку, машиностроение, черную металлургию. При этом эксперты отмечают, что сама по себе «обеспеченность» ваучера бывшей государственной собственностью вряд ли сможет оказать непосредственное влияние на курс ваучера, так же как обеспеченность рубля «всем достоянием Союза ССР» мало сказывалась на его курсе по отношению к доллару.

Источник: Ваучеры подорожали: президент сыграл на повышение // Коммерсант. 26 октября 1992 года. № 18 (171). – http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=27809

***

Чеки продаются на биржах в рекордных количествах

Никогда еще на фондовых биржах ценные бумаги не продавались в таких количествах, какое было зафиксировано на прошлой неделе (ноябрь 1992 года. – *Ред.*). Курс приватизационного чека по крайней мере на время вышел из «штопора» и в течение всей недели устойчиво поднимался. Вчера (20 ноября 1992 года. – *Ред.*) на фондовых биржах объемы торговли приватизационными чеками незначительно сократились по сравнению с четвергом (19 ноября), когда на биржах в Москве и Санкт-Петербурге

были отмечены рекордные объемы продаж ваучеров (более 11 тыс. штук на трех столичных биржах)… Особенно значительным был рост наличного курса ваучера. Это связано с тем, что многие компании в начале ноября завершили первые сделки по обезналичиванию по схеме: покупка ваучеров за наличные деньги с последующей их перепродажей за безналичный расчет. Бизнес оказался прибыльным, к нему обратились многие коммерческие структуры, и масштабные закупки ваучеров за наличный расчет подтолкнули курс ваучера вверх. Рост его курса (в среднем до 4,7 тыс. рублей за наличный и до 6 тыс. рублей за безналичный расчет) наблюдался на фоне увеличения объема продаж чеков, который вчера превысил отметку 10 тыс. штук.

Источник: Скатерщиков С. Чеки продаются на биржах в рекордных количествах // Коммерсант. 21 ноября 1992 года. № 41 (194). – http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=30631

Подробнее. **Специалисты по ваучерам – «спекулянты», «управляющие», «инвесторы»**

Для тех, кто забыл правила, напомним. Правительство оценило национальное достояние страны – активы всех госпредприятий – в 4 трлн рублей (тех еще, с Лениным). Из них 1,5 трлн рублей (35% достояния) предназначались к бесплатной раздаче 150 млн человек населения, на каждого – 10 тыс. рублей. Их можно было: продать; обменять на акции чекового инвестиционного фонда (ЧИФ) и затем получать от него ежегодный дивиденд; самостоятельно обменять на акции какого-то предприятия в ходе чекового аукциона. Аукцион – главный момент приватизации. Каждое акционирующееся предприятие должно было выставить на продажу не менее 29% акций за ваучеры. Граждане были вольны менять ваучеры на акции любого предприятия. Если на 29% акций, скажем, «Газпрома» будет подан один ваучер-заявка хоть ЧИФом, хоть физическим лицом, его владелец получает 29% акций, если 10 заявок – каждому по 2,9% акций. И так далее.

На практике все было сложнее. Предприятия всячески усложняли проведение чековых аукционов, затягивали собственную приватизацию, чтобы к 31 декабря 1993 года, дню, когда ваучер заканчивал свое хождение (позже он был отодвинут на 1 июля 1994 года), заявить о неготовности к чековым аукционам, а также ограничивали круг ваучеровладельцев, которые могут купить акции.

Разобраться во всем этом могли лишь специалисты, для которых розово-зеленый отсвет бумажки с картинкой Белого дома и номиналом 10 тыс. рублей (реально за ваучер давали сначала 40 долларов, затем – 10, потом – 5, лишь к весне 1994 года цена стабилизировалась на 20 долларах) был отсветом больших денег. Специалисты были трех типов: «спекулянты» занимались игрой на ваучерах: покупали дешевле, продавали дороже, а в приватизацию не играли; «управляющие» организовывали ЧИФы, меняли ваучеры на свои

> «ценные бумаги», ваучеры вкладывали в акции и потом продавали эти акции тому, кто готов был за них платить деньги, деньги они редко раздавали дивидендами акционерам, банально их уворовывали; «инвесторы» скупали ваучеры за свои и чужие деньги мешками и на чековых аукционах меняли на акции, но уже для себя.
>
> *Источник:* Бутрин Д. Как товарищ чек стал господином ваучером // Деньги. 2002. № 27 (382). 17 июля. – hpttp://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=104cd841-a3e6-4c5f-8eee-fe6db95e869e&docsid= 332034

Ваучер выполнил роль заменителя денег и обеспечил более или менее равномерный доступ граждан к госсобственности. Но главное, ваучеры и фондовый рынок дали импульс концентрации капитала. Ведь опыт показывает, чтобы предприятие было прибыльным, у него должен быть хозяин – владелец контрольного пакета акций. Хотя миноритарии и играют важную роль при увеличении размера капитала компании и обеспечении ее прозрачности, но стратегию развития определяют владельцы контрольного пакета. России были нужны крупные собственники предприятий, иначе о повышении их эффективности можно было забыть.

Еще одна развилка при подготовке к массовой приватизации заключалась в выборе:

- **предоставить льготы работникам приватизируемых предприятий**
- **или равные права на приватизируемые предприятия предоставить всем гражданам.**

Что предпочел бы ты?

В одних постсоциалистических странах льготы работникам предприятий в ходе приватизации предоставлялись, в других – нет. В России политические противники Б. Ельцина из числа коммунистов, контролировавшие в то время Верховный Совет, проталкивали правовые нормы, такие льготы обеспечивающие. За этим требованием стояли не столько рабочие, сколько директора предприятий, видевшие в таком варианте широкие возможности провести приватизацию в свою пользу. Без поддержки директорских фракций и их сторонников в промышленных министерствах провести приватизацию без льгот было нереально.

Было предложено три варианта льгот членам трудового коллектива. Уступкой правительства стал второй вариант – с передачей 51% акций членам трудового коллектива.

Подробнее. **Три варианта льгот членам трудовых коллективов**

Выбор вариантов льгот определялся стремлением сбалансировать интересы различных социальных групп, утихомирить потенциально взрывные социальные группы – от директоров до членов трудовых коллективов и пенсионеров. Был достигнут баланс компромиссов, который легитимизировал права на собственность всех заинтересованных слоев: первый вариант был более или менее сбалансирован, второй отдавал предпочтение трудовым коллективам и отчасти – директорам, третий был целиком директорский, но оказался обложен такими ограничениями, что директора практически им не воспользовались.

Если приватизация проводилась по предложению трудового коллектива, то применялся один из трех вариантов льгот его членам:

первый – всем членам трудового коллектива безвозмездно передавались привилегированные акции на 25% уставного капитала, но в сумме не более 20 МРОТ на одного; обыкновенные акции до 10% уставного капитала, но в сумме не более 6 МРОТ на одного, продавались по закрытой подписке со скидкой 30% от их номинальной стоимости и предоставлением рассрочки до трех лет. Директору, его заместителю, главному инженеру, главному бухгалтеру предоставлялось право на приобретение обыкновенных акций по номинальной стоимости в пределах 5% уставного капитала, но не более 2000 МРОТ на каждого;

второй – всем членам трудового коллектива предоставлялось право приобретения обыкновенных акций суммарно до 51% величины уставного капитала. Цена акций была установлена Госкомимуществом в размере 170% номинальной стоимости. Комитеты по управлению государственным имуществом с согласия трудового коллектива могли разрешить участвовать в закрытой подписке на акции работникам предприятий, входивших в единый технологический комплекс с приватизируемым предприятием;

третий – группе работников предприятия предоставлялось право на приобретение обыкновенных акций в сумме до 20% уставного капитала при условии, что она берет на себя ответственность за выполнение плана приватизации предприятия и недопущение его банкротства, а также получает согласие трудового коллектива на заключение соответствующего договора, срок действия которого не более одного года (без права продления). Эта группа приобретала акции по истечении срока договора. На период его действия ей передавалось право на голосование 20% акций, принадлежавших фонду имущества. Если группа не выполняла условия договора, право на опцион утрачивалось и акции поступали в продажу. Члены группы несли материальную ответственность имуществом, принадлежавшим им на праве частной собственности и вносимым в виде залога на сумму не менее 200 МРОТ в расчете на каждого члена группы. При этом всем работникам предприятия (включая членов группы) продавались по закрытой подписке

обыкновенные акции, составляющие 20% величины уставного капитала, но на сумму не более 20 МРОТ в расчете на одного работника, со скидкой 30% от их номинальной стоимости и с предоставлением рассрочки на три года. Третий вариант мог применяться только на предприятиях с численностью более 200 работников и балансовой стоимостью основных фондов от 1 до 50 млн рублей.

Во всех трех вариантах 10% средств, поступивших от продажи акций приватизируемого предприятия (за исключением акций, проданных членам трудового коллектива), зачислялось на личные лицевые счета приватизации его работников.

Решение о выборе второго или третьего варианта предоставления льгот принималось общим собранием членов трудового коллектива либо удостоверялось их подписными листами и считалось принятым, если за него проголосовало не менее 2/3 общего числа работников. Если такого решения не было, льготы предоставлялись в соответствии с первым вариантом.

Источник: Положение о закрытой подписке на акции при приватизации государственных и муниципальных предприятий. Утверждено Распоряжением Госкомимущества РФ от 27 июля 1992 года № 308-р.

С правами и льготами трудовым коллективам была связана еще одна развилка:

- **увязать права собственности работников с их работой на приватизируемых предприятиях**
- **или отделить права собственности от статуса работника.**

Какой вариант выбрал бы ты?

Задача состояла в том, чтобы в ходе приватизации не создать вместо советского социализма кооперативный рыночный социализм. Такая опасность оказывалась реальной. Достаточно было права собственности передавать не конкретным людям, а коллективу предприятия. Именно это было заложено в союзный Закон «Об аренде»: работник-арендатор не являлся акционером, он считался якобы «совладельцем» предприятия – но только пока работал на нем. Естественно, что при таких странных правах работники заинтересованы не развивать предприятие, направлять доходы на приобретение современного оборудования, а только увеличивать зарплату. Зачем тратиться на новые станки, если после увольнения «все останется дяде»?

Россия благополучно избежала тупика рыночного социализма. В ходе приватизации права собственности были отделены от статуса

работника предприятия. Десятки тысяч предприятий оказались преобразованы в открытые акционерные общества. Акционеры-работники могли продавать акции без ограничений, передавать их по наследству, дарить. Это открыло дорогу формированию крупных пакетов акций в руках предпринимателей, способных вести прибыльный бизнес.

Другая проблема заключалась в том, что если в процессе приватизации большинство акций предприятия оказывалось в собственности работников (инсайдеров), то его перспективы были под угрозой. Ведь работники-акционеры основной свой доход получают в виде зарплаты, а не дивидендов. Если годовая зарплата работника составляет 600 тыс. рублей, то, чтобы получить эквивалентную сумму в виде дивидендов, ему надо иметь пакет акций стоимостью 5–9 млн рублей. Таких пакетов у всех работников не было и быть не могло. Вот почему мелкие акционеры-инсайдеры обычно не заинтересованы в прибыли и дивидендах, на собраниях акционеров они голосуют не за модернизацию предприятия, а за использование полученного дохода на повышение расценок и окладов, И это понятно: новые станки окупятся лишь через несколько лет, а деньги нужны их семьям сегодня.

Этот негативный опыт тоже следовало учитывать в ходе приватизации. Но Верховный Совет РСФСР, принимая Программу приватизации на 1992 год, пошел на поводу фракций коммунистов и промышленников и среди вариантов распределения акций утвердил так называемый второй вариант льгот трудовым коллективам. По нему 51% акций доставался работникам предприятия, что давало шанс администрации сохранить над предприятием контроль. Этот вариант льгот был применен в ходе приватизации 75% предприятий. Но сторонние инвесторы довольно быстро стали скупать акции у работников предприятий. И проблема акционеров-инсайдеров решилась сама собой.

Подробнее. **По какому варианту следовало бы проводить приватизацию?**

Сегодня никто не спорит, что приватизация была необходима, и реализация любого ее плана требовала не только расходов на организацию и разъяснительную работу, но и трансакционных затрат. Мнения расходятся по поводу того, как следовало проводить приватизацию. Чаще всего выделяют три концепции.

А. Концепция case-by-case, штучная приватизация предприятий с предпродажной подготовкой каждого из них, со спецификацией продаваемой собственности. Я это называю западной моделью, поскольку она

была использована и в Латинской Америке, и в Великобритании, когда М. Тэтчер взялась за приватизацию угольной промышленности. К этому типу Л.М. Григорьев относит и приватизацию в Восточной Германии, в отличие от других носившую достаточно массовый характер и проведенную в короткие сроки.

Б. Югославский вариант рабочего самоуправления без передачи титулов собственности (акций) работникам предприятий или с передачей акций. Даже при раздаче титулов собственности всем членам трудовых коллективов при условии ограничения прав миноритарных акционеров в пользу менеджеров получается примерно одно и то же: реальная приватизация в пользу менеджеров, которые, даже если декларирована коллективная собственность, контролируют потоки доходов и расставляют людей. Фактически это реализация главных прав собственности, хотя бы на основании должностных полномочий. В той или иной форме такая номенклатурная, или инсайдерская, приватизация началась в СССР после принятия Закона «О государственном предприятии» от 30 июня 1987 года, затем Закона «О кооперации в СССР» от 26 мая 1988 года и Основ законодательства СССР об аренде (Закона СССР от 23 ноября 1989 года). Последний допускал аренду с выкупом, в том числе за счет прибыли предприятия, которая формально принадлежала государству до тех пор, пока предприятие не будет выкуплено. То есть это была приватизация задаром, в пользу управляющих предприятием и чиновников из министерств, особенно тех, которые могли посодействовать принятию благоприятных для будущих собственников решений в уполномоченных на то инстанциях. Предполагались и определенные привилегии для трудовых коллективов (отсюда слово «инсайдерская»).

В. Массовая приватизация с использованием приватизационных чеков (ваучеров). Летом 1991 года Верховный Совет РСФСР принял вариант именных приватизационных счетов (без права обмена), который зимой 1992 года команда А. Чубайса трансформировала в вариант приватизационных чеков, допускавших куплю-продажу. В чистом виде этот закон не мог быть реализован, так как по социальным и политическим причинам члены трудовых коллективов должны были получить какие-то привилегии. Ведь принцип «земля – крестьянам, фабрики – рабочим» еще с 1917 года был символом справедливости, так и не воплощенным в жизнь.

Оценим эти варианты по пяти критериям. *Эффективность:* в какие сроки частная собственность продемонстрирует свои преимущества перед государственной, то есть эффективность предприятий и экономики в целом окажется выше, чем прежде? *Бюджетные поступления от приватизации:* за сколько будут проданы госпредприятия и как это поправит финансы государства? *Трансакционные издержки:* какими будут расходы и потери от приватизации, сколько времени потребуется для адаптации экономики к новым институтам? *Осуществимость в короткие сроки:* так как в частную собственность предстояло перевести не менее половины государственных активов,

чтобы дать возможность работать рыночным механизмам, массовую приватизацию нужно было провести быстро, или она могла не получиться вовсе. *Время легитимации:* насколько быстро большинство населения признает итоги приватизации и согласится с ними?

Вариант А (штучная приватизация, западная модель) имел лучшие оценки по четырем критериям и худшую – по осуществимости в короткие сроки. Правда, есть опыт быстрой приватизации в Восточной Германии, проведенной Опекунским советом. Но нужно учесть, что продажи проводили специалисты из Западной Германии, инвесторы были оттуда же или из других западных стран, то есть они имели деньги. Требование продать подороже не выдвигалось. Напротив, можно было купить фабрику за 1 марку, но с условием будущих инвестиций в реструктуризацию при сохранении рабочих мест. А в Великобритании и Латинской Америке критерий осуществимости в короткие сроки вообще не выдвигался. Приватизация английской угольной промышленности продолжалась 11 лет. Второй критерий в России реально не мог выдвигаться, потому что ни у кого не было денег. А предлагать государственные активы иностранцам без конкурентоспособного участия граждан страны было невозможно по политическим соображениям, в том числе из-за критерия легитимации. Это наша культурная особенность – распавшаяся великая империя с ущемленным достоинством после 74 лет коммунизма во «вражеском» окружении. Осуществимость в таких условиях была важнейшим критерием. Во всяком случае, тогда почти все сторонники реформ были в этом уверены, потому что «страшнее коммунизма зверя нет». Поэтому в российских условиях вариант А не выглядел наилучшим.

Вариант Б (инсайдерская приватизация) был легче всего осуществим. Более того, его реализация уже шла спонтанно. Так, на Московском вентиляторном заводе акции были розданы поровну всем членам трудового коллектива, через два года контрольный пакет был консолидирован в руках немногих высших менеджеров, которые изначально реально контролировали финансовые потоки. Но эти люди не могли принести инвестиции. И легитимация такой приватизации была наиболее затруднительна. В стране уже кипели страсти по поводу чиновников, которые записывали на себя крупные пакеты акций за недокументированный интеллектуальный вклад, а также против зарвавшихся кооператоров. В связи с этим трансакционные издержки представлялись чрезмерно высокими.

Вариант В (ваучерная приватизация) в чистом виде был неосуществим, поскольку его не поддержала бы ни одна социальная группа. Он мог опереться только на интересы широкой коалиции людей, не занятых на приватизируемых предприятиях. Но такая коалиция по природе своей не поддается организации, особенно в короткие сроки. Если же приватизационные чеки сделать именными, закрепленными персонально за конкретными людьми без права передачи или продажи, то этот вариант гарантирует и самую низкую эффективность – инвестиций не привлечь. Уже одно это затруднит в будущем его легитимацию и будет вызывать немалые трансакционные

издержки. Но все же по этим двум критериям у варианта В были преимущества перед вариантом Б.

Таблица. Предварительная оценка трех вариантов приватизации

Критерии	Вариант А Штучная приватизация (case-by-case)	Вариант Б Инсайдерская приватизация (инсайдерская – менеджеры)	Вариант В Ваучерная приватизация (всем бесплатно)
Эффективность – max	лучший	средний	худший
Денежная выручка – max	лучший	худший	худший
Трансакционные издержки – min	лучший	худший	средний
Осуществимость в короткие сроки – min	худший	лучший	средний
Время легитимации – min	лучший	худший	средний

Можно сделать вывод: в чистом виде ни один из этих вариантов не годился для России. Программа приватизации, предложенная командой Чубайса, сочетала все три варианта. В ее основе на первом этапе (массовой приватизации) был вариант Б, хотя привилегии для трудовых коллективов и менеджеров представлялись дополнением к основной схеме, поэтому и назывались «варианты льгот для трудовых коллективов». Вариант В рассматривался как дополнительный: 29% акций приватизируемых предприятий предназначались для остального населения, которое могло их получить в обмен на свои ваучеры. Тем самым предполагали соединить осуществимость, свойственную варианту Б, с меньшими трансакционными издержками и более легкой легитимацией, которых ожидали от варианта В. Через два года, после завершения массовой приватизации, планировали перейти к варианту А, чем и стал этап денежной приватизации…

На первый взгляд не такой уж плохой план среди имевшихся возможностей. Правда, все декларации о «народном капитализме», о 40 млн акционеров и об эффективных собственниках, с которыми выступал Чубайс на первом этапе, оказались пропагандой. А реальная задача, которая выясняется из анализа плана и его реализации, ставилась так: *провести приватизацию быстро и в условиях гражданского мира*. Ради последнего выстраивался баланс интересов основных социальных групп – членов трудовых коллективов, директорского корпуса, топ-менеджеров, остального

населения и новых предпринимателей. Только из среды последних и части директорского корпуса можно было ожидать появления эффективных собственников, и то не сразу, так как:

во-первых, члены трудовых коллективов получили выбор из трех моделей льгот, в том числе вторую, допускавшую выкуп до 51% акций, из них половину – за ваучеры. Лозунг «фабрики – рабочим» мог быть реализован;

во-вторых, менеджеры имели возможность сохранить контроль над предприятием и, используя свое влияние на трудовой коллектив, в конечном счете консолидировать контрольный пакет в своих руках;

в-третьих, остальное население получило ваучеры и надежду, что на них оно сможет приобрести акции предприятий, приносящие солидные дивиденды. Этим надеждам не суждено было сбыться;

в-четвертых, новые предприниматели прямых выгод не получили. Но новшество Чубайса по сравнению с законодательством о приватизации Верховного Совета РСФСР состояло в том, что именные приватизационные счета были заменены приватизационными чеками, которые можно было продавать и покупать. Это открыло путь к консолидации капиталов, в том числе новыми предпринимателями, и к появлению стратегических инвесторов из их числа.

Возможности, предложенные большинству граждан (членам трудовых коллективов и остальному населению), были призрачны. Чтобы добиться их реализации, нужны были колоссальные усилия, в том числе многочисленных активистов – например, по реализации идей рабочего самоуправления на базе второй модели льгот. Эти усилия некому было предпринимать – не было таких активистов. Популистские обещания изначально были невыполнимы. Для экономики, для ее будущего развития это было хорошо, для будущей легитимации прав собственности новых владельцев – плохо. Но создавались условия для того, чтобы бывшие государственные активы попали в руки эффективных собственников (если не сразу, то после перераспределения через рыночные и иные механизмы), а также для достаточной концентрации активов, которая оправдала бы инвестиции.

Источник: Ясин Е.Г. Российская приватизация: еще один взгляд. – www.ru-90.ru

***

Массовая бесплатная приватизация запустила процесс, который трудно было остановить. Ваучеры создали искусственный спрос. Акции, не выкупленные членами трудовых коллективов, фонды имущества реализовали на чековых аукционах. В ноябре–декабре 1992 года прошли первые из них, началась «большая приватизация». Постепенно сформировался рынок акций. Это заложило основу для дальнейшего перераспределения собственности рыночными методами, создало правовые предпосылки для денежной приватизации.

Подробнее. **Цены и продажи на чековых аукционах растут**

В начале ноября 1992 года увеличился объем продаж на приватизационных аукционах, проводимых местными фондами имущества. Сохранилась наметившаяся в конце октября тенденция к резкому увеличению итоговых цен при реализации приватизируемых объектов. Особенно заметным рост цен на объекты приватизируемой собственности был на Урале и в Ростове-на-Дону, где в ходе аукционов итоговые цены в десятки раз поднимались над стартовыми… Покупатели на аукционах – трудовые коллективы предприятий и профессиональные приватизаторы. К последним относятся коммерческие структуры, специализирующиеся на скупке объектов, выставляемых на приватизационные аукционы. Ярким примером их деятельности стали… приватизационные аукционы в Кемерово, где совместное российско-корейское предприятие «Трансазия» приобрело 4 магазина под формируемую им сеть магазинов для реализации корейских товаров.

«Спекулятивная приватизация», когда выставляемые на аукционы объекты покупаются для последующей перепродажи, пока не получила широкого распространения. Частично это объясняется ограниченностью маневра потенциальных спекулянтов, поскольку фонды имущества жестко регламентируют направления использования приватизируемых объектов. На этой неделе были увеличены сроки, на которые фиксируется это регламентированное использование. На аукционах в Ростове-на-Дону и Екатеринбурге эти сроки достигали 15 лет.

Источник: Скатерщиков С. Новые инвестиционные возможности. На фондовом рынке появился выбор // Коммерсант. 9 ноября 1992 года. № 30 (183). – http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=29278

Приватизация едва не была остановлена весной 1993 года в ходе обострения противостояния президента и Верховного Совета. Остроту противостояния несколько снизила поддержка населением Ельцина и его курса реформ на референдуме 25 апреля. Народ поддержал курс реформ.

Подробнее. **Парламент стремится перехватить инициативу в выработке политики приватизации**

Парламент не намерен далее мириться с тем, что приватизационная политика вышла из-под его контроля и формируется исполнительной властью. Таков смысл принятого вчера (28 апреля 1993 года. – *Ред.*) парламентом постановления «О выполнении Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий на 1992 год». Документ признает неудовлетворительными итоги приватизации и, по сути, поручает правительству самому признать неправомочность чековых аукционов… Такая оценка мотивируется тем, что «не в полной мере установлены значение и последствия приватизации в реформировании экономической системы».

Кроме того, Верховный Совет считает серьезным просчетом отсутствие четкой координации в деятельности Госкомимущества, Фонда федерального имущества и их подразделений. Особенно негативно парламент отнесся к введению ваучеров, из-за которых «возникли условия для спекуляции и мошенничества», в результате «государственная собственность уходит в руки частных инвесторов за бесценок»…

Решение Верховного Совета в немалой степени обусловлено желанием парламента перехватить инициативу в выработке политики приватизации и ее осуществлении у исполнительной власти, дезавуировать решения Госкомимущества. В связи с этим примечательна тактика, использованная парламентом: он обязал само правительство «рассмотреть и отменить все нормативные акты Госкомимущества, изданные в нарушение Государственной программы приватизации на 1992 год». По сути, самому правительству предлагается признать неправомочность чековых аукционов. Но сам парламент формально не признал «ваучеризацию» незаконной. Это ставит в двусмысленное положение власти регионов (например, Новосибирскую область), которые приостановили чековые аукционы в надежде на то, что парламент официально заявит о их неправомочности.

Источник: Котельникова Е. Верховный Совет недоволен ходом приватизации // Коммерсант. 29 апреля 1993 года. № 79 (302). – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=36fe0986-bf4c-4a8f-b747-8971cd250e1a&docsid=46580

Когда Верховный Совет принял документы, направленные на остановку приватизации, поднялся вал массового общественного протеста. Директора госпредприятий, руководители акционерных обществ, главы местных администраций, чековых инвестиционных фондов, местные Советы и просто рядовые граждане резко прореагировали на решение парламента. Отреагировал и рынок – упал курс приватизационного чека. Это означало, что чек стал частью рынка ценных бумаг, который и должен реагировать на политические изменения. Несмотря на то, что вся мощь парламента была обрушена на приватизационный чек, он устоял, его курс упал лишь на 1000 рублей.

Подробнее. **Участники фондового рынка против ограничения свободного обращения ваучеров и акций**

Решение парламента о приостановке действия Указа Президента РФ «О гарантиях права граждан России на участие в приватизации» серьезно обеспокоило российских фондовиков по поводу последующего развития приватизации. Вчера (30 июля 1993 года. – *Ред.*) Совет Федерации фондовых бирж направил в Верховный Совет обращение с просьбой отменить принятое решение, так как это может дестабилизировать весь процесс передачи государственной собственности в частную и вывести из строя уже сложившийся

механизм обращения приватизационных чеков. Фондовики предлагают также продлить срок действия приватизационных чеков еще на 6 месяцев.

Федерация фондовых бирж объединяет более 60 фондовых бирж из всех регионов страны. В течение последнего года развитие приватизации в России в значительной степени стимулировало формирование вторичного рынка ценных бумаг, при этом в нескольких регионах большая часть торгового оборота во вторичном обращении уже сейчас обеспечивается сделками с ценными бумагами приватизированных предприятий. Поэтому решение Верховного Совета приостановить указ президента поставило под сомнение успешность деятельности многих участников фондового рынка… Более уязвимыми оказываются менее сильные региональные фондовые биржи, хотя и на столичных фондовых рынках прекращение свободного обращения ваучеров и акций приватизируемых предприятий спровоцировало бы глубокий спад. Демарш парламента подтолкнул членов Федерации фондовых бирж принять серьезные меры для защиты своих интересов на рынке.

Источник: Рыжикова Е. Фондовики просят продлить обращение чека // Коммерсант. 30 июля 1993 года. № 143 (366). – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=e6a9b7cb-2473-43b3-8f7e-c21e7dc7de5b&docsid=55210

Всего за полтора года, с осени 1992 до середины 1994 года, приватизация в России победила идеологически, политически и экономически. Две трети активов оказалось в негосударственной собственности (не в частной, а в негосударственной, потому что, например, «Газпром» – не частная, но и не государственная компания, а акционерное общество). В ходе бесплатной приватизации было обеспечено массовое распределение и закрепление формальных прав частной собственности при минимуме социальных конфликтов. То был первичный раздел собственности, во многом формальный. За ним начался ее передел, и стало возможным появление эффективных собственников. Многие предприятия действительно обрели рачительных хозяев и стали работать эффективнее. То, что сегодня миллионы россиян являются владельцами акций компаний и паевых фондов, – следствие массовой приватизации тех лет.

Подробнее. **Итоги массовой приватизации**

И критики, и сторонники чековой модели, срок действия которой истек 30 июня 1994 года, сходятся в одном: формальный количественный успех программы бесплатной массовой приватизации бесспорен и очевиден. Итоги, лежащие за рамками количественных оценок, остаются предметом острых дискуссий.

С точки зрения идеологов российской приватизации, прагматическим обоснованием введения модели массовой приватизации стал учет реальной ситуации на момент начала технической приватизации: отсутствие

платежеспособного спроса населения; нулевой интерес иностранных инвесторов; наличие свыше 240 тыс. государственных и муниципальных предприятий (что требовало типовых стандартных процедур приватизации); необходимость максимально высоких темпов легального приватизационного процесса (на первом этапе) для блокирования интенсивной спонтанной приватизации.

Не менее важно осознание реально достижимых целей приватизации в переходной экономике на разных этапах трансформации. Достаточно наивно оценивать итоги реализации этой модели по тем формальным целям, которые были записаны в программах приватизации. Реальная цель была лишь одна: временное массовое распределение и закрепление формальных прав частной собственности в российском обществе при минимуме социальных конфликтов в расчете на последующее перераспределение в пользу эффективных ответственных собственников. Иными словами, с завершением реализации модели массовой приватизации оканчивается количественный этап, в рамках которого можно говорить о приватизации только с точки зрения технических определений.

Его важнейшим итогом, с точки зрения перспектив развития новой системы прав собственности, стало формирование новых экономико-правовых механизмов и институциональных структур (данные на сентябрь 1997 года): корпоративный сектор экономики (свыше 30 тыс. АО); рынок корпоративных ценных бумаг, включая инфраструктуру торговли и вторичный рынок акций приватизированных предприятий (капитализация в сентябре 1997 года свыше 100 млрд долларов); система (пока переходная, но уже довольно мощная) институциональных инвесторов; социальный слой, который (с учетом его крайней неоднородности и правовой незащищенности) можно назвать слоем собственников (около 40 млн формальных акционеров по итогам массовой приватизации).

По оценкам Госкомимущества и Министерства экономики, доля государственного сектора в ВВП в 1994 году составляла 38%, в 1996 году – 23%, доля приватизированных предприятий (включая корпорации с государством) – 37 и 39%, доля изначально частных предприятий – 25 и 38%. Для понимания незначительной динамики доли приватизированных предприятий следует учесть, что к концу 1994 года практически все крупнейшие предприятия преобразовались в АО, поэтому доля корпоративного сектора в ВВП не могла весомо измениться в 1995–1996 годах. Нерешенные в 1992–1994 годах задачи (реструктурирование предприятий и привлечение инвестиций) требовали формирования такой приватизационной модели, которая хотя бы частично могла компенсировать предприятиям внеэкономические методы продаж, применявшиеся на первом этапе.

Источник: Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России (1991–1997). М.: ИЭПП, 1998. С. 437–438.

5.3. Ошибки в организации и проведении массовой приватизации

Чтобы иметь списки всех граждан в стране, в рекордно короткие сроки (за месяц) была проведена перепись населения, на подготовку к которой обычно уходят годы. По этим спискам Госкомимущество наделяло население приватизационными чеками. Они были напечатаны и распределялись по огромной территории страны. Отрабатывались процедуры погашения и уничтожения чеков, собранных в ходе аукционов. С масштабностью и трудностью таких организационных проблем не сравнится ни один национальный проект нынешнего времени. С современных позиций хорошо видны допущенные ошибки в организации и проведении массовой приватизации.

В процедуре проведения чековых аукционов не был предусмотрен «сброс» последних акций приватизируемого предприятия. Продажа этих пакетов акций была затянута. Причем речь идет не о блокирующих пакетах, закрепленных за государством в связи с особой важностью предприятия, а просто об остатках, не проданных по различным причинам. Но пока у государства остаются в собственности акции, предприятию трудно привлечь частные инвестиции с помощью новой эмиссии акций, ведь это автоматически уменьшает государственный пакет. А поскольку по закону его уменьшать нельзя, инвестор должен заплатить еще и за пакет акций, который он безвозмездно передаст государству. Но даже если он на это согласен, то по российским правилам бухгалтерского учета это было сделать нельзя.

Инвесторы не хотели вкладывать деньги в предприятия, где был государственный пакет акций, еще и потому, что процедуры управления в них были крайне забюрократизированы. Требовались согласования с Госкомимуществом и отраслевым министерством. Но иностранные инвесторы предпочитают вкладывать деньги туда, где нет бюрократических препон и действует понятное законодательство, гарантирующее их права.

В такой сложной ситуации оказались предприятия, у которых государственными оставались «крохи» – от 5% акций до одной акции. До сих пор такие непроданные пакеты принадлежащих государству акций имеют тысячи предприятий.

Предприятия приватизировались без земли. Без оформления прав на земельные участки предприятиям было нечего закладывать в банке,

если они хотели получить кредит. Банки не принимали в залог старые станки и оборудование, а новых, высокотехнологичных было мало. Собственность на землю – это гарантированные кредиты, а значит, развитие предприятия и рост зарплат. Получить землю под предприятием в собственность по законодательству, действовавшему до принятия Земельного кодекса в 2001 году, было невозможно. Правительство это понимало, но изменить ситуацию не могло, так как не удавалось провести соответствующий закон через Госдуму, контролируемую коммунистами и аграриями.

Но и после принятия нового Земельного кодекса проблема не решена. По сей день 90% земель под предприятиями остается в собственности государства. Цены выкупа установлены слишком высокие. По-прежнему отсутствует единая методология оценки кадастровой стоимости земельных участков. Для того чтобы отбить охоту к ее выкупу даже по таким ценам, ставки налога за приватизированную землю были установлены выше ставок арендной платы. Определение фактической стоимости участка отдано на усмотрение местных властей, что приводит к его необоснованному удорожанию. В итоге предпринимателям предлагается выкупить участок не за 2,5% его кадастровой стоимости, как предусмотрено законом, а за 100%. Фактически российская бюрократия застолбила свою феодальную привилегию распоряжаться землей.

Приватизация нефтяного и газового комплексов проводилась не по общему закону. Указы по «нефтянке» (от 17 ноября 1992 года № 1403) и по «Газпрому» (от 8 декабря 1992 года № 1559) фактически ликвидировали конкуренцию при выкупе предприятий этих отраслей. Они замораживали на определенный срок различные пакеты акций, затягивали приватизацию. Указ по «Газпрому» создал в стране новую монополию, ведущую к росту цен на газ. Последствия такого решения были бы не столь пагубны, если бы выполнили вторую часть этого указа. Она определяла условия договора между «Газпромом» и государством о доверительном управлении концерном. Там прописывались ценовая политика, обязательные условия для дочерних акционерных компаний, порядок продажи акций, допуск новых компаний на рынок и политика по акционерам. Но эта часть не была выполнена, и «Газпром» стал всероссийским монополистом со всеми вытекающими для рынка последствиями.

Не была создана полноценная защита от мошенничества при проведении чековых аукционов. Основными участниками чековых аукционов

стали юридические лица (примерно 2 тыс. на всю страну), которые скупали ваучеры у тех, кто относился к приватизации со скепсисом. Всего граждане продали примерно четверть всех приватизационных чеков.

Процедура чекового аукциона была регламентирована до мельчайших деталей и, казалось бы, исключала серьезные нарушения. Но они все же были, особенно в регионах. Если руководители предприятия не хотели допустить к участию в аукционе нежелательных инвесторов, они публиковали информацию об аукционе так, чтобы ее сложно было заметить потенциальным претендентам. Или аукционный центр закрывался на пару часов раньше, чтобы незваный московский гость с крупным пакетом ваучеров не успел добраться и вовремя сдать их. Таким покупателям заявляли о том, что у них ваучеры «какие-то не такие» или неправильно оформлены депозитные свидетельства.

Другим нарушением стало получение закрытой информации о ходе чекового аукциона. Участнику аукциона важно было незадолго до завершения приема чеков узнать, сколько их подано в расчете на одну акцию предприятия. Тогда можно было приобрести необходимый пакет акций, не переплачивая себе в ущерб.

Серьезной проблемой региональных аукционных центров было хищение ваучеров. Благодаря системе видеоконтроля (что было в те годы новинкой) в московском аукционном центре краж и утечки информации не было, чего не скажешь про регионы. Были злоупотребления и с несвоевременным погашением ваучеров, повторным запуском их в оборот. По этим преступлениям возбуждались уголовные дела по ходу чековой приватизации.

Слабый контроль за деятельностью чековых инвестиционных фондов (ЧИФов). 29% эмиссии ваучеров предназначалось не для работников предприятий, а для остального населения страны. Ваучерами можно было распорядиться самостоятельно. Но многие предпочитали менять их на акции при содействии ЧИФов. По всей стране их на частной основе было создано более 600. Сами ЧИФы приобретали акции предприятий за ваучеры на аукционах. Предполагалось, что на эти акции со временем пойдут дивиденды, которые и реализуют выгоду граждан от доставшейся им доли общенародной собственности. Подавляющее большинство эту долю так и не увидело. Почему?

Прежде всего потому, что приватизация, как уже говорилось, проходила в острейшей фазе кризиса, когда многие приватизируемые предприятия останавливались и приносили не доходы, а убытки.

А большинство из тех, что и тогда приносили доходы, были исключены из программы приватизации или подлежали приватизации только по специальному решению правительства. Поэтому владельцы акций, полученных в обмен на ваучеры, могли рассчитывать на доходы только много лет спустя. Тот, кто поменял свой ваучер на акции «Газпрома», лет через 10 мог бы на дивиденды купить обещанную Чубайсом «Волгу», но уже не хотел. Однако таких были единицы.

Кроме того, руководствуясь благими пожеланиями, правительство сняло с ЧИФов обязанность выкупать свои паи у пайщиков. В отличие от нынешних паевых инвестиционных фондов, ЧИФы могли не опасаться, что пайщики разбегутся из-за их плохого управления портфелем акций. Расчет был на то, что стимулом для управляющих компаний будет 10% прироста стоимости паев ЧИФа. Но в то время цена акций предприятий в пакетах ЧИФов определялась из-за неразвитости фондового рынка по балансовой стоимости. И управляющие компании могли легко поживиться за счет пайщиков, так как из-за инфляции балансовая стоимость производственных фондов акционерных обществ регулярно переоценивалась. Известны случаи, когда управляющие на этом основании легально забирали за год до 1/3 капитала ЧИФа.

Но настоящий пир для управляющих компаний наступил, когда стали заключаться негласные договоренности с крупными акционерами тех обществ, чьи акции были в портфелях ЧИФов. Сговор таких акционеров с управляющими компаниями позволял приобретать акции по бросовым ценам в ущерб интересам пайщиков, но с немалыми откатами для менеджеров управляющих компаний. А формально все выглядело законно.

Всего ЧИФы собрали более 40 млн ваучеров. В них было вложено 25% всех чеков. Но фонды приобрели на ваучеры на аукционах только 10% акций, потому что условия на аукционах были менее выгодные, чем прямые вложения в предприятия через закрытую подписку. Сочетание ошибок законодателей, социального цинизма бизнесменов, банального воровства и низкой профессиональной подготовки управляющих привело к тому, что провалились практически все ЧИФы. 40 млн человек потеряли свои ваучеры и ощутили себя обманутыми.

Этот провал оказал огромное влияние на формирование общего негативного отношения к приватизации еще и потому, что интеллигенция, ожидавшая от разгосударствления больше других, получила от нее меньше, чем ожидала. Интеллигенция предпочитала ЧИФы, поскольку пыталась вложить ваучеры с умом в солидные инвестиционные фонды,

обещавшие хорошие дивиденды («Хопер», «Гермес», «Нефтьалмазинвест» и др.). Но и они оказались заурядными пирамидами. В них потеряли свои ваучеры практически все сотрудники Минфина и самого Госкомимущества.

Сегодня понятно, что для контроля над таким институтом, как ЧИФы, надо было выстроить систему, сопоставимую с системой банковского надзора. Ее удалось создать только к концу 1990-х годов. А в короткие сроки ничего подобного выстроить было просто невозможно.

Инвестиционные конкурсы стали «халявой» для недобросовестных инвесторов. Особо следует отметить провал с инвестиционными конкурсами – продажей предприятий по конкурсу в обмен на обещание инвестиций. От покупателей предприятия требовалось выполнить определенные условия – например, сохранить профиль предприятия или число рабочих мест, финансировать находящиеся на балансе предприятия объекты социальной сферы. Или просто предписывалось вложить в развитие предприятия заданную сумму инвестиций. Права собственности покупателя оформлялись сразу после окончания конкурса, то есть до того как будут реально сделаны инвестиции. При проведении инвестиционных конкурсов работники приватизируемого предприятия за отказ от своего права на выкуп акций получали до 20% продажной цены объекта, но не более 15 МРОТ в расчете на одного работника.

В этом вопросе столкнулись две непримиримые позиции. Чиновники отраслевых министерств называли инвестиционные конкурсы «единственным разумным нововведением во всей этой гнусной приватизации», «наконец-то деньги пойдут в отрасли». Куда они пойдут на самом деле, лоббисты прекрасно понимали. А реформаторы предупреждали, что инвестиционные конкурсы станут неконтролируемой «халявой», «инвестор» за бесценок приобретет пакет акций предприятия под обещание в дальнейшем вложить в него большие деньги, а потом договорится с директором предприятия об изменении плана инвестиций. В итоге предприятие никаких инвестиций не получит, зато личный банковский счет директора пополнится. Госкомимущество выступало резко против инвестиционных конкурсов. Но после отставки Гайдара и назначения премьером В. Черномырдина противостоять требованиям отраслевиков политически оказалось невозможно. Для продолжения приватизации пришлось пойти на компромисс. К сожалению, в подавляющем большинстве случаев с такими конкурсами все сложилось именно так, как предполагали реформаторы.

Была надежда на то, что если инвестор не выполнит своих инвестиционных обязательств, то у него по суду можно будет предприятие отнять. Но в условиях слабого и коррумпированного государства зачастую выигрывал в суде тот, кто имел возможность влиять на судебный процесс с помощью взяток. Были случаи, когда Госкомимущество такие дела в суде выигрывало, но прокуратура под давлением заинтересованных лиц опротестовывала решение суда.

5.4. Причины негативного отношения к массовой приватизации

Из всех экономических реформ, проведенных в России в начале 1990-х годов, население наиболее негативно восприняло либерализацию цен и приватизацию, точнее, ее итоги. В чем причины такого отношения? Их много.

Двойственное отношение к рыночным реформам. В 1991–1992 годах многие были за рынок. Но воспринимали его таким, каким видели в зарубежных фильмах: полные прилавки – и ни слова о конкуренции, об интенсивном труде и возможном банкротстве предприятий. Первые же шаги к рынку со всеми его трудностями и реалиями вызвали резкое отторжение.

Отношение к приватизации было двойственным. Граждане в целом относились к ней вполне лояльно, но только до поры до времени. Население поддерживало приватизацию квартир и мелких земельных участков. А когда пошла приватизация мелкого бизнеса, такой поддержки уже не было. Если в 1992 году приватизацию мелких предприятий поддерживало 64% населения, то к концу 1995 года – только 45%. Аналогичная картина наблюдалась и в торговле, где в 1992 году сторонников приватизации было больше, чем противников, а к 1995 году число тех и других сравнялось. Людям не нравилось, что хозяева магазинов могли менять цены в зависимости от спроса и предложения.

Приватизация крупных предприятий изначально имела больше противников, чем сторонников, к 1995 году разрыв только увеличился. Приобретать акции, быть акционером предприятия казалось многим занятием несерьезным. Большинство не считало нужным тратить время

на изучение перспектив того или иного бизнеса или законодательства о приватизации. Люди спокойно воспринимали тот факт, что семейству Форда принадлежат автомобильные заводы. Но когда выяснялось, что их родной завод стал собственностью россиянина, тем более их соседа или бывшего коллеги, появлялась масса недовольных. Китайцы называли это «болезнью красных глаз».

Отсутствие традиций частной собственности. Не могли люди, более полувека прожившие в административно-командной системе, где коммунистическая пропаганда ежедневно навязывала негативное отношение к частной собственности, сразу принять идею приватизации. Да и в дореволюционной России частная собственность еще не укоренилась. В отличие от россиян, к примеру, у поляков историческая память была вполне рыночная. В Польше никогда не отменяли частную собственность на землю. Многие помнили, как до войны в Варшаве работала биржа, как цены на товары определялись рынком. Поэтому поляки приняли приватизацию и рынок гораздо проще.

Стремление к уравниловке. При негативном отношении к частной собственности в России были сильны и уравнительные настроения. Они существовали еще в царской России, где крестьяне ратовали за регулярный «справедливый» передел общинной земли по числу едоков мужского пола. «Справедливо» – это когда всем поровну, без учета способностей и результатов индивидуального труда, инициативы и предприимчивости каждого. К тому же коммунистическая пропаганда заботливо культивировала уравниловку все 70 лет советской власти, тщательно скрывая при этом привилегии номенклатуры. Впрочем, некоторые ученые-генетики считают, что стремление к уравниловке, выпестованное многими тысячелетиями стадной жизни предков, заложено в наших генах, в то время как традиции частной собственности – лишь наследие культуры.

Противоречие состояло в том, что справедливый дележ государственной собственности большинству представляется дележом уравнительным. А экономическая эффективность, способность инвестировать и развивать предприятие требуют концентрации капитала, каждое предприятие должно обрести хозяина. Если появятся крупные собственники, но нарушится принцип уравниловки, то большинство будет недовольно. Независимо ни от чего. И даже если экономика с годами начнет работать эффективнее, то это не будут связывать с приватизацией, а, скорее, увяжут с новым президентом, при котором ощутили признаки растущего благосостояния.

Государственная собственность была, есть и будет. Будут государственные дороги, общественные здания, Центральный банк и национальные резервные фонды. Но природа госсобственности такова, что у нее объективно нет рачительных хозяев. Чиновники, назначенные ею руководить, не могут по своей мотивации сравниться с частными собственниками. Экономическая статистика упрямо доказывает неэффективность государственных предприятий. Значит, в интересах всего народа следует отдать эту государственную собственность в частные руки, возложить на предпринимателей риски и ответственность за расходы и доходы. Как показывает опыт развитых стран, выигрывают от этого в конечном счете все. Но признать связанное с этим неравенство в богатстве и социальное расслоение психологически чрезвычайно трудно.

Подробнее. **Справедливая и несправедливая приватизация**

У проблемы «один получил мало, другой – много» есть и еще одна грань – значительной части населения (80–90%) функции активного собственника противопоказаны вообще. Не готовы люди к тому, чтобы мыслить категориями «рост курсовой стоимости», «рыночная конъюнктура», «прибыль», «стратегический инвестор». Не готовы или не хотят. Далеко не каждому по душе вся эта сложная арифметика фондового рынка, далеко не каждый внутренне готов взвалить на себя ответственность за бизнес, за судьбы людей, связанные с ним, за эффективность крупных вложений. Даже от собственников совсем мелких пакетов требуются определенные знания, квалификация, умение разбираться в сферах, которые далеко не всем интересны. Мировой опыт показывает, что активными собственниками могут быть лишь 10–15% населения. Один удачно играет на фондовой бирже и конъюнктуре мировых рынков, другой вдохновенно торгует овощами, третий – футболист. И все это нужно обществу.

Поэтому не всегда обоснованы претензии типа: «Вот Гусинский – богатый, а я – бедный». Гусинский тоже в свое время был рядовым работником культуры – театральным режиссером. И стартовые шансы его на заре реформ были не намного больше, чем у учителей и врачей. Сам Гусинский любит подчеркивать, что он сделал свое состояние вовсе не на приватизации, лично ему она ничего не дала. Его бизнес поднимался на операциях с бюджетными деньгами. Этот пример лишний раз демонстрирует, насколько реальная жизнь сложнее и многообразнее расхожих штампов о нажившихся на приватизации. Безусловно, многие из самых богатых в России людей стали таковыми именно благодаря приватизации. Но были и другие источники формирования первоначальных капиталов.

Да, приватизация привела к расслоению. Но если бы ее не было, растаскивание страны происходило бы в неуправляемом режиме и расслоение

было бы еще больше. Реальная проблема, требующая внимания и активных действий, заключается не в том, что кто-то богаче, а кто-то беднее. Страшно другое: когда в результате чудовищного расслоения часть населения нищает и оказывается за гранью достойного человеческого существования. Но не приватизация породила нищету… Многолетняя накачка экономики пустыми деньгами и связанная с этим инфляция; отсутствие сбалансированной бюджетной политики; оголтелое лоббирование интересов самых различных групп влияния и возникающие в результате бесконечные льготы для избранных и приближенных; слабость государственных программ по защите беднейших – вот далеко не полный перечень причин, вызвавших обнищание значительной части россиян. О том, почему проблемы эти не решались годами, в нескольких словах не объяснишь. Для нас (А. Чубайс, правительство. – *Ред.*) самым актуальным способом защитить беднейших была борьба с инфляцией. Потому что нет более эффективного средства вытаскивания из кармана у бедных, чем обесценивание денег.

Источник: Чубайс А.Б. Приватизация состоялась // Приватизация по-российски / под ред. А.Б. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 353–354.

Непонимание природы приватизируемого имущества. Большинство россиян были уверены, что при приватизации госсобственности им должно достаться множество потребительских благ. Людям трудно было понять, что подлежащий приватизации капитал воплощен в ином — в цехах, станках, в организации труда. Что нельзя из кусочка домны выделить «Волгу» или фургон колбасы. К тому же многие предприятия, несмотря на внушительные размеры и богатую историю, на самом деле были убыточными, то есть, с экономической точки зрения, просто грудой металлолома. Вспомним хотя бы наши автомобили «Москвич», которые с появлением иномарок оказалась никому не нужны.

Отсутствие перемен к лучшему. В начале 1990-х годов страна замерла в ожидании: сейчас всё плохо, но как только перейдем к капитализму, немедленно заживем в достатке. Никто не ждал, что трансформационный спад в экономике, связанный с переходом к рыночным отношениям, будет таким долгим. О будущей счастливой жизни мечтали все, но не каждый обрел вожделенное благополучие. И люди стали сваливать на приватизацию собственную неустроенность и все свои беды.

Усталость накапливалась, а перемены к лучшему все откладывались. В конце 1994 — начале 1995 года в отношении к реформам наступил переломный момент, возникло массовое недовольство. Причиной его была не «шоковая терапия», которая в реальности так и не состоялась, а, напротив, непоследовательность и нерешительность в проведении реформ.

В России в отличие от стран Прибалтики, Чехии, Польши экономический спад продолжался гораздо дольше, потому что влиятельные лоббистские группы, прежде всего директора оборонных предприятий, добивались дотаций из госбюджета. В итоге расходы бюджета превышали его доходы и покрывались с помощью печатного станка. Неизбежная при такой политике инфляция снижала уровень жизни населения. В то же время блокировалась структурная перестройка экономики – оттягивались банкротство убыточных предприятий и появление на их месте новых эффективных, производящих продукцию, нужную рынку. Эта причинно-следственная цепочка для основной массы населения была непонятна. На поверхности лежало другое: провели приватизацию – выросли цены. В итоге негативное к ней отношение нарастало.

Подробнее. **Причины и следствия**

Эффективные собственники пока (февраль 1999 года. – *Ред.*) не появились, не стали повсеместным явлением. Это способствует уводу денег в тень, криминализации экономики. Могло ли быть иначе в столь короткий период? Альтернатива, которая подразумевается, – не торопиться, оставить в покое госсобственность. Напомню, что Н. Рыжков не торопился, растаскивание госсобственности началось при нем, в том числе через аренду с выкупом через народные предприятия. «Программа приватизации по Чубайсу» лишь приостановила это растаскивание, ввела процесс в какие-то разумные, законные рамки.

Неопределенность прав собственности, слабая их защищенность, отсутствие развитой инфраструктуры поддержки собственности и балансировки частных и общественных интересов, претензии властей предержащих, особенно в регионах, контролировать имущество и финансовые потоки – важнейшие факторы, которые дестабилизировали хозяйственную жизнь, усиливали недоверие ее участников друг к другу и к государству. Хотя и ошибок в проведении приватизации было немало…

Но в росте социальной дифференциации и кричащих противоречиях между богатыми и бедными приватизация сыграла малую роль. Главными здесь были отрицательная ставка банковского процента, льготные кредиты ЦБ в 1992–1994 годах, пропускание бюджетных денег через уполномоченные банки, а также льготы, квоты и лицензии во внешней торговле на фоне разрыва между внутренними и мировыми ценами на продукты российского экспорта. По оценке А. Ослунда, на долю этих факторов приходится 90–95% всех разворованных государственных средств. Но это то, с чем боролись реформаторы и что защищали многообразные лоббисты. Большинство лоббистов вышло из старой номенклатуры или теневой экономики советских

времен, к ним подключились и некоторые «демократы». Вместе они под шумок реформ ловили рыбку в мутной воде.

Источник: Ясин Е.Г. Российские реформы и финансовый кризис // Коммерсант. 2 февраля 1999 года. № 4 (305). – http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=15125

Не было традиций честного ведения корпоративного бизнеса. В начале 1990-х годов в России таких традиций и не могло быть. Ушло в далекое прошлое правило российских купцов – «прибыль важна, но честь важнее». Многие новые предприниматели не ощущали необходимости придерживаться ни норм закона, которых иногда просто не было, ни норм морали. Партийно-хозяйственная номенклатура и при советской власти не отличалась порядочностью, что было видно по размаху номенклатурной приватизации. Господствовавший в среде «новых русских» социальный цинизм и его смычка с криминалом предопределяли поведение. Трудно было предположить, что люди, ставшие владельцами контрольных пакетов акций предприятий, не будут обманывать мелких акционеров. Стратегия их поведения была проста – прирост личного капитала любой ценой.

Владельцы контрольных пакетов акций часто открывали на своих родственников посреднические сбытовые фирмы. Продукция предприятий отпускалась этим фирмам почти по себестоимости, а они реализовывали ее на рынке по рыночным ценам, оставляя у себя всю прибыль. Такая перекачка прибыли за счет игры цен позволяла не выплачивать дивиденды мелким акционерам и скупать у них акции по бросовым ценам. Преднамеренная задержка зарплаты акционерам-работникам предприятий облегчала скупку у них акций. Подкуп управляющих компаний чековых инвестиционных фондов, коррупционные сделки с чиновниками, заказные убийства конкурентов – вот далеко не полный арсенал противоправных методов обогащения новой российской бизнес-элиты.

Отсутствие законодательства, защищающего права акционеров. В 1993–1994 годах механизмы защиты прав акционеров в России еще не были выработаны. Поэтому директора и владельцы контрольных пакетов акций продолжали вести себя как абсолютные хозяева предприятий, выбрасывая из реестра акционерного общества неугодных акционеров. С таким произволом удалось справиться после того, как во второй половине 1990-х годов была создана нормативная база по регулированию рынка ценных бумаг. Тогда массовым стало иное покушение на права акционеров – размывание уставного капитала.

Держатель контрольного пакета проводил дополнительную эмиссию акций, и весомые 5% превращались в абсолютно бесправные 0,5%.

Подробнее. **Причины неправильного поведения собственников приватизированных предприятий**

Собственники приватизированных предприятий повели себя не «по-европейски»: выжимали из предприятий все соки, прибыль вывозили из страны, а не инвестировали в развитие. Почему? Сказалась существенная разница в культуре. Европейские бизнесмены привычны к рыночной экономике. Для них право собственности, контракт, суд являются реальными. Но главное – они уверены, что собственность у них никто не отнимет, поэтому определяют стратегию развития, заботясь не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне, о том, что они оставят детям, внукам и правнукам.

В России – даже по сравнению с Восточной Европой – традиций частной собственности практически не было. А те, что возникли на рубеже XIX–XX веков, были уничтожены. Первые легальные предприниматели, которые появились в конце 1980-х годов, естественно, стремились хапнуть сегодня, так как неизвестно, что будет завтра. Долгосрочные стратегии выстраивали единицы, а подавляющее большинство было уверено: первую прибыль нужно вывезти за рубеж, там купить фазенду, вложить деньги в банк, создать резерв для себя и семьи на «черный» день. А потом посмотрим…

В начале 1990-х годов в России фактически с нуля были созданы основные институты рыночной экономики: частная собственность, открытая экономика, свободные цены, свободная торговля. А требовалось гораздо больше экономических и политических институтов, чтобы работали они, а не персоны. Нужно было создать новую политическую культуру и бизнес-культуру. Но если бы даже первоначально созданные институты нормально обустраивались, развитие нашей страны и общества постепенно вошло бы в цивилизованное русло. А «родовые травмы», в конце концов, зарубцевались бы.

Источник: Сложный переход к рынку. Интервью с Е.Г. Ясиным. – www.ru-90.ru

***

Не любят в России «новых русских». Говорят: не тот инвестор, не такой! Стратегический инвестор, кристально чистый и честный, не спустится к нам из заоблачной выси. Наши «новые русские» – из советских директоров, со всеми их плюсами и минусами, либо из бывших кооператоров и прочих коммерсантов от «перестройки», либо из бывших региональных политических элит. У всех у них свои «родимые пятна», но именно из них и рекрутируется реальный стратегический собственник. Однако никакой выгоды от появления такого собственника ни производство, ни люди не почувствуют до тех пор, пока он не принесет с собой мешок денег: «Вот вам на зарплату, а вот на развитие». Иными словами, формирование эффективного

собственника станет заметным только тогда, когда будет оплодотворено реальными финансовыми потоками.

А с деньгами не густо. И опять: «Приватизация виновата! Собственность раздали, а инвестиций как не было, так и нет». Но сама по себе приватизация не может обеспечить приток инвестиций… Внутренние источники инвестиций только начали формироваться (написано в 1999 году. – *Ред.*). Они появляются лишь в том случае, если решаются проблемы более высокого порядка: финансовая стабилизация; обеспечение права собственности (никаких серьезных инвестиций в сельское хозяйство мы не увидим до тех пор, пока право собственности на землю не будет закреплено возможностью покупать и продавать ее, как всякую другую собственность); снижение процентной ставки, минимизация политических рисков. Внешних источников нет в силу политической нестабильности в стране.

И все же… приватизация создала основу для того, чтобы инвестиции могли привлекаться и использоваться цивилизованно. Ведь почти каждый способ инвестирования в основе своей имеет акцию. Созданный с помощью приватизации рынок акций предприятий, или рынок корпоративных ценных бумаг, соединяет финансы с имуществом, частные финансы с частным имуществом. И не просто соединяет, а в режиме, когда доступ к финансовым ресурсам получают наиболее умелые собственники – и при условии цивилизованной работы. Десятки позиций согласуются при совершении сделок: начиная с открытости баланса, данных бухгалтерской отчетности и заканчивая независимым реестродержателем, наличие которого свидетельствует о невозможности контроля над собственностью со стороны менеджмента. Абсолютная прозрачность предприятия – одно из главных условий привлечения инвесторов.

Конечно, это идеализированная картина. Те, кто инвестирует, как правило, вкладывают деньги параллельно с покупкой акций. Просто дать кредит – пока еще очень рискованно. Но это нормальная ситуация. Мы имеем дело с контролем, причем не бюрократическим, а частным, заинтересованным. Тот, кто вкладывает деньги, должен быть уверен, что он получит реальную прибыль. Очевидно, что такая система взаимоотношений может выстроиться только благодаря приватизации.

А с развитием рынка корпоративных ценных бумаг растет и стоимость акций предприятий – причем не на проценты, а в разы… Увеличивается стоимость имущества предприятий – и не в результате надуманной переоценки основных производственных фондов по рецептам советских академиков. Рост стоимости признается реальными потребителями, готовыми выложить за акции растущего в цене предприятия живые деньги. Все это вполне естественно, потому что имущество приватизируемых предприятий было недооценено. Но не по причине плохой приватизации, а в силу неразвитости рынка ценных бумаг и высоких политических рисков. Какая могла быть оценка имущества летом 1996 года, перед президентскими выборами? Вопрос стоял иначе: будет ли собственник этого имущества существовать?

> Изменения, связанные с ростом стоимости приватизированного имущества на рынке корпоративных ценных бумаг, еще не очень заметны в обычной жизни (1999 год. – *Ред.*). Люди каждый день сталкиваются с другими реалиями: зарплату не платят, уровень жизни не растет. Но специалистам понятно: рост цен на имущество обязательно скажется позитивным образом на общем состоянии российской экономики. Ведь это – фундаментальные изменения с большой перспективой. И появляются они именно благодаря приватизации.
>
> *Источник:* Чубайс А.Б. Приватизация состоялась // Приватизация по-российски / под ред. А.Б. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 363–366.

Недоработки пропагандистской кампании. Для успеха приватизации необходимо было не только разработать и провести через оппозиционно настроенный парламент необходимые нормативные документы, но и убедить 150 млн человек пойти получить приватизационные чеки, а потом еще и осмысленно вложить их. На разъяснительную работу среди населения Госкомимущество направляло много средств и усилий. Приватизация оказалась самой освещенной в средствах массовой информации рыночной реформой. Как показывали опросы тех лет, с причинами инфляции люди разбирались значительно хуже, чем с пониманием необходимости приватизации.

И все же в пропагандистской кампании были промахи. Слова Чубайса о цене ваучера, равной двум «Волгам», припечатались к нему на всю жизнь. И хотя стоимость акций некоторых предприятий (5–6 тыс. рублей), купленных за ваучер, была сопоставима с ценой подержанной «Волги», это не стало аргументом для основной массы населения. Как потом признал А. Чубайс, на старте реформ он недооценил масштаба неизбежного падения цен из-за неразвитости рыночной инфраструктуры, что сильно сказалось на стоимости акций приватизируемых предприятий. Результатом стала завышенная оценка ваучера и крах несбывшихся надежд, негативные последствия для имиджа приватизаторов. Как следствие – охлаждение большинства граждан к рыночным реформам, политический ущерб для партий и движений, их поддерживавших.

***

Как ни странно, всеобщая неудовлетворенность итогами российской приватизации свидетельствует, скорее, о ее успехе. Проведя приватизацию государственной собственности, реформаторы не дали явного преимущества ни одной социальной группе. В результате каждая из них посчитала себя обиженной. Работники предприятий обиделись,

потому им не дали возможности умерить аппетиты директоров, директора – потому что во многих случаях не получили полного контроля над приватизированными предприятиями. О том же сожалели и внешние инвесторы. И чиновники министерств не получили той части общественного пирога, на который рассчитывали. Всем пришлось договариваться, в обществе был реально достигнут компромисс.

Нет ни одной страны, где широкие массы позитивно оценили бы результаты приватизации. Везде ее называют «обманом», «аферой». После десятилетий социалистического равенства в бедности, людям трудно принять социальное расслоение, связанное с приватизацией. Так было и в Венгрии, и в Восточной Германии, и в Польше.

Согласно опросам, проведенным ЕБРР в 2007 году в 28 странах с переходной экономикой, 81% опрошенных отрицательно оценивает приватизацию в своих странах, признает ее нелегитимной. И это спустя 15–18 лет. Формы отрицания разные: от требования национализации (29%) и переприватизации (вернуть государству и приватизировать более прозрачно – 17%) до требования компенсационных доплат с владельцев предприятий (самая мягкая форма – 35%). По сравнению со средними итогами Россия выглядит более консервативно: за национализацию в ней – 37%, против – 29%, за доплаты с владельцев – 32%, против – 35%. Получается, что если во время проведения приватизации еще можно добиться поддержки населения, то после подведения ее итогов большинство чувствует, что ожидания не оправдались, власти поступили несправедливо, допустили, что выиграло меньшинство. Конкретные различия в уровне недовольства и оценках причин несущественны.

Стоит начать ревизовать итоги приватизации, как это стимулирует новый передел собственности, подорвет склонность к инвестициям. Вопросы ЕБРР о том, вернуть ли собственность государству или заставить собственников доплатить, не случайны. Они задаются потому, что в ряде стран, в том числе в России, налицо низка защищенность прав частной собственности.

Надо пережить эту беду, возместив большинству населения возврат к капитализму ростом благосостояния и расширением возможностей самореализации. Постепенно экономика, основанная на частной собственности, доказывает свои преимущества. Люди пользуются плодами приватизации, даже относясь к ней негативно, уровень жизни растет, и споры постепенно утихают. Впрочем, всегда находятся политики

и партии, готовые спекулировать на этой болезненной теме в поисках голосов протестного электората. Как долго это будет продолжаться в России, покажет время.

Подробнее. **Почему россияне негативно относятся к приватизации?**

В самом начале приватизации в массовом сознании отсутствовало представление об экономической неизбежности движения страны по этому пути. Поддержка курса на приватизацию фактически означала поддержку действующей власти. При этом ожидание «проигрыша» для себя лично было у людей довольно высоким, а с годами оно только усиливалось.

Особую роль в закреплении скептических и негативных установок сыграли риторические приемы, избранные политическими элитами для публичного обсуждения приватизации: провозглашение ваучерной приватизации «народной» формой участия граждан в разгосударствлении собственности, а также выдвижение на первый план «трудового коллектива»… Популистская риторика подпитывала и закрепляла, с одной стороны, устойчивые патерналистские установки в отношении государства как основного источника и гаранта благополучия, с другой – столь же традиционную подозрительность, страх и даже готовность быть «в очередной раз» обманутыми.

Отсутствие реального опыта, навыков, информации об обращении с ценными бумагами, неразвитость соответствующих институтов, помноженные на привычный скепсис, привели к тому, что в общественном мнении почти сразу возобладало недоверчивое или даже резко отрицательное отношение к ваучерной приватизации – этой якобы демократической форме участия населения в приобретении собственности. По данным опросов 1993 года, 50–55% респондентов считали предоставление населению приватизационных чеков «показухой, которая реально ничего не изменит»; с тем, что «это шаг к тому, чтобы люди могли стать собственниками», соглашались не более 15–20%.

Большинство опрошенных (74% в 1993 году) изначально считали, что в результате приватизации основная часть предприятий перейдет в руки «ограниченного круга лиц», а не «широких слоев населения». При этом будущий собственник воспринимался преимущественно негативно, несмотря на развернутую пропагандистскую кампанию, прославление нового типа «хозяина» предприятия.

Работники приватизируемого предприятия, как правило, с трудом могли сказать, кому оно достанется. Примерно одна пятая опрошенных хотела бы видеть в этом качестве трудовой коллектив и собрание акционеров, примерно столько же полагали, что собственником станет «нынешняя администрация и директор». При этом доверие к «начальству» и оценка его способности успешно действовать в новом статусе были невысокими. Многие опрошенные испытывали ощущение подневольности, комплекс «заложничества».

Хотя среди респондентов данной группы около трети в начале 1990-х годов составляли сторонники приватизации, около половины не имели ясного представления об экономических целях и последствиях разгосударствления предприятий, о том, как это скажется на их собственной жизни. Существенно, что социальные ожидания, вызванные приватизацией, изначально связывались почти исключительно с гарантиями сохранения рабочего места и с повышением зарплаты, – об эффективности производства и интенсификации труда задумывались редко.

Важно подчеркнуть: у работников приватизированных предприятий и у населения в целом до сих пор отсутствует ясное понимание того, что капитал – это не просто богатство, что собственность неотделима от сложнейшей системы экономических, социальных и правовых отношений, возникающих в связи с владением, распоряжением и пользованием ею, – системы. По мере того как основная масса россиян все сильнее страдала от негативных последствий реформ (прежде всего роста скрытой безработицы и невыплаты зарплат), увеличивалось число людей, воспринимавших приватизацию как незаконное присвоение ограниченным кругом лиц, приближенных к власти, государственного (то есть народного) добра, его разграбление и разбазаривание.

При этом «незаконность» понималась не как «несоответствие» существующему законодательству – о нем подавляющее большинство населения имело лишь смутное представление. Любая деловая или экономическая активность, будь то участие в кооперативном движении, предпринимательская инициатива или приобретение крупной частной собственности, изначально воспринимается массовым сознанием как нарушение прежних норм и описывается преимущественно в «криминальных» категориях. Сначала – как «спекуляция», жульничество, махинации, затем – как происки всесильной мафии и организованной преступности, после завершившейся приватизации – как целенаправленная деятельность коррумпированного чиновничества, связанного с финансовыми и олигархическими группировками, приближенными к власти.

Такое восприятие не лишено справедливости и имеет реальные основания. Но сформировано оно не собственным опытом и знаниями, а ориентированными на широкую публику СМИ. Чрезвычайно важно, что в публичной сфере не было создано противовеса этому доминирующему негативному восприятию: не был предложен позитивный, аналитический и просветительский по своим задачам подход к обсуждению реформ и приватизации, связанного с ними социальных, культурных, этических и правовых проблем.

В результате люди вынуждены были решать эти проблемы поодиночке, на свой страх и риск – так, как они умели или, точнее, привыкли. В предоставленном самому себе «обществе» все слабее становилось чувство сопричастности к происходящему в стране и все сильнее – отчуждение от коллективных сфер существования (политики, экономики). По мере роста отчуждения

происходила «реанимация» прежних советских идеологических конструкций – позитивного отношения к роли государства в управлении собственностью и к его участию в экономике, возникала ностальгия по прежней распределительной системе.

Только приватизация жилья была изначально поддержана практически всеми россиянами, несмотря на то, что ее последствия, прежде всего в отношении порядка и масштабов оплаты, были непрозрачными. Достаточно широкой поддержкой пользовалась и приватизация мелких предприятий, сферы торговли и услуг (в 1995 году – 68% опрошенных, в 1997 году – 69%, в 2000 году – 79%), а также небольших земельных участков – тех объектов, которые не выходили за рамки «обывательской сферы», частной, повседневной жизни.

Приватизация жилья воспринималась как государственное распределение, поскольку за людьми закреплялась жилая площадь, которой, по сути, они и так уже владели. Позитивное отношение к приватизации жилья определялось и тем, что, невзирая на обычную, до боли знакомую советскому человеку бумажную волокиту, проводилась она почти бесплатно и не требовала непривычных усилий. Открывшаяся возможность купли-продажи недвижимости, надежного вложения денег, залога и получения кредитов способствовала изменению понимания смысла и ценности частной собственности. Хотя и сегодня для большинства населения характерно узкое понимание частной собственности, почти тождественное советскому представлению о личном имуществе. Насильственное отчуждение собственности все еще представляется массовому сознанию весьма вероятным. Иными словами, в этой сфере для обычного человека речь преимущественно идет о возможности приобретения благ, в то время как система возникающих в связи с приватизацией жилья социальных и правовых отношений, относящихся к владению, пользованию и распоряжению частной собственностью, не осознается в полной мере. Поэтому их с большой натяжкой можно назвать подлинными, сознательными собственниками.

По данным опроса 2004 года, право владеть собственностью особенно важным для себя считали 30% опрошенных (для сравнения: право на свободу слова важным считали 24% респондентов, на свободу перемещения – 13%, избирательное право – 14%). А вот право защищать частную собственность в суде назвали особенно значимым не более 5–7%. Реальный опыт операций на рынке жилья, их в значительной мере теневой характер не убедили граждан в том, что их недвижимость надежно защищена законом… В том, что в России можно законными методами, через суд, восстановить свои нарушенные права, определенно уверены 4% опрошенных... Готовность обратиться в суд и надежда отстоять там свои права остаются на протяжении всего постперестроечного периода чрезвычайно слабыми. Сказываются не только традиционное для россиянина нежелание изучать и отстаивать свои права, недостаток опыта и информации и даже не отсутствие независимого суда. Главное – в массовом сознании само «государство», чьи институты

и служащие творят произвол, остается инстанцией или силой, стоящей над правом, а не встроенной в него.

Источник: Зоркая Н. Приватизация и частная собственность в общественном мнении в 1990–2000 годах // Отечественные записки. 2005. № 1. – http://www.strana-oz.ru/?numid=22&article=7009

5.5. Денежная приватизация – залоговые аукционы – выборы президента

После окончания чековой приватизации в государственной собственности остались десятки промышленных гигантов. Они были изъяты из программы массовой приватизации под нажимом «красных директоров», чье лобби в правительстве в 1993–1995 годах было очень влиятельным. Продажа акций нефтяных компаний была запрещена парламентом. Находились поводы отказать в их приватизации, связанные якобы с «национальной безопасностью». Нефтяные гиганты, металлургические комбинаты, морские пароходства, «Норильский никель» и др. находились под полным контролем директоров, многие из которых были тесно связаны с КПРФ и оставались решительными сторонниками государственной собственности и административно-командной системы.

Подробнее. **Кризис неплатежей в «нефтянке»**

В 1993–1994 годах в условиях галопирующей инфляции компаниям было выгодно задерживать оплату за товары и услуги. Хорошо было только автозаправочным станциям, с которыми клиенты рассчитывались наличными. Поскольку правительство активно практиковало «товарные кредиты», нефтяникам приходилось отпускать нефтепродукты в долг, а крупные потребители – сельское хозяйство и силовые министерства – денег за них не возвращали. Нефтеперерабатывающие заводы, пострадавшие от неплатежеспособных аграриев и силовиков, не торопились расплачиваться за полученную от нефтедобывающих компаний нефть. Вклад в кризис неплатежей внесли и директора некоторых НПЗ, которые «прокручивали» оборотный капитал вместо того, чтобы платить нефтедобытчикам. В результате добывающим предприятиям пришлось хуже всех. Им оставалось лишь сокращать инвестиции, закрывать скважины и задерживать зарплату. Не получавшие денег нефтяники в ответ бастовали. Популярным на митингах стал плакат «Голодный нефтяник – позор России!».

Осенью 1993 года вспыхнула отраслевая стачка из-за того, что нефтяники не получали зарплату более полугода. Тогдашняя система налогообложения привела к тому, что практически весь фонд оплаты труда работников нефтегазовых отраслей облагался прогрессивным налогом на прибыль, а реальная зарплата нефтяников и газовиков – прогрессивным подоходным налогом. Тогда бастовало около 7 тыс. человек, грозя перекрыть поставки нефти и газа в Европейскую часть страны. Рабочие приняли обращение к трудящимся Надымского района и всем гражданам России с призывом выразить солидарность с бастующими. «Больше года правительство и многочисленные комиссии занимаются обманом. Все наши обращения к президенту, правительству остаются безответными. Сегодня грабительскими налогами нас поставили на колени», – говорилось в обращении.

Неплатежи росли, предприятия нищали, налоги не вносились вовремя. Пришлось возвращаться к натуральному хозяйству. В Тюмени в 1994 году был подписан самый крупный договор об уплате налогов сырьем в бюджет области. Нефть «Ноябрьскнефтегаза» власти поставляли на Омский НПЗ, нефтепродукты – в Кемеровскую область, откуда через «Кузбассразрезуголь» в Тюмень шел уголь для отопления городов. А «Нижневартовскнефтегаз» выплачивал в бюджет Нижневартовска «живыми деньгами» только 11%, остальное – продукцией.

Источник: Пусенкова Н.Н. Российская нефтяная промышленность: двадцать лет, которые потрясли мир. – www.ru-90.ru

Отраслевых министров, которые выступали категорически против реальной приватизации в своих отраслях, поддерживал первый вице-премьер О. Сосковец, второй человек по реальной политической власти в стране, и министры-силовики, для которых приватизация оставалась узаконенным расхищением государственной собственности.

Экономические причины залоговых аукционов

Денежная приватизация формально стартовала 1 июля 1994 года, когда завершилась чековая приватизация. Вторая половина 1994 года ушла на раскачку, не было даже бюджетного задания по доходам от приватизации. Не было и активных продаж. В 1995 году стержнем приватизационной политики стала продажа оставшихся в собственности государства пакетов акций предприятий.

К середине 1995 года так и не удалось снизить инфляцию до уровня, когда возможен экономический рост. Бюджет, эмиссионное финансирование которого было прекращено, трещал по швам, план по доходам от приватизации был провален — его удалось выполнить лишь на 54%. Хронический дефицит бюджета требовал продавать дороже, больше,

быстрее. Но избыточное предложение наталкивалось на отсутствие платежеспособного спроса и угрожало падением цен акций, крахом фондового рынка. Выгодно продавать предприятия не удавалось.

Возможная цена продажи приватизируемого имущества зависит от экономической и политической ситуации в стране, от хода экономических и политических реформ, от доверия к власти, к ее решимости последовательно проводить необходимые преобразования, в конечном счете – от уверенности граждан в будущем, В ходе приватизации цену надо было устанавливать, исходя из платежеспособного спроса и, что особенно важно, из того, как быстро следует приватизировать объект. Продажа пакетов акций даже наиболее привлекательных предприятий была экономически неэффективна из-за очевидной недооценки их активов и трудна из-за многостороннего лоббирования и начавшегося в некоторых отраслях передела собственности.

Положение осложнялось огромным заданием по приватизации на 1995 год: Госкомимущество обязано было перечислить в бюджет свыше 8 трлн рублей. В момент принятия бюджета правительство само настояло на столь высокой цифре, рассчитывая продать акции нефтяных компаний и за счет вырученных денег решить все бюджетные проблемы с зарплатами, пенсиями, денежными пособиями военнослужащим. Госдума задание по приватизации утвердила, но одновременно в законе о бюджете запретила продажу акций нефтяных компаний. Правительство оказалось в капкане: «стахановское» задание по доходам бюджета получено, а источник доходов перекрыт. Это был хорошо просчитанный депутатами-коммунистами политический ход: накануне выборов продемонстрировать якобы полную несостоятельность правительства.

В 1995 году ориентация на пополнение бюджета за счет доходов от приватизации в условиях экономической и политической нестабильности замедлила темпы приватизации. В погоне за доходами на аукционах и инвестиционных конкурсах были значительно увеличены начальные цены на объекты приватизации и пакеты акций. Но торги нередко срывались – не находилось желающих в них участвовать. Выгодно продать можно было только «нефтянку». О продаже «Газпрома» вопрос тогда не стоял, да и сейчас не стоит. Рассчитывать на серьезные доходы от продажи других компаний не приходилось. Попытка продать «Связьинвест» завершилась неудачей. В итоге к концу августа 1995 года удалось получить лишь около 500 млрд рублей доходов от приватизации, то есть 16% от годового задания.

К тому же надвигались парламентские выборы, и потенциальные инвесторы были напуганы возможностью коммунистического реванша. Ожидать сколько-нибудь существенного предложения денег с мирового финансового рынка не приходилось. Сказался и финансовый кризис в Мексике, после которого возникло недоверие ко всем развивающимся рынкам: они нестабильны, вложения в них слишком рискованны.

Рыночные экономические реформы «зависли». Был велик шанс того, что они останутся в нашей истории очередной неудачной попыткой преобразований. В такой тупиковой ситуации правительство оказалось перед выбором:

- **вернуться к бесплатной приватизации, не обращая внимания на неспособность государства выплачивать пенсии и социальные пособия,**
- **или создать сильные стимулы для крупных покупателей, предоставить им большие преференции, скидки, чтобы пополнить бюджет, погасить долги перед бюджетниками.**

На что решился бы ты?

Решение было найдено в залоговых аукционах. Если акции нельзя продать, их следует заложить, получить деньги в счет возможной в будущем продажи. Вырисовывалась такая схема: государство передает банкам, победившим на аукционах, во временное управление пакеты акций крупнейших предприятий, в том числе нефтяных компаний. Банки в обмен на акции предоставляют правительству кредит, используемый для финансирования бюджетных расходов. По истечении определенного срока правительство обязано на конкурсе продать заложенные акции, из вырученных денег возвратить кредиты. Иначе акции перейдут в собственность банков-кредиторов.

Передача крупных предприятий в залог в обмен на получение кредитов давала шанс погасить задолженность по зарплате, решить другие проблемы предприятий. Банки-залогодержатели контрольных пакетов акций были вынуждены принимать меры к оживлению работы предприятий. Во многом им это удалось. И социальные протесты пошли на убыль.

Чтобы снять широко распространенные опасения по поводу экспансии иностранных фирм, правительство заложило акции исключительно в российских банках. Но даже крупнейшие российские банки

того времени по мировым стандартам были небольшими и предложить высокие цены за выставляемые акции не могли. А привлечение зарубежных банков политически было неприемлемо, да и вряд ли возможно, так как они понимали, насколько сомнительными были в России гарантии прав собственности.

В ноябре–декабре 1995 года состоялось 12 залоговых аукционов по крупнейшим российским предприятиям, которые принесли в бюджет 5,1 млрд деноминированных рублей, включая 1,5 млрд рублей погашенной задолженности предприятий государству. Из 12 пакетов акций предприятий, выставленных на залоговые аукционы, самыми крупными стали:

«Норильский никель» – 51% акций, кредитор ОНЭКСИМбанк, кредит 170,1 млн долларов;

«ЮКОС» – 45% акций, кредитор банк «Менатеп» через ЗАО «Лагуна» (город Талдом Московской области), 159 млн долларов;

«СИДАНКО» – 51% акций, кредитор ОНЭКСИМбанк, кредит 130 млн долларов;

«Сибнефть» – 51% акций, кредитор банк МФК (фактически консорциум из МФК и «Альфа-групп»), кредит 100,3 млн долларов;

«Сургутнефтегаз» – 40,12%, НПФ «Сургутнефтегаз» (гарант – ОНЭКСИМбанк), кредит 88,9 млн долларов.

Эти аукционы представляли собой завуалированный самовыкуп пакета акций предприятиями или прямую неконкурентную продажу пакета акций заинтересованным банкам.

Подробнее. **Залоговые аукционы: пополнение бюджета и скандалы**

За месяц до окончания 1995 года Госкомимущества не терял надежду выполнить взятые на себя обязательства по доходам от приватизации, за которые его глава А. Кох отвечает головой. Легко догадаться, что ГКИ будет сопротивляться любым попыткам отсрочить или отменить залоговые аукционы… Кох объявил о решении Московского арбитражного суда отклонить иск Архангельского ЦБК к Госкомимуществу. Руководство предприятия считает, что ГКИ имеет право закладывать только пакеты акций, находящиеся в федеральной собственности, а временно закрепленные – нет. Судебная инстанция однозначно встала на сторону ГКИ, и аукцион по этому предприятию состоится в запланированные сроки.

Неудивительно, что, несмотря на сопровождающие залоговые аукционы скандалы, их итоги внушают правительству возрастающий оптимизм. По информации А. Коха, уже получено 1,5 трлн рублей – половина от запланированных средств, при этом пока переданы в залог только четыре пакета

акций. Что же касается предстоящих торгов, то Кох рассчитывает получить еще минимум 2 трлн рублей без учета размеров задолженности бюджету выставляемых на торги предприятий. Четверть этой суммы ГКИ планирует получить за счет залога 51% уставного капитала АО «Сибнефть», причем для этого лота определены довольно жесткие дополнительные условия. К аукциону не допускаются нерезиденты и юридические лица с долей иностранного капитала более 25%; компании, задолжавшие бюджету и внебюджетным фондам более 50 млрд рублей, а также должники самого АО «Сибнефть»… Крайним сроком перечисления средств победителями последних аукционов считается 4 января 1996 года, после чего будут подведены окончательные итоги.

Источник: Самойлова Н. ГКИ твердо намерен довести залоговые аукционы до конца // Коммерсант. 1 декабря 1995 года. № 223 (941).

Подробнее. **Госдума и арбитражный суд о залоговом аукционе по «Норильскому никелю»**

Поводом для февральских 1996 года парламентских волнений стал конфликт руководства «Норильского никеля» с ОНЭКСИМбанком, получившим госпакет акций предприятия в результате залогового аукциона. Не вдаваясь в подробности конфликта, Госдума подняла вопрос о вредности залоговых аукционов вообще. Дескать, банки могут не вкладывать деньги в производство, а просто перепродавать полученные пакеты. Было даже заявлено, что в результате залога госпакета дела на «Норильском никеле» резко ухудшились.

Однако на первом же заседании Думы, посвященном этому вопросу, оказалось, что все не так просто. Дела на предприятии резко ухудшились не в результате залогового аукциона, а еще тогда, когда госпакет его акций фактически принадлежал руководству предприятия. Тот факт, что именно руководство «Норильского никеля» проводит неэффективную финансовую политику, подтвердил глава Красноярской администрации В. Зубов… Дума создала комиссию для проверки хода приватизации предприятия и вызванных этим социально-экономических проблем. Комиссия работала в течение четырех месяцев. Тем временем сменилось руководство предприятия, и конфликт с банком был улажен… Госдума своим постановлением подвела итоги работы комиссии… В нем… сказано, что возврат к прежней ситуации не решит проблем «Норильского никеля», не предотвратит неминуемого его банкротства, поскольку государство не располагает 4–5 трлн рублей для восстановления оборотных средств предприятия и поддержания минимально приемлемого уровня производства. А тяжелое состояние предприятия объясняется резким ухудшением общего состояния экономики и плохим руководством еще до залогового аукциона…

Источник: Бойко Б. Депутатам понравилось изучать предприятия // Коммерсант. 8 июня 1996 года. № 96 (1054).

***

Решение Арбитражного суда свидетельсвует о том, что в России уже создана правовая система, худо-бедно защищающая права акционеров. ОНЭКСИМбанк, обладающий большинством голосов в составе акционеров РАО «Норильский никель», вопреки противодействию руководства предприятия получил право провести внеочередное собрание акционеров. То есть он имеет возможность приступить к реализации собственной стратегии развития предприятия. Уже один этот факт способен повысить доверие инвесторов к России… Кроме того, сейчас можно увереннее говорить о том, что партия «отдай федеральный пакет»… имеет в кабинетах власти большее прикрытие, чем партия промышленников.

Источник: Что проясняет решение Арбитражного суда? // Коммерсант. 28 февраля 1996 года. № 32 (990).

Политическая причина залоговых аукционов

Экономическими аргументами в пользу проведения залоговых аукционов стали бюджетный кризис и провал заданий по денежной приватизации. Но была и политическая причина – приближавшиеся президентские выборы 1996 года, на которых высокие шансы на победу имел лидер оппозиции Г. Зюганов.

Исполнительная власть была дискредитирована тяжелейшим положением в экономике, низким уровнем жизни и невыплатами зарплат. Из-за трудностей, связанных с проведением рыночных реформ, поражением в первой чеченской войне Б. Ельцин утратил былую популярность. Народная поддержка перешла к коммунистам. 17 декабря 1995 года они победили на выборах в Государственную Думу, ее возглавил их представитель Г. Селезнев. За коммунистов голосовали те, кому потрясения, связанные с крахом СССР, дались тяжело, прежде всего малообеспеченные граждане. Поэтому руководство КПРФ было заинтересовано в том, чтобы бедных в России было как можно больше. На это была направлена реальная политика коммунистов в Госдуме, какие бы красивые слова в пользу бедных они ни произносили.

Впереди были демократические выборы президента, на которых по всем прогнозам Ельцин должен был потерпеть поражение. В исторической развилке «вперед к рынку с Ельциным или назад к социализму с коммунистами» ключевую роль играли «красные директора», по-прежнему владевшие «командными высотами» в экономике. Крупное предприятие, формально находившееся в государственной собственности, в действительности было под полным контролем директора –

нередко члена ЦК КПРФ. Он управлял активами предприятия фактически бесконтрольно. Ясно было, какую помощь он окажет в финансировании избирательной кампании Г. Зюганова и за кого порекомендует голосовать тысячам работников своего предприятия.

Если исход выборов зависел от численности протестного электората, то логика политической борьбы толкала такого директора на задержку выплаты зарплаты. Причем ответственность за задержку можно было сваливать на правительство, на президента. Ведь многие и так винили исполнительную власть во всех трудностях и невзгодах, переживаемых страной, не видя их прямой связи с 70-летним коммунистическим экспериментом и саботажем реформ коммунистическим большинством в парламенте.

Ситуация казалась безвыходной. Что было делать президенту и правительству:

- **отступить, видя, как в Польше наследники коммунистов на короткий срок вернулись к власти, но не остановили рыночных реформ,**
- **или найти законный способ сместить со своих мест «красных директоров», чтобы не дать им использовать свое положение в попытке вернуть коммунистов к власти и повернуть развитие России вспять.**

Какой вариант выбрал бы ты?

Российские коммунисты тех лет не были похожи на польских социал-демократов. Получив исполнительную власть (в Госдуме у них уже было большинство), они не отдали бы ее на очередных выборах. Скорее, вновь ввели бы безальтернативные выборы или отменили их вовсе, как сделали это в 1917 году. Победа Зюганова в 1996 году была бы катастрофой для России с тяжелейшими последствиями и обязательно с большой кровью.

Подробнее. **Россия – не Польша**

На протяжении последнего десятилетия общественное мнение в Польше, Словакии и Балтии сравнительно легко колебалось от левых к правым и обратно. Причем политический маятник не просто раскачивался в разные стороны: амплитуда его колебаний становилась все более узкой; левые и правые находили все больше общих точек соприкосновения, а их электорат никогда не разделяла мертвая полоса отчуждения.

В польском правительстве сложился прочный и работоспособный тандем: президент-посткоммунист А. Квасневский и первый вице-премьер, «отец» польских либеральных реформ Л. Бальцерович. Тот самый Бальцерович, который после проведения шоковой терапии в 1992 году ушел из правительства всеми проклинаемый и ненавидимый. Польше хватило 7 лет, чтобы ненависть к либералам уступила доводам здравого рассудка; чтобы коммунисты отошли от своих мертвецких догм настолько, что оказались в состоянии конструктивно сотрудничать с либералами; чтобы «красные» превратились из партии безответственных трибунных ниспровергателей в ответственную и прагматичную политическую силу.

В России все гораздо сложнее. Ни такого откровенного сближения бывших политических антагонистов, ни таких решающих перемен в предпочтениях электората… И политические силы, и общество в целом по-прежнему сильно поляризованы: наши – не наши; за «красных» – против них.

Источник: Чубайс А. В поисках собственного пути // Приватизация по-российски / под ред. А.Б. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 335–336. www.ru-90.ru

Надежды на то, что КПРФ поддержит реформы, направленные на стабилизацию финансов, обеспечение условий динамичного экономического роста, борьбу с бедностью, не было. Коммунисты не скрывали своих планов в экономической сфере, и специалистам было понятно, к чему привела бы их реализация. Проводимая правительством политика сокращения государственных расходов и снижения уровня инфляции противоречила взглядам руководителей КПРФ. Они считали, что дефицит бюджета следует увеличить, покрывая его за счет кредитной эмиссии. Но как только увеличилась бы мощность печатного станка, на финансовых рынках началась бы паника. Для того чтобы заткнуть дыру, пришлось бы все сильнее раскручивать маховик – гиперинфляция была бы неизбежна.

Программа коммунистов на этот случай предусматривала замораживание цен, прежде всего на продукты питания. Не приходилось сомневаться, что вслед за этим продукты исчезнут с прилавков. При фиксированных ценах предприятия не покроют своих затрат и потребуют дотаций. Необходима будет новая эмиссия денег.

В такой ситуации международные финансовые институты не стали бы кредитовать Россию. Это означало прекращение поставок продовольствия из-за рубежа. На России уже висел огромный внешний долг СССР, и отсрочек по его выплатам ожидать не приходилось. Зато вполне реальным становился арест российской собственности за рубежом.

В итоге страна вновь оказалась бы в ситуации валютного кризиса 1991 года, от которой с таким трудом удалось уйти. А как реагируют коммунисты на протест народа и возникающую оппозицию, известно из истории.

Была и другая сторона этой политической развилки. Чтобы проводить грамотную экономическую политику, необходимо было опираться на 50–75 специалистов высочайшей квалификации, уже накопивших опыт работы в министерствах и ведомствах в новых рыночных условиях. Таких специалистов у КПРФ не было, а никто из работавших в правительстве (может быть, за исключением пары человек) работать с коммунистами не стал бы. У КПРФ были люди с опытом работы в советской экономике, их главным экономистом был бывший председатель Госплана СССР Ю. Маслюков. В таких условиях не просматривался сценарий, при котором Зюганов, став президентом, не разрушил бы экономику России.

Поэтому правительство увидело в залоговых аукционах единственный шанс отнять «командные высоты» у «красных директоров», наполнить реальным содержанием формально узаконенную частную собственность и не допустить поворота истории России вспять. Роль залоговых аукционов в реальном переходе контроля над экономикой в частные руки была огромной, а влияние на формирование политического расклада к выборам 1996 года – решающим.

Конструкция залоговых аукционов была технологично вписана в политический график. Банкиры под залог акций предприятий предоставили государству кредит, то есть внесли в бюджет столь необходимые средства для выплаты зарплаты бюджетникам. Кредит предоставлялся на определенный срок, но срок этот наступал после выборов президента. Пока предприятия находились в залоге у банков, они обязаны были выплачивать зарплату их работникам, даже если им для этого приходилось сменить «красных директоров» и расходовать собственные средства.

Учитывая огромный дефицит бюджета, было весьма вероятно, что правительство кредиты банкам не вернет. При этом было понятно, что в случае победы на выборах Ельцина и невозврата кредита, договор залога будет выполнен, предприятия перейдут в собственность банков. А в случае победы Зюганова выданные кредиты банкам не вернут, но и предприятия в собственность не отдадут. Банки оказались заложниками исхода президентских выборов.

Подробнее. **Попытка Совета безопасности установить контроль над госпакетами акций, отданными в залог банкам**

Давно было ясно, что Совет безопасности готовит наступление, желая захватить господствующие высоты в российской экономической политике (чего стоило назначение на пост начальника экономического управления совета С. Глазьева, завоевавшего себе репутацию отчаянностью и абсурдностью макроэкономических воззрений). Болезнь Б. Ельцина оказалась удобным моментом для атаки. В качестве первой высоты С. Глазьев и А. Лебедь избрали госпакеты акций, отданные в конце 1995 года в залог (в обмен на акции 12 крупнейших предприятий… российские банки дали бюджету кредит в 4,5 трлн рублей).

Лебедь направил Ельцину предложение перенести срок продажи заложенных акций с 1 сентября 1996 года на 1 марта 1997 года. Поскольку государство банкам кредит не вернуло (да и не собиралось), с 1 сентября, согласно залоговому договору, банки вправе заложенные госпакеты продать. Продав, они возвращают себе кредит, а все, что удалось выручить сверх того, делится так: 30% – банку, 70% – государству.

Лебедь указал, что сейчас банки эти акции не смогут продать, как надо, а потом их продажа пакетами по 10–15% капитала «при грамотном проведении торгов по всем правилам международных тендеров с участием реальных стратегических и финансовых инвесторов» позволит «получить дополнительно в доход госбюджета десятки триллионов рублей». Лебедь решил сыграть по-крупному, затронув жизненно важные финансовые интересы банков. Достаточно сказать, что банки, получившие в залог акции «ЮКОСа» и «Сиданко», не пожалели денег, чтобы докупить еще и стать обладателями контрольных пакетов. Банки твердо дали понять, что их реакция на смелость Лебедя отрицательная...

Смысл предложений Совета безопасности совсем другой. Если срок продажи будет перенесен, то это покажет, что отныне СБ распоряжается заложенными госпакетами. То есть если будет надо «национальной безопасности», СБ перенесет срок или придумает что-нибудь другое – например, вообще конфискует пакеты. Тем более что Лебедь послал Ельцину еще и письмо «в связи с назначением главой Госкомимущества Альфреда Коха и его заявлением о готовящихся новых залоговых аукционах». В письме Лебедь выражает готовность предложить собственные правилам проведения залоговых аукционов, а также требует впредь согласовывать эти правила с ФСБ и Службой внешней разведки, которые «способны дать ценные замечания» по поводу того, как аукционы «могут быть использованы зарубежными странами в своих интересах».

Однако администрация президента показала Глазьеву и Лебедю, что одной смелости в России недостаточно. Президент поручил премьер-министру В. Черномырдину и секретарю Совета безопасности А. Лебедю

> «совместно поработать над проблемой залоговых аукционов и доложить проект решения к 1 октября 1996 года». Чем кончится совместная работа, напоминающая сотрудничество пауков в банке, примерно понятно. Госкомимущество уже заявило, что перенос сроков станет нарушением условий залоговой сделки, причем финансовые структуры, владеющие залогом, вправе опротестовать это нарушение в суде. Правительство подготовило свой вариант – сроки не переносить.
>
> *Источник:* Багров А. Новая концепция залоговых аукционов. Совет безопасности положил глаз на пакеты и банки // Коммерсант. 21 сентября 1996 года. № 158 (1116).

То есть банкиры были лично заинтересованы в результатах голосования. У них были и деньги, и интеллектуальные ресурсы. Они владели газетами и телеканалами. В избирательном штабе Ельцина работали их представители. Опираясь на профессионалов, удалось найти нестандартные решения, организовать эффективную избирательную кампанию Б. Ельцина и избавить Россию в июне 1996 года от возврата к социализму.

Накануне начала избирательной кампании рейтинги показывали популярность Ельцина на уровне 3–6%, лидер коммунистов значительно опережал его. В первом туре 16 июня Б. Ельцин получил 35,28% голосов, Г. Зюганов – 32,03, А. Лебедь – 14,52%, во втором туре 3 июля: Зюганов – 40,31%, Ельцин – 53,82% и был переизбран на второй срок.

***

После выборов, в конце сентября 1996 года, было принято совместное решение правительства и Совета безопасности, которое подтвердило право банков продавать заложенные пакеты акций после 1 сентября 1996 года. Практически все залогодержатели были заинтересованы получить эти пакеты акций в собственность и при этом минимизировать соответствующие финансовые затраты. Наиболее предпочтительным вариантом стала квазиоткрытая продажа заложенного пакета акций и приобретение его в собственность через аффилированных лиц. К началу 1998 года этот вариант был использован в отношении пакетов акций «ЮКОСа» (контроль банка «Менатеп»), «Сиданко» (контроль ОНЭКСИМбанка), «Сибнефти» (формально «Нефтяная финансовая компания»), «Сургутнефтегаза» (фактический самовыкуп эмитентом), «ЛУКОЙЛа» (фактический самовыкуп эмитентом), «Норильского никеля» (контроль ОНЭКСИМбанка).

Подробнее. **Реформаторы о залоговых аукционах**

А. Чубайс, председатель Госкомимущества в 1991–1994 годах, первый заместитель председателя правительства по январь 1996 года:

Какая, к черту, прозрачность залоговых аукционов, когда речь шла о судьбе страны! В 150-миллионной стране, находившейся на предельном уровне нищеты, с ядерным оружием, шла битва за ее будущее! Это все равно что обвинять в непрозрачности военачальников, подготовивших план разгрома Берлина!

Да, схема аукционов была непрозрачная, там не было равенства и соблюдения прав третьей стороны. Но наши и иностранные любители прозрачности забывают о политических реалиях и историческом контексте. Или они хотели повторения опыта Германии, где Гитлер был избран в ходе демократических выборов? Они соотносят нашу приватизацию в стране, где рабство было отменено только в конце XIX века и даже к началу XX века не возникло полноценной частной собственности, с приватизацией, проведенной Маргарет Тэтчер в Великобритании с ее многовековыми традициями частной собственности. Полное непонимание страны, среды, нашей истории!

Была ли на залоговых аукционах настоящая конкуренция? Конечно, нет! Ты получи «Сибнефть», ты получи «Норильский никель», ты получи «ЮКОС» и сделай все, чтобы избирателей не гнобили невыплатой зарплаты, чтобы коммунисты не пришли к власти. Да, в ходе аукционов были неувязки, что-то банкиры не поделили, судились. Впрочем, все суды по всем залоговым аукционам в итоге подтвердили законность приобретения всех активов. С юридической точки зрения всё было сделано законно.

Более того, я считаю, что и цена, которая была заплачена победителями государству, достаточно высока. Если оценивать их с точки зрения так любимой у нас многими «слезы несчастного ребенка» имени товарища Достоевского, то сделанное – просто ужас! Но именно этот «ужас» сыграл ключевую роль в спасении страны от второго пришествия коммунистов.

Источник. Россия: трудный путь к частной собственности. Интервью с А.Б. Чубайсом. – www.ru-90.ru

***

А. Чубайс

Тогда я не до конца понимал, какую цену нам придется заплатить. Я недооценил чувство глубокой несправедливости, которое останется у людей. Мы завершили приватизацию в 1997–1998 годах, но даже сейчас люди все еще отвергают любые рациональные аргументы: что олигархи не просто украли предприятия, они заставили их работать лучше, они начали вкладывать деньги и вовремя выплачивать зарплаты; что налоги, которые они платят в бюджет, помогают выплачивать пенсии. Большинство людей не хотят об этом слышать, потому что их ощущение несправедливости приватизации существует на уровне подсознания… Институт частной собственности – это не просто свод законов или класс собственников, которые имеют реальную

власть. Это 146 млн человек, которые должны согласиться с тем, что частная собственность священна. Я сомневаюсь, что это произойдет за одно поколение.

Источник: Простит ли история Чубайса? // Власть. 2004. № 46 (599). 22 ноября. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=381b2035-bd6e-4564-8a2b-c4426788a87c&docsid=526609

***

А. Кох, заместитель председателя Госкомимущества в 1993–1995 годах, проводивший залоговые аукционы, председатель Госкомимущества в 1996–1997 годах:

Меня все время ругают за то, что я проводил непрозрачную приватизацию. Да ничего прозрачнее залоговых аукционов в нашей приватизации вообще не было! Журналисты сидели в зале и весь процесс аукциона снимали на камеру.

Меня склоняют за то, что я якобы не уделял равное внимание всем желающим принять участие в аукционах. Но я встречался со всеми, кто изначально желал принять участие в аукционах. Было огромное количество людей, твердивших, что «идея гнилая и никуда не годится». А когда стало видно, что аукционы все-таки состоятся, почти все критики полезли туда, причем почти все без денег. Просто для того, чтобы доказать, что они тоже олигархи, чтобы поскандалить. Я спросил одного такого скандалиста: «Скажи честно, были у тебя в тот момент деньги?» «Нет, – говорит, – я просто хотел сорвать аукцион. Мне было жалко, что это кому-то другому достанется».

Источник: Кох А. Государство-продавец // Приватизация по-российски / под ред. А.Б. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 247–255. www.ru-90.ru

***

Е. Гайдар, директор Института экономики переходного периода:

Мне не нравится, как были проведены залоговые аукционы. Скажу одну вещь, которую важно понимать. Перед залоговыми аукционами в правительстве обсуждался вопрос о том, что будем делать, когда – а это неизбежно по тенденции – Россия перестанет быть экспортером нефти и станет ее импортером. Это планировалось на 2000 год. Тогда же обсуждался вопрос о том, что делать с Нижневартовском, когда добыча нефти на Самотлоре остановится в 2000 году. Что делать с двухсоттысячным населением города?

А когда приватизировали нефтяную отрасль, в том числе с помощью залоговых аукционов, возникла другая проблема: что делать с таким быстрым ростом добычи нефти, создающим проблемы в переговорах с ОПЕК, которая говорит нам: «Почему же вы так быстро наращиваете свою долю на рынке?» Это про залоговый аукцион.

Еще раз подчеркиваю, мне не нравится, как были проведены залоговые аукционы. Но результатом их стало то, что мы от экономики, в которой нефтедобыча стремительными темпами падала, почти сразу перешли в экономику, где нефтедобыча стремительными темпами растет. Вплоть до дела

«Юганскнефтегаза», до дела «ЮКОСа». После того как мы решили ренационализировать часть нефтяной отрасли, проблема с ОПЕК исчезла, потому что нефтедобыча упала в 5 раз.

Источник: Он не хотел насилия, но только он не был слабаком. Интервью с Е.Т. Гайдаром // The New Times. 30 апреля 2007 года. № 12.

***

Е. Ясин, министр экономики в 1994–1997 годах:

Да, на залоговых аукционах государственное имущество было продано дешево, но это были миллиарды долларов, которых хватило на то, чтобы закрыть дыру в бюджете и остановить инфляцию. Сейчас об этом уже никто не помнит, не считает, что это было важно. Сейчас все помнят, что «Норильский никель» достался Потанину за 170 млн долларов, хотя уже через год «Связьинвест» продали за 1,5 млрд долларов.

В свое время я боролся против залогового аукциона по «Норильскому никелю», писал об этом Черномырдину. Но когда началась новая кампания против залоговых аукционов с требованием вернуться назад и заплатить за приобретенное в полном объеме, я вспомнил о том, что в Восточной Германии государственные фабрики предлагали купить на условиях инвестиционного конкурса за 1 марку, в том числе россиянам. Конкретно обойная фабрика за 1 марку была продана одному нашему депутату из Серпухова, который в России имел обойную фабрику. Но после этого надо было вкладывать инвестиции, создавать рабочие места. Чтобы исполнить свои обязательства в Германии, он потом просил денег у российского государства…

Я изменил свою позицию по «Норильскому никелю», когда увидел, как там исполняют социальную программу и решают проблемы, которые долгие годы висели над Норильском. Это касается и пенсионеров, переселения на юг и трудовых отношений на комбинате, когда они создали совет и привлекли на свою сторону всех рабочих. Когда в очередной раз прокуратура «наехала» на «Норильский никель», я публично выступал и говорил, что не надо этого делать с теми, кто уже показал себя эффективным собственником.

Источник: Герои нашего времени – это Горбачев, Яковлев, Ельцин, Гайдар и Чубайс. Интервью с Е.Г. Ясиным // Кремль.org. 22 марта 2005. – http://www.hse.ru/news/1163619/1114238.html

***

Низкие цены акций и заведомая определенность победителей залоговых аукционов вызвали шквал критики со стороны политиков и общественности. Следует признать, что действительно залоговые аукционы не были прозрачными, на них не было равенства, не соблюдались права третьей стороны. Победители аукционов имели несомненные преференции. Во всех сделках отмечалось крайне малое превышение стартовой цены и, соответственно, незначительная прибыль государства, потому что отсутствовала реальная конкуренция, аукционы были

«договорными», а условия приватизационных сделок были сформулированы неудовлетворительно.

Впрочем, все суды по залоговым аукционам подтвердили законность приобретения пакетов акций. Хотя юридически всё было сделано правильно, с этической точки зрения залоговые аукционы подвергаются негативной оценке. Однако критики упускают главное – политические реалии и исторический контекст. Нельзя было допустить повторения в России опыта Германии, где Гитлер был избран в ходе демократических выборов. Проведение залоговых аукционов избавило Россию от подобной перспективы.

При этом нельзя согласиться и с теми, кто утверждает, что «ради победы над коммунистами предприятия – жемчужины в короне российской империи – были розданы за бесценок». Они не учитывают состояние предприятий, их реальную бесприбыльность и даже убыточность, широко распространенные неплатежи, задолженности по зарплате и налогам, давление на менеджеров предприятий со стороны организованной преступности, а в ряде случаев – их сращивание. В действительности эти «жемчужины» были в те годы в полном развале. С учетом политических рисков их рыночная стоимость была крайне низкой. И именно приватизация позволила впоследствии превратить разваленные предприятия в прибыльные бизнесы.

Цены на конкурсах могли бы быть выше, если бы под давлением прокоммунистически настроенных депутатов в указ президента о залоговых аукционах не был включен запрет на участие в них иностранных инвесторов. То есть к ним не был допущен огромный пласт компаний и инвестиционных банков, которые могли бы дать за пакеты акций действительно хорошие деньги.

Несмотря на недостатки и скандалы, сопровождавшие залоговые аукционы, они позволили выполнить задание по доходам от приватизации на 1995 год (в бюджет удалось привлечь 1 млрд долларов) и продемонстрировали потенциальным инвесторам, что стоимость ведущих российских компаний может измеряться сотнями тысяч и даже миллиардами долларов. Аукционы дали мощный импульс для ускорения полноценной и широкомасштабной денежной приватизации. После их проведения ситуация на фондовом рынке качественно изменилась. Так, в январе 1997 года было продано 8,5% акций РАО «ЕЭС России». Это был не залоговый, а чисто денежный аукцион, в результате которого удалось выручить 350 млн долларов.

5.6. Приватизация в конце 1990-х годов

Во время президентских выборов 1996 года, чтобы не допустить прихода к власти коммунистов, сформировался тактический союз правительства с олигархами. Опираясь на поддержку зарождавшегося класса собственников и значительной части интеллигенции, реформаторы победили. Олигархи (Б. Березовский, В. Гусинский и др.) искренне полагали, что после этих выборов страной могут управлять они. Ведь это они, оказав помощь Ельцину на выборах, «наняли» его на работу в качестве президента. Их позиция сводилась к тому, что именно крупный бизнес должен определять, какая партия будет допущена к власти, какая политика должна проводиться.

Появление в России олигархов закономерно. Существует связь между степенью зрелости общества и уровнем концентрации капитала, его притязаниями на власть. Например, в Латинской Америке почти вся земля находится в собственности у латифундистов. Они имеют огромное политическое влияние именно потому, что там мал средний класс, слабое гражданское общество, нет укоренившихся традиций демократии. В европейских странах даже очень богатый гражданин не может вмешиваться в прерогативы власти. Вести себя иначе нельзя – не с точки зрения закона, а с точки зрения разделяемых обществом ценностей. Если крупные предприниматели попытаются управлять страной, рано или поздно это нанесет мощнейший удар по их репутации, они будут отторгнуты не потому, что нарушили закон, а потому, что зрелое общество отвергает подобное поведение.

Таким образом в 1997 году страна подошла к развилке:

- **органы власти будут отражать компромисс интересов различных социальных групп**
- **или станут послушным орудием в руках олигархов – крупных собственников.**

Что предпочел бы ты?

Первый путь предполагал укоренение в России институтов демократии, когда избрание президента, губернаторов, депутатов Госдумы и законодательных собраний регионов зависит не от олигархов, а от самих

граждан. В условиях демократии действует разделение властей, суд независим, все граждане равны перед законом, имеют равные права, и есть только один способ влиять на проводимую политику – объединяться в партии и убеждать сограждан в своей правоте. Но олигархи были против этого, считая, что их деньги решают все.

Выбор пути в этой развилке хронологически оказался связан с аукционом по компании «Связьинвест» (июль 1997 года), где власть и бизнес вступили в прямое противостояние. Суть спора была проста: компания достанется тому, кто предложит за нее больше денег, или тому, кому она принадлежит «по понятиям». Правительство считало, что приватизация «Связьинвеста» должна символизировать отделение бизнеса и власти, равные права и условия для всех, на тендере должен победить тот, кто готов внести в бюджет большую сумму. Крупный бизнес хотел приватизации власти, настаивал, что такое изменение правил игры нарушает условия контракта между бизнесом и властью, заключенного в начале 1996 года. Березовский и Гусинский требовали, чтобы и этот аукцион, как залоговые, был формальным, чтобы победил заранее определенный олигарх.

Правительство реализовало свой подход. Выиграл владелец «Норильского никеля» В. Потанин, предложив больше, Б. Березовский и В. Гусинский проиграли. Подтверждением того, что организаторы аукциона не знали, кто победит, является цена сделки. В ходе торгов и без того казавшаяся в то время фантастической стартовая цена в 1180 млн долларов выросла до 1875 млн (более чем в 1,5 раза). Эти деньги пополнили госбюджет.

Для Березовского в этой истории главным был не бизнес, а победа над правительством. Проиграв, он создал коалицию с остальными олигархами, которые объединили политические, информационные и финансовые ресурсы, чтобы наказать организаторов аукциона и отнять «Связьинвест». Для того чтобы политически уничтожить министров-реформаторов, были потрачены огромные деньги на взятки, подкуп работников спецслужб, на мощную информационную атаку.

Но «Связьинвест» не был отдан Березовскому и Гусинскому, доходы бюджета от продажи его акций ушли на первоочередные государственные нужды. Было доказано, что государство может, имеет волю обеспечить равные условия для конкурирующих противоборствующих бизнес-групп. Оно не является их агентом, способно встать над ними. После этого олигархи вступили в союз с коммунистическим

большинством в Госдуме. Противостоять столь мощному альянсу правительство не смогло, большая часть команды реформаторов была удалена из правительства. Историческое значение этого конфликта в том, что в нем правительство хотя бы пыталось противодействовать нарождению в России «капитализма для своих».

Подробнее. **Аукцион по «Связьинвесту»**

А. Кох, председатель Госкомимущества в 1996–1997 годах:

Рыночная стоимость телекоммуникационных компаний измеряется числом долларов приходящихся на одну линию связи (один телефонный номер). Чем дороже одна линия, тем дороже вся компания. Мы продали «Связьинвест» приблизительно за 880 долларов на одну линию. Это чуть хуже, чем в Венгрии, где рыночная стоимость одной линии связи достигла 1200 долларов. Но зато в 2 раза лучше, чем в Аргентине и Чили (400–500 долларов). Наш результат – второй среди развивающихся рынков… Он стал возможен именно потому, что компании, входившие в состав победившего консорциума, сплошь были портфельными инвесторами, то есть их бизнес не имел отношения к связи, они приобретали акции в расчете на их будущий рост. Я не согласен с распространенным мнением, что лучше, если бы акции «Связьинвеста» приобрел стратегический инвестор, такая же телекоммуникационная компания, давно работающая на мировом рынке.

Дело в том, что мировой опыт в проведении подобных сделок не раз демонстрировал: «портфельщики» больше заинтересованы в том, чтобы акции приобретаемого ими предприятия дороже стоили. Ведь тогда у акций больше шансов расти в цене и позднее их можно гораздо выгоднее перепродать. Стратегический инвестор ведет себя иначе: старается при покупке заплатить как можно дешевле. Такое поведение вполне объяснимо: в дальнейшем его будет волновать не столько рост рыночной стоимости акций, сколько доходы от приобретенного бизнеса, поэтому он не заинтересован изначально поднимать цену на приобретаемые акции…

Конечно, читателю интересно, что за скандал разразился на самом аукционе. Проигравшая сторона много говорила о не вовремя вскрытых конвертах, неоправданных затяжках и прочих процедурных тонкостях, пытаясь внушить общественному мнению, что между победителем (консорциумом, собранным ОНЭКСИМбанком) и организатором аукциона (государством) существовал предварительный сговор… Затянувшееся вскрытие конвертов с денежными предложениями участников – это миф. Предложения в комиссию по проведению аукциона должны были поступить до 17.00, в 16.45 представитель будущей победившей стороны Л. Рожецкин оформил все бумаги. В 16.55 ту же процедуру проделал М. Фридман. При проведении подобных аукционов участники стараются подавать свои заявки в последние минуты, боясь, что конкуренты найдут возможность раньше времени узнать, что в этой заявке, и таким образом получат шанс выиграть аукцион.

В 17.00 в присутствии представителей обеих сторон конверты были вскрыты. Выявили победителя, который предложил 1875 млн долларов против 1710 млн, заявленных проигравшим консорциумом… Никаких претензий по процедуре проведения аукциона Фридман, представитель проигравшей стороны, в тот момент и потом не предъявлял… Шум подняли Гусинский с Березовским, хотя Березовский вообще никакого отношения к сделке не имел.

Сделка по «Связьинвесту» оказалась весьма эффективной. Цена не была занижена, бюджет получил большие деньги, в отрасли появились инвесторы. С организационной точки зрения это была почти идеальная сделка… Впервые в истории российской приватизации мы подготовили информационный меморандум – достаточно проработанную записку о финансовом состоянии компании, ее структуре и перспективах. Провели «роад-шоу» – серию поездок по ведущим инвестиционным центрам, знакомя потенциальных инвесторов с информационным меморандумом. Мы обеспечили участникам сделки нормальные условия работы с информацией о холдинге – оборудовали специальное помещение…

Все упреки в том, что я подыгрывал в истории с этой сделкой ОНЭКСИМбанку, рассчитаны на людей, совершенно не представляющих, как устроена процедура аукциона. Что я должен был сделать, чтобы не «подыгрывать»? Отклонить заявку ОНЭКСИМбанка, несмотря на то, что она больше, и признать победившей заявку конкурента, несмотря на то, что она меньше? Березовский… любит порассуждать о том, что нельзя руководствоваться только одними соображениями цены, когда речь идет о захвате контроля над целым рядом отраслей. Мол, конкурентную среду в стране надо поддерживать. И делать это предлагается следующим способом: отдали Потанину «Норильский никель» и «СИДАНКО» – попридержите его. «Связьинвест» отдайте Гусинскому… Кто и каким образом будет определять, кого и когда надо «попридержать»? Я считаю (Кох. – *Ред.*), что Гусинского с Березовским вообще опасно подпускать к «Связьинвесту», потому что эта отрасль сильно замкнута на телекоммуникации, а там они и так очень сильны. Если мы им еще и «Связьинвест» отдадим, они будут печь президентов каждые четыре года, как пирожки…

При столь зыбких критериях степени «обделенности» решающим аргументом будет размер взятки, предлагаемой госчиновнику. В том, что проигравшая сторона станет устраивать скандалы так же, как в случае с аукционом, можно не сомневаться. Пусть уж лучше тендер проходит под прицелом телекамер и в качестве компенсации за те помои, которые выливаются на головы государственных служащих, государство получит лишние 165 млн долларов, чем точно так же окажется в дерьме с ног до головы, но задешево…

Это был первый аукцион крупного масштаба, проведенный на сугубо конкурентной основе: кто дал больше, тот и победил. Со «Связьинвеста» можно отсчитывать историю неолигархического, конкурсного, конкурентного российского капитализма. Эпоха «джентльменских соглашений» между

> олигархами-банкирами закончилась, настало время честной конкуренции. Именно эти перемены и вызвали скандал вокруг телекоммуникационного гиганта, переросший в банковскую войну. С этими переменами непросто было смириться, и они нам дорого стоили. Но не это главное. Главное в том, что сейчас уже едва ли можно остановить объективно идущий процесс нормализации экономических отношений, процесс становления цивилизованного российского капитализма.
>
> *Источник:* Бойко М., Кох А. «Связьинвест» – сделка века // Приватизация по-российски / под ред. А.Б. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 279–284.

С принятием Закона «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества РФ» от 21 июля 1997 года акцент в приватизации был сделан не на предприятия, а на имущественные доли государства. Закон отменил практику составления ежегодных плановых заданий на приватизацию. Но сохранилась задача пополнения бюджета доходами от приватизации – теперь в основном за счет единичных крупных сделок. Ежегодно утверждаемая Госдумой программа приватизации отныне содержала не количественные показатели и задания, а список приватизируемых объектов, зависевший от текущей конъюнктуры, и список стратегических объектов, которые можно было приватизировать только на основании федерального закона. Индивидуально для каждого предприятия определялся пакет акций, который оставался в собственности государства.

Закон расширил полномочия регионов, предоставив им право разрабатывать собственные варианты приватизационных схем. Разрешено было продавать производные ценные бумаги приватизируемых предприятий. Были отменены многие льготы, хотя льготы работникам предприятий (например, скидка от продажной цены акций) оставались. Впрочем, их можно было урезать.

При продаже госсобственности по специальной методике Госкомимущества рассчитывалась стартовая цена, максимально приближенная к рыночной. Стоимость имущественных комплексов определялась на основании уставного капитала, балансовой оценки и рыночной стоимости. Было восстановлено понятие «аренда с выкупом», но уже по рыночной цене.

Вместо инвестиционных конкурсов были введены коммерческие конкурсы с инвестиционными социальными условиями. Если сделка предусматривала инвестиционные обязательства, то права собственности переходили к победителю только после их исполнения.

С 1997 года имущество, находящееся в собственности Федерации и особо важное для страны, региона или отрасли, стало приватизироваться в рамках индивидуальных проектов с проведением предпродажной подготовки и привлечением независимых финансовых консультантов. Считалось, что такой подход поможет увеличить поступления в бюджет, привлечь инвестиции и повысить эффективность использования приватизированного имущества.

Законом о бюджете на 1997 год были запланированы поступления от приватизации в сумме 6,5 трлн рублей, в том числе 4,1 трлн – от продажи государственного имущества, 2,3 трлн – дивиденды по акциям и арендная плата. С учетом многочисленных льгот по дивидендам и арендной плате для «Газпрома», «ЛУКОЙЛа», РАО «ЕЭС России», Министерства путей сообщений, Миноборонпрома и др. последняя цифра была совершенно нереальной.

Тем не менее в 1997 году за счет нескольких крупных сделок задание по доходам от приватизации было перевыполнено почти в 3 раза: доход от приватизации достиг 23,7 трлн рублей. Доход от аренды федерального имущества в 1997 году составил 305 млрд рублей при плане 1,939 трлн, а дивиденды по государственным акциям – 407 млрд рублей при плане 270 млрд. 1997 год стал первым годом в истории проведения денежной приватизации, который увенчался успехом в выполнении бюджетного задания. В 1998 году доход от приватизационных продаж формально соответствовал закону о бюджете, но его основная часть была получена от реализации 2,5% акций «Газпрома».

Подробнее. **Прямая конкурсная продажа угольных компаний**

По мере реструктуризации стало очевидным, что угольная отрасль не встанет на ноги до тех пор, пока в ней не появятся эффективные собственники. Ни «народная приватизация», которая дала лишь иллюзию участия трудового коллектива в управлении предприятием, а на самом деле сосредоточила реальные рычаги власти в руках небольшого числа высших чинов, ни метод доверительного управления, отягощенный правовыми и процедурными сложностями, к желаемому результату не приводили. Поэтому в конце 1997 года на высшем государственном уровне было принято решение о прямой конкурсной продаже угольных компаний.

Одним из условий, позволивших получить второй угольный заем Мирового банка, стало обязательство правительства продать наиболее прибыльные «Кузбассразрезуголь» и «Южный Кузбасс». Хотя в 1990-е годы

предприятиям, которые входили в них, пришлось резко сократить добычу, компании имели наивысшую в отрасли производительность труда, добыча велась открытым способом, безопасным и эффективным, а продукция хорошо расходилась на рынке, в том числе за рубежом.

Несмотря на это, приватизация проходила нелегко. В. Кузнецов, бывший в то время президентом холдинга «Кузбассразрезуголь», вспоминал два года спустя, что ему приходилось самостоятельно искать и приглашать к участию в торгах потенциальных инвесторов... Далеко не все соглашались, поскольку у бизнесменов было ощущение зыбкости процесса, ожидание, что курс на приватизацию могут отменить в любой момент. И неудивительно: мощным препятствием разгосударствлению кузбасских компаний могла стать позиция региональных властей.

В конце 1997 года Кемеровской областью руководил чрезвычайно популярный в регионе политик – А. Тулеев, который полностью отрицал приватизацию: «Частный владелец будет преследовать только одну цель – выжать из разреза или шахты все, что еще можно. Затем они с накопившимися дополнительными проблемами будут возвращены государству. Или будет сделана попытка продать их по цене в несколько раз выше цены приобретения. А еще вероятнее, шахта или разрез будут просто брошены».

Такая точка зрения, высказанная накануне первых приватизационных торгов в угольной отрасли, решающего воздействия не возымела: они были проведены, как и планировалось. Чуть было не преуспел Тулеев во второй попытке, когда в декабре 1998 года продавались оставшиеся федеральные пакеты акций «Кузбассразрезугля» и «Южного Кузбасса». Пресс-служба губернатора объявила, что премьер Е. Примаков прислушался к доводам Тулеева и отменил продажи. Кожуховский, узнав о состоявшемся разговоре Тулеева с Примаковым, срочно организовал звонок президента МБРР Дж. Вулфенсона премьеру. Вулфенсон фактически выдвинул ультиматум: если продажи отменят, Мировой банк прекратит выделение денег для реформы угольного сектора.

Продажа состоялась. Собственниками «Южного Кузбасса», одной из самых эффективных угольных компаний России, стали компания «Углеметкооперация» и обогатительная фабрика «Сибирь». Эта фабрика, расположенная в небольшом городке Мыски (50 тыс. жителей) на юге Кузбасса, в конце 1991 года «подверглась» массовой приватизации (как «Распадская» и «Кузнецкая)». После выкупа акций трудовым коллективом произошла консолидация собственности, в результате акции работников оказались в руках менеджеров, к счастью, толковых. Обогащение угля даже в самые трудные для отрасли времена было весьма востребовано, и «Сибирь» смогла заработать достаточно денег, чтобы участвовать в приватизации. Через три года акционеры «Южного Кузбасса» создали один из крупнейших финансово-промышленных холдингов России – угольно-металлургическую группу «Мечел». Ее производственные и экономические показатели добычи угля значительно улучшились, не говоря уже об отсутствии задолженности по зарплате.

Сложнее обретал собственников холдинг «Кузбассразрезуголь». В 1997 году на специализированном аукционе и торгах с инвестиционными условиями победителями стали компании, зарегистрированные в Кемерове и представленные местными банковскими менеджерами, которые были аффилированы с руководством «Кузбассразрезугля». На самом деле более 40% акций приобрел московский банк «Империал». Но уже летом 1998 года «Империал», теряя ликвидность, продал свои акции пулу из нескольких инвесторов. Основными его участниками были структуры М. Черного, О. Дерипаски и И. Махмудова, а также экспедиторской компании «Трансрейл АГ», учрежденной министерствами путей сообщения России в Швейцарии. Постепенно собственность среди основных акционеров перераспределилась, и с 2000 года «Кузбассразрезуголь» оказался под постоянным контролем структур И. Махмудова.

Характерно, что на высокий спрос на акции упомянутых компаний не повлияли ни «рельсовые войны», ни дефолт. Позднее были проданы «Кузнецкуголь», «Кузбассуголь» и другие компании региона. Тулеев из яростного противника приватизации стал ее горячим сторонником. Как же иначе, если с приходом частного капитала в Кузбасс бассейн заработал с прибылью, повысилась эффективность продаж и закупок, выросли объемы добычи, вводились новые шахты. Частники смогли решить проблемы, над которыми много лет билось государство. А. Чубайс: «А. Тулеев был лидером противостояния угольной реформе, делал все, чтобы ее остановить, помешать нам. Для него мы были агентами МВФ, МБРР, разрушителями российской угольной отрасли. Но это был и человек, который первым понял, что реформа удается, идет правильным путем. И плавно, неуловимым образом перешел на прямо противоположную позицию. Сейчас, надо отдать ему должное, он честно признается, что реформа угольной отрасли была объективно необходима».

В других угольных регионах приватизация проходила примерно так же, а где-то более драматично. Длившаяся несколько лет история приватизации «Красноярской угольной компании» достойна детективно-авантюрного романа, в хитросплетениях которого не так-то просто разобраться. Эту сделку местная пресса окрестила «аферой века»… Чемпионом по сопротивлению приватизации стала компания «Ростовуголь», хотя жалкое финансовое состояние требовало скорейшей передачи ее эффективному собственнику. Но генеральный директор и менеджмент придумывали нереальные планы финансового оздоровления, лишь бы сохранить свои насиженные места. Власти Республики Коми также убеждали Мингосимущество не выставлять на торги федеральные пакеты акций угольных предприятий…

Однако медленно, со скрипом, приватизация все же шла. И летом 2003 года шахтеры Инты на митингах принимали уже такие резолюции: «Причины всех наших бед в том, что приватизация у нас не доведена до конца». К 2001 году более 72% добычи угля обеспечивали частные компании, по сравнению с 1994 годом производительность выросла почти вдвое – с 63 до 118 тонн угля в месяц на шахтера, вдвое снизилась смертность.

Источник: Никитин А.И. Реструктуризация угольной промышленности. – www.ru-90.ru

При массовой приватизации происходило распыление акций предприятий среди мелких собственников, которые не становились реальными инвесторами и не влияли на управление акционерным обществом. В 1997–1999 годах на многих предприятиях преобладали низкое качество управления, устаревшие системы учета, слабая дисциплина договорных отношений. Поэтому рыночные стимулы «естественного отбора» эффективных собственников, управленческих кадров, стратегий развития действовали слабо. Предприятия оставались невосприимчивыми к инновациям и непривлекательными для инвестиций.

В те годы в стране уже вовсю шло перераспределение собственности. Новые собственники скупали пакеты акций на вторичном рынке у работников предприятий, у брокеров, банков, лоббировали конкретные сделки с пакетами акций, которые оставались у федеральных и региональных властей (остаточная приватизация, доверительное управление). Компании принудительно загонялись в холдинги или финансово-промышленные группы.

Продолжались конфликты между собственниками (акционерами) и управляющими (директорами). Часто не соблюдались установленные законом разграничения прав и ответственности между ними Порой директора отстраняли акционеров, в том числе крупных, от принятия важнейших решений, относившихся к компетенции собственника. Конфликты касались направления финансовых потоков и использования прибыли, экспортной ориентации предприятий, продажи земельных участков и иной недвижимости, специализации. При этом доля государства в акционерном капитале предприятий (за исключением стратегических отраслей и крупнейших АО) фактически роли не играла, поскольку дирекция и внешние крупные акционеры были активными игроками, а государство и мелкие акционеры пассивными.

Но по мере концентрации собственности и развития правовой базы формировалась относительно прозрачная система корпоративного контроля с доминирующими «ядрами» акционеров. Это способствовало повышению эффективности корпоративного управления, реального влияния инвесторов и правовой защиты акционеров.

Однако кризис 1998 года осложнил ситуацию. Во-первых, девальвация рубля и общее падение капитализации российского рынка акций лишили ценовых ориентиров даже наиболее перспективных российских эмитентов. Во-вторых, изменились условия борьбы за перераспределение собственности. С октября 1997 года даже крупнейшим

российским финансовым группам с большим трудом удавалось мобилизовать средства, чтобы установить контроль над новыми объектами. При этом иностранные инвесторы массово уходили с российского рынка ценных бумаг.

В этой неблагоприятной для бюджетных доходов ситуации активизировались приватизационные продажи: резкое падение цен на рынке позволяло с минимальными затратами получить полный контроль над предприятием. Если на стадии быстрого роста рынка многие акционеры предпочитали ограничиваться портфельными вложениями или в лучшем случае блокирующим пакетом, то в условиях кризиса логичной оказалась дальнейшая концентрация акционерного капитала.

В итоге приватизация вновь стала спонтанной. В условиях «остаточной приватизации» правительство не было заинтересовано в организации типовых сделок, а из-за дешевизны активов исчезли рыночные критерии сделок, что усилило правовой нигилизм участников приватизации. Тем не менее приватизация в стране продолжалась. В 1997 году было приватизировано 2,7 тыс. предприятий, в 1998 году – 2,1 тыс., в основном из тех, которые находились в муниципальной собственности. К концу 1990-х годов от аморфной и размытой структуры прав собственности удалось перейти к корпоративному контролю, основанному на юридически закрепленных правах собственности – правда, в той мере, в какой это допускал складывавшийся в России клановобюрократический «капитализм для своих».

5.7. Итоги приватизации

Эффективность приватизации определяется не столько выбранными методами, сколько общим уровнем культуры населения, его готовностью к восприятию рыночных институтов и частной собственности. В классификации стран с переходной экономикой, составленной Всемирным банком и ЕБРР, по степени продвинутости реформ Венгрия оказалась в первой группе, Румыния – во второй, Россия – в третьей.

Россия – не западноевропейская страна с устоявшимися рыночными традициями, гарантирующими неприкосновенность частной собственности. В Европе рыночные институты складывались веками,

принятие закона обычно завершало процесс становления того или иного института. Мы заимствовали рыночные институты у развитых стран, поэтому исходной точкой наших преобразований стали законы о собственности, о предпринимательстве, о приватизации.

Приходится признать, что приватизация и рыночные реформы в целом не соответствовали культуре советских граждан, доставшимся в наследство от СССР законам, правилам, жизненным установкам населения. Но это не значит, что реформы не надо было проводить до тех пор, пока стихийно не установится такое соответствие, то есть сама собой не изменится культура народа. Культура, менталитет народа меняются тогда, когда изменяются условия жизни. Сегодня, спустя два десятилетия, мы в этом убедились. Частная собственность, свободные цены и рыночный обмен товарами и услугами дали импульс становлению иной культуры.

Нависшая в 1992 году угроза массового голода не позволяла медлить. Нельзя было допустить, чтобы долгие годы Россия оставалась слаборазвитым, неконкурентным, неэффективным государством в тисках тоталитарного политического и экономического строя. Приватизация была болезненной, но она была неизбежной. В стране была создана законодательная база приватизации, акционерных обществ и рынка ценных бумаг. Но остались правовой нигилизм граждан и властей, социалистические традиции, некомпетентность и зависимость судов от исполнительной власти. А ведь частная собственность из формальной нормы превращается в реально работающий институт лишь по мере утверждения других институтов рыночной экономики: независимого суда, обеспечения исполнения договоров, прекращения привычного бюрократического произвола, свободы СМИ, развития экономической и политической конкуренции.

Подробнее. **Проблемы приватизированных предприятий**

Акционеры, особенно работники, обладающие акциями своего предприятия, на практике не имеют возможности эффективно контролировать деятельность администрации. Она же в большинстве осталась прежней. В условиях недозагруженности предприятий, неплатежей, задержек зарплаты и снижения ее среднего уровня по отношению к другим предприятиям часть директоров не сохранила поддержку работников-акционеров и утратила свои должности. Нередко этот процесс сопровождался массовой продажей акций членами трудового коллектива, конфронтацией с администрацией и расколом внутри нее самой…

Однако многие советские директора адаптировались к ситуации и даже усилили свои позиции. Наиболее успешными оказались те, кто не соблазнился вторым вариантом льгот, не понадеялся на свой непререкаемый авторитет в коллективе. Они воспользовались льготами первого или третьего варианта (получив значительные пакеты акций), покупали их на вторичном рынке и на аукционах, активно искали инвестора, понимая неизбежность уступок в управлении в обмен на реальные инвестиции…

Общеэкономические проблемы. Всем предприятиям остро не хватает оборотных средств, которые быстро обесцениваются в условиях высокой инфляции, всем нужен коммерческий кредит, который в условиях инфляции дорог. Льготные кредиты доступны единицам, да и они проблем не решают, а лишь затягивают неизбежные структурные преобразования. Все жалуются на дороговизну энергоносителей и дальнейший рост цен на них, нередко объявляемый задним числом.

Почти на каждом собрании акционеров звучат жалобы на непомерно высокие налоги, на пошлины, которые приходится выплачивать при импорте комплектующих… Предприятия работают не на полную мощность, не находя сбыта своей продукции, но занимают огромные производственные площади и владеют оборудованием, порой значительно превышающим потребности производства даже в перспективе некоторого оживления спроса. Имущественные налоги, которые в 1995 году удвоились, амортизационные начисления, растущие с переоценкой основных средств, а также расходы на содержание избыточного имущества переносятся на издержки производства, способствуют удорожанию продукции, снижают ее конкурентоспособность. Многие руководители предприятий поняли необходимость реализовать избыточные основные фонды, что позволило бы получить средства, необходимые для пополнения собственных оборотных средств, сократить расходы и уменьшить имущественные налоги…

Отраслевые проблемы. Экономическая стратегия предыдущих десятилетий, основанная на вере в то, что тяжелая промышленность – основа экономического роста, и ставящая задачу любой ценой построить мощное милитаризованное государство, оставила нелегкое наследие в экономической структуре Санкт-Петербурга. В 1980-е годы в военно-промышленном комплексе было занято 70–80% трудящихся города, что требует радикальной перестройки структуры экономики. Перестройка идет трудно, с сопротивлением, но уже мало кто сомневается в ее неизбежности. Так, генеральный директор «Красного Октября» А. Фомичев… 26 ноября 1994 года сказал, что военный заказ ныне составляет только 20% уровня 1989 года, назвав происходящее «стихийной конверсией»… Проблемы ВПК – это проблемы прежде всего конверсии, финансирования структурных преобразований, а также сбыта вновь осваиваемой мирной продукции, ее себестоимости и конкурентоспособности.

Последняя остро стоит и для многих других отраслей. В тяжелом положении радиоэлектроника. Телевизоры и видеомагнитофоны, производимые

на предприятиях Санкт-Петербурга, имеют высокую себестоимость и значительно отстают по качеству от зарубежных. Следствие этого – банкротство завода «Витон». Техническое и технологическое отставание от индустриально развитых стран делает продукцию неконкурентоспособной даже при гораздо более дешевых, чем в этих странах, энергоносителях и рабочей силе. Протекционистские меры со стороны правительства в конечном итоге лишь усугубляют проблему неконкурентоспособности российских товаров.

Проблемы инвестиций. Если раньше вопрос инвестиций как-то решался за счет государственных средств, то ныне большинство приватизированных предприятий могут рассчитывать только на частные капиталовложения. Между тем при высокой инфляции, политической нестабильности, недостаточных правовых гарантиях инвестиции крайне затруднены… Инвестиционные торги, которые проводятся регулярно, дают результаты, далекие от желаемых. Как правило, на инвестиционный конкурс поступает всего одна заявка потенциального инвестора, конкуренции нет. На практике администрация предприятия находит потенциального инвестора и специально под него составляет инвестиционную программу – конкурентность исключается заранее. В сложившейся ситуации непросто найти даже одного инвестора… Это вполне закономерно, ибо время инвестиций по-настоящему еще не наступило…

На российском фондовом рынке упал спрос на акции приватизированных предприятий, что объясняется падением курса рубля и наметившейся сменой приоритетов у иностранных инвесторов. Они прорабатывают возможную «ликвидность» инвестиций, их прибыльность за счет дивидендов. Уровень дивидендов напрямую зависит от уровня развития конкретного предприятия и экономики в целом. Для некоторых приватизированных предприятий выплата дивидендов стала признаком дурного тона, непозволительным излишеством в сложных экономических условиях. Инвестиции они воспринимают не как вложение средств с целью извлечения прибыли, а как подачки добрых богачей, благотворительность. Администрация некоторых предприятий упорно не дает информацию. Даже сведения, прозвучавшие на собрании акционеров, она считает закрытыми и выражает недовольство, если они появляются в печати. Такая позиция подрывает доверие потенциальных инвесторов к акциям этих эмитентов.

Не почувствовав себя хозяевами и не получив ощутимых доходов от имеющихся у них акций, мелкие акционеры, особенно те, кто приобрел акции на основании льгот для членов трудового коллектива, продают их при первом удобном случае. Они с легкостью делают выбор между своей долей в собственности предприятия и сиюминутными потребительскими нуждами в пользу последних. Это естественно: нигде в мире все население страны не стремится стать собственником средств производства. Это способствует концентрации капиталов и обретению собственности настоящим хозяином. Но имеет и негативную сторону: цены акций снижаются, поскольку предложение резко превышает спрос. Становится невозможным привлечение

портфельных инвестиций путем дополнительной эмиссии акций, то есть закрывается наиболее естественный и распространенный в мировой практике способ привлечения инвестиций.

Источник: Берман В. Санкт-Петербургское ЭХО. 8 марта 1995 года. № 9 (122). – http://www.pressa.spb.ru/newspapers/echo/arts/echo-122-art-21.html

В первые годы массовой приватизации структурная перестройка экономики шла туго. Предприятия плохо откликались на требования рынка снижать численность работников, повышать эффективность использования активов. Это вело предприятия к банкротству. Но признание банкротства зачастую откладывалось, в ход шли неплатежи за сырье и комплектующие, невыплата зарплаты работникам, мольбы к государству о дотациях. Впрочем, и в таких условиях производительность труда на приватизированных предприятиях была выше, чем на государственных.

Реформаторы не питали иллюзий относительно эффективности структуры собственности на ранних этапах реформы. Задача стояла шире: не столько провести реструктуризацию предприятий, сколько облегчить уход с рынка устаревших предприятий и появление на рынке новых фирм, то есть стимулировать процесс «созидательного разрушения». Его формы могли быть разными, но непременно при жестких бюджетных ограничениях и проведении процедуры банкротства как окончательного вердикта о судьбе предприятия. Даже в тех случаях, когда компании избегали банкротств, они были вынуждены продавать неиспользуемые активы, создавая тем самым рынок активов и закладывая основу новых предприятий.

Впрочем, в России пакеты акций достаточно быстро концентрировались в руках стратегических инвесторов за счет продажи акций работниками-миноритариями. После завершения приватизации владелец контрольного пакета акций формировался примерно в течение полугода. С этим связано ускорение структурной перестройки в конце 1990-х годов. Свою роль сыграла и девальвация рубля в ходе кризиса 1998 года, очистившая рынки сбыта от конкуренции иностранных производителей и позволившая многим отечественным предприятиям перестроиться и занять достойное место на рынке.

Опыт бывших соцстран показал, что эффект приватизации оказывается выше, если предприятия приобретают не отечественные предприниматели, а иностранные инвесторы, владеющие передовыми технологиями и имеющие опыт управления в условиях глобализации рынка.

Поэтому одной из стратегических целей приватизации было привлечение в Россию иностранных инвестиций и высоких технологий. Однако в России и на Украине доля иностранных инвесторов оказалась незначительной, в то время как в Венгрии и Румынии существенной.

Инвестиции пошли в Россию, но далеко не в той мере, на которую рассчитывали, потому что гарантии прав собственности были слабыми, налоговая и судебная системы неэффективными, расцветала коррупция. Сказалось и то, что в середине 1990-х годов работники и директора предприятий, задыхавшихся без инвестиций, чиновники всех рангов и депутаты законодательных собраний всех уровней под иностранными инвестициями понимали что-то вроде иностранной интервенции.

Подробнее. **Иностранный инвестор: тормоз или мотор?**

Российский рынок акций приватизированных предприятий до сих пор (1999 год. – *Ред.*) остается крайне неустойчивым. Он подвержен политическим влияниям и испытывает организационные проблемы. Такие рынки в мировой практике принято называть развивающимися. Их состояние во многом зависит от благосклонности иностранных инвесторов. Известен бурный подъем Гонконга, Тайваня, Южной Кореи за счет массированного притока иностранных инвестиций. Но для России проблема иностранных инвестиций остается чрезвычайно болезненной. В понимании наших соотечественников иностранные инвестиции – что-то вроде иностранной интервенции. К сожалению, так думают не только рядовые работники, но и директора заводов и фабрик, буквально задыхающихся без инвестиций, и чиновники всех рангов; и депутаты законодательных собраний всех уровней. В результате этот чисто психологический фактор становится еще одним серьезным тормозом денежной приватизации.

Между тем в понятии «иностранный инвестор» нет ничего зазорного, предосудительного, опасного. Напротив, весь мир пребывает в состоянии непрерывной погони за иностранными инвестициями. Африканцы и азиаты, европейцы и американцы расценивают как настоящую победу приход крупного иностранного инвестора на свой рынок.

Национальность капиталов – понятие весьма условное. Границы между иностранным и внутренним инвестором размыты. Скажем, американский инвестиционный банк вкладывает в Россию деньги своих клиентов. По сути, он является лишь посредником, поскольку работает со средствами инвестиционных фондов. Они, в свою очередь, аккумулируют чужие деньги – деньги граждан. То есть в этот инвестиционный фонд, а потом и в этот банк деньги приходят с мирового финансового рынка. На этом рынке находятся и российские деньги: масштабы экспорта капитала из России значительны (от 20 до 100 млрд долларов). Поэтому не исключено, что под видом иностранных инвестиций в Россию возвращается ее капитал.

Мировая финансовая система устроена так, что определить, кто именно инвестирует, сложно. Во все страны инвестирует весь мир. В долларе, вложенном в наши предприятия, один цент может оказаться «газпромовским», а другой – бабушки из Канзаса… А уж национальность денег, направляемых на портфельные инвестиции (инвестиционные фонды вкладывают в покупку акций, чтобы потом их продать и заработать на росте стоимости), определить тем более невозможно. Единственное, что можно констатировать с уверенностью: в этих инвестиционных фондах собраны деньги со всего мира.

Еще одна страшилка: придут англичане, американцы, немцы, скупят наши заводы и закроют их – конкуренцию устранять будут. Эта теория слишком красива, чтобы быть правдой. Потому что в реальном мировом разделении труда Россия и близко не претендует на нишу, занимаемую англичанами, американцами, немцами – производителями высококачественной продукции, требующей современного наукоемкого оборудования. Наши конкуренты – Бразилия, Индия, Китай, индустрия которых ориентирована на сырьевые отрасли… Но они сами нуждаются в инвестициях.

Из соображений конкуренции американскому инвестору закрывать российское предприятие ни к чему: не конкуренты мы. Хотя в те наукоемкие отрасли, в которых мы ушли дальше американцев, они, наоборот, с готовностью вкладывают. Например, в завод имени Хруничева, производящий космическое оборудование. Они хотели бы, чтобы этот завод остался, потому что не умеют делать таких разгонных блоков, как мы. Они не умеют делать таких «Протонов», таких больших сфер для космических модулей. Поэтому и «Локхид», и НАСА ежегодно вкладывают по 200–300 млн долларов в завод имени Хруничева.

Рассмотрим гипотетический пример. Скажем, немецкая фирма по производству определенного класса станков приобретает у нас родственное предприятие. «Чтобы закрыть», – уверяют критики приватизации. Но давайте подумаем: почему российский завод является для немецкого конкурентом? Наверное, потому что он производит продукцию качественнее и дешевле. А если немцы сами становятся хозяевами российского завода, зачем же им этот завод закрывать? Хозяин посмотрит, что лучше делается на русском заводе, а что – на немецком, и займется взаимовыгодным объединением двух бизнесов и получит продукт нового качества, более конкурентоспособный... Опасаться иностранных инвесторов глупо. Необходима оговорка: привлекая иностранные инвестиции, государство должно осторожно выбирать правильное соотношение между инвестициями на возвратной и безвозвратной основе, в противном случае возможны крайне неприятные последствия.

Существует два вида рыночных инвестиций. Одни предусматривают возвратность средств (облигации, евробонды). Предприятие (государство) продает желающим свои бумаги, которые являются свидетельством того, что это предприятие (государство) берет деньги в долг и через определенное время обязуется вернуть их с процентами. Безвозвратные инвестиции – инвестиции

в акции предприятия. Инвестор покупает акции и становится совладельцем предприятия. Свои вложения он возвращает благодаря дивидендам.

Инвесторы всегда осторожно подходят к неведомым им рынкам, особенно к развивающимся рынкам. Прежде чем вкладывать напрямую в акции предприятия, они предпочитают просто дать в долг. Условно говоря, прежде чем стать совладельцем «Самсунга», они дают ему в долг и смотрят, как возвращает. Поэтому на развивающихся рынках… первый рост экономической активности начинается за счет притока заемных инвестиций. Заемщику важно не потерять голову, не нахватать займов чрезмерно много, дабы иметь возможность все их вернуть в срок и с положенными процентами…

Российской приватизации нужны иностранные капиталы не потому, что в России нет собственных инвестиционных ресурсов, а потому, что нет механизма, с помощью которого их можно задействовать. В этом смысле поучителен чилийский опыт. Когда страна встала перед необходимостью проводить реформы, она оказалась в международной изоляции: диктаторский режим, ущемление прав человека. На иностранные инвестиции она рассчитывать не могла… «Чикагские мальчики» из правительства Пиночета нашли внутренние источники для инвестирования – все социальные отчисления, прежде всего пенсионные, которые каждый работодатель делал для своих рабочих. Пенсионерам оставили только минимальные пенсии, чтобы с голоду не умерли, а все остальные социальные средства сконцентрировали в частных пенсионных фондах. И эти средства стали инвестировать в экономику и подняли ее…

В России с нынешним состоянием пенсионного фонда подобные вещи невозможны. У нас отчисления в Пенсионный фонд – не долгосрочные инвестиции… Почему Америка – крупнейший инвестор в мире? Потому что там исправно работает система паевых инвестиционных фондов. Не Сорос с Гейтсом инвестируют в весь мир, а 200 млн американского населения. Не может быть никакого сравнения между Соросом с его 9 млрд долларов и паевым инвестиционным фондом «Фиделити» с его 500 млрд долларов.

Источник: Кох А. Государство-продавец // Приватизация по-российски / под ред. А.Б. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 255–261.

Подробнее. **Приватизация по-российски: доводы противников и сторонников**

Е. Гайдару и А. Чубайсу за приватизацию следует вынести обвинительный приговор, – считает большинство их оппонентов. Попробуем разобраться по существу.

Доводы противников приватизации по-российски:

– от приватизации все наши беды и сам кризис: падение производства, снижение жизненного уровня, остановка инвестиций и инновационного процесса, коррупция и разложение государства вследствие установления господства олигархов;

– рентоориентированное поведение новых собственников, инсайдерские хищения, вывоз капиталов за рубеж привели к разграблению России (второй тезис можно рассматривать как дополнение к первому, как механизм раскручивания кризиса);

– источником бед стала слишком радикальная, рассчитанная на нереально короткие сроки, подчиненная не экономическим, а исключительно политическим целям политика приватизации. В итоге эффективность не росла, приватизация не дала бюджету сколько-нибудь значительных доходов (третий тезис дополняет первые два);

– приватизация, как и все рыночные реформы в России, не соответствовала институтам и культуре страны, которые отторгали и частную собственность, и институты, необходимые для эффективного функционирования рынков.

Советологи М. Голдман и А. Гринспэн понимали значение культуры… «Многое из того, что принимали как данность в нашей системе свободного рынка и приписывали человеческой природе, оказалось вовсе не природой, а культурой. Демонтирование функций централизованного планирования в экономике не устанавливает автоматически, как некоторые считали, свободно-рыночную предпринимательскую систему. Рыночную экономику подпирает огромная масса капиталистической культуры и инфраструктуры, которая эволюционировала в течение первых поколений: законы, конвенции, поведение и широкий спектр бизнес-профессий и практик, которые не имели важных функций в экономике с централизованным планированием»… Черные рынки «по определению не поддерживаются нормами права. Там не существует права владения и распоряжения собственностью, защищаемого правоохранительной властью государства. Нет договорного права, законов о банкротстве и правового решения, опять-таки вводимых государством». Похоже на российский рынок начала 1990-х годов. И критически важно для понимания того, что произошло в России… Но возникает вопрос: переделка институтов, культуры и ценностей должна была предшествовать приватизации и либерализации или следовать за ними? Вернемся к нему чуть позже.

По остальным тезисам приведу подтверждающие ссылки на другие авторитеты. Г. Явлинский пишет: «Каков был эффект от приватизации – общеизвестно: падение объемов производства, рентабельности, катастрофическое сокращение инвестиций при росте всех видов задолженности и скрытом уводе или утрате предприятием всех видов ценных активов». Видите как: общеизвестно! Это высказывание просто иллюстрирует первый тезис.

Второй тезис развивают почти все критики. В. Полтерович и А. Хеллман суть проблемы видят в том, что приватизация, проводимая без необходимых институтов и культуры, пробудила дьявола частной корысти, которого почти ничто не сдерживало. В итоге немногие жадные и несклонные считаться с правовыми нормами люди украли народное достояние и вывезли украденное за рубеж. Это и вызвало кризис в России. Вопрос: единственный ли это (или хотя бы главный ли) фактор трансформационного кризиса в России?

Дж. Стиглиц считает, что приватизация сейчас не признается необходимым условием реструктуризации, как полагали в начале 1990-х годов МВФ (С. Фишер) и Министерство финансов США (Л. Саммерс). Он ссылается на положительный опыт Польши 1992–1997 годов, когда остановили приватизацию, не стали торопиться в расчете на то, что жестких бюджетных ограничений первое время будет достаточно. Стиглиц упоминает и опыт децентрализации в Китае, где частная собственность и конкуренция заменяются широкими полномочиями и инициативами региональных правительств, что обеспечивает успехи китайских реформ. Все это сводится к мысли, что не надо было спешить.

Явлинский ставит вопрос о вреде «конвейерной» приватизации и считает, что к массовой приватизации крупного производства можно было приступать только после формирования устойчивого слоя мелкого и среднего частного бизнеса. Ибо только он способен помочь настоящим, а не «назначенным» предпринимателям аккумулировать средства и опыт для участия в приватизации крупного производства и обеспечить тем самым конкурсность и относительную честность этого процесса. Явлинский настаивает также на том, что «частная собственность без конкуренции – явление еще более вредное, чем собственность государственная».

Интересно, как организовать конкуренцию между государственными предприятиями без частников? Я уже согласился с тем, что поспешность приватизации, несомненно, понизила ее эффективность и легитимность и, видимо, способствовала росту трансакционных издержек. Но хочу еще раз заметить, что значительная часть крупных и доходных предприятий из массовой приватизации была исключена. Так что пожелания Явлинского были отчасти учтены. Недостаточно? Не исключены были крупные металлургические комбинаты, и у них были определенные трудности с перераспределением собственности. Но ведь уже несколько лет они работают эффективно. Это значит, что собственники определились неплохие или большее значение имеет то, что на металлы хорошая конъюнктура на мировых рынках?

Явлинский и Голдман пишут также о том, что приватизация крупных предприятий при монопольной структуре советской экономики привела к монополизации большинства рынков. Этот тезис во многом справедлив, уровень конкуренции действительно низок. Но открытость российской экономики чаще всего снимает проблему монополизации – вплоть до вытеснения российских производителей с отечественных рынков. А в большинстве других случаев, как показали исследования, низкий уровень конкуренции обусловлен не столько монополизмом, сколько размещением предприятий в удаленных местах и небольших поселениях.

У защитников российской приватизации два весомых аргумента.

Первый аргумент: другого выхода не было. В обоснование приводятся следующие доводы:

– общество было подготовлено к приватизации как к наиболее важному шагу рыночных реформ, в том числе решениями органов власти СССР и РСФСР в 1988–1991 годах. Остановиться уже было нельзя. Да и не следовало, ибо в другой раз готовности общества можно было не дождаться;

– либерализация цен была проведена вопреки канонам, требовавшим проводить ее после «большой приватизации». Но жесточайший товарный дефицит принуждал действовать, значит, надо было торопиться с приватизацией. Задержка грозила политическим поражением, поскольку остальные ресурсы оставались в руках «красных директоров»;

– интенсивная спонтанная приватизация в пользу номенклатуры грозила вызвать социальный взрыв. Этот стихийный процесс требовалось срочно ввести в законное русло.

Надо отметить, что обоснованиями необходимости приватизации реформаторы себя особо не обременяли. Тогда это казалось само собой разумеющимся. Несомненно, доминировал политический фактор: обеспечить необратимость реформ, пройти точку невозврата. Критерий осуществимости играл самую важную роль, поэтому приоритетным был вариант приватизации, имевший преимущества по нему. Кроме того, надо учесть отсутствие платежеспособного спроса населения (ваучеры как раз создавали искусственный спрос) и нулевой интерес иностранных инвесторов…

Второй аргумент: все другие варианты были хуже. А. Чубайс писал: «Конечно, у нашей приватизации было много минусов, но при спонтанном разгосударствлении, затянись этот процесс по воле “мягких” реформаторов на год-другой, мы бы имели тот же набор недостатков, но в гораздо более крупных размерах». Он отмечал, что опасность криминализации была очень высока, но вся программа приватизации создавала нормы, позволявшие отличать криминальные операции от некриминальных. Спонтанная же приватизация таких норм не давала, под ней не было легальной базы. Так что предложенный вариант был направлен преимущественно против присвоения госсобственности номенклатурой, чтобы хотя бы что-то досталось широким массам и особенно новым предпринимателям. Чубайс убежден, что «российское государство в реалиях 1992–1993 годов в принципе не могло сделать большего на ниве приватизации, чем то, что удалось сделать». В этом случае аргументы дополняют друг друга.

Представленные позиции противников и сторонников приватизации диаметрально противоположны. Первые утверждают, что приватизация в России полностью провалилась, трансакционные издержки неприемлемы по масштабам; Чубайс, пишет Голдман, по «нечаянности» создал такие структурные деформации в экономике, которые нелегко исправить. Вторые убеждены, что приватизация достигла успеха, близкого к максимуму возможного, а трансакционные издержки оказались близки к минимуму. Кто же прав?

Начну с ***аргументов реформаторов*** и постараюсь быть объективным, хотя симпатии мои на их стороне, поэтому даже перегну палку. Разумеется, о полном провале не может быть и речи, поскольку массовая приватизация

состоялась. За 1994–1996 годы доля госсектора сократилась с 38 до 23%, а частных предприятий выросла с 25 до 38%, приватизированных предприятий (включая компании с госучастием) – с 37 до 39%. Во многом это удалось потому, что ставка была сделана на осуществимость. Но до полного успеха оказалось далеко.

Во-первых, все меры, принятые для равномерного, «справедливого» распределения госсобственности, оказались тщетными. Народу – ни членам трудовых коллективов, ни владельцам ваучеров – не досталось почти ничего. Колоссальные и достаточно эффективные усилия по организации распространения ваучеров и проведению чековых аукционов и конкурсов (организационное чудо) не дали в этом смысле практически никакого результата. Не сомневаюсь в искренности намерений реформаторов, но получилось так, что вся ваучерная приватизация оказалась операцией прикрытия, обеспечившей благожелательное отношение населения к приватизации. «Народный капитализм» не состоялся.

Во-вторых, борьба против номенклатурной приватизации вылилась лишь в то, что в дележе приняли участие не только менеджеры и номенклатура, но и новые предприниматели. Реформаторы очень старались, чтобы последние преуспели. В конечном итоге приватизированные активы достались в основном этим двум группам. Они и участвовали в дальнейшем переделе. Для будущей эффективности экономики это было неплохо. Но популярности реформаторам, особенно после широковещательных деклараций о народной приватизации, не прибавило.

В-третьих, такие итоги во многом были результатом спешки, слишком коротких сроков. У людей не было времени усвоить совершенно новые для них понятия, осмыслить риски и возможные потери, связанные с тем или иным поведением, найти способы и институты защиты своих интересов. Кроме того, все происходило на фоне углублявшегося кризиса, обесценения сбережений. Сейчас многие говорят о том, что сбережения можно было хотя бы отчасти возместить ваучерами или акциями приватизируемых предприятий. Ясно, что скорость операции была на руку более ловким, более оборотистым.

Не берусь сегодня судить о том, насколько целесообразным было бы продление сроков чековой приватизации, ибо речь идет преимущественно о ней. Не исключено, что затягивание сроков могло повлечь только большие злоупотребления и потери. Но думается, поспешность увеличила трансакционные издержки. Все было забыто в горячке распределения собственности. Ведь в то время определялось, кто будет богатым, а кто – бедным в новой капиталистической России.

В-четвертых, по прошествии времени можно утверждать, что денежный этап приватизации был практически сорван. Никто не считает залоговые аукционы образцом действий этого этапа. Скорее уж, это был бы «Связьинвест». Но как раз он вызвал тяжелые осложнения для реформаторов, показавшие, что союз с олигархами, попытка опереться на их поддержку не оправдали себя.

Теперь об ***аргументах противников приватизации*** по-российски.

В приватизации – причина провала российских реформ и всех наших бед трансформационного кризиса. Этот тезис не выдерживает критики.

Во-первых, независимо от желания критиков он косвенно реабилитирует коммунистическую плановую систему. Между тем именно ее несостоятельность, упадок и крах в конечном итоге были главной причиной трансформационного кризиса и его особой глубины в России, где эта система родилась и сложилась в канонической форме и дольше всего просуществовала, обусловив наибольшие разрушения институтов рыночной экономики и частной собственности, изменив ментальность большинства населения. Эта система породила в российской экономике глубокие структурные деформации как вследствие ее милитаризации, так и в силу свойственной ей слабости стимулов к качественному труду и инновациям. Не Чубайс их породил, а коммунизм. Это вело к расточительному использованию ресурсов и компенсации высоких затрат увеличенной добычей сырья, топлива, других первичных ресурсов.

Во-вторых, закрытость экономики создавала видимость загруженности всех мощностей, но только производством продукции, которая оказалась неконкурентоспособной, когда экономика была открыта. А открыть ее было необходимо, потому что товарный дефицит к началу реформ достиг небывалых масштабов.

В-третьих, либерализация цен потребовала чрезвычайных мер по борьбе с инфляцией, тем более что предварительно снять инфляционный навес не удалось. И вряд ли бы удалось кому бы то ни было в тех условиях. Как один из авторов программы «500 дней», где эта идея предлагалась, хорошо представляю, какие атаки лоббистов пришлось бы выдержать тем, кто попробовал бы ее реализовать. Нам это доходчиво объяснил в последние дни августа 1990 года министр финансов СССР В. Павлов. Я уже не говорю о состоянии союзных финансов в силу снижения цен на нефть и многих неудачных решений последних союзных правительств, войны суверенитетов 1991 года. Несомненно, приватизация что-то добавила к этим факторам кризиса. Но ее вклад по сравнению с ними был более чем скромным.

Рентоориентированное поведение новых собственников и инсайдерские хищения – причина кризиса. Безусловно, эти явления сыграли важную отрицательную роль, заметно увеличив трансакционные издержки. Но, как показано выше, не они стали главными причинами кризиса. Накануне реформ руководство страны и российское общество были близки к консенсусу в понимании того, что бедственное положение советской экономики было в значительной степени обусловлено господством государственной собственности. Отказ от нее стал одним из императивов реформ. Решения союзных властей о разгосударствлении экономики дали толчок к пробуждению в людях естественной тяги к частной собственности. С тех пор подавленные инстинкты и частные интересы уже нельзя было остановить, тем более при слабевших государственных институтах. А слабели они

не столько от демократических митингов, сколько от зиявшей дыры в бюджете и пустых полок магазинов…

В этих условиях рентоориентированное поведение молодых предпринимателей и чиновников оказалось наиболее рациональным. Тот, кто прежде других оценил это обстоятельство, выиграл в гонке за распределение ставших бесхозными богатств. В России наступил период хаоса. Криминализация и коррупция не родились в тот момент, но расцвели пышным цветом… Но этот хаос был созидательным. Из него, из стихии реальных социальных процессов рождались рыночная экономика и частная собственность. Хаоса у нас было больше, чем в Польше или Чехии. Но это не от глупости, а от культурной отсталости, от более длительного пребывания в коммунистической западне. Потом, прежде всего у тех, кто больше нахапал, родился спрос на защиту собственности. Сначала казалось, что для этого достаточно роты охранников. Позднее пришло ощущение, что закон и его соблюдение лучше. На рынке стало тесно, рентоориентированное поведение исчерпало свои выгоды.

Я не призываю терпеть преступления и коррупцию. Я призываю подумать над тем, что при крупных социальных потрясениях, ослаблении государства, смене важнейших институтов эти явления распространяются и усиливаются. Рентоориентированное поведение, не сдерживаемое ни равновесием рынков, ни институциональной системой, претерпевающей радикальные перемены, становится на какое-то время самым разумным.

Далее власти публично заявили, что в России вводится экономическая свобода и будет происходить разгосударствление, то есть государственная собственность… будет передана в частные руки. Даже если «правильные» в этом смысле законы написаны, в стране, где закон всегда был «за государство и его служителей, люди не будут поступать по закону. Они еще должны понять, зачем он им нужен и чего будет стоить его нарушение. Поэтому первая реакция людей более активных и рискованных, имеющих больше возможностей, – захватить и припрятать, вывезти за рубеж, подальше от этого государства, мало ли как повернутся события завтра. Позже, когда установится порядок, эти мотивы будут подавлены.

Разве подобное поведение – результат неправильного выбора форм и темпов приватизации? Да нет же, это результат свободы, предоставленной неготовым к ней людям. Так, может, не давать им свободу, чтобы не было подобных явлений? Или давать, но постепенно? Так и давали постепенно! Только объявили, еще никто ничего не раздавал – и уже началось… Очевидно, что Россия – не Чехия, тем более – не Великобритания, где в условиях устоявшихся институтов угольная промышленность приватизировалась 11 лет.

Приватизация в России, как и рыночные реформы в целом, не соответствовала российским институтам и культуре. Святая правда… Ясно, что никакое развитие невозможно, если не изменяются институты и культура. Что же касается того, что их следовало менять до реформ, до приватизации, чтобы они не вызывали негативных последствий, у меня вопрос: разве

свободные цены и свободный обмен – это не институты? Разве частная собственность – не институт? Институты, да еще какие! Это ключевые институты рыночной экономики. Если они появляются, то появляются и самые необходимые условия для нее. Их нет – и иные институциональные изменения невозможны. Они дают импульс становлению всех остальных институтов и культуры, отличных от советской плановой экономики. Да, это болезненные операции. Так что, не проводить их?

Приватизация, сначала формальная, дает старт непростому процессу культивирования института частной собственности, его легитимации. Частная собственность из формальной нормы превращается в полноправный, реально работающий институт шаг за шагом, правомочие за правомочием, по мере утверждения других необходимых институтов рыночной экономики: независимого суда, инфорсмента законов, прекращения привычного бюрократического произвола, свободы СМИ, развития экономической и политической конкуренции. В странах, где соответствующие институты развиваются естественно, формальная норма завершает процесс институционализации. А в странах, которые заимствуют или выращивают (культивируют) непривычные, но полезные институты, формальная норма чаще всего становится исходным пунктом процесса.

Источник: Ясин Е.Г. Российская приватизация: еще один взгляд. – www.ru-90.ru

Подробнее. **Отношение россиян к пересмотру итогов приватизации в 2000-е годы**

Широко распространенное мнение о незаконности приватизации 1990-х годов и ее губительных последствиях для «государства» и «народа» существенно укрепилось, когда началась «борьба с олигархами» – особенно после «дела ЮКОСа». На протяжении 2000-х годов подавляющее большинство опрошенных поддерживают идею пересмотра итогов приватизации. Однако люди, считающие себя (и государство) ограбленными и обманутыми, не надеются, что таким путем будет восстановлена «справедливость».

В отношении к итогам приватизации и возможности их пересмотра в 2000-е годы прослеживалась характерная двойственность. Подавляющее большинство поддерживает пересмотр результатов приватизации, особенно крупных предприятий энергетики и добывающих отраслей, считая, что она была незаконной, проиграл «простой народ» и «государство» (в патерналистской, советского образца трактовке). Однако ожидания относительно результатов возможного пересмотра итогов приватизации весьма скептичны. Опрос, проведенный в июле 2004 года, показал, что 35% респондентов считали, что передел пойдет на пользу чиновникам и бюрократам, 35% – другим олигархам, 20% – нажитые олигархами богатства достанутся государству, и только 7% – будут возвращены народу.

Наиболее распространенным оценкам приватизации («разграбление, распродажа государства, страны, народных богатств, разбазаривание

ресурсов») закономерно соответствует закрепившееся в массовом сознании преимущественно негативное отношение к крупным собственникам: предпринимателям, бизнесменам, олигархам… Правда, толерантность к чужому богатству несколько выросла, и в 2005 году соотношение тех, кто воспринимает богатых с неприязнью и раздражением и, напротив, с интересом или уважением, примерно равно…

Представления о том, каким образом человек в нашей стране может разбогатеть, формируются, как и в советскую эпоху, на фоне чувства собственной социальной ущемленности, недееспособности, зависимости от обобщенных «других». Так, по мнению подавляющего большинства, богатство может быть нажито только благодаря «большим связям», готовности нарушать закон или начальному «социальному капиталу» (то есть возможности получить хорошее образование и работу). Личная инициатива и целеустремленность оцениваются ниже всего. Существенно и то, что среди факторов, способствующих обогащению, ведущая роль отводится самой экономической системе, оцениваемой негативно.

У большинства соотечественников появление в стране не просто состоятельных и богатых людей, а бизнесменов, которые входят в списки самых богатых людей мира, вызывает резко негативные чувства… Опросы показывают, что приспособление большей части населения к переменам происходит по типу пассивной, «понижающей» адаптации. При этом основным психологическим ресурсом и ценностной мотивацией выступает традиционное российское «терпение» – своего рода маскировка слабости, потерянности, неверия в собственные силы…

Значительная часть населения ощущает себя вытесненной «на обочину жизни» в экономическом, правовом, гражданском смысле и вместе с тем полностью зависимой от того, что происходит «наверху». Именно в этом заключается одна из важнейших причин того, что сегодня за устойчивым и широко распространенным отрицательным отношением к последствиям приватизации и итогам всего периода реформ мы часто обнаруживаем раздраженное и мстительное ожидание «социального реванша», парадоксальным образом сочетающееся с практически полным отсутствием надежд на восстановление «социальной справедливости».

Источник: Зоркая Н. Приватизация и частная собственность в общественном мнении в 1990–2000 годах // Отечественные записки. 2005. № 1. – http://www.strana-oz.ru/?numid=22&article=7009

И все же институт частной собственности в России утвердился. Появились частные собственники, заинтересованные в повышении эффективности своих предприятий. Стали играть заметную роль механизмы и стимулы рынка. Государство сняло с себя обязанность дотировать значительную часть предприятий. Политические свободы обрели определенную экономическую базу. Вот только капитализм получился кланово-бюрократический, «для своих».

Глава 6.
КРИЗИС 1998 ГОДА

6.1. Долговая яма вместо эмиссии денег

С начала 1990-х годов Верховный Совет, а затем Госдума принимали нереальные дефицитные бюджеты, в которых расходы намного превышали запланированные доходы. Причин так поступать у депутатов было много: негуманно урезать и так низкие зарплаты учителям и врачам, нельзя не платить довольствие военным и зарплату бюджетникам, без финансовых вливаний не выживут градообразующие предприятия. Сильное лоббистское давление оказывали директора убыточных предприятий разных отраслей. Все требовали от государства помощи...

Предприятия и организации спортсменов, ветеранов, церкви были освобождены от уплаты таможенных платежей при импорте товаров. Под давлением директоров были снижены акцизы на легковые автомобили – причем по-разному для каждого завода. Было принято постановление об особенностях исчисления затрат в газовой промышленности, в результате чего бюджет недосчитался примерно 500 млрд рублей. Поощрялись внебюджетные отраслевые фонды, которые формировались за счет уменьшения прибыли. Контроль за сбором и расходованием этих средств наладить не удалось, выполнение положения Указа Президента РФ № 1004 об ограничении размеров таких фондов и их консолидации в бюджете было заблокировано. «Влиятельным» директорам по решению президента и правительства предоставлялись налоговые отсрочки и налоговые кредиты на сотни миллиардов рублей.

Для правительства до 1995 года привычным было финансирование расходов бюджета за счет эмиссии новых денег, которая обставлялась в форме фактически безвозмездных кредитов Центрального банка. Это было главной причиной инфляции, не снижавшейся многие

годы. Налоговые органы работали неудовлетворительно, координация деятельности налоговых инспекций, налоговой полиции и Минфина оставалась крайне слабой. Государство не выполняло свою главную функцию – не обеспечивало устойчивое финансирование государственных учреждений и стабильность национальной денежной единицы.

Грозным предупреждением о пагубности такой политики стал «черный вторник» 11 октября 1994 года. В этот день случился валютный кризис, кульминацией которого стало беспрецедентное падение курса рубля по отношению к доллару – с 3081 до 3926 неденоминированных рублей за 1 доллар, или на 27,4% за одну торговую сессию.

Спрос на валюту в тот день составил рекордную величину – 335,7 млн долларов, а предложение – лишь 24,2 млн.

Подробнее. «**Черный вторник**»

Всю неделю состояние внебиржевого валютного рынка напоминало глубокую депрессию, и некоторые признаки улучшения его конъюнктуры проявились лишь вчера (17 октября 1994 года. – *Ред.*). Рывок доллара 11 октября и его последующее падение практически парализовали внебиржевой сегмент валютного рынка. В «черный вторник» объемы внебиржевых сделок с безналичными долларами были минимальны. Прямых межбанковских договоров фактически не заключалось, а в Межбанковском финансовом доме торговали только по плавающему курсу, ориентированному на котировки ММВБ. В банках разброс безналичных котировок был в тот день как никогда высок – 100–200 рублей на доллар. В последующие дни сделок совершалось по-прежнему мало. Предвидя откат доллара, банкиры опускали котировки быстрее, чем снижался биржевой курс, и уже в среду вечером безналичный доллар в Москве можно было купить за 3400 рублей (итоги торгов ММВБ 12 октября – 3736 рублей/доллар). К тому же после начала отката доллара на рынке сложился дефицит рублевых средств. Лишь к концу недели, когда поведение рубля стабилизировалось, структура спроса и предложения выровнялась, текущий биржевой курс и курс межбанковского рынка сблизились. Банкиры продавали валюту дороже, чем на бирже – примерно на 40–50 рублей.

Источник: «Черный вторник» – такой же, как и вся неделя // Коммерсант. 18 октября 1994 года. № 197 (665). – http://kommersant.ru/doc.aspx? fromsearch=635eb9a2-b83b-46f3-8e7b-7de5eee476ae&docsid=92711

***

Как ни велико было потрясение российского валютного рынка, вызванное скачком курса на московских торгах в «черный вторник», уже через неделю котировки региональных бирж начали выравниваться. Тенденция

к выравниванию возобладала на этой неделе и на региональном рынке наличных продаж. Однако неустойчивость ситуации обусловила значительное увеличение маржи между курсами скупки и продажи доллара, что практически свело на нет возможность эффективных межрегиональных спекуляций… Восстановление привычной динамики курса доллара на московских торгах вызвало практически незамедлительную реакцию участников остальных российских валютных бирж. В итоге уже в начале этой недели разброс биржевых котировок в регионах, неделей ранее достигавший беспрецедентных 1000 пунктов, сократился до 200 пунктов… Вчера (20 октября 1994 года. – *Ред.*) разброс курсовых показателей на разных торговых площадках сократился до 62 пунктов, а максимальная разница между московскими и региональными котировками составила лишь 1,5%.

Источник: Потрясение было сильным, но недолгим // Коммерсант. 21 октября 1994 года. № 200 (668). – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=08a5a333-efba-42ea-b4d2-de5207af44cf&docsid=93082

Подробнее. **Крах валютного рынка: причины, последствия, виновные**

С. Алексашенко, заместитель министра финансов в 1993–1995 годах, о «черном вторнике»:

При проведении Центральным банком активной политики на валютном рынке первостепенное значение имеют своевременность и полнота получения информации лицами, принимающими решения относительно курсовой и денежной политики. Печальным фактом того времени явилось то, что результаты эмиссионной политики Центрального банка были неизвестны его сотрудникам, отвечавшим за проведение курсовой политики. Это в полной мере касалось событий июля–августа 1994 года. Столь мощное давление на рубль, которое проявилось в сентябре 1994 года, оказалось для них абсолютно неожиданным…

До «черного вторника» в России де-факто существовал режим плавающего курса рубля. Но в России всегда был силен фактор сезонности: спрос на иностранную валюту повышается в январе и августе–сентябре, а предложение растет в апреле–мае и декабре. Поэтому ничего удивительного в появившемся в конце августа спросе на валюту не было. ЦБ начал продавать доллары, сдерживая движение курса. Незнание реального положения дел привело к тому, что потери валютных резервов росли каждый день (они снизились с 6,5 млрд долларов на 1 июля до 3,8 млрд к 10 октября), а давление на рубль не прекращалось, несмотря на его быструю девальвацию.

После эмиссионной накачки экономики во второй половине лета и под воздействием сезонного спроса на иностранную валюту снижение курса рубля набирало скорость. Если в августе рубль упал на 6,6%, за первые две декады сентября – еще на 6,3, то за третью декаду месяца – на 12,8%, а за первую неделю октября – на 16,8%. В отдельные дни курс рубля снижался

на 5–6%. Но это не успокоило участников рынка, в азарте продолжавших давить на рубль. И он рухнул!

В этой ситуации ЦБ 11 октября 1994 года предоставил свободу рынку в поиске равновесного курса и прекратил долларовые интервенции. Курс доллара подскочил настолько, что в тот же день стало понятно: его обратное движение неизбежно. Остановить падение курса рубля на торгах могло только вмешательство ЦБ, что он и сделал. На следующий день курс рубля пошел вверх, но головы руководителей Минфина (С. Дубинина) и Центрального банка (В. Геращенко) полетели.

Источник: Уроки кризисов. Интервью с С.В. Алексашенко. – www.ru-90.ru

***

Отдельные банки на торгах 11 октября вместо заявленной покупки валюты после резкого повышения курса доллара начали его продавать или покупать в значительно большем объеме. По официальным данным валютной биржи, в максимальном выигрыше по итогам торгов (превышение продажи над покупкой) оказались Мост-банк (Гусинский) – 14 млн долларов, Нефтехимбанк (Жук) – 12 млн, Альфа-банк – 7 млн, Международный Московский банк (Судаков) – 5 млн, Межкомбанк – 5 млн долларов… Если бы не последующие решительные меры денежных властей по укреплению курса рубля, то эти банки не заработали бы ни цента – у них не было бы возможности, продав «его» за 4000 рублей, через день купить за 3000, причем непосредственно у ЦБ, которого политическая ажитация вокруг скачка заставила провести масштабные и, на наш взгляд, нецелесообразные интервенции… Среди банков… на роль «первых подозреваемых» могут быть выдвинуты Альфа-банк, «Славянский», Росместбанк, «Менатеп» и Инкомбанк…

Нагнетанию обстановки на валютном рынке способствовала просочившаяся в финансовые и предпринимательские круги информация о возможном введении фиксированного курса рубля с 1 ноября 1994 года. Записку с этим предложением Минфина имели на руках участники совещания у председателя правительства 9 октября в Сочи (Шохин, Чубайс, Заверюха, Шахрай, Геращенко, Парамонова, Уринсон, Дубинин, Петров, Вавилов, Алексашенко). Атмосферу неуверенности на финансовом рынке создавали и выступления в средствах массовой информации политических деятелей (Федоров, Шохин, Гайдар и др.).

В сентябре – начале октября отдельные комбанки особенно активно вели валютные операции и своими действиями способствовали искусственному росту курса доллара. Так, Росмедбанк (Кузьминский) за 3 недели (с 19 сентября по 10 октября) приобрел на ММВБ почти 405 млн долларов, «Менатеп» (Ходорковский) – 250 млн, «Славянский» (Лощатова) – 230 млн, Инкомбанк (Виноградов) – 162 млн… Банк «Славянский» постоянно производил крупные покупки валюты, не имея на своих счетах достаточных средств в рублях. Имелись нарушения и по установленным ЦБ лимитам по открытой валютной позиции. Значительные нарушения установленного

лимита допускал Альфа-банк (Авен): 24 августа – на 46%, 25 августа – на 22%. Особую активность в предварительных заявках на покупку валюты 11 октября проявили банки: «Славянский» – 65 млн долларов, «Менатеп» – 38,6 млн, Инкомбанк – 30 млн, Международный Московский банк – 15 млн, Росместбанк – 13,3 млн, «Империал» – 10 млн долларов.

Источник: Кириченко Н. Тут нам истопник и открыл глаза // Коммерсант. 8 ноября 1994 года. № 42 (104). – http://kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=10513

***

Обвинять в произошедшем только банки вряд ли правильно: в условиях резких колебаний курса не использовать образовавшиеся на рынке диспропорции было бы просто неоправданным… Для сдерживания активности банков как раз и необходим регулятор (Центральный банк)… Подведем итоги. От стремительного роста курса выиграли экспортеры и крупные банки, заметно увеличившие свои активы. В серьезном проигрыше оказались импортеры – нынешний курс практически исключил возможность эффективного импорта. Довольно опасным может оказаться рост курса и для мелких банков, включившихся в игру на последней, самой высокорискованной стадии. Как правило, такие банки менее осторожно подходят к выдаче кредитов под импортные операции, и невозвраты ссуд могут и не быть компенсированы прибылью от валютных операций.

Источник: Кацман Ю. Резкое падение курса рубля // Коммерсант. 12 октября 1994 года. № 193 (661). – http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=92201, http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=92213

Правительство осознало, что «черный вторник» не случаен, слабая денежная политика с активным кредитованием бюджета Центральным банком ведет страну к катастрофе.

Проблему дефицита бюджета можно было решать:

- **по-прежнему за счет эмиссии – печатать столько новых рублей, сколько требуется государству,**
- **или отказаться от эмиссии денег и брать средства взаймы на внутреннем и внешнем рынках.**

Хватило бы тебе воли отказаться от эмиссионного способа покрытия бюджетного дефицита?

С 1995 года Центральному банку было законом запрещено выдавать кредиты правительству. Это решение сыграло важнейшую роль в последующей макроэкономической истории России, позволило

стабилизировать ситуацию на валютном рынке. Во главу угла было поставлено подавление инфляции любой ценой.

Правительство убедило депутатов в том, что отказ от эмиссии приведет к снижению инфляции, следовательно, нужно закладывать в бюджет чрезвычайно консервативные прогнозы по его доходам. Минфин ограничил расходы ведомств. Уже со II квартала 1995 года Центральный банк перестал кредитовать правительство, инфляция стала резко снижаться: если в 1994 году она колебалась от 13 до 20% в месяц, в январе 1995 года составляла 20%, то к декабрю 1995 года упала ниже 10% и продолжала уменьшаться.

В то время единственным видом финансовых рынков был чрезвычайно изменчивый валютный рынок. Чтобы стабилизировать ситуацию, сгладить резкие колебания курса рубля к доллару, с 6 июля 1995 года был введен валютный коридор – установлены официальные пределы его колебаний. Центральный банк поддерживал его своими валютными интервенциями на биржевом и межбанковском валютных рынках. Валютные коридоры объявлялись сначала на квартал, затем на полгода, потом на год.

Введенный механизм стал классическим примером использования курса национальной валюты в качестве «номинального якоря инфляции». Его целью было снижение темпов внутренней инфляции до темпов инфляции у ведущих торговых партнеров России. Введение валютного коридора имело сильный психологический эффект: люди поверили в обещанную стабильность рубля. Совместные заявления правительства и Центрального банка об ориентирах валютной политики создали рациональные курсовые ожидания в экономике.

Подробнее. **Валютный коридор**

В июле 1995 года Центральный банк ввел валютный коридор с достаточно узкими границами, что во многом определило макроэкономическую ситуацию во втором полугодии. Режим валютного коридора позволил устранить неопределенность динамики курса доллара и способствовал повышению доверия к денежно-кредитной политике государства… В рамках валютного коридора обменный курс стабилизировался. Центральному банку уже не требовались значительные продажи на валютном рынке, так как благодаря обязательству защищать границы коридора полностью пропал спекулятивный интерес к игре на повышение или понижение курса доллара.

Начавшиеся в 1995 году стабилизация и укрепление реального курса рубля ознаменовали начало притока капитала в страну, в частности,

репатриацию части российских финансовых ресурсов. Тем самым формировались предпосылки для удешевления кредита, снижения доходности спекулятивных финансовых операций и усиления внимания финансовых институтов к инвестированию в производство. Уже во второй половине 1995 года крупные российские банки стали проявлять устойчивый интерес к производственной сфере, создавали специальные подразделения, занимавшиеся инвестициями, обострилась межбанковская борьба за пакеты акций приватизируемых предприятий. Рост реального курса рубля ухудшил положение предприятий-экспортеров и повысил конкурентоспособность импортных товаров. Естественной реакцией правительства стало повышение импортных и снижение, а затем отмена, экспортных пошлин. Однако этого было недостаточно для несырьевых экспортеров, особенно для немногочисленных предприятий машиностроения, способных выйти на внешний рынок. Именно они могли бы составить надежную социально-политическую базу стабилизационного курса, ухудшение их экономического положения было нежелательно.

Источник: Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России (1991–1997). М.: ИЭПП,1998. С. 132–133.

***

Правительство заявило о продлении срока валютного коридора и после 1 января1996 года. Впрочем, доллар и не пытается из него вырваться – за последнюю неделю его безналичные котировки остались на уровне 4467 рублей. С 1 января 1996 года рамки валютного коридора будут сужены (до каких значений, пока не уточняется), а срок его действия продлен. Об этом заявил председатель правительства В. Черномырдин. Добавив, что если бы не валютный коридор, то «доллар рухнул бы давно». «Валютному коридору необходимо сказать спасибо, так как он привнес стабильность и предсказуемость в экономическую жизнь России», – резюмировал Черномырдин.

Источник: Бурая З. Новый год мы встретим в коридоре // Деньги. 1995. № 37 (47). 20 сентября. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=6d019072-8b26-4cb9-a16f-3df8d6a9f9af&docsid=19252

Государственные краткосрочные обязательства (ГКО). Отказ от эмиссионного финансирования дефицита госбюджета вынудил российское правительство перейти к политике, которую проводят все страны: если нет денег, то берут их в долг. Поскольку возможности заимствования на внешнем рынке были крайне ограничены, главными стали масштабные заимствования на внутреннем рынке в форме государственных краткосрочных облигаций (ГКО). Рынок ГКО возник в России в мае 1993 года с малых оборотов, а с середины 1995 года стал достаточно емким и привлекательным, причем не только для российских инвесторов.

Все страны используют государственные облигации для покрытия дефицита бюджета, но выпускают их, как правило, на длительный срок. Являясь самым надежным способом вложения денег, облигации приносят кредиторам минимальный доход, поскольку, чем ниже риск, тем ниже проценты, под которые люди соглашаются дать в долг, и наоборот. В России из-за туманных политических и экономических перспектив пришлось сделать государственные облигации краткосрочными и установить по ним высокий процент. Иначе продать их было невозможно.

ГКО выпускались на срок от 3 месяцев до 2 лет и продавались на аукционах, где за них покупатели давали цену ниже номинала. По истечении срока действия конкретного выпуска ГКО правительство обязано было выкупать их по номиналу. Разница цен и составляла доход покупателей (процент по ГКО). Деньги на выкуп поступали от размещения новых выпусков, тем самым выстраивалась финансовая пирамида.

Подробнее. **Пирамида ГКО**

Отличительным признаком финансовой пирамиды является нулевая эффективность использования привлеченных средств – единственным источником поддержания ее жизнеспособности служит постоянный и все расширяющийся приток новых ресурсов. Когда этот приток сокращается или прекращается вовсе, пирамида рушится. Уязвимость схемы очевидна, но ей нет альтернатив, если речь идет о таком изначально бесприбыльном субъекте хозяйствования, как государство. Для него жизнь взаймы – обычная практика, однако строить государственные пирамиды тоже надо грамотно…

Динамизм развития рынка ГКО не знает себе равных среди других секторов финансового рынка. С середины 1994 года, когда Минфин предпринял первые решительные шаги по качественному расширению рынка, его реальная (с поправкой на инфляцию) емкость выросла более чем в 6 раз и в феврале 1995 года составила около 15 трлн рублей. Чем вызваны и насколько оправданы подобные темпы? Оказывается, что для роста масштабов рынка не требуется непрестанных титанических усилий. Процесс идет по чисто пирамидальной схеме: начальный импульс увеличения объемов размещения спустя некоторое время порождает скачок обязательств по погашению (причем на сумму больше объема привлечения). Погашение требует привлечения новых средств на еще большую сумму (ведь хочется получить еще и чистый остаток), которые порождают новые обязательства и т.д.

При этом вопрос оправданности темпов расширения становится праздным. При преобладании коротких бумаг в общем объеме эмиссии, когда пики размещения и погашения разнесены не более чем на 3–4 месяца, этот маховик, даже при условии снижения чистой выручки (такая тенденция отчетливо прослеживается в последние месяцы), просто невозможно

остановить. В противном случае придется «подкармливать» пирамиду ГКО из бюджета, что неприемлемо для Минфина так же, как и нарушение обязательств по ГКО. Для кардинального «удлинения» рыночной части госдолга необходимы устойчиво низкая инфляция и политическая стабильность – условия, вряд ли достижимые в обозримой перспективе.

Из этой патовой ситуации есть только один выход: если нет надежды быстро остановить или хотя бы замедлить разрастание пирамиды, требуется обеспечить условия для притока новых ресурсов. Потенциальных источников, если не брать в расчет бюджет (в этом случае дешевле разом погасить все выпущенные бумаги и «прикрыть лавочку»), всего два: деньги, привлекаемые на денежном рынке, и деньги самого Центробанка. Последний источник пока весьма надежен. Право покупки госбумаг ЦБ на первичном рынке законодательно закреплено (хотя вокруг отмены этого положения идут дебаты), а на вторичном рынке – даже не обсуждается. До сих пор ЦБ лишь дважды выходил на аукционы ГКО, покрывая недостаток спроса для рефинансирования погашаемых выпусков. Суммарный объем покупок был невелик – 130 млрд рублей. Ясно, что основные операции проводятся банком на вторичном рынке…

Поэтому неслучайны усилия тандема Минфин–ЦБ по мобилизации рыночных источников поддержания спроса на ГКО и поддержание конкурентного уровня доходности гособлигаций. В 1994 году средняя эффективная доходность на вторичном рынке лишь недолго была ниже 300% годовых, а это выше процента по депозитам в надежных банках и превосходит эффективность валютных вложений. Приличная доходность ГКО сочетается с высокой ликвидностью. Облигации можно продать за несколько дней... Эти бумаги весьма надежны… (Центробанк – подпорка пирамиды). За всю историю этого рынка не было ни перебоев, ни задержек в погашении. Таким образом, ГКО – своеобразный рекордсмен среди финансовых инструментов российского рынка – и доходность высока, и продать можно быстро, и надежность гарантирована государством.

Конечно, ГКО не свободны от рисков. Это прежде всего среднесрочный политический риск, но он не больше, чем для всего курса рыночных преобразований. За ГКО стоит слишком много – политика финансовой стабилизации (безынфляционное финансирование бюджета), взаимоотношения с международными финансовыми организациями, возможность наработки опыта рыночного регулирования финансового рынка. Поэтому те или иные сбои на рынке ГКО либо начало свертывания этого рынка будут сигналом кардинальной смены экономического курса правительства. Ценовые риски присутствуют, но они… ниже, чем по прочим финансовым инструментам. Да и ЦБ на вторичных торгах ведет политику сглаживания резких ценовых колебаний.

Источник: Ивантер А., Маковская Е., Фадеев В. Да, пирамида. Но какая! // Коммерсант. 21 февраля 1995 года. № 6 (117). – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=ba81e12a-1cd1-49d2-b965-979fbdd4a8dd&docsid=10800

Финансовые инвесторы предпочитают вкладывать деньги туда, где высокая норма прибыли, есть объемы и ликвидность, то есть в любой момент бумаги можно обратить в деньги. Российский рынок ГКО оказался именно таким. Доходность ГКО составляла 40–50% в рублях, или 30–40% в валюте (с учетом 10%-й девальвации в течение года).

Это быстро поняли иностранные инвесторы. Во второй половине 1995 года на покупку ГКО пошли деньги нерезидентов, правда, под «российским прикрытием», поскольку законом им это было запрещено. Они размещали деньги на депозитах в российских «дочках» иностранных банков, которые имели статус российских юридических лиц. Эти «дочки» от своего имени вкладывали деньги в рынок ГКО, а полученную прибыль, «отрезав» сверхприбыль, отправляли назад инвесторам. В итоге основная часть средств, которые правительство обязано было выплачивать в виде процентов по ГКО, уходила за рубеж.

К концу 1995 года объем таких теневых иностранных инвестиций в российский рынок ГКО оценивался примерно в 10 млрд долларов. Причем к этой схеме нельзя было предъявить претензий, так как депозиты размещались на 6 месяцев без нарушения Закона «О валютном регулировании и валютном контроле».

На рубеже 1995–1996 годов Центральный банк оказался перед выбором:

- **или сделать вид, что ничего не происходит, и все оставить без изменения,**
- **или снять запрет и признать нормой большую прибыль иностранцев, которая почти полностью вывозилась из России,**
- **или легализовать присутствие нерезидентов на российском рынке ГКО.**

Какой вариант выбрал бы ты?

Центральный банк нашел способ с пользой для России легализовать деньги нерезидентов и ограничить вывоз их прибыли за рубеж. Им было предложено перевложить деньги по специальной схеме, по которой часть сверхдоходов «отрезалась» в пользу Центрального банка. Реализовать схему должны были банки-посредники. Тех, кто не согласится, пригрозили ограничить по некоторым операциям через банковский надзор, попросту не дать им работать в России, хотя это было незаконно. То есть или

банки идут на сотрудничество с ЦБ, или к ним будут применены жесткие административные меры. Банки согласились.

Для Центрального банка самовольное проникновение иностранцев на рынок ГКО стало первым серьезным уроком глобализации: мировые финансовые рынки стали настолько разнообразными, гибкими и подвижными, что потоки капитала обходили любые ограничения. Поэтому не стоит тратить силы, время и ресурсы, пытаясь изобрести более жесткую и изощренную систему валютного регулирования и ограничить движение финансового капитала, лучше либерализовать валютный режим и создать привлекательные условия для инвестиций. Для России оказался неприемлем вариант малых стран – Малайзии и Сингапура, которые в условиях кризиса 1997–1998 годов просто перекрыли движение капиталов.

Основными инвесторами на быстро растущем российском рынке ценных бумаг оставались нерезиденты. Сохранялись высокие процентные ставки, быстро росли и выплаты платежей по процентам. Доля расходов на обслуживание госдолга (процентных расходов) во всех расходах бюджета в 1995 году составляла 19,3%, в 1996 году – 25,4, в 1997 году – 23,8, в первом полугодии 1998 года – более 30%.

Накануне дефолта. Бюджетный дефицит в течение всего 1997 года незначительно превышал установленный законом уровень. Достигалось это за счет увеличения государственного долга, в основном продажей все новых серий ГКО. Финансовая пирамида продолжала расти, государство не могло сводить концы с концами без постоянного привлечения заемных денег, а бремя обслуживания долгов становилось непосильным. Платежи по процентам достигли половины собираемых доходов. Государство попало в долговую яму. Впрочем, оставались надежды, что нормализация финансовой ситуации в стране и начавшийся экономический рост помогут из нее выбраться.

Подробнее. **Дефицит бюджета в 1997 году**

Несмотря на большие сомнения по многим ключевым позициям, Б. Ельцин, «скрепя сердце», поставил-таки свою подпись на потрепанных за многие месяцы бюджетного марафона страницах проекта бюджета. Выстраданные Минфином бюджетные показатели наконец-то обрели силу закона. Исполнительным структурам власти предстоит собрать за 1997 год в доходную часть 434,4 трлн рублей, а раздать 529,8 трлн. Дефицит бюджета составит 95,4 трлн рублей, или 3,5% ВВП…

Министр финансов А. Лившиц встретился с журналистами в последний день февраля и рассказал, «куда девает деньги». Главным потребителем

бюджетных средств остается Пенсионный фонд. В него перечислено 3,8 трлн рублей в счет погашения задолженности прошлого года. Финансовое положение военных также несколько улучшилось, Минфину удалось сократить задержку выплат с 6 до 4 недель. Решен вопрос с погашением задолженности работникам федерального образования. Правда, пока только на бумаге. Весь имеющийся долг намечено выплатить до конца мая, причем не прекращая текущих платежей. В ближайшие дни можно ожидать улучшения ситуации и с зарплатой учителям, задержка которой уже привела к забастовкам и голодовкам. Минфин провел экспресс-ревизию региональных бюджетов, из которых начисляется зарплата учителям. Как оказалось, 35 регионов в состоянии сами решить эту проблему: у них есть деньги. «И мы их заставим», – пообещал Лившиц. А что будет сделано для тех регионов, «у которых денег на счетах нет, а учителя есть», министр финансов не сказал, хотя заверил, что знает.

Источник: Рудерман Г. Ельцин подписался под бюджетом своего правительства // Деньги. 1997. № 8 (116). 5 марта. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=fc6d3f79-18bd-4911-aa00-c3575dfb1847&docsid=20227

***

Федеральный бюджет за первое полугодие 1997 года исполнен с дефицитом 50,3 трлн рублей. По данным Госкомстата, размер бюджетного дефицита достиг 4,1% ВВП при установленном законом о федеральном бюджете лимите на уровне 3,5% ВВП. Соотношение дефицита бюджета к общей сумме расходов составило 28,5%, а закон ограничивает эту величину 18,01%. Дефицит федерального бюджета был на 64% профинансирован из внешних источников, а на 36% за счет внутреннего финансирования – операций с ГКО и ОФЗ. Общая сумма доходов федерального бюджета за полугодие составила 126,1 трлн рублей , или 29% годового плана.

Источник: Белов А. Почему мне нравится государственный бюджет // Деньги. 1997. № 32 (140). 3 сентября. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=c95785c4-367c-426b-8779-36683d118568&docsid=20652

Бюджетных средств на все не хватало. Страна так и не научилась платить и собирать налоги. Установленные ставки налогов могли обеспечить более существенные поступления в бюджет, но многими своими решениями руководство страны сделало недостижимыми даже те цифры налоговых поступлений, которые принимались в законе о бюджете.

Подробнее. **Верхи не могут собрать налоги, низы не хотят их платить**

В России складывается революционная налоговая ситуация. Верхи не могут собрать налоги, поскольку низы не хотят их платить. Государство на пороге финансового краха… Глава Госналогслужбы А. Починок сделал сенсационное признание: «Как ни парадоксально, позиция налоговой

службы – это общее снижение расходов государства и соответствующее снижение налогового бремени. Мы считаем, что, например, налоговую нагрузку на нефтяные компании можно снизить на 20–25%. Результаты будут только положительные». Несложно понять причины, которые сподвигли главного налоговика на признание неэффективности системы: собираемость налогов не превышает 60% плана. Сложнее понять, почему Починок не идет привычным путем угроз и запугивания налогоплательщиков. Для этого необходимо вникнуть в логику развития налоговой системы России последних лет.

Современный российский бюджет и современные российские налоги родились 2 января 1992 года, когда правительство Е. Гайдара провело либерализацию цен. До этого в советское время, бюджет и налоги существовали только на бумаге, а свои реальные расходы государство финансировало за счет печатного станка… Начиная с 1992 года бюджет в России уже был настоящим – государство действительно стало расходовать деньги в строгом соответствии с бюджетными проектировками. А вот за то, что придуманные тогда новые российские налоги – НДС (взимавшийся по очень высокой ставке в 28%), налог на прибыль (ставка от 32 до 45%), налоги на имущество, подоходный налог с многоступенчатой прогрессивной шкалой – действительно обеспечивают те госдоходы, которые записаны в бюджете, никто не рискнул бы поручиться.

Дело в том, что в течение нескольких лет Центробанку было разрешено покрывать бюджетный дефицит своими кредитами. А какой на самом деле был бюджетный дефицит и какую долю в нем составляли запланированные, но несобранные налоги, проверить было трудно. Правительство на несовершенство налоговой системы не жаловалось – ЦБ не жалел кредитов. А огромная инфляция к концу каждого бюджетного года сама добавляла нули в цифры налоговых поступлений…

Российские налоги внешне походили на налоги любой цивилизованной страны. И это было главное, о чем заботились разработчики новой российской системы… России, имеющей огромный внешний долг и не способной его выплатить, нужно было убедить кредиторов подождать. Для этого российская экономика и обзаводилась хорошо знакомыми кредиторам атрибутами нормальной рыночной экономики. Цивилизованная по форме налоговая система – это то, что кредиторам и инвесторам виднее всего. Запад и Москва единодушно считали, что иностранные инвестиции – это необходимый для преодоления кризиса капитал. Поначалу новая российская налоговая система представителям западных фирм и МВФ понравилась – ведь она отличалась от советской. Вызывали сомнения только явно завышенные налоговые ставки. Но, как считали инвесторы, российские власти со временем сами поймут чрезмерность налогового бремени и ставки снизят.

В 1995 году произошло то, что давно должно было произойти: под давлением Запада российские власти отказались от прямого кредитования Центробанком бюджетного дефицита. Российский бюджет стал аналогичен бюджету любой цивилизованной страны, где государство финансирует свои расходы

исключительно за счет налогов и размещения государственных ценных бумаг. Выяснилось, что российская налоговая система не может собрать необходимые государству деньги. Бюджетные планы по налоговым поступлениям ни разу не были выполнены. Государство выручали только кредиты МВФ, размещение на внутреннем, а затем и на внешнем рынке огромного количества ГКО и на редкость успешная продажа еврооблигаций.

Последовали попытки что-то исправить в налоговой системе – чтобы она все же приносила побольше денег. Например, увеличивали ставки налогов. Так, в марте 1995 года налог на прибыль повысили с 32 до 35% (в то время он занимал первое место по роли в бюджетных поступлениях). Ежегодно ликвидировали налоговые льготы… В прошлом году разработали проект Налогового кодекса, в котором есть все – ликвидация льгот, повышение одних ставок и снижение других, введение новых налогов. Одновременно власти пытались выбить налоговые платежи административными методами.. была создана Временная чрезвычайная комиссия по укреплению налоговой и бюджетной дисциплины при президенте (ВЧК), которая действительно начала работать чекистскими методами, осуществляя психологический террор среди директоров крупных предприятий и угрожая им уголовным преследованием.

Однако две недели назад стало ясно, что все эти усилия были напрасны. Российские и иностранные держатели ГКО разочаровались в государственных бумагах и бросились на российский валютный рынок, правительство и Центробанк по-настоящему запаниковали, потому что… собирается не более 65% запланированных налогов и судьба бюджета по-прежнему полностью зависит от размещения государственных бумаг. Кризис на рынке этих бумаг (а это действительно кризис – не случайно доходность ГКО пришлось увеличить чуть ли не вдвое, чтобы их продолжали покупать) показал, что российский бюджет может рухнуть в любой момент.

Источник: Викторов С. Бюджет наложенным платежом // Власть. 1997. № 43 (249). 25 ноября. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch= bdd69eff-0649-4b0e-a1b1-7bc32ef7de3d&docsid=13935

***

Правительство обнародовало свой план спасения стоящего на краю обрыва российского бюджета. Маршрутов, ведущих от финансовой пропасти, теперь три. У каждого из бюджетоспасателей свой компас. Первый вице-премьер А. Чубайс делает акцент на снижении бюджетных расходов. Заместитель главы президентской администрации А. Лившиц предлагает увеличить доходы бюджета, силой выбивая недособранные налоги. Бывший первый заместитель министра финансов А. Вавилов считает единственным выходом увеличение государственного долга. Что же наиболее реально?

Источник: Иванов В. В очереди за бюджетным дефицитом // Власть. 1997. № 44 (250). 2 декабря. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=8466a3bf-0afe-446f-b8c2-1b03ed679b2b& docsid=13963

К 1997 году наконец-то сказался эффект политики макроэкономической стабилизации, которую пытались проводить с 1992 года: инфляция резко пошла вниз, преодолев отметку в 10% годовых, в реальном секторе экономики начался рост. Правда, для этого России потребовалось 5 лет, а Польша добилась аналогичных результатов за 6 месяцев.

В 1997 году производство в некоторых отраслях выросло до 10% (полиграфия) и даже до 15% (медицинская промышленность). Численность официально зарегистрированных безработных в течение 1997 года уменьшилась с 2,5 до 2,0 млн человек. Сократилось применение неполной рабочей недели и отпусков по инициативе администрации. В начале 1997 года правительству удалось уменьшить задолженность перед бюджетниками, летом оно рассчиталось по долгам с пенсионерами, к осени – по денежному содержанию военнослужащих. По мере погашения задолженности по зарплате и социальным обязательствам увеличились реальные доходы населения и платежеспособный спрос. Он стимулировал торговлю и сферы платных услуг населению. Все это происходило на фоне замедления темпов инфляции, укрепления курса рубля, превышения экспорта, приносившего стране валюту, над импортом. Но начавшиеся осенью 1997 года потрясения на финансовых рынках стран Юго-Восточной Азии отразились и на России.

6.2. Бегство иностранного капитала. Дефолт

В июне 1997 года появились первые признаки неблагополучия в мировой финансовой системе: сначала Чехия, потом Таиланд девальвировали свои валюты. Ситуации в Чехии и Таиланде были однотипными. Бюджет чрезмерно зависел от притока иностранного капитала, в какой-то момент инвесторы сочли, что внутренняя экономическая политика этих стран неустойчива (это соответствовало истине), и прекратили давать деньги. Правительствам этих стран не удавалось привлечь новые кредиты на рефинансирование старых долгов, а нужно было по графику погашать ранее взятые. Пришлось пойти на девальвацию. Она прошла внешне не слишком заметно, поскольку роль Чехии и Таиланда в мировой торговле была не велика.

Но в конце октября 1997 года резко дестабилизировалась ситуация в Корее, Индонезии и на Филиппинах, игравших существенную роль на рынках капиталов и в международной торговле. Фондовые рынки тут же обвалились. Это стало началом азиатского кризиса, который привел к разрушению корейских чеболей, приватизации индонезийских банков и т.д. Сильно трясло всю Юго-Восточную Азию.

Международные инвесторы, которые глядели на мир «укрупненными мазками», отнесли Россию к группе «рухнувших» экономик Юго-Восточной Азии и на всякий случай стали продавать российские активы. На ровном месте Россия столкнулась с первой волной совершенно, казалось бы, чужого для нее кризиса. Немедленно упали цены на ГКО и акции российских компаний. Инвесторы продавали их все активнее и скупали доллары – российские валютные резервы. Бегство капитала из-за азиатского кризиса продолжалось в октябре – начале декабря 1997 года.

Подробнее. **Последствия ухода иностранных инвесторов с российского рынка**

Азиатский кризис имел для России неприятные последствия. Первый заместитель председателя Центрального банка С. Алексашенко заявил, что разница между доходностью обязательств Минфина и американских бумаг на международном рынке сейчас выше, чем у облигаций стран Восточной Европы. Другими словами, интерес международных инвесторов к российским бумагам заметно упал и рассчитывать стоит только на внутренние источники капитала… Из-за ухода нерезидентов инвестиционная база рынка ГКО только за последние два месяца уменьшилась почти на 20%. В результате Минфину оказалось просто некому продавать облигации, а сброс иностранцами ГКО повысил ставки до уровня начала 1997 года.

На рынке акций ситуация еще более драматичная. Основной капитал в этом секторе рынка иностранный, и повальное бегство нерезидентов привело к тому, что с начала финансового кризиса фондовые индексы зафиксировали падение котировок основных акций не менее чем на 30–40%.

Крупные внутренние инвесторы по понятным причинам (падение котировок продолжается несколько месяцев) вкладывают средства исключительно в короткие финансовые инструменты с абсолютной ликвидностью. В результате доходность гособлигаций «деформировалась» – ставки по коротким сериям ГКО оказались заметно выше, чем по длинным.

Из-за ухода нерезидентов с российского рынка увеличился темп роста курса доллара. В сочетании с относительно высокими ставками по валютным депозитам это приводит к тому, что население в конце 1997 – начале 1998 года предпочитало валютные активы, что еще больше усугубляет ситуацию с внутренними инвестиционными ресурсами.

После ухода нерезидентов Минфин лишился 15–20 млрд долларов, которые обеспечивали на рынке ГКО низкие процентные ставки. Объективно повысившийся уровень ставок на рынке (примерно 30–32% годовых) начал привлекать свободные ресурсы банков, которые были вложены в акции и промышленные проекты (этим, помимо прочего, объясняется падение котировок акций). Но их денег не хватает, чтобы компенсировать отсутствие нерезидентов. Сбить ставки на рынке госбумаг Минфин мог бы, сократив заимствования. Но сокращать дальше, похоже, некуда. Они уже составляют ровно столько, сколько требуется для рефинансирования предыдущих выпусков.

Источник: Арсеньев В. Отступать некуда – позади долги // Деньги. 1998. № 2 (156). 28 января. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=745a9ee0-a5ec-4d1c-a246-1d15586 6a84d&docsid= 21198

В России не было заметно внешних кризисных явлений, после резкого падения финансовых рынков все как-то успокоилось. С конца декабря 1997 года по февраль 1998 года наша страна стала «островком стабильности». Хотя кризис в Юго-Восточной Азии продолжал бурно развиваться, инвесторы возвращались в Россию. Появилась надежда, что российская финансовая система избежит потрясений.

Однако к июню 1998 года цены на нефть резко упали: до 11—12 долларов за баррель (падение продолжалось и дальше, в начале 1999 года они достигли дна — менее 9 долларов). Это предвещало катастрофу для платежного баланса страны. Экспортная выручка сокращалась, нефтяные компании перестали получать прибыль. Валюты приходило в страну все меньше, а внутри страны сокращался сбор налогов.

Подробнее. **Падение цен на нефть**

Плавное снижение цен на нефть началось около года назад: к декабрю 1997 года на европейском рынке они упали со 168 до 131 доллара за тонну. Началом кризиса стало 1 декабря 1997 года, когда Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК) приняла решение об увеличении объемов добычи нефти на 10%. Тем самым она формально закрепила то, что происходило уже давно, – превышение ее членами квот на добычу нефти. Суммарный объем добычи достиг рекордного за 18-летнюю историю организации уровня – около 3,8 млн тонн в день. Решение ОПЕК ускорило снижение цен на мировых рынках. В Европе к концу декабря они опустились до 124 долларов за тонну, а спустя месяц составляли уже 102 доллара. Для многих российских компаний это минимальный приемлемый уровень.

Причинами кризиса, помимо увеличения мировой добычи нефти, аналитики считают теплую зиму в странах Европы и Северной Америки, а также неприятности на азиатском финансовом рынке, повлекшие за собой снижение потребления энергоносителей в этом регионе. Сыграл роль и иракский фактор: в феврале в этой стране вполне могли начаться боевые действия, и фьючерсные цены на нефть вели себя относительно спокойно. Но как только мирные инициативы взяли верх, цены устремились вниз. Оно и понятно: ведь Ирак мог рассчитывать на дополнительные экспортные квоты в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие». Окончательно дестабилизировал ситуацию отказ в начале марта Саудовской Аравии (крупнейшего в мире поставщика сырья) от спасения перенасыщенного нефтью мирового рынка. К концу первой декады марта цены на лондонской International Petroleum Exchange упали до самого низкого за последние 9 лет уровня – 93,8 доллара за тонну. Тонна российской нефти в средиземноморских портах на тот момент стоила 83,3 доллара. Вместе с нефтяными ценами падали и курсы акций нефтяных компаний…

Наивно было бы полагать, что нефтяной кризис грозит удушить только нефтяников. На нефть и газ (газовые цены жестко привязаны к нефтяным) приходится около 60% российского экспорта. По подсчетам аналитиков, если в сложившейся ситуации ничего не предпринимать, только прямые потери бюджета в 1998 году могут составить 3,5 млрд долларов, или 7% его доходов. Значит, новый секвестр нам гарантирован (бюджетники не получат зарплаты, пенсионеры – пенсий, а солдаты будут питаться только перловкой). Из-за повышения налоговой нагрузки в бюджете уже предусмотрено увеличение внутренних цен на нефтепродукты на 10–20%, что выше среднего роста цен в промышленности. Но компании, вероятно, пойдут на еще большее повышение цен. Так что рост цен на бензин, тепло и электричество, железнодорожные, морские и авиационные перевозки (а значит, и на товары, которые перевозят по морю, земле и воздуху) нам обеспечен. Дешевеющее импортное топливо станет конкурентоспособным не только в западных регионах России, но и на всей ее территории.

Источник: Черная горячка // Деньги. 1998. № 12 (166). 8 апреля. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=cb2837e2-39d8-415b-8409-eff5c9dad8fb&docsid=21475

Бюджетный кризис нарастал. Каждый месяц правительство было вынуждено выплачивать в 1,5–2 раза больше денег, чем удавалось собрать в форме налогов и таможенных сборов. Львиную долю в расходах составляло обслуживание долгов государства, прежде всего погашение облигаций ГКО, срок которых истек. Валютных резервов Центрального банка было недостаточно для того, чтобы государство могло расплатиться по долгам и поддерживать курс рубля. Финансовая пирамида ГКО зашаталась.

Правительство С. Кириенко. На этом фоне 23 марта 1998 года президент отправил в отставку правительство В. Черномырдина, что сильно дестабилизировало политическую ситуацию, подорвало доверие иностранных инвесторов. Ранее они придерживались схемы: до 2000 года Россией правит президент Б. Ельцин, затем его сменяет В. Черномырдин, следовательно, политический курс останется прежним. К этому времени резко снизилось влияние лидера КПРФ Г. Зюганова, протестный электорат стал менее заметным. То есть Россия была для них страной с предсказуемым политическим будущим.

Исполняющим обязанности премьера был назначен С. Кириенко, которого Госдума пять недель не соглашалась утверждать. Это вызвало смятение на рынках. К тому же нового премьера в мире никто не знал. Неудивительно, что уже в мае 1998 года иностранные инвесторы опять начали интенсивно выводить свои деньги из России.

Новое правительство свою главную задачу видело в оздоровлении бюджета. Были сокращены все расходные статьи, кроме обслуживания госдолга и расходов на государственное управление. Несколько улучшился сбор налогов. Но их все равно не хватало на погашение долгов. Расходы по обслуживанию госдолга в мае–июне 1998 года превысили 5% ВВП, что примерно равнялось расходам на образование и здравоохранение. Правительство вынуждено было занимать еще и еще на все более невыгодных условиях. Удалось получить два займа на Западе под высокие проценты. Это снизило стоимость ранее размещенных на западных биржах российских облигаций.

В начале июля правительство представило в Госдуму пакет антикризисных законопроектов. В частности, предлагалось перейти на новый порядок взимания НДС (по отгрузке), чтобы предприятия не платили еще не полученные деньги; ввести плоскую шкалу подоходного налога; снизить ставку налога на прибыль; увеличить ставки акцизов; ввести налог с продаж; ограничить число расчетных счетов предприятий, чтобы было легче контролировать уклонение от уплаты налогов, ставшее массовым. Но депутаты заволокитили рассмотрение этих нововведений.

Подробнее. **Антикризисная программа правительства Кириенко**

В условиях нарастающего кризиса антикризисная программа правительства С. Кириенко должна была убедить всех, особенно кредиторов и инвесторов, норовящих увести капиталы с российского рынка, что правительство имеет план выхода из кризиса и намерено выполнять его жестко

и решительно. Это было также важно для получения помощи МВФ, который теперь требовал не только подготовки и внесения соответствующих законопроектов, но и утверждения их парламентом. Время мягкой благожелательности в отношении МВФ к реформаторским правительствам подошло к концу… Программа состояла из мер по ликвидации бюджетного кризиса и мер по поддержке реальной сферы.

Среди мер по бюджетному кризису были предусмотрены: отмена или приостановление всех нормативных актов, если их финансирование не предусмотрено в бюджете; доведение до бюджетополучателей минимальных лимитов финансирования... переход с 1 августа 1998 г. на начисление НДС по отгрузке продукции взамен кассового метода… введение вмененного налога для отдельных видов малого предпринимательства вместо сборов в местные бюджеты; конкурсный порядок сдачи в аренду федерального имущества и отмена льгот по взиманию доходов от аренды; упорядочение налоговых льгот в закрытых административно-территориальных образованиях, превратившихся во внутренние офшоры; подготовка закона об аффинированных лицах с целью предупреждения утечки капиталов; усиление контроля за рынком алкогольной продукции, централизация лицензирования производства этилового спирта и оборудования для ликеро-водочной промышленности; поэтапный отказ от дотаций и субсидий… В сфере поддержки производства программа предусматривала снижение налогового бремени; снижение цен и тарифов в отраслях естественных монополий, сокращение перекрестного субсидирования; реструктуризацию долгов предприятий. Но это была своего рода ежегодная рутина – еще и еще искать способы сокращения бюджетного дефицита, не имея возможности что-то изменить по-крупному: враждебно настроенная Дума ничего такого не пропустила бы.

Источник: Ясин Е.Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ: Курс лекций. 2-е изд. М.: ГУ–ВШЭ, 2003. С. 396–398.

Переговоры с МВФ о предоставлении стабилизационного займа в сумме более 20 млрд долларов, которые помогли бы преодолеть кризис, проходили трудно. 13 июля 1998 года было объявлено о том, что МВФ, Международный банк реконструкции и развития и японское правительство предоставят России такую финансовую помощь. Это сразу улучшило настроение на финансовых рынках. Однако вскоре Госдума «с порога» отклонила некоторые законопроекты из представленного правительством пакета. В ответ МВФ уменьшил кредит до 4,8 млрд долларов.

Аукционы по ГКО были устроены так, что сначала Минфин должен был погасить выпуск предыдущих облигаций, то есть заплатить за них, а уже потом размещались новые. На предварительное погашение Центробанк давал Минфину «технический» кредит (на несколько минут) – сам расплачивался за предыдущие ГКО от имени министерства,

выступая его агентом. Каждую неделю Минфин в среду должен был платить порядка 6 млрд рублей (примерно 1 млрд долларов по тогдашнему курсу). ЦБ платил за него, а Минфин, разместив новые ГКО, тут же возвращал эту сумму. Но на этот раз произошел сбой. Министерство в июне не смогло привлечь достаточно денег на аукционе по ГКО, чтобы расплатиться с ЦБ. Отношения между Минфином и Центральным банком обострились.

Ситуация на рынке ГКО ухудшалась с каждой неделей: уровень доходности постепенно достиг 50% годовых, заимствования при таком уровне процентов делали бюджет 1999 года невыполнимым, поскольку доля процентных платежей могла превысить 40% его расходов. Минфин отказался от размещения новых выпусков ценных бумаг, а всю сумму, необходимую для погашения прежних выпусков (почти 6,8 млрд рублей), «одолжил» у Центробанка. Не погасив эту задолженность, на следующей неделе «позаимствовал» еще 3,6 млрд рублей. То есть в июне Минфин перестал расплачиваться с ЦБ, брал кредиты у него явочным порядком и отказывался выдавать обязательства по их погашению.

Неурегулированная задолженность Минфина фактически была кредитом ему со стороны Центрального банка. А возможности получения Минфином денег взаймы были исчерпаны. В долг даже под залог акций, под результаты будущих аукционов по продаже государственной собственности уже никто не давал. На аукционах 23 и 30 июля, 5 и 12 августа 1998 года Минфину не удалось занять ни рубля. Все деньги на погашение госдолга (более 22 млрд рублей за эти четыре недели) были позаимствованы у ЦБ, то есть эмитированы без обеспечения.

Дополнительные рубли, полученные участниками рынка, сильно дестабилизировали ситуацию. ГКО стали непривлекательными. На все «избыточные» рубли участники рынка приобретали валюту. Тем более что в это время ранее предоставленные российским предприятиям и банкам кредиты зарубежных банков уже не пролонгировались, кредиторы настаивали на их возврате. Из-за падения цен на российские ценные бумаги, которые были обеспечением полученных кредитов, требовалось вносить в банки дополнительные суммы в валюте.

Центральный банк одной рукой давал рынку рубли (погашая ГКО вместо Минфина), другой – обменивал их на иностранную валюту. Валютные интервенции Центробанка почти сравнялись с полученным от МВФ кредитом. Бессмысленность и бесперспективность такой политики стала очевидной.

К августу 1998 года доходы Минфина упали примерно наполовину. А потребность в средствах для финансирования первоочередных расходов бюджета резко возрастала. Если в конце июля требовалось 6 млрд рублей (в расчете на месяц), то к концу первой недели августа – уже 12 млрд, к середине месяца – 16 млрд. В начале августа 1998 года Минфин заявил, что у него нет 100 млн долларов для очередного платежа по внешнему долгу. Центральный банк вынужден был выдать кредит Внешэкономбанку, который был агентом по внешним долгам России, для расплаты с иностранными кредиторами.

Страна вплотную подошла к краху бюджета и, как следствие, к смене макроэкономической политики. В этой ситуации стоял выбор:

- **или пойти на официальную девальвацию рубля, отказавшись от валютного коридора,**
- **или вернуться к покрытию дефицита бюджета за счет эмиссии, то есть к кредитованию правительства Центральным банком,**
- **или объявить дефолт, то есть государству отказаться платить по своим обязательствам.**

Что выбрал бы ты?

14 августа 1998 года по всей стране проявились результаты массированной кампании в средствах массовой информации о неизбежности девальвации рубля. Президент заявил о том, что девальвации не будет. Услышав это, наученные горьким опытом люди сделали противоположный вывод и ринулись в пункты обмена валюты. В них курс рубля к доллару по всей стране упал на 10%: при официальном курсе 6,3 рубля доллар продавали не дешевле 7 рублей. Население перестало верить рублю. Если сдерживать напор финансового рынка ЦБ был еще в состоянии, то противостоять населению не может ни один центральный банк в мире. Фактическая девальвация рубля состоялась.

В Центральном банке была внутренняя установка – не допускать снижения свободных валютных резервов банка до уровня менее 10 млрд долларов. 14 августа они составили 12 млрд долларов. Руководство ЦБ решило взять ответственность на себя и объявить о девальвации рубля, отказавшись от валютного коридора.

На совещании у премьер-министра поздно вечером 14 августа о девальвации даже не спорили, все понимали, что она неизбежна. Отвергли

и вариант возобновления кредитования правительства. Чтобы расплатиться по госдолгу до конца 1998 года, требовалось примерно 25 млрд долларов, значит, печатный станок нужно запускать на полную мощность. Раскрутится такая гиперинфляционная спираль, погасить которую к выборам президента в июне 2000 года не удастся. И результаты будут непредсказуемы. Речь опять может зайти о смене политического режима.

Дефолт. Поэтому был выбран дефолт. Российское государство отказалось выполнить взятые на себя долговые обязательства перед другими государствами, международными финансовыми организациями и частными кредиторами. Дефолт государственного долга не является чем-то необычным в мировой истории. С 1975 года 76 стран объявляли дефолты по облигациям и банковским долгам, номинированным в иностранной валюте, причем большинство – не единожды. Отказ большевиков от оплаты царских долгов тоже был дефолтом.

В спешке был подготовлен план правительства, согласованный с МВФ и обнародованный 17 августа 1998 года. Он включал введение плавающего курса рубля с его девальвацией к концу года примерно до 9 рублей за доллар, введение трехмесячного моратория на погашение внешних долгов российских банков, принудительную реструктуризацию долгов по ГКО-ОФЗ. Однако схема этой реструктуризации была обнародована только через неделю. Задержка усилила напряжение на финансовых рынках, цепная реакция кризиса стала неуправляемой.

Подробнее. **Дефолт 1998 года**

Внешние инвесторы не понимали, почему даже в экстренной ситуации российские власти не могут договориться и принять антикризисную программу… По оценкам западных инвесторов, экономическая ситуация в России была лучше, чем в Бразилии, переживавшей в то время похожий кризис. Инвесторы знали, что предложенная правительством Кириенко экономическая программа была лучше, чем бразильская. Но в Бразилии, когда президент приехал с проектом экономической программы в парламент, все депутаты за 15 минут проголосовали «за», а потом дружно спели национальный гимн. В России ситуация развивалась с точностью наоборот.

В конце июля 1998 года Госдума отказалась проголосовать за антикризисную программу правительства Кириенко. В частных беседах депутаты признавали, что экстренные меры необходимы, но никто не хотел голосовать за непопулярные решения накануне выборов 1999 года. Было много желающих спекулировать в предкризисной ситуации. Утром депутаты отказывались голосовать за антикризисную программу (в которой в том числе был законопроект о гарантировании вкладов населения в коммерческих

банках), вечером в эфире призывали досрочно забирать вклады из банков. В конечном итоге было принято политическое решение реализовывать антикризисную программу через указы президента, что и было сделано. Правительство осознанно превысило свои полномочия, взяв на себя всю полноту ответственности. Но предложенные меры носили среднесрочный характер. Уже в августе стало очевидно, что пора принимать экстренные меры.

В конце лета 1998 года без реструктуризации ГКО государству до конца года необходимо было выплатить 122,6 млрд рублей, или около 20 млрд долларов; у иностранных инвесторов было ГКО на 17 млрд долларов; обязательства по внешним кредитам коммерческих банков и предприятий составляли 35–45 млрд долларов. Рынок срочных контрактов на поставку валюты оценивался в десятки миллиардов долларов. Часть системообразующих банков была банкротом к 1 августа 1998 года.

Знаменитый меморандум 17 августа стал экстренной мерой… Совместное заявление правительства Кириенко и Центрального банка включало реструктуризацию обязательств по ГКО, расширение валютного коридора до конца 1998 года до 9,5 рублей за доллар, ограничение на валютнообменные операции нерезидентов капитального характера…

Первая реакция валютного рынка на антикризисные меры была спокойной. Курс доллара с 18 августа по 22 августа вырос на 60 копеек (с 6,43 до 7,05 рубля). Рынок сигнализировал: решения правительства были ожидаемы и понятны. Переговоры с инвесторами 20 августа 1998 года проходили в спокойной обстановке. Было полное взаимопонимание относительно необходимости реструктуризации рынка ГКО и внешних кредитов. Инвесторам было важно увидеть, что реструктуризация необходима, достаточна и равноправна. Последовали неожиданные предложения от западных коммерческих банков новых внешних займов для стабилизации российской финансовой системы.

Противоположная ситуация складывалась в банковской среде. Российские крупные банки продолжали спекулировать на кризисе, требовали государственной поддержки и отказывались возвращать депозиты населению и предприятиям, ссылаясь на решения правительства о реструктуризации рынка ГКО. Требования были тем более странными, что доля ГКО в активах коммерческих банков к тому времени была мизерной. По данным, озвученным В. Геращенко осенью 1998 года, доля ГКО в активах 50 крупнейших российских банков (за исключением Сбербанка) составляла всего 7% при доле валютных обязательств более 50%. У «Российского кредита», «СБС-АГРО», Инкомбанка к середине августа не было ГКО, они были проданы или заложены по кредитам. Фактически эти банки были банкротами уже к 1 августа 1998 года.

23 августа 1998 года правительство Кириенко было отправлено в отставку, исполняющим обязанности премьер-министра был назначен В. Черномырдин с официальной мотивацией «сегодня нужны те, кого принято называть “тяжеловесами”». 31 августа Дума первый раз провалила кандидатуру Черномырдина, 7 сентября – повторно. 10 сентября президент внес

кандидатуру Е. Примакова, который был утвержден 11 сентября. Тогда же был назначен и новый глава Центробанка В. Геращенко…

Правительство Примакова реализовало худший сценарий, решения от 17 августа были не отменены и не доведены до конца. Политическая нестабильность привела к значительной девальвации уже в сентябре 1998 года. Геращенко заявил об управляемой эмиссии, что немедленно привело к инфляции в сотни процентов (в сентябре 1998 года – 400%, в декабре – 256%) и многократной девальвации (почти в 4 раза в ноябре 1998 года)…

Правительство Примакова существенно сократило расходы бюджета по обслуживанию внутреннего долга (на 120 млрд рублей), что позволило финансировать бюджетные обязательства по зарплатам и пенсиям. Правительственные решения от 17 августа позволили отсрочить выплаты по внешним кредитам российских банков и предприятий на десятки млрд долларов. Снижение реального курса рубля, благоприятная внешняя конъюнктура, низкие цены на продукцию естественных монополий позволили отечественным производителям получить преимущества на российском рынке. После фактического закрытия рынка ГКО банки стали постепенно возобновлять кредитование производства.

Источник: Аллилуева О. Дефолт 1998 года: как страна училась жить по средствам. – http://www.regnum.ru/news/1042603.html

Подробнее. **Принявшие решение о дефолте становились политическими смертниками**

М. Задорнов, министр финансов в правительствах В. Черномырдина, С. Кириенко и Е. Примакова в 1997–1999 годах:

То, что надо было идти на девальвацию, было очевидно для всех. Вопрос был в том, прекращать обязательства по всему госдолгу, по какой-то его части или вообще не замораживать госдолг и обесценивать его через девальвацию и последующий неизбежный инфляционный скачок. Тогда ведь мы тоже не все обязательства по госдолгу заморозили. Продолжали платить по еврооблигациям, по долгам перед международными финансовыми организациями, выплаты по ГКО физическим лицам не были заморожены… Инфляция по итогам 1999 года составила 36,5%, а если бы платили по всем долгам, была бы за 200%. Кроме того, выплата всего долга быстро «съела» бы валютные резервы страны. Только процентные расходы на обслуживание долга в отдельные месяцы доходили до 30% всех расходов бюджета. Принятие такой модели означало возвращение к гиперинфляции начала 1990-х годов…

Решение о дефолте обсуждалось с МВФ и Всемирным банком 15–16 августа. Они не поддержали эти меры официально, но де-факто весь пакет мер с ними был согласован и ими акцептован. В те же выходные дни были собраны руководители крупнейших российских банков, и эти меры были им представлены и с ними обсуждены… Принимая это решение, все понимали, что мы берем на себя политическую ответственность и становимся

политическими смертниками, что отставка предстоит и правительству, и руководству ЦБ.

Источник: М. Задорнов: все понимали, что мы становимся политическими смертниками // Деньги. 2008. № 32 (689). 18 августа. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=451b438a-5786-41a9-805a-7451f4cf7f3a&docsid=1011188

Подробнее. **Хроника событий 15–23 августа 1998 года**

15 августа президент прервал отпуск и вернулся в Москву. Премьер-министр С. Кириенко провел совещание с главами Центробанка, Минфина и спецпредставителем Кремля в международных финансовых организациях. Глава правительства дал поручение разработать меры по стабилизации ситуации.

17 августа Кириенко объявил о введении «комплекса мер, направленных на нормализацию финансовой и бюджетной политики», которые фактически означали дефолт и девальвацию рубля. На 90 дней приостановилось выполнение обязательств перед нерезидентами по кредитам, по сделкам на срочном рынке и по залоговым операциям. Купля-продажа ГКО прекратилась. ЦБ перешел на плавающий курс рубля, расширив границы валютного коридора с 6 до 9,5 рублей за доллар.

18 августа А. Лившиц подал в отставку с поста заместителя главы администрации президента, сказав, что «не смог уберечь президента». Международная система Visa Int. блокировала прием карт банка «Империал», а остальным российским банкам рекомендовала приостановить выдачу наличных по картам. ЦБ заявил о намерении запретить банкам устанавливать разницу между курсом покупки и продажи валюты свыше 15%.

19 августа правительство без указания причин объявило о переносе принятия решения о порядке реструктуризации ГКО. Тем самым был продлен срок работы банков в условиях неопределенности. Председатель ЦБ С. Дубинин отчитался о расходовании транша МВФ в 4,8 млрд долларов, полученного в начале августа: 1 млрд долларов израсходован на погашение долгов по ГКО, 3,5 млрд долларов – на удержание курса рубля.

20 августа заместитель председателя Центробанка С. Алексашенко заявил об отказе от практики введения в банках временных администраций. Новая мера предполагала предоставление банкам кредитов под залог контролируемых ими блокирующих пакетов акций. С. Дубинин объявил, что Центробанк отныне гарантирует вклады населения во всех банках.

21 августа все фракции Госдумы выступили с официальными заявлениями о необходимости отставки кабинета министров. Visa Int. разослала всем иностранным банкам письмо, в котором рекомендовала не выдавать наличные по картам ряда российских банков.

23 августа Б. Ельцин подписал указ об отставке С. Кириенко и возложил исполнение обязанностей председателя правительства на В. Черномырдина.

Источник: Козичев Е. В августе 1998-го // Власть. 2008. № 31 (785). 11 августа. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=ee7d55e5-6b3e-49e8-9e13-51e2abc1a79e &docsid=1009301

Подробнее. **Регионы: от ледяного спокойствия до ажиотажного спроса на валюту и товары**

17 августа 1998 года большинство банков *Санкт-Петербурга* отказались от обмена валюты. Инициативу задал питерский Сбербанк, многочисленные обменные пункты закрылись еще в первой половине дня «по техническим причинам». К обеду сообщения о «технических» напастях появились на обменных пунктах местных мелких банков, а также в филиалах московских МДМ-банка, «Российского кредита» и «СБС-АГРО». В тех же банках, чьи обменные пункты работали, доллары не продавались даже по объявленному курсу 9–9,5 руб. за доллар. Торговля валютой переместилась из закрытых обменников на улицы… Наиболее оперативно действовали банки, работающие с пластиковыми картами… снять наличные рубли с пластиковых карт не составляло труда: лидеры пластикового рынка пополняли пустеющие банкоматы по 2–3 раза в день. Улучшилась и ситуация с рублевыми вкладами частных лиц. Очереди вкладчиков, штурмовавших в пятницу филиалы «СБС-АГРО» или «Российского кредита», не исчезли, но апокалиптические настроения клиентов явно поубавились. Банки сняли какие-либо ограничения на выдачу клиентам наличных рублей. В некоторых магазинах, торгующих бытовой техникой, был объявлен «технический перерыв». В ювелирных магазинах объемы продаж ощутимо возросли, например, ювелирном магазине «Аметист» – в 2 раза.

В *Новокузнецке* отреагировали на информацию о расширении валютного коридора довольно спокойно. Наверное, потому, что она дошла до города только во второй половине дня. Особого ажиотажа в банках не было, хотя небольшие очереди за валютой все-таки выстраивались. Курс сильно не повысился, банки продавали доллары по 6,6 рублей, а часа за два до закрытия прекратили торговать валютой. Никаких изменений в магазинах не было.

В *Новосибирске* до 12 часов доллары продавались по 6,8–6,9 рубля. В послеобеденное время, когда поступила информация о том, что плавно отпускают рубль, 90% банков прекратили обменные операции. Многие клиенты захотели снять свои деньги с валютных депозитов в банках, но далеко не всем это удалось. Людям говорили: «Сегодня выдача вкладов невозможна».

Жителей *Владивостока* из-за многочасовой разницы во времени известие о расширении границ валютного коридора застало врасплох. Первые сообщения о решении правительства и Центробанка прозвучали в выпусках новостей по местному телевидению в 19 часов, когда банки уже прекратили работу. До закрытия обменных пунктов (до 19 часов) практически везде можно было без очереди и ограничений приобрести доллары по курсу 6,4–6,75 рубля. Примерно столько же стоил доллар в пятницу и выходные. Круглосуточные обменные пункты (в отелях, на морском вокзале, в аэропорту) оперативно отреагировали на изменение рыночной конъюнктуры и закрылись. В понедельник с утра Инкомбанк и «СБС-АГРО» без предупреждения прекратили выдачу наличной валюты по международным пластиковым

картам других эмитентов через банкоматы, но в течение дня без ограничений выдавали наличные через операционные залы. Сотрудники филиала банка «Российский кредит» в экстренном порядке навещали своих вкладчиков по домашним адресам и офисам и вручали под роспись уведомление руководства банка о прекращении действия заключенных договоров по некоторым видам вкладов для физических лиц.

Источник: Червонец // Коммерсант. 18 августа 1998 года. № 150 (1553). – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=f7bc2399-6a75-4955-ba86-bfc4137ab574&docsid=203588

Подробнее. **Возрождение «черного» рынка валюты**

Сразу после 17 августа 1998 года население ответило на новую валютную политику скупкой всех товаров. А вот валюты в регионах уже нет или она стоит запредельно дорого. Во многих городах возник «черный» валютный рынок.

Традиционные поставщики наличных долларов в *Санкт-Петербург* (филиалы банков «Российский кредит» и Инкомбанк) всю имеющуюся валюту продавали сами, мелкие банки остались без наличных. Им пришлось поддерживать курсы продажи выше 10 рублей за доллар. В результате без ограничений валюту продавали в основном филиалы московских банков и крупные местные банки… Здесь курс продажи опустился до 7–7,5 рублей за доллар. Такой разброс курса доллара привел к возрождению «черного» валютного рынка. У закрытых «по техническим причинам» обменных пунктов крутились сомнительного вида личности, предлагавшие купить или продать валюту. Основным местом скопления менял стали сберкассы на окраинах города и гостиницы. Желающие без труда могли найти валютчиков и на Невском. У них доллары можно было купить по 8–9 рублей.

Второй день валютного кризиса оказался для *Владивостока* первым: информация о расширении границ валютного коридора поступила сюда в конце рабочего дня, и большинство не успело ничего предпринять для спасения своих рублевых сбережений. На следующий день курс продажи долларов практически во всех банках равнялся 9,5 рублей, курс покупки колебался между 6,3 и 6,5 рублями. Правда, купить доллары по взметнувшемуся курсу спешили немногие. Дешевле можно было купить их на «черном» рынке: в центре Владивостока уже несколько лет в любую погоду продают и покупают валюту с рук. Во вторник курс продажи доллара составлял тут 9 рублей. Многие магазины во Владивостоке объявили распродажу ювелирных изделий, импортной теле- и видеоаппаратуры, дорогой одежды и обуви, сократив цены на 50%. На прочие товары цены остались на прежнем уровне. Повышенный интерес к золотым украшениям проявляли китайские туристы… Низкая покупательная способность населения Приморья, вызванная задержками зарплат, остается главным барьером, сдерживающим скачок цен.

Источник: Возрождение «черного» рынка // Коммерсант. 19 августа 1998 года. № 151. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=2786caf0-6de9-49a9-a517-f819ce975486&docsid=203669

Дефолт резко обострил банковский кризис. Крупные банки – главные держатели государственных облигаций остались без средств. Потери банковской системы оценивались в 50–60% банковского капитала, прямые убытки достигли 25–30%. Резко ухудшилась платежеспособность банков. Они отказывались удовлетворять требования кредиторов, в первую очередь иностранных. Почувствовав неладное, вкладчики стали осаждать банки, требуя немедленно вернуть их вклады. Выросло число банкротств банков. Если в первой половине 1998 года проблемные банки составляли около 30% всех банков, то к 1 октября – почти 50%, в них было сосредоточено около 40–45% банковских активов. Число коммерческих банков за 1998 год сократилось на 13% (с 1697 до 1476).

Разорялись и фирмы, державшие средства в обанкротившихся банках. Экономику поразил масштабный кризис расчетов. Предприятия увольняли сотрудников, выросла безработица, упали доходы населения, снизился спрос. Соответственно, свертывалось производство, разорялись все новые фирмы, что еще больше увеличивало безработицу. Маховик кризиса раскручивался все сильнее.

Подробнее. **В стране-банкроте жить плохо**

Тысячи людей теряют работу и сбережения. На биржах труда и в магазинах очереди. Все опасаются массовых беспорядков. Это не о Великой депрессии из учебника истории. Это про нас. Про кризис, отправная точка которого, 17 августа 1998 года, – один из самых мрачных дней в новейшей истории России. Все началось с того, что мы узнали правду о том, что правительство больше не в состоянии платить по своим долгам. 17 августа мы проснулись гражданами страны-банкрота.

Сразу же выяснилось – жить в такой стране плохо. Потому что за несколько лет мы привыкли к стабильному курсу доллара, низкой инфляции и отсутствию очередей. У нас был нормальный здоровый президент (так, по крайней мере, казалось), почти ручная, хоть и коммунистическая Госдума и подающее надежды правительство, состоящее из чуждых политике технократов. После 17 августа президент заболел и практически отошел от дел, правительство сменилось, а Дума стала неуправляемой. Курс доллара вырос в 3 раза, рухнули банки, кое-кто из моих знакомых потерял работу, подскочили цены, появились очереди. Мысль о посещении мелкооптового рынка стала вдруг навязчивой. Перед глазами замелькали образы из детства: заставленные говяжьей тушенкой и пачками с вермишелью прилавки, очереди за мандаринами перед Новым годом, ленты разноцветных талонов и по 10 пачек сигарет в одни руки. Вспомнилась поездка

с мамой на станцию «Рабочий поселок» в обувной магазин за чешскими сапогами. Это было в 1982 году. Купить тогда хорошую обувь и одежду было нельзя. Можно было только достать.

Источник: Тросников С. Август, семнадцатое // Деньги. 1998. № 49 (203). 23 декабря. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=198e5bbd-ebd5-4d62-a35d-d346a274f0f4&docsid=22353

Непосредственным поводом кризиса 1998 года было падение цен на нефть. Но причина его глубже. Это неспособность государства жить по средствам, дальнейшее сползание в долговую яму и политическая нестабильность, вызванная желанием Б. Ельцина «поменять лошадей на переправе».

6.3. Коммунистическое правительство Примакова. Лучшая политика – ничего не менять

С. Кириенко, который объективно вынужден был взять на себя ответственность за дефолт и девальвацию, 23 августа 1998 года подал в отставку. Президент назначил исполняющим обязанности премьера В. Черномырдина. Можно предположить, что это решение пролоббировали крупнейшие финансово-промышленные группы, желавшие иметь более «управляемого» главу кабинета. Предстояли сложности по расчистке финансовых институтов, спасению или ликвидации отдельных банков. В этой ситуации премьер Кириенко, стремившийся от них дистанцироваться, становился опасен. Бизнес потребовал вернуть «политического тяжеловеса». Черномырдин сразу сделал популистское заявление о целесообразности проведения политики «управляемой эмиссии», видимо, пытаясь заигрывать с левым большинством Госдумы.

Политическая неопределенность и угроза смены экономического курса практически аннулировали соглашения с МВФ о предоставлении России кредитов. Это вызвало новую панику на финансовых и товарных рынках. Если в первые дни после 17 августа курс рубля снизился умеренно, то после отставки правительства Кириенко падение стало обвальным.

Подробнее. **От личности премьера зависят условия предоставления кредитов МВФ**

Политический кризис в России на прошедшей неделе (сентябрь 1998 года. – *Ред.*) дополнился для властей еще одним, крайне неприятным обстоятельством. Международные финансовые организации и западные лидеры фактически объявили, что отныне Россия не может рассчитывать на их деньги. Побывавший на прошлой неделе в России президент США Б. Клинтон не стал обещать срочной помощи переживающей финансовый кризис стране. Так же поступили канцлер ФРГ Г. Коль и президент Франции Ж. Ширак. Они твердили, что России необходимо «продолжать экономические реформы»… Денег России никто давать не намерен и вовсе не потому, что у Запада денег нет. Сейчас все в России очень похоже на 1992 год. Как и шесть лет назад, в стране мало денег, не существует нормально работающей банковской системы, население не доверяет свои деньги никому и насчитывается в лучшем случае полтора десятка эффективно работающих промышленных компаний.

Но 1998 год разительно отличается от 1992 года: тогда Запад искал любой удобный повод для того, чтобы всучить деньги России, а сейчас использует любую возможность, чтобы отказать в новых кредитах. За последние две недели разрушено еще одно устойчивое мнение, бытовавшее в общественном сознании, о том, что состав правительства определяется под диктовку международных финансовых организаций. На самом деле МВФ никогда не назначал министров в российское правительство. Он всего лишь с большим или меньшим энтузиазмом вел переговоры с правительственными чиновниками. От того, кто именно представляет Россию, зависела лишь скорость выделения денег: если это был А. Чубайс, то деньги выдавали довольно быстро и не на слишком обременительных условиях. А. Лившицу удавалось получить те же деньги, но это занимало у него чуть больше времени. Сейчас у фонда нет возможностей влиять на кадровую политику властей. Тем более западные финансисты не знают, какого курса будет придерживаться новое российское правительство. Еще неделю назад В. Черномырдин был без пяти минут премьер-министром. Однако сокрушительные итоги первого голосования в нижней палате парламента поставили под сомнение тот факт, что во главе правительства может оказаться знакомый западным деловым и политическим кругам политик.

Источник: Осмоловский Д. Россия, которая им надоела // Власть. 1998. № 34 (286). 8 сентября. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=f592a511-6b96-464f-831f-1ddb8e00ff1e&docsid=14727

***

После августовского дефолта доверие к России за рубежом, резко снизилось. Если в июле Россия ожидала получить до конца года от МВФ и МБРР 7 млрд долларов кредита, то после 17 августа могла рассчитывать лишь на 2,4 млрд. На возобновление сотрудничества с МВФ российское

правительство могло надеяться лишь в том случае, если оно представит фонду хотя бы «базовые параметры» своей экономической программы. Но и после того, как программа была представлена (она называлась планом первоочередных мер по выводу страны из кризиса), золотой дождь на голову Е. Примакова не пролился. Не все в программе устраивало МВФ.

Начались затяжные переговоры… Одна из бед правительства Примакова заключалась в том, что Ю. Маслюков, ведавший вопросами экономики, совершенно не умел разговаривать с чиновниками международных финансовых институтов. Бывший председатель Госплана не понимал их, а они не понимали его. Примакову то и дело приходилось самому подключаться к переговорам, но это мало что давало. Председателю правительства советовали сменить состав делегации на переговорах с МВФ, но он лишь растерянно разводил руками. Дело, конечно, заключалось не только в Маслюкове: Запад вообще настороженно отнесся к первым шагам нового правительства, к попыткам расширить сферу экономики, куда бы вторгалось государство, к увеличению расходов на социальные программы, для которого не имелось достаточных оснований, к безостановочной критике предыдущих, реформаторских, правительств, наводившей на мысль, что Примаков собирается отступить от курса реформ, несмотря на все его заявления об обратном.

Источник: Мороз О. Почему он выбрал Путина. М.: Русь-Олимп, 2009. С. 81–105.

Растратив значительные запасы резервов на поддержку рубля при низких ценах доллара, Центральный банк для сохранения своих золотовалютных резервов 26 августа приостановил на неопределенный срок торги на ММВБ, а 28 августа – на региональных валютных биржах. За август 1998 года официальный обменный курс доллара увеличился с 6,2 до 7,9 рубля за доллар, или на 26,7%. С 17 по 31 августа 1998 года девальвация составила 25,7%. Резко подскочили цены: за сентябрь – на 38,4%.

Госдума дважды (31 августа и 7 сентября) отклонила кандидатуру Черномырдина. Перед президентом встал выбор:

- **распустить Госдуму и назначить новые выборы**
- **или пойти на компромисс, внести кандидатуру, которая устроила бы большинство прокоммунистически настроенных депутатов.**

Как поступил бы ты?

Уже проявились социально-политические последствия девальвации и дефолта. Выросло социальное недовольство из-за инфляционного скачка. Причем особенно сильно пострадали группы населения,

являвшиеся сторонниками рыночной демократии – новый средний класс (работники быстро растущей сферы услуг), мелкий бизнес и вообще жители крупных городов. Девальвация и дефолт ударили и по рейтингу президента. Назначая Кириенко на пост премьера, Ельцин фактически взял на себя ответственность за результаты деятельности нового кабинета. Поэтому симпатии населения сместились к коммунистам.

В такой ситуации президент пошел на компромисс и внес устраивавшую большинство депутатов кандидатуру министра иностранных дел Е. Примакова. 11 сентября 1998 года они утвердили его 317 голосами (из 395).

Правительство было сформировано при активной поддержке и участии левых политических сил, коммунистической и аграрной фракций Госдумы, представители которых заняли в нем ключевые посты. Среди них – бывший председатель Госплана СССР Ю. Маслюков, бывший министр сельского хозяйства Г. Кулик, бывший председатель Госбанка СССР В. Геращенко. В отличие от стран Западной и Восточной Европы, где происходило постепенное сближение позиций левых и правых в вопросах экономической политики, взгляды российских левых в конце 1990-х радикально отличались от взглядов их политических противников. Пресса стала называть это правительство коммунистическим.

Правительство Примакова заявило о необходимости решительной смены экономического курса. Эта необходимость оправдывалась масштабом и глубиной экономического кризиса, тяжелыми социальными потрясениями, скачком цен, потерей сбережений населения, высокой безработицей, кризисом на потребительском рынке, сжатием спроса и ухудшением условий для предпринимательской деятельности. Требование смены курса стало всеобщим, хотя различные социально-политические силы вкладывали в это понятие разный смысл.

Вопрос был в том, в какую именно сторону менять курс? Реально выбор был между:

- **инфляционной политикой, то есть повторением того, что происходило в 1992–1994 годах,**
- **и жесткой антиинфляционной политикой.**

На какой курс решился бы ты?

Выбор курса. После формирования правительства Примакова почти одновременно были обнародованы тезисы двух программ, отражавших альтернативу выбора курса: открытое письмо президенту, Федеральному Собранию и правительству членов Отделения экономики Российской академии наук во главе с Д. Львовым и статья группы либеральных экономистов во главе с Е. Гайдаром.

На основе предложений академиков под руководством Ю. Маслюкова началась разработка экономической программы нового правительства. Ее стержнем стали повышение спроса населения и загрузка простаивавших мощностей. Для этого намечались крупные денежные вливания в промышленность, жесткий валютный контроль, включая запрет на хождение доллара в стране. В программе присутствовали протекционистские меры и государственная поддержка импортозамещающих отраслей, государственное регулирование цен и тарифов на продукцию базовых отраслей промышленности, продовольственные и непродовольственные товары первой необходимости. При этом не принималось во внимание, что регулирование цен – прямая дорога к дефициту, а от него – два шага к карточной системе, обязательным поставкам и арестам за их саботаж.

Подробнее: **Комплекс первоочередных мер Маслюкова**

Е. Примаков, который долго зазывал в свой кабинет министров различной политической ориентации, получил наконец то, что должен был получить, – правительство, которое никак не может решить, что ему делать, и не в состоянии создать свою экономическую программу… В газете «Коммерсант» опубликован проект программы, подготовленной первым вице-премьером Ю. Маслюковым. Правда, он отказывается называть ее программой, особо упирая на то, что это лишь «комплекс первоочередных мер» по выводу страны из кризиса… Проект позволяет понять, в каком направлении будет работать правительство. Все споры, ведущиеся в правительстве, касаются двух проблем: где взять валюту и как наполнить потребительский рынок. Надежды на традиционные источники пополнения резервов Центрального банка слишком малы. Согласно опубликованным Международным валютным фондом прогнозам развития экономики, цены на нефть в 1999 году останутся низкими – на уровне 1998 года или чуть выше. Получить кредиты от МВФ правительство и ЦБ вряд ли смогут. По крайней мере, отправившиеся на прошлой неделе в Вашингтон В. Геращенко и М. Задорнов особого оптимизма на этот счет не испытывают.

Поэтому правительство предполагает прежде всего отнять валюту у экспортеров. Белый дом наверняка заставит экспортеров продавать 75% выручки. Это позволит ЦБ за короткий срок увеличить свои резервы

на 4 млрд долларов, то есть почти на треть. Чтобы даром не расходовать доллары на поддержку свободного курса рубля, курс будут определять административным путем. Предлагается устанавливать его на основании сальдо текущих операций платежного баланса страны, объемов золотовалютных запасов и уровня инфляции.

Что касается наполнения внутреннего рынка товарами, в проекте программы прямо о централизованном импорте не говорится… Однако рано или поздно госимпорт должен появиться, естественно, по регулируемым правительством ценам. То есть специмпортеры купят валюту по спецкурсу и будут продавать товары в России по спецценам. Все точно так, как было в СССР. Но тогда никогда не хватало товаров, потому что всегда не хватало валюты. Значит, придется и российских производителей заставлять продавать товары первой необходимости по фиксированным ценам. Но тогда рынок быстро опустеет. Придется руководителей заводов и фабрик заставлять производить хотя бы что-нибудь. Для этого нужен Госплан, которым когда-то руководил Маслюков. Правда, записать в свой «комплекс первоочередных мер» предложение возродить это учреждение он постеснялся.

Источник: Бородулин В. Над страной висит программа // Деньги. 1998. № 38 (192). 7 октября. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=42edf24a-7c9f-496b-ad82-0083700150be&docsid=22109

***

Отклики на комплекс первоочередных мер

«Известия» в статье «Российское хозяйство вновь станет народным» писали, что «мы возвращаемся в экономику начала девяностых, клановую, несправедливую и нецивилизованную, где рука государства становится владыкой и за все 150 миллионов решает, кто и как будет жить». «Независимая газета» утверждала, что «россиянам угрожает очередное крупное ограбление»: «Какими бы терминами ни маскировало правительство свою экономическую программу, речь сейчас идет о реставрации старой системы». «Коммерсант» назвал проект антикризисной программы «проектом перераспределения дефицита».

Газета «Сегодня» откликнулась статьей «Инфляция и социализм нам обеспечены»: «Когда страна испытывает трудности с построением рыночной экономики на общеизвестных в мире принципах, то кто-нибудь обязательно начинает испытывать искушение изобрести велосипед и построить национальную модель капитализма. К сожалению, это желание иногда испытывают и люди, которым власть позволяет пересадить на такой велосипед с квадратными колесами всю страну»…

Вице-премьер Г. Кулик, курировавший сельское хозяйство и производство продовольствия, призывал сделать ставку «на собственные силы», если мы будем завозить в страну продовольствие, кормиться с чужого стола, нашего российского голоса никто не захочет слушать. Впрочем, Кулик признал, что «на сегодня нам не обойтись без определенного импорта

> продовольствия, поскольку отечественный производитель пока не способен полностью удовлетворить потребности рынка». Но масштабы этого «определенного импорта» будет определять не рынок, а Кулик и подчиненные ему чиновники.
>
> *Источник:* Мороз О. Почему он выбрал Путина. М.: Русь-Олимп, 2009. С. 81–105.

Группа Гайдара предлагала сохранить политику финансовой стабилизации, проводимую в течение 1995–1997 годов, но скорректировать ее. Дело в том, что правительство Черномырдина сочетало жесткую денежную политику с мягкой (если не сказать популистской) бюджетной политикой. Валютный курс был стабилен, инфляция и процентные ставки снижались. Но бюджет оставался дефицитным, разрыв между доходами и расходами (при фактическом запрете на использование печатного станка) покрывался с помощью внешних и внутренних заимствований.

Такая ситуация была внутренне противоречивой и неустойчивой. Провал каждой новой попытки свести бюджет с профицитом (превышение доходов над расходами) приближал кризис, наступление которого было лишь ускорено падением цен на нефть и азиатским кризисом. Чтобы преодолеть эту внутреннюю противоречивость экономической политики, нужно было жесткую денежную политику и стабильный валютный курс дополнить глубокими бюджетными реформами, которые позволили бы сбалансировать доходы и расходы казны. Следующие за этими шагами структурные реформы создали бы предпосылки для адаптации российских предприятий к условиям конкурентного рынка.

От правительства Примакова в обществе ожидали поворота к инфляционному варианту, поскольку премьер обещал в считанные месяцы погасить долги перед бюджетниками и пенсионерами, разрешить проблему неплатежей, обеспечить устойчивость рубля, навести порядок. Слова о необходимости начала «контролируемой и управляемой» эмиссии, пересмотра итогов приватизации, национализации предприятий в различных секторах экономики, введения принудительного обменного курса, а то и запрещения хранить иностранную валюту, можно было слышать практически ежедневно от политиков самого высокого уровня.

Например, председатель Госдумы Г. Селезнев ратовал за то, чтобы временно приостановить деятельность валютной биржи (установить фиксированный курс 7 рублей за доллар) и хождение валютных кредитных пластиковых карт, чтобы валюта не уходила за границу, запретить

обменным пунктам продавать валюту населению (они должны только покупать ее). Некоторые члены правительства предлагали ренационализировать убыточные предприятия ВПК, что явно противоречило заботе о наполнении бюджета.

Однако выбор курса зависел не только от идеологических, политических и социальных предпочтений правительства, но и от логики развития событий и обстоятельств. Казалось бы, отсутствие источников внешнего и внутреннего финансирования после отставки правительства Кириенко объективно толкало в сторону выбора инфляционного варианта. Однако этого не произошло. На практике правительство Примакова действовало гораздо более осторожно по сравнению с тем, что от него ожидали.

Но сам факт подобных ожиданий играл негативную роль и еще более осложнял ситуацию. Ведь в инфляционных ожиданиях заложена страшная сила, они способны самореализоваться, влияя не только на настроения, но и на поведение людей. Такие опасения подогревались документами, которые правительство рассматривало при подготовке своей экономической программы.

Руководители правительства испугались всеобщих инфляционных ожиданий. Не спешил с эмиссией и Центральный банк. Уроки прошлого не прошли бесследно. Понимание прямой связи между эмиссией и инфляцией усвоили достаточно, чтобы от разговоров о благотворности эмиссии не переходить к включению печатного станка. Председатель Центрального банка В. Геращенко, на словах не возражая против ослабления денежной политики, не хотел брать на себя ответственность за раскрутку инфляции. Он настаивал, чтобы Госдума внесла поправку в «Закон о Центральном банке», которой отменила бы введенный в 1995 году запрет на прямое финансирование банком дефицита бюджета.

Таким образом, к концу 1998 года правительство при разработке своей программы осознавало опасность рецептов из арсенала «экономики популизма», но адекватной замены эмиссионной программы не находило. Реальная программа действий формировалась по мере решения конкретных задач. Кардинальных, принципиальных решений не принималось. Политический мандат, выданный премьеру, поддержка со стороны законодателей и значительной части общества позволяли использовать такую тактику. А отказ от «резких движений» не мешал экономике адаптироваться к изменившейся ситуации и развиваться по своим, рыночным законам.

Подробнее. **Уникальный для России политический консенсус**

М. Задорнов, министр финансов в правительствах В. Черномырдина, С. Кириенко и Е. Примакова в 1997–1999 годах:

Если говорить о том, что тогда было сделано неправильно, я думаю, что большой политической ошибкой было то, что одновременно и правительство, и руководство Центрального банка были отправлены в отставку сразу после объявления о девальвации и дефолте. Надо было дать людям, которые приняли это решение, возможность завершить период, скажем так, санации. Это заняло бы, может быть, два-три месяца. И после этого можно было бы принимать все политические решения…

В стране одновременно не было ни ЦБ, ни правительства: если помните, в сентябре и.о. премьера был В. Черномырдин, которого в итоге не утвердила Дума. Практически, в экономике, если не считать Минфина, не было управления в самый острый кризисный период. А вновь пришедшие в правительство и ЦБ люди были с совершенно другими взглядами, нежели их предшественники, и им требовалось время для осознания ситуации. Я считаю, что если бы правительство Кириенко и Центральный банк Дубинина завершили работу до конца сентября, сделав намеченное, и затем произошла бы смена правительства и руководства ЦБ, ситуация развивалась бы более плавно…

В целом же я считаю, что набор мер в той ситуации был единственно возможным и верным (…) и мы смогли достаточно быстро добиться ключевых достижений: сбалансирования бюджета и стабилизации валютных резервов. И менее чем через год, в июне 1999 года, Россия вновь договорилась о программе кредитования с МВФ и Мировым банком и получила первый транш от МВФ и Мирового банка. Это стало внятным сигналом стабилизации для рынков. То есть буквально за 9–10 месяцев ситуация была полностью стабилизирована и получен позитивный тренд…

Несмотря на крайне болезненные события 1998–1999 годов, которые привели к существенному падению реальных доходов многих людей, и слабое положение федеральных властей, это был уникальный для российской истории консенсус. Правительство, как тогда говорили, Примакова–Маслюкова фактически опиралось на парламентское большинство. И это доверие к правительству и со стороны президента, и со стороны парламента реально позволило провести меры, которые в другой политической ситуации не могли быть приняты. Для меня это является признаком изначального здоровья политической системы с реально разделенными центрами властей. Выборы 1996 года и события 1998–1999 годов показали, что политическая система, созданная к тому моменту в России, в ситуации глубокого политического и экономического кризиса сработала.

Источник: Задорнов М. Все понимали, что мы становимся политическими смертниками // Деньги. 2008. № 32 (689). 18 августа. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=451b438a-5786-41a9-805a-7451f4cf7f3a&docsid=1011188

Правительство пыталось жить по средствам. Конечно, занять деньги ни на внутреннем, ни на внешнем рынках оно уже не могло. Но и не давило на Центральный банк, получая от него лишь небольшую эмиссионную поддержку. После решений первых месяцев, существенно ослабивших доходную часть бюджета, правительство выработало «осторожный» бюджет на 1999 год, который впервые за все предшествующие годы был выполнен с превышением доходов над расходами. Такая политика позволила погасить всплеск инфляции и удержать макроэкономическую стабильность в стране.

Подробнее. **Денежный станок не запущен, а немного «подпущен»**

Пока экономическая политика российских властей тоже совершенно типична. Во всех странах после девальвации наблюдались инфляция и падение номинального курса национальной валюты, которые уравновешивали друг друга. Программа правительства предусматривает то же самое: темпы инфляции и девальвации планируются примерно одинаковыми. Плюс к тому Россия вновь превратилась в страну с относительно дешевой рабочей силой – опять-таки типичное последствие девальвации. Таким образом, если все пойдет без попыток снова найти «особый путь», через 2–3 года ситуация в экономике стабилизируется и начнется рост. Первые признаки стабилизации уже видны: за последние три месяца резервы Центробанка немного увеличились. Сейчас они вышли «на плато», с которого начнется рост.

События будут развиваться по такому сценарию, только если власти не станут впадать в крайности. Ведь соблазн включить печатный станок на полную мощность всегда велик. Тогда получим гиперинфляцию. Но пока до этого не дошло. На прошлой неделе Е. Примаков заявил, что денежный станок в России не запущен, а «подпущен на небольшую сумму»: «Мы не вышли за пределы нормы. Все зависит от того, как мы сможем рассчитаться за внешние долги». Если это действительно так, надежда на выздоровление весьма велика. Получается интересная вещь: правительство, которое ни во что не вмешивается , не пытается экстренно выбить налоги или зафиксировать курс национальной валюты (первое трудно, второе вообще непонятно, зачем нужно), способно преуспеть больше, чем активная, напористая команда. Достаточно втихую печатать деньги, собирая со всего населения инфляционный налог.

Источник: Баранов Г., Рушайло П. Кризис со счастливым концом // Власть. 1998. № 45 (297). 24 ноября. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=f26b594e-9d79-4619-848f-f0392a1d8510&docsid=14964

Подробнее: **От Рузвельта до Эрхарда: чьи идеи вдохновляли премьера Примакова?**

Куда ведет страну новое правительство? На публике Примаков уже который месяц говорит о том, что… наша цель – социально ориентированная рыночная экономика и сильное государство. И называет имена тех, чьи идеи вдохновляют его на подвиги. В начале декабря… премьер упоминал Франклина Рузвельта. В конце января… говорил уже о Людвиге Эрхарде.

Вот его слова о Рузвельте: «В свое время, отстаивая программу нового курса, Рузвельт подчеркивал: “Я имею в виду не всеобъемлющее регламентирование и планирование экономической жизни, а необходимость властного вмешательства государства в экономическую жизнь во имя истинной общности интересов не только различных регионов и групп населения нашей великой страны, но и между различными отраслями ее народного хозяйства”. Под этой цитатой готово подписаться наше правительство»… Но нет ничего, что сделал бы Рузвельт: ни государственной поддержки сельского хозяйства, ни государственного страхования банковских вкладов, ни государственного ипотечного кредитования, ни столь близкого Примакову государственного пенсионного обеспечения достойной старости. От Рузвельта остался лишь пафос: усиление государственного вмешательства в экономику и социальная направленность реформ.

А вот слова Примакова об Эрхарде: «Мы укрепляем регулирующие функции государства. Но укрепление роли государства, я хочу это подчеркнуть, отнюдь не означает построение экономики мобилизационного типа. Мы ориентированы на создание в России эффективного хозяйственного порядка с прозрачными и надежно защищенными правилами игры. Это приблизительно та идея, которой вдохновлялся Людвиг Эрхард при разработке программы реформ для послевоенной Германии». Прошел почти месяц – и опять нет ничего того, что сделал Эрхард…

Хотя премьер подчеркивает, что дороги назад нет, регулярное использование лексики советской эпохи настораживает. После очередного обвинения в симпатиях к прошлому Примакову даже пришлось оправдываться: «Для того чтобы лучше понять, куда ведет дело правительство, позвольте вам напомнить, что нам предрекали еще совсем недавно национализацию – нет этого, отмену результатов приватизации – нет этого, фиксирование курса рубля – нет этого, неконтролируемую эмиссию – нет этого, запрет на хождение доллара – нет этого, прекращение импорта – нет этого».

Источник: Калашнов Ю. Классик марксизма-капитализма // Деньги. 1999. № 7 (211). 24 февраля. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=d4fb1c3d-2e1d-4fc4-be34-e5f6fe9222fb&docsid=22504

После 9 месяцев пребывания Примакова у власти страна имела профицит бюджета, договоренность с МВФ и Мировым банком о кредитах и ту же экономическую политику, что проводило прежнее

правительство. Заслуга правительства Примакова в том, что оно удержало политическую стабильность в России на фоне резкого снижения жизненного уровня и кризиса банковской системы, не приняло предложения вернуть частную собственность государству, установить контроль над ценами, усилить денежную эмиссию.

***

Придя к власти, коммунисты оказались не в состоянии реализовать ни один из своих лозунгов – ни национализацию промышленности, ни отмену хождения доллара, ни введение госконтроля за ценами. Проведенные ранее рыночные преобразования задали рамки для принятия глобальных экономических решений. Левые не смогли вырваться за эти рамки. Но если бы во главе правительства был не Е. Примаков, а Г. Зюганов или В. Ампилов, то страна могла бы вернуться к административно-командной системе. Угроза развала молодого российского рынка была. Но Примаков понимал, что отвечать за последствия придется ему.

В конце января 1999 года Примаков выступил с серьезной политической инициативой, суть которой сводилась к консервации сложившегося положения до президентских выборов: Ельцин не прибегает к отставке правительства и роспуску Госдумы, а та отказывается от разворачивания процедуры импичмента. Однако на практике подготовка этого длительного «мира» означала развязывание самой настоящей войны.

Взаимопонимание премьера и депутатов достигло такого уровня, что было принято совместное решение внести поправку в Конституцию о невозможности отставки правительства без согласия Госдумы и отчета правительства перед депутатами. Примаков также согласился с необходимостью формировать правительство думского большинства. Все это вкупе с растущим рейтингом премьера и одновременным процессом импичмента президенту подтолкнуло Ельцина к отставке правительства Примакова, которая состоялась 12 мая 1999 года. Затем премьерское кресло в течение трех месяцев занимал С.Степашин, в августе 1999 года его сменил В. Путин.

Возможно, эта чехарда, когда правительственным чиновникам было не до конкретного руководства экономикой, способствовала быстрому оживлению производства в соответствии с запросами рынка. Сыграло роль и то, что мировые цены на нефть выросли в 2 раза, а ведь доходы от ее экспорта по-прежнему формировали значительную часть доходов бюджета. Но главное – восстановлению российской экономики помогла девальвация рубля.

6.4. Девальвация – ускоритель роста

К моменту принятия решения о девальвации рубля экспорт многих товаров из России был убыточным. Девальвация облегчила экспорт товаров отечественной промышленности и сельского хозяйства. Ведь в долларовом исчислении они стали дешевле. Экспортеры существенно укрепили свое финансовое положение, снизили задолженность бюджету и другим кредиторам. За счет увеличения финансовых ресурсов, находившихся в распоряжении экспортеров, выросли денежные накопления в реальном секторе, – как следствие, понизилась доля бартера в совокупных продажах предприятий.

Девальвация рубля «урезала» рублевые сбережения населения. Их покупательная способность стала меньше настолько, насколько подешевела национальная валюта. Но для граждан, хранивших сбережения в долларах, девальвация стала благом. Они стали богаче настолько, насколько подорожала иностранная валюта (если они тратили ее в России, а не за рубежом). В других странах такое встречается редко, но в России миллионы жителей пользуются долларами. В те годы долларовая масса в стране примерно равнялась рублевой.

Девальвация оказалась благом и для российских производителей: их продукция с падением курса рубля стала дешевле импортной, а значит, более конкурентоспособной. Импортные товары вытеснялись с российского рынка, причем без дополнительных усилий со стороны производителей – без совершенствования технологий, сокращения расхода сырья и материалов, повышения производительного труда. Не понадобились приказы, таможенные барьеры, законы типа «О защите национального производителя» и реклама «Покупайте только отечественное».

Сокращение импорта расширило спрос на отечественные товары, оживилось производство в машиностроении, отчасти в черной металлургии, легкой, лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности.

Особенно быстро восстанавливалась автомобильная промышленность, в первую очередь АвтоВАЗ, который воспользовался девальвацией рубля в полной мере: снизились и издержки, и долларовая цена «Жигулей» (до уровня 1992 года). Не только было нейтрализовано подорожание отечественных автомобилей за годы инфляции, но и произошло резкое сближение цен с качественными характеристиками машин.

В дальнейшем, пользуясь защитными свойствами низкого курса рубля, российские компании смогли резко расширить свой бизнес, многие стартовали с нуля и добились ощутимых результатов за короткое время.

Подробнее. **Повышение спроса на отечественные автомобили**

К середине 1998 года практически все российские автозаводы столкнулись с серьезными проблемами со сбытом продукции. Площадки дилеров были затоварены, изделия отечественного автопрома вплотную приблизились по ценам к недорогим иномаркам, конкурировать с ними становилось все сложнее. Вазовская «десятка» в 1998 году стоила 8–9 тыс. долларов – примерно столько же, сколько Daewoo Nexia. Но российские заводы не могли снижать цены, они и так работали на грани рентабельности.

Кризис оказался спасительным для отечественного автопрома. Долларовые цены на «Жигули» и «Волги» в одночасье упали в 2–3 раза, и граждане бросились их покупать… продажи российских автомобилей сразу после кризиса выросли в те же 2–3 раза. За несколько месяцев площадки дилеров опустели, а автозаводы, пополнив оборотные средства, наращивали объемы выпуска, а вслед за ними и цены. В течение первого года после кризиса цены выросли на 20–30%, тем не менее самые дорогие отечественные автомобили по-прежнему стоили дешевле самых дешевых иномарок. Например, «десятка» в 1999 году покупалась за 5 тыс. долларов, а Daewoo Nexia узбекской сборки в самой простой комплектации – за 6,5 тыс.

Источник: Добров Д., Жук А. На буксире кризиса // Деньги. 2001. № 25 (329). 27 июня. – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=7f7813e4-5cac-471c-badf-266399451941&docsid= 271968

Однако у девальвации были и минусы. *Первый* — резко обострилась проблема внешней задолженности государственного и частного секторов экономики. *Второй* — потери российских банков по внешним займам и форвардным контрактам от роста курса доллара спровоцировали разорение банков и банковский кризис. *Третий* — подорожание импорта резко сократило инвестиционные возможности реального сектора российской экономики, годовые финансовые накопления (прибыль плюс амортизация) в валютном эквиваленте снизились более чем вдвое.

Обесценение рубля после дефолта вышло далеко за пределы, которые диктовались относительными убытками экспортных секторов экономики, возникшими вследствие падения мировых цен на нефть в первой половине 1998 года. Равновесный курс, обеспечивавший стабилизацию платежного баланса, требовал девальвации не более чем на 30—50%. Избыточное обесценение рубля определялось не только психологией участников рынка и политическим кризисом, но и структурными проблемами

российской экономики, завышенным уровнем импортного потребления, неконкурентоспособностью значительной части промышленности и сельского хозяйства.

В конце 1998 года Министерство экономики прогнозировало дальнейший спад производства: по основным потребительским товарам – от 10 до 30%, по машинам и оборудованию – от 5 до 20%. Но уже в декабре многие секторы промышленности, безуспешно пытавшиеся конкурировать с импортом в первой половине 1998 года, показали двузначные темпы роста. А с начала 1999 года рост стал практически повсеместным. Он был вызван замещением импорта подешевевшей отечественной продукцией и ростом мировых цен на нефть. Свою роль сыграли и доллары, которыми располагало население.

Рост платежеспособного спроса вызывал рост производства, это влекло повышение доходов, а значит, в казну поступало больше налогов. Правительство смогло погасить долги перед пенсионерами и бюджетниками. Они несли свои деньги на рынок, еще более увеличивая спрос, за этим опять-таки росло производство. Процесс ускорялся. Компании, способные расти и развиваться, росли и развивались. Россия преодолела последствия кризиса практически за полгода.

Подробнее. **Работодатели снова набирают людей и повышают зарплату**

Последствия кризиса, вызвавшие массовую безработицу и обвал зарплат, постепенно сошли на нет. Работодатели снова набирают людей и даже повышают зарплату своим сотрудникам. И хотя говорить о возвращении зарплат на докризисный уровень пока рано, тенденция к их росту налицо… К августу 1998 года многие сотрудники компаний подошли с зарплатами, приближенными к среднемировым. Однако кризис свел на нет все достижения предыдущих лет. Так, в сентябре–октябре 1997 года оклады специалистов во многих фирмах сократились в 2–4 раза. Падение зарплат продолжалось вплоть до весны 1999 года…

Осенью 1999 года, как и раньше, в самом выгодном положении оказались менеджеры высшего звена… Спрос на специалистов по продажам, приносящих компаниям прибыль, не уменьшился даже после кризиса, а за последние месяцы вырос на 10–15% (в некоторых кадровых агентствах на менеджеров по продажам приходится около половины всех заказов)… Рост спроса и, соответственно, увеличение зарплат коснулись и финансовых специалистов. Главные бухгалтеры и финдиректора, потерявшие сразу после кризиса в среднем 30% своих доходов, теперь наверстывают упущенное… Докризисного уровня зарплаты пока не достигли. В зависимости

от размера компании и квалификации специалиста они отличаются от прошлогодних (1998 год. – *Ред.*) на 20–40%…

Оживление производства отразилось на оплате труда занятых в нем. В первую очередь это касается предприятий производственно-сырьевой сферы. Так, в нефтегазодобывающем предприятии «Славнефть-Мегионнефтегаз» недавно повысили зарплаты на 15%, в целом с января по октябрь 1999 года зарплата увеличилась на 45%. Причем прибавку получили все работники, независимо от того, на какой работе они заняты, сезонной или постоянной. Принято решение о повышении зарплат сотрудникам Кузнецкого металлургического комбината: рабочим – на 12%, а руководящему составу – на 8%. Теперь компании все чаще привязывают оплату труда сотрудников к результатам их работы. «Если компания преуспевает, она должна делиться с сотрудниками». Так, в аудиторской фирме «Юникон» введен институт партнерства, куда приглашены самые профессиональные сотрудники. Партнер вправе рассчитывать на бонус от прибыли фирмы, он получает пакет социальных льгот: улучшение жилищных условий, членство в оздоровительных клубах, социальное страхование.

Источник: Иванющенкова М., Фуколова Ю. Впервые после кризиса наметился рост зарплат // Коммерсант. 17 декабря 1999 года. № 234 (1878). – http://kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=58ef6571-3105-43c7-a3f6-3dc8068d4898&docsid=233021

Итоги 1999 года поражают. Рост промышленности составил 8,1% за год. Последний раз отечественная промышленность испытала подъем в 1997 году – на 1,9%, и это считалось большим достижением. Кратковременные периоды роста промышленного производства были и раньше. Удивляли резкие скачки объемов выпуска в натуральном измерении – например, электромашин, станков, автобусов, тракторов. С другой стороны, столь же резко сокращался выпуск иных машин и удобрений. Такая неустойчивость свидетельствовала о том, что в промышленности сохранился огромный потенциал производства продукции, нужной рынку.

Этот потенциал – непосредственный результат реформ. Для оперативного наращивания производства уже не требовались согласования в Госплане, министерстве или Госснабе, не нужно было за год вперед подавать заявки на сырье, комплектующие и материалы. Поставщики не были заинтересованы, как при социализме, скрывать свои резервы. Их сдерживал лишь недостаток инвестиций на переоснащение производства и трудности с получением кредитов. Если раньше в дефиците было всё, кроме денег, то теперь именно они стали наибольшим дефицитом.

Рынок решил проблему дозагрузки свободных мощностей без призывов и правительственных решений. Именно поэтому в первой

половине 1999 года быстро пошли в гору импортозамещающие отрасли – пищевая и автомобильная, а также обслуживающие автопром предприятия шинной, химической и электротехнической промышленности. Наоборот, предприятия, которые прежде активно использовали импортные комплектующие (производители телевизоров, компьютеров и т.п.), применяли «отверточные» технологии, стали испытывать немалые трудности. Им требовалась более сложная перестройка, чем просто дозагрузка производственных мощностей.

В 1999 году наконец-то была достигнута финансовая стабилизация. Но экономический рост после кризиса августа 1998 года был восстановительным ростом. Он отличается исключительно высоким темпом на первом этапе (после кризиса, революции, войны и других катаклизмов), а спустя некоторое время затухает, когда резервы мощностей и подготовленной рабочей силы исчерпываются.

Для возобновления роста требуются создание новых производств, обновление основных фондов, обучение новых работников. Необходимы также изменения в банковской системе. До кризиса в ней доминировало несколько крупнейших банков, извлекавших прибыли на рынке ГКО. Девальвация и дефолт разорили их, уцелели в основном средние банки, у которых было меньше валютных обязательств и вложений в государственные облигации. Нужна была переориентация банков на кредитование производства.

Список литературы, использованной при подготовке учебного пособия

1. *Гайдар Е.Т.* Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб.: Норма, 2009.

2. *Безбородов А., Елисеева Н., Шестаков В.* Перестройка и крах СССР. 1985–1993, СПб.: Норма, 2010.

3. *Лопатников Л.И.* От плана к рынку. Очерки новейшей экономической истории России. СПб.: Норма, 2010.

4. История новой России. Очерки, интервью: в 3 т. СПб.: Норма, 2011.

5. *Гайдар Е.Т., Чубайс А.Б.* Развилки новейшей истории России. СПб.: Норма, 2011.

ЕСЛИ БЫ ПРЕЗИДЕНТОМ БЫЛ ТЫ

Для тех, кто хочет понять развилки новейшей истории России

Авторы-составители
П.С. Филиппов, Т.М. Бойко, В.Р. Берман

Оригинал-макет подготовлен издательством «Норма»
Редактор – Бойко Т.М.
Технический редактор – Фофанова Н.М.
Корректор – Капитонов Д.М.
Компьютерная верстка – Гургуца М.В.
Художник – Куршева Ю.Н.

ISBN 978-5-87857-223-1

Подписано в печать 01.10.2014. Формат 70x100/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч. печ. л. 34,83. Тираж 1000 экз. (дополнительный).
Заказ № 3343.

ЗАО «Норма»
192102, Санкт-Петербург, ул. Салова, д. 37
e-mail: or@peterlink.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В.О., д. 12/28
Тел. (812)323-5027